

Региональный общественный фонд
«Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ),
Московский городской педагогический университет

Ю.Г. Коргунок

**Становление партийной системы
в современной России**

Москва 2007

УДК 329(470+571)«1989/2003»
ББК 66.69(2)
К 66

Научный редактор

Профессор МГПУ, доктор исторических наук Е.И.Хаванов

Рецензенты

доктор исторических наук К.Г.Холодковский,
доктор политических наук В.Н.Лысенко,
доктор юридических наук С.Е.Заславский

Коргунюк Ю.Г.

К 66 Становление партийной системы в современной России. –
М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический
университет, 2007. – 544 с.

ISBN 5-902204-23-2

Предметом монографии является становление партийной системы современной России (1989–2003). В первой части (главы 1–3) российская партийная жизнь рассматривается с точки зрения её потенциального вклада в развитие теории партий. Основное внимание сосредоточено на трёх моментах: 1) организационное устройство партии в аспекте социальной связи, объединяющей её членов; 2) зависимость между содержанием партийно-политической борьбы и фундаментальными общественными конфликтами (размежеваниями); 3) классификация партийных систем и факторы, определяющие их состояние. Вторая часть (главы 4–8) посвящена развитию партийных систем в России до революции 1917 г. (глава 4) и в 1989–2003 гг. (главы 5–8). Анализируются конфигурация общественных конфликтов, лежащих в основе партийно-политической борьбы; процесс образования партий, ставших основными участницами политической игры; взаимоотношения между партиями и властью в контексте борьбы за влияние на формирование государственного курса страны.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Партийная система современной России как предмет интереса теории партий	9
Введение. Партия как система и как часть системы	9
Глава 1. Партия как организация	13
1.1. Партийная организация: эволюция и «деволюция»	14
1.2. Организационные формы и отношения представительства	21
1.3. Эволюция партийной организации с точки зрения социального представительства	30
1.4. Партийный опыт России и его вклад в понимание специфики партийной организации	44
Глава 2. Партии между обществом и идеями	52
2.1. Основные типы фундаментальных общественных конфликтов. Формула Липсета–Роккана: достоинства и недостатки	53
2.2. Общественные конфликты как стадии процесса модернизации	60
2.3. Общественные конфликты и партийные идеологии	69
2.4. Партийно-политическое поле России в его связи со структурой общественных конфликтов	76
Глава 3. Партии и власть. Партийные системы	84
3.1. Типы партийных систем	87
3.2. Факторы, обуславливающие состояние партийных систем	96
3.3. Российский опыт и его возможный вклад в развитие теории партийных систем	106
Заключение	113
Часть II. Российские партии и партийные системы: становление, функционирование, развитие	115
Глава 4. Партии и партийные системы России начала XX в.	116
4.1. Становление партийного спектра России: начало XX в. (до 1907 г.)	116
4.1.1. Доминирующие общественные конфликты дореволюционной России .	116
4.1.2. Основные политические партии России начала XX в.	122
4.1.3. Партийная система периода первой русской революции	132
4.2. Партии и партийная система России в промежутке между двумя революциями	134
4.2.1. Конфликты	135
4.2.2. Партии	136
4.2.3. Партийная система	146
4.3. Партии после февраля 1917 г.: от флуктуационной системы к однопартийной	148
4.3.1. Конфликты	148
4.3.2. Партии	150
4.3.3. Партийная система	152
Глава 5. Возрождение российской многопартийности: от однопартийной системы к флуктуационной (конец 1980-х – август 1991-го)	159
5.1. Общественные конфликты в Советском Союзе периода упадка	160
5.2. Протопартийные и партийные образования доавгустовского периода	163
5.2.1. Разложение КПСС	164
5.2.2. Становление новой многопартийности	170

ISBN 5-902204-23-2

© Коргунюк Ю.Г., 2007

5.3. Эволюция партийной системы доавгустовского периода	196
5.3.1. Выборы Съезда народных депутатов СССР	197
5.3.2. Расстановка сил на Съезде народных депутатов СССР	200
5.3.3. Выборы Съезда народных депутатов РСФСР	204
5.3.4. Фракционная борьба на Съезде народных депутатов РСФСР	209
5.3.5. Президентская кампания 1991 г. и первый этап V СНД РСФСР	221
Глава 6. Размежевания и партии 1990-х	226
6.1. Общественные конфликты 1990-х, их соотношение и взаимодействие	226
6.2. Партийное строительство 1990-х	233
6.2.1. Традиционалисты (коммунисты, «патриоты»)	234
6.2.2. Прогрессисты (либералы, социал-демократы)	254
6.2.3. «Третья сила» (центристы, «партия власти», державные популисты)	266
Глава 7. От флуктуационной системы к периферийной (1991–1999)	284
7.1. Флуктуационность в чистом виде. Между президентом и Съездом (1991–1993) ..	284
7.1.1. Второй этап V Съезда и VI Съезд. Первые разногласия. «Троецентрие» ..	287
7.1.2. VII Съезд. От «перетягивания каната» к открытой конфронтации ..	295
7.1.3. VIII и IX Съезды. Полное и окончательное размежевание	305
7.1.4. Референдум 25 апреля 1993 г. Развязка	314
7.2. От флуктуационности к периферийности. Госдума первого созыва (1994–1995) ..	319
7.2.1. Выборы	320
7.2.2. Расстановка сил	322
7.2.3. Бюджетные баталии	327
7.2.4. Вотум недоверия правительству	337
7.2.5. Исполнительная власть и изменение фракционной структуры Госдумы	340
7.3. Торжество периферийной системы. Госдума второго созыва (1996–1999)	343
7.3.1. Выборы	343
7.3.2. Расстановка сил	347
7.3.3. Президентские выборы 1996 г. и губернаторские кампании 1996–1997 гг. ..	351
7.3.4. «Негласный договор» между исполнительной властью и оппозицией	357
7.3.5. «Молодые реформаторы» и правительство С.Кириенко	362
7.3.6. Августовский кризис 1998 г. Создание «правительства думского большинства»	370
7.3.7. Попытка импичмента. Конец «правительства думского большинства»	374
Глава 8. От периферийной системы к псевдопартийной (конец 1999 г. – начало 2004-го)	381
8.1. Общественные конфликты на рубеже веков	381
8.2. Партстроительство в начале XXI в.	386
8.3. Трансформация партийной системы (2000–2004)	402
8.3.1. Парламентские выборы-99	403
8.3.2. Расстановка сил в начале работы Госдумы третьего созыва	404
8.3.3. Президентская кампания 2000 г.	407
8.3.4. Расстановка фракционных сил с весны 2000 г. по весну 2001-го	409
8.3.5. Создание центристского большинства в Думе и передел комитетов	416
8.3.6. Думская кампания 2003 г.	428
8.3.7. Переход парламента под контроль «Единой России»	431
8.3.8. Президентская кампания 2004 г.	432
Вместо послесловия	435
Примечания	443

Предисловие

Более полувека назад знаменитый французский политолог Морис Дюверже посетовал, что любой исследователь, стремящийся создать общую теорию партий, неизбежно попадает в порочный круг: с одной стороны, построение подобной теории требует «многочисленных и достаточно основательных» монографических работ, а с другой – «такие монографии не смогут быть по-настоящему глубокими, будучи созданы при полном отсутствии общей теории партий»¹.

Не то чтобы в середине XX столетия ощущалась нехватка монографий о политических партиях, да и в сфере общей теории тоже кое-что было сделано – доказательством тому труды самого Дюверже. Однако французский учёный был прав в главном: между теорией и эмпирическими исследованиями существовал очевидный разрыв. В партологии господствовал ползучий эмпиризм, и лишь немногие мэтры пытались навести мосты между двумя областями.

За последующие годы число опусов по теории партий увеличилось в геометрической прогрессии – об эмпирических изысканиях нечего и говорить. Тем не менее ламентации по поводу разрыва между теорией и эмпирикой не стихают² – и их нельзя назвать необоснованными. Количество статей и монографий по теории партий, а уж тем более по истории конкретных партий и партийных систем поражает воображение – но именно количество. Что касается качества, то книга М.Дюверже, которую автор скромно поименовал попыткой «хотя бы в общих чертах наметить первую общую теорию партий – пусть неточную, приблизительную и даже гипотетическую»³, явилась первым и остаётся единственным действительно фундаментальным трудом.

Спору нет, существенный вклад в разработку отдельных сторон теории партий внесли многие. Так, общепризнаны заслуги Джованни Сартори по классификации партийных систем⁴ и достижения Сеймура Липсета и Стейна Роккана в выявлении связей между конфигурацией партийных систем и электоральными размежеваниями (cleavages)⁵. Ряду исследователей мы обязаны анализом новейших тенденций в развитии партий и партийных систем, таких как размывание социальной базы ведущих партий, утрата ими чётких идеологических ориентиров (концепция т.н. «всеядных» – catch-all, – или электорально-профессиональных, партий⁶); «картелизация» партийных систем⁷ и пр. Однако расширение частных направлений не привело к заметному прогрессу теории партий в целом – трудно избавиться от ощущения, что последняя топчется на месте.

Не лучшим образом обстоят дела и с проникновением теории в эмпирические исследования. Как правило, всё сводится к «переводу» полученного фактического материала на язык той или иной концепции. Подавляющее большинство исследователей ограничивается тем, что подгоняет изучаемую реальность под готовые концептуальные схемы, не пытаясь обнаружить в них слабые места или поискать альтернативу.

Быть может, одной из причин длящегося (возможно, даже углубляющегося) разрыва между теорией и эмпирикой является преобладание среди нынешних теоретиков приверженцев т.н. кросс-национальных исследований. Разумеется, сравнительный анализ партий и партийных систем разных стран – неременный элемент любых теоретических размышлений. Но не стоит забывать и ценного наблюдения Козьмы Пруткова – нельзя объять необъятное. Можно быть хорошим специалистом по истории партий одной-двух, максимум трёх стран, но одинаково глубоко владеть материалом, охватывающим всё историческое и географическое пространство, не под силу даже самому гениальному уму. Рано или поздно перед исследователем встаёт дилемма: куда двигаться – вглубь или вширь? В первом случае рискуешь оказаться «подобным флюсу», во втором – превратиться в историографа, в знатока литературы о партиях, а не партий как таковых.

Сторонники кросс-национальных исследований выбирают второй путь, подменяя самостоятельную работу обзором того, что сделали до них другие. Этот обзор может быть сколь угодно обширным – импульс, придаваемый им развитию теории, не столь уж велик. Пример тому – «проект Джанды».

Профессор Северо-западного университета (штат Иллинойс, США) Кеннет Джанда собрал и систематизировал сведения о более чем 200 политических партиях, действующих в 53 странах мира (на 1980 год; в дальнейшем это число возросло). Однако как был собран и систематизирован такой колоссальный материал? К.Джанда бесхитростно признаёт, что поручал студентам и аспирантам заполнить вопросник, касающийся той или иной страны (специалистами по истории этих стран студенты и аспиранты, естественно, не являлись). Заполненные анкеты передавались экспертам-страноведам, и в соответствии с их замечаниями вносились исправления и дополнения⁸.

Никаких исследований в рамках «проекта Джанды» в общем-то не проводилось, и представляет он собой не что иное, как накопление данных и их предварительную систематизацию. Вывод, который на-

прашивается при просмотре результатов анкетирования, сводится, по сути, к тому, что партией может называться всё что угодно, – пользы для развития теории, прямо скажем, не густо.

Между тем создатели классических трудов по теории партий не просто были хорошо знакомы с литературой, но имели собственный опыт конкретно-исторических разысканий. Другими словами, они изучали именно партии, а не литературу о партиях. Так, судя по работе Моисея Острогорского «Демократия и политические партии», он основательно, на уровне источников, изучил историю основных партий Великобритании – в первую очередь Либеральной (его представление об американских партиях, вероятнее всего, позаимствовано из литературы, и они были ему интересны скорее в сравнительном аспекте). Роберт Михельс знал изнутри как минимум две партии – Социал-демократическую партию Германии и Итальянскую социалистическую партию. М.Дюверже не было равных в понимании подноготной французской политики (причём не только партийной). Дж.Сартори, внося усовершенствования в типологию партийных систем, опирался на опыт родной Италии⁹.

Иначе говоря, есть все основания полагать, что теоретиками этих учёных сделало не столько хорошее знакомство с литературой, сколько непосредственная исследовательская практика, поставившая перед ними такие вопросы, ответов на которые не давали уже существующие концептуальные схемы.

Примечательно, что среди классиков теоретической партологии почти нет американцев (если не считать С.Липсета, но и тот выступал в роли «младшего партнёра» С.Роккана) – и это при всём обилии монографической литературы по истории политических партий США. Дело тут, по-видимому, в «замыленности» взгляда американских исследователей: слишком многое в феномене партий они воспринимали как само собой разумеющееся, тогда как европейцы, встречая разного рода отклонения от «естественного» положения вещей, умели видеть проблему там, где американцы видели норму.

В сущности, каждый из классиков партологии сталкивался с неким нарушением ранее установленных правил: М.Острогорский расценил как такое нарушение необычайно жёсткую для того времени организационную структуру Либеральной партии; Р.Михельс – выход на политическую сцену централизованной массовой партии (в лице СДПГ); М.Дюверже – стремительный рост влияния Французской коммунистической партии; Дж.Сартори – отчётливые центробежные тенденции в партийной системе Италии. Литература

о партиях, конечно, дала им богатый материал для сравнения, но констатация проблемы, вне всякого сомнения, стала результатом попыток разрешить противоречия, возникшие при изучении партий одной-единственной страны. Знания, полученные «со стороны», лишь оттеняли содержание проблемы и подтверждали верность явившихся решений.

Не исключено, что рассмотрение обстоятельств, в которых происходило (и происходит) становление партийной системы современной России, послужит неплохой почвой для новых побегов теории партий. В нашей стране много такого, что не укладывается в привычные рамки и границы. Например, недоразвитость партийной системы при достаточно развитой многопартийности. Или феномен «партии власти» – устойчивой в целом и неустойчивой в частных проявлениях. Или общепризнанная слабость большинства партий, сочетающаяся со способностью «слабых» оказываться в решающие моменты эффективнее «сильных». Все эти несостыковки требуют адекватного объяснения, каковое возможно лишь при известном обновлении теоретических подходов.

Настоящая работа претендует на выработку обновлённых подходов. Насколько эти претензии правомерны, судить не автору. Книга состоит из двух частей: теоретической и исторической. В первой изложены коррективы к теории партий, сформулированные автором в процессе изучения современных отечественных партий. Во второй сделанные теоретические выводы используются в качестве каркаса концепции, с помощью которой проанализировано развитие российской многопартийности, и в частности становление в стране партийной системы.

Часть I. Партийная система современной России как предмет интереса теории партий

Введение. Партия как система и как часть системы

Не всякая организация, претендующая называться партией, является ею на деле. Но каковы критерии, с помощью которых можно отделить партии от непартий?

Не надо быть большим специалистом, чтобы отличить политическую партию, скажем, от кружка филателистов или банды наркоторговцев. Тем не менее многие минималистские определения партии крайне напоминают дефиницию «двуногое без перьев» применительно к человеку: возразить вроде бы нечего, но ясно, что упущено самое главное. Так, недостаток определения, предложенного К.Джандой, – «партия – это организация, ставящая целью проведение своих доверенных представителей на государственные посты (in government positions)»¹, – в чрезмерной абстрактности. Мало ли какая организация, допустим мафия, ставит целью провести своих представителей на государственные посты. Разве это делает её партией? То же самое относится и ко множеству других объединений. Трудно, например, не согласиться с утверждением, что «правающие организации в условиях авторитаризма, повстанческие армии и военные хунты не являются партиями, хотя все они борются за власть»².

Осознавая принципиальную ущербность минималистских определений, исследователи нередко дополняют их подробностями. Так, Дж.Сартори определил партию следующим образом: «любая политическая группа, имеющая официальное название (label), участвующая в избирательных кампаниях и способная с помощью выборов (свободных или несвободных) проводить своих кандидатов на общественные должности»³. Здесь, как видим, добавлена одна оговорка: что выборы могут быть свободными, а могут и несвободными, – и две детали: что партия всегда публично объявляет себя таковой и что она является именно политической группой.

Первая деталь, кроме своей чёткости, хороша тем, что не требует дополнительной расшифровки. Вторая, напротив, нуждается в уточнении – что конкретно подразумевает автор под термином «политическая группа». Сильная же её сторона заключается в отсылке к более общему понятию, вписывании партии в известный контекст. Как представляется, это единственный перспективный путь для вы-

работки краткого, но ёмкого определения партии. К.Джанда тоже пытался определить партию через вписывание в некий контекст, беда только в том, что этот контекст был недостаточно широким: стремление к овладению властными позициями – лишь частный момент политического процесса. Задача в том и состоит, чтобы описать партию, во-первых, как часть системы (не только партийной и не только политической, но и общественной; заметим, что каждый из этих уровней – партийная система, политическая, общественная – шире, чем предыдущий), а во-вторых, одновременно и как самостоятельную систему. Это весьма непросто: нужно в нескольких фразах уместить то, для разъяснения чего требуется не один десяток страниц. Но только на этом пути можно избежать вечно повторяющейся ситуации, когда авторы разными словами (как правило, позаимствованными из очередной модной концепции) пытаются выразить один и тот же смысл.

Определяя партию как часть системы, целесообразно выделить те функции, выполнение которых берёт на себя организация, претендующая на это звание (выполняет ли она их в действительности – уже другой вопрос). В своё время минимальный набор этих функций довольно удачно сформулировали Джозеф ЛаПаломбара и Майрон Винер. По их мнению, партии возникают везде, где политическая система достигает определённого уровня сложности, который предполагает либо участие масс в политике, либо контроль над массами со стороны власти. В соответствии с этим в любой стране – тоталитарной или демократической – партия 1) выступает как организатор общественного мнения и посредник, передающий требования общества в центр принятия государственных решений; 2) ставит перед своими последователями широкие общественные задачи; 3) рекрутирует активистов и выдвигает политических лидеров⁴.

Удачность данной формулировки в том, что она чётко отводит партии роль посредника между тремя «мирами»: «обществом» (в кавычки это слово берётся потому, что подразумевает не общественную систему в целом, а её «нижний» этаж, который принято называть населением или, в марксистской терминологии, «народными массами»), государством (миром политики), а также миром ценностей и идей (культурой). Причём партия – посредник активный: не простой агент, а субъект, представитель. Партии представляют общество и государство (политику) перед лицом мира ценностей и идей, общество и мир идей (ценностей) – перед лицом государства, мир идей (ценностей) и государство – перед лицом общества. В каждом случае

это представительство приобретает новую форму – в зависимости от того, что (кого) и перед кем (чем) партия представляет.

Так, представляя мир идей и ценностей перед лицом населения (общества), партии выполняют просветительскую функцию, донося до людей в упрощённой (зачастую примитивизированной, мифологизированной и попросту искажённой) форме некую сумму знаний о том, чем является общество, как оно устроено и куда движется.

Представляя общество перед лицом мира ценностей и идей, партии обозначают те болевые и ключевые точки, к которым притягивается общественный интерес. Борьба партий ведётся вокруг фундаментальных конфликтов, раскалывающих общество; она придаёт этим конфликтам политическое значение, актуализируя их в глазах обществоведов.

Представляя общество перед лицом государства (мира политики), партии являются проводником и выразителем чаяний, настроений, стремлений, ожиданий, бурлящих в «народной гуще», заставляют государство не игнорировать нужды и потребности общества. Одновременно они играют роль лестниц, по которым «выходцы из народа» поднимаются в средние и верхние этажи власти, – таким образом партии выполняют функцию политического рекрутирования.

Представляя государство перед лицом общества, партии побуждают «массы» мобилизоваться (интегрироваться), подтягивают их сознание до уровня общенациональных потребностей, заставляют почувствовать ответственность за собственное будущее. Одновременно, если взглянуть на функцию рекрутирования с обратной стороны, партии обеспечивают государству (и миру политики в целом) необходимый и непрерывно воспроизводящийся кадровый резерв.

Представляя мир ценностей и идей перед лицом государства, партии ставят последнему политические цели, придают деятельности государственного аппарата смысл и направление.

Представляя государство перед лицом мира ценностей и идей, партии конкретизируют поставленные цели, транслируют их из сферы теории в практическую область, переводят на язык законов, постановлений и программ.

С другой стороны, определяя партию как самостоятельную систему, необходимо рассматривать её как организацию, которая обладает собственной структурой и преследует собственные цели, причём сложившуюся не «естественным» (стихийным и случайным) путём, а созданную вполне «искусственно», т.е. добровольно и осознанно. Эта «искусственность» находит выражение, в частности, в том, что

цели партий, вне зависимости от того, преследуются ли они на самом деле или подобное преследование только имитируется, сформулированы в партийных документах (прежде всего уставе и программе), а сами эти документы имеют официально зафиксированный юридический статус. Партию, наконец, нужно рассматривать как союз людей, движимых собственными интересами и решающих собственные проблемы.

Итак, намерение дать партии системное определение упирается в необходимость предварительно описать целый ряд аспектов её деятельности – как внутренней, так и внешней. Мы начнём с рассмотрения партии как самостоятельной системы, т.е. организации, преследующей определённые цели, а затем перейдём к анализу её функционирования в качестве части политической и общественной системы, с каждым шагом расширяя контекст. В завершение, исходя из полученных выводов, мы попытаемся дать собственное определение партии. Будет ли оно одновременно и кратким, и системным, зависит от того, насколько точным и полным окажется предшествующий анализ.

Глава 1. Партия как организация

Партии, как уже было сказано, являются организациями, созданными искусственно, т.е. сознательно и целенаправленно, – но при этом их выход на историческую арену оказался незапланированным, даже неожиданным. Ни авторы многочисленных социально-философских трактатов XVIII в., ни создатели первых конституций не предвидели возникновения подобного института. Да и первые партии отнюдь не были встречены овациями. Об этом говорили сами названия «партия» или «фракция» (первоначально они были вполне взаимозаменяемы) – практически синонимы терминов «клика», «хунта», «клиентела», обозначавших группировки, которые искони бытовали и кормились возле власти.

Из околоставной свиты партии и фракции (в современной трактовке этих понятий) выделялись только те, что претендовали на выполнение общенациональных задач и были способны обеспечить преемственность некоторой политической линии. Дж.Сартори противопоставлял их – как «фракции принципов» – «фракциям интересов», обычным клиентельным группам, чьи устремления ограничивались преследованием узкой выгоды⁵. Недаром одно из первых определений партий, принадлежащее классическому консервативной мысли Эдмунду Бёрку, квалифицирует партию как «группу людей, объединившихся для того, чтобы совместными усилиями на основе разделяемых ими принципов обеспечивать общенациональный интерес»⁶.

Именно партии («фракции принципов») явились тем связующим звеном, которое обеспечило бесперебойную работу государственного механизма в условиях разделения властей и сделало возможным контроль представительной власти над властью исполнительной. Без партий доминирование второй над первой было бы неизбежным – представительные органы оказались бы не способны на элементарное единство действий, на преодоление стихийной игры индивидуальных волей. Там, где нет партий или где они слабы, исполнительная власть главенствует над парламентом, а бюрократия – над обществом.

По мере расширения избирательного права, в результате чего претендент на выборный пост уже не мог знать в лицо всех имеющих право голоса, возникла потребность во внепарламентских структурах, мобилизующих электорат. Эти внепарламентские структуры и стали основой собственно партий, а парламентские фракции превратились в их составную часть – причём далеко не всегда самую глав-

ную. Устройство данных структур, а также особенности их взаимоотношений с парламентскими фракциями и представляют предмет первоочередного внимания для всех, кто интересуется партией как самостоятельной системой, т.е. специфической организацией.

С организационной точки зрения эволюционный путь, пройденный партиями за два столетия своего существования, выглядит весьма причудливо. Были на этом пути и своего рода взлёты, когда внепарламентские структуры, прежде всего аппарат, безусловно доминировали над парламентскими фракциями. Были и периоды упадка, когда на первый план выходили парламентарии и прочие представители партий в органах власти. Нередкие в последние несколько десятилетий констатации упадка партий как института относятся именно к внепарламентским структурам.

Прежде чем разбираться, куда и как эволюционируют партии, окинем взором историю развития соответствующих организационных форм, и в частности то, как эта история отображалась в литературе.

1.1. Партийная организация: эволюция и «деволюция»

Партии в современном понимании – внепарламентские объединения, призванные способствовать победе кандидатов определённого политического направления, – порождение XIX века.

Автор первого крупного теоретического труда на интересующую нас тему – «Демократия и политические партии» (1902) – М.Острогорский изложил историю появления этих организаций на примере Великобритании: начал с Общества поддержки билля о правах (1769) и возникших под влиянием Великой французской революции обществ в защиту всеобщего избирательного права, затем перешёл к союзам за реформу избирательного законодательства, чартистскому движению, обществам регистрации избирателей и наконец добрался до «Кокуса» (1877) – Национальной либеральной федерации, т.е. Либеральной партии. Лишь во второй части своего труда он вернулся немного назад и обратился к истории американских партий, по образцу которых и был создан «Кокус», позаимствовавший у них своё название. Правда, по Острогорскому, история партий в Америке фактически началась в 30-х гг. XIX в., тогда как более поздние авторы, например Уильям Чэймберс, отсчитывали её с последнего десятилетия XVIII в. – с федералистов и джефферсоновских республиканцев⁷. Впрочем, ни одна из этих протопартий не конституировалась в качестве самостоятельной организации, поэтому можно сказать, что в организационном плане федералисты и респуб-

ликанцы так и не переросли рамки более-менее оформленных течений. Другой американский исследователь – Джон Олдрич – определил и тех и других как «партии во власти» (*parties-in-government*), а их главную цель – как отстаивание того или иного государственного курса⁸. Иными словами, в данном случае мы имеем дело не столько с партиями, сколько с фракциями – похожими на вигов и тори в британском парламенте XVIII в.

Но даже если отсчитывать историю американских партий не с федералистов и джефферсоновских республиканцев и не с джексоновских демократов, т.е. сторонников президента Э.Джексона (1830-е), как это делал М.Острогорский, а с выхода на сцену республиканцев А.Линкольна (1850-е) и формирования в США т.н. третьей партийной системы, сути это не меняет: Республиканская и Демократическая партии США, Либеральная и Консервативная партии Великобритании относились к одному типу партийных организаций – кокусному, или комитетскому. В середине XX в. М.Дюверже назвал их кадровыми партиями. Они не имели массового членства (британские партии – на начальном этапе), а состав их местных и региональных структур ограничивался узким кругом «боссов» («нотаблей», «уважаемых людей»), решавших, кого из кандидатов поддержать на выборах.

К концу XIX – началу XX в. появились новые организационные формы. Это, во-первых, массовые партии, наиболее яркий образец которых дали социал-демократические и социалистические партии Европы (прежде всего Социал-демократическая партия Германии). Во-вторых, т.н. непрямые партии, созданные не индивидуальными членами, а неполитическими объединениями (профсоюзами, кооперативами и пр.); характерный пример – Лейбористская партия Великобритании. Примечательно, что поначалу авторы, описывающие данные партии, не усматривали особой разницы между ними и партиями кокусного типа. Так, Р.Михельс, сосредоточившийся на исследовании социал-демократических и социалистических партий континентальной Европы, явно не считал существенным их отличие от партий буржуазных или «аристократических». Единственное, на чём он заострил внимание, – на том, что в то время как «аристократические» партии всё больше пропитывались демократическим духом, рабочие партии, декларировавшие крайние формы революционной демократии, проявляли очевидную склонность к концентрации власти в руках немногих⁹. Этот парадокс Михельс объяснил тенденцией любой организации к олигархии: чем крупнее партия, чем более разветвлён её аппарат, чем она богаче и т.п., тем менее эффек-

тивен прямой контроль со стороны рядовых членов над руководством и тем быстрее этот контроль вытесняется властью комитетов¹⁰.

Что касается непрямых партий, то этот феномен вообще не был удостоен того внимания, какого, на наш взгляд, заслуживает. На них смотрели как на боковую, гибридную ветвь эволюции партийных форм. Так, М.Дюверже определял непрямые партии как полумассовые, оговаривая нецелесообразность возведения этого понятия «в ранг какой-то третьей категории, противоположной двум первым (кадровые и массовые партии. – Ю.К.)»¹¹. Такой подход вряд ли оправдан, и непрямые партии следует рассматривать как явление не менее важное и интересное, нежели централизованные массовые партии.

К середине XX в. многообразие организационных форм политических партий достигло очередного пика. М.Дюверже разработал их развёрнутую классификацию, не только указав различие между прямыми и прямыми партиями и введя ставшее классическим деление последних на кадровые и массовые, но и выделив среди массовых партий целый ряд разновидностей. В основе каждой из этих разновидностей, согласно его классификации, лежит соответствующий структурный элемент: 1) территориальное подразделение, или секция; 2) производственное подразделение, или ячейка; 3) военизированное формирование, или милиция¹². Обозначая первый тип, М.Дюверже имел в виду прежде всего социал-демократические и социалистические партии, пример второго типа находил в коммунистических партиях, а к выделению третьего типа его подтолкнуло наблюдение за партиями фашистского, национал-социалистического толка.

Классификация, предложенная французским учёным, строится на определённом представлении о магистральном векторе организационной эволюции политических партий. Не в последнюю очередь этим представлением обуславливалось понимание непрямых партий как бокового ответвления, а массовых – как продвинувшихся дальше, чем кадровые. Недаром М.Дюверже оценивал структуру американских партий как архаичную – во всяком случае, на фоне партий европейских¹³.

Хотя концепция М.Дюверже получила широкое признание, американские исследователи встретили её со вполне понятным скепсисом. Так, Леон Эпштейн справедливо заметил, что М.Дюверже смотрит на американские партии «с европейской колокольни»: по его мнению, Дюверже задавал американским партиям европейские вопросы¹⁴. А это, с точки зрения Эпштейна, неправомерно, поскольку именно американские партии являются самыми старыми в мире

и опыт политического соперничества в условиях демократии у США больше, чем у Европы. Поэтому говорить о неразвитости американских партий нет никаких оснований: они менее организованны, но отнюдь не менее развиты – напротив, они более приспособлены к деятельности в условиях демократии¹⁵. В связи с этим, высказал убеждение Л.Эпштейн, не американские партии будут развиваться в направлении европейских образцов, а наоборот – европейские в направлении американских. По его мнению, появление новых видов СМИ, средств коммуникаций и пиар-технологий, а также широкое внедрение опросов общественного мнения требует таких затрат, какие не могут быть компенсированы членскими взносами или помощью добровольцев. А следовательно, в изменившихся условиях массовые партии не имеют преимуществ – их организационная структура неадекватна новым методам избирательных кампаний¹⁶.

Ситуация на момент выхода статьи Л.Эпштейна (1967) подтверждала правоту американского автора. Тенденция к снижению численности партий в ведущих странах Европы была уже очевидной¹⁷. Европейские партии постепенно американизировались. Причём не только в том, что касалось организационного устройства, но и в выборе целевой аудитории. Из ориентированных на определённые социальные классы и страты они неуклонно превращались во «всеядные». Первым это обнаружил Отто Киркхаймер, с лёгкой руки которого в политологический обиход и вошло понятие «catch-all party». Проанализировав изменения, произошедшие с основными партиями Европы, он выделил несколько обстоятельств, сопутствовавших их трансформации во «всеядные»: 1) радикальное сокращение идеологического багажа; 2) повышение роли лидерских групп; 3) снижение роли индивидуального членства; 4) ослабление привязки к определённым слоям электората; 5) усиление влияния групп интересов на партийную политику¹⁸.

Между тем наименование «всеядные» мало что говорит об изменениях в организационном устройстве партий. Да и сам О.Киркхаймер не рассматривал catch-all party в качестве новой организационной формы, он больше интересовался функционально-целевыми характеристиками партий. В его классификации, костяк которой был взят у Зигмунда Ноймана¹⁹, «всеядные» партии оказались в одном логическом ряду не с кадровыми и массовыми партиями, а с «партиями индивидуального представительства» и «партиями социальной интеграции». За первыми, конечно, легко угадывались кадровые партии, а за вторыми – массовые, тем более что Киркхаймер разрешал

себе некоторые вольности, используя термины «массовая партия» и «партия социальной интеграции» как синонимы. Но предметом его анализа была не специфика организационного устройства партий, а выполняемые ими функции. Тем не менее он зафиксировал и падение численности партий, и возрастание самостоятельности кандидатов на выборные должности.

Более адекватное наименование новому типу партии – учитывающее организационные особенности – дал итальянец Анжело Панебьянко. Отметив тенденцию к вытеснению партийной бюрократии профессиональными менеджерами и экспертами и, соответственно, ослабление политического влияния партийного аппарата, сведение его роли к сугубо технической²⁰, он предложил называть подобные партии электорально-профессиональными²¹. Согласно А.Панебьянко, от массовых партий данную разновидность отличает следующее: 1) переход партийного аппарата в руки профессионалов, наёмных менеджеров, решающих не политико-административные, а специализированные, технические задачи; 2) ослабление вертикальных связей внутри партии и обусловленное этим стремление апеллировать не к рядовым членам и сторонникам, а напрямую к общественному мнению, избирателям; 3) доминирование публичных политиков в партийной жизни, персонализация партийного руководства; 4) финансирование партийной деятельности не за счёт членских взносов и подконтрольных организаций, а за счёт поддержки со стороны групп интересов и общественных фондов²².

Бюрократия в электорально-профессиональных партиях, по мнению Панебьянко, перестаёт быть носителем политической власти – из «представительной» она превращается в «исполнительную», поскольку на её долю остаются лишь технические функции²³. Власть в таких партиях переходит к лидерам, а бюрократов в значительной мере сменяют разного рода специалисты, чья деятельность контролируется не только сверху, но и «сбоку», со стороны коллег – в соответствии с корпоративной этикой²⁴. В связи с этим партии, основу которых составляют профессионалы, проявляют отчётливую расположенность к децентрализации, противопоставляя себя тем самым массовым партиям с их развитым бюрократическим аппаратом²⁵.

Отличие же электорально-профессиональных партий от кадровых, считает А.Панебьянко, заключается именно в профессионализме. Нотабли – «несущие элементы» кадровых партий – представляли собой типичных «дилетантов», конвертировавших неполитические ресурсы в политическую власть. В современных партиях они продол-

жают сосуществовать с профессионалами, но уже не в силах обходиться без последних²⁶.

А.Панебьянко делал свои выводы на материале, относящемся в основном к 1970-м гг. Питер Мэйр, наблюдая эволюцию преобладающих форм партийной организации в 80-х – начале 90-х гг., отметил ещё ряд изменений, прежде всего – опережающий рост аппарата парламентских фракций по сравнению с собственно партийным аппаратом²⁷. Это, правда, вполне соответствовало выявленной ранее тенденции к переносу центра влияния от партийного аппарата к публичным политикам. П.Мэйр и его соавтор Ричард Кац усмотрели в этом тенденцию к ослаблению роли местных организаций (party on the ground) и центрального аппарата (party in the central office) при повышении роли представителей партии в органах государственной власти (party in the public office)²⁸. Данный «перекос» ещё более усиливался установившимся после Второй мировой войны в странах Западной Европы порядком финансирования партий – за счёт не только членских взносов и спонсорских пожертвований, но и государственных субсидий. Это, по мнению П.Мэйра, делало партии частью не столько гражданского общества, сколько государства²⁹.

Далее, П.Мэйр указал на складывание в партиях режима «стратархии», т.е. практически независимого сосуществования разных «слоёв» – центрального, регионального, местного³⁰.

Наконец, Р.Кац и П.Мэйр отметили ещё одну развивающуюся особенность в партийной жизни современной Западной Европы – «картелизацию»³¹. Суть её в том, что ведущие партии той или иной страны входят друг с другом в «картельный сговор» и делят места в парламенте, закрывая доступ туда прочим конкурентам. Однако введение П.Мэйром и Р.Кацем понятия «партия-картель» – как обозначения нового типа партийной организации – представляется не вполне правомерным: картелизация – это направление в развитии скорее всей партийной системы, нежели отдельных партий.

Как справедливо отмечали критики, прежде чем выделять «партию-картель» в особый организационный тип, необходимо более строго очертить её организационные характеристики и обосновать принадлежность этих характеристик именно данному типу³². Тех же признаков, которые вычленили П.Мэйр и Р.Кац, – стратархия и усиление аппарата парламентской фракции на фоне ослабления роли центрального аппарата и местных организаций – явно недостаточно для того, чтобы возвещать появление новой организационной формы. Если ограничиться только этими условиями, под определение

«картельной партии» подпадают многие партии XIX–XX вв., в том числе те, которые по уровню организованности не дотягивали даже до кадровых.

Кроме того, как и в случае со «всеядной» партией, концепция «партии-картеля» вносит путаницу в классификацию организационных форм политических партий. Оба эти понятия не имеют никакого отношения к собственно организационной стороне дела, поскольку соотносятся с функционально-целевыми характеристиками; оба они логичнее встраиваются в тот ряд, где уже есть «партия индивидуального представительства», «партия социальной интеграции», «партия тотальной интеграции» (З.Нойман)³³, «партия представительства», «мобилизационная партия» (Жан Блондель)³⁴ и пр.

Так что для обозначения изменений в организационных формах политических партий было бы целесообразнее поискать другие, более адекватные, термины. На наш взгляд, из всех появившихся в последние десятилетия определений, отражающих суть этих изменений, наиболее удачна формулировка «современная (обновлённая) кадровая партия» (*modern cadre party*), предложенная голландцем Рюдом Коле. Правда, сам Р.Коле присвоил это наименование некоему гибриду массовой и кадровой партии – организации массовой по форме и кадровой по содержанию: в партии доминируют лидерские группы, в первую очередь парламентская фракция, но они вынуждены считаться с низовыми отделениями и во многом подотчётны им; удельный вес членов партии по отношению к её электорату невелик, но институт индивидуального членства сохраняет своё значение как источник финансирования и рекрутирования кандидатов, да и вообще как гарантия поддержания организации «в тонусе»; структура массовой партии, с её вертикальными связями, также сохраняется, но больше «для имиджа» и в целом для обеспечения должной степени внутренней демократии³⁵. В любом случае тенденцию к деволуции – от массовой партии «назад» к кадровой – данный термин фиксирует достаточно чётко.

Таким образом, в развитии партийных организаций явно наметилось определённое возвратное движение. Достигнув в массовых партиях известного пика – по части наращивания численности и укрепления организационной структуры, эволюция как бы повернула вспять и «вспомнила» об «архаичных» формах. В этом плане кадровая партия (пусть и модернизированная) вовсе не последняя ступень – впереди просматривается «низведение» партии до уровня парламентской фракции, сопровождаемое атрофией внепарламентской структуры.

Любопытно, однако, что в то время как европейские партии обнаружили стремление к стратархизации, по отношению к американским партиям отмечалась противоположная тенденция: начиная с 1960-х гг. они стали более профессиональными, институционализированными, централизованными, лучше финансируемыми и унифицированными в общенациональном масштабе³⁶. Надо, впрочем, учитывать, что развитие американских партий стартовало с совершенно иных исходных позиций, нежели развитие партий европейских: со второй трети XIX в. и до середины XX-го они представляли собой конгломерат организаций, сформировавшихся на уровне штатов и графств³⁷. Можно сказать, что и американские, и европейские партии движутся к одному пункту, но с разных концов.

Уже хотя бы поэтому говорить о каком-то «регрессе» в развитии организационных форм политических партий Европы следует с величайшей осторожностью. Не стоит также упускать из виду, что при некотором внешнем сходстве «архаичных» и новейших форм их содержание разнится кардинально. Ведь партии нотаблей, а тем более первые парламентские фракции создавались в условиях ограниченного избирательного права и носили элитарный, закрытый характер. Современные кадровые партии имеют дело с массовым избирателем и в силу этого вынуждены быть гораздо более открытыми. Понять специфику произошедших изменений, оставаясь в рамках сугубо формального структурного подхода, вряд ли возможно. Более плодотворным представляется анализ зависимости организационного устройства партии от выполняемых ею общественных функций. А для этого нужно несколько расширить контекст и рассмотреть партию не просто как организацию, но как организацию общественно-политическую.

1.2. Организационные формы и отношения представительства

Как уже отмечалось выше, концепции «всеядной» партии и «партии-картеля» нарушают принцип классификации партийных организационных форм, поскольку основываются не на структурных, а функционально-целевых характеристиках политических партий. Если О.Киркхаймер такой путаницы избежал, сравнивая «всеядную» партию с «партиями индивидуального представительства» и «партиями социальной интеграции», а не с кадровыми и массовыми (и не его вина, что понятие «catch-all party» приобрело статус новой организационной формы), то П.Мэйр и Р.Кац, судя по всему, указанной разницей пренебрегают: «всеядная» партия и «партия-картель»

рассматриваются ими в одном ряду с массовой, а также кадровой (которую они к тому же часто называют элитарной, снова меняя принцип классификации и принимая за основу происхождение партии и характер её отношений со своими сторонниками и избирателями).

Разумеется, Мэйр и Кац проанализировали выделенные ими типы с точки зрения широкого круга критериев – достаточно взглянуть на таблицу «Типы партий и их характеристики»³⁸, – но, давая имена этим типам, они слишком вольно обошлись с единообразием классификации. Кроме того, формула «элитарная – массовая – “всеядная” – картельная», в которую они укладывают развитие организационных форм политических партий, грешит явной примитивизацией, так как не учитывает ни сложного характера этого развития, ни существования многочисленных побочных линий.

Как ни странно, почти никто из исследователей, по-видимому, не заметил возникшей в результате неразберихи. Более того, появились концепты, возводящие в принцип смешение разнообразных классификаций. Яркий пример тому – тезис о формировании нового поколения партий – т.н. постмодернистских: «Семейство этих партий разнообразно и чрезвычайно пестро. Это и картельные партии, и всеохватные, и электорально-профессиональные, и медиа-партии, и минимальные, и харизматические, и партии-бизнес-предприятия и т.д.»³⁹ – всё сметено в один винегрет. А ведь одна и та же партия может быть одновременно и картельной, и всеохватной («всеядной», catch-all), и электорально-профессиональной – эти характеристики не взаимоисключающие, поскольку описывают объект с разных точек зрения.

Причиной классификационной путаницы можно считать в том числе схематичность других, кроме организационной, классификаций политических партий – той же функционально-целевой (классификации по идеологическому или социальному признаку пока оставим в стороне). Дальше разбивки на «партии индивидуального представительства» и «партии социальной интеграции» (Нойман, Киркхаймер) дело не пошло. Ж.Блондель, отделяя «партии представительства» от «мобилизационных партий»⁴⁰, в общем и целом остаётся в рамках этой же схемы. При этом, правда, самые ранние партийные формы (по сути, парламентские фракции) он определяет как клиентельные. Но тем самым Блондель разрушает стройность классификации, внедряя в неё посторонний критерий – вид социальной связи, которая объединяет членов партии. А данный принцип требует совершенно иного логического ряда.

Этот ряд, применяясь к реалиям новейшей истории Центральной и Восточной Европы, попытался выстроить немецкий политолог Герберт Китшельт. Новые партии, возникшие в этом регионе на рубеже 1980–90-х гг., он подразделил на три типа: 1) харизматические, представляющие собой «немногим более чем неструктурированные массы людей, сплотившиеся вокруг лидера»; 2) клиентелистские, опирающиеся на персональный патронаж и материальное поощрение сторонников, от которых требуется не вера в идеологические цели, а лояльность; 3) программные, создаваемые для отстаивания идеалов «желаемого общества как коллективного блага»⁴¹. Партии первого типа, по Китшельту, неустойчивы и в конце концов либо исчезают с политической сцены, либо преобразуются в клиентелистские или программные⁴².

Как видим, в основу этой классификации положен характер социальной связи, объединяющей членов партии. Впрочем, название последнего типа партий, «программные», способно несколько увести в сторону, поскольку может рассматриваться и как основывающееся на функционально-целевых характеристиках, – поэтому лучше предложить ему замену, более чётко указывающую именно на вид социальной связи.

Кстати, американец Джон Ишияма раскритиковал классификацию Г.Китшельта, порекомендовав немецкому исследователю – в целях «уменьшения концептуальной неразберихи» – «...приложить максимальные усилия для глубокого ознакомления с существующей богатой литературой по политическим партиям, ...прежде чем создавать собственную регионально-специфическую терминологию»⁴³. Слов нет, знать труды коллег и предшественников не только полезно, но и необходимо. Другой вопрос, насколько безупречна в плане «концептуальной неразберихи» сама западная литература – ведь подавляющее большинство её авторов, включая и Ишияму, ухитрилось пропустить мимо внимания, что в результате введения понятий «всеядная партия» и «партия-картель» классификация организационных форм политических партий уподобилась посудной лавке после визита слона. Достоинство классификации Г.Китшельта хотя бы в наличии основополагающего принципа. Недостаток же её в том, что эта классификация носит чисто эмпирический характер – Китшельт, похоже, сам этого не осознаёт. Недаром в более поздней работе он добавляет к трём вышеуказанным типам четвёртый – парламентские фракции, или протопартии, не имеющие организационной структуры и не слишком долговечные⁴⁴; здесь исходный принцип

классификации игнорируется абсолютно, выдавая её сугубый эмпиризм.

Между тем именно вид формирующей партию социальной связи способен послужить тем ключом, который поможет дать ответ на вопрос, каким образом общественная природа партии влияет на её организационные, функционально-целевые и прочие характеристики. С одной стороны, внутренняя социальная связь обуславливается социальным обликом людей, определяющих «физиономию» партии, а с другой – от вида связи между людьми зависит, в какие организационные формы будет облечено их взаимодействие, какие цели они будут перед собой ставить, какими стимулами к объединению руководствоваться, какой способ представлять себя и остальных людей выберут и т.п.

Партия – это союз людей, добровольно и сознательно объединивших свои усилия для достижения общих целей. Однако и люди, и цели, и совместная деятельность бывают очень разные. Отсюда и пестрота партийной жизни, когда одно и то же название – «партия» – носят совсем не похожие друг на друга организации, нередко представляющие собой совершенно разные типы добровольных объединений. Что же это за типы? При желании таковых можно выделить сколько угодно, но мы остановимся на четырёх, различающихся характером целей, способами их достижения, приоритетами деятельности, стимулами к объединению⁴⁵ и, так сказать, качеством объединяемого «человеческого материала».

Самая примитивная форма добровольного объединения – это **клиентела**, сплотившаяся вокруг патрона, вождя. Цели, преследуемые её членами, имеют, как правило, исключительно корыстный характер, следовательно, стимулы к объединению являются сугубо материальными. В большинстве случаев клиентелы, стремясь к своей цели, не брезгают никакими средствами, поэтому приоритет данной формы особенно очевиден в тех областях человеческой деятельности, которые пребывают либо на грани, либо за гранью закона и морали. Клиентелы встречаются во всех слоях общества, но в наиболее чистом виде – в среде люмпенов, криминальных элементов и т.п. Вся власть в клиентелах принадлежит лидерам, и только они вольны представлять свои сообщества во внешнем мире. Поэтому типом представительства, более всего свойственным клиентелам, является *патронаж*.

Далее по степени развитости следует **иерархическая структура**. В каком-то смысле эту форму можно считать разросшейся клиенте-

лой, однако есть и серьёзные отличия от последней. Если связь между патроном и клиентом носит личный характер, то в иерархической структуре отношения между вышестоящей и нижестоящей инстанциями в значительной степени обезличены, функциональны. Конструкция иерархической структуры допускает возможность замены почти любого её звена, она достаточно независима от людей, её составляющих. В этом главное преимущество иерархической структуры перед клиентелой, существующей лишь до тех пор, пока дееспособен её стержень – патрон. В противоположность клиентеле, порядки в которой устанавливаются вожаком, иерархическая структура живёт по уставу. Этот устав предоставляет высшей инстанции наиболее широкие полномочия, но одновременно регламентирует, а значит, и ограничивает их.

Иерархические структуры наиболее эффективны в тех сферах деятельности, где необходима максимальная концентрация и слаженность усилий, что, в свою очередь, требует подчинения всех звеньев командам из центра. Идеальный пример такой сферы деятельности – война. Поэтому наиболее цельное воплощение иерархической структуры находит в армейской организации и государственном аппарате вообще, а оптимальный для неё человеческий материал поставляет бюрократия (чиновничество). Разумеется, государственный аппарат трудно отнести к разряду добровольных объединений, но люди, которые в нём работают (если это, конечно, не армейская служба по призыву), выбирают данное поприще сознательно и без внешнего принуждения. Что до негосударственных организаций, структура которых выстроена по иерархическому принципу (например, современные крупные фирмы), то членство в них носит безусловно добровольный характер.

В иерархических структурах хорошо развита система материальных поощрений; более того, возможность продвижения по её ступеням – сама по себе достаточно веский материальный стимул. Однако ни одно объединение подобного типа не может существовать без корпоративного духа, который тем сильнее, чем ярче обряжен в какие-нибудь идеологические одежды. Цель иерархической структуры – собственное благополучие, но для нормального функционирования ей необходима способность каждого её члена к некоторому самоотречению. Взаимодействуя со внешним миром, иерархическая структура нередко руководствуется моралью, которую принято называть готтентотской, так что по части разборчивости в средствах она не намного превосходит клиентелу, – но во внут-

ренной жизни требует строгого соблюдения корпоративного «кодекса чести».

Лидер в иерархических системах – это начальник, командир, подчиняющийся уставу. Он же, как правило, выступает от лица организации в отношениях со внешним миром. Но лидер иерархической системы может передоверять кому-либо свои полномочия (что нехарактерно для клиентелы), и такая практика весьма распространена. Следовательно, форма представительства в иерархических структурах имеет вид делегирования полномочий сверху вниз, или *командирования, командирства*.

Гражданскому союзу, в отличие от иерархической структуры, свойственна не вертикальная (господство–подчинение), а горизонтальная (равноправная) модель отношений. Члены гражданского союза, граждане, независимы друг от друга в силу своей относительной самодостаточности. Вместе они сходятся ради некоего общего дела, чётко отделённого от их частной жизни. Лидер гражданского союза – не патрон и не вышестоящая инстанция, а первый среди равных. Он не господствует, он пользуется полномочиями, делегированными ему снизу, точнее «сбоку». Своим согражданам он не покровитель и не начальник, он – *адвокат* их интересов во внешнем мире. Если жизнь клиентелы полностью зависит от произвола патрона, а жизнь иерархической структуры протекает в соответствии с уставом, спущенным сверху, то гражданский союз живёт по законам, выработанным самими гражданами. Причём у последних есть инструменты контроля за лидером – за тем, насколько добросовестно он следует установленным обща правилам. Среди этих инструментов – выборность должностных лиц, их регулярные отчёты перед собранием граждан и пр.

Если военная сфера – идеальная почва для произрастания иерархических структур, то гражданские союзы, наоборот, цветут пышным цветом на мирной ниве – в первую очередь там, где равные по положению стороны вступают в регулярные отношения. Наиболее благоприятной средой для гражданских отношений является рынок, а максимальную предрасположенность к данному типу отношений проявляют предприниматели, буржуа (точнее, «цивилизованная» их часть).

Вступление в гражданские отношения обусловлено, разумеется, перспективой взаимной выгоды, а стало быть, вполне материальным стимулом. Однако ключевым здесь следует считать не столько слово «выгода», сколько «взаимная». Это значит, что граждане добровольно берут на себя обязательство не ущемлять интересов друг друга –

таким образом, на первый план выходят соображения солидарности. Что же касается тех направлений деятельности гражданских союзов, которые обращены вовне, то в этой области приоритет мотивов солидарности вообще бесспорен: материальная выгода для граждан – дело скорее личное, в публичной сфере главенствуют общие интересы, распознать и обозначить которые призвано присущее каждому члену сообщества чувство гражданского долга (если оно не присуще, такой человек обычно становится членом другого сообщества), а осознанный гражданский долг оформляется в определённую идеологию, сильнее или слабее «насыщенную» (в зависимости от конкретных исторических условий).

Как и клиентелы и иерархические структуры, гражданские союзы защищают интересы только своих членов. Существуют, однако, объединения, чья цель – отстаивание интересов общества в целом. В такие организации собираются люди, для которых абстрактные идеи имеют не только не меньшую, но и намного большую ценность, чем материальная выгода и соображения солидарности. Наиболее подходящее определение для подобного рода организаций – **клубы единомышленников**. Объединяют они прежде всего интеллигенцию и по своей структуре являются ещё более «горизонтальными», нежели гражданские союзы. Отношения внутри клубов равноправны настолько, что последние, в сущности, лишены чёткой организационной структуры. Их лидеры очень часто не являются даже формальными руководителями, поскольку стремятся представлять не столько собственные организации, сколько всё общество, в том числе те его слои, которые не способны постоять за себя самостоятельно. Поэтому основная сфера деятельности таких объединений – *правозащита*, ходатайство за общество в целом и обиженных и обделённых в частности. Это тоже своего рода адвокатура, осуществляемая, однако, абсолютно бескорыстно. От патронажа правозащиту отличает то, что она не предполагает установления личной связи между защищающим и подзащитным, а кроме того, подразумевает скорее отстаивание фундаментальных прав, нежели непосредственное предоставление материальной помощи нуждающимся. Наконец, между командирской и правозащитной функциями разница в том, что правозащитники никем не командуют – если они кого-то куда-то и ведут, то исключительно увлекая собственным примером.

В структуре практически любой состоявшейся партии содержатся элементы всех четырёх типов добровольных объединений, причём эти элементы, как правило, не распределены равномерно по партий-

ному организму, а в неодинаковых пропорциях сконцентрированы в различных его частях. Так, связи между партийными вождями и их «свитами» («командами», приверженцами) имеют прежде всего клиентелистский характер; партийный аппарат – средоточие иерархических отношений; корпус идейных сторонников, включая значительную часть рядовых членов, наделяет партию признаками клуба единомышленников и создаёт возможность для выдвижения на первый план в партийной иерархии интеллектуальных лидеров («теоретиков») и для образования идейных течений, платформ и фракций. Наконец, гражданские отношения представляют собой нечто вроде кровеносных сосудов, пронизывающих всё партийное «тело», которые, с одной стороны, питают его энергией, а с другой, обеспечивают определённый уровень автономии и самостоятельности различных его органов, не давая им отмереть за ненадобностью. Только высокая развитость гражданских связей способна уберечь партию от всевластия вождей, диктата партаппарата и опасности вырождения в псевдорелигиозную секту. И именно дефицит гражданственности приводит к гипертрофии какого-либо «органа» (свиты вождя, аппарата, догматиков-идеологов) и доминированию в партии соответствующего типа отношений: клиентельных – в лидерских партиях⁴⁶, иерархических – в централизованных массовых (особенно коммунистических) и т.п.

Известную роль в формировании партийных типов играют и отношения с избирателями, в ходе общения с которыми партии могут выступать в разных ипостасях.

Так, П.Мэйр и Р.Кац классифицировали отношения между партиями и избирателями следующим образом. Кадровые (элитарные) партии выступают в роли доверенных лиц, опекунов, покровителей (trustee), массовые – делегатов, которым гражданское общество передаёт свои полномочия, «всеядные» (catch-all) – брокеров, которые, конкурируя между собой, предлагают обществу посреднические услуги во взаимодействии с государством; наконец, партии-картели, в значительной степени отделившиеся от общества и ставшие частью государства, являются, по сути, агентами последнего⁴⁷.

Эта схема представляется не совсем удовлетворительной по нескольким причинам. Во-первых, кадровые партии отнюдь не всегда исполняют по отношению к избирателю преимущественно опекунскую роль. Например, американские партии с самого начала больше походили на брокеров (а точнее, адвокатов), чем на покровителей. Во-вторых, в понятие «массовые партии» П.Мэйр и Р.Кац включили

как централизованные, так и не очень централизованные организации – и социал-демократические, и коммунистические, и фашистские, и даже некоторые либерально-консервативные. А в них делегирование может осуществляться разными способами – и снизу вверх, и сверху вниз, и вообще «вбок».

Наконец, catch-all party и партия-картель – это скорее идеальные типы. Вряд ли найдётся хоть одна действительно влиятельная партия, о которой можно с уверенностью сказать: перед нами «всеядная» партия в чистом виде, брокер, которому всё равно, чем торговать. Что же касается картелизации, то партия – это по определению картель, и именно против попыток партий монополизировать сферу публичной политики в своё время страстно протестовал М.Острогорский. С тех пор стремление партий «картелизовать» политическую жизнь шло рука об руку со стремлением общества не допустить такой монополии. Может быть, в последние десятилетия в Западной Европе процесс интеграции партий и государства и впрямь зашёл весьма далеко, но полное срастание первых и второго – это сюжет совершенно другой пьесы – той, которую мы наблюдали в СССР и странах «социалистического блока»; вряд ли нечто подобное грозит современному Западу.

Поэтому сформулированная в данном параграфе концепция несколько отличается от предложенной П.Мэйром и Р.Кацем. Согласно нашей концепции, партия может выступать в роли патрона, командира, адвоката или правозащитника. Конечно, выполнение той или иной роли далеко не всегда жёстко привязано к какой-либо конкретной организационной форме. Так, и кадровые, и массовые, и электорально-профессиональные партии могут выступать по отношению к избирателю и как патрон, и как адвокат. Роль командира больше всего походит массовым партиям, но не заказана и кадровым. Правозащитная функция изначально присуща партиям клубного типа, но закрепились и за многими массовыми, нередко с нею успешно справляются и партии электорально-профессиональные.

Тем не менее определённая взаимная зависимость между внутренним устройством партии и её отношениями с избирателями прослеживается чётко. Если в партии установилась жёсткая иерархия, то, скорее всего, она (партия) будет пытаться командовать и своим электоратом. Культ вождей обыкновенно получает распространение не только внутри лидерских партий, но и за их пределами. Точно так же идеологическая партия требует стойкости в убеждениях не только от собственных членов, но и от более широкого круга сторонников.

Какие отношения возобладают в конкретной партии и кем она предстанет по отношению к избирателю, зависит от многих факторов, главными из которых можно считать следующие: 1) доминирующий в партии тип самоорганизации, не в последнюю очередь задаваемый её социальным составом; 2) социальная дистанция между избираемыми и избирающими – партией и электоратом, а также между лидерами и рядовыми партийцами; 3) уровень политической активности и самостоятельности как избирателей, так и членов партии.

С первым фактором всё понятно. Люмпены не могут, да и вряд ли пожелают создать ассоциацию интеллектуальных клубов, а интеллигенция и буржуазия – плохой материал для строительства иерархической структуры.

Вторым фактором обуславливаются предпосылки для наращивания массы партийного организма. Отсутствие значительной дистанции между ведущими и ведомыми или, наоборот, существование между ними непроницаемой границы мало способствует возникновению массовых партий. А вот промежуточный вариант – когда ведущие и ведомые стремятся к объединению в одно целое, но разделяющая их социальная дистанция, тем не менее, сохраняется – оптимален для разрастания партийного «тела».

Наконец, от третьего фактора зависит, насколько та или иная партия подвержена влиянию своего социального окружения и, следовательно, насколько жёсткой или, напротив, рыхлой будет её внутренняя структура. Низкий уровень политической активности избирателей и сторонников влечёт за собой ужесточение структуры партии, высокий – её размывание.

Рассмотрим теперь с этой точки зрения эволюцию организационных форм политических партий.

1.3. Эволюция партийной организации с точки зрения социального представительства

Избранная нами система координат предполагает два предельных случая: 1) низшая степень социальности: партия представляет собой клиентелу, ведущие и ведомые отгорожены друг от друга высокими социальными барьерами, активность и самостоятельность избирателей и рядовых членов партии исчезающе малы; 2) высшая степень социальности: партия представляет собой клуб единомышленников, различия между ведущими и ведомыми не социальные, а личностные, избиратели и рядовые члены партии в целом самостоятельны и принимают активное участие в политической жизни.

В этом плане первые протопартии – а особенно фракции – отнюдь не выглядят социально неразвитыми. Дистанция между избирающими и избираемыми в них невелика – более того, она не носит социального характера. Избиратель, может быть, не так уж активен, зато самостоятелен в своём выборе, поэтому избираемый им депутат является по отношению к нему скорее адвокатом, чем покровителем. Члены фракции, избираясь в парламент исключительно собственными силами, независимы друг от друга, а значит, в принципе равноправны. Их связывают вполне гражданские отношения, что препятствует превращению фракции в заурядную клиентелу. От последней фракцию отличает также определённая идейная общность, сплачивающая её членов – как минимум, на первых порах. В дальнейшем идейная общность может исчезнуть, но это поставит под сомнение существование фракции в таковом качестве, поскольку сделает проблематичным её дальнейшее воспроизводство.

Расширение избирательного права создаёт предпосылки для появления внепарламентских политических организаций, т.е. собственно партий. Но оно же увеличивает дистанцию между избирающими и избираемыми, причём к различиям личностным добавляются и социальные. В первых американских протопартиях объединялись сливки общества – не только Федералистская, но и Республиканская партия Т.Джефферсона по своему социальному составу были элитарными организациями⁴⁸. Рядовые избиратели – фермеры, торговцы, ремесленники – с почтением взирали на «отцов республики», обладавших значительно более высоким социальным статусом (хотя разница была не столь велика, как в случае с английским аристократом и английским фермером). В связи с этим социальная роль избираемых определённым образом менялась: они выступали уже не только как адвокаты, но и в какой-то мере как покровители (особенно федералисты). Однако это покровительство было достаточно условным – в повседневной жизни избиратели никак не зависели от избираемых, и материально-корыстные причины на их выбор не влияли. А политическая активность «низов» даже возросла – в первую очередь это коснулось республиканцев, обладавших значительно более разветвлённой, чем у федералистов, сетью региональных комитетов⁴⁹. Комитеты же формировались не из звёзд первой величины, а из добровольных помощников – выходцев из самой избирательской гущи⁵⁰.

Отношения между представителями той или иной партии в Конгрессе мало отличались от отношений между членами фракций британского парламента. Конгрессмены были самостоятельными поли-

тиками, которые добились своего статуса благодаря собственным усилиям – при некоторой помощи избирательных комитетов – и поэтому не слишком озабочивались фракционной дисциплиной. Помимо тактических и лоббистских соображений их объединяло сходное понимание общенациональных интересов – другими словами, стимулы идейного свойства. Постепенный уход федералистов с политической сцены свёл данные стимулы на нет и тем самым предопределил фактический распад оргструктур Республиканской партии.

Новая волна партстроительства в США, связанная с выходом на сцену демократов Э.Джексона, заметно изменила суть партийного процесса. Дж.Олдрич охарактеризовал Демократическую партию как первую национальную партию, опиравшуюся на массы (mass-based), укоренённую в массах, добивавшуюся их поддержки и мобилизовавшую их на участие в выборах⁵¹.

Идеологическим знаменем джексоновских демократов стало возвращение власти от элиты к народу, однако изобретённый для реализации этой цели инструмент – спойл-система (система «дележа добычи») – очень быстро обрёл самодовлеющее значение и вызвал заметную клиентелизацию внутрипартийных отношений, выразившуюся в резком усилении роли боссов и возглавляемых ими «машин». Спойл-система привлекала в партию новых членов обещанием «добычи» – должностей в исполнительной власти, которых во времена Джексона насчитывалось около 10 тыс., а к концу XIX в. – около 300 тыс.⁵²

Партийная борьба, таким образом, становилась разновидностью предпринимательской деятельности, практически не имевшей идейной основы, зато требовавшей концентрации усилий, разделения обязанностей и известного единоначалия. Лидер партийной организации (босс) приобретал вследствие этого функции покровителя и командира (по отношению к членам своей команды), не утрачивая при этом адвокатской функции, каковую он продолжал выполнять по отношению к избирателям. Боссы и сплотившиеся вокруг них «ринги» вытеснили из политики почти не связанных друг с другом нотаблей. К 1840 г. оформить свои организационные структуры были вынуждены и соперники демократов – виги (как и демократы, они вели происхождение от джефферсоновских республиканцев – той их части, которая именовала себя «национальными республиканцами»)⁵³.

Максимального расцвета «боссизм» достиг в последней трети XIX в., во времена т.н. третьей партийной системы, когда и среди республиканцев, и среди демократов партийные боссы «прибрали

к своим рукам власть, сравнимую с властью промышленных и финансовых магнатов в бизнесе»⁵⁴. Боссы подчинили своему влиянию национальные партийные конвенты, на которых они в узком кругу согласовывали кандидатов на пост президента – как правило, ими оказывались либо «тёмные лошади», либо те, «кто не был в рядах национальной политической элиты»⁵⁵.

Тем не менее власть боссов не выходила за определённые пределы. Во-первых, босс не располагал абсолютными рычагами давления на членов своей команды: максимум, что он мог, – лишить их своего покровительства. Но для последних это не было особой трагедией: у них оставалась возможность примкнуть к другой команде, а в крайнем случае заняться чем-нибудь ещё, кроме политики. Во-вторых, дистанция между партийными организациями и избирателями была меньше, чем между избирателями и беспартийными нотаблями. Но самое главное – избиратели не зависели от боссов и могли безбоязненно отказывать им в доверии. В-третьих, американский избиратель к тому времени обладал достаточным опытом самоорганизации и был способен оказать успешное сопротивление поползновениям нотаблей или боссов монополизировать власть. Среднестатистический американец обычно состоял сразу в нескольких сообществах не политического характера, часть из которых выбирал сознательно и добровольно (клубы, ассоциации, лиги противодействия повышению налогов, пошлин и тарифов и пр.).

Борьбу против засилья боссов американцы вели как внутри партий (течение магвампов в Республиканской партии 1870–80-х гг.), так и вне их – в рамках гражданских лиг и федераций, описанных ещё М.Острогорским⁵⁶. Наконец, стремление не допустить монополизации политической жизни иногда выливалось в попытки партстроительства на новом месте, которые, правда, почти всегда заканчивались неудачей (исключение составила созданная в середине XIX в. Республиканская партия, но её появление на свет – это отдельная история, связанная с такой специфической проблемой США, как рабовладение). Однако даже неудачные попытки заставляли две главные партии прислушиваться к согражданам. Кроме того, был введён институт первичных выборов (праймериз), вовлекший избирателей уже в предварительный отбор кандидатов. Всё это привело к тому, что начиная с рубежа XIX–XX вв. роль боссов и «машин» становилась менее значительной, а роль избирателей и отдельных кандидатов – напротив, более. Благодаря этому в деятельности американских партий всё дальше на задний план отходили функции

покровителя и командира и всё увереннее выдвигалась вперёд функция адвоката.

Иначе говоря, американские партии, которым М.Дюверже приписывал архаичность, отнюдь не были таковыми с точки зрения социального представительства. В них всегда присутствовало сильное гражданское начало, чего не хватало более «современным», по мнению французского исследователя, массовым партиям Европы – особенно коммунистическим и фашистским. Классическим примером социальной архаичности являются скорее латиноамериканские партии второй половины XIX – первой половины XX в. Основную часть избирателей в странах Латинской Америки составляли крестьяне-арендаторы, находящиеся в полной зависимости от крупных латифундистов, кланы которых и формировали костяк двух главных партий – как правило, консервативной и либеральной (принадлежность к той или иной нередко передавалась по наследству). Здесь избирающих и избираемых разделяла настоящая пропасть – переход из первой категории во вторую был практически невозможен. Избиратели в своём большинстве не проявляли даже минимальной политической активности, а на выборах голосовали под диктовку латифундиста-патрона. Да и сами партии были устроены по «семейному», клановому, т.е. клиентельному, принципу (хотя даже в этом случае клановая структура партий – результат позднейшей «институционализации»; на первых же порах размежевание на консерваторов и либералов было вполне идейным). Другими словами, социальной архаичностью отличались партии тех стран, основу электората которых составляли крестьяне. При этом чем сильнее последние зависели от арендодателей, тем архаичнее были партии, нередко полностью терявшие партийный облик и превращавшиеся в конгломераты клик, кланов и клиентел. Такие партии в литературе и называют соответственно – клиентельными⁵⁷.

По сравнению с подобными образованиями массовые партии действительно выглядят продуктом прогресса. В них дистанция между избирающими и избираемыми, ведущими и ведомыми перестала быть непреодолимой: постепенно открывались отдушины, через которые представители «низов» просачивались в верхние слои. Росла и политическая активность рядового избирателя – от совершеннейшего нуля к некоей положительной величине. Отношения же представительства в массовых партиях носили достаточно сложный и неоднозначный характер.

Массовые партии – городской феномен. Их зарождение прямо связано с индустриализацией и появлением рабочего класса, с одной стороны, и развитием социалистической идеологии, с другой. Недалеко создателями первых массовых партий были именно социалисты (социал-демократы), объявившие себя защитниками интересов рабочего класса. Весьма показательно, что при становлении массовых социалистических партий идеология играла куда более важную роль, чем при создании партий кадровых – либеральных и консервативных. «Эмбрионом» почти каждой социалистической (социал-демократической) партии являлся интеллектуальный кружок, клуб единомышленников, состоявший в основном из интеллигентов. Огромное множество таких кружков кануло в Лету, так и не превратившись во что-то серьёзное. Противоположный результат имел место, только когда им удавалось оседлать встречное движение снизу. Если это происходило, дальнейшее зависело от того, кто составлял социальную базу новообразованной партии.

Так, Социалистическая партия Франции (Французская секция Второго Интернационала – Section Française de l'Internationale Ouvrière, SFIO), которую М.Дюверже привёл в качестве типичного примера массовой партии секционного типа⁵⁸, в начале своего пути не могла похвастаться непосредственными связями с рабочим движением (на рубеже XIX–XX вв. последнее контролировалось преимущественно синдикалистами) и, пользуясь наибольшим авторитетом в сельских районах, представляла собой, по оценке А.Панебьянко, гибридную структуру: наполовину массовая партия (в городской части), наполовину парламентская партия нотаблей со слабым центральным аппаратом и обладающими высокой степенью автономии региональными и межрегиональными отделениями⁵⁹. А вот Социал-демократическая партия Германии, изначально имевшая неоспоримое влияние на рабочих, напротив, являла классический образец централизованной массовой партии.

Но в любом случае интеллигентское происхождение социалистических (социал-демократических) партий накладывало на них свой отпечаток. Их лидеры выступали по отношению к избирателю прежде всего как правозащитники, а по отношению к рядовым членам партии – как просветители, воспитатели, т.е. в роли, в которой функция покровительства была тесно переплетена с функцией правозащиты. По мере роста партийных рядов, и в первую очередь их «орачивания», по мере выдвижения на руководящие посты выходцев из рабочего класса, эти функции отходят на второй план, уступая

место функции командирской. Вступает в действие отмеченный Р.Михельсом «железный закон олигархии»: нити управления партией сосредотачиваются в руках немногих. И причиной тому – слишком большая социальная дистанция между вождями и рядовыми партийцами. Конечно, эта дистанция не статусна, она объясняется недостатком у рабочих образования, чем, в свою очередь, обусловлен низкий уровень их управленческой компетентности. Но факт остаётся фактом. Именно дефицит компетентности рядовых членов, именно трудности, которые выходцу из рабочих приходится преодолевать по пути вверх, – основная предпосылка обрастания партии громоздким, иерархически структурированным аппаратом. Характерно при этом, что чем более «пролетарским» по своему составу является аппарат, тем ярче выражено в нём иерархическое начало, тем больше ступеней насчитывает иерархическая лестница. Пролетаризация аппарата способствовала формированию партийной бюрократии, для которой овладение властью в партии превращалось в главную, а иногда и единственную цель.

Далее, политическая активность рабочего класса, более высокая по сравнению с никакой активностью крестьянства, – залог успеха партии в деле наращивания массового членства, являвшегося поначалу едва ли не единственным источником финансирования партийной деятельности: в конце XIX – первой половине XX в. социал-демократические партии жили почти исключительно на членские взносы. От уровня активности рабочих и, самое главное, от их способности к самоорганизации в немалой степени зависело также, какие формы принимало партстроительство. Так, если в стране к моменту активизации социалистических кружков уже существовало развитое профсоюзное движение, то классическая массовая партия в данной части политического спектра могла и не сложиться.

Например, в Великобритании социалистические общества долго бились над созданием мощной рабочей партии, но создали её именно профсоюзы, и именно профсоюзы на протяжении многих десятилетий определяли курс лейбористов и контролировали отбор кандидатов на выборные должности. Высокий уровень самоорганизации рабочего движения обусловил, таким образом, и специфику Лейбористской партии – она возникла не как централизованная массовая партия, а как партия непрямая.

Во Франции в последнее десятилетие XIX в. также имелись профсоюзы – пусть и не такие развитые, как в Англии. Но они

находились под влиянием синдикалистов, категорически не желавших вовлекать рабочих в политическую деятельность⁶⁰. Отсюда полуинтеллигентский, «мелкобуржуазный» характер Социалистической партии и, как следствие, – довольно аморфная структура SFIO, схожесть её в этом плане с «буржуазными» кадровыми партиями⁶¹.

В Германии же не кто иные, как социал-демократы выступили инициаторами создания профсоюзов, а затем десятки лет держали их под своим контролем⁶². Отсюда высокая степень централизации СДПГ, мощь её аппарата. Участие рабочих в политической жизни осуществлялось под зорким партийным присмотром, а их стремление к самоорганизации неукоснительно направлялось в нужное партии русло.

Но если секционное устройство социалистических (социал-демократических) партий всё же побуждало рабочих к самостоятельным действиям – необходимо было как минимум посетить собрание по месту жительства, потратив часть свободного от работы времени, – то коммунисты постарались и эту активность свести к минимуму. Они явились к своим подопечным прямо на рабочее место, избрав в качестве базового звена для партии производственную ячейку. От рабочих требовалось только слушать и исполнять спускаемые сверху указания.

Последствия подобной организационной модификации не заставили себя ждать. Выборы руководства, которыми и в социал-демократических партиях верхи научились довольно ловко манипулировать, у коммунистов и вовсе превратились в имитацию – в результате организационным структурам был придан вид типичной иерархической вертикали. Почитание вождей, отмеченное Р.Михельсом у социалистов, в компартиях переросло в культ личности, так что эти партии приобрели явные черты клиентел. Наконец, если социалистические партии продолжали выступать отчасти правозащитниками, отчасти покровителями, а отчасти и адвокатами, то у коммунистов все эти функции почти целиком заместились функцией командирской и лишь со временем восстановили своё значение. Коммунистические партии намного более бюрократизированы, чем социалистические, и бюрократизация их тем сильнее, чем ниже культурно-образовательный уровень партийных «низов».

Что касается массовых партий нелевой ориентации, то, как давно уже признано, их возникновение во многом было реакцией на «угрозу слева». Таким образом правый фланг попытался противопоста-

вить организационной мощи организационную же мощь. Массовая мобилизация «буржуазными» партиями своих сторонников привела, однако, к увеличению социальной дистанции между лидерами и рядовыми членами, что весьма усилило покровительскую роль, исполняемую первыми по отношению ко вторым, и сообщило ей элемент командирства. Вместе с тем вся предыдущая история партий этого сектора, прочность гражданских традиций, социальная неоднородность членского состава, значительная доля представителей среднего класса и отсутствие зависимости «низов» от «верхов» придали подобным объединениям смешанный характер: они сочетали признаки как кадровых, так и массовых партий. С одной стороны, в них более-менее строго соблюдалась партийная дисциплина, регулярно проводились собрания и взимались членские взносы, а с другой, в партии сохранялось доминирование парламентской фракции, аппарат не был политически самостоятельным, выполняя чисто технические обязанности, а региональные отделения пользовались высокой степенью автономии от центра. Как писали Р.Кац и П.Мэйр, эти партии выглядели массовыми только по форме, на практике же они продолжали функционировать как «независимые парламентские партии»⁶³. Типичный образец такой организации – Консервативная партия Великобритании⁶⁴.

Несколько иной вариант – массовые партии, создававшиеся на конфессиональной основе (католические, протестантские, христианско-демократические). На проводимый ими курс и формирование их руководящих органов, а также на отбор кандидатов в органы власти большое влияние оказывали религиозные общины. В силу этого структура таких партий содержала ряд элементов непрямой организации. Но в целом им были присущи те же черты, что и британской Консервативной партии: доминирование парламентской фракции над аппаратом, автономность региональных отделений, прочные гражданские традиции и т.д.

Наконец, совершенно особый случай – фашистские партии. В «нормальной» ситуации они так и остались бы маргинальными полулюмпенскими образованиями. Однако в условиях глубокого общественного кризиса, дискредитации парламентского режима, деморализации буржуазии и среднего класса, агрессивного давления со стороны коммунистов, декларирующих намерение насильственным путём захватить власть, им удалось выдвинуться на авансцену.

Фашистские партии – ярко выраженные клиентелы. Культ вождей, завуалированный у коммунистов, в фашистских организациях

принимает полностью легитимный характер. В отличие от всех остальных партий фашисты открыто отрицают демократические (гражданские) традиции и так же открыто провозглашают насилие лучшим способом решения общественных проблем. При этом социальная дистанция между фашистскими лидерами и рядовыми партийцами, между партией и обывателями (термин «избиратели» тут не всегда подходит, «граждане» не подходит вообще) минимальна. Мало того, наблюдается своего рода социальная инверсия: на первые роли выходят персоны с выраженными признаками асоциального поведения.

Что касается активности членов социума, то она в определённой степени востребована, но одновременно поставлена партией под жёсткий контроль: всякая несанкционированная общественная самодеятельность не только не поощряется, но, напротив, сурово карается. Фашисты напрочь отвергают адвокатскую функцию и тем более правозащитную, признавая лишь роль покровителей и – в первую очередь – командиров. Командиры же ведут солдат известно куда – в бой. Туда и повели свои страны фашисты везде, где оказались у власти. Тем самым они приблизили собственный конец, оставив без ответа вопросы: возможна ли дальнейшая эволюция фашистских режимов и куда она способна привести. Если возникновение прочих массовых партий было каким-никаким, но прогрессом (в предыдущем состоянии основная часть населения попросту выключена из политической жизни), то триумфальное шествие фашистских партий – показатель явной деградации общества, утраты им социального иммунитета.

Упадок массовых партий наступил тогда, когда они фактически выполнили своё главное предназначение – социализировали и приобщили к политическому процессу миллионы новых членов гражданского общества, добились воплощения в жизнь их важнейших требований (применительно к левым партиям – это обеспечение социальных гарантий для наёмных работников, защита их прав перед работодателями). Начиная с этого момента широкие массы избирателей уже намного меньше нуждались в покровителях, не говоря уже о командирах. Их потребность в корпоративном сплочении также изрядно поубавилась, что нашло отражение в снижении численности не только партий, но и неполитических объединений – профсоюзов, кооперативов, страховых касс и пр. Даже возрастающее недоверие к партиям как институту свидетельствовало о возрастании самостоятельности избирателя. Его уже не так просто было построить в ко-

лонну и повести за собой. Избиратель «демобилизвался», он перестал быть солдатом – он стал гражданским лицом. Его труднее увлечь, вдохновить; в отношениях с партиями он всё меньше чувствует себя соучастником и всё больше – пресыщенным покупателем, требующим у продавца показать что-нибудь новенькое.

Такой избиратель – идеальный объект для «всеядной» (catch-all) тактики. Следовательно, и партия как аналог военной машины – с многочисленным офицерским и сержантским корпусом, жёсткой дисциплиной, постоянными поверками, учениями и строевыми упражнениями – утрачивает своё былое значение. Ей на смену приходят мобильные компактные службы, по структуре напоминающие коммерческие фирмы, а ещё точнее – брокерские конторы. Офицеры уходят в отставку, на их место приходят менеджеры. Аппарат теряет политический вес, превращаясь в чисто техническое подразделение. Идеи на таком рынке – товар невостребованный; там в ходу рекламные лозунги. Избиратель хочет не воевать, а потреблять, он хочет быть похожим на «звёзд». Отсюда персонализация политики, усиление роли лидеров и прочих кандидатов на выборные должности.

«Всеядность» партий, таким образом, – естественная реакция на «демобилизацию» и политическую инертность избирателя в условиях достаточно высокого уровня гражданских связей. Партии, как назойливые коммивояжеры, стараются всучить свой товар людям, которые никак от них не зависят и которым нет до них дела. Между избирателями, лидерами, аппаратом устанавливаются гражданские отношения, лишённые иерархичности, клиентельности и идейной близости и оттого более всего напоминающие отношения между агентами рынка.

В своём чистом виде «всеядная» партия нигде не утвердилась хотя бы потому, что её торжество знаменовало бы полное упразднение политики – за ненадобностью. Избирателю-потребителю, не интересующемуся тем, что происходит за дверями его дома, не нужны ни выборы, ни участие в управлении обществом. Поэтому «всеядную» (электорально-профессиональную) партию правильнее рассматривать как идеальный тип. Реальные субъекты политической игры продолжают сохранять ядро верных идей сторонников, а благодаря им – и остатки организационных структур (зафиксированный Р.Колле феномен модернизированной кадровой партии).

Вытеснение электорально-профессиональными партиями прочих организационных форм не могло стать абсолютным также в силу того, что рост гражданского иммобилизма был лишь одной из тенденций в

общественно-политической жизни Запада 1960–1970-х гг., к тому же отнюдь не всегда господствующей. Параллельно с ней прослеживалась и другая. Новое поколение граждан – наряду с желанием свести к минимуму свою зависимость от жёстких форм социальной организации – ощущало и возрастающее стремление к самостоятельному участию в политике. Положение, при котором они передавали некой инстанции право принимать за себя решения, устраивало их всё меньше и меньше. Избиратель хотел сам принимать участие в отборе кандидатов, причём на всех уровнях – от местного до общенационального. Отсюда и отмеченные исследователями стратификация партийной жизни, расширение практики первичных выборов (праймериз), наделение рядовых членов партии всё большими правами, организация референдумов по наиболее важным вопросам партийной жизни (включая избрание руководящих органов), регулярное проведение опросов с целью выяснить, чем рядовые члены недовольны в деятельности партии и что они хотели бы изменить, и т.п.

С точки зрения отношений представительства – постепенно сходит на нет покровительская и командирская функции партий, сокращается адвокатская, зато существенно возрастает значение функции правозащитной. Партия всё больше принимает форму широкого клуба, члены которого озабочены в первую очередь защитой интересов общества в целом, в т.ч. тех его отделов, обитатели которых не способны защитить себя сами. Показательный пример такого рода – Демократическая партия США, имеющая стойкую репутацию «партии защиты меньшинств» – «наиболее слабых статусных групп»⁶⁵. Но, хотя демократы пользуются поддержкой большей части этих меньшинств – от этнических до сексуальных, ядро сторонников партии составляют всё же представители благополучного большинства, которые, руководствуясь в немалой степени альтруистическими побуждениями, отстаивают не только свои, но и чужие права. Вполне естественно поэтому, что в деятельности демократов ярче выражена правозащитная функция, в то время как у республиканцев на первом месте по-прежнему адвокатская: во главу угла они ставят интересы твёрдо стоящих на ногах налогоплательщиков, а не ограниченных в возможности самостоятельно защитить себя бюджетополучателей.

Вообще, тенденции, которые в партийной жизни Западной Европы проявились лишь в 60-х гг. XX столетия, политическая практика США демонстрировала ещё в начале века, а некоторые из них были свойственны ей изначально. Так что следует согласиться с Л.Эпстейном – это европейским партиям пришлось и во многом ещё придётся

американизироваться, а не американским европеизироваться. Отсутствие фиксированного партийного членства и чёткого базового электората, децентрализация партийной жизни, а самое главное – более активное участие избирателей в отборе кандидатов на выборные должности, в т.ч. в формате праймериз, – всё это, по-видимому, будущие черты ведущих европейских партий. (Единственное, что, судя по всему, американским партиям предстоит перенять у европейских, – некоторая реидеологизация партийной политики.)

Ко всему перечисленному партии подталкивает постепенный выход на первый план правозащитной функции, а также актуализация такой партийной организационной формы, которую можно назвать **многоуровневым клубом**.

Каковы основные характеристики этой формы? Американец Дуэйн Марвик, изучая территориальные организации республиканцев и демократов Лос-Анджелеса конца 1960-х – начала 1970-х гг. выделил и в той, и в другой партии три ключевых структурных компонента: 1) представители партии в органах власти и кандидаты на выборные должности; 2) компактный партийный аппарат сугубо технического предназначения; 3) сеть свободно организованных добровольных политических клубов, практически свободных от контроля со стороны центра (за исключением необходимости отчитываться о расходовании выделяемых средств), живущих самостоятельной жизнью и проводящих избирательные кампании фактически по собственному усмотрению⁶⁶. По оценке Д.Марвика, участники клубов весьма активны, инициативны; многие из них не прочь заняться партийной деятельностью профессионально, но как раз в этом качестве и не востребованы⁶⁷. Именно этот третий компонент – сеть добровольных политических клубов – допустимо определить как собственно партию – многоуровневый клуб. Сюда же можно отнести голосующих на первичных выборах, а также завсегдаев политических дискуссий в интернете. Все вместе они образуют «тело» данной организационной формы, увлечённо и бескорыстно – «за идею» – участвуя в политической жизни страны, причём нередко сразу на нескольких уровнях: общенациональном, региональном, местном.

В принципе, многоуровневые клубы, как и электорально-профессиональные партии, в зачаточном виде обнаруживаются и на более ранних этапах развития. Американские партии середины XIX в. – демократы, виги, республиканцы – представляли собой свободные ассоциации «зонтичного» типа и включали в свой состав самый широкий спектр организаций местного (графство) и регионального

(штат) уровня⁶⁸. Да и многие европейские партии в момент своего возникновения, приходившийся, как правило, на период того или иного общественного подъёма, во многом повторяли данную структуру и лишь в периоды спада приобретали более «традиционную» кокусную форму. Американские же партии в такие времена вообще превращались в «машины», чьим главным отличием от прототипов электорально-профессиональных партий было сосредоточение власти непосредственно в руках нотаблей (боссов) и подчинённая роль разного рода «профессионалов».

Для того чтобы электорально-профессиональная партия и многоуровневый клуб сделались более заметными на фоне других организационных форм, должны были не только появиться новые средства массовой коммуникации, но и существенно ослабеть социальные связи «естественного» свойства – этнические, конфессиональные, классовые и т.п. Должна была сложиться ситуация, когда, по выражению Дж.Олдрича, партия воспринимается не как стоящая выше своих членов, а именно как сообщество этих самых членов⁶⁹.

При этом если электорально-профессиональная партия – продукт гражданской «демобилизации» и широкого распространения СМИ с односторонней связью (телевидение, радио и пр.), то многоуровневые клубы расцветают на почве общественного подъёма, притока в политику «любителей»⁷⁰, роста политической активности населения и развития средств коммуникации с обратной связью (в первую очередь интернета). Есть все основания полагать, что в будущем именно эти две организационные формы вступят в энергичное соперничество друг с другом, и в зависимости от переживаемой фазы гражданской активности (упадок или подъём) на первый план будет выходить либо первая, либо вторая.

Яркий образец такого соперничества дала, к примеру, президентская кампания 2004 г. на Украине, где на стороне В.Януковича выступали электорально-профессиональные структуры, а на стороне В.Ющенко – многоуровневые клубы. Эта кампания убедительно продемонстрировала преимущества последнего типа организаций перед первым, что и обусловило исход выборов. Однако общественные подъёмы кратковременны – периоды затишья гораздо продолжительнее. Поэтому своё превосходство клубы быстро уступают электорально-профессиональным партиям – зачастую в результате трансформации первых во вторые, как это, в частности, было в постсоветской России.

Впрочем, тенденцию к доминированию «новейших» типов партий и вытеснению ими остальных не следует абсолютизировать. «Традиционные» формы отнюдь не намерены сдаваться без боя – они наверняка постараются адаптироваться к изменившимся условиям. Не надо также забывать, что те или иные организационные формы лучше приживаются в одних сегментах общества и хуже – в других. Так, партии, ориентированные на рабочих, сравнительно легко становились массовыми, тогда как ориентированным на средний класс это удавалось труднее. Военизированные формирования (милиция) непринуждённо возникают в люмпенизированной среде и категорически несовместимы со средой интеллигентской. Примеры можно продолжать. Тенденция к стиранию граней между левыми и правыми партиями, как и между классами или стратами, разумеется, налицо, но она не столь уж победительна. Различия скорее смягчаются, нежели исчезают в принципе. А значит, организационным формам политических партий ещё долго будет свойственно разнообразие.

1.4. Партийный опыт России и его вклад в понимание специфики партийной организации

История российской партийной жизни началась более столетия назад и шла весьма извилистым путём. Два десятилетия «почти как у людей», т.е. как в Европе, далее семь десятилетий однопартийной диктатуры, а затем всё сначала – и при этом по прошествии пятнадцати лет никаких впечатляющих результатов: партии до сих пор второстепенный игрок на политической сцене, уступающий во влиянии не только бюрократии, но и лоббистским группировкам. Вместе с тем было бы неправильным утверждать, что опыт отечественной партийной жизни не способен предоставить для теории партий ничего интересного. Напротив, его «неудачность» как нельзя лучше помогает выявить в существующих концептуальных построениях слабые места и обратить внимание на те моменты, которым раньше не придавалось особого значения.

Прежде всего, российский опыт явственно обозначил клубную природу политической партии, поскольку в этом опыте главную роль играли те качества из всех свойственных партии, которые делают её объединением единомышленников, воодушевлённых некой идеей, проектом общественного устройства. Российская партийная жизнь изначально была сильно идеологизирована. Если в Западной Европе первые партии выросли из парламентских фракций или были образованы по инициативе неполитических организаций (профсоюзы,

кооперативы, церковь и др.), то в России «инкубатором» для них послужили идейные кружки, или, как их называл М.Дюверже, «общества мысли»⁷¹. Недаром социалистические партии, практически везде в мире возникшие из подобного рода кружков, в России не только стали первыми независимыми от государства политическими организациями, но и прочно закрепили за собой роль лидеров общественного движения – они быстрее других росли, активнее привлекали новых членов и успешнее проникали во все слои населения. Да и либеральные партии в России, в отличие от Западной Европы, родились как чисто идеологические проекты и лишь затем, после выборов в Государственную думу, обзавелись собственными парламентскими фракциями.

Эта особенность партийной жизни дореволюционной России существенно облегчала задачу классификации партий: достаточно было одной шкалы – идеологической. Справа помещались монархисты, слева – социалисты (социал-демократы), посередине либералы; между тремя основными цветами находилось место и оттенкам. Предложенная марксистами схема, распределявшая российские партии согласно «социальному происхождению», просто давала им другие названия: монархические становились дворянско-помещичьими, либеральные – буржуазными, социал-демократические и социалистические – либо рабочими («правильные»), либо мелкобуржуазными («неправильные»). В принципе же идеологическая и социальная классификации накладывались друг на друга почти без зазоров.

Партийная жизнь современной России поначалу тоже не давала повода усомниться в исчерпывающем характере идеологической классификации. До августа 1991 г. основной тон в политической борьбе задавало противостояние коммунистов и демократов. Новые партийные образования, которые пытались выйти за его рамки, в любом случае не покидали идеологического поля – будь то «демократические левые» (социалисты), национал-патриоты или «державники».

Выход на сцену в послеавгустовский период «объединённых право-левых оппозиционеров» – коалиции коммунистов, с одной стороны, и национал-патриотов и «державников», с другой, практически не нарушил монополии идеологического подхода. Основу политической интриги по-прежнему составляло противостояние двух идеологически полярных сил: либералов и антилибералов. И только неожиданный успех на думских выборах 1993 г. Либерально-демократической партии России, а затем кристаллизация феномена «партии власти» («Наш дом – Россия», «Отечество», «Единство», «Единая

Россия» и пр.) выявили серьёзные лакуны в идеологической схеме. Попытки вписать эти партии в идеологическое пространство выглядели не очень убедительно.

Так, ЛДПР пристраивали, вопреки титульной ориентации партии, то в национал-патриотический, то в «державнический» лагерь, но её лидер В.Жириновский мог в любой момент смешать все карты, например выступить с какой-нибудь либертарианской инициативой, вроде легализации лёгких наркотиков, и тут же потребовать смертной казни для наркораспространителей. С некоторых пор такую идеологическую разнузданность, рассчитанную на привлечение максимального числа избирателей, принято обозначать термином «популизм». Однако столь всеобъемлющая всеядность заставляет задуматься: а есть ли у сторонников партий, подобных ЛДПР, хоть какие-то убеждения и целесообразно ли рассматривать эти организации как союзы единомышленников – может быть, они формируются на иной основе?

То же самое и с «партией власти». В зависимости от специфики момента различные её реинкарнации относили то к правому центру, то к левому, то к центру вообще. Однако свойственная поведению «партии власти» «гибкость» каждый раз ставила под сомнение даже такие соотнесения, и без того невнятные. В каждой конкретной ситуации «партия власти» делала то, чего от неё хотела власть, – и этим всё сказано. Ни о каком союзе единомышленников речи здесь не идёт.

В обоих случаях мы имеем дело с другим типом объединения – с клиентелой. Просто ЛДПР пример вполне однозначный, а «партия власти» – не вполне. «Партия власти» – это клиентела (точнее, конгломерат клиентел), чей центр управления находится вне её – в руках влиятельных чиновников, которые, придавая ей политический вес, сами никоим образом от неё не зависят. «Партия власти» подобна луне, которая светит не своим, а отражённым светом.

Появление такого рода образований заставляет взглянуть на политические партии под иным углом – не как на идеологические проекты, а как на продукт политической активности различных слоёв населения. Конечно, это довольно тривиально, если учесть, что марксизм с самого начала классифицировал политические партии исходя из того, интересы каких классов они защищают. Однако в марксистской интерпретации каждая идеология была жёстко привязана к определённому классу, а потому идеологическая и социальная классификации практически совпадали. В последние десятилетия XX в. связь между социальной базой политических партий и их идео-

логией (во всяком случае, на Западе) в значительной степени размылась. К моменту возрождения российской многопартийности – рубеж 1980–1990-х гг. – она и вовсе растворилась. Назвать коммунистические партии рабочими, а либеральные буржуазными не поворачивался язык хотя бы потому, что коммунисты не пользовались влиянием среди рабочего класса, а либералы не могли опереться на буржуазию по причине отсутствия таковой.

Стало ясно, что рассуждениям о социальной природе российских партий нужны новые опорные пункты. Иначе говоря, «человеческое наполнение» тех или иных организаций следует рассматривать с точки зрения стратификации не столько общества в целом, сколько его политически активной части, и прежде всего политической элиты⁷². Например, начало проступать понимание, что специфика поведения демократических (либеральных) партий обусловлена их интеллигентской природой, идейная неразборчивость ЛДПР – её люмпенской сущностью, бесцветность и безыдейность, а также умеренность и аккуратность «партии власти» – её чиновничьим естеством. Та же чиновничья суть даёт о себе знать и в деятельности Компартии РФ, декларативная непримиримость которой к «антинародному» режиму ничуть не мешает коммунистам чутко применяться к политической конъюнктуре с максимальной для себя выгодой. Другое дело, что костяк организационных структур КПрФ составляют чиновники вчерашнего дня, чей «золотой век» остался во времена застоя и воспринимается теперь как недостижимый идеал – отсюда и выраженный идеологический характер Компартии. Эта идеологизированность, однако, не такая уж священная корова: её холят и лелеют, когда она даёт молоко, т.е. голоса на выборах, но ею легко жертвуют, когда власть предлагает за мясо сходную цену – в виде уступок лоббистского характера.

Ещё одна особенность партийной жизни современной России заключается в специфике положения Коммунистической партии РФ – единственной в стране централизованной массовой партии. Все остальные партобразования лишь имитируют эту организационную форму, КПрФ и правда является таковой – по крайней мере, являлась в 1990-е гг., когда у неё были сотни тысяч реальных, а не внесённых для галочки членов, развитая иерархическая структура и первички едва ли не в каждой деревне. Компартия РФ жила и в значительной мере продолжает жить «регулярной политической жизнью», причём по уставу, а не по воле вождя. Последнее обстоятельство не вызывает сомнений – с учётом того, что в КПрФ отсутствуют

не просто крупные, но и вообще сколько-нибудь яркие политические лидеры. Крупные (или считающие себя такими) фигуры в Компартии никогда надолго не задерживались, очень часто используя её как трамплин в политической карьере. КПРФ же спокойно с ними прощалась, не терпя особых убытков от их ухода.

Нельзя сказать, что прочие объединения не пытались взрастить структуру массовой партии. Ещё как пытались, тем более что этого фактически требует принятый в 2001 г. закон о политических партиях. Впрочем, даже если бы и не требовал, попытки всё равно не прекратились бы – в силу инерции политического мышления: «настоящая» партия – только централизованная массовая, тогда как все остальные организационные формы – лишь отклонение от нормы. Но, несмотря на старательное копирование внешности массовой партии, по характеру внутренних отношений почти все российские партии, кроме КПРФ (и чисто формально – «Единой России»), лишены присущих этому типу признаков, прежде всего большой численности и разветвлённой сети организаций. По характеру же социальных уз, связывающих их членов, это либо клиентелы (конгломераты клиентел), либо клубы единомышленников (ассоциации клубов), либо гибрид того и другого.

Казалось бы, КПРФ, будучи единственной в стране «настоящей» партией, должна безраздельно царить на политической сцене. Однако за всю историю своего существования Компартия не выиграла ни одного решающего сражения в борьбе за власть, и пресловутая организационная мощь ей не помогла. Более того, есть основания полагать, что выпавшие на долю КПРФ успехи (как-никак в 1996–1999 гг. она фактически контролировала Государственную Думу), не связаны ни с её массовостью, ни с наличием густой организационной сети. Доказательством тому – пример московской организации КПРФ, самого крупного регионального отделения партии. Насчитывая более 20 тыс. членов (для сравнения: Союз правых сил в 2003 г. в масштабах всей страны имел не более 23 тыс.), до введения пропорциональной системы на выборах в городскую думу (декабрь 2005 г.) она ни разу не смогла провести в МГД ни одного депутата.

Наконец, неудача КПРФ на парламентских выборах 2003 г. окончательно развеяла представление о разветвлённых оргструктурах как о гарантии электоральных побед. В ходе этой избирательной кампании организационная мощь не столько помогала, сколько мешала Компартии, лишая её тактической гибкости. В частности, упорное нежелание руководства КПРФ согласиться на создание реального,

а не фиктивного избирательного блока с потенциальными союзниками во многом объяснялось верой в отсутствие реальных конкурентов в левой части политического спектра. Не видя здесь ничьих, кроме собственных, массовых структур, лидеры Компартии искренне не понимали, зачем им делиться влиянием с деятелями, за которыми не стоят сколько-нибудь заметные партийные силы. Следствием этой негибкости явился выход на политическую арену избирательного блока «Родина» – образования, безусловно, рыхлого и неоднородного, но сумевшего увести у коммунистов значительную часть избирателей. То, что у «Родины» не было серьёзных организационных структур, имело не только минусы, но и плюсы – лёгкая на подъём и не связанная никакими обязательствами, она могла свободно ловить конъюнктуру момента. Громоздкая и неповоротливая КПРФ такой возможностью не располагала: массы сторонников требовали от своих вождей клятв в верности идеалам прошлого, в то время как основная часть протестного электората выказывала явную усталость от «советского традиционализма».

Так что тезис о слабости отечественных политических партий – при всей его справедливости – не тождествен утверждению, что если бы все они обладали такой же организационной структурой, как КПРФ, то дела обстояли бы совершенно иначе. Политические партии России слабы потому, что проигрывают в политическом влиянии бюрократическим кланам и лоббистским группировкам, а не потому, что в них мало членов. Их ахиллесова пята – та же, что и у общества в целом: неразвитость гражданских отношений. В том, что российские партии не являются иерархическими структурами, ничего страшного нет: американские партии никогда таковыми не были, однако это не мешало им быть серьёзной политической силой – не в последнюю очередь потому, что американские партии это гражданские союзы, действующие среди других гражданских союзов. У российских же партий признаки гражданских союзов еле заметны, и действуют наши партии в среде, в которой гражданские отношения тоже почти не развиты. В известной степени к гражданским союзам близки партии либеральной направленности и, как ни странно, Компартия РФ (правда, в основном на уровне первичек). Но вот кто на них совсем не похож – это ЛДПР и «партия власти»: тут первое и последнее слово за патроном (патрончиками). Провал либералов и коммунистов на думских выборах 2003 г., равно как и успех клиентелистских образований, – одновременно и поражение гражданских начал в российской партийной жизни.

Наконец, российский опыт ценен ещё и тем, что здесь на практике «обкатана» модель партии как многоуровневого клуба⁷³. Речь идёт прежде всего о движении «Демократическая Россия». По существу, ДР была всероссийской ассоциацией клубов, каждый из которых одновременно входил и в какую-нибудь политическую партию (по уставу «ДемРоссия» не могла иметь индивидуальных членов). Причём эти клубы участвовали в жизни ДР не только на местном, но и на более высоких уровнях, включая общенациональный, чему способствовали как современные средства связи, так и развитые СМИ, прежде всего электронные. Превосходя в мобильности, гибкости, контактности, да и просто в популярности своего соперника – окостеневшую махину КПСС, «демороссы» выигрывали сражение за сражением, даже будучи в меньшинстве в органах власти.

То, что впоследствии «ДемРоссия» исчезла с политической сцены, говорит лишь об одном – она исполнила своё предназначение. В этом плане ДР была сродни многочисленным общественным движениям позапрошлого века в Великобритании и США, выступавшим за реформу избирательного законодательства, снижение тарифов, принятие Хартии и пр. Другое дело, что «Демократическая Россия» ставила перед собой задачи, которые сближали её не столько с общественными движениями, сколько с политическими партиями, – изменение государственного строя, переход от политической монополии к политической конкуренции. Выполнив эти задачи, «ДемРоссия» утратила объединяющую цель, а заодно и многоуровневость, рассыпавшись на куски. Последние не раз пытались вновь соединиться, но восстановить былое единство так и не удалось – слишком разнились взгляды инициаторов относительно дальнейших целей, а также методов их достижения.

К тому же в условиях резкого падения популярности демократов выгоднее оказалось не объединяться, а наоборот – вовремя отмежеваться от ответственности за издержки реформ. Какова цель, таковы и методы, а значит, и формы организации. Стремление извлечь выгоду из конъюнктуры привело к тому, что даже в демократических партиях на первый план всё больше выходили не идеи, а вожди и что союзы единомышленников всё более очевидно превращались в клиентелы, а многоуровневые клубы – в электорально-профессиональные «машины». Характерный образец – «Яблоко» Г.Явлинского, сделавшее своей главной целью политическое выживание и сохранение сложившихся отношений между партийным лидером и его ближайшим окружением. Другой пример – Союз правых сил, в момент

создания (1999) представлявший собой многоуровневый клуб – блок множества организаций либеральной ориентации, а к следующим выборам выродившийся в типичную «избирательную машину».

Нет сомнений, что перспективы российской многопартийности напрямую связаны с развитием гражданских отношений – как в обществе в целом, так и в партиях в частности. Какой вид примут партийные организационные формы, в точности предугадать невозможно, однако совершенно ясно, что укрепление клиентельного либо иерархического начал будет ни при чём – клиентелизм ведёт не к усилению, а к ослаблению партийного влияния; для иерархических же структур в нашем обществе, по всей видимости, закончился подходящий «человеческий материал». Зато сложились условия для возрастания роли клубного начала, в том числе для появления новых многоуровневых клубов.

В этом смысле положение по сравнению с концом 1980-х гг. улучшилось хотя бы в том, что к прежним средствам массовой коммуникации добавились новые, в первую очередь электронная почта и интернет, благодаря которым живущие в разных концах страны (а иногда и вне её) единомышленники получили возможность общаться в режиме реального времени. Конечно, соответствующие многоуровневые клубы пока не превратились во влиятельных политических игроков, но причина не в пассивности их участников, а в неопределённости общественной ситуации. В конце 80-х было понятно, кто кому противостоит, оставалось лишь принять ту или иную сторону. Сейчас, в начале XXI века, основные общественные конфликты ещё не проявились достаточно чётко, и большинство жаждущих ввязаться в политическую схватку, не находя, с кем сразиться, бросается в атаку на ближайшую ветряную мельницу.

О фундаментальных общественных конфликтах (размежеваниях) и их влиянии на развитие политических партий мы поговорим в следующей главе.

Глава 2. Партии между обществом и идеями

На первый взгляд, расширение контекста, в котором рассматривается деятельность партий, целесообразнее начинать с анализа их отношений с государством, а уж затем – с обществом. Ведь именно государство является частью общества, а не наоборот. Однако оговоримся, что под обществом мы подразумеваем не весь общественный организм, а только тот его отдел, который принято называть населением. Западные исследователи в этом случае обычно говорят об избирателях, что вполне естественно: отношения партий с населением – это прежде всего отношения с электоратом. Однако при такой постановке вопроса имеет место некоторое сужение понятия. Партии взаимодействуют с обществом в целом – в том его состоянии, в котором оно пребывает на данный момент («момент», правда, может длиться годы и десятилетия). Успех означенного взаимодействия находит выражение в электоральной поддержке, но отнюдь к ней не сводится.

Отношения же с государством партии поддерживают на более высоком уровне, не ограничиваясь текущим моментом и рассчитывая на перспективу. Государство рассматривается в качестве инструмента решения фундаментальных задач, стоящих перед обществом как системой, а не как совокупность ныне живущих людей. Взаимодействуя с государством, партии ориентируются не на общественные настроения, а на общественные потребности, удовлетворение которых нередко требует непопулярных шагов.

Взаимодействуя с населением, партии вынуждены исходить из того, что неискушённые в политике люди не хотят, не обязаны, да и не способны осознавать всю сложность общественной проблематики. Перед ними бесполезно развёртывать детальные программы: в своём большинстве граждане даже не станут разбираться, что представлено их вниманию – солидные разработки, основанные на опыте и всесторонних расчётах, или эффектные пустышки. Из этого, однако, не следует, что общение партий и политиков с населением строится в первую очередь на эмоциях и настроениях. Распространённое среди политтехнологов представление об обществе как стаде, легко поддающемся манипулированию, – не более чем миф. Манипулировать в точном смысле этого слова можно лишь частью населения, по отношению к обществу в целом данный термин не совсем корректен, даже когда сам факт манипулирования кажется бесспорным. Чтобы побудить общество поверить себе, партии (политики) должны нащу-

пать его болевые точки – некие проблемы, которые не просто волнуют людей, но разводят их по разные стороны «баррикад». Эти проблемы порождают постоянно воспроизводящиеся общенациональные конфликты, на «обслуживании» которых в конечном счёте и строится «большая» политика. С тех пор как партии вышли на авансцену политической жизни, именно они являются главным «обслуживающим персоналом» данных конфликтов.

2.1. Основные типы фундаментальных общественных конфликтов. Формула Липсета–Роккана: достоинства и недостатки

Доктрина, согласно которой двигателем политического процесса являются фундаментальные общественные конфликты, утвердилась в первой половине XIX в., получив яркое воплощение в концепции классовой борьбы. Ещё французские историки эпохи Реставрации, а вслед за ними основоположники марксизма видели в конфликтах между социально-экономическими классами (сословиями) ключ к разгадке основных перипетий современной им политики. Для Франсуа Гизо и Огюста Тьерри роль такого ключа играла борьба третьего сословия против дворянства, для Карла Маркса и Фридриха Энгельса – борьба пролетариата против буржуазии. Последующая история Западной Европы предоставила немало доказательств их правоты. Противостояние земельной аристократии и буржуазии вывело на политическую сцену консервативные и либеральные партии, противостояние работодателей и наёмных работников – партии социалистические.

Однако в партийно-политической жизни Европы было много такого, что не укладывалось в рамки классовой теории. По мнению родоначальников последней (в первую очередь К.Маркса и Ф.Энгельса), доминирующие классовые конфликты должны были если не вытеснить все остальные из сферы политики, то как минимум полностью подмять их под себя. Действительность оказалась сложнее. Партийные системы континентальной Европы отражали пёструю картину борющихся друг с другом политических сил, которую невозможно было объяснить одним лишь классовым противостоянием. К образованию партий вели конфликты, возникшие не только на социально-экономической, но и на территориальной (межэтнической), конфессиональной (включая борьбу между клерикалами и сторонниками светского государства) и прочих основах.

В 60-х гг. XX в. анализ связей между партийными системами и доминирующими в обществе конфликтами нашёл воплощение в т.н. формуле Липсета–Роккана. Американец С.Липсет и норвежец

С.Роккан, изучив историю Западной Европы XIX–XX вв., выделили четыре типа размежеваний (cleavages), раскалывавших электорат европейских стран на противоположные лагеря и положивших начало формированию соответствующих партийных систем. Эти размежевания можно рассматривать как частные проявления общенациональных конфликтов. Последние не обязательно принимают форму именно электоральных размежеваний. Если, к примеру, значительная часть общества отстранена от избирательного процесса или сама не желает в нём участвовать, электорального размежевания не возникнет, но это не означает, что исчезли сами конфликты.

Кроме того, общественные конфликты по-разному взаимодействуют друг с другом – они могут друг друга гасить, а могут и усиливать. В первом случае размежевание тоже не проявится, но это опять же не будет означать отсутствия конфликтов как таковых. Наконец, наличие в обществе некоего баланса сил по тому или иному вопросу может на какое-то время затушевать соответствующий конфликт, в результате чего размежевание избирателей пройдет по другим линиям, тем не менее конфликт будет по-прежнему «гнеть» и вспыхнет при первом же нарушении равновесия; структура же электоральных размежеваний до этого момента никак не будет с ним связана.

С.Липсет и С.Роккан говорили именно об электоральных размежеваниях – в том виде, в каком те давали знать о себе итогами выборов. Использование здесь термина «cleavage» представляется в значительной степени данью модному в 1960-е гг. структурно-функциональному подходу, унаследованному от позитивизма идиосинкразию к любым намёкам на «метафизические сущности»: какой именно фундаментальный общественный конфликт стоит за тем или иным электоральным размежеванием, каждый может судить исходя из своих философских, теоретических, идеологических и политических предпочтений, но само размежевание должно быть зафиксировано строго научным, эмпирически верифицируемым, образом – о нём и следует вести речь. Примерно такова была логика Липсета и Роккана. Однако названные ими размежевания настолько глубоки, что можно смело говорить именно об общенациональных конфликтах, проявлявших себя не только в ходе избирательных кампаний, но и во многих других аспектах общественной жизни.

Итак, С.Липсет и С.Роккан выделили четыре размежевания (конфликта), лежащих в основе становления партийных систем Западной Европы: 1) между центром и периферией; 2) между церковью и государством; 3) между земельной аристократией и предпринима-

телями-промышленниками¹; 4) между собственниками и наёмными работниками².

Формула Липсета–Роккана обрела широкое признание и дала толчок целому потоку исследований на тему генезиса политических партий и его зависимости от структуры электоральных размежеваний. Но, как это часто бывает, популяризация концепции привела к существенному выхолащиванию её смысла. В конце концов формула оказалась сведена к простому перечислению общественных конфликтов, на основе которых происходило становление партийных систем. Будь она такой, пришлось бы признать, что никаких особенных заслуг за норвежским и американским учёными нет. Обозначенные ими общественные конфликты были «открыты» задолго до них. Например, о том, что противостояние аристократии и буржуазии (лендлордов и предпринимателей-промышленников) сменится в качестве доминирующего противостоянием буржуазии и пролетариата (собственников и наёмных работников), К.Маркс и Ф.Энгельс писали ещё за семьдесят лет до того, как в промышленно развитых странах первый конфликт был окончательно вытеснен вторым.

Заслуга С.Липсета и С.Роккана состоит прежде всего в том, что они взглянули на данные конфликты как на последовательно сменяющие друг друга этапы в политической эволюции западноевропейских стран. Первые два из выделенных ими конфликтов (между «центральной национальной культурой и этнически, лингвистически и религиозно обособленным от неё населением провинций», а также «между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим национальным государством и обладающей историческими привилегиями церковью») они отнесли к эпохе т.н. национальной революции, а два последних (между лендлордами и промышленными предпринимателями, а также между «собственниками и работодателями, с одной стороны, и арендаторами и наёмными работниками, с другой») – к эпохе революции индустриальной³. Причём, согласно концепции Липсета–Роккана, один конфликт вытеснялся другим по мере того, как избирательное право распространялось на всё более широкие слои населения. Как только оно стало всеобщим и равным (20-е гг. XX в.), партийные системы стабилизировались и «застыли» (freeze) в своём развитии. Во всяком случае, в 1960-е гг., по мнению С.Липсета и С.Роккана, партийные системы западноевропейских стран отражали общественные конфликты, структура которых сложилась сорока годами ранее⁴.

Тезис о застывании партийных систем, в отличие от схемы общественных конфликтов, вызвал среди исследователей политических партий бурные споры⁵, однако большинство политологов, тщательно проанализировав изменения в западноевропейских партийных системах, имевшие место в послевоенное время, пришли к выводу, что выдвинутую С.Липсетом и С.Рокканом гипотезу вполне правомерно прилагать и к 1990-м годам⁶. При этом было признано, что современные партии вовсе не обязательно продолжают отражать в своей деятельности именно те общественные конфликты, которые некогда сыграли решающую роль в их появлении на свет. Так, партии с «конфессиональными» названиями отнюдь не замыкаются на противостоянии «гидре секуляризма», а аграрные партии не посвящают себя без остатка защите селян перед лицом наступающего на их права города⁷.

Иначе говоря, застывание партийных систем не означало застывания структуры общественных конфликтов. Напротив, продолжая сосуществовать, они вступали в весьма запутанные отношения, друг друга усиливая либо, наоборот, гася. Иное дело, что сами партийные системы выступали в роли изощёренных, «умных» инструментов институционализации конфликтов – инструментов, способных реагировать и настраиваться на изменение характера «удерживаемых» размежеваний.

При всей своей универсальности и испытанности временем формула Липсета–Роккана, несмотря на предпринятые авторами попытки теоретического обобщения, так и не вышла за рамки эмпирической схемы. Её прогностический потенциал оказался невелик. С.Липсет и С.Роккан даже не задавались вопросом, какой конфликт придёт в качестве доминирующего на смену противостоянию труда и капитала, как в дальнейшем будет меняться расстановка социальных, а следовательно, и политических сил. Возможно, сказались и приверженность структурно-функциональному подходу, и чрезмерное внимание к фактам, свидетельствовавшим о застывании партийных систем. Предполагалось, видимо, что это застывание будет продолжаться ещё долго, а пускаться в рассуждения о том, чего ещё нет, американец и норвежец считали ненаучным. Кроме того, как отмечалось в литературе, концепция С.Роккана, лежащая в основе знаменитой формулы, носит не политологический, а исторический характер и, таким образом, «анализирует сложившиеся системы и предсказательной силой не обладает», в связи с чем на ней «нельзя ...строить

прогнозы и обвинять исследователя в том, что он не предугадал те или иные изменения»⁸.

Жизнь, однако, не стояла на месте. В 1970–1980-х гг. было зафиксировано возникновение новых конфликтов, порождённых эволюцией от индустриального общества к постиндустриальному. Питательной средой для этих конфликтов, по оценке наблюдателей, послужили проблемы, связанные с защитой окружающей среды, с борьбой за разоружение, за равенство полов, права меньшинств, право на «альтернативный стиль жизни» и т.п.⁹ По мнению Роналда Инглхарта, возрастание интереса к этим проблемам свидетельствовало о смещении центра общественного внимания с материалистических ценностей на постматериалистические, с вопросов материального благополучия и физической безопасности на вопросы качества жизни¹⁰. Постматериалистические ценности, отмечал Р.Инглхарт, стали приобретать популярность прежде всего у среднего класса, который в результате начал отдавать всё большее предпочтение левым партиям, тогда как слои населения с невысокими доходами, сохраняя верность материалистическим ценностям, напротив, принялись переадресовывать свою поддержку правым; в итоге существенно изменилась расстановка социальных и политических сил. Во всяком случае, ситуация, когда рабочие голосовали за левых, а средний класс – за правых, постепенно отошла в прошлое¹¹.

Впрочем, проведённый другими исследователями анализ показал, что лозунги, актуальные для «новой политики» (защита окружающей среды, права меньшинств, «альтернативный стиль жизни» и пр.), берутся на вооружение либо группами «гражданских акций», либо маргинальными партиями (прежде всего «зелёными»), в то время как основная политическая игра по-прежнему ведётся вокруг проблем «старой политики» (уровень зарплаты, программы занятости, социальные программы, законодательство об абортах и пр.)¹². Так что истоки новых общественных конфликтов, наверное, правильнее искать не в «постматериалистических» сферах, а ближе к земле. И, как представляется, уже сейчас можно обнаружить признаки конфликта, сменившего в качестве доминирующего противостояние работодателей и работников. Это конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями.

Легко заметить, что на протяжении последних трёх десятилетий наиболее жаркие политические баталии в развитых странах Запада разгорались не по поводу законодательного улучшения условий труда (здесь и так дело продвинулось достаточно далеко), а вокруг раз-

ного рода социальных программ, адресатами которых являются не работники, а те, кто по разным причинам не способны самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию¹³. Работники же, будучи полноценными налогоплательщиками, нередко оказываются по одну сторону баррикад со своими антагонистами – работодателями. Да и по стандартам жизни значительная часть рабочего класса вплотную приблизилась к «белым воротничкам», составляющим основу т.н. нового среднего класса, благополучие которого связано не с собственностью на средства производства, а с успехом на профессиональном поприще. Отсюда, кстати, и тенденция к редукции «классового» голосования, т.е. такого положения дел, когда большинство рабочих поддерживает на выборах левые партии, а большинство представителей среднего класса – правые¹⁴.

Так или иначе, но основным пунктом политического размежевания становится «первоочередная проблема постиндустриального общества – соотношение уровня налоговой нагрузки и социальных обязательств»¹⁵. При этом «партии правого центра отстаивают интересы налогоплательщиков, партии левого центра – интересы групп населения, получающих социальные выплаты и льготы или заработную плату за счёт бюджета»¹⁶. Другими словами, структурирование партий происходит на основе шкалы «социальное обеспечение/налоги»¹⁷.

На электоральном уровне конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями проявился уже в ближайшее десятилетие после выхода статьи С.Липсета и С.Роккана. Поворот к неоконсерватизму в Великобритании и США (конец 1970-х – начало 1980-х гг.) можно расценивать как прямой результат недовольства налогоплательщиков слишком масштабными социальными программами, на реализацию которых тратились бюджетные средства. А имевший место в 1990-е гг. «левый поворот» объяснялся стремлением общества исправить последствия слишком жёсткой политики государства по отношению к социально незащищённым слоям населения – чтобы избежать роста социальной напряжённости, да и просто по «гуманистическим мотивам», т.е. из сострадания (вот тут-то, пожалуй, и дали о себе знать те самые постматериалистические ценности). При этом позиция левых была откорректирована в сторону социал-либерализма (неолиберализма в американском политическом языке), исходящего из необходимости расходовать бюджетные средства не на всевозможные пособия для аутсайдеров общества, а преимущественно на системы образования, подготовки и переподготовки рабочих кадров¹⁸.

Предпосылки для того, чтобы конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями приобрёл особый статус – отдельный от конфликта между трудом и капиталом, – возникли давно. Соответствующие изменения в структуре общества были зафиксированы ещё в 1970-х гг. – в концепции «трёхклассовой модели общества», выделяющей в качестве основных классов не только работодателей и наёмных рабочих, но и тех, кто пользуется поддержкой государства¹⁹. Тем не менее вопрос о том, как эти изменения повлияли на расстановку политических сил, в открытой форме поставлен не был.

Одной из причин подобного невнимания послужила, по всей видимости, затушёванность проявлений данного конфликта. Во-первых, он не привёл к смене основных партий. Сохранение ими прежних названий создало иллюзию, что спор идёт практически о том же, что и пятьдесят лет назад, – тем более что нарастание конфликта между налогоплательщиками и бюджетополучателями явилось следствием переустройства экономики и социальной сферы на основе рецептов, в течение десятилетий пропагандируемых социалистами и социал-демократами.

Во-вторых, осознанию данного конфликта обществом препятствовала наметившаяся с начала 1960-х гг. конвергенция правых и левых идеологий, сопровождавшаяся обоюдным стремлением к сглаживанию различий²⁰. Как отметил Дж.Томас, в вопросе социального обеспечения и правые, и левые существенно сдвинулись влево, в результате чего среди европейских партий почти не осталось противников «социального государства»²¹. Однако левые двигались влево на всех парусах, тогда как правые вынужденно дрейфовали – вслед за избирателем, а не впереди него. Поэтому «идиллическое» единение в вопросах социального обеспечения хотя отчасти и сгладило конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями, но отнюдь не уничтожило его причины.

Как бы то ни было, необходимость расставить точки над «i» вполне назрела. При этом, чтобы вписать указанный конфликт в концепцию Липсета–Роккана, а заодно попытаться определить направление, в котором станут развиваться основные общественные конфликты в будущем, целесообразно несколько пересмотреть эту концепцию, а точнее – развить её теоретический аспект, рассмотрев обозначенные ею конфликты как стадии единого процесса.

2.2. *Общественные конфликты как стадии процесса модернизации*

Если внимательно присмотреться, нетрудно обнаружить совпадение выделенных С.Липсетом и С.Рокканом конфликтов с этапами процесса модернизации.

Первый этап, сопровождаемый обострением конфликта между центром и периферией, – это выбор государственного устройства, создающего оптимальные условия для начала модернизации. Борьба идёт между двумя формами: «механической» (империя, конфедерация) и «органической» (нация-государство).

На втором этапе формируются основные направления модернизации – урбанизация, индустриализация, секуляризация²². Это этап экстенсивного развития, осуществляемого городским центром за счёт сельской периферии. Отсюда возникновение противостояния между городом и деревней, частным моментом которого является конфликт государства и церкви, не приемлющей секуляризации культуры и образования.

Третий этап модернизации знаменуется переходом от экстенсивного развития к интенсивному: от мобилизации преимущественно внешних по отношению к индустрии ресурсов – к более эффективному использованию ресурсов внутренних. На данном этапе централизованные методы управления модернизационными процессами сменяются децентрализованными, а монополия – конкуренцией, сначала в экономике, а затем и в политике. Этому переходу сопутствует выход на авансцену конфликта между земельной аристократией и промышленниками («феодалами» и буржуазией, консерваторами и либералами). На первых порах конфликт охватывает только элитарное меньшинство, но по мере развития – и более широкие массы населения.

Начало четвёртого этапа связано с выходом на политическую сцену большинства, требующего учёта своих интересов. На первом плане оказывается конфликт между собственниками и наёмными работниками. Линии на жёсткую конкуренцию (конфронтацию) противостоит ориентация на социальный компромисс. Социальная напряжённость сглаживается путём вмешательства государства в процесс перераспределения национального богатства – от благополучного меньшинства бедствующему большинству.

Наконец, на пятом этапе модернизации в расчёт берутся интересы не только большинства, положение которого к данному моменту существенно улучшается, но и неэлитных меньшинств. Курс на соци-

альный компромисс преобразуется в политику социального гуманизма, что порождает, в свою очередь, конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями – конфликт, не упомянутый ни С.Липсетом и С.Рокканом, ни большинством их последователей.

Рассмотрим теперь каждый из этапов (а соответственно, и конфликтов) более подробно.

Первый конфликт – между *центром* и *периферией* (самый древний из всех сохранивших фундаментальное значение до наших дней) – вызывается к жизни становлением нации-государства. Такой конфликт немислим в механически создаваемых империях, целостность которых поддерживается прежде всего силой. Для его возникновения необходимо, чтобы в провинции хотя бы на уровне властной элиты присутствовало ощущение принадлежности одновременно и к «малой», и к «большой» родине. Со временем, как правило, это ощущение распространяется и на прочее население, сначала городское, а затем и сельское. Но в любом случае оно обязательно должно быть. Если нет ощущения общности своего региона – нет и почвы для конфликта (правда, это скорее идеальная, нежели реальная ситуация), а если нет чувства причастности к «большой Родине» – неизбежным становится стремление к обособлению в самостоятельную нацию-государство. Естественно, что наиболее заметно данный конфликт проявляется в тех регионах, которые отличаются от столицы по этническому составу или конфессиональной принадлежности жителей.

В этом плане размежевания, возникающие на базе языковой, религиозной и пр. разнородности, можно рассматривать как одно из проявлений конфликта между центром и периферией. Впрочем, данному конфликту есть где развернуться и в случае относительной культурной однородности страны. Как отмечает Р.Туровский, существует множество измерений периферийности: управленческое («формальный политико-административный статус и статус неформальный – доступ территории к центральной власти, её роль в формировании национальной элиты»), социально-экономическое («развитие территории в терминах экономической модернизации и передовой социальной структуры»), историческое («принадлежность к историческому ядру или позднее присоединённым территориям»), географическое («физическое расстояние от центра и реальное расстояние, определяемое через замер транспортной доступности») и др.²³

Вопрос об источнике центробежных тенденций не столь уж важен – их природа вполне ясна. Важнее то, на какой основе возникают тенденции центростремительные, т.е. те, которые ведут к образованию единой нации-государства из механической совокупности местностей, живущих своей отдельной жизнью. Ответ здесь примерно таков: становление единой нации-государства происходит на базе городской культуры, а ещё точнее – на базе модернизации и связанных с ней процессов урбанизации, индустриализации, секуляризации образования. Этими процессами заправляет централизующееся государство, и все они производятся за счёт деревни (бывают, конечно, и иные источники, но в конце концов за всё платит крестьянство) и в ущерб традиционной церкви, которая теряет контроль над школами низшей ступени и вообще над умами. Церковь и крестьянство, таким образом, оказываются в оппозиции государству и городу.

С.Липсет и С.Роккан отнесли данный конфликт к этапу национальной революции²⁴, однако очевидно, что он непосредственным образом связан и с революцией индустриальной. Просто исследователи сделали акцент на том, что этот конфликт отличался наибольшим накалом прежде всего в областях господства католической церкви, имеющей вненациональный центр, – а вот там, где доминировали те или иные ответвления протестантизма, подобной конфронтации, как правило, не возникало. Но дело здесь, видимо, не столько во вненациональном характере католической церкви и национальной привязке протестантских конфессий, сколько в «революционности» последних – они сами по себе суть отрицание предыдущих традиций. Между тем конфликт между церковью и государством являлся на свет и в иных ареалах: например, в петровской России (конец XVII – начало XVIII в.), где православная церковь давно уже не воспринималась как нечто привнесённое извне, или в Иране времён последнего шаха (50–60-е гг. XX в.).

Конфликт церкви и государства, города и деревни представляет собой одну из разновидностей противостояния *традиционализма* и *прогрессизма*²⁵, очень часто не совсем обоснованно отождествляемых с *консерватизмом* и *либерализмом* (противостояние последних – порождение следующего по очереди конфликта, о котором будет сказано ниже). Прогрессистская тенденция олицетворялась государством. Его идеологией было просветительство, политикой – меркантилизм, т.е. активное вмешательство в экономику путём поощрения внешней торговли, насаждения промышленности и введения различных монополий, социальной опорой – военное сословие (арис-

тократия и дворянство) и всё более разрастающаяся бюрократия. На стороне традиций вполне естественно оказывались церковь и деревня, терпящие наибольшие потери от неумолимой поступи прогресса, да и в силу особенностей менталитета не склонные приветствовать какие бы то ни было новации.

Если смотреть на конфликт между традицией и прогрессом более широко, не сводя его к противостоянию церкви и государства²⁶, то его проявления мы обнаружим не только в протестантских странах (не говоря уж о католических), но и в тех, где господствующей формой мировоззрения является атеизм. Так, проблема легализации абортов – одно из самых выразительных проявлений конфликта между религиозным и секуляристским пониманием смысла человеческого существования – волнует не только польских католиков, но и американских протестантов. А когда в 20-х гг. XX в. в одном из городов США прошёл скандально знаменитый «обезьяний процесс», это тоже явилось отражением тлеющего конфликта между традиционалистами и прогрессистами. Да и нынешние российские левые, требуя «не очернять советское прошлое», выступают как адепты традиционализма, хотя и весьма специфического.

Противостояние традиционалистов и прогрессистов действительно нередко перерастает в конфликт консерваторов и либералов, но происходит это в силу не только внутренней логики, но и существенного изменения социально-экономической ситуации. Рано или поздно модернизация выводит на историческую сцену новые социальные силы, недовольные чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь, а также монополией военного сословия и бюрократии на участие в политике. Речь идёт в первую очередь о промышленной буржуазии, противопоставляющей меркантилизму и автократизму (олигархии) принцип конкуренции как в экономике, так и в политике. На этом этапе буржуа в своём большинстве – приверженцы фритредерства в экономике и либерализма в политике, сторонники представительной демократии, ограниченной имущественным цензом (их девиз – «нет налогов без представительства»). Они борются за полноценное участие в политической жизни и преобразование государственных институтов на началах конкуренции.

Их оппоненты, консерваторы, вовсе не противники прогресса. Они сторонники сильного государства, опирающегося на мощную армию, а последнюю нельзя содержать без сильной экономики. Консерваторы осознают необходимость индустриализации, однако не желают выпускать из своих рук рычаги управления экономикой и пе-

перераспределения национального богатства. Перспектива допустить к управлению государством каких-то выскочек, поделиться с ними властью их тоже не привлекает. Однако, поскольку недостатки, связанные с чрезмерным вмешательством государства в экономику, всё же налицо (огромные и плохо контролируемые непроизводительные затраты, коррупция в государственном аппарате), властвующим консерваторам, дабы не губить курицу, несущую золотые яйца, приходится идти на уступки: в экономике – частично отказываться от меркантилизма и протекционизма в пользу фритредерства, в политике – соглашаться на введение парламентаризма и на расширение избирательного права.

Представлять вслед за Липсетом и Рокканом противостояние консерваторов и либералов как результат столкновения «городских и сельских интересов» – значит слишком заужать подход. По мнению Липсета и Роккана, это столкновение было обусловлено прежде всего тем, что «крестьяне пытались продать свои товары по максимально высокой цене, а купить продукцию промышленных и городских производителей – по максимально низкой»²⁷. Но подобное стремление свойственно не только крестьянам, но и прочим субъектам рыночной экономики. А вот выбор между протекционизмом и фритредерством – это уже совсем другое дело. В узкоэкономических вопросах деревня далеко не всегда занимает в этой дилемме однозначно протекционистскую позицию, тогда как в более широком плане она действительно чаще встаёт на сторону противников либерализма, поскольку проигрывает городу в «свободной игре сил».

Что касается последующей эволюции конфликта консерваторов и либералов, то она протекает на фоне расширения избирательного права, становящегося тем оружием, которое оппоненты пытаются повернуть друг против друга. Широкое избирательное право, с одной стороны, служит разрешению конфликта между консерваторами и либералами, а с другой, выводит на политическую сцену совершенно новую силу – общественное большинство. Ведь конфликт консерваторов и либералов, земельной аристократии (вкуче с военным сословием и бюрократией) и буржуазии – это всё-таки борьба внутри привилегированного (благополучного) меньшинства, пусть даже этой борьбе сопутствует разрастание правящей элиты за счёт привнесённых извне элементов. Когда избирательное право становится всеобщим и равным, парламент начинает представлять интересы большинства социума, которые, как выясняется, существенно разнятся с интересами благоденствующего меньшинства. Большинство лишено

собственности и вынуждено либо арендовать её на маловыгодных условиях, либо продавать свой труд. В глазах большинства и консерваторы, и либералы мазаны одним миром – это выразители интересов собственников. Конфликт между состоятельным меньшинством и живущим продажей своего труда большинством преобразуется в противостояние *буржуазного либерал-консерватизма* и *рабочего социализма*. На уровне ценностей это размежевание получает выражение в дихотомии «*элитаризм–эгалитаризм*», вызревавшей уже давно, но в политической практике проявившей себя только после расширения избирательного права на неимущие слои населения.

Конфликт между *состоятельным меньшинством* и *неблагополучным большинством*, казалось бы, по определению должен завершиться безусловной победой последнего. Но действительность не так проста. К лагерю противников социализма принадлежали не только государственные чиновники и более-менее крупные землевладельцы и предприниматели, но также подавляющая часть мелких собственников («старый средний класс») и служащих («белые воротнички»). Да и отнюдь не все рабочие симпатизировали социализму. Многие из них – прежде всего высококвалифицированные и высокооплачиваемые (т.н. рабочая аристократия) – были вполне удовлетворены своим статусом, другие, будучи просто консервативно настроены, предпочитали, чтобы ими управляли не «горлопаны из профсоюзов», а люди, которым навыки исполнения государственной службы прививаются с младых ногтей. Но самое главное, под угрозой лишения собственности (а что такая опасность вполне реальна, продемонстрировала революция в России) работодатели шли на уступки – мирились с законодательным ограничением рабочего дня, установлением минимальной зарплаты, введением пособий по безработице, пенсий по старости и нетрудоспособности и т.п. Тем самым социальная напряжённость в значительной степени снималась, а позиции сторонников государственного социализма ослаблялись.

Средством разрешения конфликта между собственниками и работниками на данном этапе являлось государственное вмешательство в экономику. Произошло как бы возвращение к меркантилистской политике, однако при этом изменился характер вмешательства – государство делало это от имени не привилегированного меньшинства, а благополучного большинства. Гарантом того, что одни интересы не будут подменены другими, являлась сама власть, организованная на принципах представительной демократии.

Дальнейший экономический рост привёл к трансформации социальной структуры развитых стран Запада. Производственные рабочие со временем превратились в меньшинство – по сравнению с работниками сферы услуг и «белыми воротничками». Изменилась и структура собственности. Её доминирующей формой, вместо частных и семейных предприятий, стали акционерные общества. Число собственников, таким образом, выросло; к нему присоединились многие рядовые работники, уровень жизни которых приблизился к уровню среднего класса. Отделение менеджмента от собственности способствовало появлению обширного «нового среднего класса», не владеющего, в отличие от «старого», средствами производства, но ничем не уступающего ему в плане жизненных стандартов. Благодаря этому граница, отделяющая собственников от работников, постепенно размывалась, а следовательно, терял остроту соответствующий общественный конфликт. Ему на смену пришло противостояние между *благополучным большинством* и *дискриминированными меньшинствами*.

Конфликт этот является в первую очередь конфликтом между *налогоплательщиками* и *бюджетополучателями* и на уровне ценностей находит выражение в дихотомии *«рыночный индивидуализм – протекционистский солидаризм»* (*«индивидуализм–солидаризм»*). Однако данное размежевание не ограничивается социально-экономической сферой. Дискриминация меньшинств не обязательно носит сугубо материальный характер. Иногда в её основе лежит неприязнь большинства, связанная с расовыми и иными предрассудками. Но в любом случае преодоление дискриминации меньшинств делается государственной политикой, а стало быть, требует надлежащих бюджетных расходов.

Нередко преодоление дискриминации меньшинств выливается в т.н. обратную дискриминацию, когда дискриминированными оказываются уже представители большинства, вынужденные сплошь и рядом пропускать вперёд тех, кто по разным причинам не вписывается в норму и только поэтому имеет преференции. Дискриминированное меньшинство становится меньшинством привилегированным, но теперь ему – не как в прежние времена – не нужно прилагать для этого никаких усилий, наоборот, можно максимально расслабиться и плыть по течению, поскольку конфликт между ним и большинством раскалывает, как ни странно, прежде всего самоё большинство – господствующие в последнем настроения в конечном счёте и определяют, каким в данный момент будет отношение к «сидящим на шее»

у общества. В зависимости от этого верх берёт или *неоконсерватизм*, или *идеология политкорректности* (именно её в США именуют либерализмом, вводя тем самым в замешательство европейских политологов, вкладывающих в данное понятие совершенно иной смысл: европейцам как раз свойственно отождествлять неолиберализм и неоконсерватизм).

Можно ли предсказать, какой общественный конфликт примет эстафету у конфликта между налогоплательщиками и бюджетополучателями, благополучным большинством и неблагополучными меньшинствами, разглядеть черты будущего конфликта в настоящей действительности?

Логично предположить, что подобно тому, как ранее произошло стирание грани между собственниками и работниками, благополучным меньшинством и неблагополучным большинством, в будущем окажется возможным и стирание грани между налогоплательщиками и бюджетополучателями, благополучным большинством и неблагополучными меньшинствами. Большинство как таковое просто перестанет существовать, превратившись в совокупность меньшинств, каждому из которых будет присуща та или иная степень материального достатка. Разница между налогоплательщиками и бюджетополучателями исчезнет потому, что деятельность, приносящая прибыль, а также работа за плату перестанут восприниматься как главная сфера приложения усилий. Работа и бизнес будут рассматриваться не столько как средство зарабатывания на жизнь или извлечения прибыли, сколько как форма самовыражения. Возможно, это выглядит как утопия, но распространение в экономически развитых странах таких явлений, как добровольчество и благотворительность, свидетельствует о том, что многие люди не считают бескорыстную помощь ближнему чем-то из ряда вон выходящим. Можно предположить также, что основными оппонентами в будущем конфликте станут меньшинства альтруистические, созидательные, ответственные и меньшинства паразитические, деструктивные, безответственные.

Обнаруживаются ли признаки этого конфликта уже сейчас? Конечно. Не составляет никакого труда распознать среди разнообразных организаций и течений движимые как бескорыстной любовью к ближнему, так и столь же бескорыстной ненавистью, выдаваемой при этом за любовь – к родине, братьям по крови, единоверцам и пр. Первые, правда, сосредоточены в сфере благотворительности, а не политики, которая по-прежнему остается занятием преимущест-

венно корыстным, «материалистическим». Зато вторые активно стремятся в политическую жизнь, достигая порой ощутимых успехов.

В современной политической практике можно обнаружить и образцы устройства общества, состоящего из одних меньшинств. Это страны т.н. со-общественной (consociational) демократии – Швейцария, Нидерланды, Бельгия и др., в которых меньшинства (как правило, этнические и конфессиональные) пропорционально представлены не только в парламенте, но и в правительстве, а также пользуются правом вето. Все они несут свою долю ответственности за социальную ситуацию и учатся соотносить свои интересы с интересами других меньшинств²⁸.

Однако чтобы со-общественная демократия работала, обществу необходим высокий уровень согласия и ответственности. В противном случае оно рискует оказаться в тупике, в котором в своё время очутилась Речь Посполита: члены сейма, злоупотребляя правом вето, фактически блокировали процесс принятия государственных решений. В новейшее время недостаток способности к компромиссам и улаживанию конфликтов путём консенсуса явился причиной краха со-общественных демократий в Ливане (1943–1975), Малайзии (1955–1969), Нигерии (1957–1966) и на Кипре (1960–1963)²⁹.

Следует также предположить, что если современные со-общественные демократии имеют дело в основном с компактно расселёнными этническими меньшинствами, то в будущем аналогичным формациям придётся, судя по всему, добиваться консенсуса между меньшинствами экстерриториальными. А здесь, несомненно, возникнут свои сложности. Говорить об этом пока рано, хотя кое-какой опыт «корпоративных» (внутритерриториальных) федераций в отдельных странах уже есть. Аренд Лейпхарт, в частности, приводит в качестве примеров Эстонию 1920-х гг., Кипр конца 1950-х – начала 1960-х, а также современные Бельгию, Австрию и Нидерланды³⁰. Причём последние три страны он рассматривает как образец «неформального», или «социологического», корпоративного федерализма – модели, в которой государство не только признаёт, но и субсидирует деятельность ассоциаций, создаваемых основными религиозными и идеологическими сообществами в сфере образования, здравоохранения и пр.³¹

Вытеснение конфликта между большинством и меньшинствами конфликтом внутри сообщества равноправных меньшинств, скорее всего, и ознаменует собой переход политики в «постматериалисти-

ческую» фазу, которая, вопреки ожиданиям многих, идиллией тоже не будет.

В любом случае этот конфликт внесёт раскол в ныне существующие объединения «постматериалистического» толка (экологи, антиглобалисты, приверженцы «альтернативного стиля жизни» и т.п.). Сейчас это типичные организации меньшинств, которые ведут себя так, как на текущем этапе и полагается меньшинствам, т.е. требуют, чтобы большинство забыло о собственных делах и переключилось на их проблемы. Когда же большинство исчезнет и меньшинствами станут все, от подобного поведения придётся отказаться в пользу взаимной толерантности. Тут и станет ясно, кто из «постматериалистов» действительно озабочен решением поднимаемых проблем, а кому просто нужен повод для выплёскивания страстей.

Однако с учётом особенностей современной эпохи вряд ли стоит ожидать скорого выхода на первый план конфликта внутри сообщества меньшинств. В условиях расширяющейся глобализации Западу не уйти от необходимости решать в мировом масштабе проблемы, давно уже, казалось бы, решённые им у себя. Независимо от его желания, эти проблемы сами вторгнутся к нему в дом – вместе с многочисленными мигрантами, которым, принимая во внимание переживаемый Европой демографический кризис, хочешь не хочешь, придётся открыть двери.

Вообще следует отметить, что все «древние» конфликты – между центром и периферией, традицией и прогрессом, монополией и конкуренцией, – даже будучи в той или иной степени разрешёнными каждым конкретным обществом, никуда не исчезают. Они продолжают существовать в рамках баланса, достигнутого различными сторонами, и любое изменение расстановки сил приводит к оживлению какого-нибудь конфликта (или нескольких). Приходится искать новый баланс, отвечающий новым условиям. Именно этим и занимаются политические партии, в своём стремлении к электоральному успеху чутко реагирующие на игру общественных настроений.

2.3. Общественные конфликты и партийные идеологии

В современных условиях партия, пытающаяся наладить контакт с обществом, должна предлагать решение следующих фундаментальных проблем: 1) единство страны и статус составляющих её частей; 2) направление и содержание («смысл») общественного процесса; 3) способ управления обществом, в первую очередь экономикой и политикой; 4) характер распределения «прибавочного продукта» меж-

ду участниками производственного процесса; 5) характер перераспределения «прибавочного продукта» в масштабах общества в целом.

Соответственно, любая партийная идеология должна определить своё место на следующих шкалах: 1) унитаризм–сепаратизм; 2) традиционализм–прогрессизм; 3) консерватизм–либерализм (монополия–конкуренция, порядок–свобода); 4) элитаризм–эгалитаризм (капитализм–социализм); 5) рыночный индивидуализм – протекционистский солидаризм (неоконсерватизм–политкорректность). Что касается т.н. постматериалистических ценностей, то вряд ли целесообразно выделять для них особую шкалу. Они вполне укладываются в рамки второй из выделенных нами фундаментальных проблем, поэтому, обозначая своё отношение к «постматериалистическим» ценностям, партия оперирует со шкалой «традиционализм–прогрессизм».

Место каждой партии на описанных выше шкалах определяется линейной системой координат «правое–левое». Унитаризм, традиционализм, консерватизм, элитаризм и рыночный индивидуализм формируют правый полюс; сепаратизм, прогрессизм, либерализм, эгалитаризм, протекционистский солидаризм – левый.

Умножение числа шкал порождает известную путаницу в употреблении понятий «левое» и «правое». Когда партии только выходили на политическую сцену, основная борьба шла по линии «монополия–конкуренция» («консерватизм–либерализм»). Обозначение «правые» относилось к консерваторам, занимавшим к тому же, как правило, традиционалистские позиции, обозначение «левые» – к либералам, ходившим в прогрессистах. С ростом социалистического движения ярлык «левых» постепенно перекочевал к его сторонникам, тогда как в «правых» превратился самый широкий круг приверженцев капиталистического способа производства. Наконец, в последние десятилетия термин «левые» ассоциировался с призывами к максимальному перераспределению национального продукта через госбюджет (независимо от отношения к вопросу о собственности на средства производства), тогда как к «правым» стали относить сторонников минимизации государственного вмешательства в экономику.

Однако прежние трактовки «левого» и «правого» никуда не делись – они продолжают подспудно влиять на оценку той или иной партийной идеологии. В идеале образцовый «правый» – это унитарист, традиционалист, консерватор, адепт капитализма и ярый противник государственного регулирования экономики. Соответственно, образцовый «левый» – сепаратист, прогрессист, либерал, социа-

лист и пламенный сторонник максимального расширения социальных госпрограмм. Однако применительно к реальной жизни подобные сочетания характеристик выглядят фантастическими. Если унитаризм, традиционализм и консерватизм сосуществуют друг с другом без проблем, не вступая при этом в противоречие с приверженностью капитализму, то совместить традиционализм и консерватизм с требованием минимизировать вмешательство государства в экономику уже труднее. Точно так же и либерализм легче уживается с призывами к уменьшению налогового бремени, нежели с требованиями увеличить социальные обязательства государства.

Большинство действующих партийных идеологий представляет собой причудливую смесь правых, левых и центристских позиций – на разных, разумеется, шкалах. Как правило, наибольшее тяготение к правому или левому флангу партии испытывают в тех вопросах, которые считают для себя приоритетными. В остальных они предпочитают держаться ближе к центру.

Для любой партии жизненно важно правильно вычленив доминирующий в конкретном обществе конфликт, выбрав себе место на соответствующей шкале. Вовсе не обязательно таким конфликтом окажется последний по времени появления. Сплошь и рядом успех сопутствует партиям, эксплуатирующим самый древний конфликт – между центром и периферией. В других случаях на первый план может выйти противостояние традиционалистов и прогрессистов. Так, в современных Польше и Венгрии, несмотря на всю судьбоносность определения позиции в конфликте между либералами-рыночниками и социальными протекционистами, наибольшим вниманием в избирательных кампаниях пользуются вопросы, связанные с отношением к абортам, религии, семейным ценностям³². Наконец, в России рубежа 1980–1990-х гг. на авансцену вышло противостояние консерваторов и либералов: в роли первых выступали сторонники КПСС, в роли вторых – демократы.

Определить априори доминирующий в обществе конфликт невозможно. В каждой конкретной стране и в каждый конкретный момент её развития он будет другим. Так, русские националисты пятнадцать лет муссировали тему дискриминации «государствообразующей нации» – население страны особого интереса к их заклинаниям не проявляло, и лишь примерно с середины первого десятилетия XXI в. лозунги борьбы с «нелегальными иммигрантами» и защиты «коренных жителей» от приезжих «неславянской национальности» приоб-

рели необычайную популярность, заняв в политической агитации едва ли не ведущее место.

В большинстве же республик бывшего СССР (да и в некоторых автономиях РСФСР) именно стремление к образованию национальных государств составило основу политической повестки дня, приведя в итоге к распаду Советского Союза. В дальнейшем, однако, позиции националистов заметно ослабели, и вопрос национального самоопределения из сюжетобразующего превратился в маргинальный, уступив место другим, в большей степени волнующим общество.

Выявление проблем, формирующих политическую злобу дня, затрудняется тем, что различные общественные конфликты находятся друг с другом в сложных отношениях. Те из них, что были перечислены выше, – «центр–периферия», «традиционалисты–прогрессисты», «консерваторы–либералы», «эгалитаристы–элитаристы» («работники–работодатели»), «солидаристы–индивидуалисты» («бюджетополучатели–налогоплательщики») – являются своего рода «первичными» (моноконфликтами), не вытекающими ни из каких других. Кроме простых, существуют и «производные» конфликты, которые либо представляют собой превращённую форму того или иного первичного, либо возникают в результате взаимодействия нескольких моноконфликтов.

Примером превращённой формы целого ряда первичных конфликтов можно считать размежевание между городом и деревней. Будучи изначально разновидностью конфликта между центром и периферией (для деревни любой город – это центр, так же как для города сельская местность – это периферия), в дальнейшем, по мере выхода на сцену новых моноконфликтов, это размежевание каждый раз наполнялось новым смыслом. Причём участники противостояния отнюдь не придерживались жёстко заданных позиций. Так, в разных исторических условиях деревня оказывала поддержку то сепаратистам, то централизаторским усилиям власти; она могла веками хранить верность устоям, а могла вдруг поддержать революционеров-модернизаторов; могла отдавать симпатии консерваторам, а могла и либералам; могла выступать в основном от имени сельских хозяев, а могла и от имени сельских работников; могла составлять основную массу налогоплательщиков, а могла формировать один из главных отрядов бюджетополучателей. Так что зафиксировать противостояние города и деревни – лишь полдела. Надо также выяснить,

вокруг каких вопросов возникает это противостояние, какие за ним стоят первичные конфликты (либо сочетание таковых).

Типичные образцы размежеваний, происходящих из взаимодействия нескольких моноконфликтов, можно почерпнуть из современного опыта стран Восточной и Центральной Европы, включая Россию и страны СНГ. Весьма характерным для всех них является противостояние *социальных протекционистов* (сторонников государственного патернализма) и *либеральных рыночников*³³, возникшее в результате наложения сразу трёх конфликтов: «налогоплательщики–бюджетополучатели», «либерализм–консерватизм» (в экономике) и «традиционализм–прогрессизм».

В российской литературе такие конфликты получили название сложносоставных³⁴. Однако предложившие данный термин авторы склонны использовать его только в одном из возможных случаев – когда «различные конфликты, накладываясь друг на друга, стимулируют, провоцируют и усиливают друг друга, что порождает появление нового интегративного эффекта проявления конфликтности, обладающего неким иным качеством, чем моноконфликты сами по себе»³⁵. Между тем моноконфликты, накладываясь, могут не только взаимно усиливаться, но и наоборот – уравновешивать и даже гасить друг друга. Дж. Сани и Дж. Сартори определили первую структуру общественных размежеваний как кумулятивную (*cumulative-coinciding*), вторую – как пересекающуюся (*cross-cutting*)³⁶.

Так, в регионе, где компактно проживает то или иное национальное меньшинство, обострение конфликта с остальным населением страны может погасить конфликт между работодателями и наёмными работниками. Однако непропорционально высокая доля какого-либо национального (конфессионального) меньшинства в экономической и политической элите страны способна привести к кумулятивному наложению конфликта «центр–периферия» на конфликт «собственники–работники» и, соответственно, к их резонансному усилению.

Другой пример привёл А. Лейпхарт, рассмотревший различные варианты взаимодействия религиозного и социально-классового размежеваний. По его словам если эти разделения «пересекаются под достаточно большим углом, то представители различных религиозных групп будут считать, что они занимают в обществе равное положение»; если же, напротив, «эти две группы различий будут близки к совпадению, то одна из групп будет чувствовать себя ущемлённой,

поставленной в неравное положение и получающей несправедливо малую долю материальных благ»³⁷.

Причём кумулятивное наложение или пересечение конфликтов – вовсе не умозрительная гипотеза, а явление, вполне доступное количественному измерению при помощи таких коэффициентов, как «угол пересечения»³⁸ или «индекс пересечения Рея–Тэйлора»³⁹.

Следует отметить также, что кумулятивное наложение конфликтов может приводить к неодинаковым результатам. В связи с этим Дж.Сани и Дж.Сартори выделили в данной структуре размежеваний два подтипа: конфронтационные конфликты (*conflictual*) и изолированные (*isolative*)⁴⁰. В первом случае один из конфликтов подминает под себя остальные, которые как бы прячутся в его тени, во втором все они примерно равны по силе – в итоге общество оказывается многосоставным, т.е. разделённым на несколько относительно изолированных групп⁴¹.

Классическим образцом последнего случая является Бельгия. Там конфликт по линии «традиции–прогресс» разделил избирателей на приверженцев католической и светских партий. Последние, в свою очередь, в 1920-х гг. разбились на сторонников либералов и социалистов в соответствии с конфликтом между работодателями и наёмными работниками. Наконец, в 1970-х гг. каждая из трёх основных партий страны раскололась по «языковому» принципу – на валлонов (франкофонов) и фламандцев.

Впрочем, всё это не помешало различным группам бельгийского общества прекрасно поладить между собой, преодолев разногласия посредством со-общественной демократии. Однако надо учитывать, что для реализации этого варианта необходима высокая культура общественного компромисса. В России, к сожалению, кумулятивное наложение конфликтов приводило до сих пор только к конфронтационному сценарию развития событий – независимо от того, сливались ли эти конфликты в один или, наоборот, дробили электорат на множество групп.

Типичный пример кумулятивного наложения конфликтов в российских условиях привели, в частности, В.Якимец и Л.Никовская: «Например, конфликт между “традиционалистами” и “западниками” (социокультурный конфликт) “запускает” коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти. Это, в свою очередь, актуализирует источники этнонациональных конфликтов, связанных с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделением

компетенции, что, в свою очередь, провоцирует конфликты, связанные с неравномерным распределением социальных благ и условий воспроизводства жизни социальных групп, и, наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления собственности и распределения прибылей»⁴². Правда, который из этих конфликтов является «запускающим», а какой «запускаемым», ещё большой вопрос, но об этом позже.

До этого момента мы никак не касались содержания конкретных политических идеологий. Таковых может быть очень и очень много, однако, по мнению немецкого политолога Клауса фон Бейме, все партии, созданные за два последних столетия в Западной Европе, можно объединить в девять «духовных семей» (*famille spirituelles*): 1) либеральные и радикальные партии; 2) консервативные; 3) социалистические и социал-демократические; 4) христианско-демократические; 5) коммунистические; 6) аграрные; 7) региональные и этнические; 8) правозэкстремистские; 9) экологические движения⁴³.

Как представляется, речь в данном случае идёт не столько о реальных идеологиях, сколько об их обозначениях, этикетках. Разумеется, если партия называется христианско-демократической, то в её программе этому будет дано подобающее обоснование. Но ведь действительная политическая линия партии определяется не столько её программой, сколько отношением к стоящим перед обществом проблемам, и если они достаточно свежи, название партии не будет отражать её позицию в соответствующем общественном конфликте.

Другими словами, по названию политической партии очень трудно судить, какой именно идеологии она придерживается. Очень часто титульная ориентация партии полностью противоречит реальному содержанию её политического багажа. Единственное, на что название указывает более-менее точно, это на то, в каких именно условиях данная партия вышла на политическую сцену. По прошествии времени, приспособляясь к изменению общественных настроений, она, как правило, бывает вынуждена менять платформу – чтобы не оказаться на обочине политического процесса.

Так, появление аграрных или христианских партий было своего рода традиционалистским ответом на прогрессизм городских либералов и атеистующих социал-демократов. Последующая эволюция этих партий могла сделать их выразителями самых разных общественных настроений – от консервативных до социал-протекционистских. Далее, и Демократическая, и Республиканская партии США

возникли на волне либерального протеста против монополизации власти узким кругом сильных мира сего, но в дальнейшем и та и другая несколько раз сменили свою реальную платформу. Особенно это касается Демократической партии, которая была и либеральной, и консервативной (а зачастую одновременно и такой, и такой – либеральной на Севере и консервативной на Юге), а в настоящее время является живым воплощением идеологии политкорректности.

Наиболее же близкий для понимания отечественный пример – Либерально-демократическая партия Советского Союза (с 1992 г. – Либерально-демократическая партия России). Название этой политической организации недвусмысленно указывает на то, что она была создана, когда либеральная идеология переживала в стране пик популярности. Однако очень скоро, в погоне за конъюнктурой, ЛДП сочла обременительным отдавать даже формальную дань либерализму и демократии. «Идеи», которые проповедовал лидер партии В.Жириновский, не только не имели ничего общего ни с тем, ни с другим, но являли собой полную им противоположность. Тем не менее партия сохраняет первоначальное название, вводя в заблуждение несведущих иностранцев.

Теперь рассмотрим, что нового привносит российский опыт в изучение места партий в отношениях между обществом и миром идей.

2.4. Партийно-политическое поле России в его связи со структурой общественных конфликтов

Конфигурация партийно-политического пространства дореволюционной России имела вполне классический вид. Здесь, как и в Европе, противостояние консерваторов и либералов (конфликт «монополия–конкуренция») постепенно вытеснялось противостоянием между «цензовыми элементами» и эгалитаристами (конфликт труда и капитала). И точно так же, как в Европе, неявность признаков данного вытеснения обуславливалась ограниченным характером избирательного права. В то время как в численности и организационной мощи быстрее всего прибавляли партии социалистической ориентации – социал-демократы и эсеры (во всяком случае, в период ослабления полицейских репрессий), основная борьба в Госдуме велась между консерваторами и либералами.

Таким образом, если что-то в партийно-политическом пространстве России до 1917 г. и выходило за обычные рамки, так это чрезвычайная развитость левого фланга. Объяснялась эта развитость в первую очередь кумулятивным наложением конфликта между трудом и

капиталом и конфликта между городом и деревней, выразившимся в противостоянии крестьян и помещичьих землевладельцев, традиционно поддерживаемых государством (нося «домодернизационный» характер, это противостояние, тем не менее, имело решающее значение для судеб страны). Если учесть, что в своей массе рабочие были выходцами из крестьянского сословия, то нет ничего удивительного в том, что эти два конфликта, слившись, породили единое противостояние «простого народа» «господам».

Победа в России «социалистической» революции послужила мощным аргументом в пользу марксистской интерпретации исторических взаимосвязей, которая явилась фундаментом для схемы размежевания между левыми и правыми, господствовавшей на протяжении большей части XX столетия.

Постсоветская многопартийность возникла в условиях, когда марксистская схема уже подрастеряла свою убедительность. К середине 1970-х гг. наёмные работники Западной Европы сплошь и рядом голосовали за «буржуазные» партии, тогда как значительная доля среднего класса – за социалистические⁴⁴. Политическая жизнь перестроечной России внесла ещё большую путаницу в использование понятий «левое» и «правое».

Многолетняя монополия на власть не могла не превратить коммунистов в силу консервативную и даже в чём-то традиционалистскую. Ослабление КПСС – в том числе из-за внутренних противоречий – постепенно вывело на первый план противостояние консерваторов и либералов, т.е. сторонников сохранения монополии и сторонников поощрения конкуренции. Постепенно данное противостояние вышло за пределы партийной верхушки, а затем и самой КПСС.

Дезинтеграция Компартии СССР и эмансипация общества высвободили самые разнообразные течения, в т.ч. и традиционалистские, причём двоякого рода – «красные» и «белые». Первые апеллировали к периоду «расцвета» советского государства – сталинской эпохе, вторые – и вовсе к ценностям дореволюционной России: самодержавию и православию. Однако всё это были маргинальные течения, так и оставшиеся на периферии консервативно-либерального конфликта. В общественном сознании «консерваторы»-коммунисты вполне логично ассоциировались с правыми, тогда как демократы (либералы) – с левыми.

Однако ещё до августа 1991 г. эта схема начала давать сбои. По мере того как нерв общественной жизни от вопросов политической ре-

формы смещался к вопросам реформы экономической, отождествление либералов с левыми, а консерваторов с правыми становилось всё более сомнительным. В рамках господствовавшей почти на всём протяжении XX в. модели политического размежевания неотъемлемым атрибутом левых являлась приверженность принципам плановой экономики и государственной собственности на средства производства, в то время как апология рыночной конкуренции, частной собственности и частной инициативы рассматривалась как безусловный признак правизны. В связи с этим демократов всё реже именовали левыми, а консерваторов из руководства КПСС – правыми.

Наконец, крах КПСС и всей политической системы, в основе которой лежала монополия одной партии на управление страной, привёл к окончательному перемещению главных баталий в экономическую сферу. Всё вроде бы вернулось на круги своя: коммунистов стали называть левыми, либералов – правыми. Однако в использовании данной классификации по-прежнему ощущалась некая условность; очень часто понятия «левые» и «правые» употреблялись в кавычках, чем как бы подчёркивалось осознание этой условности.

Действительно, в идеологии Компартии РФ явно проступали элементы традиционализма, пусть даже «красного», советского (хотя партийные вожди периодически делали реверансы в сторону «тысячелетней истории России» и демонстрировали почтение перед традиционными конфессиями и церковью). Иначе говоря, КПРФ то и дело прибегала к «правой» риторике. С другой стороны, идеология либеральных партий имела отчётливый прогрессистский оттенок, следовательно, на шкале «традиционализм–прогрессизм» они находились левее центра.

Да и на многих прочих шкалах либералы тяготели к левому краю, а коммунисты – к правому. Например, в вопросах национально-территориального устройства государства коммунисты занимали скорее унитаристскую позицию, тогда как либералы – скорее (кон)федералистскую. В дихотомии «монополия–конкуренция» («порядок–свобода») либералы и подавно склонялись влево – в отличие от коммунистов, смотревших в противоположном направлении. Даже в конфликте между трудом и капиталом либералы не спешили однозначно принимать сторону работодателя, отдавая известную дань «завоеваниям трудящихся» и ратуя не столько за освобождение собственников от обязанностей перед работниками, сколько за ослабление административного контроля над экономикой.

Единая шкала, на которой позиции либералов были безусловно правыми, а коммунистов – строжайше левыми, – это шкала «рыночный индивидуализм – протекционистский солидаризм», отражающая конфликт налогоплательщиков и бюджетополучателей. Коммунисты выступали за максимальное перераспределение ВВП через бюджет, либералы за минимальное. Причём дальше всех вправо по этой шкале ушёл Союз правых сил (немногочисленные либертарианцы не в счёт – слишком уж они были маргинальны) – здесь он действительно оправдал своё название. Как отметил К.Холодковский, КПРФ и СПС представляют «как бы два противоположных полюса электората»: Союз правых сил «опирается главным образом на “сильные” группировки, обладающие значительными адаптационными ресурсами», в то время как Компартия – «на “слабые”, уязвимые в условиях рыночной трансформации»⁴⁵. Остальные же партии, по его словам, ориентируются либо на промежуточные социально-демографические группы («средние возможности, средние доходы»), либо на смешанные⁴⁶.

Последнее замечание относится и к «Яблоку», которое, будучи сторонником уменьшения государственного вмешательства в экономику, в своей программе, а тем более практической деятельности всегда уделяло больше внимания проблемам бюджетополучателей, нежели налогоплательщиков. Но это естественное следствие неоспоримого доминирования бюджетополучателей в политической жизни страны, которое обусловлено как количественным преобладанием первой категории населения над второй, так и тем, что в отличие от налогоплательщиков, по большей части равнодушных к политике, бюджетополучатели исправно ходят на выборы.

Системообразующий характер конфликта «налогоплательщики–бюджетополучатели» – в плане формирования контуров партийно-политического поля современной России – окончательно определился после выборов в Госдуму 2003 г. КПРФ потерпела на них неудачу не в последнюю очередь из-за своей приверженности идеологии, основанной на абсолютизации противоречий между трудом и капиталом. Анахронизм этой идеологии с каждым годом становился всё более очевидным. Конкуренты Компартии в левой части спектра – «Родина», ЛДПР, отчасти «Единая Россия» – требовали не «передачи средств производства под контроль трудящихся», а «справедливого распределения природной ренты». Они выступали от лица не рабочих, а широких масс бюджетополучателей. В принципе, от их же имени выступала и КПРФ, однако при этом она апеллировала к

идеологии, не совсем адекватной поставленной задаче. Конкуренты потому переиграли коммунистов, что отказались от балласта советского традиционализма и сосредоточились на моментах, которые только и интересуют бюджетополучателей, претендующих на долю национального дохода не в качестве представителей рабочего класса, а просто как члены общества.

Парламентские выборы 2003 г. обнаружили также, что российский либерализм до сих пор зиждется на весьма зыбком основании: это либерализм идей, а не интересов; слов, а не дел; интеллигенции, а не налогоплательщиков и предпринимателей. Либералам, в первую очередь Союзу правых сил, так и не удалось мобилизовать «буржуазного» избирателя – во многом вследствие собственных просчётов, но главным образом в силу объективных причин. Российский налогоплательщик и бизнесмен по-прежнему политически пассивен и свои проблемы предпочитает решать неполитическими способами – путём уклонения от налогов или подкупа чиновников. Поэтому итоги выборов-2003 и явили пример безоговорочного триумфа политических сил, ориентирующихся на бюджетополучателя. Это, впрочем, отнюдь не ведёт к оттеснению самого конфликта на задний план, а лишь отодвигает на более поздний срок очередную фазу его развития.

Несмотря на относительно политическую неопытность постсоветской России, не исключено, что именно её история даст ключ к решению некоторых вопросов, поставленных теорией партий, – в частности, почему в одних странах партийно-политическая жизнь до крайности идеологизированна, тогда как в других это её качество сведено к минимуму. Россия начала XX в. принадлежала к первому типу – накопленных тогда идеологических запасов хватило на несколько десятилетий однопартийного режима. Идеологизированность партийной жизни 1990-х гг. была на порядок ниже, а после выборов-2003 и вовсе резко пошла на убыль; понятно, что в наиболее проигрышном положении оказались именно «идеологические» партии – КПРФ, СПС и «Яблоко».

Исходя из всего этого, можно предположить, что уровень идеологизированности политической жизни зависит в первую очередь от остроты конфликта «традиционализм–прогрессизм», причём не в частной («церковь–государство», «город–деревня»), а в предельно общей форме – как противостояния между сторонниками старого и нового уклада жизни. Интенсификация этого конфликта не только подталкивает партийных идеологов к переосмыслению основ общественного устройства, но и пробуждает интерес к подобного рода абстракциям у значительной части населения.

Показательно в этом плане сравнение Европы и США. В Европе на противостояние между приверженцами «старого порядка» и сторонниками радикальных преобразований, как правило, накладывались конфликты по линиям «консерваторы–либералы», «работодатели–работники» – отсюда высокая степень идеологизированности европейской политики. В Соединённых Штатах конфликт по линии «традиции–прогресс», напротив, почти не проявлялся: этому способствовала открытость и мобильность американского общества, сочетавшаяся с религиозностью подавляющего большинства населения при отсутствии государственной религии. Поэтому в США так и не сложилась влиятельная социалистическая, тем более коммунистическая, партия – в результате конфликт между работодателями и работниками не приобрёл всеобщего характера, оставшись проблемой отдельных групп населения.

В России 1990-х общий политический фон задавался противостоянием сторонников либерально-рыночных реформ и адептов советского традиционализма, однако влияние отражавших этот конфликт партий – коммунистических с одной стороны и либеральных с другой – охватывало немногим более трети электората. Остальные избиратели не хотели жить ни надеждами на светлое рыночное завтра, ни ностальгией по светлому социалистическому вчера – их заботило неопределённое сумеречное сегодня. В начале нового столетия население почти совсем утратило интерес к спорам реформистов и антиреформистов – в итоге коммунисты потеряли добрую половину своего электората, а либералы вообще не прошли в Госдуму.

Ещё одна новация партийной жизни, подаренная постсоветской Россией миру, – новый тип внесистемной партии. Обычно под такой понимается организация, стремящаяся упразднить самоё политическую систему, внутри которой действует. Яркими образчиками подобного рода были в своё время коммунистические и фашистские партии. В современной же России существуют структуры, чья внесистемность заключается в том, что они свободно разгуливают по всему политическому полю, отщипывая по кусочку везде, где удастся. Эти партии не отвергают систему – они на ней паразитируют.

Как уже отмечалось выше, контуры партийно-политического пространства современной России очерчиваются конфликтом между налогоплательщиками и бюджетополучателями. Ввиду того, что бюджетополучатели в нашей стране абсолютно доминируют над налогоплательщиками, один из флангов этого пространства вытеснен в тень, а само оно поделено на несколько частей другими конфликтами.

ми. Конфликт по линии «традиции–прогресс» противопоставляет коммунистов и «партию власти», по линии «монополия–конкуренция» – «партию власти» и либералов, которых, в свою очередь, разделяет на два течения конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями. Наконец, противостояние по линии «центр–периферия» обособляет в отдельную группу националистические организации.

Вместе с тем на российском политическом поле обитают субъекты, которые ухитряются совмещать элементы диаметрально противоположных позиций едва ли не в каждом из фундаментальных конфликтов. Подобные партии есть в любой стране, однако в большинстве случаев это недолговечные маргиналы. У нас же они ходят в политических старожилах.

Речь идёт прежде всего о Либерально-демократической партии России. Пожалуй, единственная сфера, где она придерживается строгих взглядов, – это отношения между центром и периферией. Здесь ЛДПР яростно отстаивает унитаризм, т.е. недвусмысленно позиционирует себя как правую партию. В остальных вопросах она не связана никакими предрассудками и в зависимости от аудитории может позволить себе выразить симпатии как к традиционализму (апеллируя к ценностям «русской цивилизации»), так и к прогрессизму (высказываясь в пользу легализации лёгких наркотиков); как к консерватизму (выступая за наделение президента – «верховного правителя» – широчайшими полномочиями), так и к либерализму (декларируя приверженность идеалам демократии). ЛДПР с одинаковой лёгкостью предлагает поддержку и предпринимателям, и работникам; и бюджетополучателям, и налогоплательщикам. Она обещает одновременно и расширить бюджет, и сократить налоги; и национализировать крупные предприятия, и оказать государственную поддержку частному бизнесу. Разумеется, всё это заурядный популизм – такие обещания потому легко и дают, что не собираются их выполнять. И дело тут не столько в самой ЛДПР, сколько в избирателе, выводящем на авансцену российской политики подобные образования.

После парламентских выборов 2003 г. компания «всёядных» вольных стрелков пополнилась избирательным блоком «Родина», который, как и ЛДПР, раздавал обещания и налево, и направо. В том, что говорили идеологи блока, что-то близкое себе могли услышать представители самых разных сегментов электората. Во многом это объяснялось разношёрстностью участников блока. Здесь были и традиционалисты национал-патриотического толка (Партия нацио-

нального возрождения «Народная воля», Народно-патриотическая партия России), и лейбористы отечественного разлива (Российская партия труда), и социал-патриоты (Социалистическая единая партия России («Духовное наследие»)), и защитники интересов провинции (Партия российских регионов), и много кого ещё. Обычно в таких собраниях каждый дудит в свою дуду, и в итоге выходит полная какофония. Но этому наспех сколоченному ансамблю удалось сыграть на удивление слаженно.

Дальнейшая судьба «Родины» оказалась необычной. В результате серии расколов из блока выбыли почти все его учредители, кроме Партии российских регионов. Переименовавшись в партию «Родина», она неплохо себя показала на региональных выборах 2004–2005 гг., чему в немалой степени способствовал перевод последних на смешанную (пропорционально-мажоритарную) систему. Аналогичных успехов – и примерно по той же причине – добилась также внезапно всплывшая на поверхность Российская партия пенсионеров. Главным инструментом воздействия на избирателя в обоих случаях был популизм, позволявший подавать на одной тарелке взаимоисключающие кушанья – вроде пламенной антибюрократической риторики с гарниром из обещаний усилить государственное вмешательство в экономику.

Перейдя в начале 2005 г. в оппозицию Кремлю, «Родина» и РПП оказались в опале, и это кончилось для них весьма печально. Сперва их заставили сменить руководство, а затем – объединиться с Российской партией жизни. Полученной конструкции – партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» – разрешили критиковать «Единую Россию», но не верховную власть. Наградой за лояльность стало позволение участвовать в выборах в качестве главной оппозиционной организации страны.

Особенностью этой «оппозиции» является, однако, то, что СРРПЖ, так же как и «Единая Россия», не стремится к реальному овладению главными властными рычагами, которые в настоящее время находятся в руках беспартийной бюрократии. Но если партии не претендуют на решающую роль в определении государственного курса, они не оправдывают своего назначения. Лишь когда они становятся ведущими субъектами политики, их деятельность приобретает системный характер, а политическая система становится системой партийной.

Предпосылкам превращения партий в системную силу посвящена следующая глава.

Глава 3. Партии и власть. Партийные системы

Включение в систему власти – цель любой партии, а достижение этой цели – логический итог процесса партийного строительства. Когда партии покоряют вершину властной иерархии – пост главы государства (правительства), становится возможным говорить о формировании в стране полноценной партийной системы.

Концепция «партии-картеля», утверждающая, что в последние десятилетия партии Западной Европы из части гражданского общества превратились в деталь государственной машины¹, упускает из виду, что само понятие партийной системы предполагает такой уровень развития партий, при котором именно они являются главными носителями и проводниками государственной политики. Иными словами, в сложившейся партийной системе партии по определению являются составной частью в конструкции государства. Для подтверждения своей гипотезы П.Мэйру и Р.Кацу следовало бы искать доказательства не сращения партий с государством, а утраты ими связей с обществом. С того момента, как партии начинают играть главную роль в отборе и продвижении кандидатов на пост главы государства (правительства), они окончательно врастают в государственную систему.

Подготовку к штурму государственных постов партии начинают ещё на стадии выборов в парламент. Однако проведение кандидатов в представительные органы – лишь первый шаг на пути к власти. История знает немало парламентов, структурированных по партийному принципу, но не имеющих решающего голоса при прокладывании государственного курса. Только участие в формировании правительства делает партии полноправными субъектами политического процесса. Принятие партиями ответственности за деятельность исполнительной власти завершает построение механизма обратной связи между государством и обществом, которые теперь уже не могут жить каждое само по себе. Общественный и политический процессы сливаются в один – общественно-политический.

Начиная с этого момента логика действий политической партии перестаёт обуславливаться её внутренней структурой, социальным составом и программными целями. Оказавшись включённой в более широкий контекст, партия становится частью общественно-политического организма, и её поведение диктуется в первую очередь отношениями с другими «органами» – прежде всего другими партиями.

Осью, вокруг которой выстраиваются эти отношения, является причастность к процессу управления государством, а точнее – участие в формировании правительства и осуществление контроля над его деятельностью.

В основе апологетического или, наоборот, пренебрежительного мнения о партиях лежит одна и та же посылка – от них слишком много ждут. Апологеты приписывают им мыслимые и немыслимые достоинства, утверждая, что только партии способны должным образом представлять общество в глазах государства. Скептики, напротив, призывают посмотреть на партийных деятелей трезвым взглядом и честно сказать, в состоянии ли эти поверхностно мыслящие демагоги адекватно осознать масштаб проблем, стоящих перед обществом и государством. Вторые, в отличие от первых, правы в том, что не идеализируют существующие партии, но при этом они явно недооценивают возможности последних. Действительно, вряд ли найдётся хоть одна партия, которой под силу взвалить на себя весь груз государственных забот. Все эксперименты в этой области рано или поздно кончались провалом.

Но то, что партии не способны сделать в одиночку, может сделать партийная система. Ведь назначение партий не в том, чтобы подменить собой все общественные, политические и государственные институты. У них гораздо более скромная задача – перенести доминирующие в обществе конфликты на политический уровень², сосредоточить внимание государства на определённых проблемах, обозначить приоритетные направления в его деятельности. Решать эти проблемы, естественно, будут специалисты, наличие которых в самих партиях, в общем-то, не обязательно – главное, чтобы таковые были в распоряжении парламента и правительства. Врастая в государство, партии отнюдь не захватывают его целиком, от килия до клотика, – они довольствуются штурманской рубкой и капитанским мостиком. В частности, в исполнительной власти сфера их влияния ограничивается узким кругом высших должностных лиц: президент, глава правительства, его заместители, ключевые министры. Судебная власть – это вообще зона, которую принято оберегать даже от минимального партийного касательства. Так что глубину проникновения партий в государственный механизм не стоит преувеличивать: эксперименты вроде практиковавшейся в XIX веке в США спойл-системы, когда победившая партия замещала десятки тысяч должностей – вплоть до почтальонов, себя не оправдали, и это в конце концов признали сами экспериментаторы.

Но с переносом доминирующих общественных конфликтов на государственный уровень партийная система справляется вполне сносно, заставляя их работать на общество. Будучи каждая сама по себе, партии могут лишь транслировать конфликт, но не контролировать его и тем более не использовать его энергию в общественно полезных целях. Недаром так много парламентов прекратили своё существование, не сумев справиться с раздиравшими их противоречиями. Причина всегда была в отсутствии партийной системы, способной преобразовать бои без правил в цивилизованную конкуренцию, а смертельную схватку – в благотворное сотрудничество.

Конструкция партийной системы довольно проста: она состоит из правящей партии (коалиции) и оппозиции. Первая формирует правительство и держит под контролем его деятельность; вторая дожидается часа, когда сможет сменить конкурентку. Правящая партия нацеливает государственную машину на решение актуальных проблем, исходя из интересов одной из сторон доминирующего общественного конфликта. От успеха в этом деле зависит устойчивость положения правящей партии. В случае неудачи её место занимает оппозиция, которая пытается решить те же самые проблемы в интересах противоположной стороны. Когда поражение терпят и правящая партия, и оппозиция, возникают условия для выхода на сцену третьей силы.

В особых случаях (или, возможно, на определённой ступени развития) участники политического процесса отказываются от деления на правящую партию (коалицию) и оппозицию и переходят от соревновательной модели демократии к консенсусной (в т.ч. со-общественной – consociational), отличительным признаком которой является представленность в правительстве всех значимых меньшинств³. Впрочем, разница между соревновательной и консенсусной моделями не так уж велика. Некоторые исследователи объединяют ту и другую в один тип политических систем – согласительных, противопоставляя последние племенным (народным), авторитарно-бюрократическим и мобилизационным⁴. Внимание при этом акцентируется на том, что для функционирования согласительных систем требуется высокий уровень общественного согласия относительно некоторых базовых ценностей, и в первую очередь – единые правила игры, основанные на признании за гражданами политического равенства и права участвовать в политической жизни, а также на организационном плюрализме и легитимации конфликта интересов⁵.

Именно готовность играть по правилам создаёт предпосылки для возникновения партий и партийных систем. Как заметил Ж.Блондель, роль этих правил настолько велика, что иногда они кажутся стеной хребтом самой межпартийной конкуренции⁶. Отказ от правил чреват крушением партийной системы как таковой, разложением её на конгломерат группировок, соперничающих друг с другом по принципу «каждый за себя», а в перспективе – полным исчезновением партий с арены политической борьбы. Существуют, конечно, партийные системы, которые не только игнорируют правила межпартийной конкуренции, но и обходятся без конкуренции вообще – это прежде всего системы однопартийные. Другой вопрос – можно ли считать их полноценными и исторически жизнеспособными. Но об этом ниже.

Относительная простота устройства партийных систем не предполагает вместе с тем их единообразия – так же как универсальность правил спортивных игр не предопределяет исхода конкретного матча. На формат и особенности механизма партийных систем влияют такие факторы, как количество основных игроков, соотношение их сил, динамика изменения расстановки этих сил и т.п., чем и объясняется существование различных системных классов и типов.

3.1. Типы партийных систем

В работах М.Острогорского и Р.Михельса проблема партийных систем не поднималась в принципе. Первый изучал партии Великобритании и США и воспринимал хрестоматийные двухпартийные системы этих стран как некую естественную данность. Вторым занимался организационным устройством партий (социалистических и социал-демократических), а их взаимоотношения с соседями и конкурентами по политическому спектру были вне круга его исследования. К тому же в начале XX в. социал-демократы ещё нигде не претендовали на правящий статус, да и вообще тогдашнюю Германию (как и многие другие европейские государства) трудно назвать страной с полноценной партийной системой: влияние партий на правительство было ограниченным, а исполнительная власть оставалась под контролем монарха и напрямую подчинявшегося ему бюрократического аппарата.

К моменту выхода книги М.Дюверже (1951) в большинстве европейских стран сложились партийные системы самого разного свойства. Для самого Дюверже различие «однопартийности, англосаксонской двухпартийности и многопартийности» было уже

«классическим»⁷. Более того, он отмечал, что на это различие «наслаиваются и с ним взаимодействуют многие другие: система независимых партий – или входящих в союзы; доминирующих в данной системе – и уравнивающих её; больших и малых, стабильных и нестабильных, эволюционирующих влево ...или отличающихся стабильностью, etc.»⁸. Однако в последующем анализе французский учёный сосредоточился именно на трёх основных типах: однопартийной, двухпартийной и многопартийной системах. При этом он признавал, что между этими типами отсутствуют чёткие границы, принимая во внимание, что в США, например, существуют малые и локальные партии, а Великобритания балансирует между двух- и трёхпартийностью⁹.

Кроме того, Дюверже выделял внутри данных типов различные подтипы, рекомендуя, в частности, говорить не об однопартийном режиме, а об однопартийных режимах¹⁰. Ещё бы – ведь он объединял в один тип тоталитарные СССР, Италию и Германию, авторитарные Турцию и Португалию, а также южные штаты США, в которых на несколько десятилетий утвердилась политическая монополия демократов¹¹. Многопартийные системы Дюверже подразделял на трёхпартийные, четырёхпартийные и полипартийные, т.е. тяготеющие к «крайнему множеству партий»¹², – к последнему типу он отнёс и собственную страну¹³. Однако по большому счёту Дюверже не вышел за рамки деления на однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы. Отличия между разновидностями каждого из этих типов казались ему, по всей видимости, менее значительными, нежели черты, их сближающие.

Дюверже явился родоначальником «нумерологической» (количественной) классификации партийных систем – согласно числу основных партий, участвующих в политической жизни. Недостатки этой классификации очевидны: она линейна, одномерна и сводит в одну категорию слишком разнящиеся случаи.

Тем не менее нумерологический подход получил развитие. Так, М.Лааксо и Р.Таагепера предложили формулу, позволяющую оценить уровень фрагментации той или иной партийной системы, – т.н. «эффективное число партий»¹⁴. В сравнительном аспекте этот индекс имеет несомненную ценность, однако его результативность ограничивается тем, что он приложим только к одной плоскости. Кроме того, как справедливо заметил Дж.Сартори, количественный критерий целесообразно применять лишь к тем партийным системам, которые уже вступили в стадию структурной консолида-

ции¹⁵. Имея дело со становящейся либо предельно атомизированной системой, исчислять, сколько партий участвует в политике, по его мнению, не имеет смысла¹⁶.

Попытку исправить недостатки количественного подхода к классификации партийных систем предпринял Ж.Блондель, предложивший учитывать не только число, но и относительный размер партий. Однопартийные режимы он вынес за скобки, точнее, разделил все партийные системы на три группы – традиционные однопартийные, мобилизационные однопартийные и системы с более чем одной партией¹⁷ – и сосредоточил внимание на третьей. В ней он выделил четыре категории: 1) двухпартийные системы (Великобритания, США, Новая Зеландия, Австрия), где в расчёт берутся только две самые крупные партии; 2) «двухполовинопартийные» (Германия, Люксембург, Ирландия, Канада) – здесь в игру вмешивается третья партия, которая, будучи меньше, чем две основные, обладает, однако, достаточным коалиционным потенциалом; 3) многопартийные с доминирующей партией (Италия, страны Скандинавии, Исландия, Франция периода Пятой Республики¹⁸, Япония – с 1960-х гг., Израиль – до середины 1970-х); 4) многопартийные без доминирующих партий (Швейцария, Нидерланды, Финляндия, Франция времён Четвёртой Республики)¹⁹. Говорить же вслед за Дюверже о трёх-, четырёх- или «оченьмногопартийных» системах, полагает Блондель, вообще незачем²⁰.

Предложенные Ж.Блонделем поправки многое проясняют, тем не менее они не устраняют главного порока количественной схемы – соединения плохо соединимых случаев: например, Великобритании и США, партийным системам которых свойствен различный уровень идеологизации политической жизни и организационной консолидации политических партий; Италии периода утраты христианскими демократами парламентского большинства и скандинавских стран со вполне устойчивыми позициями социалистов в представительных органах власти; Швейцарии и Нидерландов с их «большими коалициями» и Франции времён Четвёртой Республики с крайне неустойчивыми кабинетами, опирающимися на ситуационное большинство.

Более плодотворным был подход, предложенный в 1960-х гг. Дж.Сартори, который откорректировал нумерологическую классификацию с учётом характера устойчивых взаимодействий (patterned interaction) между основными участниками партийной жизни. Критикуя М.Дюверже и прочих представителей количественного подхо-

да, он выразил неудовлетворение помещением в одну категорию – «многопартийные системы» – двух существенно несходных классов: умеренного (биполярного) плюрализма и крайнего (многополярного) плюрализма. В первой системе, по словам Сартори, господствуют центростремительные силы, во второй – центробежные; первая тяготеет к прагматической политике, вторая – к экстремистской²¹. В качестве примеров поляризованной многопартийной системы исследователь привёл Германию времён Веймарской республики, Францию периода Четвёртой Республики и современную ему Италию²².

Кроме того, Сартори не согласился с отнесением к одному разряду – «однопартийность» – совсем непохожих партийных систем, а также с игнорированием переходных классов. Так, он подчеркнул, что следует отличать однопартийную систему советского типа, в принципе не допускающую конкуренции, от тех систем, где существование конкуренции не мешает доминирующей партии раз за разом побеждать на выборах и единолично формировать правительство (Мексика, Япония). С другой стороны, Сартори выделил в самостоятельный тип гегемонистскую систему, т.е. такую, в которой формально существует несколько партий, но все они признают право партии-«гегемона» на руководящую роль (КНР, ГДР и другие европейские страны Восточного блока).

В трактовке Сартори число основных классов партийных систем достигло семи: 1) однопартийная; 2) гегемонистская (с партией-«гегемоном»); 3) доминантная (с доминирующей партией); 4) двухпартийная; 5) ограниченный плюрализм; 6) крайний (поляризованный) плюрализм; 7) атомизированная²³.

При этом, основываясь именно на характере взаимодействия партий, он счёл нужным особо отметить степень идеологизированности партийных систем. Кстати, Ж.Блондель тоже считал необходимым учитывать позиции партий в идеологическом спектре, в связи с чем в его классификации число типов партийных систем возросло с четырёх до шести (а по сути, до семи). Среди двухпартийных систем он выделял США, где основная борьба идёт не между консерваторами и социалистами, а между двумя либеральными партиями; среди «двухсполовинойпартийных» отличал те, в которых третья партия придерживается центристской ориентации, от тех, где она проповедует левые взгляды; среди многопартийных с доминирующей партией – те, в которых главную роль играет социалистическая партия, от тех, где доминирует правая²⁴. Конечно, составленная Ж.Блонделем схема носит скорее эмпирический характер, однако она делает акцент на том,

от чего остальные исследователи отмахивались как от несущественного, а именно – от содержания политического процесса. К сожалению, данная линия не была продолжена, и партийные системы до сих пор классифицируются исключительно по формальным признакам, что сильно обедняет фактологическую основу анализа.

По пути «формализма» пошёл и Дж.Сартори – предпочтя обойтись без «ползучего эмпиризма», он ограничился разделением партийных систем на идеологические и прагматические. И всё равно это стало значительным продвижением вперёд в деле выработки инструментария, используемого при анализе состояния партийных систем.

Совмещение этой схемы с предложенной ранее классификацией дало следующую типологию: 1) однопартийная тоталитарная система; 2) однопартийная авторитарная; 3) однопартийная прагматическая; 4) система с идеологизированной партией-«гегемоном»; 5) с прагматической партией-«гегемоном»; 6) с доминирующей партией; 7) двухпартийная; 8) умеренный мультипартизм; 9) экстремальный мультипартизм; 10) атомизированный мультипартизм²⁵.

Сартори признавал, что для многих целей такая типология избыточна и может быть упрощена до пяти главных категорий, объединённых в три группы: однополярная система (однопартийная и гегемонистская), биполярная система (двухпартийная и умеренно многопартийная, сюда же примыкает система с доминирующей партией) и многополярная система (экстремальный мультипартизм, в качестве предшественника которого можно рассматривать атомизированную систему)²⁶. Стало быть, итальянский исследователь как бы вернулся к «классической» типологии Дюверже, но вернулся на новом уровне, подвергнув ревизии её концептуальную основу.

Предложенная Сартори классификация, несмотря на её детальность, тем не менее, была не в силах охватить всё разнообразие существующих партийных систем, а самое главное – новые тенденции в их развитии. На протяжении 1960–1970-х гг. эти тенденции нередко получали отражение в концептах, не имеющих прямого отношения к классификации партийных систем, – например, в моделях «всеядной» партии, «партии-картеля», консенсусной (со-общественной) демократии.

Сформулированная О.Киркхаймером концепция «всеядной» (catch-all) партии отметила не только появление нового типа партии, но и изменение характера взаимодействия между партиями, ранее состоявшими в жёстком антагонистическом противоборстве друг с другом. Они уже не ведут войну на уничтожение и не замыкаются в

собственном социальном гетто, но пытаются выйти за пределы своего базового электората, порождая тем самым тенденцию к стиранию идеологических и социальных граней между главными партиями; таким образом, система, в которой господствуют центробежные силы, трансформируется в систему, где доминируют силы центростремительные.

Концепция «партии-картеля» (П.Мэйр, Р.Кац) обозначила ещё одну новацию: центростремительные силы в развитии партийных систем делаются настолько мощными, что основные партии не просто отходят от конфронтации друг с другом, но вступают в «картельные» соглашения, т.е. попросту делят между собой места в парламенте.

Наконец, модель со-общественной (консенсусной) демократии (А.Лейпхарт) отобразила новую фазу в развитии центростремительной тенденции: партии делят места не только в парламенте, но и в правительстве. Если «картельные» соглашения могут заключаться за спиной избирателя, то консенсусная демократия возможна лишь в случае одобрения подобной тактики со стороны электората.

Хронологически концепция «партии-картеля» появилась значительно позже теории со-общественной демократии. Более того, П.Мэйр и Р.Кац приводили в качестве примера в первую очередь те страны, на опыте которых А.Лейпхарт и разрабатывал свою доктрину. Однако полностью отождествлять их было бы некорректно: «картелизация» партийной жизни может иметь место и в тех обществах, где консенсусной моделью даже не пахнет. Например, в России в 2001 г. четыре партии – «Единство», «Отечество», СПС и «Яблоко» – согласовали на выборах в Московскую городскую думу единый список кандидатов с целью не пустить в МГД остальных конкурентов, прежде всего коммунистов: картелизация налицо, но ни о какой консенсусности речи не идёт. А.Лейпхарт выделял четыре признака со-общественной (consociational) и восемь (впоследствии десять) признаков консенсусной модели, главным из которых является формирование правительства «большой коалицией», т.е. максимальным количеством участников партийной жизни²⁷.

Концепции «всеядной» партии, «партии-картеля» и консенсусной демократии вносили изменения в классификацию партийных систем как бы не вполне законным путём, и одной из причин подобной «контрабанды» было отсутствие шкалы, способной отразить эти изменения. О.Киркхаймер написал свою работу ещё в те времена, когда в классификации партийных систем властвовал нумерологический подход, – отмеченные же исследователем новации каса-

лись характера взаимодействия основных участников политической игры. Что касается концепций «партии-картеля» и консенсусной демократии, то систематизация зафиксированных ими изменений требовала учёта ещё одного критерия (в добавление к числу партий и характеру взаимодействия между ними) – отношения между партиями и государством. Другими словами, необходимо было вычленить компонент, без которого немыслима ни одна партийная система и который составляет её стержень, – правящую партию (коалицию).

Вообще-то Дж.Сартори некоторым образом учитывал этот компонент, когда выделял в особые категории гегемонистскую и доминантную системы, – просто это вышло у него неосознанно, неререфлексивно. Ведь между доминантной («полупартийной») системой и двухпартийной разница прежде всего в том, что в первом случае на выборах всегда побеждает одна и та же партия – стоит ей проиграть, и система меняет свои качественные характеристики. От гегемонистской же «полупартийную» систему отличает то, что партии в ней стремятся к власти всерьёз, тогда как в гегемонистской они лишь имитируют это стремление.

То же самое касается и классификации Ж.Блонделя, различающей двухпартийные и «двухполовинопартийные» системы, а также многопартийные с доминирующей партией и многопартийные без доминирующей партии. В каждом случае учтена способность основных партий в одиночку либо в составе коалиции принимать участие в формировании правительства (правда, эта модель приложима только к парламентским демократиям и не рассчитана на случай США, где функции правительства выполняет президентская администрация; именно поэтому, наверное, Блондель и предпочитал говорить не о взаимоотношениях правящей партии и оппозиции, а об относительных размерах партий).

На то, что динамика отношений между правящей партией (коалицией) и оппозицией является важнейшей характеристикой партийной системы, первым – ещё в середине 1960-х гг. – указал англичанин Гордон Смит²⁸. Однако, как представляется, его вклад не был оценён коллегами по достоинству²⁹. В результате общий вопрос – о положении правящей партии в партийной системе – оказался подменён частным – проблемой «партийного правительства» (party government), суть которой сводилась к попыткам разобраться, почему в одних странах правительство (государство в целом) более «партийно», а других менее. Вместе с тем даже такой зауженный подход позволял сделать весьма любопытные выводы – о том, как различия между

партийными системами зависят от степени участия партий в формировании правительства. Выяснилось, например, что страны, схожие в плане «нумерологии» и характера межпартийного взаимодействия, могут существенно отличаться «партийностью» своих правительств. Так, из числа систем, строго соответствующих критериям «партийного правительства», выпадали, в частности, США, Швейцария и, в известном смысле, Великобритания, Германия, страны Скандинавии, т.е. классические «партийные» страны³⁰.

Следует, правда, отметить, что выступивший в качестве основного теоретика данной проблемы Р.Кац довольно жёстко сформулировал условия, которым должно отвечать «партийное» правительство: 1) все основные правительственные решения принимают чиновники, получившие свои должности в результате выборов, главными участниками которых являются партии (или люди, назначенные этими выборными чиновниками и ответственные перед ними); 2) государственная политика вырабатывается правящей партией (коалицией); 3) высших должностных лиц (министров и особенно премьер-министра) партии отбирают из своего состава и контролируют их деятельность³¹. С этой точки зрения «партийное правительство» оказывалось преимущественно европейским феноменом, «абстракцией европейской парламентской демократии эры всеобщего избирательного права»³², представляющей собой «адаптацию институтов буржуазного парламентаризма ...к демократии, в которой электорат исчисляется не тысячами, а миллионами»³³. Разумеется, далеко не все страны удовлетворяли этим требованиям – более того, многие европейские государства, некогда им соответствовавшие, в последние десятилетия соответствовать им перестали.

Среди стран, не попадающих под указанные критерии, Р.Кац выделил следующие: 1. Неокорпоративистские (Великобритания, Германия, Скандинавия). Основные направления государственной политики определяются не столько правящими партиями, сколько переговорами между правительством и корпоративными организациями – прежде всего профсоюзами и ассоциациями работодателей. «Партийное правительство» формально продолжает существовать, но перестаёт быть центром принятия значимых решений. 2. Система плюралистической демократии, свойственная США. «Партийного правительства» нет как такового: каждое выборное должностное лицо имеет индивидуальную ответственность перед своими избирателями; партийные платформы не накладывают никаких обязательств на кандидатов в президенты, а лидеры Конгресса не имеют ни воз-

можности, ни желания внести единство в ряды своих однопартийцев – в итоге парламентское большинство формируется, как правило, не на партийной, а на ситуационной основе. 3. Система плебисцитарной (референдумной) демократии, действующая в Швейцарии. Правительство состоит из представителей партий, однако каждое его решение может быть оспорено на референдуме. К тому же оно формируется по принципу «большой коалиции», согласно которому в исполнительной власти представлены все главные партии – независимо от количества голосов, полученного ими на выборах. В итоге выборы во многом теряют партийный характер, а усилия политиков направлены не столько на отстаивание интересов собственной партии, сколько на поддержание отношений с группами, могущими инициировать референдум³⁴.

Все эти системы, по мнению Р.Каца, в противоположность модели «партийного правительства», базирующейся на концепции народного суверенитета (власти большинства), в своей философской основе апеллируют к теории либеральной (плюралистической) демократии. Как полагает исследователь, они едва ли способны принимать жёсткие решения и годятся только для благополучных времён, когда в экономике царит изобилие, а издержки могут быть переложены на аутсайдеров, например гастарбайтеров³⁵. В менее благоприятной ситуации правительства в этих системах, скорее всего, восстановят прежний уровень «партийности»³⁶.

Таким образом, введение третьего критерия – взаимоотношения партий и государства – вносит заметные коррективы в классификацию партийных систем. Однако вопрос о партийных системах развитых стран Запада мы затрагивать не будем³⁷. Во многих из этих стран, как показали работы Р.Каца и его коллег по сборникам «Партийное правительство: идеалы и действительность» и «Партийные правительства: европейский и американский опыт», правительство *переросло* партийные рамки, тогда как современная Россия – совершенно другой случай: здесь правительство *не доросло* до партийности.

Всё это делает правомерным добавление в классификацию и типологизацию партийных систем ещё одного измерения – исторического. В этом плане весьма любопытным выглядит начинание Ж.Блонделя, который в своей книге «Политические партии: есть ли повод для беспокойства?» (1978) предложил типологию, предусматривающую исторически преходящий характер партийных систем. Он, в частности, справедливо отметил, что система, которую в Англии XIX в. составляли две традиционные партии-клиенты – виги и тори, су-

щественно отличается от той, которую в современной Великобритании формируют консерваторы и лейбористы³⁸. В связи с этим Блондель выделил три основные группы партийных систем: 1) традиционные однопартийные (или «почти однопартийные») ранних стадий развития, когда партии, даже обладая тремя четвертями и более мест в парламенте, ещё не контролировали властные рычаги, остававшиеся в руках у традиционной элиты; 2) системы с более чем одной партией, характерные для современных западных стран; 3) однопартийные мобилизационные системы³⁹. Основное внимание и Блондель, и большинство западных исследователей сосредоточили на второй группе, рассматривая первую как пройденный этап, а третью как своеобразную девиацию. Это и неудивительно: системы с несколькими партиями для них не только более знакомы и понятны, но и являлись предметом сугубо практического интереса – общество желало знать, в какую сторону будут развиваться именно эти системы.

Современная же Россия имеет партийную систему, которая по ряду признаков гораздо ближе к первой группе, чем к третьей. Недаром некоторые исследователи отмечают, что «наиболее адекватным сравнительным референтом для современной России и некоторых постсоветских государств оказываются ...очень старые демократии на ранних стадиях их развития, такие как викторианская Англия и США до гражданской войны»⁴⁰. Поэтому для России изучение опыта «ранних» партийных систем – задача столь же актуальная, как для западных стран – исследование их «зрелых» форм. И если западные партологи могли позволить себе затрагивать проблему «традиционных» партийных систем лишь мимоходом, то российские реалии требуют более подробной классификации. Но об этом чуть позже.

3.2. Факторы, обуславливающие состояние партийных систем

Вопрос, почему в разных странах установились разные партийные системы, интересовал многих исследователей. М.Дюверже, например, предложил этому достаточно основательное объяснение. Он рассматривал партийные системы как «результат взаимодействия многочисленных и комплексных факторов» – и специфически присутствующих отдельной стране («традиция и история, экономическая и социальная структура, религиозные верования и этнический состав, национальные конфликты и пр.»), и более общего свойства (прежде всего характер избирательного режима)⁴¹.

Французский учёный считал, что наиболее «естественной» формой партийной системы является двухпартийность⁴²: «Политические

решения, как правило, предстают в дуалистической форме. И далеко не всегда дело в дуализме партий, но почти всегда – в дуализме тенденций. Любая политика внутренне содержит выбор между двумя типами решений; те, что называют промежуточными, тоже связаны с тем или другим основным типом»⁴³. По мнению Дюверже, «естественное развитие социумов склонно к двухпартийности»: «На протяжении истории все крупные групповые противостояния носили дуалистический характер: арманьякцы и бургиньонцы, гвельфы и гибеллины, католики и протестанты, жирондисты и якобинцы, консерваторы и либералы, буржуа и социалисты, западники и коммунисты. ...Всякий раз, когда общественное мнение оказывается перед лицом крупных фундаментальных проблем, оно обнаруживает склонность кристаллизироваться вокруг двух противоположных полюсов»⁴⁴.

Однако, продолжает Дюверже, фундаментальная тенденция к двухпартийности может быть нарушена двумя обстоятельствами: «внутренним расщеплением воззрений» и «наложением дуализмов»⁴⁵. К первой категории он отнёс расколы между радикалами и умеренными, соглашателями и непримиримыми, терпимыми и «бешеными», реформистами и революционерами – таким образом, в частности, разделились на самостоятельные партии умеренные республиканцы (опортунисты) и радикалы во Франции последних десятилетий XIX в., а также коммунисты (революционеры) и социалисты (реформисты) почти во всех европейских странах после 1920 г.⁴⁶

Вторую категорию, по Дюверже, составляет «взаимное перекрещивание ...различных видов дуалистических противоположностей». Многопартийная система, на его взгляд, порождается относительной взаимной независимостью различных дуализмов: политических, т.е. касающихся формы или структуры правления (монархисты и республиканцы); социально-экономических (дирижисты и либералы: коммерсанты и промышленники тяготеют к либерализму, лица наёмного труда и чиновники – к дирижизму); религиозных (клерикалы и лаицисты, т.е. сторонники светского образования; протестанты и католики и пр.); этнических и национальных («соперничество чехов и словаков в республике Масарика и Бенеша, сербов и хорватов в прежней югославянской монархии; конфликты немцев, венгров и славян в империи Габсбургов; автономизм каталонцев и басков в Испании, ирландцев в Великобритании» и пр.)⁴⁷.

В качестве примера «наложения дуализмов» Дюверже приводит современную ему Францию, где перекрещивание трёх различных делений – клерикалов и лаицистов, западников и ориенталистов, либе-

ралов и дирижистов – породило следующие «духовные семьи»: коммунисты (ориенталисты, дирижисты, лаицисты); христианские прогрессисты (ориенталисты, дирижисты, клерикалы); социалисты (западники, дирижисты, лаицисты); народные республиканцы (западники, дирижисты, клерикалы); радикалы (западники, либералы, лаицисты); правые и «Объединение французского народа» (западники, либералы, клерикалы)⁴⁸.

Ещё один фактор, способствующий трансформации «естественной» двухпартийности в многопартийную систему, – это тенденция к общему полевению, обозначенная Дюверже термином «синистризм», суть которой состоит в том, что левая партия одной эпохи превращается, не меняя своих воззрений, в правую другой. Теоретически, по его словам, перемещение партии с течением времени слева направо должно повлечь исчезновение прежней консервативной партии, но на практике партии умирают медленной смертью, «и подвижка влево, вместо того чтобы устранить одну из них, увеличивает общее количество партий»⁴⁹. В качестве примера подобного рода он привёл превращение двухпартийных систем Англии, Бельгии, Швеции, Австралии, Новой Зеландии конца XIX – начала XX в. в трёхпартийные – как следствие выхода на политическую сцену социалистических партий⁵⁰.

Не обошёл вниманием Дюверже и такой интересный феномен, как аграрные (крестьянские) партии, возникшие в ряде европейских стран, прежде всего скандинавских, в результате обострения конфликта между городом и деревней. Вклинившись в «консервативно-либерально-социалистическую трёхпартийность, довольно обычную для Европы примерно в начале XX века», аграрные партии спровоцировали образование в соответствующих странах четырёхпартийных систем⁵¹.

Наконец, склонность правых (консервативных и либеральных) партий к внутреннему делению и дроблению Дюверже объяснил в том числе индивидуализмом, присущим буржуазии⁵². Помимо того, известную роль в этом процессе, на его взгляд, играли развитые у латинских народов «индивидуальное начало, вкус к личной оригинальности, а равно и некоторая анархичность их психологического склада»⁵³. При этом, впрочем, он признавал шаткость гипотез, пытающихся «найти объяснение многопартийности в психологии народов или национальном характере», отметив, в частности, что кайзеровская Германия и Веймарская республика тоже отличались обилием партий⁵⁴.

Все перечисленные факторы объединяет то, что они носят естественный, объективный, «нерукотворный», характер. Но кроме них существуют и другие: искусственного, субъективного, «рукотворного» свойства. К числу таковых Дюверже отнёс принятую в той или иной стране избирательную систему. Его выводы о взаимосвязи способа голосования и типа партийной системы заключаются в следующем: «1) режим пропорционального представительства ведёт к многопартийной системе с жёсткими, независимыми и стабильными партиями (за исключением случаев всякого рода кратковременных, но бурных движений); 2) мажоритарное голосование в два тура ведёт к многопартийной системе, партии которой характеризуются “мягкой” структурой, склонностью к альянсам и относительной стабильностью (во всех случаях); 3) мажоритарное голосование в один тур ведёт к дуалистической системе с чередованием у власти больших независимых партий»⁵⁵.

Механизм влияния избирательной системы на формирование системы партий, по мнению французского исследователя, очевиден. Мажоритарное голосование в один тур ведёт к вытеснению третьих партий – как за счёт занижения их представительства (механический фактор), так и за счёт нежелания избирателей отдавать голоса заведомому неудачнику (психологический фактор)⁵⁶. Мажоритарное голосование в два тура побуждает близкие друг другу партии к самостоятельному выступлению в первом туре – благо во втором туре есть возможность перегруппироваться и заключить коалиционное соглашение⁵⁷. Пропорциональная система, с одной стороны, отменяет действие факторов, вызывающих складывание двухпартийности при мажоритарном голосовании в один тур (занижение представительства и поляризация электоральных настроений), не стимулирует слияния родственных партий и не препятствует партийным расколам; а с другой стороны, в силу своего коллективного характера, «требует организации, дисциплины, развитой партийной инфраструктуры», «противостоит индивидуалистическим и анархическим тенденциям, которые порой порождает голосование в два тура»⁵⁸.

Дюверже упомянул и немало исключений из сформулированных им правил, но для каждого нашёл вполне убедительно выглядящие объяснения. Последующая практика предоставила немало подтверждений этим правилам, но вместе с тем – и массу случаев, когда они не срабатывали. Многие критики справедливо отмечали, что Дюверже попытался придать статус универсального закона некоторым специфическим закономерностям французского опыта⁵⁹.

В целом, однако, тезис о тесной взаимосвязи между избирательным режимом и типом партийной системы мало у кого вызвал сомнения. Другой вопрос – что именно в этой связке играет первичную роль, а что вторичную. Разные исследователи отвечают на него по-разному, тем не менее можно с полным основанием утверждать, что оба возможных подхода так или иначе восходят к классическому труду М.Дюверже.

Для приверженцев социологического подхода главным фактором, обуславливающим формирование определённого типа партийной системы, являются доминирующие в обществе конфликты, приводящие к размежеванию (cleavage) широких масс избирателей. Видными представителями этого подхода были С.Липсет и С.Роккан. Нетрудно заметить, что все отмеченные ими размежевания («центр–периферия», «церковь–государство», «земельная аристократия – промышленники», «работодатели – наёмные работники») в том или ином виде были зафиксированы ещё Дюверже – под именем «дуализмов» («противоположностей»). Он просто не ставил задачи свести их в единую систему, концептуализировать особенности их развития и взаимодействия.

Сторонники институционального подхода ведущую роль в формировании партийных систем отводят типу избирательной системы, а также «институциональному дизайну» вообще, включая тип политического режима (президентское или парламентское правление и т.п.).

Сам М.Дюверже не отдавал явного предпочтения ни первому, ни второму подходу. Напротив, он отмечал равное по силе и значимости взаимное влияние партийной системы и избирательного режима. С одной стороны, по его словам, «способ голосования ориентирует в одном и том же направлении структуры всех партий страны», а с другой – «система партий играет главную роль при определении избирательного режима: двухпартийность способствует принятию мажоритарной системы с голосованием в один тур; наличие партии со структурой ордена заставляет её избегать; естественная тенденция к союзам противостоит системе пропорционального представительства, etc.»⁶⁰. В конечном счёте, резюмировал Дюверже, «система партий и избирательная система – две реальности, неразрывно связанные друг с другом, подчас их трудно разделить даже с целью анализа»⁶¹. Однако уже порядок изложения – исследователь сначала вычленяет лежащие в основе той или иной партийной системы «дуализмы» и только затем переходит к вопросу, каким образом на её формирова-

ние повлиял способ голосования, – даёт основания предположить, что в известной степени Дюверже склонялся всё-таки к социологическому подходу. Именно последний позволяет выделить макрофакторы, тогда как избирательная система генерирует в основном факторы второго ряда.

Впрочем, недостатки есть у каждого из указанных подходов. Так, социологический подход грешит излишне жёстким детерминизмом. Он хорош как объяснительная схема, но, как правило, лишь тогда, когда речь идёт о делах прошедших, сбывшихся. Стоит же из области чистой теории спуститься в практическую плоскость, как социологический подход начинает буксовать. Если некая страна находится в стадии перехода от тоталитаризма (авторитаризма) к демократии и нуждается в рекомендациях, какую избирательную систему и какой режим правления выбрать, что ей толку от общих рассуждений – мол, структура доминирующих общественных конфликтов в конце концов сформирует соответствующее государственное устройство. Совет нужен здесь и сейчас, причём желательно с подробным описанием шагов и процедур. Разумеется, выбирать те или иные институты, а также те или иные комбинации переходных процедур следует с учётом расстановки социальных сил, специфики экономических проблем, национальных отношений, культурных традиций и т.п. – с тем чтобы по пути к демократии избежать срыва в неуправляемую ситуацию. Но это ни на йоту не преуменьшает роли, которую может сыграть (и сыграет) выбор определённых институтов и процедур. Сентенция «рано или поздно всё как-нибудь да устроится», прямо вытекающая из социологического подхода, при всей её универсальности практической ценности не имеет.

На изучении обстоятельств, связанных с переходом от автократии к демократии, в последние десятилетия выросла целая субдисциплина, получившая название транзитологии. Вероятно, её значение для выработки практических рекомендаций относительно того, какие институты каждой конкретной стране целесообразнее выбрать, каких процедур и в какой последовательности при этом придерживаться, и правда велика. Однако институциональный подход, на котором базируется транзитология, даёт сбои, когда его пытаются использовать в качестве объяснительной схемы – поскольку он не столько объясняет действительность, сколько предписывает, какую той полагается быть. Институциональный подход ориентирован прежде всего на некий идеал, т.е. умозрительную конструкцию, берущую начало в пред-

ставлении исследователя о том, куда движется общество, а точнее, о том, куда ему надлежит двигаться.

Этот недостаток проявляется немедленно, как только институционалистски ориентированные исследователи пробуют обосновать какие-либо политические результаты задним числом. Так, авторы сборника «Первый электоральный цикл в России (1993–1996)», объясняя сильную фрагментированность современной отечественной партийной системы спецификой институционального дизайна, исходили из того, что думские выборы, будучи «выборами второго порядка», своеобразной прелюдией к президентским («выборам первого порядка»), благоприятствуют «маргинальным партиям и проблемно-ориентированным группам»⁶². Это объяснение неплохо подходило к избирательным кампаниям 1993 и 1995 гг., отчасти – 1999-го, применительно же к думским выборам-2003 дало явную осечку. Институциональный дизайн остался прежним, а итоги выборов приобрели кардинально иную окраску – сильная фрагментация партийного поля сменилась несомненной дефрагментацией. «Партия власти», неудачно выступившая в кампаниях 1993 и 1995 гг. (в 1999-м её успехи были более значительными, только поначалу не столь очевидными), не просто взяла реванш, но и фактически подмяла под себя парламент. Что произошло? Институциональный подход не содержит ответа на этот вопрос, и искать его нужно на социологическом уровне. Изменилось соотношение политических сил, и корни этого изменения кроются, судя по всему, в состоянии самого общества, в том числе в характере и пропорциях бытующих в нём конфликтов. Что это за конфликты, как они соотносятся с теми, которые были зафиксированы во времена Дюверже, а также Липсета и Роккана, – предмет отдельного исследования, но то, что для понимания динамики изменений в расстановке политических сил данный вопрос имеет первоочередное значение, – это, на наш взгляд, бесспорно.

В сущности, между социологическим и институциональным подходами нет фундаментального противоречия, поскольку они касаются разных сторон жизни партий и партийных систем. Социологический подход сосредоточивает внимание на содержании партийно-политической борьбы, тогда как институциональный – на формах, которые она принимает. Например, институциональный подход может объяснить, почему партийная система Великобритании тяготеет к дуализму, но он бессилён, когда нужно выяснить, почему в начале XX в. на политическую сцену этой страны вышли лейбористы и почему они сумели оттеснить на задний план либералов.

Однако случается и так, что институциональный подход не очень эффективен и в собственной «епархии». Как уже говорилось, он едва ли способен указать причины сильной фрагментации и неустойчивости партийной системы современной России: если в стране до сих пор не возникла правящая партия, дело, очевидно, не в «неправильных» институтах, а в состоянии самого общества.

Речь в данном случае идёт и о недостатках транзитологической версии институционализма, объясняющей состояние партийной системы тем, насколько правильно при её формировании соблюдалась последовательность определённых шагов и процедур. Так, Г.Голосов причину общей неразвитости партийной системы современной России, включая её фрагментированность и неустойчивость, усматривает прежде всего в том, что в своё время, в момент смены режима, российские власти отказались от проведения «учредительных выборов»⁶³. Объяснение, таким образом, подменено упреком, причём направленным не по адресу.

Российская власть не стала проводить никаких «учредительных выборов» потому, что не видела в этом никакого смысла. После августа 1991 г. она чувствовала себя победительницей и плодами победы делиться ни с кем не собиралась. Вопрос следует поставить иначе: а были ли в обществе силы, требовавшие «учредительных выборов»? При ближайшем рассмотрении обнаружится: сил как таковых не было – звучали лишь отдельные голоса. На проведении выборов осенью 1991 г. не настаивали даже сами политические партии, в т.ч. не утратившая ещё влияния в то время «ДемРоссия». Трезво оценивая свои возможности, её руководители не без оснований полагали, что эти выборы усилят отнюдь не демократов. Что уж говорить о парламентариях, которые вовсе не горели желанием вновь ввергать себя в треволения избирательной кампании. Народные депутаты РСФСР избирались в 1990 г. на пятилетний срок, и в их планы не входило жертвовать своим статусом ради абстрактных соображений о полезности для страны полноценной партийной системы. Напротив, единственное, к чему стремились народные избранники, – поучаствовать в разделе властного «наследства» союзных органов.

Поэтому логичнее поинтересоваться: а как в принципе могло получиться, что первые в стране свободные выборы (1990) так и не стали учредительными? И почему смена режима произошла вообще без выборов? Почему появившиеся к тому времени партии оказались настолько слабы, что не смогли дожить до следующих выборов? Дать вразумительный ответ на эти и ещё многие вопросы, оставаясь в рам-

ках институционального (а тем более транзитологического) подхода, невозможно. И снова не остаётся ничего другого, кроме как обращаться к анализу состояния самого общества, в т.ч. соотношения различных общественных конфликтов⁶⁴.

При этом, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и институциональный фактор. Просто всему своё время и место. Если исследователю не удастся уловить связь между характером партийной системы и состоянием общества, невелика надежда, что ему удастся восполнить этот пробел ссылками на особенности избирательного закона и специфику «конституционного дизайна».

Примечательно, что даже приверженцы институционального подхода, попадая в подстроены тупики, периодически вынуждены прибегать к объяснениям совершенно социологического характера. В этом плане показателен пример Р.Каца, в своих изысканиях по проблеме «партийного правительства» апеллировавшего к теории рационального выбора – разновидности теории социального действия, которая опирается на методологический индивидуализм и по этой причине отвергает любые намёки на социологизм.

Пытаясь объяснить, почему в одних странах Запада правительство гораздо «партийнее», нежели в других, Р.Кац явно предпочёл бы институционалистские аргументы, намного более «легитимные» с точки зрения теории рационального выбора. Однако нетрудно заметить, что его самого они удовлетворяют далеко не полностью. Выделяя в качестве факторов, определяющих степень партийности правительства, форму правления (президентская или парламентская), уровень централизации государственного управления (федерализм или унитаризм), модель избирательной системы и пр.⁶⁵, Р.Кац, тем не менее, не может отрицать того факта, что одни и те же институты порождают в разных странах разные результаты. И тогда в заключение одной из своих статей он привлекает на помощь социологическое по своей сути рассуждение. Кац отмечает, что «партийное правительство» укоренено в тех странах, социальной структуре которых свойственны чёткие деления между ограниченным числом сплочённых групп и классов, в то время как плюралистические демократии существуют в условиях многочисленных пересекающихся размежеваний, не допускающих возможности формирования стабильного большинства. Как только, предполагает исследователь, европейское общество станет более дифференцированным и сложным, а классовые и религиозные размежевания не такими всеобъемлющими, здесь

тоже ослабеют социальные предпосылки для «партийного правительства»⁶⁶.

Иначе говоря, если переформулировать мысль Р.Каца, влияние партий возрастает там, где имеет место кумулятивное наложение фундаментальных общественных конфликтов и их слияние в одно большое противостояние. И напротив – там, где конфликты не усиливаются, а уравниваются и компенсируют друг друга, градус «партийности» государства и общества заметно снижается. Остаётся лишь ответить на вопрос, в каких обстоятельствах конфликты взаимно усиливаются, а в каких гасятся. Один из возможных ответов: чем позже общество приступает к решению проблем, лежащих в основе социальных конфликтов, тем более велика вероятность, что они приведут к поляризации общества – точно так же, как если вовремя не заделывать трещины в стене, они рано или поздно соединятся в один большой разлом. Даже в истории страны, весьма поднаторевшей в своевременном гашении конфликтов, – Соединённых Штатов Америки – был эпизод, когда в результате упорного игнорирования давно перезревших проблем произошло наложение друг на друга нескольких размежеваний, что и вызвало гражданскую войну между Севером и Югом.

История Европы знает бесчисленное множество подобных примеров – как, впрочем, и прямо противоположных. Опыт ряда европейских стран убедительно продемонстрировал, что кумулятивное наложение конфликтов вовсе не обязательно ведёт к расколу – главное, чтобы в обществе преобладало стремление вовремя решать соответствующие проблемы, желание компромисса, а не односторонней победы. Различные сегменты общества и представляющие их политические элиты даже при наличии между ними противоречий, вполне могут придерживаться «примирительного, а не соревновательного стиля при принятии решений»⁶⁷ – благодаря этому на свет появился принципиально новый тип как партийной системы, так и модели демократии в целом – консенсусной (со-общественной).

Не исключено, что именно на этом пути удастся примирить социологический и институциональный подходы. Действительно, конфликты в обществе возникают независимо от воли и намерений людей, но разрешить их можно лишь сознательными и ответственными усилиями всех вовлечённых сторон, в том числе посредством создания гибких институтов (включая политические партии) и обеспечения их эффективного функционирования. В этом случае партийные системы станут действенным инструментом не только для выявления

общественных конфликтов и перевода их в политическую плоскость, но и для их оптимального улаживания и использования на благо общества высвобождающейся в результате энергии.

3.3. Российский опыт и его возможный вклад в развитие теории партийных систем

Российская практика выявила как плодотворность, так и ограниченность подхода М.Дюверже к изучению партийных систем. В частности, оправдала себя ориентация на поиск лежащих в основе партийной системы общественных конфликтов, или, в терминологии Дюверже, «дуализмов» (подробнее об этом см. гл. 2). Что касается влияния избирательного режима на характер партийной системы, то отечественная политика предоставила богатый материал для сравнительного анализа, поскольку страна имела опыт проведения парламентских выборов всеми тремя перечисленными французским исследователем способами: мажоритарное в два тура (1990), пропорциональное и мажоритарное в один тур (после 1993 г.).

В частности, блистательно подтвердился тезис о пропорциональной системе как безотказном множителе субъектов партийной политики. Маловероятно, что мажоритарная система вывела бы на общенациональную политическую сцену такие образования, как Либерально-демократическая партия России, движение «Женщины России», блок «Родина», Российская партия пенсионеров и пр. – с их более чем скромными успехами в одномандатных округах.

Получил подтверждение и тезис об обоюдном тяготении мажоритарной системы и двухпартийности – правда, в применении не столько к парламентским, сколько к президентским и губернаторским выборам.

До 1993 г. парламентские выборы проводились по мажоритарной системе в два тура, и партийная конфигурация Съезда народных депутатов действительно напоминала ту, что описывал Дюверже: «мягкая структура» и «склонность к альянсам» (хотя и без обещанной «относительной стабильности»). Однако в тогдашнем российском парламенте партии не являлись самостоятельными игроками, а кроме того, практически все они, кроме КПСС, были созданы уже после выборов и боролись между собой за уже «испечённых» депутатов. Так что в данном случае чистота эксперимента может быть поставлена под сомнение. Тем не менее расстановка сил на Съезде безоговорочно определялась стремлением к дуализму – по линии «коммунисты–демократы» (до августа 1991 г.) и «сторонники–противники рыночных реформ» (осень 1991 – 1993 г.). Другое дело, что этот дуа-

лизм был связан не столько с конкретной спецификой избирательной системы, сколько с поляризацией общественно-политической ситуации в целом.

Зато на выборах глав исполнительной власти, где побеждали в основном либо представители «партии власти», либо коммунисты и их союзники⁶⁸, причины подобного дуализма были очевидны. Мажоритарный способ голосования – неважно, в один или два тура (впрочем, Дюверже, разделяя их, подразумевал прежде всего парламентские выборы), – давал преимущество самым крупным игрокам. Отдельные исключения, когда на выборах глав регионов побеждали кандидаты от ЛДПР (Е.Михайлов в Псковской области, 1996), от «Демократического выбора России» (С.Зубакин в Республике Алтай, 1997) или от слабо структурированной «третьей силы» (А.Лебедь в Красноярском крае, 1998), не влияли на общую картину.

Вместе с тем российская политическая жизнь предъявила также немало доказательств того, что «закон Дюверже» имеет достаточно ограниченную сферу действия. Так, пропорциональная система отнюдь не способствовала формированию в нашей стране «жестких, независимых и стабильных партий». Вернее было бы сказать, что она стимулировала либо появление скороспелых пиар-проектов типа «Единства» (1999) или «Родины» (2003), либо закрепление на политической сцене партий-«головастиков» с очень слабыми региональными структурами, а то и вовсе «театров одного актёра» – вроде ЛДПР⁶⁹.

Российские реалии, кроме того, заставляют пересмотреть вывод Р.Каца, согласно которому пропорциональная система более всего благоприятствует идеологизированным партиям⁷⁰. У нас данный способ голосования пока что принёс наибольшие дивиденды Либерально-демократической партии В.Жириновского – организации «всеядной» во всех отношениях, в т.ч. идеологическом. Поэтому логичнее предположить, что пропорциональная система выгодна в первую очередь тем партиям, которые способны наиболее эффективно использовать имеющиеся у них информационные ресурсы.

Однако российский вклад в теорию партийных систем не сводится к подтверждению или опровержению выводов М.Дюверже. Есть и более существенные «депозиты». Главный из них, как представляется, состоит в следующем: очень ярко проявилось то обстоятельство, что характер партийной системы задают прежде всего отношения между партиями и властью. Или, если точнее, – что полноценная партийная система появляется только тогда, когда одна из партий

приобретает статус правящей. До этих пор имеет смысл говорить всего лишь о более-менее оформившейся многопартийности – не в том значении, какое придавал этому термину Дюверже, а в обыденном: как о совокупности всех имеющихся в стране партий.

Тезис, согласно которому современная Россия уровнем развития политической системы более всего напоминает викторианскую Англию и США до гражданской войны⁷¹, несмотря на известную обособанность, абстрагируется от очень важного момента – в обеих этих странах уже в XIX в. существовали правящие партии. В России же таковых не было ни до 1917 года, ни после августа 1991-го; в период между этими датами действовала не правящая партия, а партия, узурпировавшая власть.

Таким образом, если считать фактом существование в дореволюционной и постсоветской России партийной системы – то системы *незавершённой*, в которой партии, даже представленные в парламенте, не имеют решающего слова при определении государственного курса. Следовательно, предложенная Дж.Сартори типология партийных систем нуждается в некотором дополнении – в части, обозначенной им как атомизированный мультипартизм.

По сути, для Сартори это была своего рода остаточная категория, под которую подводились все партийные системы, не подпадающие под прочие типы. Сартори, как и предыдущие (да и последующие) авторы, не уделял особого внимания анализу тех систем, где партии не участвуют в формировании правительства. Он выносил их за скобки, а точнее, в категорию «атомизированный мультипартизм» и рассматривал его как стадию, предшествующую другому типу – «экстремальному мультипартизму». Между тем история знает немало примеров, когда атомизированная партийная система трансформировалась в однопартийную; или когда партии-«атомы» оттеснялись на периферию политического процесса; наконец, они могли вообще на какое-то время исчезнуть со сцены. Первый случай вполне подробно описан в литературе, последний не является для партологии предметом исследования. Зато промежуточный вариант, как достаточно распространённый, заслуживает отдельного рассмотрения.

Для таких партийных систем предлагается уже упомянутый выше термин – *незавершённые*. Будучи сильно фрагментированными и неустойчивыми, подобные системы, тем не менее, продолжают воспроизводить условия своего существования, что, в свою очередь, предохраняет весь политический организм от коллапса, а партии – от упразднения как института. Это является возможным именно благо-

даря периферийному положению партий в политической системе – они ни за что не отвечают, поэтому могут позволить себе любые ошибки.

К числу незавершённых партийных систем следует отнести прежде всего атомизированные системы как таковые. Их принципиальная «недоделанность» вкупе с недолговечностью даёт основания уточнить их название – *флуктуационные*. Такие системы возникают в моменты революционных взрывов, когда крах авторитарного режима выносит на поверхность множество образований, созданных в эйфории политического творчества и не способных ни к выстраиванию сколько-нибудь долгосрочных связей с обществом, ни к конструктивному сотрудничеству друг с другом.

Признаком флуктуационной системы является отсутствие в ней признаваемого всеми центра власти. За статус такого центра ведётся ожесточённая борьба, в которой все воюют против всех и которая быстро устраняет данную флуктуацию. Происходит это либо путём эволюции в направлении экстремального плюрализма, либо посредством вытеснения партий на периферию политического процесса, либо в результате установления однопартийной диктатуры, а то и вовсе законодательного запрета партий вообще. Ввиду краткости их существования флуктуационные партийные системы вряд ли заслуживают более детальной классификации, тем более что набор сценариев их дальнейшей трансформации достаточно ограничен.

Другой подтип незавершённой системы – *периферийная*: здесь партии ведут бурную политическую жизнь (как легальную, так и нелегальную) и порой даже представлены в законодательных органах власти, но практически не имеют рычагов влияния на власть исполнительную. Яркий образец подобного рода – Россия 1905–1917 гг., как, впрочем, и подавляющее большинство европейских стран того времени, включая относительно развитую Германию. В наше время пример периферийной системы представляет Белоруссия, где партии продолжают действовать, в т.ч. участвовать в выборах, однако сама власть демонстративно беспартийна.

Ещё один подтип незавершённой партийной системы обозначим термином «*псевдопартийная*». Отличительная особенность таких систем – «перевёрнутый» характер отношений между партиями и властью. Место правящей партии здесь занимает «партия власти», которая не формирует правительство и не определяет государственный курс – напротив, сама является творением правящей бюрократией и её послушным орудием. При псевдопартийной системе состав

и политика правительства не зависят от партийной структуры парламента, тогда как исполнительная власть всеми силами стремится поставить парламент под свой контроль – как правило, обеспечивая «партии власти» победу на выборах, но также и путём закулисных сговоров и прямого подкупа депутатов. Иными словами, в общем и целом никто не отрицает полезности института партий, для них даже создаются преференции при формировании парламента, в т.ч. через введение пропорциональной избирательной системы (правда, почти все купоны состригает «партия власти»). В псевдопартийной системе партии определяют политическое лицо представительной власти, однако взять последнюю вершину – правительство – им не позволяет бюрократия, старающаяся направить демократию в «управляемое» русло. Характерные примеры псевдопартийных систем – современная Россия и некоторые другие страны СНГ (Азербайджан, Казахстан).

Наконец, в качестве подтипа незавершённой партийной системы можно рассматривать однопартийность, включая такую её разновидность, как гегемонистская система. Как уже говорилось, М.Дюверже считал некоторые однопартийные режимы своего рода ступенью к полноценной демократии, чьим неперменным атрибутом выступает партийная конкуренция. Вместе с тем это незавершённость противоположного свойства – не «сверху», а «снизу». В однопартийных и гегемонистских системах партии, безусловно, контролируют государство. Но цена этого контроля – полное слияние партийного аппарата с государственным, т.е. партия перестаёт быть общественной организацией. Её даже нельзя назвать правящей партией, поскольку существование последней подразумевает наличие оппозиции. Но именно этого однопартийный режим и не допускает: его предпосылкой и условием является как раз исключение возможности для появления какой бы то ни было оппозиции. Таким образом, партийная система из гаранта партийной конкуренции превращается в гаранта её отсутствия.

По сравнению с однопартийным режимом даже гегемонистская система и тем более псевдопартийная выглядят большим шагом вперёд. Как-никак они не отнимают у партий права действовать вне государственного механизма. Формальным признанием многопартийности (а в случае псевдопартийности – и реальным) авторитаризм отдаёт дань демократии – как порок откупается от добродетели лицемерием.

И всё же грань между псевдопартийной и однопартийной системами весьма расплывчата. Нельзя исключать вероятности, что псевдопартийная система трансформируется в однопартийную или гегемонистскую: когда исполнительная власть полностью подминает под себя парламент, остаётся совсем небольшой шаг до того, чтобы рекомендовать каждому мало-мальски значимому чиновнику вступить в «партию власти» и, конечно, разорвать связи с любой другой партией. И наоборот – теоретически ничто не мешает однопартийной (или гегемонистской) системе преодолеть расстояние между нею и псевдопартийной системой: когда идеологические заклинания утрачивают силу, правящая бюрократия начинает тяготиться партийной опекой и вполне способна пожертвовать «родным» однопартийным режимом ради возможности конвертировать власть в собственность и прочих «естественных» преимуществ конкуренции.

Незавершённые партийные системы иногда напоминают полноценные, но это чисто внешнее сходство – как у акул и дельфинов, которые похожи формой тела, но принадлежат к разным биологическим классам. Так, по количеству партий, представленных в парламенте, партийная система дореволюционной России (1907–1916) была сопоставима с партийной системой современной ей Франции, однако в первом случае имела место типичная периферийная система, в которой правительство выведено из-под контроля партий, а во втором – поляризованная мультипартийная, где кабинет подотчётен парламенту, а следовательно, и представленным в нём партиям. Или, например, может показаться, что партийная система современной России подобна японской или мексиканской второй половины XX в., но в тех странах правительство, как ни суди, находилось под контролем партий (по меньшей мере, партийного руководства), у нас же партия, обладающая большинством в парламенте, не только не контролирует правительство, но сама полностью подконтрольна исполнительной власти.

Между тем пренебрежение указанными различиями чревато серьёзной классификационной ошибкой. Так, некоторые авторы относят ряд систем – преобладающие (сложившиеся и вполне предсказуемо функционирующие), доминантные (не сложившиеся до конца, с неустойчивыми партиями) и авторитарные доминантные (возникающие и действующие в условиях недемократических режимов) – к одному типу: типу партийных систем с доминирующей партией⁷². При этом делается оговорка: «В преобладающих или доминантных системах доминантная партия является правящей, т.е. не

только служит инструментом влияния исполнительной власти на законодательную, но и определяет состав исполнительной власти, несёт ответственность за проводимый политический курс. В доминантных авторитарных системах «партия власти» часто является условно правящей, так как используется в основном не для обеспечения доступа к власти определённой группе общества, а для усиления влияния правящей группировки в законодательном органе и в обществе в целом»⁷³.

Но ведь это различие носит принципиальный характер. Авторитарная доминантная система лишь внешне похожа на доминантную и преобладающую, на самом деле это псевдопартийная система, которая является прежде всего и по сути авторитарной и только формально доминантной; доминирующая («условно правящая») партия выполняет в ней роль декорации, а вот авторитаризм – роль стержня: стоит его убрать, и система рухнет.

Точно так же псевдопартийная система современной России лишь на первый, поверхностный, взгляд напоминает однопартийную систему СССР периода упадка (1989–1991). В Советском Союзе Компартии принадлежала практически вся полнота власти, тогда как «Единая Россия» не распоряжается даже собственной кадровой политикой. Да и переход от одной системы к другой был столь сложен и извилист, что о какой-то преемственности между ними речи идти не может. Объединяет их только одно – общая незавершённость, а следовательно, «неполноценность».

Незавершённая партийная система – по определению переходная. Вопрос в том, куда направлено её движение – к становлению полноценной партийной системы или, наоборот, к деградации до совершенной беспартийности власти и общества. Хочется надеяться, что в нашем, российском, случае мы имеем дело всё-таки со *становящейся* партийной системой, а не с одним из вариантов перехода от незавершённой системы к диктатуре – неважно, однопартийной или беспартийной.

Заключение

Вернёмся теперь к обещанию, данному во введении, – на основании проведённого анализа дать новое (по возможности краткое) определение политической партии.

Итак, партия – это добровольная организация активного меньшинства, чьё предназначение состоит в том, чтобы донести до власти содержание основных общественных конфликтов и предложить обществу инструмент конструктивного решения порождаемых этими конфликтами проблем. Таким инструментом служат партийные системы, механизм которых позволяет либо периодически менять политический курс в соответствии с пожеланиями большей части общества, удерживая при этом государственный аппарат от впадения в конъюнктурные крайности (соревновательная модель демократии), либо улаживать конфликты путём взаимных уступок, компромиссов и консенсусных решений (со-общественная модель).

Функцию посредника между обществом и властью партии исполняют потому, что, в отличие от государственного аппарата, более чутко реагируют на изменение общественных настроений и запросов, а в отличие от «народных масс» – способны заглядывать сколько-нибудь далеко в будущее, т.е. обладают определённым стратегическим видением.

Степень готовности партий к этой роли зависит от общества – именно оно наделяет их силой (влиянием) и способностью к компромиссам. Общественный авторитет основных политических игроков и их расположенность к конструктивному взаимодействию – два главных слагаемых стабильности и долговечности партийной системы. Отсутствие хотя бы одного из этих слагаемых лишает партийную систему свойств инструмента для решения общественных проблем: недостаток авторитета не позволяет оказывать влияние на политические процессы, несклонность к компромиссу превращает доминирующие в обществе конфликты из источника управляемой энергии, т.е. топлива, в источник энергии неуправляемой, т.е. бомбу.

Пик политического влияния партий приходится на те моменты, когда различные отделы общества уже заявляют о своих интересах, но ещё не в состоянии самостоятельно гасить конфликты, возникающие в результате столкновения этих интересов. В такие времена пар-

тии чувствуют себя хозяевами положения, подпитываясь энергией общественных конфликтов и укрепляя свои позиции.

В периоды, когда различные общественные классы и страты плохо осознают собственные интересы и не очень хорошо понимают, кто их главный антагонист, партии внутренним устройством напоминают варяжские дружины или отряды конкистадоров, кочующие вдоль и поперёк дикого поля и грабящие всех подряд.

Когда каждая из общественных сил начинает представлять суть своих интересов и понимать, кто является её основным оппонентом, а картина политического противостояния становится похожа на поле битвы, партии превращаются в подобие армий, формируемых по всеобщему воинскому призыву, – с массовым членством, громоздкими штабами, чёткой дифференциацией обязанностей и т.п.

Наконец, когда различные сегменты общества нащупывают пути к взаимному согласованию и примирению интересов, отнимая тем самым у партий часть их функций, партии из аналогов армий трансформируются в адвокатские конторы, в которых принято считать каждую копейку и не содержать лишнего штата. Партии уступают место общественным организациям, и разница между теми и другими всё более размывается.

Трудно сказать, наступит ли когда-нибудь время, когда партии исчезнут за ненадобностью. В конце концов, всеобщая грамотность и доступность юридической и медицинской литературы не делают ненужными профессии адвоката и врача. Если когда-нибудь любой член общества окажется способен самостоятельно решать политические проблемы самой высокой сложности, тогда, наверное, отпадёт потребность в государственном аппарате – во всяком случае, он утратит политические функции, осуществив таким образом мечту классиков марксизма. Тогда не будет необходимости и в посредничестве партий. Однако в сколько-нибудь обозримой перспективе всё это выглядит полнейшей утопией. А значит, нам, нашим детям, внукам, правнукам и т.д. предстоит жить бок о бок с партиями. И наша задача – сделать так, чтобы партийные системы были инструментами в наших руках, а не мы – пешками в руках партийных (и непартийных) политиков.

Часть II. Российские партии и партийные системы: становление, функционирование, развитие

Ценность любого теоретического построения проверяется тем, насколько непринуждённо оно воплощается на более низком уровне обобщения. Теория – ещё не полноценный «организм», это всего лишь скелет, который должен обрасти плотью. Применение всякой теории должно приводить к конкретным результатам, а именно – к появлению более глубокого понимания связи между событиями и процессами; только в этом случае теория получит право на существование. В противном случае не избежать коллизии, описанной В.Рябовым и Е.Хавановым: «Историки зачастую не знают социологии, политологии, этнологии, социопсихологии. Это мешает им связывать события прошлого с современной ситуацией... В свою очередь социологи и политологи очень часто слабо ориентируются в историческом материале»¹.

В первой части данной работы был сформулирован ряд теоретических соображений, дееспособность которых нуждается в проверке фактами. Хотелось бы избежать впечатления, что автор озабочен поиском иллюстраций к априорно сконструированным схемам. Дело обстоит совершенно противоположным образом. Все предложенные концепции – результат осмысления фактов, собранных и систематизированных автором за время работы шеф-редактором и главным редактором бюллетеня «Партиформ» (с 1993 г.) и базы данных «ПартАрхив» (с 1991 г.). Данной книге предшествовали две монографии и множество статей по самым разным проблемам партийной жизни современной России. Настоящий исторический обзор представляет собой лишь верхушку солидного айсберга.

Сформулированные в первой части заключения (гипотезы) служат каркасом, на котором строится излагаемая конкретно-историческая концепция. Внимание будет сосредоточено на 1) общественных конфликтах, доминировавших в каждый конкретный период и характере их взаимодействия (пересечение, кумулятивное наложение, взаимное гашение); 2) основных партиях описываемого периода, их организационной структуре и идеологии, социальном составе и социальной базе; 3) характере партийной системы, существовавшей в данный отрезок времени.

При написании этой части работы автор пользовался материалами «Партиформа» и «ПартАрхива», а также ресурсами информационно-аналитических систем «ИНДЕМ-Россия» (Съезды народных депутатов РСФСР и РФ) и «ИНДЕМ-статистика» (Госдумы I–III созывов)².

Глава 4. Партии и партийные системы России начала XX в.

Предмет данной работы – партийная жизнь современной России. Вместе с тем представляется нелишним, в целях сравнительного анализа, уделить некоторое внимание первым десятилетиям XX столетия (1900–1920), также отмеченным активной деятельностью политических партий. Поскольку автор не является специалистом по истории дореволюционной России, он опирался на труды других исследователей.

В целом, на наш взгляд, историю российской многопартийности начала XX в. можно разделить на три этапа: 1) до 1907 г. – становление партийного спектра страны; 2) 1907–1917 гг. – адаптация партийного спектра к существованию в условиях монополии монарха на контроль за исполнительной властью, формирование периферийной системы; 3) 1917–1920 гг. – флуктуационный взрыв многопартийности, перетекающий в однопартийную диктатуру.

4.1. Становление партийного спектра России: начало XX в. (до 1907 г.)

Партийный спектр дореволюционной России окончательно сформировался лишь после издания Манифеста 17 октября 1905 г., признавшего за подданными империи ряд гражданских прав и свобод, включая право на создание союзов. Однако оформление левого фланга, а отчасти и центра (если считать таковым либералов) началось ещё в предыдущем столетии. Тогда же дали о себе знать общественные конфликты, предопределившие контуры партийно-политического поля и линии размежевания социальных сил.

4.1.1. Доминирующие общественные конфликты дореволюционной России

Появление в России первых политических партий происходило в обстановке кумулятивного наложения сразу нескольких общенациональных конфликтов. Самыми большими вопросами политической повестки дня были национальный, аграрно-крестьянский, рабочий, а также отношения между властью и «общественностью».

Основными разновидностями национального вопроса (конфликт «центр–периферия») являлись польский, финский и еврейский. Первые два сказывались на российской политической жизни лишь опосредованно. Как государственное образование Россия представляла собой гибрид нации-государства и империи. Польша и Финлян-

дия относились к имперской окраине. Участие элит этих стран в общеимперской политике было незначительным – они давно уже ориентировались на формирование (восстановление) самостоятельной государственности. Впрочем, национально-автономистские, а иногда и сепаратистские движения возникали и в других частях империи – в Прибалтике, Закавказье. По словам видного исследователя дореволюционной российской многопартийности С.Тютюкина, «развитие буржуазных отношений и рост экономического потенциала национальных регионов, резкая интенсификация процессов этнической консолидации и самоидентификации, рост рядов национальной интеллигенции создавали ситуацию, которая уже не укладывалась в заданные самодержавием рамки межэтнической иерархии, и вели к неизбежным конфликтам с имперской администрацией»³.

Что касается еврейского вопроса, то он состоял в дискриминации иудеев как конфессионального меньшинства: «Правительство вполне сознательно проводило курс на ассимиляцию евреев, что делало еврейский вопрос одним из самых острых и болезненных среди многих других нерешённых вопросов российской действительности»⁴. Следствием обострения данной разновидности национального вопроса было весьма активное участие выходцев из еврейской среды (именно выходцев, а не представителей) в общероссийской партийной политике – в первую очередь на левом фланге.

В целом же национальный вопрос в России рубежа XIX–XX вв. оставался в тени вопроса аграрно-крестьянского, который включал целый ряд составляющих: распределение земли между различными сословиями, право собственности на землю, пути подъёма и интенсификации сельскохозяйственного производства, правовое положение сельской общины, переселенческая политика, развитие крестьян⁵. Главной из названных составляющих была борьба крестьянства за право пользования землёй, находящейся в частной собственности помещтных землевладельцев. В этой борьбе и помещики, и крестьяне проявляли ожесточённое упорство и редкую непримиримость: «Первые во что бы то ни стало стремились сохранить свои латифундии, тогда как вторые мечтали о “чёрном переделе”»⁶. По оценке известного исследователя российского крестьянства В.Данилова, начиная с 1902 г. сила и масштаб крестьянского движения резко возросли, а само оно предельно радикализировалось: «На историческую сцену открыто выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции»⁷. Власть полностью приняла сторону помещиков, что придало

аграрному вопросу форму конфликта между городом и деревней, который в условиях набирающей размах индустриализации и без того отличался крайней остротой. Примечательно, что данный конфликт никак не проявил себя в сфере взаимоотношений между церковью и государством – видимо, в силу подчинённости и, как следствие, абсолютной лояльности первой последнему.

Российскому крестьянству начала XX в. в достаточно высокой степени был свойствен традиционализм, противостоявший натиску городского прогрессизма. Но этот традиционализм носил не конфессиональный, а сословно-классовый характер. Крестьяне в своей массе продолжали сохранять верность общинному мироустройству (не только из-за административной опеки, но и по причине бедности, затруднявшей ведение хозяйства в одиночку) и требовали вернуть им право пользования землёй, отданной в собственность помещикам.

Крестьянские волнения сотрясали Россию на протяжении нескольких столетий, разрастаясь порой до локальных войн, но лишь ко второй половине XIX в. аграрный вопрос «достучался» до верхних этажей российской политики. Результатом этого стала не только отмена крепостного права, но и возникновение узкого слоя контрэлиты (сначала в лице народников, а затем ряда неонароднических партий), избравшей своей целью справедливое, с её точки зрения, решение аграрного вопроса. Этот лозунг шёл рука об руку с требованиями демократизации государственного строя, введения представительных институтов. Конфликт между городом и деревней наложился, таким образом, на конфликт «консерваторы–либералы», который, в свою очередь, раскалывал «образованные» классы общества, существенно пополнившиеся за счёт европеизирующейся буржуазии и разночинной интеллигенции. Значительная часть образованного городского населения тяготилась ограничениями, связанными с сословной системой и монополией бюрократии на политическую деятельность. Стремлением к снятию этих ограничений и объяснялось, в частности, появление контрэлиты – как радикальной (революционное движение), так и умеренной (земское движение, а затем либеральные партии).

Конфликт между властью и «общественностью» (если под последней понимать «передовую» часть образованных слоёв) накладывался к тому же на отсутствие единства в среде чиновничества. Внутренняя структура российской бюрократии формировалась в соответствии с сословным принципом, поэтому высшие ступени в её иерархии традиционно занимали дворяне. Представители других сословий

также имели шансы добиться высокого положения, причём по мере восхождения по иерархической лестнице они получали сначала личное, а затем и потомственное дворянство, однако на этом пути им приходилось преодолевать множество препятствий, в то время как военно-феодалная верхушка пользовалась режимом наибольшего благоприятствования⁸. Однако в целом бюрократия и «общество» были сообщающимися сосудами – власть пополняла свои ряды в том числе за счёт последнего и потому не могла изолировать себя от раздирающих его конфликтов. Другое дело, что бытовавший в «обществе» конфликт по линии «либералы–консерваторы», воздействуя на правящие круги, своеобразно преломлялся, принимая форму противостояния консерваторов и традиционалистов. К первым относилась значительная часть правительственной бюрократии, ко вторым – подавляющее большинство окружения монарха.

Если консерваторы ориентировались на проведение модернизации путём государственного вмешательства в экономику, то правые традиционалисты были озабочены прежде всего сохранением сословных привилегий и встречали в штыки любые нововведения, способные, на их взгляд, нарушить равновесие в обществе. Традиционализм подобного рода, естественно, был совершенно иного свойства, нежели традиционализм крестьянский, принявший, как это ни парадоксально выглядит, радикально левый характер. Парадокс, однако, разъясняется просто: у тех, кто ездит, и тех, на ком ездят, разные представления о «правильных» традициях и «вредных» новациях. Тезис, согласно которому «социализм (и коммунизм) как идеология Нового времени получил свой начальный импульс из традиционалистски мотивированного социального протеста против революционизирования аграрных отношений», а «коммунистическая доктрина имплицитно вобрала в себя идеи ...уравнительного распределения, присущие традиционалистскому крестьянскому сознанию всех стран»⁹, давно уже стал общим местом в современной литературе. Общеизвестно также, что «нет социальной группы более консервативной, чем крестьяне, владеющие землёй, и нет более революционной, чем безземельное (малоземельное) крестьянство или крестьянство, выплачивающее слишком высокую ренту»¹⁰.

Резонанс, создаваемый наложением конфликтов «город–деревня», «либералы–консерваторы», «консерваторы–традиционалисты», ещё более усиливался по мере актуализации рабочего вопроса. Как отмечено исследователями, «лишь небольшая часть высококвалифицированных рабочих могла обеспечить материальные и постепенно

возраставшие культурные потребности членов своих семей, тогда как основная масса пролетариев жила несравненно хуже, чем их товарищи-рабочие в более развитых странах мира. Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день (12–14 часов в сутки), высокий производственный травматизм, слабая социальная защита, безработица, плохие бытовые и жилищные условия – всё это вызывало у рабочих естественное чувство протеста, который умело разжигался революционными партиями»¹¹.

Из-за общей бедности населения и избыточного предложения рабочей силы уровень эксплуатации в промышленности был весьма высок, а давняя привычка сильных и богатых отвечать на недовольство слабых и нищих оплеухами и затрещинами порождала многочисленные злоупотребления со стороны собственников. Поскольку же рабочие в своей массе были выходцами из крестьянского сословия, а многие из них и в городе «продолжали сохранять различные формы связи с землёй и деревней, уходя на полевые работы, оставляя там семью, возвращаясь в деревню в случае потери трудоспособности и старости»¹², то неудивительно, что конфликты между городом и деревней, с одной стороны, и работодателями и работниками, с другой, слились в единое противостояние «простого народа» «господам». Кроме того, обострение рабочего вопроса значительно изменило расстановку сил в контрэлите, что привело к появлению в ней мощного социал-демократического, марксистского, крыла.

Если бы указанные конфликты просто сосуществовали, следствием их взаимодействия явилась бы лишь фрагментация политического спектра, сама по себе не способная вызвать крупномасштабных политических потрясений. Однако произошло именно их кумулятивное наложение, в результате чего непропорционально усилился левый, социалистический, фланг, который первым начал оформляться организационно, выведя на политическую сцену Российскую социал-демократическую рабочую партию, Партию социалистов-революционеров, а также множество более мелких образований.

Партии эсеров и социал-демократов, выступавшие сторонниками крайне радикальных методов борьбы за смену политического режима и решение аграрного, рабочего и национального вопросов, как магнит притягивали многочисленных выходцев из «низших» классов и национальных меньшинств. Кроме того, этим партиям симпатизировали широкие круги интеллигенции, влияние которой на политическую жизнь России начала XX в., по общему признанию, было непропорционально велико по сравнению с другими странами¹³.

Разумеется, внутри социалистического лагеря имели место существенные разногласия по целому ряду принципиальных вопросов. Размежевание по линии «город–деревня» разделяло социал-демократов и эсеров, отстаивавших разные версии социализма – «крестьянский» и «пролетарский»: «Эсеровский социализм был основанием крестьянско-индустриального, а пролетарский социализм – индустриального пути развития России»¹⁴. В свою очередь, социал-демократов раскалывал на два основных фланга – большевиков и меньшевиков – конфликт «консерватизм–либерализм» («монополия–конкуренция»): первые являлись сторонниками авторитарных методов управления партией и массами, вторые – сторонниками демократии, пусть и не всегда последовательными.

Тем не менее в своём противостоянии существующему строю левые радикалы были достаточно единодушны.

Прочие сегменты политического спектра заметно отставали от социалистов в организационном развитии. Либеральное движение начало оформляться в нечто более-менее структурированное лишь накануне революции 1905 г., а правый фланг – консерваторы и традиционалисты¹⁵ – только после издания Манифеста 17 октября. При этом правый фланг не мог самостоятельно, без поддержки со стороны власти, противостоять объединённому напору социалистов и либералов – слишком аморфен и раздроблен он был. Традиционалисты, в силу идейной и социальной близости к императору пользовавшиеся серьёзным влиянием на государственные дела, считали своими противниками не только либеральную общественность, но и правительственную бюрократию. Последняя же, находясь в полной зависимости от верховной власти, не была самостоятельна в своих действиях, а если бы и была, вряд ли могла бы рассчитывать на поддержку справа, со стороны традиционалистов, или слева, со стороны либералов и уж тем более социалистов.

Таким образом, нарастание конфликтов ставило российское общество начала XX в. на грань социального взрыва, который неминуемо должен был произойти, как только власть дала бы слабину. А в 1905 г. самодержавие дало слабину как минимум дважды – фактически проиграв войну Японии и не предотвратив кровавую бойню возле Зимнего дворца («Кровавое воскресенье»). В итоге ситуация вышла из-под контроля; волна забастовок, крестьянских волнений, беспорядков в армии и на флоте, завершившаяся в октябре всероссийской политической стачкой, вынудила царя даровать подданным гражданские права и свободы, а также согласиться на созыв общена-

ционального представительного органа с законодательными функциями. Тем самым была создана основа для выхода на легальную сцену новых субъектов – политических партий – и формирования какого-то подобия партийной системы.

4.1.2. Основные политические партии России начала XX в.

Согласно схеме, предложенной М.Дюверже, по способу образования партии подразделяются на две группы – внутреннего и внешнего происхождения¹⁶. Первые создаются парламентскими фракциями и избирательными комитетами, вторые – неполитическими организациями (профсоюзами, кооперативами, обществами взаимопомощи) или кружками интеллектуалов (философскими обществами, клубами). Вторым способом образовалось подавляющее большинство социалистических (социал-демократических) партий – в условиях ограниченного избирательного права у них не было иного пути: парламентским фракциям социалистов либо соответствующим избирательным комитетам просто неоткуда было взяться.

В России рубежа XIX–XX вв. партии могли возникнуть только вторым способом и только из интеллигентских кружков – за полным отсутствием в стране представительных учреждений; попытки же создания неполитических организаций типа профсоюзов пресекались так же сурово, как и занятия «политикой». Не было ничего удивительного и в том, что такие кружки имели социалистическую ориентацию – это обеспечивалось их интеллигентским составом и тогдашней интеллектуальной модой на социализм. С точки зрения представительских функций социалистические кружки носили отчётливо правозащитный характер: они пытались отстаивать интересы не собственных членов, а общества в целом и его наиболее дискриминируемого класса – крестьянства – в частности.

Первыми объединениями подобного рода были народнические кружки 70-х гг. XIX в. Преследования со стороны властей, а также ориентация на насильственные методы политической борьбы привели к трансформации ряда из них в аналоги вооружённых формирований (милиции). Однако данная трансформация не зашла далеко – этому помешали как сугубо интеллигентский характер кружков, так и бесплодность попыток силового противостояния могучей репрессивной машине государства.

Новый стимул развитию социалистических кружков дало становление в России рабочего движения. Появившиеся в 90-х гг. XIX в. организации имели в основном социал-демократическую (марксистскую) направленность. Среди их членов заметно увеличилось число

рабочих или выходцев из рабочей среды, хотя в целом они продолжали оставаться преимущественно интеллигентскими образованиями. Примером для подражания российским марксистам служила Социал-демократическая партия Германии, вследствие чего они всё более явно выказывали претензию на исполнение командирской функции, настойчиво пытаясь возглавить рабочее движение, а во внутренней жизни стремясь к созданию централизованной иерархической структуры, объединяющей разрозненные местные организации. Несмотря на некоторые успехи (в 1898 г. было объявлено о создании Российской социал-демократической рабочей партии, в 1903 г. приняты её программа и устав), вплоть до революции 1905 г. РСДРП представляла собой скорее конгломерат кружков, нежели сколько-нибудь убедительное подобие СДПГ. По подсчётам И.Пушкарёвой, перед началом революции РСДРП – без Бунда и других национальных организаций – насчитывала в самом лучшем случае около 8,4 тыс. членов¹⁷. Впрочем, по подсчётам С.Тютюкина, их было как минимум втрое больше: к лету 1905 г. в РСДРП состояло 14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков¹⁸.

Аналогичная ситуация была характерна для Партии социалистов-революционеров, чей объединительный съезд состоялся лишь в конце 1905 – начале 1906 г. По оценке М.Леонова, накануне первой российской революции ПСР представляла собой «совокупность малочисленных групп, в основном юной молодёжи, с незначительными связями с массами»¹⁹; у партии не было выборных органов и устава; связи между заграничным центром и организациями в России, а также между самими организациями были слабыми²⁰. Численность эсеров в предреволюционный период исследователь оценивает в 1,5–2 тыс. человек²¹. Организационное строительство ПСР тормозилось в том числе надеждами на объединение с социал-демократами – невозможное уже в силу того, что последние не считали эсеров подлинными социалистами. Только на II съезде Заграничной организации (июль 1904 г.) эсеры окончательно отказались от организационного объединения с РСДРП, решив ограничиться координацией действий с эсдеками в борьбе против самодержавия²².

По своему составу ПСР также была преимущественно интеллигентским образованием – представители образованного меньшинства «абсолютно преобладали среди активных членов, доминируя во всех комитетах и в руководстве групп»²³. Тем не менее уже в 1902–1904 гг. при некоторых партийных комитетах были созданы рабочие союзы и крестьянские братства, насчитывавшие по несколько десятков членов²⁴.

Созданию на базе ПСР централизованной иерархической структуры препятствовало, кроме того, отсутствие у её членов подобного намерения. Как писал М.Леонов, эсеры стремились «создать партию революции, но не орден меченосцев, ориентированный на беспрекословное выполнение предписаний руководителей, захват власти. Эсеровские “верхи” не просто мирились с теоретическим многообразием, но, напротив, считали его неизбежным и полезным при условии, что инакомыслие не выйдет за пределы основополагающих принципов. Эсеровская ментальность предполагала функционирование партии, объединённой общими принципами, но не жёсткой дисциплиной»²⁵.

Формирование либеральных кружков в дореволюционной России происходило со значительным запозданием, можно даже сказать, плелось в хвосте у социалистического движения. Примечательно, что у истоков одной из первых таких организаций, Союза освобождения (1903), стояли бывшие социалисты – т.н. легальные марксисты. Создание Союза земцев-конституционалистов, объединившего либеральное крыло земского движения, пришлось вообще на 1904 г. – середину русско-японской войны и канун первой русской революции. Либеральные кружки, как и социалистические, претендовали прежде всего на правозащитную роль – они боролись за определённый путь развития общества в целом, а не выступали адвокатами интересов каких-либо социальных классов и тем более их отдельных представителей.

Крайне правые – монархические, «черносотенные» – организации вышли на сцену уже в самый разгар революции. Такое отставание во многом объяснялось тем, что в условиях самодержавной монархии «правлящие круги не нуждались в каких-либо политических организациях» – «их идеология была государственной доктриной, а интересы защищались всей мощью карательного аппарата империи»²⁶. По доброй российской традиции эти организации также выросли из идейных кружков (хотя их основу составила не разнородная интеллигенция, а аристократия), да и в дальнейшем руководство главной крайне правой организации страны – Союза русского народа, несмотря на постоянное подчёркивание неприязни к интеллигенции («куче навоза»), состояло в основном из представителей творческих профессий – учёных, врачей, адвокатов²⁷, пусть даже звёзды первой величины, вроде филолога А.Соболевского или военного инженера К.Величко, были среди черносотенцев редким явлением и «буквально тонули среди мракобесов с профессорскими званиями»²⁸.

Так что нельзя не согласиться с В.Шелохаевым в том, что творцом первой российской многопартийности явилась интеллигенция²⁹, – как и в том, что порядок возникновения партий в России существенно отличался от имевшего место в Западной Европе: вначале оформились партии социалистической ориентации, затем либеральной и лишь самыми последними – «правоконсервативной»³⁰.

Расширение возможностей политической деятельности после издания Манифеста 17 октября привело к быстрому росту численности существующих партий, а также к образованию новых. Всего во время первой русской революции в стране действовало не менее 100 партий и 25 союзов. При этом трудно признать правоту тех авторов, которые все созданные в данный период объединения относят к «квази-партиям, протопартийным организациям»³¹. В своём подавляющем большинстве они действительно «носили эфемерный характер и исчезали столь же быстро, как и возникали, не оставляя даже следа в исторической памяти народа»³². Однако наиболее крупные и влиятельные партии представляли собой вполне дееспособные «организмы», особенно на первых порах.

Конечно, сама тогдашняя многопартийность, по меткому выражению В.Шелохаева, «висела в воздухе», поскольку «не имела прочной социальной базы, ...не стала понятным и принятым массовым сознанием фактором политической жизни»³³. Тому было много причин, включая «отсутствие среднего класса, глубоких демократических традиций, сложившейся системы правовых институтов, гражданских и политических прав личности, неосознанности роли и значения частной собственности» и т.п.³⁴, – любопытно, что почти всё из перечисленного можно отнести и к России рубежа XX–XXI столетий.

Тем не менее именно на 1905–1907 гг. пришёлся расцвет основных политических партий описываемого периода. Позже многие из них вступили в фазу перманентного кризиса, но годы первой русской революции явились для них золотой порой – тогда у них было всё: и относительно массовое членство, и разветвлённая сеть местных организаций, и более-менее чётко сформулированные политические доктрины, не подвергшиеся ещё эрозии из-за бесконечных уступок требованиям момента и не утратившие способности воодушевлять сторонников.

Поэтому надо с осторожностью относиться к точке зрения, квалифицирующей данные партии как «кадровые», «элитарные, [образованные] на базе избирательных комитетов», так и не реализовавшие шанса стать «массовыми»³⁵. Во-первых, тут явно чувствуется отголо-

сок концепции Дюверже, рассматривавшего массовые партии как более развитую, по сравнению с кадровыми, организационную форму. Во-вторых, само по себе превращение кадровых партий в массовые – случай весьма редкий (кроме Консервативной партии Великобритании и её аналогов в странах Содружества, вспомнить что-нибудь ещё затруднительно); легче создать новую организацию, чем возиться со старой. В-третьих, практически все влиятельные партии того времени родились из клубов и кружков, но как раз в 1905–1907 гг. они по своей структуре максимально приближались к массовым. Об этом говорит хотя бы их численность – десятки, а то и сотни тысяч человек. В частности, кадетская партия насчитывала 50–60 тыс. членов³⁶, эсеровская – более 65 тыс.³⁷, Союз 17 октября – 75–77 тыс.³⁸, РСДРП – 150–170 тыс. (с учётом Бунда, а также социал-демократов Польши, Литвы и Латвии)³⁹, Союз русского народа – более 400 тыс.⁴⁰

И лишь затем одни из них под гнётом репрессий заметно потеряли в весе, превратившись в комитетские (кадровые), а другие рассыпались вследствие внутренних противоречий и утраты связи с массовой базой. Таким образом, наблюдалось движение в противоположном направлении: не от кадровой партии к массовой, а от массовой к кадровой (а иногда и дальше – в никуда).

Хотя абсолютное большинство политических образований того времени пытались копировать структуру массовой партии секционного типа, были между ними и серьёзные различия.

Так, в организационной структуре социалистических партий – РСДРП и ПСР – важное место принадлежало военизированным формированиям (милиции). Кроме того, социалисты, и особенно социал-демократы, активно работали в пролетарской среде, что весьма способствовало формированию производственных ячеек – как первичных структурных единиц партийной организации. Общая нацеленность социалистических партий на вооружённое восстание усиливала в их деятельности командирскую функцию, оттесняя на задний план все остальные, включая правозащитную, и отчётливо иерархизировала их организационное устройство. В наибольшей степени это относится к большевистской фракции РСДРП, руководство которой трактовало принцип централизма как едва ли не безоговорочное подчинение нижестоящей организации вышестоящей, что в перспективе вело к созданию «партии-ордена» (Дюверже), подобной духовно-рыцарским орденам средневековья⁴¹.

Меньшевистская фракция, несмотря на признание принципа демократического централизма, несла на себе неизгладимую печать ин-

теллигентского происхождения: у неё не было единоличного лидера, внутри фракции всегда существовало несколько течений и группировок, партийная дисциплина почти не имела реальной силы, а такие вещи, как иерархия, субординация и тем более авторитаризм, просто не могли укорениться на меньшевистской почве⁴². По словам С.Тютюкина, «меньшевизм всегда представлял собой пёстрый конгломерат различных оттенков и течений марксистской мысли, а каждый меньшевистский лидер являл собой неповторимую индивидуальность»⁴³.

Не изжила в себе духа кружковщины и эсеровская партия. Даже став массовой – по расчётам М.Леонова, в конце 1906 – начале 1907 г. около 43% её членов составляли рабочие, около 45% крестьяне (вместе с солдатами)⁴⁴, – она, тем не менее, оставалась весьма рыхлой в организационном отношении, «с дисциплиной не из строгих, сплочённостью не из крепких»⁴⁵; связь ЦК с комитетами была нерегулярной, комитеты были оторваны от периферии⁴⁶; постановления ЦК зачастую не доходили до губернских, уездных и городских организаций⁴⁷, прославившаяся громкими терактами Боевая организация ПСР действовала совершенно автономно, вне контроля даже ЦК, и подчинялась только своему руководителю – агенту охранного отделения Е.Азефу⁴⁸. По оценке М.Леонова, сделавшись «типовой нелегальной партией II Интернационала с характерными чертами массовой организации»⁴⁹, ПСР, однако, не превратилась в «скреплённый единой волей организм», представляя собой «скорее совокупность не очень крепко взаимосвязанных образований»⁵⁰.

Не в последнюю очередь именно этим обстоятельством обуславливалось довольно быстрое оформление раскола неонародников. Если социал-демократы сохраняли формальное единство до 1917 г., то от эсеров уже осенью 1906 г. отошли правое и левое крылья. Первое конституировалось в Партию народных социалистов (энесов), второе – в Партию эсеров-максималистов. Энесы набирали сторонников в основном из околоэсеровской публики и левых кадетов, недовольных программой и тактикой КДП-ПНС⁵¹, тогда как максималисты «откалывали от партии целые куски, разрушали и выводили из строя крупные организации» – «экспроприаторство и терроризм в его самых крайних проявлениях, к которому в конечном итоге сводилась в основном тактика максимализма, ...находили отклик в рядах эсеров»⁵².

Что касается Союза русского народа, то он представлял собой гибрид элитарной и массовой партии. В нём «явственно выделялись два слоя: верхи и низы»⁵³. Власть, естественно, была сосредоточена в руках узкого круга лиц – в основном дворян, представителей ин-

теллигенции (врачей, преподавателей, юристов, инженеров) и наиболее патриархальной части купечества⁵⁴, а многочисленные секции, в т.ч. рабочие и крестьянские, выполняли роль массовки. Впрочем, как отмечал исследователь эсеровской партии М.Леонов, в комитетах и на съездах Союза русского народа представительство «низов» было более значительным, чем в руководстве социалистических и особенно либеральных партий⁵⁵. Объяснялось это, судя по всему, первоначальной большой численностью и шириной рядов СРН, а также невысоким уровнем требований, предъявляемых к членам его руководства, – ничего другого, кроме выражения преданной любви к самодержцу от верных сынов Отечества, собственно, и не ожидалось. Так что относительный «демократизм» состава руководящих органов СРН отнюдь не означал демократизма его внутренней жизни. Как пишет Д.Богоявленский, «демократическая система выборов руководства в СРН фактически отсутствовала», а наиболее яркими характеристиками организационной жизни Союза были «авторитарные тенденции в поведении лидеров» и «стремление к увеличению личностной власти»⁵⁶.

Заметная роль в структуре СРН принадлежала военизированным формированиям. Однако, по оценке историков, ни по выучке, ни по дисциплине они не шли ни в какое сравнение с дружинами революционных партий и «в большинстве случаев ...могли лишь оказать содействие полиции и войскам»⁵⁷. Тем не менее на первых порах монархические организации действительно серьёзно помогли властям в подавлении революционного движения. За первые две недели после публикации Манифеста 17 октября более чем в 350 населённых пунктах были организованы шествия, заканчивавшиеся, как правило, погромами в отношении всех, к кому «подходило ненавистное определение “демократ”»⁵⁸. Эти погромы, отмечает С.Степанов, «показали, что сторонники неограниченного самодержавия имеют поддержку в достаточно широких слоях населения»⁵⁹. Правда, в данном случае можно говорить скорее об «оседлании» крайне правыми люмпенской стихии, нежели о целенаправленной деятельности военизированных формирований.

С точки зрения представительства монархические организации выступали прежде всего как покровители, причём их покровительство было опосредованным – втянутому в сферу своего влияния «простому народу» они обещали не столько собственный патронаж, сколько защиту и заботу царя-батюшки. Верноподданнические настроения, кроме всего прочего, создавали благоприятную среду для

доминирования клиентельных отношений и являлись, таким образом, одним из источников слабости крайне правых в организационно-партийном плане. Кажущаяся на первый взгляд стройной, иерархия Союза русского народа существовала в основном на бумаге – «связь провинциальных отделов с Главным советом и между собой носила эпизодический характер», а присоединившиеся к Союзу организации оставались полностью самостоятельными⁶⁰. Как пишет С.Степанов, «вобрав в себя ряд черносотенных организаций, СРН вынужден был предоставить им значительную долю самостоятельности. Эти организации, будучи преобразованы в отделы СРН, сохраняли прежние названия и уставы. Многие черносотенные организации считали себя только примкнувшими к СРН и не рассматривали циркуляры и распоряжения Главного совета как нечто обязательное. Если на них оказывали давление, они, подобно вассалам эпохи феодальной эпохи, могли покинуть Союз и перейти под эгиду другой монархической организации»⁶¹.

Организационная слабость Союза русского народа усугублялась тем, что в глазах самих ультрамонархистов партии были порождением западного парламентаризма, никак не согласующимся с исконно русским жизненным укладом. Сами руководители СРН категорически отрицали партийный характер своей организации, изображая её общенародным объединением и «в широком смысле слова отождествляя со всей русской нацией»⁶².

Впрочем, по мнению С.Степанова, избранная черносотенцами модель партийного строительства – «конгломерат близких по духу, но практических независимых союзов с расплывчатыми критериями членства» – имела и свои плюсы: «Прежде всего следует подчеркнуть гибкость такой модели. Черносотенцы, предлагая на выбор ряд организаций, могли привлечь под свои знамёна социальные группы с различными, порой даже противоположными интересами. Они были единственной партией, которой [на выборах в Госдуму] удавалось заручиться голосами и в помещицкой, и в крестьянской куриях»⁶³. Поэтому Союз русского народа можно рассматривать и как своего рода многоуровневый клуб – с поправкой на то, что соответствующие отношения связывали главным образом членов руководящей верхушки в центре и на местах.

Ещё более яркий клубный оттенок был свойствен организационному устройству либеральных (кадеты) и либерально-консервативных партий (октябристы). Так, Центральный комитет Союза 17 октября, по замечанию А.Авреха, всегда был «больше похож на клуб,

чем на руководящий орган»: «В нём читались лекции, делались доклады, носившие чисто академический характер и никак не влиявшие на поведение думской фракции – единственной организации октябристов, где действительно занимались политикой»⁶⁴.

Задуманный как объединение всех партий «центра», Союз 17 октября представлял собой довольно рыхлое образование. В противоположность остальным заметным объединениям, устав Союза допускал параллельное членство в других партиях и организациях, а многие рядовые члены, несмотря на попытки лидеров руководить «попартийному», продолжали рассматривать организацию «скорее как дискуссионный клуб, но не как организацию, предполагающую наличие строгой дисциплины и иерархичности»⁶⁵. Кроме того, октябристы были весьма разношёрстной компанией – некоторые составные части Союза (в 1905–1906 гг. к нему на автономных началах присоединились 23 программно близкие политические организации) «на деле почти смыкались с кадетами», другие «в своей практической деятельности нередко отличались от крайних монархистов лишь по названию»⁶⁶, – но при этом и наименее идеологизированной: им «всегда была чуждой ...готовность пожертвовать всем ради достижения партийных целей»⁶⁷.

Трудно сказать, с какой функцией такая партия могла бы справиться более-менее успешно. Разве что с адвокатской, да и то лишь по отношению к весьма узкому слою людей, составлявших её социальную базу, – Д.Павлов и В.Шелохаев, в частности, определили Союз 17 октября как партию «служилого дворянства (ещё не полностью порвавшего, однако, с традиционными дворянскими занятиями) и крупной, частично “одворяненной” торгово-промышленной и финансовой буржуазии»⁶⁸. При этом, как отметил А.Аврех, в партии преобладал именно «помещичье-чиновничий элемент», да и основную массу октябристских избирателей составляли «именно помещики и чиновники, а не буржуа»⁶⁹. Тем не менее отстаивание «умеренно-конституционного» пути развития России, а также наличие в руководстве октябристов видных общественных деятелей, в т.ч. представителей интеллигенции, подразумевало известные претензии на правозащитную функцию.

Гораздо отчётливее интеллигентское начало было выражено в Конституционно-демократической партии – Партии народной свободы, также отличавшейся организационной аморфностью. В.Шелохаев описал КДП как «партию интеллектуалов, аккумулировавшую

в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX века, мечтавшую о радикальном преобразовании страны парламентским путём и на основе общечеловеческих ценностей»⁷⁰. В ЦК и думской фракции кадетов на всём протяжении деятельности партии «доминировали представители интеллигенции, которые, по существу, и определяли её стратегический и тактический курс»⁷¹. На интеллигентский, «профессорский» характер кадетской партии указывал и А.Аврех⁷².

Местные организации КДП времён первой русской революции представляли собой клубы единомышленников, собрания которых привлекали в том числе и представителей «социальных низов»: рабочих, ремесленников, приказчиков, служащих, а в сельской местности – и крестьян⁷³. В связи с этим правозащитная функция в деятельности кадетов была ещё более заметной, чем у октябристов. Кое-что, впрочем, оставалось и на долю функции адвокатской – по отношению прежде всего к средним городским слоям и «представителям собственно буржуазных элементов: либерально настроенным купцам, промышленникам и банкирам»⁷⁴.

С началом работы Государственной думы в политическом пространстве страны появились также фракции, не связанные ни с какими внепарламентскими организациями, – прежде всего фракция трудовиков, которая объединила беспартийных депутатов, избранных от крестьянской курии. Эта фракция явно тяготела к левому лагерю: по мировоззрению её члены были весьма близки к правому крылу неонародников – народным социалистам, под чьим влиянием трудовики сочинили свою программу и проект аграрной реформы⁷⁵.

Разумеется, очерченным выше кругом партий политический спектр России 1905–1907 гг. не ограничивался. Масса более мелких объединений существовала и на левом фланге (в т.ч. анархисты), и в центре (Прогрессивная экономическая партия, Умеренно-прогрессивная партия, Торгово-промышленная партия, Партия правового порядка, Всероссийский торгово-промышленный союз, Партия мирного обновления и др.), и, конечно же, на правом фланге (множество монархических организаций, большинство из которых уже к 1907 г. признало ведущую роль Союза русского народа). Однако всё это были эфемерные либо совсем уж маргинальные образования, не имевшие никаких шансов занять достойное место в складывающейся партийной системе.

4.1.3. Партийная система периода первой русской революции

Понятно, что до 1905 г. ни о какой партийной системе, даже незавершённой, речи не шло. Партии пребывали за пределами легального политического пространства. Да и вообще – как об уже существующей на тот момент партии можно говорить разве что о РСДРП. Остальные находились в стадии только начинавших воплощаться замыслов.

Появление после Манифеста 17 октября целой россыпи политических организаций (одних только партий возникло несколько десятков – недаром С.Тютюкин обозначил тогдашнее состояние партийной жизни как «супермногопартийность»⁷⁶) сформировало партийный спектр, превращение которого в подобие партийной системы, пусть и отличавшейся «неоправданной громоздкостью, рыхлостью, многократным дублированием одних и тех же или чрезвычайно близких друг к другу партийных течений»⁷⁷, стало возможным только после созыва в апреле 1906 г. Государственной думы. Учреждение в России представительного органа с законодательными функциями создавало поле возможностей для институционализации существующих в обществе конфликтов, а заодно и инструмент решения порождаемых ими проблем.

Политическое лицо Госдумы определялось партиями, и это обстоятельство свидетельствовало, что российская политика вполне созрела до партийности. Другой вопрос – к какому типу отнести возникшую в результате партийную систему. Опыт первых двух Госдум даёт все основания для вывода о её *флуктуационном* характере. Партийная система периода первой русской революции была не только чрезвычайно фрагментированной, но и неустойчивой. В первой Думе доминировали кадеты, во второй – левые фракции, самой крупной из которых была фракция трудовиков, не имевшая внепарламентских структур. Силы, близкие к царю и правительству (правые традиционалисты и консерваторы), в первой Госдуме представлены практически не были, во второй – очень слабо. И это несмотря на избирательный закон, закреплявший за курией помещтных землевладельцев значительные привилегии. Дело в том, что большое количество мест отводилось депутатам, избиравшимся от крестьянской курии, – с расчётом на присутий крестьянам традиционализм; при этом было упущено из виду, что крестьянский традиционализм кардинально отличался от традиционализма помещтных землевладельцев.

Неизвестно, какой была бы третья Госдума, если бы выборы в неё проводились по прежнему избирательному закону. Скорее всего, не

менее левой, хотя и не менее фрагментированной, и, наверное, с другой расстановкой сил. Однако это вряд ли изменило бы суть взаимоотношений партий и власти: последняя оставалась для партий недосягаемой, будучи, как и прежде, сосредоточена в руках неподконтрольной парламенту, никем не избираемой бюрократии во главе с императором. Следовательно, партийная система данного периода носила принципиально незавершённый характер.

Нельзя сказать, что главные думские партии не пытались взять под контроль государственный курс. Кадеты, контролировавшие Думу первого созыва, даже вели со Столыпиным переговоры о формировании кабинета, ответственного перед парламентом. Однако со стороны власти это была лишь уловка, предпринятая с целью отвлечь внимание от приготовлений к роспуску Госдумы. Делиться с парламентом полномочиями в планы монархии не входило – последние уступки она сделала в октябре 1905 г. и, подавив через полтора месяца вооружённые восстания левых радикалов, в дальнейшем планировала только отыгрывать утраченное. К тому же взгляды депутатов по всем основным политическим вопросам настолько противоречили позиции верховной власти, что та и слышать не хотела ни о каком компромиссе.

Главным камнем преткновения были выдвинутые парламентариями проекты аграрной реформы, как в радикальном (трудовики, эсеры, социал-демократы), так и в умеренном (кадеты) вариантах предусматривавшие полную или частичную конфискацию помещичьих земель, а потому категорически не устраивавшие помещтных землевладельцев и, соответственно, царя с правительством. Госдума, таким образом, вполне наглядно демонстрировала, что именно конфликт между городом и деревней являлся для тогдашнего политического противостояния основополагающим. Однако способы, которыми доминирующие в ней партии предлагали решать аграрный вопрос, были абсолютно несносны для сил, обладавших действительной властью.

Ужиться с представительным органом монархия могла только при условии кардинального изменения его политического состава, т.е. формирования лояльного ей думского большинства. Это позволило бы верховной власти сохранить монополию на принятие значимых решений, а Госдуму превратить в декорацию, не соединённую реальными приводами с государственным механизмом.

На подобное изменение политического лица Госдумы и был направлен принятый 3 июня 1907 г. избирательный закон, предусматривавший увеличение числа депутатов от землевладельческой курии

за счёт сокращения депутатов от крестьянской. Такой манёвр стал возможен после того, как начала ощущаться отдача от репрессивной политики в отношении левых партий, которые своими вооружёнными выступлениями, бесконечными «эксами» и провоцированием уличных беспорядков отпугнули от себя либеральный центр, а также заставили сплотиться правый фланг – тому, в лице Союза русского народа, удалось даже в какой-то мере мобилизовать для монархии массовую поддержку.

В итоге власть смогла обеспечить более или менее приемлемый для себя состав парламента (хотя правые традиционалисты всё равно считали его слишком радикальным; к тому же многие из них в принципе возражали против существования в России представительных органов общенационального уровня). В третьей Госдуме левый, социалистический, фланг был сведён к незначительному минимуму, а основные силы распределились между крайне правыми (правые традиционалисты), правыми (консерваторы), октябристами (относительные либералы по части общей фразеологии и изрядные консерваторы в том, что касалось конкретных мер) и кадетами (либералы).

Тем самым партийной системе периода первой русской революции была придана определённая стабильность. Однако произошло это вследствие резкого снижения властных притязаний со стороны формировавших Госдуму политических сил – партийная система приобрела очевидные черты *периферийности*.

4.2. Партии и партийная система России в промежутке между двумя революциями

Партийная система, сложившаяся после изменения избирательного закона, обеспечила стране несколько лет довольно спокойного существования. Чисто внешне она напоминала партийные системы многих европейских стран – борьба внутри неё разворачивалась главным образом между консерваторами и либералами. Правда, чтобы перевести основное противостояние в это русло, верховной власти пришлось существенно ограничить избирательное право и исключить из политического процесса целые сегменты партийного спектра.

Официальной регистрации не получила даже кадетская партия, располагавшаяся в самом центре идейно-политического континуума. Деятельность же социалистических партий и вовсе считалась преступной. Если за принадлежность к кадетской партии человека

могли уволить с государственной службы, то уличение в связях с РСДРП или ПСР было чревато как минимум ссылкой. Западно-европейские родственники российского императора действовали в этом плане более тонко, полагаясь прежде всего на коррекцию избирательного законодательства, т.е. давая привилегии имущим классам и урезая права неимущим. В Германии, например, в конце XIX столетия социал-демократы действовали на вполне легальных основаниях.

Относительная стабильность, достигнутая путём перемещения политической борьбы в рамки противостояния между консерваторами и либералами, не могла изменить ни содержания терзающих общество конфликтов, ни их иерархии. Эти конфликты всё равно себя обнаруживали, причём именно в том порядке, который диктовала сама жизнь.

4.2.1. Конфликты

Основным конфликтом, раскалывавшим в 1907–1917 гг. российское общество, оставался аграрный, вызывавший противостояние города и деревни. Его усугублял конфликт между трудом и капиталом. На окраинах империи продолжал тлеть конфликт между центром и периферией. Третьеиюньская система, институционализовав конфликт между консерваторами и либералами, вытеснила аграрный, рабочий и национальный вопросы на второй план, отдав их решение на откуп правым и правоцентристским силам.

Другими словами, все эти вопросы могли решаться только с позиций умеренного консерватизма – так, как это пыталось сделать правительство П.Столыпина: аграрный вопрос – через разрушение общины как фундамента крестьянского традиционализма, рабочий – предпринимая осторожные шаги по защите условий труда отдельных категорий работников, национальный – путём отказа от уступок национальным окраинам (в первую очередь Финляндии), вырванных в период революции 1905–1907 гг.

Большим недостатком консервативного подхода являлось то, что он не был способен хотя бы притупить конфликты или устранить причины, приводящие к их кумулятивному наложению. Аграрный вопрос решался исключительно за счёт крестьянства, без каких-либо посягательств на права помещтных землевладельцев: «Столыпинская реформа слишком откровенно была направлена на сохранение помещичьего землевладения, на раскол деревни посредством расчистки крестьянских земель от “слабых” для “сильных”, слишком очевидным был при этом административный нажим на крестьян» (В.Дани-

лов)⁷⁸. Меры, осуществлённые в рамках этой реформы, – постепенный переход от общинного землевладения к частному, укрепление права личной собственности на крестьянские надельные земли, переселение нуждающихся крестьян на свободные земли, развитие хуторской системы и пр. – практически совпадали с аграрной программой, принятой на первом съезде уполномоченных дворянских обществ (21 мая 1906 г.)⁷⁹. Как следствие, конфликт по линии «город–деревня» не был ослаблен ни на йоту.

Меры по решению рабочего вопроса касались в первую очередь благополучной части работников, не распространяясь на основную массу пролетариата, а самое главное – на пополнение, постоянно прибывавшее в город из деревни⁸⁰. В национальном вопросе принятые правительством и поддержанные правыми и центристскими фракциями Госдумы шаги прямо провоцировали интенсификацию конфликта⁸¹.

Наконец, предложенный консерваторами путь мог быть пройден до конца только в условиях долговременной стабильности – тех самых запрашиваемых Столыпиным «двадцати лет покоя». Двадцати лет не получилось – от силы семь. Потом началась Первая мировая война, поставившая крест на системе в целом.

4.2.2. *Партии*

Как было не раз отмечено, в период между первой и второй российских революциями практически все без исключения партии страны переживали организационный кризис: значительно сократилось число их местных отделений, были нарушены (или совсем прекращены) связи между центральными органами и местными комитетами⁸². Однако причины этого кризиса в каждом случае были разные: для либералов и особенно социалистов главную роль сыграли репрессии со стороны властей; октябристов никто не трогал, и все их неприятности проистекали исключительно из внутренних источников; монархистам власть и вовсе помогала чем могла, но их упадок усугублялся вопреки всем усилиям.

Впрочем, пойдём по порядку – справа налево. Форса, выданная новым избирательным законом правым и правоцентристским партиям, не только не пошла им на пользу, но, пожалуй, даже ускорила их деградацию. Союз 17 октября и в значительной мере Союз русского народа довольно быстро лишились массовых секций. Сказалось как падение общественного интереса к политике, так и неспособность октябристов и монархистов предложить нечто существенное своим сторонникам из «низших» классов.

Пик развития крайне правых организаций пришёлся на вторую половину 1907 – 1908 г., когда численность СРН и прочих монархических объединений превышала 400 тыс. человек. Затем начался кризис, сопровождаемый расколами и потерей контроля над местными отделениями. Сначала, в 1908 г., депутат Госдумы В.Пуришкевич, рассорившись с А.Дубровиным, вышел из СРН и создал Русский народный союз имени Михаила Архангела. Потом, в 1911–1912 гг., Союз русского народа распался на Всероссийский дубровинский Союз русского народа и «обновленческий» СРН, фактическим лидером которого являлся думец Н.Марков-второй. К концу 1914 г. главная монархическая организация страны представляла собой «конгломерат разрозненных, конкурирующих между собой группировок»⁸³.

Причиной расколов послужили разногласия по вопросу об отношении к правительству и Думе (А.Дубровин выступал за ликвидацию ГД и резко критиковал кабинет министров, тогда как В.Пуришкевич, а за ним и Н.Марков, смирившиеся с необходимостью существования законодательного органа, поддерживали курс П.Столыпина на разрушение общины), а также лидерские амбиции руководителей и «плохие личные взаимоотношения»⁸⁴.

Массовость Союза ушла в прошлое после распада или откола крестьянских и рабочих отделов. И те и другие были недовольны откровенно продворянской ориентацией руководства крайне правых и неспособностью защитить права «низших» классов⁸⁵. Разочаровавшись в СРН, его члены покидали отделы, многие из которых продолжали существовать только на бумаге⁸⁶. Зачастую крестьянские отделы, даже не порывая с СРН, выдвигали требования, в корне расходящиеся с линией руководства, в частности о передаче крестьянам помещичьей земли. В итоге власти начали склоняться к выводу, что крестьянские отделы СРН являют собой «не опору порядка, а скорее потенциальную опасность» и что «главари чёрной сотни, пожалуй, не смогут обуздать процесс, который они сами вызвали безудержной демагогией и погоней за популярностью среди крестьянства»⁸⁷.

Самое печальное для СРН заключалось в том, что избирательный закон, дававший максимум привилегий курии помещтных землевладельцев, делал ненужным существование внепарламентских организаций в правой части спектра: с отбором выборщиков прекрасно справлялось и дворянское самоуправление. Недаром наиболее крепкими позициями в Госдуме обладали умеренно правые (монархические и националистически настроенные депутаты), почти не связанные с черносотенными союзами⁸⁸, а также «обновленческая» часть крайне

правых, признававшая историческую необходимость «третьеиюньской монархии» и ориентировавшаяся прежде всего на корпоративную организацию помещиков – Постоянный совет объединённых дворянских обществ (в просторечии – «Объединённое дворянство»). В то же время дубровинский СРН, руководители которого принадлежали к самым разным социальным слоям и поэтому в гораздо большей степени были подвержены влиянию «снизу», сильным позициями в Думе не располагал⁸⁹.

Тем не менее, несмотря на очевидный упадок, черносотенные союзы дожили до 1917 г. По оценке А.Авреха, они «как бы стабилизировались в своей стагнации»⁹⁰. С одной стороны, эти союзы стали «орудием личной политики и карьеры своих вождей»⁹¹, т.е. самыми заурядными клиентами, а с другой – превратились «в своего рода “командос” [дворцовой] камарильи, в её передовые отряды, при помощи которых ...воздействовали на царя»: «В нужный момент по общей команде в адрес царя посылались десятки и сотни телеграмм всегда одного и того же содержания и смысла: никоим образом не поддаваться давлению либералов»⁹². А по мнению Д.Богоявленского, в период с середины 1915 г. до февраля 1917-го наблюдался даже подъём правомонархического движения, и соответствующие организации заметно поправили своё положение, усилив, в частности, влияние на правительственные структуры»⁹³.

Цена этому усилению стала ясна в феврале 1917 г., когда монархия как никогда нуждалась хоть в какой-нибудь общественной поддержке: «Черносотенцы, всегда хваставшие миллионной ратью своих сторонников, не смогли оказать правительству ни малейшей помощи»⁹⁴.

Состоянию монархического лагеря всецело отвечало и нарастание разброда среди правых в стенах Госдумы. Если в третьей Думе они делились только на крайне правых и умеренно правых (националистов), то в четвёртой уже были крайне правые, правые, националисты-«балашовцы», националисты-«шульгинцы» (по именам своих лидеров – П.Балашова и В.Шульгина) и «центр», т.е. пять групп. Причём, по оценке А.Авреха, процесс дробления происходил в отсутствие каких-либо подлинно идейных, программных оснований для раскола («Между ними не только не было программных расхождений, но не было и нужды в самих программах, зафиксированных и принятых каким-либо официальным образом»⁹⁵), а главными источниками раздоров и дразг являлись личные амбиции и банальная борьба за казённые субсидии⁹⁶.

Вполне объяснима поэтому неудача, постигшая инициативы по созданию новых партий на базе какой-либо из думских фракций правого толка. Такую попытку предприняла, например, фракция националистов в третьей Думе. Созданная в результате партия, по словам А.Авреха, практически исчерпывалась фракцией, а последняя состояла в основном из помещиков и чиновников юго-западных и западных губерний, прежде всего Подольской и Волынской⁹⁷. Партия оставалась крайне малочисленной и целиком содержалась на средства своего лидера П.Балашова⁹⁸.

Ещё стремительнее протекал кризис Союза 17 октября. После 1907 г. численность его местных отделов заметно упала; многие из них существовали лишь на бумаге и были совершенно недееспособны⁹⁹. Разрушались и внутренние связи: «Несмотря на то что местные отделы были буквально наводнены разного рода письмами и циркулярами ЦК, ответов на них поступало крайне мало. Отделы “Союза” предпочитали действовать автономно, сообразуясь с местными обстоятельствами»¹⁰⁰. Партия из «массовоподобной» постепенно приобрела комитетский (кадровый) характер – значительно реже стал заседать даже ЦК, а все возникавшие вопросы решались лидерами в бюро думской фракции или просто в кулуарном порядке¹⁰¹.

После убийства Столыпина (1911) исход из партии сделался просто лавинообразным. В 1912 г. в большинстве губерний отделы Союза исчезли, а те организации октябристов, которые ещё продолжали существовать, представляли собой «ничтожные по численности группы» и, как правило, ничем себя не проявляли¹⁰². Попытки исследователей хотя бы приблизительно установить численность октябристов в 1907–1914 гг. никаких результатов не дали. Как писал В.Шелохаев, «отсутствие необходимых источников – а это уже само по себе немаловажный показатель – позволяет лишь высказать предположение о том, что число организованных октябристов в рассматриваемый период было незначительным»¹⁰³.

В 1913 г. раскололась и думская фракция октябристов, причём одна из трёх образовавшихся частей объявила себя беспартийной (хотя на деле блокировалась с правыми). Этот раскол поставил Союз 17 октября на грань полной катастрофы, а медленно агонизировавшие местные отделы, по сути, прекратили систематическую деятельность¹⁰⁴. В годы Первой мировой войны, отмечал А.Аврех, всякая жизнь в октябристской партии совершенно замерла – в делах департамента полиции, следившего за каждым шагом всех партий и организаций страны, Союз 17 октября почти не упоминался¹⁰⁵.

К началу работы четвёртой Госдумы инициативу у октябристов начала перехватывать Прогрессивная партия, созданная в 1912 г. при активном участии представителей «передовой» российской буржуазии. По своим взглядам ПП находилась где-то между октябристами и кадетами, выступая за конституционную монархию и ответственность министров перед народным представительством. Впрочем, активность прогрессистов не выходила за рамки Думы, а их успехи на ниве партстроительства ограничились созданием комитетов избирателей в ряде крупных городов. Как заметил А.Аврех, «у прогрессистского “генералитета” не было даже “офицеров”, не говоря уже о “солдатах” – рядовых членах организации»¹⁰⁶.

Так что замыслы прогрессистов превратить свою организацию в общероссийскую не были реализованы¹⁰⁷. По мнению же А.Авреха, Прогрессивная партия и вовсе не была создана – в документах съезда прогрессистов (15 ноября 1912 г.) само слово «партия» не присутствует¹⁰⁸. Съезд переименовал московский и петербургский «внепартийные комитеты прогрессивных избирателей» в Центральный комитет прогрессистов (с двумя отделами), а также поставил задачу создать районные комитеты в ряде провинциальных центров, а затем провести «делегатский (по всей видимости, с участием представителей региональных организаций. – Ю.К.) съезд прогрессистов». Однако никаких районных комитетов создано не было, съезд не созывался, а ЦК не оставил после себя ни одного документа¹⁰⁹ – его петербургский и московский отделы, правда, время от времени подавали некоторые признаки жизни, но «очень слабые и ненадолго»¹¹⁰.

Поэтому имеет смысл говорить о существовании не столько Прогрессивной партии, сколько думской фракции прогрессистов. Но и последняя, по оценке А.Авреха, носила «кружковый» характер: никакой обязательной дисциплины в ней не было, а от её членов требовалась только «общая прогрессивность» – «при этом беспартийность и широкая терпимость считались главным средством усиления роли фракции и увеличения её численности»¹¹¹.

Незадавшуюся судьбу Прогрессивной партии Аврех объяснял прежде всего особенностями поведения русской буржуазии, отдававшей предпочтение не партийной, а сословно-корпоративным формам организации – съездам советов, биржевым комитетам: «Торговцы и промышленники наотрез отказались стать социальной базой какой бы то ни было партии русского либерализма, предпочитая всяким партийным образованиям свои “купецко”-сословные организации»¹¹².

Что до партии кадетов, то она постепенно трансформировалась в комитетскую (кокусную) организацию. После поражения первой русской революции из КДП вышла значительная часть «демократических элементов»¹¹³. В Москве и Санкт-Петербурге у партии ещё сохранились мало-мальски приличные секции, в целом же по стране, да и то в основном лишь в земских губерниях европейской части России, действовали узкие по составу комитеты¹¹⁴; «партийные собрания местных организаций созывались нерегулярно, а их посещаемость оставляла желать лучшего»¹¹⁵. Не выполнялось уставное требование о ежегодном созыве партийных съездов. Вместо этого проводились конференции, обычно в виде совещаний парламентской фракции с представителями местных отделов¹¹⁶. Принципиальные же политически решения принимались сравнительно небольшим числом членов ЦК (10–15 человек, т.е. около трети состава)¹¹⁷, причём с середины ноября 1909 г. по октябрь 1911-го не состоялось ни одного пленарного заседания Центрального комитета¹¹⁸.

По оценке А.Авреха, «от сравнительно массовой партии остались жалкие обломки. Партия представляла собой голову без туловища, генералов без армии, руководящий орган при почти полном отсутствии руководимых»¹¹⁹ – а точнее, «в кадетской армии генералов в третьиюньский период было больше, чем офицеров, а унтер-офицеров и солдат почти не осталось»¹²⁰. В качестве доказательства Аврех ссылается на данные, приведённые в докладе московского отдела ЦК на последней предвоенной конференции КДП (23–24 марта 1914 г.). Согласно этим данным, по всей стране нашлось лишь 730 человек, открыто заявивших о своей принадлежности к партии¹²¹. Однако, по мнению В.Шелохаева, речь здесь шла не о членах партии, а о членах кадетских комитетов. По его собственным подсчётам, численность актива КДП в 1908–1909 гг. не превышала 1100 человек, в 1913–1914 гг. – 998¹²². Что же касается организованных членов партии как таковых, то их, полагает В.Шелохаев, накануне Первой мировой войны было около 10–12 тыс., т.е. в пять раз меньше по сравнению с 1905–1907 гг.¹²³

В период между 1907 и 1914 г. обострились и проблемы, связанные со спецификой социальной базы КДП. По словам Авреха, «профессорский» состав партии порождал и «профессорский» стиль её деятельности – «инфантилизм, нелюбовь к повседневной черновой работе, одним словом, маниловское прожектёрство и болтовня вместо живой активной деятельности». В особенной степени это относилось к провинции, где «сил было меньше, а условия хуже»: «Про-

винциалы ...не верили в самих себя и привыкли целиком полагаться на ЦК и фракцию. ...[Они] связывали возрождение местных партийных организаций прежде всего и главным образом с приездом влиятельных посланцев из столиц. ...В результате создалась парадоксальная ситуация: не “тело” питало “голову”, а “голова” кое-как поддерживала жизнь в готовом каждую минуту расстаться с нею “теле”¹²⁴. При этом, по весьма строгой оценке Авреха, ЦК КДП большей частью «также состоял из неделовых, вялых, болтающих людей, избегающих сколько-нибудь систематической организационной работы»¹²⁵.

Одной из предпосылок организационного кризиса кадетской партии А.Аврех называл отсутствие у неё легального статуса – это оказалось «тем барьером, который не могла перешагнуть основная масса буржуазно-помещичьей интеллигенции, составлявшая социальную базу кадетского либерализма»¹²⁶. Члены партии подвергали определённому риску своё имущественное и общественное положение, особенно в провинции, где произвол администрации был бесконтрольным. Чиновникам же вообще запрещалось вступать в нелегализованные организации, и ослушание вело к увольнению со службы¹²⁷.

Аврех полагал, что основной причиной упадка КДП было всё-таки «разочарование в потенциях кадетской партии и её руководства, настроение неверия в обещанный ими “конституционный” путь развития»¹²⁸. В качестве примера противоположного свойства он приводил куда более жёстко преследуемых социал-демократов, чья деятельность в начале 1910-х гг., напротив, активизировалась и расширилась¹²⁹.

Надо сказать, что здесь злую шутку с глубоким и талантливым историком сыграло присущее советской историографии мнение о заведомой обречённости всех партий, кроме большевистской. Причём в отличие от многих своих коллег, заученно повторявших формулировки партийных документов, но не придававших им особого значения, А.Аврех, будучи искренним марксистом и не менее искренним коммунистом, разделял это мнение не просто целиком и полностью, но, можно даже сказать, истово. Ко всем противникам и конкурентам большевиков он относился чуть ли не с личной ревностью и нередко бывал несправедлив в оценках. Если бы сторонники кадетов действительно настолько разочаровались в партии, не было бы и оживления её деятельности после февраля 1917 г. – ведь не воспрял, к примеру, тот же Союз 17 октября. Так что организационный кризис в КДП и правда имел место, а вот массового разочарования в её перспективах, пожалуй, не было.

А.Аврех, однако, противоречил сам себе, когда отмечал, что гораздо лучше, чем с партстроительством, у кадетов шли дела с работой в кооперативах, учёных и профессиональных обществах, на съездах учителей, врачей, агрономов и т.д. В значительной мере это обстоятельство, на его взгляд, объяснялось тем, что «в массе своей все эти общества и съезды состояли из тех самых “сочувствующих”, которым не хватало только легализации, чтобы превратиться в партийных кадетов»¹³⁰.

А вот в чём нельзя не согласиться с советским историком, так это в том, что наиболее суровым репрессиям подвергались отнюдь не либералы, а социалисты. За несколько лет охранное отделение основательно подчистило нелегальные структуры социал-демократов и социалистов-революционеров. Их вожди вынуждены были эмигрировать, а работа в России велась в основном через легальные общества – профсоюзы, кооперативы, больничные кассы. Эсдеки и эсеры старались взять их под свой контроль и нередко добивались успехов.

Ситуация на левом фланге, по сравнению с 1905–1907 гг., заметно изменилась. Централизация и массовость социалистических организаций на порядок снизилась, тогда как внутривнутрипартийная фрагментация, напротив, возросла. В РСДРП, например, к двум основным фракциям – большевистской и меньшевистской – добавилось ещё несколько групп и течений: группа «Вперёд», большевики-примиренцы, меньшевики-партийцы, группа Л.Троцкого. Впрочем, борьба между ними носила верхушечный характер и происходила главным образом за границей, где у эмигрантов по большому счёту не было других занятий.

РСДРП как «целостная иерархия учреждений» фактически перестала существовать¹³¹. В России социал-демократы уже не имели единой сети партийных структур, а только разрозненные организации, почти не общавшиеся ни между собой, ни с заграничными центрами. Как пишет С.Тютюкин, «от РСДРП остались лишь осколки»: «Порвались и вертикальные (от партийного центра к периферии), и горизонтальные (между местными социал-демократическими организациями) связи. Многие партийные организации практически распались, их члены отходили от нелегальной революционной работы, попадали в тюрьмы, на каторгу»¹³². Эпизодическую связь осуществляли разве что депутаты-эсдеки, которые, с одной стороны, выезжали за границу для контактов с партийными лидерами, а с другой – организовывали встречи с избирателями, выступали в печати, на специализированных всероссийских съездах (фабрично-за-

водских врачей, торгово-промышленных служащих, кооперативном и пр.), на собраниях профсоюзов и т.п.¹³³

Эсеровская партия пребывала в ещё более глубоком кризисе, который усугублялся тем, что социалисты-революционеры по-прежнему держались за тактику бойкота Государственной думы и с упорством, достойным лучшего применения, пытались продолжить террор. Отсутствие представительства в Думе ограничивало для них и без того скудные возможности легальной деятельности, а для организации терактов не было ресурсов. Кроме того, по ПСР очень сильно ударило разоблачение лидера её Боевой организации Е.Азефа, оказавшегося агентом охранного отделения. В мае 1909 г., признав себя политически и морально ответственным за Азефа, ушёл в отставку весь состав ЦК – «самые способные, опытные и авторитетные люди в партии»¹³⁴. Новый состав во всём им уступал, к тому же многие его члены вскоре были арестованы. С 1912 г., после того как ряд видных эсеров, прежде всего В.Чернов и Б.Савенков, отошли от партийной работы, сосредоточившись на литературных занятиях, ЦК перестал подавать какие-либо признаки жизни¹³⁵.

В условиях отстранения от реальной партийной деятельности и из-за бесконечных склок объективно возрастала клиентелизация социалистических партий и степень персонализации их политики. Одна из наиболее непримиримых фракций в РСДРП – большевиков-ленинцев, в 1912 г. объявившая себя фактически самостоятельной партией, – отличалась и наибольшей клиентелизованностью. Централизация и иерархизация большевистских структур сопровождалась концентрированием власти в руках вождя – В.Ленина, авторитет которого среди сподвижников был непререкаем. Этому способствовало существование в большевистском руководстве значительного разрыва между вождём и теми, кто стоял на более низких ступенях партийной иерархии¹³⁶.

Именно в описываемый период окончательно сложились такие классические организационные характеристики большевизма, как «небывало высокий и не всегда оправданный даже специфическими условиями российского самодержавно-абсолютистского режима уровень централизации, строго иерархическая структура организаций, значительное сужение внутрипартийной демократии, безраздельная гегемония “профессиональных революционеров” над рядовыми партийцами, тенденция к подбору руководящих кадров по принципу личной преданности вождю-Ленину, строжайшая идеологическая, финансовая и кадровая дисциплина»¹³⁷.

Выборы руководящих органов, которые, как указал Р.Михельс, в социалистических партиях были достаточно условной процедурой, в большевистской фракции всё больше превращались в формальность – решающими было слово вождя. Так образовалась «партия нового типа», по образцу которой в дальнейшем строились все коммунистические организации. В то время она ещё не базировалась на производственных ячейках – большевики не имели такой возможности из-за полицейских репрессий. Но с организационной точки зрения главная черта компартий – вовсе не приближённость к индустриальному производству, а жёсткое единоначалие, присущее не столько гражданским, сколько военным структурам. Большевистская партия уподобляла себя армии, а её руководители были командирами, у которых для выполнения правозащитной и адвокатской функций не оставалось ни сил, ни времени – да в общем-то и желания.

В годы Первой мировой войны полицейские чистки разрушили практически всю сеть эсеровских и большевистских организаций. В конце 1916 г. департамент полиции констатировал: Партии социалистов-революционеров как таковой в России не существует¹³⁸. То же самое можно сказать и о большевиках, для которых крайне болезненной потерей явились арест и высылка в Сибирь депутатов думской фракции – исчезло последнее звено, координировавшее активность действовавших в стране групп. Только меньшевики, сохранив думскую фракцию, а также приняв участие – вместе с эсерами-оборонцами – в работе военно-промышленных комитетов, смогли удержаться на плаву. По оценке С.Тютюкина, войдя в состав рабочих групп ВПК, меньшевики «в конечном счёте оказались в выигрыше и укрепили своё влияние на часть рабочих»: «Не будет преувеличением сказать, что без этого их успехи весной и летом 1917 г. были бы намного скромнее»¹³⁹. Кроме того, полагает исследователь, в ВПК, где меньшевики идейно вели за собой правых эсеров, «были как бы отретированы некоторые важные моменты будущего сотрудничества этих двух социалистических течений в рамках советской системы и в органах Временного правительства в 1917 г.»¹⁴⁰. Большевики же, «продемонстрировав принципиальное неприятие любых контактов и прямого диалога с буржуазией, ...потеряли возможность использовать ВПК для распространения своего влияния на рабочие массы и весной 1917 г. длительное время не могли наверстать упущенного, явно проигрывая на протяжении нескольких месяцев меньшевикам и эсерам»¹⁴¹.

Несмотря на кажущийся успех полицейских мер в отношении социалистов, осталось в силе то обстоятельство, что связанные с партией эсеров «многотысячные массы людей» «распылились, но никуда не делись». Даже формально уходя из рядов ПСР, они не порывали с ней по существу и, работая в земствах, кооперации и т.п., «расширяли поле идейного влияния партии»¹⁴². В урочный час они не преминули напомнить о себе.

4.2.3. Партийная система

Особенностью установившейся в третьей Госдуме партийной системы было существование двойного большинства – консервативно-традиционалистского и консервативно-либерального. Самой крупной фракцией Дум третьего и четвертого созывов была октябристская. Однако для получения простого большинства октябристам приходилось вступать в союз либо с кадетами, либо с правыми. Это предопределило политический курс третьей и четвертой Госдум – крайне осторожное, с постоянной оглядкой, продвижение реформ. Когда октябристы склонялись к мысли о необходимости тех или иных реформистских шагов, они объединялись с либералами. Как только им казалось, что реформы своей излишней стремительностью подталкивают страну к краю пропасти, они тут же сдавали назад и блокировались с правыми. Причём последнее у октябристов случалось чаще и успешнее – благо и сама фракция Союза 17 октября была весьма неоднородной, и значительная часть её членов по своим взглядам мало отличалась от правых.

Заклучив с П.Столыпиным договор о взаимной лояльности с целью провести через Думу широкую программу реформ, направленных на развитие «начал конституционного строя», октябристы какое-то время выполняли роль правительственной партии – по крайней мере, до той поры, пока Столыпин сохранял хотя бы видимость соблюдения этого договора¹⁴³. Однако говорить об октябристах как о правящей партии не приходится, поскольку правительство они не контролировали ни в малейшей степени.

В 1909–1911 гг., после ряда кризисов в отношениях с правительством, лояльность октябристской фракции заметно поубавилась, и её члены начали понемногу критиковать действия кабинета, выступая в ряде вопросов заодно с кадетами и прогрессистами. В ноябре 1913 г. лидер Союза 17 октября А.Гучков прямо заявил о переходе октябристов в оппозицию правительству, отказавшемуся от проведения реформ. Однако это привело лишь к краху самой партии: правое крыло

Союза 17 октября и большая часть думской фракции не поддержали Гучкова, а сама фракция раскололась на трое.

Тем не менее третьеиюньская система продолжала функционировать и в таком виде – просто в условиях раздробленности октябристской фракции она ещё больше хромала на правую ногу. Ситуация изменилась лишь после вступления России в мировую войну. Поначалу всеобщее воодушевление объединило все представленные в Госдуме политические партии (за исключением горстки социал-демократов). Однако затем военные неудачи и продовольственные трудности подорвали авторитет верховной власти, которая к тому же в самый тяжёлый момент повела себя не совсем адекватно. Николай II и раньше был скорее правым традиционалистом, косо поглядывая на собственные правительства, возглавляемые в основном консерваторами (П.Столыпин, В.Коковцов). Правительство И.Горемыкина (1914–1916) находилось уже в серьёзной зависимости от традиционалистски настроенного царского окружения, а к 1916 г. в механизме формирования кабинета что-то окончательно разладилось – «министерская чехарда» забрасывала на руководящие посты совершенно случайных людей. Кроме того, репутацию императорской фамилии сильно подмочили скандальные (и отнюдь не беспочвенные) слухи о влиянии на процесс правительственных назначений «тёмных сил» во главе с Г.Распутиным.

Кризис верховной власти был налицо. В стремлении преодолеть его сплотились не только либералы и консерваторы, но и часть правых – они учредили в Госдуме Прогрессивный блок, выступивший с требованием отстранить от управления государством наиболее одиозных персон. Причём, по мнению Авреха, инициатива образования блока исходила не от «левых» – кадетов и октябристов, а от правых – «центра» и националистов¹⁴⁴. Основой для объединения послужил лозунг создания «министерства доверия», т.е. правительства, состоящего из компетентных людей, и ликвидации «министерства недоверия» – кабинета, формировавшегося императрицей и стоявшим за нею Г.Распутиным¹⁴⁵. По словам А.Авреха, представители Прогрессивного блока хотели такого правительства, которое было бы «технически пригодным – безотносительно к его политической линии»: «Прежнее главное условие пригодности кабинета – готовность сотрудничать с Думой – сменилось другим: способность элементарно управлять»¹⁴⁶. Для кадетов согласие с лозунгом «министерства доверия» означало отказ от прежнего требования «ответственного министерства», а следовательно, поправение; для правых, ранее не допус-

кавших и мысли о вмешательстве Думы в формирование государственного курса, – несомненное полевание¹⁴⁷.

Но создание Прогрессивного блока, как справедливо отметил А.Аврех, явилось знаком того, что третьеиюньская система прекратила своё существование¹⁴⁸. Одновременно с этим партийная система перестала быть периферийной – партии начали претендовать на реальное участие в определении государственного курса. Под их сплочённым напором¹⁴⁹, наложившимся на стихийные массовые выступления февраля 1917 г., монархия была устранена с политической сцены.

4.3. Партии после февраля 1917 г.: от флуктуационной системы к однопартийной

Падение монархии стало поистине катастрофическим событием, даже если не вкладывать в слово «катастрофа» оценочного смысла. Рухнул столп, на котором держалась вся политическая система. Пусть эта система не самым эффективным образом решала проблемы, порождаемые новой социальной реальностью, – она предоставляла для этого какие-то инструменты. С её крахом все общественные конфликты вырвались на волю, и способ их обуздания напрямую зависел от исхода открытого столкновения между противоборствующими силами, не ограниченными никакими правилами.

4.3.1. Конфликты

Конфликты, сдерживаемые, как плотиной, прежней системой, хлынули наружу и теперь не просто заявляли – кричали о себе. Это касалось как фундаментальных вопросов – аграрного, рабочего, и национального, так и вопросов ситуационных – о мире и о хлебе. Любая власть (кому бы она ни досталась) должна была решать их самыми радикальными методами – по принципу «победитель получает всё». Это означало, что о поиске компромиссов можно было забыть: социальные слои, чьи интересы являлись предметом первоочередной заботы старого режима, в расчёт уже не принимались.

В аграрной сфере предстояло удовлетворить запросы крестьян, напрочь проигнорировав интересы помещтных землевладельцев (этот вопрос резко обострился в конце августа – начале сентября 1917 г., сразу после окончания полевых работ, когда в районах помещичьего землевладения, по словам В.Данилова, разразилась «настоящая крестьянская война»¹⁵⁰), в рабочем вопросе – успокоить возмущение наёмных работников, заставив работодателей пойти на кардинальные уступки и прямые убытки, в национальном – упразднить все проявле-

ния дискриминации, связанные с национальной либо конфессиональной принадлежностью, а также смириться с независимостью тех окраин, где сложились предпосылки для создания собственной государственности, – прежде всего Польши, Финляндии и Прибалтики. Причём делать это надо было как можно быстрее: каждый упущенный день всё сильнее раскачивал маятник, а значит, увеличивал плату за промедление. Ко всему прочему осенью 1917 г. практически всю территорию европейской России охватил тяжелейший продовольственный кризис¹⁵¹, а крестьянские выступления против хлебной монополии «перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка»¹⁵².

Единственный конфликт, который, казалось бы, ушёл с падением монархии в прошлое, – это противостояние по линии «монополия–конкуренция», поскольку с крахом самодержавия одна из его сторон полностью самоликвидировалась. Однако так только казалось. Вместе с царизмом в стране исчезла и полиция. Бездействие же репрессивного аппарата, в просторечии именуемое безвластием, стимулировало не только гражданскую, но и криминальную активность. Со дна общества поднялась самая мутная пена, и последовавшая вакханалия вызвала в обществе мощный запрос на восстановление порядка, на дееспособную власть. Вопрос был в том, какая политическая сила сумеет укротить хаос. Понятно, что таковая не могла олицетворять собою прежний режим – хотя бы потому, что ей предстояло одолеть не только анархию, но и выплеснувшиеся на поверхность конфликты.

Возрождение в обновлённом виде конфликта «монополия–конкуренция» повлекло, в частности, размежевание внутри социалистических сил – между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и большевиками, с другой: первые выступали за решение проблем страны демократическими средствами, вторые стремились к диктатуре. Именно в 1917 г., по мнению С.Тютюкина, в российской социал-демократии окончательно сформировались «два различных типа политической культуры, характерными чертами которой являлись большевистская конфронтационность и ультрарадикализм, с одной стороны, и меньшевистская склонность к компромиссу – с другой»¹⁵³. В свою очередь прежние защитники демократических свобод – кадеты – в новых условиях всё более явно выказывали себя сторонниками военной диктатуры, не видя других способов предотвратить сползание страны к национальной катастрофе и спасти её от территориального и экономического развала¹⁵⁴.

4.3.2. Партии

Главными субъектами политики после февраля 1917 г. на какое-то время сделались политические партии. Именно они, а не Временное правительство и советы, мобилизовали граждан, рекрутировали новую политическую элиту, претендовали на формирование политической повестки дня. Органы власти – как официальные, так и «параллельные» – служили лишь ареной, на которой разворачивались основные политические баталии.

Весна–лето 1917 г. – время расширения рядов основных политических партий, превращения их в массовые организации, становления их аппарата и сопутствующих структур. Быстрее всех росла Партия социалистов-революционеров – в 1917 г. её численность составляла около миллиона человек¹⁵⁵. Социал-демократы – и большевики, и меньшевики – значительно уступали эсерам в темпах роста: к августу тех и других было около 200 тысяч¹⁵⁶. Ещё больше отставала Конституционно-демократическая партия, оказавшаяся самой правой в послефевральской расстановке политических сил (объединения монархистов и октябристов не пережили февраля 1917-го, а многие их члены присоединились к кадетам), – в ней насчитывалось около 70 тыс. человек¹⁵⁷.

Таким образом, не стеснённая никакими преградами конкуренция выявила абсолютное преобладание социалистического фланга в политическом спектре страны. Совершенно очевидно это продемонстрировали муниципальные выборы мая–июня 1917 г., в ходе которых кадеты даже в своих традиционных «вотчинах» – Петрограде и Москве – получили 22 и 17% голосов соответственно. Всё остальное собрали социалисты.

В таких условиях главными политическими конкурентами вполне естественно становились социалистические партии. Наиболее солидными выглядели позиции эсеров, превосходивших численностью большевиков и меньшевиков вместе взятых. При этом, правда, эсеры брали количеством, а не качеством: «Старый, испытанный состав партии был затоплен новыми, так называемыми “мартовскими эсерами”. ...Партия эсеров, и до этого не отличавшаяся идейным и тактическим единством и организационной монолитностью, с “мартовским” пополнением стала ещё более неустойчивой и ещё менее способной проводить в жизнь свою линию»¹⁵⁸.

Не только в эсеровском руководстве, но и в партии в целом возникли серьёзные противоречия между левым и правым крыльями, что уже осенью привело к её фактическому расколу на две самостоя-

тельные организации. Во всяком случае, в ряде губерний правые эсеры решили выставить на выборах в Учредительное собрание собственные списки кандидатов, а левые эсеры согласовывали планы не столько с товарищами по партии, сколько с большевиками. В общем, как полагает Н.Ерофеев, «накануне большевистского переворота в состоянии разброда и дезорганизации оказались не только эсеровская верхушка, но и местные партийные организации»¹⁵⁹. Примерно в том же положении находились и меньшевики, о которых исследователи предпочитают говорить не как о единой партии, а как о конгломерате автономных групп¹⁶⁰, правый и левый фланг которого расходились всё дальше¹⁶¹.

Ситуацию не могло исправить и то, что, благодаря сложившемуся ещё весной 1917 г. союзу с меньшевиками, эсеры фактически не имели конкурентов на электоральном поле. В частности, они получили большинство голосов на прошедших в августе 1917-го выборах в городские думы¹⁶². По оценке О.Волбуева, в результате выборов в 84 городские думы число гласных, о партийности которых было известно, составляло для эсеров 44%, для меньшевиков – 8%¹⁶³. Однако просчёт эсеров, как и их союзников меньшевиков, заключался именно в ставке на конкуренцию в рамках избирательных процедур.

В принципе, в других исторических условиях это не было бы ошибкой: в конце концов, на выборах в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) список эсеров набрал наибольшее число голосов – 40,4%. По словам Н.Кабытовой, «крестьяне, предпочитавшие архаичные формы сословного представительства и вынужденно втянутые в новую партийно-пропорциональную избирательную систему на основе “четырёххвостки”, выбрали более знакомую им партию»¹⁶⁴. Однако, как выяснилось позже, эта победа значила не слишком много. Большинство депутатских мандатов эсерам обеспечила деревня, а судьбы индустриализирующихся стран решаются в городах. Кроме того, в данной конкретной ситуации ещё одним важным фактором являлись настроения армии, вернее, солдатских масс, категорически отказывавшихся воевать. Если борьбу за избирателей эсеры у большевиков безусловно выиграли, то борьбу за город и за армию так же безусловно проиграли.

В отличие от социалистов-революционеров, большевики с самого начала делали ставку не на электоральные победы, а на силовой приход к власти. В немалой степени это обуславливалось как их доктриной, предусматривающей установление диктатуры пролетариата, так и тем обстоятельством, что в советах они поначалу были в меньшин-

стве. Особое внимание большевики уделяли созданию собственных военизированных формирований и работе с солдатами. Их требования и тактика были «во многом созвучны настроениям люмпенизированных масс, порождённым крушением традиционного уклада жизни, кризисом политической системы, нерешённостью важнейших социальных проблем, военными тяготами»¹⁶⁵.

Первая попытка большевиков прийти к власти на волне уличных манифестаций (июль 1917 г.) окончилась неудачей – в результате они чуть ли не снова ушли в подполье, хотя и ненадолго. Политическая борьба чем дальше, тем больше перемещалась из области агитации и пропаганды в плоскость открытого силового столкновения.

Что интересно, самый весомый импульс этому перемещению был дан не с левого, а с правого фланга – со стороны военного командования во главе с генералом Л.Корниловым, пользовавшегося поддержкой в том числе и кадетов. Электоральные неудачи КДП во многом способствовали отказу её руководства от ориентации на парламентаризм в пользу временного установления в стране военной диктатуры¹⁶⁶. Уже к августу 1917 г. за это высказывалось большинство членов ЦК кадетской партии во главе с П.Милюковым¹⁶⁷.

Попытка военного переворота (август 1917 г.) оказалась, однако, неудачной и только усилила позиции тех представителей левого фланга, которые рассчитывали захватить власть путём вооружённого восстания: кроме большевиков это были также анархисты и левые эсеры.

4.3.3. Партийная система

Падение монархии, лишив стового хребта весь политический организм, изменило и характер партийной системы, превратив её из периферийной во флуктуационную. Специфика же флуктуационного состояния в том, что партии, даже будучи реальными претендентами на власть, обнаруживают неспособность удержать её: гуляя по партийному спектру, она губит почти всех, до кого дотрагивается. В 1917 г. власть переходила из одних рук в другие, нанося травмы и увечья своим временным хозяевам, пока одна из партий не покончила с флуктуационностью самым радикальным способом – искоренив причину, её порождающую, т.е. уничтожив всех своих конкурентов.

После отречения Николая II власть формально перешла к Временному правительству, состоящему из представителей Прогрессивного блока в четвёртой Госдуме – в основном кадетов и отчасти прогрессистов с октябристами. Однако реальная власть ВП была весьма

ограниченной, среди прочего и потому, что одновременно в столице возник параллельный властный орган – Совет рабочих и солдатских депутатов. Преобладавшие в его составе эсеры и меньшевики признавали верховенство Временного правительства, но само наличие советов, которые в любой момент могли быть использованы в качестве инструмента для захвата власти, делало политическую ситуацию крайне неустойчивой.

Доминирование в ВП кадетов объяснялось не в последнюю очередь тем, что КДП единственная из существовавших на февраль 1917 г. оппозиционных партий не подверглась серьёзным репрессиям. По мере того как социалистические партии восстанавливали и расширяли свои ряды, Временное правительство «розовело» – к осени оно было уже большей частью социалистическим: эсеровским и меньшевистским. Однако причастность эсеров и меньшевиков к власти не столько увеличивала, сколько уменьшала политический вес этих партий. Как пишет О.Волобуев, их лидерам «не хватало волевой решимости действовать, не считаясь с возможностью раскола своих партий при невозможности принятия компромиссных решений»¹⁶⁸, и финал событий – Октябрь – был обусловлен «не только успешной агитационной и заговорщической деятельностью большевиков, но и бездеятельностью хронически больных дихотомией социалистических партий»¹⁶⁹.

Раздиравшие общество конфликты требовали принятия экстренных мер, а правительственные социалисты откладывали решение наиболее важных проблем до созыва Учредительного собрания. Авторитет Временного правительства падал с каждым днём, чем в конце концов и воспользовались большевики. Получив в союзе с левыми эсерами незначительное большинство на II Съезде советов и одновременно силой отстранив от власти Временное правительство, они провозгласили начало всех тех коренных преобразований, которые эсеры и меньшевики только обещали провести. Таким образом большевики перехватили инициативу.

Эсеры, даже имея большинство в Учредительном собрании, ничего не смогли изменить. Более того, они даже не сумели отстоять своё право на власть – крестьянство никак не поддержало партию, за которую голосовало. По словам Н.Кабытовой, результаты выборов в УС «отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку сил», и поэтому эсеры «потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований»¹⁷⁰. Больше-

вики не мешкая приступили к реализации аграрной программы ПСР, и крестьяне уже не чувствовали в эсерах особенной надобности. Впрочем, вопрос о власти в любом случае решался не в деревне, а в городе, и здесь у большевиков было значительное преимущество перед эсерами.

Надо отдать большевикам должное: взяв власть, они предприняли весьма эффективные меры по усмирению доминирующих конфликтов – аграрного, рабочего, национального, – а заодно положили конец войне. Вопрос о мире был решён путём сепаратных переговоров с Германией, аграрный вопрос – национализацией земли и её последующим уравнильным переделом между крестьянами, рабочий – установлением «рабочего контроля» над предприятиями, а затем национализацией последних, национальный – путём предоставления государственной независимости Польше и Финляндии, а также стихийной регионализации и сепаратизации страны (еврейский вопрос был снят с повестки дня сразу после свержения монархии – через отмену дискриминационных ограничений в отношении иудеев).

С утилитарной точки зрения уравнильный передел земли и установление рабочего контроля над предприятиями были далеко не идеальными решениями. Передача земли технически отсталым крестьянским хозяйствам повлекла за собой резкое снижение уровня товарности сельского хозяйства и, в какой-то мере, производительности труда. Рабочий контроль вообще развалил предприятия – впоследствии для восстановления производственного цикла их пришлось передать в ведение государства.

Но в социальном плане данные решения можно без преувеличения назвать гениальными. Конфликты между городом и деревней, а также между собственниками и работниками на какое-то время были сведены на нет. Очень скоро, правда, город в лице новой, большевистской, власти вновь развернул наступление на село – теперь уже в форме продразвёрстки, которая, по словам В.Данилова, «провела основную линию раскола между революциями города и деревни»¹⁷¹. Однако это наступление осуществлялось в совершенно иных условиях. Рабочие больше не были союзниками крестьян, нехватка продовольствия сделала их сторонниками новой власти, которая к тому же фактически наделила их привилегированным статусом – пусть даже эти привилегии носили не столько материальный, сколько символический характер.

Продразвёрстка, мобилизация на военную службу, трудовая, гужевая и прочие повинности, попытки перехода к социализму путём

организации коллективного земледелия привели к «трансформации крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима»¹⁷² – что и вынудило большевиков пойти на уступки: отказаться от продразвёрстки, перейти к нэпу, признать особые права и интересы крестьян. Принятый в декабре 1922 г. Земельный кодекс РСФСР «закрепил итоги осуществлённой ...крестьянством аграрной революции» – решение земельного вопроса было приведено в соответствие «с требованиями крестьянского наказа 1917 г.»¹⁷³.

Укрощение конфликтов, на протяжении нескольких десятилетий раскалывавших страну, создавало благоприятную почву для перехода от флуктуационной системы к однопартийной. В сущности, на многопартийность первых десятилетий XX в. обращал какое-то внимание лишь узкий слой образованной городской «общественности». Основная масса российских жителей проявляла стойкое равнодушие к таким тонким материям, как гражданские права и свободы. Крестьянам и рабочим было вполне достаточно одной партии, а по большому счёту не было нужды ни в какой.

Пассивность подавляющего большинства населения развязала большевикам руки. Сначала они расправились со своими противниками, а потом и с союзниками. «Общественность», конечно, без боя не сдавалась, однако в разразившейся гражданской войне преимущество вновь оказалось за большевиками.

Противостоявшие большевикам силы изначально были неоднородны и потому раздроблены. Их правый фланг включал либеральные (кадеты), правосоциалистические (народные социалисты, часть правых эсеров и правых меньшевиков) и умеренно-традиционалистские группы (в основном организации религиозно-политического толка – вроде союзов приходских советов)¹⁷⁴. Этот фланг был довольно консолидированным – здесь существовали даже объединяющие организации, главной из которых можно считать Союз возрождения России¹⁷⁵. И хотя идеологическая платформа СВР ближе всего была к энесовской¹⁷⁶, наиболее влиятельной силой на правом фланге являлись всё-таки кадеты¹⁷⁷, которые, будучи намного правее своих союзников, нередко предпочитали действовать самостоятельно.

Причём, как отмечают исследователи, чем глубже втягивалась КДП в антибольшевистское движение, «тем меньше она проявляла склонности к использованию методов парламентаризма, ...тем больше крепло в её рядах убеждение, что в период гражданской войны власть требует диктаторских полномочий»¹⁷⁸. Это обернулось для КДП тяжёлыми репутационными потерями: «Фактически ей пришлось играть роль “либераль-

ного прикрытия” различных военных режимов... Входя в состав краевых правительств, кадеты вынуждены были поддерживать “правую политику”, не соответствующую традиционным программным и тактическим партийным установкам, искажавшую её собственный имидж. Не имея, как правило, реальных возможностей вносить сколько-нибудь существенные коррективы в политические шаги военных режимов, кадеты, тем не менее, в полной мере несли груз ответственности за все ошибки и просчёты последних»¹⁷⁹.

На левом фланге антибольшевистского лагеря главной силой были правые эсеры, с которыми блокировалась часть меньшевиков¹⁸⁰. Этот фланг, получивший название «демократической контрреволюции», отличался гораздо меньшей сплочённостью, чем правый, и объединяющие организации здесь отсутствовали¹⁸¹. Поначалу правый и левый фланги пытались сотрудничать в рамках Директории, но трения между ними ощутимо нарастали, и закончилось всё колчаковским переворотом. В результате левый фланг уже осенью 1918 г. практически перестал существовать в качестве антибольшевистской силы¹⁸².

До самого конца гражданской войны «розовые» металась между нейтралитетом и поддержкой «красных». Эсеры, начавшие в 1918 г. вооружённую борьбу против большевиков, впоследствии основной частью¹⁸³ стали их союзниками в борьбе против Колчака, а меньшевики – точнее, те из них, которые ориентировались на ЦК во главе с Ю.Мартовым¹⁸⁴, – и вовсе заявили о лояльности советскому правительству на период гражданской войны.

После окончательной победы над белыми большевики «отблагодарили» союзников широкомасштабными репрессиями. Затем, покончив с остатками интеллигентской вольницы (в виде свободы фракций) в собственных рядах, они установили однопартийный режим, рецепт выживания которого заключался в том, что система довольно долго безо всякой политической конкуренции неплохо справлялась с мобилизацией наиболее активных элементов из самых массовых классов общества – рабочих и крестьян. Это позволяло снимать напряжение в отношениях как между городом и деревней, так и между государством (как коллективным работодателем) и наёмными работниками. Те же методы, наряду с новациями в области национально-территориального устройства, помогли направлять в контролируемое русло конфликт между центром и периферией, вовлекая в процесс строительства правящей элиты пассионарных представителей национальных меньшинств.

Одновременно со становлением однопартийной системы произошла серьёзная трансформация единственной партии: присущие ей признаки иерархической структуры развились *pes plus ultra*, что сделало ВКП(б) частью государственного аппарата. Партия, берущая начало в интеллигентских кружках, в конечном счёте превратилась в супермощную машину, фактически слившуюся с государством.

Исследователи приводят целый ряд факторов, способствовавших такой эволюции: приток в партаппарат работников советских учреждений, принёсших с собой «багаж и опыт хозяйственников и администраторов»; «милитаризация партийной организации», обусловленная обстановкой гражданской войны, и пр.¹⁸⁵ Однако всё это причины второго порядка – ведь тенденцию к выстраиванию жёсткой иерархической структуры продемонстрировали компартии всех стран, в т.ч. никогда не имевшие отношения к госаппарату и действовавшие исключительно в «мирных» условиях.

Главную причину этой эволюции правильнее искать в особенностях социальной базы ВКП(б) – рабочего класса, стремительно разраставшегося за счёт крестьянства. Рабочий класс периода ранней индустриализации достаточно активен, чтобы поставлять выходцев из своей среды в партийные и государственные органы, но ещё не достиг той степени самоорганизации, которая убергла бы его от манипулирования с чьей бы то ни было стороны. Отсюда рост не столько профсоюзов, сколько партийных иерархических структур. Не очень грамотные рабочие, плохо ориентирующиеся в хитросплетениях политики, – удобный материал для манипуляций: в силу малой компетентности и привычки к тяжёлой жизни они хорошо управляемы и подчиняются почти военной дисциплине не только без сопротивления, но и с готовностью, причём сохраняют эти качества на всех ступенях иерархической вертикали. Верхние эшелоны таких партий, поначалу заполняющиеся в основном представителями интеллигенции, со временем переходят на самовоспроизводство – за счёт собственной, «рабочей», бюрократии.

Жёсткая и хорошо управляемая иерархическая структура – мощная сила, особенно если за власть предстоит бороться не парламентскими методами, а с оружием в руках. Не чураясь прямого насилия, она сравнительно легко подавляет политических противников и вообще всех, кто осмеливается составить ей конкуренцию в борьбе за влияние на «трудовой народ».

Подобная эволюция партийной организации чревата подспудным вызреванием конфликта по линии «монополия–конкуренция». Стремлением предотвратить саму возможность вспышки этого

конфликта во многом и объяснялись регулярные «чистки» партийных рядов, со временем приобретшие характер широкомасштабных репрессий. При этом прореживание партийной и государственной верхушки сопровождалось массивным притоком «свежей крови» во властные эшелоны. Конкуренция как бы возрождалась, но в форме противостояния не различных политических сил, а «старых кадров» и «новой смены» внутри одной партии.

На протяжении какого-то времени такой способ снятия конфликта вполне срабатывал. Однако условием его эффективности был постоянный и обильный приток «свежей крови». Приостановка этого процесса вызвала застой «кровообращения» в партийном и государственном организме, и монополизация власти перестала уравновешиваться хоть каким-то суррогатом конкуренции. Перекос в сторону монополии, в свою очередь, создавал предпосылки для того, чтобы этот конфликт рано или поздно проявился в форме взрыва.

Глава 5. Возрождение российской многопартийности: от однопартийной системы к флуктуационной (конец 1980-х – август 1991-го)

Возрождение российской многопартийности происходило в условиях, коренным образом отличающихся от тех, что имели место в начале XX в. Другим стало общество, другими стали его проблемы и порождающие их конфликты, другими стали партии. Однако у партийных систем начала и конца столетия есть нечто общее – в частности, обе системы так и не обрели завершённости. Правда, развивались они в разных направлениях. В 1907–1920-х гг. партийная система России эволюционировала от периферийной к однопартийной; в 1990-х – наоборот, от однопартийной к периферийной. Восемьдесят лет назад история многопартийности временно прервалась, сейчас же наблюдается более сложный феномен: периферийная партийная система преобразовалась в псевдопартийную.

Таким образом, в истории современной российской многопартийности можно выделить три этапа: 1) с конца 1980-х гг. по август 1991 г. – переход от однопартийной системы к флуктуационной; 2) с осени 1991 г. по конец 1999-го – переход от флуктуационной системы к периферийной; 3) с 2000 г. по 2003-й – переход от периферийной системы к псевдопартийной.

Нетрудно заметить, что ключевой характеристикой каждого периода является состояние перехода. Конечно, переходный характер партийной системы современной России обусловлен прежде всего её незавершёностью. Но бывает и так, что даже незавершённая система на время стабилизируется – это касается в том числе периферийных систем, например тех, которые в начале XX в. существовали во многих европейских странах, включая нашу. Видимо, современная Россия переросла фазу, когда её периферийная система могла быть стабильной. И пока неизвестно, сможет ли сохранить относительную стабильность система псевдопартийная.

В данной главе рассматривается первый этап развития современной российской многопартийности – этап её возрождения, вернее, создания заново, – соответственно, описываются предопределившие направление её развития общественные конфликты, а также организационные формы основных партий и отношения последних с властью, обусловившие особенности складывавшейся партийной системы.

5.1. *Общественные конфликты в Советском Союзе периода упадка*

Общественно-экономическая ситуация в СССР середины 1980-х гг., несмотря на кардинальное изменение социального ландшафта, в одном аспекте напоминала дореволюционную – отличительной чертой и той и другой являлось кумулятивное наложение сразу нескольких общественных конфликтов. Некоторые из этих конфликтов были стары как мир, другие порождались новыми реалиями либо настолько изменили облик, что едва узнавались.

Наиболее долгосрочными по своим последствиям были конфликты а) между государством-бюджетополучателем и населением-бюджетополучателем и б) между государством-работодателем и наёмными работниками.

Запретив частную собственность, государство не уничтожило самого конфликта между собственником и наёмными работниками – оно просто заняло то место, которое ранее принадлежало буржуазии. Как и любой работодатель, государство было заинтересовано в снижении затрат на заработную плату и в усилении эксплуатации работающих. Причём на первых порах оно, в отличие от частного собственника, могло безбоязненно прибегать к услугам репрессивного аппарата, в то время как работник не имел реальной возможности отстаивать свои права.

Вместе с тем прямое насилие в какой-то момент наткнулось на серьёзные препятствия, первым из которых было изменившееся соотношение между сельским и городским населением. Если жителей деревни можно было эксплуатировать относительно безнаказанно, то с горожанами дело обстояло сложнее. К 1980-м гг. СССР превратился в «урбанизированное государство с ограниченной занятостью в сельском хозяйстве и образованным населением»¹. А городское население, имеющее среднее и высшее образование, предъявляло «спрос на политические права и свободы»: «В отличие от неграмотного крестьянства раннеиндустриальной эпохи городское население, интегрированное в глобальный, открытый мир, знает, как организована политическая система в развитых странах. ...В условиях урбанизированного, образованного общества надолго убедить людей в том, что неизбранный человек должен решать, как им жить, – неразрешимая задача»². Управлять таким обществом теми же методами, что и крестьянским, можно было, только пока действовал «вбитый десятилетиями страх перед властями»³.

Однако в новых условиях эти методы, как показал опыт собратьев по «социалистическому лагерю», да и собственный советский (вспомнить хотя бы волнения 1962 г. в Новочеркасске), уже не были столь же эффективными – городское население во избежание беспорядков приходилось «подкармливать», развивая с этой целью социальные и пенсионные программы, наращивая жилищное строительство, расширяя систему здравоохранения и т.п. Со временем возникла необходимость помогать и селу, «обескровленному социалистической индустриализацией»⁴. Государство из коллективного лендлорда, взимателя ренты и работодателя постепенно превратилось в кормильца, взявшего на содержание массового бюджетополучателя, каковым стало, по сути, всё население страны. Таким образом, конфликт между государством-работодателем и наёмными работниками (т.е. трудоспособными гражданами) дополнился конфликтом между государством-бюджетополучателем (называть его коллективным налогоплательщиком как-то неловко) и едва ли не всем населением, выступающим в роли бюджетополучателя.

Причём оба эти конфликта совпадали по фазе, усиливая друг друга. Иначе говоря, произошло кумулятивное наложение конфликтов, и степень их остроты зависела от того, насколько полны были государственные закрома. Наполнение последних, в свою очередь, с середины 1960-х гг. зависело от масштабов экспорта углеводородов, а с начала 1970-х – и от мировой конъюнктуры цен на нефть и газ. Высокие цены 70-х затушевывали конфликты, переводили их в тлеющее состояние. С середины 80-х цены пошли вниз, и напряжение стало нарастать, усугубляясь «экономическим инфантилизмом» общественного сознания, свойственным бюджетополучателю как социальному типу.

Этот инфантилизм, по словам Т.Заславской, проявлялся в «наивной вере в якобы неограниченные материально-финансовые возможности государства». «Многие полагают, что государство обязано и к тому же имеет возможность удовлетворить все потребности своих граждан на достойном нашего времени уровне, совершенно независимо от того, как эти граждане работают и что производят, – писала она в дни работы I Съезда народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.). – Они считают, что если бы государство ...захотело, то оно вполне могло бы повысить средний уровень заработной платы в стране, снизить розничные цены на продукты питания, расширить программу жилищного строительства и т.д. Что же касается связи между распределяемыми государством ресурсами и эффективностью

труда работников, то большинством из них она, увы, не улавливается. Отсюда бесконечные требования к государству увеличить выделение ресурсов на определённые социальные нужды, не сопровождающиеся малейшей попыткой выяснить, откуда взять эти средства»⁵.

Экономический инфантилизм населения порождал завышенные ожидания, являющиеся, по справедливому замечанию Т.Заславской, естественным следствием уверений в том, что люди «должны быть вечно благодарны партии и правительству за неустанную заботу»: «Обеспеченность постоянной работой и минимальным заработком, наличие школьного образования, бесплатного медицинского обслуживания и прочее долгое время представлялись печатью не как способ распределения благ, произведённых самим народом, а исключительно как результат особой “заботы” органов власти. Теперь приходится пожинать результаты подобного “воспитания” людей, когда все только требуют и почти никто не предлагает увеличить собственный вклад в производство»⁶.

Завышенные ожидания в совокупности с экономическим инфантилизмом создавали благоприятную среду для расцвета популизма, который, наряду с патернализмом, являлся и продолжает являться неизменным компонентом идеологического фона современности. Как бы ни менялась расстановка сил, в последние полтора десятилетия основными игроками на российской политической сцене всегда оставались власть и противостоящие ей популисты, в зависимости от конъюнктуры облачавшиеся то в демократические, то в социал-патриотические одежды.

Смягчение политического режима в 1950-е гг. вывело на сцену ещё два конфликта: по линиям «монополия–конкуренция» (между властью и «общественностью», консерваторами и либералами) и «центр–периферия». Об интенсификации первого из них свидетельствовало распространение диссидентских настроений среди интеллигенции⁷ и, как следствие, появление правозащитного движения, а также развитие неофициальной городской культуры и связанного с нею неформального движения. О вызревании второго говорило нарастание сепаратистских тенденций в национальных республиках.

Наконец, никуда не пропал и конфликт между городом и деревней, просто он существенно трансформировался, превратившись в разновидность конфликта между налогоплательщиками (в советском варианте – государством) и бюджетополучателями. Поэтому самостоятельной роли в событиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. противостояние города и деревни уже не играло.

Определяющую роль играли конфликты между государством и бюджетополучателями, а также между государством и работниками. Однако они тлели подспудно и не были так уж заметны. Напротив, конфликты «монополия–конкуренция» и «центр–периферия», затрагивающие политически активное меньшинство, всё настойчивее пробивались на поверхность, служа своего рода тараном: в проделанную ими брешь впоследствии устремилась социальная энергия более широких слоёв населения.

Конфликт «монополия–конкуренция» («консерваторы–либералы») не мог, разумеется, принять форму противостояния лендлордов и предпринимателей-промышленников – за отсутствием таковых (или их аналогов) в советской действительности. Вместо этого он вылился в противостояние интеллигенции и бюрократии, а также в противостояние внутри самого чиновничества – между традиционалистски настроенной «старой гвардией» и тяготевшими назойливой партийной опекой начальниками с более современными (т.е. более либеральными) взглядами. С выходом на сцену новых политических игроков – партий – этот конфликт оформился в противостояние между руководством КПСС и демократами.

Конфликт между центром и периферией по ходу развития событий обернулся «парадом суверенитетов», полноправным участником которого стала и самая крупная союзная республика – РСФСР. Не вступив российское руководство в жёсткую конфронтацию с союзным центром, у демократов было бы мало шансов одолеть КПСС. С другой стороны, не дискредитируй себя руководство СССР в глазах наёмных работников и бюджетополучателей, союзные республики никогда не вырвались бы из-под контроля центра.

Так что, даже если бы советские консерваторы и не ввязались в августе 1991-го в авантюру под названием «ГКЧП», власть они всё равно не удержали бы: им противостояли не «болтуны-интеллигенты» и «интриганы из российского руководства», а четыре полномасштабных общественных конфликта. Развязать этот гордиев узел без ухода со сцены КПСС, выступавшей козлом отпущения, было уже, пожалуй, нереально.

5.2. Протопартийные и партийные образования доавгустовского периода

Возникновение многопартийности в последние годы существования СССР тесно связано с разложением Коммунистической партии Советского Союза. По сути, это были два взаимообусловленных про-

цесса. Чем дальше заходил распад КПСС, тем отчётливее вырисовывались контуры новых образований, претендующих на роль оппозиции. В свою очередь, чем сильнее и влиятельнее становилась эта оппозиция, тем быстрее теряла видимость монолитности сама Компартия – тем больше проступало внутри неё течений, платформ, да и просто соперничающих друг с другом кланов и клиентел.

5.2.1. Разложение КПСС

Коммунистическая партия Советского Союза была тем столпом, на котором зиждилась вся государственная и политическая система страны. Ослабление её позиций явилось следствием не только внешних неудач, ставших особенно очевидными после падения мировых цен на углеводородное сырьё, но и глубоких внутренних проблем.

Конструкция КПСС была приспособлена к совершенно определённым историческим условиям – прежде всего к экстенсивному росту индустриальной экономики, сопровождаемому массовым притоком в город малообразованного сельского населения. Рекрутируя из рабочих и крестьян новых активистов, Компартия обеспечивала себе и всей государственной машине высокий уровень внутренней мобильности. Однако к 1970–1980-м гг. социально-демографическая ситуация в стране существенно изменилась: приток жителей из села в город уже не был таким массовым; население в целом стало гораздо более образованным, возрос уровень его требований; партийная и государственная бюрократия воспроизводилась за счёт пополнения не столько «снизу», сколько «сбоку» – из числа специалистов, закончивших высшую школу. В то же самое время верхушку партийно-государственного аппарата охватил застой, вылившийся среди прочего в дискредитирующую себя «геронтократию». На периферии системы постепенно накапливалась критическая масса политически активного меньшинства, заинтересованного в изменении механизма формирования элиты, в том числе путём внедрения в него элементов реальной конкуренции, – это поветрие не обошло стороной и КПСС.

В сущности, именно с КПСС и началось обновление всей политической системы. Поначалу оно проявилось в выдвижении на высшие партийные посты представителей более молодого поколения, в повышении уровня гласности при обсуждении общественных проблем, в придании внутрипартийным процедурам реального состязательного характера. Спротивление «старой гвардии» вынуждало высшее партийное руководство регулярно обращаться за поддержкой к широкой общественности, что на определённом этапе привело к легализации неформального движения. В конце концов дошло до того, что

отдельные представители высших партийных органов стали позволять себе публичную критику действий руководства (знаменитое выступление Б.Ельцина на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г.), а некоторые делегаты всесоюзной партийной конференции (1988) – предлагать собственное видение путей развития страны. Рано или поздно это должно было вызвать кристаллизацию внутри КПСС различных идейных течений, а затем и становление если не фракций, то как минимум организационно оформленных платформ.

Нет ничего удивительного, что первой из образованных в КПСС платформ оказалась *Демократическая* – это было обусловлено самой сутью доминировавшего конфликта «консерватизм–либерализм». Члены Демплатформы активно участвовали в неформальном движении, а созданные при их участии клубы – «Демократическая перестройка», «Перестройка-88», «Народное действие», «Социалистическая инициатива» – первыми обратились к собственно политической деятельности. Их главной целью было объявлено «содействие подлинной перестройке и демократизации», в т.ч. внутри КПСС, а основными средствами достижения этой цели стали организация дискуссий и предвыборных митингов, проведение социологических опросов, обращение с письмами в вышестоящие партийные органы и пр.⁸ Члены КПСС, входившие в состав названных клубов, создали весной 1988 г. Межклубную партийную группу, а весной 1989 г. – Московский партийный клуб (другое название – «Коммунисты за перестройку»). С осени 1989 г. аналогичные клубы возникали уже по всей стране (наиболее известные – в Харькове, Минске, Томске, Свердловске). Их объединение и послужило фундаментом для Демократической платформы в КПСС, учредительная конференция которой состоялась в январе 1990 г.

В основу декларации ДП в КПСС были положены такие требования, как «передача властных полномочий от монополюльно правящей партии Советам»; отмена шестой статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС); принятие закона об общественных организациях или политических партиях, гарантирующего свободу создания партий и их равноправие; отказ от «догматического толкования марксизма», признание ответственности КПСС за последствия тоталитарного режима, «осуждение модели государственного социализма»; «коренная демократическая реформа партии, предполагающая переход от тоталитарной модели партии к современной демократической модели партии парламентского типа в рамках многопартийной системы»; «замена номенклатурной системы выборами, конкур-

сами и другими демократическими механизмами, с полной ликвидацией специальных привилегий для выборного актива и аппарата»; переход к федералистскому принципу построения партии; максимальное упрощение и децентрализация партийной структуры и т.п.⁹

Характерно, что, требуя «радикальной реформы партии и превращения её в подлинно демократическую, самоуправляющуюся организацию, базирующуюся исключительно на своём собственном авторитете и действующую в условиях многопартийной, парламентской демократии», делегаты учредительной конференции Демплатформы не смогли прийти к согласию относительно будущей идеологии КПСС. Одни – таких было большинство – видели её социал-демократической, другие социалистической, третьи «обновлённой коммунистической», четвёртые вообще делали акцент не столько на идеологических, сколько на организационно-политических изменениях, прежде всего на отказе от номенклатурного принципа¹⁰. Другими словами, в Демократической платформе не было единства взглядов по поводу происходящих в обществе процессов.

Разногласия внутри ДП усугублялись быстрой идейной эволюцией её членов, а также неодинаковой степенью готовности распрощаться с КПСС и приступить к формированию новой политической организации. На протяжении недолгого существования Демплатформы из неё выделилось несколько групп, каждая из которых приступала к строительству собственной партии. Весной 1990 г. часть членов ДП примкнула к новорождённой Демократической партии России. После XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.) было принято решение о выходе Демплатформы из Компартии Советского Союза и преобразовании ДП в самостоятельную партию, в ноябре того же года получившую название Республиканской. Наконец, уже летом 1991 г. оставшаяся в составе КПСС группа членов ДП (Демократическое движение коммунистов) приняла участие в создании Демократической партии коммунистов России (в дальнейшем – Народная партия «Свободная Россия»); лидеры ДПКР были за это исключены из КПСС.

Появление внутри КПСС одного идейного течения спровоцировало цепную реакцию. Так, в какой-то момент от сторонников демократизации отпочковались приверженцы марксизма. Они приняли участие в учредительной конференции Демплатформы, однако не согласились с курсом на социал-демократизацию КПСС и призвали единомышленников к созданию **Марксистской платформы**, которая конституировалась в апреле 1990 г. По словам одного из участни-

ков МП, её членов объединили «идеи антисталинизма, нетерпимости к бюрократическому диктату и понимания социализма как общества самоуправляемых трудовых коллективов, ...идеи интернационализма, классового подхода и приоритета борьбы трудовых коллективов и активистов рабочего движения за свои права»¹¹.

Идеологи МП выступали за «возвращение к классическому марксизму, который предполагает критическое отношение к теоретическому наследию своих основоположников и их последователей, постоянную революционизацию теоретической базы научного социализма вместе с меняющимся миром»; за установление «подлинного народовластия»; полную передачу власти государственным и советским органам, «постепенный переход власти из рук бюрократии к блоку демократических сил социалистического выбора при гарантиях конституционных прав общественных и политических движений иной направленности», постепенную передачу всех рычагов управления «социальной структурой регионов» местным советам. В экономической области Марксистская платформа соглашалась с частной собственностью (но только «в переходный период в ограниченных рамках под жёстким контролем»), выступала за поэтапную ликвидацию системы привилегий, принятие общегосударственной программы борьбы с теневой экономикой, введение системы рабочего контроля, усиление контроля над ценами, прогрессивное налогообложение. Сторонники МП предлагали освободить КПСС «от несвойственных ей функций по непосредственному управлению экономикой» и демократизировать внутрипартийные отношения (выбор делегатов съездов и конференций по платформам, полная гласность в деятельности партии, право меньшинства отстаивать свою точку зрения, право на многообразие идейно-политических взглядов и пр.)¹².

В отличие от Демократической, Марксистская платформа не помышляла о разрыве с «метрополией», и на XXVIII съезде КПСС лидеры МП А.Пригарин и А.Бузгалин были избраны в ЦК.

Впрочем, Марксистская платформа тоже не была единой – в ней явно выделялись два крыла: одно, условно говоря социалистическое, во главе с А.Бузгалиным, тяготело к союзу с демократами, в первую очередь теми «демплатформовцами», которые так и не порвали с КПСС, а второе, коммунистическое, во главе с А.Пригариным, ориентировалось на более ортодоксальные течения в КПСС. После августа 1991 г. первое попыталось создать Партию труда, на основе второго возникло сразу две партии – Союз коммунистов (А.Пригарин) и Российская партия коммунистов (А.Крючков).

Если создание Демократической и Марксистской платформ (первой в большей степени, последней – в меньшей) отражало стремление к демократизации партийной жизни, то появление общества «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы», Большеви́стской платформы в КПСС, Объединённого фронта трудящихся и Движения коммунистической инициативы стало реакцией на отклонение от «единственно верного пути» развития советского общества. ДП и МП персонифицировали прогрессистскую тенденцию (пусть даже это был прогрессизм разной окраски), тогда как «Единство», БП, ОФТ и ДКИ являлись яркими представителями тенденции традиционалистской (в специфическом, «красном», варианте).

Всесоюзное общество «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» (учреждено в мае 1989 г.) и **Большеви́стскую платформу в КПСС** (июль 1991 г.) основали сторонники Нины Андреевой, автора «манифеста антиперестроечных сил» – статьи «Не могу поступаться принципами» («Советская Россия», 13 марта 1988 г.). Первая организация объединяла не только членов КПСС, но и беспартийных, вторая была образована по решению первой¹³ для борьбы с «оппортунистами, ревизионистами, неоменьшевиками, национал-коммунистами и социал-предателями» в рядах самой Компартии¹⁴. Осенью 1991 г. на основе БП была создана Всесоюзная коммунистическая партия большевиков во главе с Н.Андреевой, в которую, однако, отказалась войти группа Т.Хабаровой, не признавшая роспуска КПСС и высказавшаяся за сохранение Большеви́стской платформы в качестве последнего оплота Компартии Советского Союза.

Основателей **Объединённого фронта трудящихся** (июль 1989 г.) от последователей Н.Андреевой отличало, пожалуй, то, что они были не догматиками, страшась перемен, а реакционными романтиками, воодушевлёнными представившейся возможностью вступить в открытый бой за попорченные идеалы. Своей целью Фронт объявил борьбу за «коммунистические ориентиры перестройки» и противостояние «антисоветским, антисоциалистическим, националистическим силам, ведущим к развалу СССР и воссозданию буржуазных республик», а также пропаганде «частно-капиталистической собственности и других буржуазных ценностей и идеалов»¹⁵.

Надо сказать, что поначалу многие всерьёз считали ОФТ массовой организацией. Так, Н.Травкин в конце 1989 г. ставил его в пример Межрегиональной депутатской группе, с тревогой отмечая: «Вместо того чтобы пойти в трудовые коллективы и там искать, находить, объединять единомышленников, мы пребываем в приятном заблуж-

дении, что единомышленники в этих коллективах сами объединятся и сами придут к нам. ...ОФТ этой ошибки не сделал. Он начал свою работу снизу»¹⁶. По мнению одного из лидеров Московского народного фронта, а позже Социалистической партии, политолога М.Малютин, массовую базу ОФТ и аналогичных ему организаций составляли люди, «завоевавшие своё право ничего не делать за двести рублей»¹⁷. Время, правда, показало, что социальная база Объединённого фронта трудящихся была гораздо уже: люди, желающие ничего не делать и получать за это двести рублей, или не имели выраженных политических пристрастий, или колебались в своих настроениях вместе со всеми. На долю ОФТ остался коммунистический неформалитет («специалисты из числа политэкономов и обществоведов догматического толка»), а также те, кого М.Малютин отнёс к категории «рабочих из числа членов ЦК и парткомов различных уровней» («декоративная прослойка народа (слесарей и доярок), от имени которых якобы принимались все решения»)¹⁸.

В январе 1990 г. ряд представителей ОФТ учредил **Движение коммунистической инициативы**, ориентировавшееся на создание внутри КПСС ортодоксально-сталинистской Российской компартии, способной «поставить заслон идейному перерождению партии, противостоять капитализаторско-реформаторской линии Горбачёва»¹⁹. Представители ОФТ и ДКИ были безусловными противниками перехода к рынку и ратовали за то, чтобы КПСС оставалась «авангардом рабочего класса»²⁰. Они требовали «прекратить перекачивать за границу без соответствующего возмещения плоды труда народов нашей страны», «остановить процесс обогащения обладателей нетрудовых доходов», «вместо приватизации ...осуществить последовательную советизацию экономики – передать управление хозяйственной жизнью Советам трудящихся», «добиваться преимущественного развития общественной собственности в её советской форме»²¹ и т.п. После августа-1991 на базе ОФТ и ДКИ были созданы Российская коммунистическая рабочая партия и движение «Трудовая Россия».

В 1991 г. Большеви́стская платформа и Движение коммунистической инициативы выступили с резкой критикой «антинародной», «оппортунистической», «капитулянтской» политики М.Горбачёва («горбастройки»)²², а в ходе августовских событий единодушно поддержали ГКЧП.

Следует отметить, что возникшие в КПСС платформы охватывали лишь незначительную часть членского состава партии. В своей ос-

нове это были сугубо интеллигентские образования с типичной для таковых клубной организационной структурой. В руководстве и аппарате КПСС они почти не имели представительства и практически не влияли на принятие решений. Руководство Компартии было озабочено не идеологическими вопросами, а сохранением власти. Олицетворяемое «модернистами» (Демократическая и Марксистская платформы), с одной стороны, и «ортодоксами» (Большевистская платформа и ДКИ), с другой, противостояние по линии «традиции–прогресс» его волновало мало. Необходимости приспособить свою программу к новейшим веяниям верхушка КПСС не отрицала – ей было нужно удержаться на доминирующей позиции в политической системе. Поэтому всякого рода «обновленцам» она противостояла как сила консервативная силам либеральным, как сторонница порядка – сторонникам «анархии» (свободы), как сторонница монополии – сторонникам конкуренции.

Естественно, идеологические предпочтения руководства КПСС имели соответствующий оттенок – консервативно-этактистский. Клятвы верности коммунистическим идеалам были отодвинуты на второй план, акцент делался на необходимости сохранения действующей политической конструкции; при этом государство и порядок фетишизировались сами по себе – как форма, безотносительно к содержанию. Наиболее чётко такого подхода придерживалась Коммунистическая партия РСФСР, созданная летом 1990 г. Её лидеры – В.Купцов (первый секретарь ЦК), Г.Зюганов, И.Осадчий, И.Антонович и др. – были не столько ортодоксальными коммунистами (на этом направлении всех обгоняли Большеви́стская платформа и ДКИ), сколько государственниками, социал-патриотами. Настроения, господствовавшие в руководстве КП РСФСР, впоследствии определили политическое лицо её преемницы – Коммунистической партии Российской Федерации.

5.2.2. Становление новой многопартийности

Другим источником возрождающейся российской многопартийности было неформальное общественное движение, становление которого началось во второй половине 1950-х гг., а расцвет пришёлся на горбачёвскую перестройку. И здесь трудно согласиться с О.Гаман-Голутвиной, утверждающей, что «на рубеже 1980–1990-х гг. монопольным субъектом партстроительства выступало государство»²³.

Массовый рост неформальных объединений имел место во всех сферах, не пользовавшихся ранее официальным благоволением: повсюду возникали рок-клубы, национально-культурные и экологичес-

кие объединения и т.п. Неформальному движению, по словам одного из его участников и летописцев, А.Шубина, были присущи «социальное творчество, самоуправление, преобладание горизонтальных связей, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное “делание” при радикализме идей»²⁴.

Вторая половина 1980-х ознаменовалась выходом на сцену неформальных организаций, ставивших целью участие в общественно-политической жизни (на первых порах – путём поддержки курса на перестройку). Это были типичные клубы единомышленников, чью социальную базу составляла в первую очередь интеллигенция²⁵, выполнявшая, по мнению некоторых исследователей, роль среднего класса советского общества²⁶.

Некоторые из политических клубов существовали ещё с доперестроечных времён, другие создавались при участии вчерашних диссидентов. В обоих случаях подобные объединения обладали вполне отчётливой идеологией, в отличие от подавляющего большинства неформальных образований. Так, обществу «Память» была изначально присуща национал-патриотическая ориентация, участники семинара «Демократия и гуманизм» и группы «Гражданское достоинство» стояли на либерально-антитоталитарной правозащитной позиции, а историко-политический клуб «Община» выказывал явную симпатию к некоммунистическим разновидностям социалистической мысли²⁷.

По оценке А.Шубина, «мир неформальных организаций 1986–1989 гг. представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором “участники играли в большую политику”, растрачивая энергию на борьбу за места в “координационных органах”, отставивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона»²⁸. По его мнению, в этом имелся определённый смысл, «поскольку неформалы вскоре научились организовывать многотысячные митинги, а их издания превратили “гласность” в свободу слова». Кроме того, считает А.Шубин, «игрушечная политика» неформалов послужила «беспрецедентной тренировкой»: «Сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями»²⁹.

На раннем этапе перестройки политизированные организации были чуть ли не уникамами в общем потоке неформальных объединений. Однако очень скоро непреследование за политическое инакомыслие принесло свои плоды – новоявленные субъекты обществен-

ной жизни всё сильнее проникались негативным отношением к действующему режиму. На первых порах порицанию подвергались лишь отдельные эпизоды истории советского государства (критикуемые к тому же и властью), но мало-помалу критика распространилась и на основы социалистического строя. Неформальные организации постепенно охладевали к сотрудничеству с КПСС по демократизации общества и всё более стремились самостоятельно участвовать в политике. Сообразовываясь друг с другом, неформалы начали объединяться в широкие коалиции, получившие название народных фронтов. На какое-то время последние сделались центром притяжения для подавляющего большинства кружков и клубов. В апреле 1988 г. был учреждён Народный фронт Эстонии, летом того же года – оргкомитет Московского народного фронта, объединившего более двадцати клубов и групп³⁰.

Следует отметить, что в национальных союзных республиках народные фронты создавались на базе национальных движений и потому быстро стали общереспубликанскими, тогда как в РСФСР они появлялись, как правило, только в крупных городах и никогда не имели прочных связей друг с другом, не говоря уже о едином координирующем центре. Да и с организационной точки зрения народные фронты представляли собой рыхлые конгломераты, составленные из элементов, плохо совместимых в идейном плане. Так, в Московском народном фронте, по свидетельству его непосредственных участников (В.Прибыловский, А.Шубин), разногласия возникли уже на стадии оргкомитета: по словам В.Прибыловского – между социалистически и несоциалистически ориентированными группами³¹, по словам А.Шубина – «между сторонниками узкосоциалистического и общедемократического характера фронта (вторые придерживались как либеральной, так и социалистической идеологической ориентации)»³² («В обеих фракциях были и принципиальные социалисты, и люди, равнодушные к социалистической идее, и её противники. Отличие заключалось в том, что несоциалисты из большинства считали нужным до поры продолжать “социалистическое крышевание”»³³). Победа «большинства», проголосовавшего 21 июня 1988 г. за социалистическую «физиономию» фронта³⁴, в итоге обернулась тем, что, ещё толком не оформившись, МНФ оказался на обочине политического процесса, главное русло которого пролегло в совершенно ином, несоциалистическом, направлении. При этом нельзя не согласиться с А.Шубиным: не сумев стать основой «широкого оппозиционного социалистического движения (как мечталось во второй половине

1988-го)», в 1989–1990 гг. народные фронты превратились в «группы поддержки демократических кандидатов» на выборах всех уровней³⁵.

Тем временем наиболее «продвинутые» неформальные объединения объявили себя самостоятельными политическими организациями – совершенно не зависящими от власти и прямо ей оппозиционными. Первыми из таких объединений были Демократический союз и «Память».

Демократический союз учредили 7–9 мая 1988 г. участники семинара «Демократия и гуманизм» во главе с Е.Дебрянской и В.Новодворской. В ДС объединились приверженцы самых разных политических взглядов – «от демократических коммунистов и социал-демократов до либеральных и христианских демократов»³⁶ – на основе радикального неприятия существующего режима как тоталитарного и антидемократического. Несмотря на справедливость замечаний относительно того, что программа ДС, «цельносодранная» с современными западными демократиями, являлась не более чем «прекраснодушным мечтанием дээсовских лидеров»³⁷, отражающим «общие места либерально-западной платформы»³⁸, не стоит забывать, что главным в деятельности Демсоюза были не дискуссии о путях развития страны (этим в то время не увлекался только ленивый), а организация «акций гражданского неповиновения в форме несанкционированных митингов», заканчивавшихся, как правило, задержанием участников. Именно это направление, по оценке М.Малютина, разрослось у ДС до уровня «стратегической линии»³⁹.

От созданных позже собратьев по политическому спектру Демсоюз отличался безусловным нонконформизмом и безоглядной готовностью «переть на рожон». Как писал А.Шубин, Демократический союз «стал постоянным “политическим раздражителем”, классическим образцом экстремизма времён перестройки, когда верхом экстремизма считалось не применение оружия, а демонстративное непризнание существующего режима и его законов»⁴⁰. Будучи первой политической организацией страны, открыто противопоставившей себя системе⁴¹, ДС, несмотря на свою маргинальность, прочно закрепил за собой звание пионера российской многопартийности. Ему всегда был присущ радикализм, далеко перехлёстывавший пределы того, что на данный момент считалось реально достижимым. Причём этот радикализм выражался не только в декларациях, но и в поступках. По словам А.Шубина, мероприятия ДС «превращались в потасовки с милицией, где “дээсовцы” демонстративно страдали – их били дубинками и арестовывали на 15 суток»⁴². Другой наблюдатель по

этому поводу иронично заметил: «Звёздные минуты ДС – когда его функционеров заталкивает в автобус милиция, а народ кругом скандирует: “Фашисты!”, “Фашисты!”»⁴³.

По этой причине более «респектабельные» организации либерального толка несколько стеснялись общества Демсоюза. Как отметил ещё в 1990 г. М.Малютин, ДС «нередко сравнивают с экзотическим животным, которое само себя загнало в клетку и теперь в отчаянии бросается на решётку»⁴⁴. При этом либералы отнюдь не отрицали идейного родства с Демсоюзом, а крайность позиций ДС держали в уме в качестве некоего ориентира. Кроме того, Демсоюз пробивал путь всем остальным политическим организациям, своей самозабвенной решительностью раздвигая границы дозволенного.

С точки зрения социального состава Демсоюз был клубом единомышленников, объединявшим наиболее экзальтированных представителей интеллигенции – максималистов и диссидентов, всегда готовых бросить вызов властям. М.Малютин следующим образом описывал типичного «дээсовца»: «Молодой интеллигент, нередко деклассированный, по складу характера напоминающий раннехристианского мученика своим желанием пострадать за прекрасный идеал, острым ощущением своего избранничества и праведности»⁴⁵. Этим, в сущности, и обуславливалась относительная малочисленность ДС – не более 1,5 тыс. человек даже в лучшие его времена⁴⁶.

Звёздный час Демократического союза был недолог. Уже в 1989–1990 гг. он пережил ряд расколов, связанных не только с политическими, но и личными разногласиями, и в итоге превратился в карликовую группку сторонников В.Новодворской. По мере упадка Демсоюз всё больше напоминал клиентулу, сохраняя, правда, ряд признаков, свойственных интеллигентским образованиям, в т.ч. моральную и интеллектуальную природу лидерства. Невозможно также не признать заслуг ДС в деле политической эмансипации российского общества.

Свой вклад в эмансипацию внесла и «Память». Однако в отличие от Демсоюза, ратовавшего за освобождение гражданина от подчинённости государству, «Память» и её многочисленные клоны чаяли снять узы с ксенофобской стихии – но человека (как личность) почитали необходимым взять под ещё более жёсткий контроль. 31 мая 1988 г. одна из групп, исповедовавших означенную идеологию, провозгласила себя **Национально-патриотическим фронтом «Память»**.

Как и ДС, «Память» тоже стала первопроходцем – зачинателем национал-патриотического движения в России. Уже при возникнове-

нии она обладала полным набором качеств, выделяющих объединение подобного толка: агрессивная до параноидальности ксенофобия, преподносимая, как правило, под соусом борьбы с «сионистским лобби и тайными масонскими корпорациями», «транснациональным сионистским капиталом»⁴⁷, «идеологией сионизма» и «талмудического иудаизма», а также с «иудо-масонским заговором против Великой Российской Державы»⁴⁸; категорическое неприятие демократических, особенно либеральных, ценностей⁴⁹; авторитарно-диктаторский принцип внутреннего устройства и стремление установить такую же диктатуру в обществе (в том числе, в качестве варианта, в форме «восстановления Царского Престола и законной преемственности Самодержавной власти в России»⁵⁰); безудержная амбициозность лидеров, доводящая до крайних пределов вождизм⁵¹ (которым многопартийность вообще страдала на заре своего становления); неумение и нежелание смирить личные амбиции ради достижения программной цели, а потому и полная несостоятельность как партнёра и союзника.

По социальной природе «Память» представляла собой интеллигентско-люмпеноидную группу. Её основатели и лидеры, принадлежа к интеллигенции, тем не менее выпадали из общего ряда в силу мировоззрения, жизненных устремлений и неудовлетворённого честолюбия. От люмпенов их отличали эрудиция, порой незаурядное аналитическое и литературное дарование, от интеллигентского «мэйнстрима» – крайне бесцеремонное обращение с культурным наследием, выливающееся в произвольное выхватывание отдельных фрагментов и использование их в целях, не имеющих никакого отношения к научному или эстетическому освоению мира.

С точки зрения организационной формы «Память» была образцовой клиентелой, объединившейся вокруг вождя. Её члены, не имеющие таланта к самостоятельному построению идеологием и поэтому некритично принимающие всё, что предлагает вождь, не были способны к более развитой социальной организации. Это предопределило дальнейшую судьбу и «Памяти», и многих её наследников. Появление в НПФП очередного претендента на власть каждый раз приводило к расколу и созданию новой организации, как две капли воды похожей на предшественницу. Так возникло целое сонмище объединений, носящих сходные названия, – **Православный национальный патриотический фронт «Память»** (А.Кулаков, С.Воротынцев), **Русский народно-демократический фронт – Движение «Память»** (И.Сычёв), **Союз за национально-пропорциональное пред-**

ставительство «Память» (К.Смирнов-Осташвили), *Всемирный антисионистский и антимасонский фронт «Память»* (В.Емельянов) и др., а также *Республиканская народная партия России* (Н.Лысенко), *«Русское национальное единство»* (А.Баркашов), *Национал-социальный союз* (В.Якушев)⁵².

В 1989 г. процесс образования неформальными объединениями политических партий и движений заметно интенсифицировался, причём наибольшую популярность приобрело сознательное или неосознанное копирование готовых образцов, взятых из дореволюционного российского или современного зарубежного опыта. Достаточно взглянуть на перечень организаций, созданных в этот период: в мае 1989 г. была учреждена *Конфедерация анархо-синдикалистов* (А.Шубин, А.Исаев), в августе – *Христианско-демократический союз России* (А.Огородников, В.Савицкий, А.Чуев), в октябре – *Союз конституционных демократов* (В.Золотарёв, М.Астафьев, И.Суриков). Как отметил С.Митрохин (в будущем один из главных идеологов «Яблока»), сами эти названия были призваны вызывать ассоциации с дореволюционными российскими партиями или современными партиями Западной Европы⁵³.

Попытки присвоить статус преемников партий, существовавших до 1917 г., предпринимались и позже. В 1990–1991 гг. появились организации, поименованные почти в точности так же, что и дореволюционные партии, – *Конституционно-демократическая партия* – *Партия народной свободы* (М.Астафьев), *Союз русского народа*, *Движение социалистов-народников* и пр. Аналогичным образом заимствовались наименования из зарубежной практики. В 1990–1991 гг. продолжали размножаться делением христианско-демократические организации – *Российская христианско-демократическая партия* (А.Чуев), *Российское христианское демократическое движение* (В.Аксючич) и др. В 1990 г. был создан оргкомитет *Свободной демократической партии России* (М.Салье), «параллельной» одноимённой партии ФРГ, и *Социал-демократическая партия РФ*, претендовавшая на продолжение традиций дореволюционной социал-демократии меньшевистского толка и при этом подчёркивавшая свою идейную близость к современной западноевропейской социал-демократии. Впрочем, как признал позже один из лидеров СДПР, Б.Орлов, «группа энтузиастов, провозгласивших утверждение Социал-демократической партии России, лишь чисто формально могла рассматривать себя наследниками меньшевиков. Одновременно у них было весьма слабое представление о том, что происходило в европейской социал-демократии...»⁵⁴.

Вместе с тем следует отметить, что представители СПДР изначально не считали себя правопреемниками РСДРП, определяя свою идеологию как социал-либерализм и осознавая себя «органичной, сознательной и конструктивной частью демократического движения»⁵⁵. Социолог Л.Бызов, проанкетировав делегатов II съезда СДПР (25–28 октября 1990 г.), выяснил, что больше всего опрошенных (47%) относилось к либералам («твёрдые» западники-прагматики), 34% – к «центру» («западники-идеалисты, центристы, ориентирующиеся на гуманистические и демократические ценности, которые присущи современному Западу, но недооценивающие ту цену, которую за них нужно заплатить») и лишь 10% – к социалистам, «стремящимся не допустить чрезмерной имущественной дифференциации, эксплуатации, социальной несправедливости»⁵⁶.

Излишне говорить, что механическое копирование чужого опыта не могло быть успешным. Партии и движения с названиями-кальками не сумели привлечь достаточное количество активистов и создать сколько-нибудь разветвлённые структуры. По сути, они так и остались незавершёнными проектами, имевшими, как правило, только центральные штабы (клубы) да скромное число сторонников в крупных областных и республиканских центрах. С.Митрохин назвал их «в лучшем случае структурами протопартийного типа, или протопартиями», отметив, в частности, случайность выбора ими своих названий – об этом, на его взгляд, свидетельствовал «факт частой смены партийных лейблов различными активистами: бывшие социал-демократы становятся либералами, демократы – республиканцами и т.п.»⁵⁷.

Впоследствии эти партии растворились в бурном потоке российского партстроительства, уступив место организациям, бравшим за точку отсчёта существующие реалии, а не образцы стороннего опыта, пусть даже и лучшие.

Основу таких организаций составили не вчерашние диссиденты, а люди вполне лояльные режиму и нередко являющиеся активными функционерами КПСС. Потепление политического климата, снятие идеологических запретов и ограничений стимулировало эволюцию их взглядов, но эта эволюция шла практически в ногу с общественной, а если даже её обгоняла, то не больше чем на полшага. Людям этого типа не был свойствен характерный для диссидентов разрыв с настроениями общества, они улавливали их более чутко и более гибко. Выдвигаемые ими лозунги соответствовали актуальным общественным проблемам и к тому же не были отягощены излишними для массового восприятия терминологическими изысками. С другой

стороны, неизбежные контакты со вчерашними диссидентами помогли представителям «новой волны» двигаться в своём идейном развитии уже проторёнными тропами и благодаря этому за считанные месяцы преодолевать путь, на который в былое время уходили десятилетия. Именно эти люди создали партии и движения, определявшие лицо российской многопартийности в доавгустовский период.

Структуры, из которых выросли данные партии и движения, можно подразделить на три группы.

Прежде всего, это объединения избирателей. Многие из них формировались на базе народных фронтов, однако и в этих случаях основную массу активистов составлял свежий контингент, не принимавший ранее участия в неформальном движении. Поэтому народным фронтам редко удавалось сохранить ведущие позиции в создаваемых по всей стране клубах и объединениях избирателей. Уже в ходе подготовки к выборам народных депутатов СССР (весна 1989 г.) группы поддержки демократических кандидатов (в Москве – Б.Ельцина, Т.Гдяна, С.Станкевича, А.Мурашёва, И.Заславского, Ю.Черниченко и др.) перехватывали инициативу у народных фронтов и проводили многолюдные, а иногда и массовые митинги. В ходе кампании по выборам народных депутатов РСФСР (зима 1989/90 г.) клубы избирателей смогли объединиться в крупные предвыборные блоки – как демократической («Демократическая Россия»), так и национал-патриотической ориентации («Россия»). На основе этих блоков в 1990 г. были созданы соответствующие политические движения, наиболее влиятельным из которых стала «Демократическая Россия». Успехи национал-патриотов были менее впечатляющими – созданные ими движения и коалиции продемонстрировали не только организационную рыхлость, но и в целом нежизнеспособность.

Вторая группа объединений, сыгравших важную роль в становлении российской многопартийности, – парламентские фракции. Летом 1989 г. на Съезде народных депутатов СССР была образована Межрегиональная депутатская группа (лидеры – А.Сахаров, Б.Ельцин, Ю.Афанасьев, Г.Попов), выступившая за отмену шестой статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС), независимость Союза министров СССР от ЦК КПСС, «переход к подлинно рыночному хозяйствованию и к самостоятельности предприятий», «скорейшую выработку нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик», «отказ от конституционно закреплённой государственной монополии ...на средства производства» и пр.⁵⁸ Осенью 1989 г. часть членов МДГ во

главе с А.Сахаровым и Ю.Афанасьевым открыто противопоставила себя власти и даже призвала товарищей по группе конституироваться как «легальная конструктивная оппозиция»⁵⁹.

МДГ была аморфна как в идейном, так и, ещё более, в организационном плане. Это признавали и её собственные представители. В ноябре 1989 г. Н.Травкин отмечал: «Мы – группа единомышленников, ...но работающей группой нас назвать всё ещё нельзя. За всё время существования группы она собиралась дважды. Оба собрания превратились в митинги»⁶⁰. А в январе 1990 г. Г.Попов, сетуя на появление внутри группы «центров поляризации», не исключил возникновения в МДГ самостоятельных фракций, что, по его мнению, было бы оптимальным вариантом, поскольку альтернатива заключалась только в сохранении прежнего хаоса⁶¹. В группе отсутствовала какая бы то ни было фракционная дисциплина: её члены с самого начала договорились жить по принципу «никто никого не обязывает при голосовании, каждый голосует по совести»⁶².

Тем не менее вклад МДГ в формирование многопартийности трудно переоценить. Во-первых, разработанные ею документы послужили базой для политических программ будущих партий и движений. Так, в предвыборной программе избирательного блока «Демократическая Россия» (январь 1990 г.) документы МДГ упоминались в качестве одного из идейных источников, определяющего «общую политическую ориентацию» ДР⁶³. А во-вторых, самим своим появлением МДГ подтолкнула дальнейшее политическое структурирование депутатского корпуса. Кстати, именно в этом видели предназначение группы некоторые её создатели, в частности Ю.Болдырев, ставивший перед МДГ задачу «максимально способствовать созданию других парламентских групп и, вступая в коалиции с различными объединениями депутатов, добиваться большинства по всем важнейшим вопросам»⁶⁴.

В каком-то смысле эта задача была выполнена – хотя с последствиями несколько отличными от первоначально предполагавшихся. Так, в декабре 1990 г. на Съезде народных депутатов СССР появилось консервативное крыло в лице группы «Союз», членов которой – ортодоксальных коммунистов, державников, умеренных демократов – объединяло стремление сохранить территориальную целостность СССР и «приостановить дальнейшее разложение, распад и сползание страны к хаосу и анархии»⁶⁵. На IV Съезде (17–27 декабря 1990 г.) было зарегистрировано сразу несколько депутатских групп, преследовавших политические цели, – «За конструктивное сотруд-

ничество», «За гражданское общество», «Справедливость»⁶⁶, – по своей ориентации, впрочем, мало отличавшихся от «Союза».

Ещё более чётко структурированным в политическом плане оказался Съезд народных депутатов РСФСР. Кандидаты, поддержанные блоком «Демократическая Россия», получили на нём около трети мест и образовали одноименную фракцию. Были созданы и другие фракции демократической ориентации: «Радикальные демократы», «Демократическая платформа», «Левый центр», «Рабочий союз», «Беспартийные депутаты», «Российский союз» (значительное число их членов одновременно входило в «ДемРоссию» – до осени 1991 г. регламент Съезда позволял такое совмещение). В противовес демократическим объединениям консервативно настроенная часть депутатского корпуса создала фракции «Коммунисты России», «Россия», «Отчизна». К ним примыкали и «корпоративные» депутатские объединения – «Промышленный союз», «Аграрный союз», «Суверенитет и равенство». Положение центра между двумя полюсами занимала фракция «Смена – Новая политика».

Представители всех этих депутатских объединений активно участвовали в формировании внепарламентских политических организаций. Так, члены фракции «Демократическая Россия» входили в число основателей одноименного движения. Попытки создать на своей базе внепарламентские объединения предпринимали также фракции «Союз» (СНД СССР), «Отчизна» и «Смена – Новая политика» (СНД РСФСР). Созданная в марте 1991 г. А.Рущим депутатская группа «Коммунисты за демократию» явилась соучредителем Демократической партии коммунистов России (с октября 1991 г. – Народная партия «Свободная Россия»). Уже после августа 1991 г. на основе фракции «Россия» было образовано движение «Российский общенародный союз». И т.д.

Кроме того, многие депутаты вступали в создаваемые в 1990–1991 гг. политические партии и движения. Осенью 1990 г. в российском парламенте появилась первая некоммунистическая партийная фракция – «Объединённая фракция социал-демократов и республиканцев». Однако в целом взаимодействие новых политических образований с депутатами носило односторонний характер – последние гораздо меньше зависели от партий, чем те от них. В условиях только появившейся и ещё не оформившейся многопартийности вряд ли могло быть иначе.

Наконец, самым мощным резервом для формирования новых политических партий, как уже говорилось, была сама КПСС, внутри

которой полным ходом шло идейное размежевание, затронувшее, правда, лишь узкий слой партийной интеллигенции. Представители разных идейных течений объединялись на базе платформ – Демократической, Марксистской, Большевицкой, а также Движения коммунистической инициативы.

Отмена шестой статьи Конституции СССР (март 1990 г.) подтолкнула активистов Демократической платформы к созданию самостоятельных партий (прочие течения не порывали с КПСС до самого августа 1991 г.). Характерно, что именно выходцы из Демплатформы основали наиболее значительные в организационном плане партии доавгустовского периода, имевшие немалую, по сравнению с остальными новыми объединениями, численность (до нескольких десятков тысяч человек), разветвлённую сеть региональных и местных организаций, собственных представителей в органах власти.

Раньше всех на создание собственной партии решилась наиболее радикальная часть ДП во главе с народным депутатом СССР и РСФСР Н.Травкиным, учредившая в мае 1990 г. **Демократическую партию России**. Появление ДПР свидетельствовало о накоплении критической массы людей, готовых не просто заявить о своём несогласии с режимом, но и вступить с ним в прямую конфронтацию – путём создания организации, цели которой не сводилась к отстаиванию права на самостоятельное участие в политике, но простирались много дальше, вплоть до предъявления претензий на овладение властью (как определил задачу ДПР Н.Травкин – «участвовать в выборах и победить»⁶⁷).

Соответственно, и замышлялась эта партия не в виде ассоциации клубов, а как аналог КПСС, т.е. как централизованная массовая партия. На I съезде ДПР (1–2 декабря 1990 г.) Н.Травкин заявил: «На любительском уровне всё, что могли, мы уже сделали. ...Нужна организация, нужна структура, при помощи которой можно действовать быстро и сообща. Это подразумевает и наличие дисциплины в структуре. ...Мы должны смелее идти на создание первичных организаций в трудовых коллективах, институтах, учреждениях культуры, воинских частях, в МВД. ...Следующая задача, кроме организации и расширения зоны влияния партии, – её массовость. ...Массовость – своеобразный социологический барометр для нас – сколько людей нам верят. От имени скольких мы можем говорить и действовать»⁶⁸. Несколькими месяцами позже, на II съезде ДПР (26–28 апреля 1991 г.), Травкин подчеркнул: «Для того чтобы ...возврат диктатуры КПСС не произошёл, мы обязаны иметь внутреннюю дисципли-

ну, мы обязаны иметь партийную дисциплину, мы обязаны в какой-то степени повторить её строение. Ведь бороться-то могут одинаковые. А то получается, что одни выстроены в дисциплинированные колонны, а другие толпой и в лаптях»⁶⁹. Именно поэтому на учредительной конференции ДПР (26–27 мая 1990 г.) были отвергнуты предложения ввести в партии институт сопредседателей и избран единоличный лидер – харизматический политик Н.Травкин.

План организаторов Демпартии России удался лишь отчасти. ДПР действительно стала наиболее крупной партией демократической ориентации. В 1990–1991 гг. её численность, по различным оценкам, составляла от 25 тыс. до 60 тыс. человек. На I съезде ДПР Н.Травкин определял численность партии в 25 тыс.⁷⁰, на II съезде – в 30 тыс.⁷¹, летом 1991 г. – в 36 тыс.⁷², на III съезде (7–8 декабря 1991 г.) – в 50 тыс.⁷³ Впрочем, на III съезде он привёл несколько иные цифры: «Первый съезд – 22400, второй – 34600, сейчас – 50000 человек»⁷⁴. Уже одно это несовпадение намекает на условность данных о численности партии.

Кроме того, ДПР обладала довольно развитыми (на фоне соседей по демлагерю) организационными структурами. Судя по всему, не в последнюю очередь это объяснялось тем, что партия рекрутировала не диссидентов и доморощенных теоретиков, а вчерашних активистов КПСС, разочаровавшихся в коммунизме и вложивших свою энергию в создание структур, которые, по их замыслу, должны были составить реальную конкуренцию всеобъемлющей сети парткомов. Конечно, подавляющее большинство актива ДПР составляли представители интеллигенции (70% по оценке Н.Травкина⁷⁵), но, в отличие от СДПР или ПКД, Демократическая партия России ориентировалась не на «чистых теоретиков», а на тех, кто уже был морально готов перейти в ряды чиновничества, но не имел такой возможности в рамках существовавшей системы. В дальнейшем, кстати, многие из этих людей стали профессиональными партфункционерами и сменили не одну партию.

Данное обстоятельство послужило основанием для утверждения, что создатели ДПР являли собой типичный образец «политических предпринимателей»⁷⁶. Однако всё было не так просто – на тот момент и в тех конкретных условиях большинство политических активистов вполне органично сочетали в себе качества и расчётливых прагматиков, и идейных борцов за свободу. Страна переживала мощный общественный подъём, задевший за живое даже прожжённых циников. Позже, когда волна спала, те, кто был увлечён только идеей, ото-

шли от политики, те же, чей порыв питался не одним голым энтузиазмом, продолжили политическую деятельность, но уже на другой основе. Тем не менее это не позволяет провести внутри ДПР чёткую разграничительную линию между «предпринимателями» и «неформалами» (роль последних в партийных делах под сомнение в общем-то и не ставится)⁷⁷. Те и другие были представителями либеральной интеллигенции, и различия между ними носили скорее личностный характер.

В любом случае Демпартии не удалось ни создать структуры, сопоставимые по масштабам с теми, что имелись в распоряжении КПСС (хотя в этом-то ничего страшного не было – как стало ясно потом, подавляющая часть членской массы Компартии представляла собой обыкновенный балласт), ни объединить под своими знамёнами большинство демократов. Объяснялось это причинами как идеологического, так и организационного свойства. В идеологии ДПР с самого начала присутствовал заметный консервативный элемент – особенно что касалось вопросов национально-государственного устройства. Так, Демпартия выступала против роспуска СССР и за сохранение целостности РСФСР, расходясь в этом с большинством коллег по политическому спектру⁷⁸. Даже вступив в «Демократическую Россию», ДПР, вместе с другими организациями либерально-консервативного толка – КДП-ПНС и РХДД, занимала там обособленную позицию. Это выразилось, в частности, в создании тремя этими организациями политического блока «Народное согласие» (апрель 1991 г.), объявившего себя «конструктивно-демократическим течением» в демократическом движении, стремящимся – в противоположность большинству «ДемРоссии» – «к сохранению единства Российской Федерации и к созданию нового союзного государства»⁷⁹. Таким образом, позиция «Народного согласия» резко не совпала с настроениями, господствовавшими среди демократов.

Но дело не только в этом. На неудачу было обречено само копирование организационной структуры КПСС. Так можно было строить радикальную левую партию, опирающуюся на рабочее движение, да и то не в конце, а в начале или, в крайнем случае, в середине XX века. Попытки Демпартии внедрить в жизнь принципы демократического централизма привели не столько к формированию иерархической вертикали, сколько к клиентелизации внутрипартийных отношений. Это, правда, тоже неудивительно – ведь и РКП(б) стала копировать структуру госаппарата уже после захвата власти, а до революции большевистская фракция была симбиозом ассоциации клубов и клиенты, группирующейся вокруг вождя.

Для объединения либеральных интеллигентов требовались иные, более гибкие, организационные формы, образец которых дала «Дем-Россия». Сторонники же Н.Травкина, насаждая демократический централизм, оттолкнули от себя многих потенциальных партийных активистов. Уже на учредительном съезде в ДПР отказались войти некоторые из инициаторов её создания – в частности, представители Ленинградского народного фронта и Московского объединения избирателей, позже создавшие **Свободную демократическую партию России**. Для прочих участников демдвижения централизаторские усилия команды Н.Травкина и подавно явились дополнительным аргументом в пользу самостоятельного партстроительства. Кроме того, замыкая руководство партией на единого лидера, её основатели усиливали в ДПР клиентелистское начало. И если поначалу оно в значительной степени гасилось активной позицией рядовых членов и местных организаций, то по мере остывания общественного энтузиазма ничего другого, на чём бы ещё держалась партийная конструкция, в ДПР не осталось.

Несмотря на то что проект создания Демократической партии России достиг далеко не всех поставленных целей, его значение не следует преуменьшать. Если Демсоюз собственным опытом доказал, что в перестроечном СССР можно было открыто выступать против власти, то ДПР продемонстрировала, что новые политические организации способны не только возглашать антиправительственные лозунги, но и заниматься серьёзным партийным строительством, причём в масштабах всей страны. Однако вклад Демпартии в становление российской многопартийности этим и ограничился. С выходом на авансцену «ДемРоссии» ДПР перестала играть роль флагмана демдвижения. После августа 1991 г. она покинула либерально-демократический лагерь, а к середине 1990-х гг. и вовсе превратилась едва ли не в имиджмейкерскую контору, функционеры которой принимали активное участие в организации чужих избирательных кампаний. Демократическая партия России существует и поныне, но это не более чем призрак той ДПР, с которой некогда связывалось столько надежд.

В отличие от Демпартии, на **Республиканскую партию Российской Федерации** никто особых надежд не возлагал. РПРФ была учреждена в ноябре 1990 г. теми участниками Демократической платформы, которые после XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.) осознали бесперспективность потуг реформировать Компартию изнутри. Констатируя, что «после учредительного съезда КП

РСФСР и XXVIII съезда КПСС перестройка как попытка осуществить “революцию сверху” закончилась», а КПСС «вместе со всеми своими течениями и лидерами, как откровенно реакционными, так и умеренно прогрессивными, окончательно утратила политическую инициативу и переместилась в арьергард общественного процесса», «республиканцы» объявили себя «убеждёнными противниками тоталитаризма», выступив при этом против «его насильственного свержения»: «Мы предлагаем не путь конфронтации, а путь политического диалога, разумных компромиссов, мирной смены старых командно-административных структур новыми рыночными демократическими отношениями»⁸⁰.

М.Малютин на рубеже 1990–1991 гг. определял РПРФ как «пример чисто деидеологизированной организации (её идеологию невозможно оценить ни как либеральную, ни как социал-демократическую, хотя сторонники этих взглядов в ней есть) западническо-технократической ориентации, нацеленной на исторический компромисс экономического прогресса и социальной защиты неимущих»⁸¹. Политическая физиономия партии обрисована здесь достаточно точно, непонятно только, при чём здесь деидеологизированность. Видимо, взгляды «республиканцев», будучи типическими для демократического «мэйнстрима», воспринимались тогда как набор банальностей, не могущий сойти за идеологию.

РПРФ было свойственно сочетание чрезвычайной осторожности и рассудочности – качества, несомненно, полезные, но в случае отсутствия других добродетелей превращающие политиков в «премудрых пескаррей». Каждый шаг «республиканцев», очень взвешенный и обдуманый, в конце концов оказывался запоздалым, и в результате партия двигалась не во главе, а в хвосте событий. Показательно, что и само оформление партии пришлось на тот период, когда полным ходом шло становление структур «Демократической России» – организации, призванной консолидировать всё демдвижение.

Ещё одной чертой «республиканцев» была тяга к продуцированию разнообразных объединительных инициатив. Характерно в этом плане воззвание, содержавшееся в одной из принятых учредительным съездом РПРФ резолюций: «Мы призываем Верховный Совет, правительство республики, самые различные организации и объединения провести “круглый стол” по *всем* (курсив мой. – Ю.К.) проблемам, готовы создавать согласительные комиссии, вести двух- и многосторонние переговоры с партиями, движениями, действующими в рамках Конституции РСФСР»⁸². Да и II съезд РПРФ (28–30 июня

1991 г.) продекларировал «принципиально компромиссный характер политической линии, готовность к диалогу и совместной работе со всеми политическими силами России и Союза, согласными действовать в рамках демократической процедуры, на основе Конституции и законов России»⁸³. Печально было то, что выраженная в этих документах готовность вести переговоры со всеми и обо всём редко приносила пользу самой РПРФ, поскольку в подавляющем большинстве случаев такие переговоры инициировались вдогонку событиям.

Судя по всему, особенности политического поведения РПРФ не в последнюю очередь объяснялись спецификой её социального состава. В партию вошли те представители интеллигенции, которые при всей своей образованности и гибкости, тем не менее, не родились лидерами. Боязнь взять на себя ответственность за рискованный шаг каждый раз заставляла их пропускать вперёд более решительных и настойчивых. Сказывалось, видимо, и то, что «республиканцы» принадлежали к тому слою интеллигенции, который изначально был инкорпорирован в государственный аппарат и плохо представлял, как жить вне его рамок. Отсюда и избыточная осторожность в выборе тактики, и желание дружить со всеми подряд, и стремление избежать конфликтов с чиновничеством, за которым руководство РПРФ всегда, может быть и неосознанно, признавало право на ведущую роль в политической жизни страны.

По мнению М.Малютина, несмелость и покладистость РПРФ объяснялась преобладанием в ней инженерно-технических работников «с присущими этой группе качествами – повышенной дисциплинированностью, корпоративным (а не индивидуальным, как у других категорий интеллигенции) карьеризмом, но и отсутствием ярких личностей»: «В силу этого многие лидеры организации, превыше всего озабоченные избавлением от ярлыка “перекрасившихся коммунистов”, думают не столько над тем, как обрести собственное лицо, сколько с кем бы объединиться на более выгодных условиях»⁸⁴.

Вполне интеллигентской была и организационная структура Республиканской партии – ассоциация клубов единомышленников, возглавляемая – вполне в согласии с принципами подобного рода организаций – несколькими сопредседателями (на учредительном съезде 17–18 ноября 1990 г. ими стали народные депутаты РСФСР В.Лысенко и С.Сулакшин, а также ректор московской Высшей партийной школы В.Шостаковский⁸⁵). Преимущественно интеллигентский состав этих клубов уберёт РПРФ от прогрессирующей клиентелизации – болезни, поражающей практически все объединения, которые

родились во время общественного подъёма и пытались выжить в условиях спада. Здесь, впрочем, сыграло свою роль и отсутствие в партии харизматических лидеров, способных выступить центром кристаллизации достаточно обширной клиентелы.

Учредительный съезд РПРФ принял резолюцию об объединении с Социал-демократической партией РФ (соответствующие переговоры впоследствии завершились безрезультатно) и подтвердил решение о присоединении к движению «Демократическая Россия»⁸⁶. Позже Республиканская партия имела касательство ещё к нескольким объединительным проектам – например, осенью 1993 г. её представители приняли участие в создании сразу двух избирательных блоков: «Яблока» и «Выбора России», а на парламентских выборах 2003 г. партия выступила в составе блока «Новый курс – Автомобильная Россия».

В доавгустовский период РПРФ была, по всей видимости, второй по численности, после ДПР, партией демократического спектра. На момент регистрации (март 1991 г.) она насчитывала более 5 тыс. членов⁸⁷. Другие партии приписывали себе ещё больше, но у РПРФ они были точно. В этом отношении «республиканцев» превосходила разве что *Демократическая партия коммунистов России*, образованная летом 1991 г. на основе Демократического движения коммунистов и депутатской группы «Коммунисты за демократию» (лидер – А.Руцкой). О начале работы по созданию общенационального движения «Коммунисты за демократию» было объявлено ещё в апреле⁸⁸. 13 июля 1991 г. представители одноимённой депутатской группы на V Съезде народных депутатов РСФСР сообщили о намерении создать партию, которая дала бы «миллионам честных российских коммунистов, являющихся сторонниками демократических реформ, возможность выражать и осуществлять свои политические интересы»⁸⁹; уже 2–3 августа состоялась учредительная конференция ДПКР⁹⁰, в связи с чем её инициаторы были исключены из КПСС⁹¹. Однако фактически становление партии происходило после августа 1991-го, когда её ряды пополнились сотней тысяч человек (что можно объяснить только распадом КПСС). Но это были члены уже не ДПКР, а Народной партии «Свободная Россия» (новое название, утверждённое на I съезде, 26–27 октября 1991 г.).

Демпартия коммунистов России представляла собой гибридное образование, в котором клубы сторонников ДДК сосуществовали с личной клиентелой А.Руцкого. В дальнейшем, в 1994 г., партия раскололась именно на эти две составляющие: бывшие «демплатфор-

мовцы» во главе с В.Липицким сформировали Российский социал-демократический союз, а руцкисты – Российскую социал-демократическую народную партию.

Неоднородна ДПКР была и в плане идеологии. «Демкоммунисты» ориентировались на современную европейскую социал-демократию, объявили себя «объединением сторонников демократического социализма, гуманизма, свободы, равенства, справедливости и солидарности» и настаивали на переименовании КПСС в социалистическую либо социал-демократическую партию⁹².

Последователи А.Руцкого пытались соединить социалистические идеи с этатистскими, т.е. являлись скорее социал-патриотами, нежели социал-демократами. Сам А.Руцкой начинал карьеру как патриот советско-имперского типа, но после перехода на сторону Б.Ельцина резко сменил риторику и какое-то время мало чем выделялся на общедемократическом фоне. Его этатизм развернулся позже – в 1992–1993 и особенно в 1994–1995 гг. В программном же заявлении «За создание Демократической партии коммунистов России» А.Руцкой и его коллеги по депутатской группе «Коммунисты за демократию» на Съезде народных депутатов РСФСР ставили задачи «отделить существовавшие в истории коммунистической партии демократические традиции и настроения от ортодоксальной фразеологии и административно-бюрократических традиций и настроений консервативного толка», «максимально активизировать ход экономической реформы», «содействовать приватизации и предпринимательству», «способствовать развитию многопартийности»⁹³.

Н.Бирюков и В.Сергеев определили политическую позицию «Коммунистов за демократию» как «постсоветский вариант социал-демократии» – в отличие от «Смены – Новой политики» и «Левого центра», «которые больше походили на западные образцы»⁹⁴. Характеристика меткая; к ней можно добавить, что в целом платформа ДПКР представляла собой то, что в России начала 90-х принято было именовать центризмом – попыткой взять отовсюду всё хорошее, одновременно отбросив всё плохое. Призывы к «разгосударствлению и демонополизации производства» в этой платформе соседствовали с требованием «соблюдать принцип приоритета воли трудового коллектива», а выражение готовности содействовать приватизации и предпринимательству – с заклинаниями о необходимости «наладить дисциплину на производстве» и создать «эффективные механизмы правительственной защиты малоимущих граждан»⁹⁵. На практике подобные эксперименты по скрещиванию ежа и ужа заканчи-

вались усвоением недостатков обеих позиций, а не реализацией их достоинств; вместе с тем такой манёвр может дать кратковременный эффект – в случае с Руцким и возглавляемой им партией так и вышло.

Как уже говорилось, наибольшую эффективность в доавгустовский период продемонстрировали не партии, а организации с более гибкой структурой – призванные не командовать и контролировать, а согласовывать и координировать. Воплощением такого рода формы стало **движение «Демократическая Россия»**. Любопытно в этом плане замечание С.Митрохина (лето 1991 г.) – по его мнению, те образования, которые в России официально считают себя партиями, на самом деле таковыми не являются: «Их можно назвать в лучшем случае структурами протопартийного типа, или протопартиями. И наоборот: широкое объединение..., более или менее удовлетворяющее вышеуказанному критерию, именуется отнюдь не партией, а, например, движением “Демократическая Россия”»⁹⁶.

Предшественником ДР был одноимённый избирательный блок на выборах 1990 г. Его предвыборная программа включала следующие требования: «безотлагательно утвердить основные принципы новой демократической Конституции РСФСР»; «провозгласить и законодательно определить суверенитет Российской Федерации»; «положить конец монополии одной партии на власть»; «поставить КГБ, Министерство обороны, МВД под эффективный контроль выборных органов власти»; безотлагательно перейти к созданию «эффективного рыночного сектора», одновременно разработав «комплекс мер, ...противодействующих снижению жизненного уровня населения», и др.⁹⁷

Добившись заметных электоральных успехов (около 30% мест на Съезде, подавляющее большинство в Моссовете и Петросовете и пр.), блок «Демократическая Россия», однако, не сделался основой для новой организационной структуры. Напротив, его участники настолько увлеклись умножением фракций и самостоятельным партстроительством, что говорить о них как о единой силе можно только с большой долей условности. Тем не менее необходимость противостоять режиму заставляла договариваться о координации действий. Под конец работы I Съезда народных депутатов РСФСР (16 мая – 22 июня 1990 г.) руководство блока ДР призвало «избирателей, депутатов всех уровней, демократические общественные, политические, общественно-политические организации» к объединению в «массовое общественно-политическое движение “Демократическая

Россия»», целью которого стало бы «осуществление радикальных демократических преобразований политической и экономической системы ...не на словах, а на деле»⁹⁸. Предполагалось, что новое движение «даст надёжный ориентир для избирателей, будет гарантом дееспособности поддерживаемых ими депутатов, свяжет по вертикали и горизонтали демократические фракции в Советах разных уровней»⁹⁹. При этом оговаривалось, что членство в других общественных организациях и политических партиях не является препятствием для членства в движении¹⁰⁰.

В ходе последующих переговоров этот принцип получил развитие – всем участникам движения было обеспечено равное представительство в руководящих (точнее, координирующих) органах. Кроме того, устав «ДемРоссии», принятый учредительным съездом (20–21 октября 1990 г.), гарантировал каждому коллективному члену движения «самостоятельность в определении собственной стратегии и тактики»¹⁰¹.

На правах коллективных членов в ДР вошли Социал-демократическая партия РФ, Республиканская партия РФ, Свободная демократическая партия России, Российское христианское демократическое движение, Партия конституционных демократов, Конституционно-демократическая партия – Партия народной свободы, Партия свободного труда и ряд общественных организаций¹⁰². В январе 1991 г. в движение вступила Демократическая партия России¹⁰³, руководство которой сопротивлялось этому изо всех сил и уступило главным образом под давлением местных организаций, а также под влиянием событий в Прибалтике¹⁰⁴.

В 1991 г. отделения «ДемРоссии» были созданы во всех областных и республиканских центрах, причём многие её активисты не входили ни в одну из партий – коллективных членов ДР¹⁰⁵. Так или иначе, но заявленная численность «ДемРоссии» значительно превышала совокупную численность партий-участниц движения. В то время как самая крупная из оппозиционных КПСС партий – ДПР – на начало 1991 г. насчитывала не более 30 тыс. человек, а численность остальных колебалась в пределах нескольких тысяч (РПРФ, СДПР) и нескольких сотен (ПКД, КДП-ПНС, ХДСР и др.), количество членов «ДемРоссии» её организаторы оценивали в 300–400 тыс.¹⁰⁶ В дальнейшем назывались ещё более внушительные цифры: на момент получения свидетельства о регистрации (24 апреля 1991 г.) – 1,3 млн человек¹⁰⁷ (поскольку отсутствие в «ДемРоссии» фиксированного членства позволяло зачислять в ряды движения любого

участника организуемых ею акций, этот показатель не выглядит фантастическим).

«ДемРоссия» никогда не была особо сплочённой. Н.Бирюков и В.Сергеев определяли её как «странный альянс либералов и популистов», в котором «последние без труда оттеснили первых»¹⁰⁸. По словам тех же авторов, ДР была типичным «движением *против*»: «Это движение довольно быстро сплотило вокруг себя всех тех, кто – по тем или иным причинам – отвергал ценности и институты советского общества. Однако оно так и не предложило обществу никакой консолидирующей идеи *за*»¹⁰⁹.

Сами лидеры «Демократической России» признавали, что ДР – это коалиция «весьма разнородных политических сил», объединённых противостоянием КПСС, «сохраняющей монополию на политическую и экономическую власть»; что же касается позитивных целей и мировоззренческих позиций, то в этом отношении разброс был довольно велик: «В движении имеются, условно говоря, “левые” и “правые” оттенки»¹¹⁰. Впрочем, как подметил А.Савельев, в большинстве случаев всё программное разнообразие «исчерпывалось различиями в пересказах положений “Декларации прав человека”», а самоопределение партийных лидеров происходило «не на основании продуманных идеологических установок, а по принципу заполнения одной из пустующих ячеек на оси “левый–правый”» – «в результате при формальном разнообразии политические группировки отличались друг от друга лишь повадками лидеров, но не идеологией»¹¹¹.

Тем не менее порой обнаруживались и вполне серьёзные разногласия. Так, в апреле 1991 г. три коллективных члена ДР – ДПР, РХДД и КДП-ПНС – создали внутри движения блок «Народное согласие», по ряду весьма важных пунктов существенно расходившийся с большинством участников «ДемРоссии» (см. выше).

И всё же движение не только сохраняло единство, но и действовало, причём достаточно эффективно. Оно реагировало на мало-мальски значимые изменения общественной ситуации, организуя в крупных городах (прежде всего в Москве и Ленинграде) уличные акции, в которых участвовали десятки, а иногда и сотни тысяч человек. При этом «демороссы» проявляли похвальную оперативность, на несколько шагов обгоняя неповоротливые парткомы КПСС и нанося упреждающие удары.

Эффективности действий «ДемРоссии» в немалой степени способствовала удачная организационная форма. Н.Бирюков и В.Сергеев дали ДР следующую характеристику: «Своеобразный политичес-

кий клуб московской и ленинградской интеллигенции с филиалами в других городах»¹¹². Это определение нуждается, однако, в некотором уточнении. «Демократическая Россия» была своего рода многоуровневым клубом, низовые структурные единицы которого – местные клубы – могли входить одновременно в несколько организаций, в т.ч. и в партии, являвшиеся, как правило, коллективными членами ДР. В частности, С.Митрохин отметил (лето 1991 г.) набирающий силу «полустихийный процесс образования собственных первичных ячеек ДР, которые подчас сливаются с низовыми отделениями партий»¹¹³.

Ещё в ходе подготовки к учредительному съезду ДР Ю.Афанасьев описывал движение как состоящее из «трёх вертикалей – от межреспубликанского до местного уровня»: «Во-первых, политические партии, которые называют себя демократическими или тяготеют к демократическим. Вторая вертикаль – демократические фракции в Советах всех уровней. Третья – всевозможные движения, по своей ориентации близкие к блоку демократических сил. Это “Мемориал”, “Апрель”, экологические движения и т.п.»¹¹⁴. Беседовавший с ним Л.Карпинский подсказал и четвёртую «вертикаль» – «блок независимых демократических изданий»¹¹⁵. Так оно, в сущности, и было.

Правда, назвать эти составляющие «вертикалями» можно лишь с сильной натяжкой, поскольку никакой иерархии в них по большому счёту не было – все структурные единицы «ДемРоссии» пользовались высокой степенью автономии и даже независимости; Ю.Афанасьев называл основополагающим организационным принципом ДР суверенность каждого её участника¹¹⁶. И в самом деле – руководство «Демократической России» никоим образом не пыталось навязать местным клубам линию поведения; наоборот, оно всячески поощряло их инициативу и довольно терпимо относилось к поворотам их тактики – это касалось в том числе выбора союзников или партийной «крыши». Во всяком случае, в региональной политической жизни местные клубы участвовали без какого-либо контроля сверху. Недаром С.Митрохин особо указывал на «нетривиальную для российских политических организаций открытость ДР»: «Структура ДР максимально “разомкнута”... По сути дела, она не обременяет своих рядовых членов никакими обязанностями сверх требования простейшего акта поддержки»¹¹⁷.

Такие гибкость и терпимость – во многом, надо признать, вынужденные (попробуешь диктовать – тут же потеряешь союзников) – принесли свои плоды. Уступая КПСС в численности, «ДемРоссия»

превосходила её в манёвренности, предприимчивости, способности творчески подходить к требующим решения проблемам. Среди достоинств, обеспечивающих ДР эти преимущества, наблюдатели отмечали «наличие популярных лидеров», «хорошо подобранный аппарат работоспособных организаторов», «максимальную открытость структуры», «владение популистскими методами политического давления и пропаганды» и пр.¹¹⁸

Причиной последующего увядания и деградации «ДемРоссии» (начиная с осени 1991 г.) была вовсе не организационная слабость – та форма, в которой существовала ДР, убедительно продемонстрировала свою жизнеспособность. Просто после краха властной монополии КПСС задачи, поставленные перед собой «Демократической Россией», оказались выполнены. Прежний режим сменился политической системой, основанной на конкурентной борьбе и принесшей другие задачи, связанные с осуществлением радикальной экономической реформы. Интеллигентские объединения остались не у дел.

Однако до августа 1991 г. «ДемРоссия» была самым влиятельным (не считая КПСС) субъектом партийной политики, прирастая всё новыми коллективными членами, в частности созданными в конце 1990 – первой половине 1991 г. *Народной партией России* (Т.Гдлян), *Крестьянской партией России* (Ю.Черниченко), *Российской христианско-демократической партией* (А.Чуев) и др.

В 1990–1991 гг. партийное строительство наблюдалось и в других частях политического спектра. Ранее уже упоминалось о национал-патриотических объединениях, «вышедших» из «Памяти»: Республиканской народной партии России, «Русском национальном единстве», Национал-социальном союзе. В тот же период были созданы *Русская партия* (В.Корчагин), *Союз «Христианское возрождение»* (В.Осипов), *Христианско-патриотический союз* (Е.Пашнин), *Русский общенациональный союз* (И.Артёмов), *Русский освободительный союз*, *Русская народная партия* и др. Всё они представляли собой мелкие клиентелы – за исключением РНЕ, давшего яркий образец централизованной партии, основу структуры которой составили военизированные формирования (милиция).

Сходясь в главном – антилиберализме и ксенофобии, национал-патриотические объединения расходились в деталях. Одни – практически все ответвления «Памяти», многочисленные монархические союзы и центры, православно-фундаменталистские организации (Союз «Христианское возрождение» и пр.) – придерживались традиционного «черносотенства», базирующегося на триаде «православие,

самодержавие, народность». Другие пытались модернизировать свою идеологию – либо включая в программу популярные общедемократические требования (НРПР), либо интерпретируя её в духе вождизма, ориентированного на фашистское и национал-социалистическое движение 20–30-х гг. (РНЕ). Третьи – Национал-социальный союз, Национал-социальное движение, Национал-социальная партия и т.п. – позиционировались как преемники фашистских и нацистских организаций¹¹⁹.

Подобно демократам, национал-патриоты неоднократно пытались объединиться. Самыми заметными из таких проектов были Славянский собор (январь 1991 г.) и Всеславянский собор (апрель 1991 г.). Всякий раз, однако, эти инициативы заканчивались безрезультатно – «благодаря» специфической социальной базе национал-патриотического движения (маргинальные слои интеллигенции, люмпены), а также не менее специфическим программным целям, сводящимся к борьбе против «чужих», а то и вовсе к борьбе «всех против всех». В отсутствие позитивной идеи, способной не только разъединять, но и объединять, национал-патриотам нечего было противопоставить неуёмным амбициям многочисленных «мини-фюреров», а отсутствие общественного авторитета вытесняло их на задворки политической жизни. После августа 1991 г. только «Русское национальное единство» сумело сохранить и даже укрепить свои позиции (прежде всего за счёт «товарищей» по национал-патриотическому лагерю); все остальные организации этой части политического спектра не переросли уровня неформальных групп.

В доавгустовский период предпринимались также попытки партстроительства на основе некоммунистических версий социализма – как леводемократических, так и леворадикальных. Создатели таких организаций исходили из посылки, что коммунисты, будучи у власти, непоправимо дискредитировали идеи социализма и к тому же сильно извратили их суть. При этом «левые демократы» совмещали приверженность «социалистическому выбору» с уважением к основным либеральным ценностям (права человека, гражданские свободы, демократический строй), тогда как леворадикалы (анархисты, троцкисты, пролетаристы), подвергая коммунистов «критике слева» – за отказ от собственных программных установок (диктатура пролетариата, общественное самоуправление, пролетарский интернационализм), за «державнический» уклон, заигрывание с национал-патриотами и пр., – настаивали на возвращении к «аутентичному социализму», в т.ч. к «аутентичному марксизму».

Из леводемократических организаций следует упомянуть прежде всего *Социалистическую партию* (основатели – П.Абовин-Егидес, Б.Кагарлицкий, М.Малютин и др.) и действовавшее на Урале *Общественно-политическое объединение «Рабочий»* (Б.Ихлов, В.Буртник). Из леворадикальных – *Конфедерацию анархо-синдикалистов* (А.Исаев, А.Шубин) и *Ассоциацию движений анархистов* (П.Рауш, Г.Анеткин), пролетаристские *Марксистскую рабочую партию* и *Партию диктатуры пролетариата*, троцкистский *Комитет за рабочую демократию и международный социализм*.

На первых порах грань между «демлевыми» и леворадикалами была размытой; и те и другие по некоторым принципиальным вопросам (отказ от монополии КПСС на власть, а государства – на управление экономикой, культурой и пр., защита прав человека и основных гражданских прав) фактически смыкались с демократами. Кроме того, в описываемый период леворадикалы ещё не призывали к использованию насильственных методов и в практической деятельности мало чем отличались от «демлевых».

До чрезвычайности разнообразны с идейной точки зрения (внутри каждого из течений существовал ещё ряд подгрупп: например, анархисты, как и в начале века, подразделялись на анархо-синдикалистов, анархо-коммунистов, анархо-индивидуалистов и пр.), в организационном плане некоммунистические левые были крайне слабы. Их объединения редко насчитывали более сотни человек, обычно же – несколько десятков. По сути, это были такие же клубы единомышленников, что и у демократов, но, конечно, несравненно мельче масштабом.

Объяснялось это прежде всего узостью их социальной базы. В 1989–1991 гг. российская многопартийность носила преимущественно интеллигентский характер, а большая часть интеллигенции на этом этапе отдавала предпочтение либерально-демократическим ценностям. Поэтому до августа 1991 г. (и после тоже) политическое влияние «демлевых» и леворадикалов стремилось к нулю. Вместе с тем, несмотря на организационную хилость, и те и другие проявили редкостную плодовитость в программно-теоретическом отношении. Практически каждое объединение умеренно-социалистического или леворадикального толка выпускало собственное печатное издание, а иногда и не одно. Кроме того, их представители были частыми гостями на страницах общепопулярных СМИ. Как бы то ни было, некоммунистические левые привнесли немало оттенков в идейно-политическую палитру, что, впрочем, не спасло их от быстрого исчез-

новения с политической сцены. Почти все без исключения организации этой части политического спектра, созданные на рубеже 1980–1990-х, прекратили своё существование вскоре после августа 1991 г.¹²⁰

Кроме того, в 1989–1991 гг. появилось несколько экологических партий и движений. Так, заслуживают упоминания **Социально-экологический союз** (занимался в основном неполитическими проблемами), организация **«Хранители радуги»** (леворадикальная по своим взглядам), **Партия зелёных** и возникшие в результате её раскола **Российская партия зелёных** и **Лига зелёных партий** (тяготели к различным версиям анархизма)¹²¹.

Не обошлось, наконец, и без разнообразных псевдопартий, которые не имели действующих структур (как правило, последние существовали только на бумаге) и не представляли никого, кроме собственных лидеров, отличались очевидной надуманностью либо утопичностью программных целей и в целом не слишком адекватной оценкой себя и своих возможностей. Но одно из подобных объединений превратилось – таки в реального политического игрока. Речь идёт о **Либерально-демократической партии Советского Союза** (впосл. России; см. гл. 6), до настоящего времени сохраняющей ряд признаков, присущих псевдопартиям: несоответствие названия программным установкам, подмена политической линии единоличным «хотением» вождя и пр. В отличие от других псевдопартий, ЛДПР сумела нащупать свою социальную и электоральную базу – люмпен-предприниматели (активные сторонники) и люмпенизированные слои населения (избиратели), а её лидеру В.Жириновскому, при всей его эксцентричности, нельзя отказать в способности чутко улавливать настроения той части электората, на поддержку которой он рассчитывает.

Однако главными субъектами партийной жизни описываемого периода были, несомненно, «Демократическая Россия», с одной стороны, и КПСС, с другой. Именно их противостояние двигало эволюцию тогдашней партийной системы.

5.3. Эволюция партийной системы доавгустовского периода

Разложение советской однопартийной системы началось тогда, когда власти допустили к участию в выборах народных депутатов СССР (март 1989 г.) альтернативных, не санкционированных сверху, кандидатов.

Однопартийной системе – в том виде, в каком она сложилась в Советском Союзе, – категорически противопоказана малейшая свобода избирательных процедур (даже гегемонистская система, формально не препятствующая существованию иных, кроме правящей, политических партий, на самом деле не оставляет электорату никакого выбора). Согласие властей на проведение относительно свободных выборов подразумевало отказ от тотального контроля над сферой публичной политики. Последовавшая отмена шестой статьи Конституции СССР (о руководящей и направляющей роли КПСС) явилась закономерным результатом этого согласия. Тем самым правящая партия дала понять, что готова поступиться основополагающими принципами однопартийной системы и трансформироваться из единственной политической силы в доминирующую.

Однако, как полагают Н.Бирюков и В.Сергеев, в намерения реформаторов из руководства КПСС «вряд ли входило построение демократического общества плюралистического (западного) типа. Их замысел был скорее направлен на создание системы контролируемой демократии. ...Съезд народных депутатов задумывался и создавался как чисто плебисцитарный орган, к тому же легко манипулируемый»¹²². Это и неудивительно, если учесть, что «политический плюрализм в понимании инициаторов перестройки означал отказ от обязательного единomyслия внутри правящей элиты, а отнюдь не легализацию альтернативных политических сил»¹²³.

Надо признать, что КПСС сделала всё возможное, чтобы обезопасить для себя процесс названной трансформации. Н.Бирюков и В.Сергеев совершенно справедливо отметили: «М.С.Горбачёв и реформаторы из его окружения ...создали условия для проведения в стране реальных, а не фиктивных выборов, в то же время они сочли нужным “подстраховаться”: Конституция и избирательный закон изменялись таким образом, что ни одно из традиционных требований классической демократической теории, нацеленных на обеспечение демократического характера избирательного процесса, не выполнялось. Назначенным на март 1989 года выборам не суждено было стать ни прямыми, ни равными, ни свободными»¹²⁴.

5.3.1. Выборы Съезда народных депутатов СССР

В соответствии с новым выборным законодательством треть депутатского корпуса Съезда народных депутатов СССР (750 человек из 2250) формировалась не избирателями, а «общественными организациями», к которым были отнесены самые разные объединения – от КПСС и ВЛКСМ до Академии наук СССР и Общества фи-

лателистов¹²⁵. Конкуренции со стороны независимых общественно-политических объединений власть пока могла не опасаться. Несмотря на волну общественной активности – как писал один из участников предвыборной кампании, «практически во всей стране возникали инициативные группы, советы, общественные комитеты по выборам»¹²⁶, – новые образования находились на самой ранней стадии развития и ставили целью не провести собственного кандидата, а «разбудить, растормошить рядового избирателя, объяснить ему значение выборов, рассказать о его законных правах и возможностях, познакомиться с кандидатами в депутаты», «обеспечить демократический контроль за подготовкой и проведением выборов, не допустить их организации аппаратно-бюрократическим образом»¹²⁷. Исключения были единичны. Так, например, Московский народный фронт выставил в столице пять кандидатов¹²⁸, один из которых – С.Станкевич – не только добился избрания, но и сделал в дальнейшем серьёзную политическую карьеру, завершившуюся, правда, не очень благополучно. Кроме того, Карельский народный фронт провёл в депутаты С.Белозерцева, Ярославский – И.Шамшева, Добровольное общество содействия перестройке (Апатиты) – А.Оболенского¹²⁹.

Подавляющее же большинство организаций, которым было решено делегировать своих представителей непосредственно в депутаты, достаточно надёжно контролировались партийным аппаратом, и выборы (в соответствии с законом они проводились на собраниях, конференциях или пленумах¹³⁰) носили вполне предсказуемый характер. Лишь в Академии наук СССР неформальным общественно-политическим группам после упорной борьбы удалось делегировать на Съезд народных депутатов академика А.Сахарова и ряд других «прогрессивных» кандидатов¹³¹.

В одномандатных территориальных и национально-территориальных округах, где впервые баллотировался не один, а несколько соискателей, лишь в редких случаях за немногочисленными кандидатами стояла какая-нибудь неформальная группа или клуб избирателей – и, как правило, только в крупных городах. Причём возможности неформалов были весьма ограничены. По свидетельству В.Исакова (в будущем – председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР), в Свердловске попытки «Движения за демократические выборы» самостоятельно, без санкции партийных органов, провести собрания по месту жительства почти всегда заканчивались неудачей из-за невозможности собрать требуемые 500 человек¹³², в том числе из-за противодействия официальных властей, специально на-

значавших эти мероприятия «на одно время (чтобы труднее было проконтролировать), в небольших залах и с минимальным количеством делегатов»¹³³. Не лучше обстояло дело и с выдвижением кандидатов через трудовые коллективы: «Причин [было] немало: апатия, безынициативность, сложная ситуация в самом коллективе... Но чаще всего – элементарное незнание своих прав и неумение ими пользоваться»¹³⁴.

Невелики были и возможности для предвыборной агитации. Независимые кандидаты представляли исключительно себя и не могли апеллировать к какой-либо политической силе, кроме КПСС. Даже газета «Московские новости», публиковавшая предвыборные платформы близких ей по мировоззрению кандидатов – Г.Попова¹³⁵, Ю.Черниченко¹³⁶ и др., в ходе подготовки ко второму туру голосования (26 марта 1989 г.), не нашла для своих протеже более конкретных похвал, нежели «достойные граждане и честные политические деятели»¹³⁷. В то же время органы КПСС, пользуясь статусом организатора кампании, «не столько блюли “принцип равных возможностей”, сколько, пользуясь монопольным доступом к органам печати, нарушали его, ставя кандидатов в неравные условия»¹³⁸. Как отмечал В.Исаков, «был использован весь арсенал аппаратных уловок, чтобы “обуздать” предвыборную кампанию, направить её в подготовленное русло. В некоторых случаях это удалось, но далеко не всегда и не везде»¹³⁹.

В качестве примера «недоработки» партаппарата можно привести кампанию С.Станкевича – по его словам, ему и его сторонникам «было легко вести эту избирательную кампанию, так как она накладывалась на ожидание перемен»: «В эту работу сразу включилось значительное число людей. В нашей команде работали более трёхсот человек волонтеров, которые помогали нам кто на регулярной основе, а кто от случая к случаю. Они сами нас находили, сами предлагали свою помощь. Люди с машинами часто предлагали помощь в перевозке листовок или ещё чего-то. Многие предлагали свои руки: ходили и расклеивали листовки. У них были свои маршруты, свои зоны. Наша квартира на Литовском бульваре быстро превратилась в склад, где постоянно находились груды листовок. Одни люди приходили за ними, другие привозили новые. Причём все люди работали бесплатно»¹⁴⁰.

Тем не менее на этих выборах руководство КПСС сравнительно легко добилось своего: был избран парламент, вполне удовлетворявший целям, которые оно перед собой ставило; Н.Бирюков и В.Серге-

ев описали их следующим образом: «С одной стороны, правящая партийная верхушка получала возможность создать и при необходимости опереться на авторитетный, всенародно избранный (а не подобранный и назначенный, как прежде) законодательный орган. С другой стороны, этот орган не должен был стать действительно – или, во всяком случае, чересчур – самостоятельным. Нужен был орган всенародного, но, по-видимому, искреннего одобрения. Формируемый на основе двухступенчатых выборов Верховный Совет и возвышающийся над ним гигантский по численности и потому недееспособный Съезд как нельзя лучше отвечали этому замыслу»¹⁴¹.

5.3.2. Расстановка сил на Съезде народных депутатов СССР

В силу привычки рассматривать представительные органы не как парламент, а как учреждение, не более чем легитимизирующее принятие «наверху» решения¹⁴², власть не одобряла политического размежевания в депутатском корпусе. Недаром представителям «радикального» демократического крыла поначалу приходилось отбиваться от обвинений во фракционности, причём эти обвинения казались такими грозными, что «напугали даже тех деятелей оппозиции, которые в принципе ничего против фракций не имели и теоретически считали существование фракций в парламенте само собой разумеющимся»¹⁴³. Так, Ю.Афанасьев настаивал на вполне «партийном» и «парламентском» происхождении понятий «фракция» и «оппозиция»¹⁴⁴, в то время как А.Собчак отметал попытки охарактеризовать с их помощью деятельность Межрегиональной депутатской группы¹⁴⁵.

Несмотря на то что ст. 39 регламента Съезда народных депутатов СССР допускала создание постоянных и временных депутатских групп на самой разной основе¹⁴⁶, приоритет отдавался территориальному принципу. Когда на IV Съезде наконец был постановлен вопрос о ротации Верховного Совета по фракционному признаку, руководство ВС резонно ответило, что сначала надо внести изменения в Конституцию и регламент СНД¹⁴⁷. Действительно, ст. 52 регламента предполагала выдвижение кандидатур в ВС только собраниями депутатов от регионов¹⁴⁸.

Однако предотвратить реальное политическое размежевание депутатов было невозможно. Впрочем, коснулось оно лишь незначительной части парламентариев – как правило, либо «независимых», т.е. избранных в одномандатных округах, либо выдвиженцев от «прогрессивных» общественных организаций. При этом, как отмечал В.Шейнис, «постепенно выкристаллизовавшаяся политическая структура Съезда была аморфной и текучей»: «Связи между депута-

тами на основе политической ориентации легко возникали и распались. Депутаты, большинство которых шло на выборы с демагогическими и популистскими программами, слабо связанными с реальными возможностями общества, не ощущали ответственности ни перед избирателями, ни тем более – перед объединениями на самом Съезде, в которые они заходили и выходили»¹⁴⁹. Но само наличие размежевания свидетельствовало о том, что начало конца однопартийного режима уже положено.

Показательно, что первая депутатская группа Съезда, созданная по политическому признаку, назвала себя *Межрегиональной*, подчеркнув тем самым свой нетерриториальный характер. В разное время МДГ насчитывала от 200 до 388 депутатов¹⁵⁰, хотя правильнее было бы сказать – от 388 до 200, так как больше всего депутатов состояло в МДГ на момент первой конференции (29–30 июля 1989 г.)¹⁵¹. На II Съезде народных депутатов (12–24 декабря 1989 г.) программное заявление МДГ подписали всего 140 депутатов¹⁵², причём двое из них вскоре дезавуировали свои подписи, а несколько человек, как выяснилось позже, подписали документ дважды, а то и трижды¹⁵³. На IV Съезде (17–27 декабря 1990 г.), где нетерриториальные депутатские группы впервые были зарегистрированы непосредственно в ходе пленарного заседания, в МДГ входило 229 человек¹⁵⁴. В.Шейнис оценивал число «твёрдых» членов группы в 200–250 человек¹⁵⁵.

Среди лидеров МДГ (сопредседателей Координационного совета) были известный диссидент академик А.Сахаров, будущий российский президент Б.Ельцин, один из будущих лидеров «ДемРоссии» Ю.Афанасьев, будущий мэр Москвы Г.Попов, а в руководство вошли будущие партийные лидеры: Н.Травкин (ДПР), Ю.Черниченко (Крестьянская партия России), А.Оболенский (СДПР), Т.Гдлян (Народная партия России). По мере разворачивания процесса демократизации политическая ориентация МДГ всё более радикализировалась, и в конце 1989 г. по призыву А.Сахарова¹⁵⁶ большинство её членов объявили себя оппозицией, обнародовав вышеупомянутое программное заявление¹⁵⁷.

Межрегиональная депутатская группа явилась «кузницей кадров» и центром разработки программных документов для формирующегося демократического движения – именно её члены подготовили многие законодательные инициативы, коренным образом менявшие характер существующего режима. Сами участники МДГ в качестве таких инициатив называли прежде всего изменение (отмену) шестой статьи Конституции СССР (о руководящей и направляющей

роли КПСС), законопроекты, касающиеся демократизации избирательной системы, земельной реформы, перехода к рынку, легитимации многопартийности и т.п.¹⁵⁸ Значительная часть этих положений была реализована Съездом – несмотря на то что большая часть депутатского корпуса отнюдь не принадлежала к сторонникам МДГ.

Ввиду относительно небольшой численности, которая к тому же со временем только уменьшалась, МДГ не могла серьёзно угрожать доминирующему положению КПСС, которая держала все рычаги управления парламентом. Следует отметить, что это положение обеспечивалось не политическими, а почти исключительно административными методами. Власть легко манипулировала «агрессивно-поплушным», по выражению Ю.Афанасьева¹⁵⁹, парламентским большинством, однако на IV Съезде (17–27 декабря 1990 г.), когда право депутатов на политическое самоопределение уже не подвергалось сомнению, в *группу депутатов-коммунистов* вступило менее трети парламентского корпуса – 730 человек¹⁶⁰. И это при том, что подавляющее большинство нардепов всё ещё оставалось членами КПСС. Группе были свойственны невыразительность политического лица и оборонительный стиль поведения – она не столько отстаивала линию партийного руководства, сколько механически следовала его решениям.

Роль главных оппонентов МДГ играли не коммунисты, а образованная в феврале 1990 г. *депутатская группа «Союз»*. На III Съезде (12–15 марта 1990 г.) в неё записалось более 300 депутатов¹⁶¹, а на IV-м (17–27 декабря 1990 г.) – 561¹⁶², благодаря чему она стала второй по численности после группы коммунистов. Главной целью и чаянием «Союза» являлось сохранение СССР в качестве федеративного государства и недопущение отделения союзных республик¹⁶³; оппоненты группы определяли её идеологию как имперскую¹⁶⁴. Лидеры «Союза» утверждали, что в группу вошли депутаты «самых разных политических и экономических ориентаций», объединённые стремлением «отстаивать Союз Советских Социалистических Республик как единое, суверенное государство, великую многонациональную культурно-историческую коалицию наций и народностей»¹⁶⁵. При этом представители группы подчёркивали, что «почти полностью согласны с Межрегиональной группой по вопросам перехода к рыночной экономике»¹⁶⁶, отмечали центристский характер своих политических взглядов и не уставали напоминать, что в основу платформы «Союза», «по сути, положена Всеобщая декларация прав человека»¹⁶⁷.

Однако плюрализм в группе не выходил за достаточно чётко очерченные рамки: «[Мы] ...за перестройку, против возврата к старому, к сталинско-брежневским порядкам. Но мы и против того, чтобы под видом перестройки осуществлять, по сути, контрперестроечный процесс, ведя дело к развалу страны, к её превращению в ряд слабых удельных княжеств с полуфашистскими диктаторскими режимами»¹⁶⁸. На учредительном съезде Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней «Союз» (2 декабря 1990 г.) политические взгляды данного объединения определились ещё более недвусмысленно: его участники выступили за сохранение прежнего названия страны – «Союз Советских *Социалистических* Республик»¹⁶⁹ (в то время как руководство Съезда уже согласилось заменить его на «Союз *Суверенных* Советских Республик»). А в преддверии референдума 17 марта 1991 г. Всесоюзное объединение «Союз» вошло в состав «рабочего совещания» общественно-политических организаций, требовавших «сохранения СССР как федерации» и «подтверждения социалистического выбора многонационального советского народа», – наряду с Компартией РСФСР, Объединённым фронтом трудящихся, Марксистской платформой в КПСС, Движением коммунистической инициативы, Всесоюзным обществом «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» и др.¹⁷⁰

К IV Съезду (17–27 декабря 1990 г.) руководство парламента окончательно смирилось с неизбежностью фракционного размежевания, и новые депутатские группы посыпались как из рога изобилия. Большинство из них, правда, создавалось по профессиональному, половозрастному, корпоративному либо «проблемному» признаку. На IV Съезде были зарегистрированы, в частности, следующие группы: экологическая (220 депутатов), молодых народных депутатов (125), воинов-интернационалистов (52), содействия научно-техническому прогрессу (90), рабочих (более 400), аграрников (431), женщин («Жизнь»; 216)¹⁷¹, по вопросам культуры (112), научно-промышленная (87), академическая (87)¹⁷², медиков («За охрану здоровья народа»; 82), лекторов («Знание»; 56), сразу две группы военнослужащих – «Отечество» (124) и «За радикальную военную реформу» (50)¹⁷³.

Были вместе с тем и группы, сплотившиеся вокруг политических целей, – например, «За конструктивное сотрудничество» (153 депутата) и «За гражданское общество» (38)¹⁷⁴. По своим программным установкам они мало отличались от «Союза» или коммунистов. Так, группа «За конструктивное сотрудничество» выступала за прекра-

щение «войны законов» между центром и союзными республиками, за «пресечение нарушений прав человека на всех уровнях» (имелось в виду прежде всего преследование в Прибалтике противников отделения этих республик от СССР), за «осторожность» при приватизации промышленных объектов и привлечении иностранных инвесторов, за защиту отечественных производителей от иностранных конкурентов и пр.¹⁷⁵ Группа «За гражданское общество» называла своей целью противодействие «национальному обособлению» и «национальному эгоизму», а также настаивала на том, чтобы в новом Союзном договоре было отведено достойное место «общности советских людей» в лице «многонационального суверенного Союза СССР» (во главу угла группа ставила «идею гражданского общества с равными правами для всех, вне зависимости от национальности, расы, территории, где живёт человек»)¹⁷⁶.

Таким образом, уже по союзному парламенту было видно, что политическое противостояние в описываемый период определялось конфликтами по линиям «консерватизм–либерализм» и «унитаризм–сепаратизм» («центр–периферия»), наложение которых друг на друга приводило к их взаимному усилению. Причём первый конфликт доминировал лишь поначалу, впоследствии он уступил ведущую роль второму. В заведомо выигрышном положении находились сторонники консерватизма и унитаризма, тогда как их оппоненты, внося на первых порах весомый вклад в изменение политической системы, в дальнейшем только теряли очки.

В этих условиях КПСС не составляло труда удерживать за собой пальму политического первенства. В общем и целом план её руководства по трансформации однопартийной системы в доминантную можно было бы считать осуществившимся, если бы не одно «но»: Съезд народных депутатов СССР уже не был единственным полем политических баталий.

5.3.3. *Выборы Съезда народных депутатов РСФСР*

В марте 1990 г. прошли выборы в парламенты союзных республик, и эти избирательные кампании носили гораздо более свободный характер, чем выборы СНД СССР. Во-первых, они проводились исключительно по мажоритарной системе в два тура. Во-вторых, если в начале 1989 г. общество «созрело» лишь до создания разрозненных неформальных групп, то к началу 1990-го эмансипация достигла уровня, который позволил формировать избирательные объединения общенационального масштаба.

В ходе выборов народных депутатов РСФСР (первый тур – 4 марта, второй – 16 марта) ряд местных и межрегиональных организаций учредил предвыборный **блок «Демократическая Россия»** – типично интеллигентское образование и по социальному составу, и по способу организации (сеть клубов единомышленников) и по идеологии (широкая социальная демократия с акцентом на демократической составляющей; в литературе эта идеология именуется также «основной демократической»¹⁷⁷).

Главными требованиями демократов были провозглашение суверенитета Российской Федерации, разработка и принятие демократической Конституции РСФСР, отказ от двухступенчатой системы «Съезд – Верховный Совет», отмена шестой статьи Конституции СССР, гарантии прав на создание партий и общественных организаций, принятие демократического закона о печати, введение контроля над деятельностью КГБ со стороны выборных органов власти и ограничение его функций защитой международной безопасности, «безотлагательное создание эффективного рыночного сектора», «законодательное закрепление права граждан на гарантированный минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен», передача земли в бессрочную аренду и частную собственность тем, кто занят или намерен заняться сельскохозяйственным трудом, возвращение храмов верующим и пр.¹⁷⁸

В ходе предвыборной кампании демократы продемонстрировали недюжинные способности к самоорганизации. Даже их противники признавали, что они «проделали поистине колоссальную работу»: «Создали всесоюзную организацию избирателей, подготовили мощную информационную структуру. ...Москва буквально была заполнена разного рода листовками, воззваниями, призывами. То же самое было и в Ленинграде»¹⁷⁹. Правда, не желая признавать победу демократов заслуженной, их оппоненты объясняли её поддержкой «деструктивных сил» – «воротил теневой экономики, мафиозных кругов»¹⁸⁰. Но это были обычные разговоры в пользу бедных.

Победу демократам обеспечила не столько чья-то финансовая поддержка, сколько искренний энтузиазм интеллигентской общественности. Как писал В.Шейнис, принимавший в этой кампании непосредственное участие, добровольные помощники кандидатов-«демороссов», «энергичные, настойчивые, бог весть когда и как успешные освоить приёмы публичной политики, во многих округах переигрывали громоздкий, но неэффективный партийно-государственный аппарат»¹⁸¹. При этом, по его словам, он лично вместе со своими

помощниками обходил по вечерам подъезды домов, «стремясь достучаться до каждого избирателя», а «авторы и редакторы предвыборных материалов сами их расклеивали и раздавали, простаивая часами на морозе около выходов из метро»¹⁸².

Отсутствие связей между «воротилами теневой экономики» и демократами подтверждает и А.Шубин, мало сочувствовавший последним и не без оснований обвинявший их в популизме: «[Деньги] собирали прямо на мероприятиях неформалов (конференциях, лекциях, митингах, собраниях). В ходе избирательных кампаний разовые выплаты производились из фондов государственных предприятий, поддерживавших демократических кандидатов. Иногда приплачивали кооперативы, но нерегулярно и опасно. До 1990 года занятие бизнесом и политикой совмещалось нелегко – “демократы” не могли предоставить надёжную “крышу” своим предпринимателям. Помощь кооператоров в этот период была скорее организационной, чем денежной»¹⁸³.

Встречались и вовсе абсурдные претензии. В частности, демократам вменялось в вину то, что за их кандидатов агитировали представители Межрегиональной депутатской группы. «МДГ всеми силами проталкивала нужных ей людей, вплоть до использования авторитета своих лидеров», – жаловался В.Скрипко¹⁸⁴. Но в чём же ещё заключается предвыборная борьба, как не в «проталкивании» своих кандидатов?

Основным оппонентом демократов на российских выборах была, естественно, КПСС, образовавшая под своим патронажем **Блок коммунистов и беспартийных**. Правящая бюрократия фактически опиралась на административные структуры и для ведения пропаганды использовала официальные средства массовой информации. Весьма показательным, что предвыборная платформа блока была оформлена в виде совместного обращения Российского бюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета министров РСФСР, а изложение в документе велось от лица Российской Федерации в целом.

Власть представляла себя сторонницей «эквивалентного межреспубликанского обмена», перехода союзных республик «на самофинансирование и самоуправление»; полновластного распоряжения РСФСР своим экономическим потенциалом и сырьевыми ресурсами; «реальной самостоятельности автономных образований, повышения их возможностей»; «согласия, гражданского мира в стране»; «всемерного укрепления порядка и законности»; «ускорения жи-

лищного строительства и улучшения качества жилья»; расширения сети больниц, школьных, оздоровительных и культурно-просветительных учреждений; конструктивного общественного диалога и т.п.¹⁸⁵ – в общем, всего разумного, доброго, вечного. Исключением стали разве что вопросы экономической реформы, где позиция руководства КПСС проявилась во всей своей двойственности: «Выступая за развитие трудовой и кооперативной деятельности, мы призываем местные Советы усилить борьбу с теневой экономикой, спекуляцией, с теми, кто паразитирует на трудностях, с явлениями, которые усиливают напряжённость, ведут к падению нравов. Мы – за хозрасчёт... Но он не должен быть фактором местнической замкнутости, препятствием для взаимовыгодных процессов»¹⁸⁶.

Красной нитью через агитационные материалы коммунистов проходила мысль о необходимости преемственности в реформировании страны, читай: власть должна остаться в прежних руках. Идеология КПСС, таким образом, неизбежно приобретала консервативно-охранительную окраску. И хотя к этому времени эффективность старых методов партаппарата заметно снизилась (а новых он толком и не освоил)¹⁸⁷, кое-какой запас прочности у него ещё был.

Наконец, на роль «третьей силы» притязало «державно-патриотическое» течение, выступившее под флагом **Блока общественно-патриотических организаций «За политику народного согласия и российского возрождения»**. Костяком блока служила ассоциация «Объединённый совет России», включавшая в основном малоизвестные организации – Всероссийский фонд культуры, Общественный комитет спасения Волги, Товарищество русских художников, Российское отделение Международного фонда славянской письменности и славянской культуры, Союз духовного возрождения Отечества¹⁸⁸. К ОСР примкнули также Ассоциация любителей русской словесности и искусства, Фонд восстановления Храма Христа Спасителя, клуб народных депутатов СССР и избирателей «Россия», Объединённый фронт трудящихся (последний, по словам организаторов, привнёс в платформу блока «идеи социальной справедливости, борьбы с коррумпированной номенклатурой и мафией»¹⁸⁹) и др.

Социальную базу «патриотического» блока, как и в случае с демократами, составила интеллигенция, но несколько иначе настроенная. В отличие от демократического «мэйнстрима» она была воодушевлена идеями «национального возрождения России – экономического, политического, духовного»¹⁹⁰. Предвыборная программа объединения носила, по сути, национал-коммунистический характер и содер-

жала требования создать в РСФСР собственную систему административно-хозяйственного управления, «воссоздать» в составе КПСС Российскую компартию; создать «полноценную Российскую академию наук» и Гостелерадио РСФСР; перенести из Москвы административный центр СССР; прекратить передавать в союзный бюджет средства на «дотации и ...искусственное повышение уровня жизни в других союзных республиках»; взимать плату за пребывание союзных организаций и ведомств на территории РСФСР; бороться с «дискриминацией выходцев из Советской России в союзных республиках»; принять закон о нравственности, «защищающий от засорения духовной среды и уголовно наказывающий проповедь культа бесстыдства и произвола»; перейти к принципу пропорционального представительства наций и народностей в законодательных и исполнительных органах власти¹⁹¹. В экономической сфере блок выступал за безотлагательную денежную реформу для изъятия материальных ценностей из теневой экономики, введение прогрессивного налога на наследство, решение проблемы собственности только через всенародный референдум, против продажи земли и эксплуатации наёмного труда в сельском хозяйстве, создания «совместных предприятий неокOLONиального типа» и т.п.¹⁹²

Позиционируя себя в качестве центра между демократами и КПСС, «патриоты» оппонировали обоим главным участникам избирательной кампании как традиционалисты прогрессистам. Поскольку же прогрессистский аспект более чётко был выражен в идеологии «ДемРоссии», то и основными противниками «патриотов» стали именно демократы. Лидеры блока прямо объявили себя «альтернативой так называемым левым радикалам, левым демократам», которых называли «самыми настоящими правыми, по существу – внутренней реакцией буржуазного толка»¹⁹³.

Избиратели, однако, не приняли предлагаемой им альтернативы «традиционализм–прогрессизм». В глазах электората «патриоты» выглядели добровольными помощниками партноменклатуры, тем более что они и не скрывали своей приверженности «укреплению общественной собственности на средства производства, укреплению социализма» и выступали «против бездумного разрушения сложившихся народнохозяйственных управленческих структур»¹⁹⁴. Да и участие в блоке Объединённого фронта трудящихся говорило само за себя. В итоге в сложившемся противостоянии «патриоты» оказались «третьим лишним» – они не смогли провести в российский парламент ни одного кандидата.

5.3.4. Фракционная борьба на Съезде народных депутатов РСФСР

Если при формировании союзного парламента КПСС без особого труда обеспечила себе статус доминирующей партии, то результаты выборов Съезда народных депутатов РСФСР были для неё куда менее благоприятными. Расстановка сил в российском парламенте свидетельствовала о том, что разложение однопартийной системы зашло очень далеко.

Во-первых, в отличие от союзного парламента, на российском Съезде практически сразу стали создаваться нетерриториальные депутатские группы. Большею частью они тоже носили профессиональный, корпоративный, половозрастной либо «проблемный» характер: «Продовольствие и здоровье» (с V Съезда – «Аграрный союз», на I Съезде 183 депутата, на V-м – 113¹⁹⁵), по вопросам воспитания, образования, науки и культуры (71), медицинских работников (97), Федерации независимых профсоюзов РСФСР (89), вооружённых сил, КГБ, офицеров запаса (55), «Чернобыль» (69), автономных республик (83 депутата; с V Съезда – «Суверенитет и равенство», 51 депутат¹⁹⁶), журналистов («Гласность»; 51), правовых работников (65), работников транспорта, связи и информатики (51), по проблемам беженцев и защите прав российских соотечественников (51), специалистов по экономике и управлению (61) и даже «За возвращение гражданства Солженицыну» (53)¹⁹⁷. Однако не было недостатка и в собственно политических фракциях. Причём соотношение сил оказалось отнюдь не в пользу коммунистов.

Формально почти 90% народных депутатов РСФСР – 917 человек (из 1050) – были членами КПСС¹⁹⁸, но во фракцию «Коммунисты России» на I Съезде (16 мая – 22 июня 1990 г.) вошло только 355¹⁹⁹. И если в союзном парламенте отсутствие у группы коммунистов большинства ни в коем случае не означало утраты контроля за рычагами управления, то на Съезде народных депутатов РФ дела обстояли иначе. Здесь было необходимо именно большинство – без него не могло быть и речи о реальном доминировании.

Впрочем, точно так же не могли претендовать на доминирующую роль и оппоненты КПСС – демократы. Во-первых, блок «Демократическая Россия» провёл в парламент всего около 300 своих представителей. Во-вторых, избранные при поддержке «ДемРоссии» депутаты, вместо того чтобы собраться вместе, сразу же разбились на несколько фракций: собственно «Демократическая Россия» (66 депутатов), «Беспартийные депутаты» (61 депутат; на V Съезде – 53²⁰⁰), «Рабочекрестянский союз» (72 депутата; со II Съезда – «Рабочий союз Рос-

сии»), «Смена» (51)²⁰¹, Демократическая платформа в КПСС (61 депутат²⁰², со II Съезда – Объединённая фракция социал-демократов и республиканцев), «Демократическая автономия» (26), созданная в пику блокировавшейся с коммунистами группе депутатов от автономных республик²⁰³, «Радикальные демократы» (55)²⁰⁴ и др. Причём многие из депутатов входили сразу в несколько фракций, благо временный регламент СНД РСФСР это позволял – его 6 статья фактически копировала ст. 39 регламента СНД и Верховного Совета СССР²⁰⁵.

Кроме того, парламентские демократы не спешили формировать и единую внепарламентскую оргструктуру – напротив, они как будто специально начали дробить свои силы, принимая активное участие в создании разнообразных партий. Общая численность фракций, чётко обозначивших свою принадлежность к демократическому флангу, не превышала 200 человек, из них осенью 1991 г. лишь около четверти являлись членами тех или иных партий: 13 человек – Народной партии «Свободная Россия» (бывш. ДПКР), 12 – РХДД, 8 – РПРФ, по 6 – ДПР и СДПР, по 2 – КДП-ПНС, Крестьянской партии России, НПР и СвДПР²⁰⁶. Весной этого же года таковых было ещё меньше: по сведениям оппонентов демократов, на тот момент 7 депутатов состояло в РПРФ, по 3 – в СДПР, СвДПР и РХДД, по 2 – в ДПР и КДП-ПНС²⁰⁷. Кроме того, около 50 «постоянных», т.е. не принадлежавших ни к каким другим объединениям, членов фракции «Демократическая Россия» (в их число входили и многие представители указанных партий), ассоциировало себя с одноимённым движением.

Стоит также отметить, что депутатские группы российского парламента представляли собой «не столько фракции в общепризнанном значении данного понятия, сколько своеобразные “политические клубы”, объединявшие людей, более или менее симпатизировавших друг другу, но отнюдь не обязательно готовых к совместным действиям»²⁰⁸. Ко всему прочему фракционная структура Съезда народных депутатов России была весьма неустойчивой и находилась в «текучем» состоянии, что само по себе служило характерным признаком флуктуационности. В.Шейнис, сравнивая объединения, созданные на СНД РСФСР, с дореволюционными парламентскими фракциями, отмечал, что последние, не будучи неизменными, тем не менее «не знали такой вакханалии созданий и ликвидаций, “тушинских перелётов” депутатов, такого числа их политических трансвестиций»²⁰⁹. По подсчётам Н.Бирюкова и В.Сергеева, на январь 1993 г. из 251 члена

Верховного Совета лишь 89 (около трети) не меняли фракционной принадлежности, тогда как остальные 162 успели побывать членами нескольких фракций или групп: 67 – двух, 48 – трёх, 35 – четырёх, 11 – пяти, а 1 депутат – даже шести фракций²¹⁰.

Ещё на I Съезде лидер ДПР Н.Травкин, раздосадованный несогласованностью действий депутатов от «Демократической России», обещал немедленно приступить к созданию партийной фракции²¹¹, однако, как показал дальнейший ход событий, из его затеи ничего путного не вышло. Исключением можно считать разве что образованную на II Съезде (27 ноября – 15 декабря 1990 г.) Объединённую парламентскую фракцию социал-демократов и республиканцев, да и та набрала необходимые 50 человек за счёт депутатов, не являвшихся членами ни СДПР, ни РПРФ. После введения правила «один депутат – одна фракция»²¹² ей не удалось удержать в своих рядах нужное для перерегистрации число участников.

Так что на утверждения, что после августа 1991 г. идеологические и организационные предпосылки партийной системы «подверглись эрозии»²¹³, можно возразить: а так ли уж значительны были эти предпосылки? Было ли по большому счёту чему эродировать?

Так или иначе, решающую роль в том, на чьей стороне окажется перевес – демократов или КПСС («радикалов» или «консерваторов»), – должны были сыграть депутаты, не принадлежащие ни к одному лагерю. А расстановка сил на Съезде народных депутатов РСФСР была следующей. К «Коммунистам России» примыкали группы «Организаторы народного хозяйства» (образована на II Съезде; с III Съезда – «Промышленный союз»²¹⁴, при создании насчитывала 52 депутата, на V Съезде – 58²¹⁵), «Продовольствие и здоровье» (с V Съезда – «Аграрный союз»), «Россия» (создана на II Съезде; на момент регистрации имела 87 депутатов²¹⁶, на V Съезде – 74²¹⁷), «Отчизна» (образована на IV Съезде; 140 депутатов²¹⁸, на V Съезде – 70²¹⁹). В блок «Демократическая Россия» кроме одноимённой фракции в разное время входили Объединённая фракция социал-демократов и республиканцев, депутатские группы «Радикальные демократы», «Беспартийные депутаты»²²⁰, «Российский союз» (создан на II Съезде по инициативе лидеров РХДД и КДП-ПНС В.Аксючица и М.Астафьева²²¹, движимых, по словам В.Прибыловского, «честолюбивым желанием ...иметь собственную депутатскую группу»²²²; насчитывал 52 депутата²²³) и «Левый центр» (образован на II Съезде²²⁴; 57 депутатов²²⁵, на V Съезде – 64²²⁶). В качестве центра

пытались выступать фракции «Рабочий союз», «Смена – Новая политика», временами – «Левый центр».

Главными игроками были, конечно же, «Демократическая Россия» и «Коммунисты России». Как заметил один из активных участников межфракционной борьбы, эти две группы «обросли сателлитами», формировавшимися, как правило, из их же собственных членов²²⁷. На самом деле всё было немного сложнее. В.Шейнис в том же 1990 г. писал: «Каждый из этих двух блоков часто видится оппонентам, а подчас и характеризуется в печати как мощная и хорошо организованная сила, выступающая по тщательно отрежиссированному плану и голосующая по команде. Наблюдая “демократическую” ситуацию изнутри и “коммунистическую” вблизи, я убеждён, что это не так. Обе они – в лучшем случае прообразы даже не партий, а политических коалиций, с размытыми программными установками и плывущим, меняющимся от голосования к голосованию составом»²²⁸.

При этом, как уже говорилось, ни один из двух основных лагерей не был достаточно силён, чтобы безоговорочно доминировать на Съезде. Соотношение сил между ними составляло 50 на 50, а точнее, по выражению одного из депутатов, «примерно 40 на 40»²²⁹. По подсчётам социологов Д.Юрьева и А.Собянина, опубликованным накануне III Съезда (28 марта – 5 апреля 1991 г.), 43,1% депутатов более чем в 70% случаев голосовали за частную собственность, демократизацию и верховенство законов России над законами СССР, против монополии КПСС на власть и «социал-коммунистического» выбора; 40,2% – с противоположных позиций; 16,7% голосовали непоследовательно – «то с позиций демократов, то с позиций коммунистов»²³⁰. В.Шейнис практически в то же самое время оценил распределение сил таким образом: «475 депутатов склоняются к консервативным решениям, 463 – к радикально-демократическому подходу и 124 колеблются»²³¹. Наконец, по оценке ещё одного представителя «Дем-России», В.Брагина, в важнейших голосованиях демократы собирали около 505 голосов, их противники – 495²³². «Вот откуда возникало на предыдущих съездах то острейшее противостояние, когда невозможно было предвидеть, куда качнётся чаша политических весов»²³³, – резюмировал он.

В значительной мере на исход столкновения повлияло ещё и то, что на конфликт между консерваторами и либералами, как и в союзном парламенте, наложился конфликт «центр–периферия», но на этот раз ситуация складывалась не к пользе консерваторов и унитаристов. В разрушение политической системы данный конфликт внёс

не меньший, если не больший вклад, чем конфликт по линии «консерватизм–либерализм». В некоторых союзных республиках – Эстонии, Литве, Латвии, Молдавии, Грузии – его голос был решающим: политические силы, получившие большинство в местных парламентах, добивались в первую очередь государственной независимости и лишь во вторую – проведения рыночных реформ. В России этот конфликт не проник глубоко в общество, затронув только элиту. Однако вкупе с размежеванием по линии «консерватизм–либерализм» он явился одним из определяющих факторов для перегруппировки сил.

Противостояние между центром и регионами давало о себе знать не только на союзном, но и на российском уровне. Так, на Съезде народных депутатов РСФСР была образована депутатская группа представителей автономий, которая вела собственную игру и поначалу в тактических целях блокировалась с коммунистами²³⁴ (что и стало поводом для создания – в противовес «автономистам»-консерваторам – группы «Демократическая автономия», просуществовавшей лишь до конца работы I Съезда), а впоследствии предпочитала придерживаться центристской позиции.

Гораздо более важное значение имело противостояние между руководством СССР и РСФСР. Здесь главную роль сыграло то, что немалая часть представленной в российском парламенте бюрократии проявила отзывчивость к исходящим от демократов призывам наполнить действительным содержанием российскую государственность, существующую лишь на бумаге. По оценке В.Шейниса, это была «поднимающаяся, в значительной мере ещё формирующаяся и постепенно превращающаяся из “класса в себе” в “класс для себя” новая бюрократия, рекрутируемая как из номенклатуры второго и задних рядов, так и из интеллигенции, приведённой во власть потоком перемен»²³⁵. В союзе с нею «выступила собственно демократическая интеллигенция – организаторы митингов и избирательных кампаний, ставшие и не ставшие депутатами, добровольные эксперты и помощники, журналисты, лидеры и кумиры общественного мнения»²³⁶. По подсчётам Д.Юрьева и А.Собянина, в этом союзе 61,1% приходилось на представителей высшего, среднего и нижнего звена управления (соответственно 2,6%, 25,6% и 32,9% – против 43,8%, 41,5% и 8,8% у коммунистов) и только 31,8% – на интеллигенцию²³⁷.

Однако именно благодаря этому союзу демократы добились ряда успехов, в т.ч. принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР и Декрета о власти, запрещающего вмешательство «полити-

ческих партий, партийно-политических органов и иных общественных организаций» (имелась в виду прежде всего КПСС) в деятельность органов власти, государственных предприятий и учреждений²³⁸, избрания Б.Ельцина председателем Верховного Совета, введения в практику отчётов правительства²³⁹, упразднения органов народного контроля²⁴⁰ и пр.

Сами демократы объясняли свои достижения разными причинами – и «небывалым подъёмом политической активности масс», и влиянием средств массовой информации, и «благоприятными в целом тенденциями развития международных отношений», и «неуклюжестью ...попыток старых структур власти ...дискредитировать демократическое движение», и наличием в своих рядах «большого числа активных личностей, чем у группы “Коммунисты России”» («Просто поразительно, насколько бледно выглядели секретари обкомов и горкомов КПСС, другие партийные лидеры, причём довольно высокого уровня», – писал лидер группы «Радикальные демократы» С.Юшенков), и большей независимостью «демороссов» на фоне «Коммунистов России» (С.Юшенков: «Если блок “Демократическая Россия” апеллировал к избирателям, то группа “Коммунисты России” – к руководству КПСС, которое оказывалось часто несостоятельным»)²⁴¹. Всё это, конечно, так, но без союза с «прогрессивным» чиновничеством никаких (или, по крайней мере, большей части) успехов не случилось бы.

Кто был в этом союзе на ведущих ролях, видно уже из того, что единым кандидатом на высший пост в парламенте от демократов и «прогрессивной» бюрократии стал не представитель «ДемРоссии», а бывший секретарь Свердловского обкома и Московского горкома КПСС, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и руководитель Госстроя СССР Б.Ельцин. По словам В.Шейниса, «избрание Ельцина демократы праздновали как свою выдающуюся победу. На деле победила коалиция, в которой “Демократическая Россия” была лишь одним из слагаемых»²⁴². При этом В.Шейнис признаёт, что демократы «не сразу и не до конца поняли, что у штурвала встал человек, вовсе не числящий себя лидером межрегионалов или “Демократической России”, намеренный соблюдать дистанцию по отношению к выдвинувшим его силам. ...Демократы переоценили свою роль и влияние на дальнейший ход событий. Ельцин имел – и быстро расширил – политическую и кадровую опору помимо демократов, а они всё поставили на одну карту»²⁴³. Есть, однако, и другое признание В.Шейниса: «Если бы Ельцин не опирался на поддержку и помощь

демократов, то он остался бы опальным секретарём обкома. Если бы демократы не имели в лице Ельцина лидера, народного вождя, то они остались бы интеллигентской тусовкой»²⁴⁴.

Как бы то ни было, но выдвижение на первой план фигуры Б.Ельцина означало смещение лейтмотива политического противостояния в иную плоскость – это была уже не столько борьба между коммунистами и демократами, сколько между российской и союзной бюрократиями. Так что и характер этого противостояния был не столько партийным, сколько межгосударственным, или, точнее, внутригосударственным. Тем не менее вполне определённое партийное содержание сохранялось в нём до конца: российская власть в глазах большинства населения чётко ассоциировалась с демократами, союзная – с коммунистами²⁴⁵.

Переход руководства российским парламентом к противникам КПСС имел эпохальное значение для судеб всей политической системы. В стране фактически появился параллельный центр управления, и развернувшаяся в результате «война суверенитетов» («война законов») придавала системе несомненные черты флуктуационности. КПСС утратила безусловно доминирующее положение, оказавшись перед необходимостью вести не номинальную, а вполне реальную борьбу за сохранение властных рычагов. Причём спор шёл не только о том, кто должен контролировать данные рычаги, но и о том, где они вообще будет находиться – у руководства СССР или союзных республик. Отсутствие ясности в этом вопросе отнюдь не способствовало стабильности, тем более что исход борьбы вовсе не выглядел предопределённым.

Борьба эта велась прежде всего в стенах российского парламента и протекала с переменным успехом. Уже на I Съезде преимущество демократов едва не было сведено на нет тем, что коммунисты и их союзники добились перевеса при формировании Верховного Совета РСФСР – это признавали сами сторонники «ДемРоссии»²⁴⁶. Признавали они и то, что коммунисты переиграли их во фракционной борьбе, противопоставляя разрозненности демократов²⁴⁷ собственную сплочённость и вычёркивая из бюллетеней для голосования представителей ДР²⁴⁸. Правда, демократы трактовали действия коммунистов как несоблюдение договорённости, заключённой ещё до открытого обсуждения кандидатур, – представители КР обещали поддержать согласованных кандидатов, но не выполнили обещаний²⁴⁹. В досаде от этого просчёта из «ДемРоссии» выделилась фракция «Радикальные демократы», потребовавшая распустить Верховный Совет, «ко-

торый оказался консервативнее Съезда», и преобразовать СНД в постоянный парламент²⁵⁰.

Да и многие последующие формальные достижения демократов (вроде принятия ряда рыночных законов и программы «500 дней») мало что значили, поскольку упирались в отсутствие у нового российского руководства реальной власти. Иллюстративны в этом плане слова первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР Р.Хасбулатова: «Мы вроде бы официально являемся властью, но властью в оппозиции, а на самом деле правящими являются Компартия и другие структуры... Мы конституционная власть, но неконституционной реальной властью остаются всё-таки помещения на Старой площади и те дворцы, которые находятся в наших крупных городах (имелись в виду ЦК и обкомы КПСС. – Ю.К.)»²⁵¹.

Нельзя вместе с тем сбрасывать со счетов и провалы в работе самого ВС РСФСР. Так, по справедливому замечанию В.Исакова, реализация тех же «500 дней» требовала серьёзного обновления всей правовой базы: «В короткий срок должны были быть приняты законодательные акты о предприятиях и предпринимательстве, об инвестициях, о товарной бирже, о ценных бумагах, о банкротстве» – однако «график подготовки документов был сорван, некоторые из них не [были] приняты..., другие (как, например, закон о предприятиях и предпринимательской деятельности) получились слабыми, с большим количеством юридических дефектов»²⁵². Среди прочего это свидетельствовало о том, что новое российское руководство, увлечённое борьбой с союзным центром, отнюдь не горит желанием в одиночку претворять в жизнь амбициозную и во многом утопическую программу.

Ко II Съезду (27 ноября – 15 декабря 1990 г.) ситуация осложнилась ещё больше. Структура российского парламента на какое-то время утратила жёсткую двухполярность: противостояние «ДемРоссии» и «Коммунистов России» было разбавлено выходом на авансцену новообразованных депутатских групп – «России» и «Левого центра».

«Россия» представляла собой аналог группы «Союз» на Съезде народных депутатов СССР и расходилась с «демороссами» в одном главном вопросе – быть или не быть Советскому Союзу. Лидер фракции С.Бабурин так сформулировал кредо фракции: «Мы не можем и не должны бороться за сохранение Российской Федерации, пренебрегая будущим Советского Союза. Мы должны ...обеспечивать возрождение всего нашего федеративного государства»²⁵³. Соответству-

ющим было и отношение к союзным республикам, стремящимся обрести государственный суверенитет: «Мы не должны обеспечивать чью бы то ни было независимость за наш счёт. ...Мы не должны продолжать поставлять сырьё по внутрисоюзным бросовым ценам в те республики, которые всячески подчёркивают, что они нам чужие»²⁵⁴. При этом «Россия» дистанцировалась от коммунистов и называла своей задачей объединение «трёх обязательных компонентов: демократии, патриотизма и эффективной экономики»²⁵⁵. Кроме того, вполне в консервативно-традиционалистском духе фракция призвала «помнить о духовно-политическом российском своеобразии» и не бояться «понятия “русская нация”»: «Ведь ...от состояния культуры русской нации будет зависеть самочувствие всех народов Российской Федерации»²⁵⁶.

По словам Н.Бирюкова и В.Сергеева, «в этой довольно разношёрстной группе тон задавали “патриоты” антикоммунистической ориентации, так называемые державники», однако их антикоммунистический запал «слабел по мере того, как “державка”, которую они пытались сохранить, распадалась на их глазах»²⁵⁷. Действительно, консерватизм и фактический унитаризм сближал «Россию» с коммунистами – в большинстве случаев они оказывались по одну сторону политического размежевания. Д.Юрьев и А.Собянин, проанализировав характер голосований членов фракции, пришли к выводу, что «Россия» абсолютно ничем не отличалась от КП²⁵⁸.

«Левый центр», напротив, тяготел к «Демократической России» и во второй половине 1991 г. даже вступил в одноимённый блок. Недаром фракция определяла себя как «либерально-демократический центр»²⁵⁹, хотя исследователи склонны считать её скорее социал-демократической²⁶⁰. При этом «левоцентристам» была свойственна большая умеренность и меньшая конфликтность. Как говорил один из её лидеров, «мы ...стараяемся стремиться к тому, чтобы от конфронтации перейти в русло компромисса»²⁶¹. Поэтому в ходе II Съезда по ряду важных политических вопросов фракция чаще занимала срединную позицию. Так, во время дебатов о допустимости купли-продажи земли (демократы были безусловно за, а коммунисты категорически против), «Левый центр» предложил разрешить продажу земли, но под «чётким, жёстким государственным контролем», т.е. исключительно через советы²⁶². В итоге именно этот вариант был поддержан большинством Съезда²⁶³.

С другой стороны, вместе с коммунистами и «Россией» «Левый центр» высказывался против форсированного введения института

президентства в РСФСР²⁶⁴, что тоже было подтверждением его умеренности и центризма. Впрочем, по оценке Д.Юрьева и А.Собянина, даже с наиболее радикальными демократами «Левый центр» расходился только по проблеме «Россия–Союз», проявляя большую лояльность по отношению к руководству СССР, но и это расхождение не было особенно серьёзным²⁶⁵.

В результате усложнения общей картины демократам на II Съезде не удалось решить в свою пользу практически ни одного вопроса. По замечанию Д.Юрьева и А.Собянина, «шанс был либо у компромиссных вариантов, поддержанных хотя бы частью “Коммунистов России”, либо у предложений коммунистов, иногда получавших те самые несколько необходимых голосов, которых недосчитывались демократы»²⁶⁶. Стало быть, обострение ситуации сыграло бы на руку демократам, а её смягчение, наоборот, коммунистам.

Между тем на III Съезде (28 марта – 5 апреля 1991 г.) ситуация вновь резко поляризовалась: по оценке В.Шейниса, более чем в 70% случаев 45% депутатов голосовали с демократических позиций, столько же – с консервативных, а «болото» сжалось до 10% (с 19% на II Съезде)²⁶⁷. Причём виновниками этой поляризации явились именно коммунисты. С нарастанием конфронтации союзного и российского руководств КПСС сделала ставку на смену председателя ВС РСФСР. В качестве исполнителей этой установки выступили «Коммунисты России», ощущавшие себя, по меткому замечанию Р.Хасбулатова, «представителями другого парламента – союзного ...и даже не самого этого парламента, а союзной правящей верхушки»²⁶⁸. Сначала 272 народных депутата РСФСР, в основном из групп «Коммунисты России», «Организаторы народного хозяйства» и аграриев, выдвинули требование созвать внеочередной Съезд, чтобы председатель Верховного Совета РСФСР Б.Ельцин отчитался на нём о причинах кризисного состояния дел в стране²⁶⁹. Затем к их призыву присоединились шесть из восьми руководителей Верховного Совета РСФСР, обвинивших Ельцина в «авторитарности, конфронтационности, стремлении единолично решать вопросы внутренней и внешней политики, пренебрежении законом и мнением конституционных органов»²⁷⁰. Несколько позже с аналогичным требованием выступила фракция «Россия»²⁷¹.

Тем не менее результаты III Съезда получились совершенно противоположными тем, на которые рассчитывали коммунисты. Например, была создана группа «Коммунисты за демократию», лидер которой – А.Руцкой, – обвинив руководство КР в «деструктивности, кон-

серватизме и негибкости»²⁷², высказал «полное доверие Верховному Совету Российской Федерации и его председателю»²⁷³. Поддержав Б.Ельцина, группа, по сути, блокировалась с «Демократической Россией».

Конечно, эта группа была не слишком мощной. При её создании Руцкой заявил, что в ней состоит 170 депутатов²⁷⁴, затем представитель секретариата сообщил, что в КзД вошло 186 человек²⁷⁵. Однако сотрудники газеты «Советская Россия» разузнали, что «демкоммунистов» насчитывалось всего 80 и только к концу работы Съезда их число выросло до 95-ти²⁷⁶. Последняя цифра выглядит более реалистичной, если учесть, что на V Съезде в группе перерегистрировались 96 депутатов²⁷⁷. При этом, как следовало из приведённого «Советской Россией» списка, 15 членов новой фракции одновременно состояли в «Демократической России», 3 – в «Радикальных демократах», 13 – в «Левом центре», 3 – в «Российском союзе», 4 – в Объединённой фракции социал-демократов и республиканцев и лишь 11 перешли в неё из «Коммунистов России»²⁷⁸. Причём, как утверждал лидер КП РСФСР И.Полозков, 10 человек из этих 11-ти в течение последнего года практически не участвовали в работе фракции КР, а некоторых и вовсе записали в КзД без их ведома²⁷⁹. Так что оценка новой группы как «коммунистического отделения блока “Демократическая Россия”»²⁸⁰ была недалеко от истины²⁸¹.

Однако нужно принять во внимание и то обстоятельство, что к КзД присоединилась какая-то часть парламентского «болота», а также (что весьма важно и что, в частности, было отмечено оппонентами Руцкого из «Советской России») немало представителей руководства Верховного Совета, в т.ч. 22 председателя и заместителя председателя комитетов и подкомитетов ВС РСФСР²⁸². Из этого видно, какие настроения преобладали в верхушке российского парламента и депутатском корпусе в целом. Самое же главное – создание группы оказалось весьма грамотным тактическим ходом. После него в работе Съезда наступил перелом: на сторону «ДемРоссии» перешли «Смена», «Левый центр» и «Рабочий союз России», ранее балансировавшие между двумя полюсами. Они не только поддержали «демороссов» в стремлении ввести в России институт президентства (предотвратить принятие этого решения, неизбежное после референдума 17 марта 1991 г., как раз и пытались коммунисты), но и высказались за предоставление председателю ВС дополнительных полномочий – в качестве «промежуточного шага к введению поста президента»²⁸³. По словам В.Шейниса, именно во время III Съезда влияние Ельцина в парламенте достигло высшей точки²⁸⁴.

Как итог – коммунистам не удалось ни поменять руководство Верховного Совета РСФСР, ни даже отсрочить президентские выборы (они были назначены на 12 июня²⁸⁵). Кроме того, их противники сумели настоять на передаче руководству ВС части полномочий Съезда²⁸⁶. Единственное, чего добились коммунисты, – принятие соответствующих поправок к Конституции было перенесено на следующий Съезд. Но это уже не могло изменить расстановки сил и тем более повлиять на исход президентских выборов.

IV Съезд (21–25 мая 1991 г.) коммунисты просидели в глухой обороне. Даже их союзник С.Бабурин вынужден был констатировать, что «под огнём тотальной критики» представители КП «отказались от всякой самостоятельной линии» и большинство решений «при непрерывных разговорах о каком-то противостоянии» принималось квалифицированным большинством голосов²⁸⁷. А В.Исаков – один из шести руководителей ВС, выступивших в феврале против Б.Ельцина, – с грустью заметил: «Наш Съезд стал пассивно-послушным – в отличие от союзного, который называют агрессивно-послушным»²⁸⁸.

На самом деле, как представляется, коммунисты осознали бесперспективность лобовых атак и поэтому изменили тактику, уступив инициативу своим союзникам и сателлитам, в т.ч. созданной на IV Съезде «Отчизне», платформа которой чуть ли не дословно повторяла платформу «России»: «[Мы за] сохранение целостности страны, республики в составе обновлённого Союза, нравственное и духовное возрождение России, спасение национальной культуры, укрепление традиций любви к Родине»; «Мы против безудержного хаоса под флагом суверенизации, абсолютизации лозунга о национальном самоопределении»; «Бесплодны попытки противопоставить демократию и патриотизм – они тесно взаимосвязаны»; «Мы убеждены в необходимости демократических преобразований, утверждении свободы, цивилизованных форм жизни»; «Мы не приемлем антисемитизм, русофобию, но в то же время нам не по пути с теми группами и движениями, которые враждебны делу национального возрождения России и русского народа в частности»²⁸⁹, и т.п.

Но коммунистам это ничего не дало. Съезд утвердил принятый ранее Верховным Советом закон «О президенте РСФСР»²⁹⁰ и внёс в Конституцию поправки, связанные с введением в РСФСР поста президента²⁹¹.

5.3.5. Президентская кампания 1991 г. и первый этап V СНД РСФСР

Расстановка сил на президентских выборах была предельно ясной. Из шести зарегистрированных пар кандидатов в президенты и вице-президенты главными конкурентами являлись Б.Ельцин и А.Руцкой, с одной стороны, и Н.Рыжков (до января 1991 г. – председатель Совета министров СССР) и Б.Громов (командующий армией в Афганистане в 1987–1989 гг.), с другой. Первая пара представляла коалицию новой российской бюрократии и демократической интеллигенции, вторая – блок союзной бюрократии и партийной номенклатуры.

Остальные четыре пары скорее играли роль массовки. Интеллигентскую часть союзного чиновничества, успевшую поспорить с широкими слоями партаппарата, но не сумевшую найти взаимопонимание с российской бюрократией, представлял бывший министр внутренних дел СССР В.Бакатин (в паре с председателем Совета национальностей ВС РСФСР Р.Абдулатиповым). От маргинально-сталинистского сектора партчиновничества выступал член ЦК Компартии РСФСР, командующий войсками Приволжско-Уральского округа А.Макашов (в паре с идеологом неосталинистского Движения коммунистической инициативы А.Сергеевым). Популистско-люмпенскую струю олицетворял лидер Либерально-демократической партии Советского Союза В.Жириновский (компанию ему составил президент концерна «Галанд» А.Завидия). Наконец, свои личные амбиции удовлетворял председатель Кемеровского облсовета А.Тулеев (в паре с народным депутатом РСФСР В.Бочаровым).

Пять пар претендентов собрали в свою поддержку по 100 тыс. подписей избирателей и были зарегистрированы Центральной избирательной комиссией РСФСР; В.Жириновского и А.Завидию выдвинула ЛДПСС, подписей они не собирали, и для регистрации им требовалось согласие не менее 20% народных депутатов РФ²⁹². Голосование по этому вопросу на IV Съезде было тайным, однако его результаты – 473 «за» при 417 «против» и 36 воздержавшихся²⁹³ – не оставляли сомнений: возможность поучаствовать в президентской кампании В.Жириновскому обеспечили «Коммунисты России» и их союзники. Вообще-то это было очевидно и без голосования. В ходе обсуждения кандидатуры лидера ЛДПСС ехидные вопросы претенденту задавали в основном демократы (Г.Якунин, В.Рюмин, С.Юшенков, С.Шеболдаев, А.Кобзев, Д.Хритonenков и др.²⁹⁴), отношение же коммунистов выразил один из наиболее искренних и даже несколько простоватый их представитель, Ю.Слободкин, – ещё в на-

чале работы Съезда он обратился к коллегам с просьбой: «Как человек, не терпящий каких-либо ограничений, считаю необходимым поставить свою подпись в поддержку его [Жириновского] права участвовать в выборной кампании и призываю вас к этому же»²⁹⁵.

Кроме того, на следующий день, 22 мая, группа «Коммунисты за демократию» выступила с заявлением, в котором обвинила лидера ЛДПСС в том, что он «допустил высказывания, которые могут быть истолкованы как призыв к геноциду армянского и грузинского народов, как оскорбление народов ряда зарубежных стран», и выразила протест против «использования высокой трибуны Съезда для разжигания межнациональной розни»²⁹⁶. К заявлению присоединились «Демократическая Россия», «Левый центр», «Радикальные демократы», «Беспартийные депутаты», «Смена», «Рабочий союз» и Объединённая фракция социал-демократов и республиканцев²⁹⁷. Понятно, что эти объединения вряд ли проголосовали за регистрацию Жириновского кандидатом.

Вне парламента, как и следовало ожидать, Б.Ельцин и А.Руцкой заручились единогласной поддержкой демократических организаций. Первой её высказала ДПР – на своём II съезде (26–28 апреля 1991 г.)²⁹⁸. В конце мая с призывом голосовать за тандем Ельцин–Руцкой выступили «Демократическая Россия», Конституционно-демократическая партия – Партия народной свободы, Крестьянская партия России, Социал-демократическая партия России, парламентская фракция «Коммунисты за демократию» и движение «Гражданское согласие» (создано сторонниками В.Липицкого и А.Руцкого), Республиканская партия РФ, Российское христианское движение²⁹⁹.

За Н.Рыжкова–Б.Громова призвали голосовать ЦК КПРФ³⁰⁰, Марксистская платформа в КПСС³⁰¹, депутатская группа «Союз» на Съезде народных депутатов СССР³⁰², группы «Продовольствие и здоровье» и «Промышленный союз» на СНД РСФСР³⁰³. Что же касается «России», то, по словам С.Бабурина, в то время как «“Коммунисты России” отказались от самостоятельной политической линии, а представители блока “Демократическая Россия” радостно отказываются от ещё недавно декларируемых демократических принципов», депутатская группа не сочла возможным «принимать официальное участие в выборах президента РСФСР»³⁰⁴. «Депутаты “России” будут оказывать поддержку кому-либо из кандидатов в президенты не от имени группы, а в индивидуальном порядке, – заявил С.Бабурин незадолго до выборов. – В принципе симпатии группы разделились между тремя кандидатами – Рыжковым, Бакатиным и Тулеевым»³⁰⁵.

За А.Макашовым–А.Сергеевым, само собой разумеется, стояло Движение коммунистической инициативы, за В.Жириновским – ЛДПСС.

Выборы уложились в один тур. Б.Ельцин и А.Руцкой обошли своих ближайших соперников – Н.Рыжкова и Б.Громова – более чем на 40% (57,3% против 16,85%). Далее шёл неожиданно обогнавший остальных аутсайдеров В.Жириновский (7,81%), а уж за ним А.Тулеев (6,81%), А.Макашов (3,74%) и В.Бакатин (3,42%)³⁰⁶. Таким образом, атака на Б.Ельцина окончилась безусловной победой атакованного.

Первый этап V Съезда (10–17 июля 1991 г.) проходил в условиях, когда, по едкому замечанию В.Исакова, «чиновничество наконец-то поверило, что Ельцин – это их власть»³⁰⁷. Коммунисты вынуждены были продолжить осторожную тактику, к которой они прибегли на IV Съезде. В ходе выборов нового председателя Верховного Совета РСФСР (это место стало вакантным после избрания Б.Ельцина президентом) они поначалу выдвинули В.Степанова, рекламируя такие его достоинства, как умение «слушать и слышать», а также «уравновешивать различные точки зрения»³⁰⁸. Кстати, даже противники коммунистов признавали, что на этот раз последние «нарушили традицию ...выдвигать ...не тех людей, которые могут завоевать симпатии» и выставили «достаточно интересного» кандидата³⁰⁹. Однако В.Степанов ещё до голосования взял самоотвод, сославшись на нежелание быть свидетелем того, как оппоненты используют выдвижение его кандидатуры «для навешивания политических ярлыков»³¹⁰.

Таким образом, коммунисты отошли в сторону, чтобы вместе с аграриями, «Промышленным союзом» и «Отчизной» поддержать лидера «России» С.Бабурина³¹¹, обеспечив ему небольшое преимущество перед главным соперником – Р.Хасбулатовым, кандидатуру которого отстаивали «Демократическая Россия», «Беспартийные депутаты», «Коммунисты за демократию»³¹², «Рабочий союз России»³¹³, а также группа депутатов от «национально-государственных образований»³¹⁴. Попытайся коммунисты протолкнуть собственного кандидата, демократы, скорее всего, скрепя сердце консолидированно поддержали бы Хасбулатова. Но к Бабурину, в котором многие тоже видели креатуру КПСС и противника реформ³¹⁵, демократы, вероятно, не чувствовали той идиосинкразии, какую вызвал бы у них представитель КР. В итоге немалая их часть, в т.ч. фракция «Радикальные демократы» в полном составе³¹⁶, категорически высказалась против кандидатуры Хасбулатова. В его поведении, по их словам, явно ощущалось «неуёмное властолюбие»³¹⁷, внушающее опасение, что «Рус-

лан Имранович неверно воспользуется своими политическими полномочиями»³¹⁸. Лидер же ДПР Н.Травкин и вовсе обвинил первого зампреда ВС РФ в перенятии у КПСС обыкновения «прикармливать» людей³¹⁹. Безо всякой симпатии относилась в тот момент к Хасбулатову и фракция «Смена», вменявшая ему в вину авторитарные методы руководства, «замыкание на себя» большинства решаемых руководством парламента вопросов, «непротивление подавлению инакомыслия» в Верховном Совете, протаскивание через ВС «явно сырых и неподготовленных» решений и пр.³²⁰

Сложилась патовая ситуация. Было проведено шесть голосований, в четырёх участвовали только Хасбулатов и Бабурин, но ни тот ни другой не могли набрать необходимого числа голосов. Причём, как отмечали впоследствии противники демократов, «именно жёсткое противостояние внутри “ДемРоссии” не позволило прийти к искомому результату», т.е. избрать нового председателя ВС³²¹. С этим были согласны и «демороссы». Один из них – сопредседатель Республиканской партии РФ В.Лысенко – уже по окончании Съезда с сожалением констатировал: «Когда демократы ощущают мощное сопротивление, когда они чувствуют реальную угрозу реформам – они объективно сплачиваются, откладывая разногласия до лучших времён. Как только угроза проходит, ситуация улучшается – демократическое движение тут же начинает рассыпаться на свои составляющие»³²².

Осознавая необходимость компромисса, обе стороны выступали с демонстративными жестами примирения. Так, представители «России» предлагали формировать руководство Верховного Совета по принципу «большой коалиции»³²³, сам Бабурин напоминал, что на I Съезде голосовал за избрание Б.Ельцина председателем ВС, и обещал поддерживать с президентом конструктивные рабочие отношения «во благо России и благо народов, её населяющих»³²⁴, а Хасбулатов, прекрасно зная, откуда дует ветер, заверял, что, если победит, поддержит выдвижение на должность заместителя председателя ВС члена «Коммунистов России» Ю.Воронина³²⁵.

Однако обоюдная готовность к компромиссу имела строгие границы. Согласившись баллотироваться «в связке» (один из кандидатов становится председателем ВС, другой – его первым заместителем), стороны не смогли договориться, кто именно кем станет: каждый, естественно, претендовал на главную роль. И дело было не только в личных амбициях. Хасбулатов вполне обоснованно указывал на политический характер данного решения – в противном случае, утверждал он, его бы не поняли ни избиратели, ни сторонники из числа депутатов³²⁶. В свою очередь один из видных представителей

«России», Н.Павлов, заявлял, что не подаст руки Бабурину, если тот пойдёт первым заместителем к Хасбулатову, поскольку «первый заместитель, в отличие от простого заместителя, должен проводить политическую линию председателя»³²⁷. Как сказал по этому поводу один из участников съездовских баталий, несовместимы были не личности Хасбулатова и Бабурина – несовместимы были «две политические линии»³²⁸.

Вместе с тем голосование «в связке» не состоялось ещё и потому, что такая возможность, по справедливому замечанию С.Бабурина, не была предусмотрена Конституцией и регламентом Съезда³²⁹. В конце концов депутатам так и не удалось избрать председателя ВС, и решение этого вопроса перенеслось на осень³³⁰.

Как бы то ни было, результаты противостояния на Съезде народных депутатов РСФСР недвусмысленно показали, что коммунистам вредны любые резкие движения. Всякая попытка перейти из обороны в наступление заставляла их противников сплотиться и тем самым только ухудшала положение КПСС. Но и более тонкая игра особых дивидендов не приносила, так как позволяла лишь замедлить распад однопартийной системы, но не предотвратить его. Чтобы разрешить к своей выгоде конфликты по линиям «консерватизм–либерализм» и «центр–периферия», союзному центру и стоявшему за ним руководству КПСС необходимо было сначала справиться с другими, гораздо более мощными конфликтами – между государством и наёмными работниками и между государством и бюджетополучателями. Проблема состояла в том, что никаких подпорок для стремительно падающей экономики в распоряжении разлагающейся системы уже не было – все её методы продемонстрировали свою неэффективность. Выжидательная тактика тоже не давала шансов – время работало на противников системы, не упускавших возможности нанести очередной удар: «войной законов», запрещением деятельности партийных организаций на предприятиях и в госучреждениях и т.п.

В этом контексте попытка ГКЧП переломить ход событий открытым силовым вмешательством была актом отчаяния, вполне понятным, впрочем, с психологической точки зрения – лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Это резкое движение изменило расстановку сил в пользу сторонников либерализма и предопределило не только уход с политической сцены «ястребов» из союзного руководства, но и ликвидацию КПСС, а заодно и СССР³³¹. Однопартийная система распалась окончательно, оставив после себя лишь обломки. Единственное, что могло взойти на такой почве, – это система флуктуационная.

Глава 6. Размежевания и партии 1990-х

Флуктуационная система, выросшая на руинах однопартийного режима, по определению не могла быть долговременной. Любая флуктуация – явление скоротечное. Хаотическое движение рано или поздно принимает некие оформленные очертания, в нём появляется какая-то логика, и далее оно входит в колею, выйти из которой уже не так просто. Вопрос весь в том, что это за колея и куда она ведёт. Нередко её воспринимают как выбранную случайно – мол, сложились обстоятельства иначе, подвернись в нужном месте и в нужное время не тот, а другой человек, и колесо истории покатило бы в перпендикулярном, а то и противоположном направлении (к этому обычно и сводятся дискуссии о «роли личности в истории»). Представляется, однако, что всякая случайность ограничена известными рамками, и результат любого беспорядочного на первый взгляд процесса обусловлен достаточно жёстко.

Партийная система 1990-х гг. быстро утратила признаки «чистой» флуктуационности. Уже к середине десятилетия стало очевидно, что она трансформируется в периферийную. Хотя флуктуационный момент из неё до конца не выветрился, к концу данного периода характер сложившейся партийной системы вполне определился.

Поскольку описываемая стадия длилась дольше, чем предыдущая, она оказалась и более дифференцированной (см. гл. 7). Однако все её подэтапы были объединены однотипностью политических размежеваний, обусловленной соотношением и взаимодействием доминирующих общественных конфликтов.

6.1. *Общественные конфликты 1990-х, их соотношение и взаимодействие*

В 1990-е гг. наибольшее, хотя и подспудное, влияние на политическую ситуацию оказывал конфликт по линии «бюджетополучатели–налогоплательщики». Именно бюджетополучатели испытали самое сильное разочарование от несбывшихся надежд, связываемых с рыночными реформами. Если в странах Восточной и Центральной Европы вхождение в рынок всё же помогало сгладить остроту конфликтов, то в России смягчающий эффект оказался минимальным. Исчез, конечно, вечный спутник социализма – товарный дефицит; какая-то часть населения перестала обременять государственный

бюджет, пустившись в свободное рыночное плавание. Но, с другой стороны, резкое снижение уровня жизни, усугубляемое высокой инфляцией, не могло не вызвать шока.

Во многом правы были те сторонники реформ, которые трезво оценивали ситуацию: «Интересы большинства [населения] последние двадцать лет реализовывались за счёт созданного до 1965 года принудительным трудом промышленного потенциала и за счёт природных ресурсов, которыми природа наделила нас чрезмерно. И вот это двадцатилетие иждивенчества атрофировало у многих такие качества, как инициативность, самостоятельность, умение нести ответственность за себя, за свою семью, за свой дом. ...В настоящее время уже мало кто работает, все требуют повышения зарплаты и ждут чуда. Оттого и пухнет наш федеральный бюджет от непомерных расходов, и стонут предприятия от непосильных налогов. И это соотношение – жаждущих бюджетного финансирования и уплачивающих налоги – давно и сильно нарушено в пользу первых»¹.

Однако следует также помнить, что те, кто более всего выиграл от рыночных реформ, отнюдь не спешили помочь согражданам – напротив, многие из них весьма поспособствовали ухудшению положения самых слабых, запуская руку в и без того тощую казну либо всеми правдами и неправдами уклоняясь от уплаты налогов. Сказалась ещё одна черта постсоветского человека, препятствующая формированию культуры рыночного поведения, – ослабленное чувство гражданского долга, и в частности непризнание финансовых обязательств перед обществом. Социологи вынуждены констатировать: «Государство при осуществлении своей налоговой политики не только не находит поддержки у большинства населения, но и практически сталкивается с социально одобряемой нормой уклонения от уплаты налогов. Налоговое законодательство нарушается в широких масштабах, при молчаливой поддержке общественного мнения. Значительная часть налогоплательщиков, скрывая свои доходы, не испытывает при этом социального давления. Иначе говоря, эти нарушения стали повседневной практикой почти для всех социальных групп, в том числе и для тех, кто в силу своих обязанностей должен контролировать исполнение норм налогового законодательства»².

Видимо, именно по этой причине конфликт между бюджетополучателями и налогоплательщиками так и не принял открытой формы, оставаясь в рамках противостояния между бюджетополучателями и государством, которому, как и в советские времена, адресовались основные претензии. Просто раньше это было коммунистическое го-

сударство, а теперь посткоммунистическое. Характерно, что, как и прежде, под государством россияне понимали в первую очередь правительство и, не обращая внимания на закреплённое Конституцией разделение властей, своим электоральным поведением всячески способствовали углублению раскола между различными ветвями власти.

Само собой разумеется, что в таких условиях правительство и поддерживающие его силы находились в заведомо проигрышной позиции. Неудивительно поэтому, что практически все политические организации страны ориентировались на бюджетополучателей. Яростно отстаивать их запросы, какими бы они ни были и от кого бы ни исходили, а также подвергать уничтожающей критике правительство стало хорошим тоном. Положение осложнялось тем, что, как уже говорилось, выигравшие от реформ отнюдь не спешили на помощь исполнительной власти. С правительством остались только те избиратели, которые привыкли сохранять лояльность любому начальству, и узкий слой интеллигенции, который поддерживал рыночные преобразования по идейным соображениям. Однако конфликт «бюджетополучатели–налогоплательщики» коснулся и этой части общества, расколов, в частности, либеральный лагерь – на проправительственное (гайдаровское) и антиправительственное («яблочное») течения.

Под сенью данного конфликта совершенно затерялось размежевание по линии «работодатели – наёмные работники». В наиболее тяжёлом положении оказались рабочие предприятий, оставшихся в госуправлении. Свои претензии они по-прежнему адресовали государству, требуя от него субсидий, беспроцентных кредитов, госзаказа, списания долгов. Здесь управляемые были полностью солидарны с управляющими – директорами – и выступали по отношению к государству в роли бюджетополучателей. А в рыночном секторе развитие конфликта между работниками и работодателями сдерживалось как более благополучной по сравнению с госпредприятиями ситуацией (рабочие дорожили своими местами, имея перед глазами пример менее удачливых собратьев), так и общностью интересов потенциальных антагонистов: обеим сторонам было выгоднее вести дела в «тени» и получать доходы «чёрным налом», а зарплаты – «в конверте», минимизируя отчисления в бюджет. Этот феномен получил в литературе название «корпоративного альянса теневого практик предпринимателей и работников» с целью «скрытой кооперации усилий по расширению степеней свободы в экономике»³.

В данном случае перед нами типичный образец того, как один конфликт гасится другим; при этом очевидное в 1990-е гг. размежевание между городом и деревней было лишь побочной линией противостояния «бюджетополучатели–налогоплательщики». Аграрная сфера являлась одной из самых дотационных отраслей экономики, и претензии села к государству ничем не отличались от требований, с которыми выступали прочие потребители бюджетных средств, – полное государственное финансирование всех затрат, полное обеспечение всех потребностей.

Крайняя степень неудовлетворённости бюджетополучателей тем, как государство выполняет свои обязательства перед ними, обострила ещё один конфликт – «традиционализм–прогрессизм». Ностальгия по «изобильным» временам застоя породила совершенно особую форму традиционализма – традиционализма советского. Как писал по этому поводу К.Холодковский, «традиционалистский архетип, идущий из глубины веков, ожил в массово-советской (“совковой”) ментальности, наиболее распространённой среди людей старшего возраста, социализация которых пришлась на десятилетия, когда советский режим ещё был достаточно прочен и пользовался сравнительно высоким авторитетом»⁴. Советский традиционализм был окрашен преимущественно в «красные» цвета, но были и другие оттенки. Так, основными элементами системы «квази-традиционалистских “советских” представлений и ценностей» К.Холодковский назвал «этатизм, упование не столько на свои силы, сколько на институционализированную протекцию государства, уравнительность, “державный” патриотизм вкупе с интернационализмом, часто вербальным, принудительный коллективизм»⁵.

Откровенно «кумачовая» доктрина, апеллирующая к «Краткому курсу истории ВКП(б)», особой популярности не снискала. Как отмечено социологами, больше половины «советских традиционалистов» хотело бы жить в брежневскую эпоху и только каждый седьмой – в сталинскую⁶. Гораздо более широкими симпатиями пользовалась относительно «вегетарианская» версия советского традиционализма, предложенная Компартией РФ: здесь были и обтекаемые формулировки, словно вынутые из «благословенного» застоя, и напоминания о «тысячелетних традициях государства Российского», и попытки идти в ногу со временем, в основном с помощью усвоения современного политологического жаргона («глобальные экологические, демографические и этносоциальные проблемы Земли», «переход от индустриальных к постиндустриальным, информационным

технологиям», «общесовременные тенденции» и пр.⁷), и отсылки к новомодным веяниям (теория «устойчивого развития», концепция «золотого миллиарда»⁸).

В общем традиционализм получился даже не «розовым», а весьма и весьма пёстрым. Зато эксплуатирующая его партия с полным основанием гордилась электоральными успехами. Позиции же прогрессистов («западников» в терминологии их оппонентов) от выборов к выборам, напротив, слабели – избиратель «мстил» за крушение надежд на быстрый рост благосостояния. Тем не менее некоторое время свой кусок пирога имели и прогрессисты.

Характерно, что именно в 1990-е гг. на первый план вышла дилемма: за реформы или против. До августа 1991 г. почти все политические силы были за – другое дело, что в понятие «реформы» нередко вкладывались почти взаимоисключающие смыслы: и «совершенствование социализма», и «радикальные рыночные преобразования», и «возвращение к истокам» (т.е. к 1913 г.). Даже в обращении ГКЧП – этом манифесте позднеперестроечного консерватизма – присутствовали реверансы в сторону реформ. «Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к её экономическому и социальному процветанию», – возвещали авторы документа, обязуясь при этом «развивать многоукладный характер народного хозяйства», «поддерживать частное предпринимательство», предоставлять ему «необходимые возможности для развития производства и сферы услуг»⁹ и т.п.

После августа 1991 г. в политическом ландшафте обозначился чёткий водораздел: одни звали вперёд и выступали за «продолжение преобразований» (пусть и не так быстро и не теми методами), другие требовали «немедленно прекратить антинародные реформы» и вернуть всё в исходное состояние. Как выразился А.Ахременко, центральным пунктом политической повестки дня был «фундаментальный выбор между реставрацией (в том или ином виде) социалистической системы и углублением демократических и рыночных реформ»¹⁰. Противостояние реформистов и «реставраторов» в литературе чаще всего называют просто «право-левым»¹¹, но такое определение, будучи слишком общим, требует уточнения, подчёркивающего, что речь идёт в первую очередь о конфликте «традиционализм–прогрессизм».

Доминирование указанного конфликта дало повод выделять в российском электоральном корпусе основные группы – «тради-

ционалистов» и «модернистов», первую из которых отличает консерватизм и коллективистское сознание, а вторую – индивидуалистическая мораль, отрицание традиций и приверженность кодексу либеральных ценностей; первая голосовала преимущественно за «левые партии государственнической направленности» (прежде всего за КПРФ), вторая – за партии демократического спектра¹².

Согласно данным социологических опросов, доля «модернистов» в современном российском обществе сравнительно невелика – всего четверть населения страны в возрасте от 16 до 65 лет – и как массовая социальная группа только начинает формироваться¹³. Являясь носителями «инновационного, инициативного типа поведения», рассчитывая в основном на собственные силы, «модернисты» составили социальную базу реформ в момент их начала, да и в дальнейшем видели в реформах 1990-х гг. больше плюсов, чем минусов¹⁴. В оппозиционную «модернистам» группу твёрдых «традиционалистов» входит 41% россиян в возрасте 16–65 лет¹⁵. По большинству значимых вопросов к ним примыкает промежуточная группа (около трети населения), представители которой, однако, настроены не столь жёстко, как «традиционалисты»¹⁶.

В начале рыночных реформ намного более активные и лёгкие на подъём «модернисты» ещё могли навязывать инициативу большей части общества; с конца 1993 г. и они стали выказывать усталость и неверие в свои силы. В этих условиях «традиционалисты» брали не активностью, а числом.

Что касается конфликта «консерватизм–либерализм», то его доавгустовский (1991 г.) вариант был решён самым радикальным образом. «Партия свободы» наголову разгромила «партию порядка». Но, как всегда бывает в таких случаях, маятник, достигнув крайней точки, двинулся в обратном направлении, и сторонники конкуренции начали шаг за шагом сдавать завоёванные позиции. Многовластие, сплошь и рядом оборачивавшееся безвластием, заставляло общество тосковать по твёрдой руке. Консерваторами, убеждёнными в необходимости порядка и восстановления государственности, сделались едва ли не все поголовно. Либералы – в надежде, что сильная власть будет эффективнее проводить рыночные реформы, коммунисты – в рамках общего стремления вернуть «утраченные ценности социализма», в т.ч. и всесторонний государственный контроль над общественной жизнью. Наконец, бюрократия, намеренная легитимизировать свои претензии на бессменное управление государственной

машиной, готовила почву для выхода на авансцену «партии власти», идеология которой сводилась к фразе «начальство может всё».

Но если в политической области противостояние консерваторов и либералов (по линии «авторитаризм–демократия») утратило былой накал (произошла даже своего рода аберрация: значительная часть либералов делала ставку на сильную президентскую власть, коммунисты же ратовали за подконтрольность правительства парламенту, т.е. более последовательно отстаивали принцип народного суверенитета), то в экономической сфере конфликт ещё только наращивал обороты. Здесь либералы выступали за поощрение конкуренции; коммунисты, напротив, за восстановление государственной монополии, снисходительно соглашаясь, впрочем, оставить бизнесу мелкое и даже среднее производство и розничную торговлю¹⁷; «партия власти» занимала промежуточную позицию – на словах присоединялась к первым, но не отваживалась на решительные меры, да и не была в них особенно заинтересована.

Наконец, конфликт «центр–периферия» отчасти сгладился, однако продолжал серьёзно влиять на политическую жизнь страны. С распадом СССР порывы «малых народов» к обретению государственной независимости перестали быть злободневными (исключение составила лишь Чечня), но лозунг «берите суверенитета, сколько осилите» подвигал местные элиты на активные действия. Охлаждение к идеям сепаратизма со стороны широких масс с лихвой компенсировалось напористостью глав регионов при выбивании преференций у федерального центра. Подписание двусторонних договоров между центром и субъектами Федерации приняло повальный характер, а верхняя палата парламента во второй половине 1990-х превратилась в цитадель региональных лоббистов, чему благоприятствовал и тогдашний закон о формировании СФ.

В партийной жизни влияние конфликта «центр–периферия» проявлялось в основном завышенным представительством коммунистов в национальных республиках (сочетающимся с высокой степенью «управляемости» электорального процесса в этих регионах), а также возникновением политических объединений регионального уровня, призванных обеспечить губернаторам и прочим «нотаблям» из числа местного начальства контроль за представительными органами. После августовского кризиса 1998 г. этот конфликт отразился на партстроительстве ещё более мощно, расколов «партию власти» на две ветви – региональную и федеральную.

Если отвлечься от терминологической разницы, то аналогичным образом взаимодействие различных общественных конфликтов описал в 1998 г. К.Холодковский. Анализируя «кливажи»¹⁸, разделившие российское общество 1990-х гг., главным из них он назвал размежевание между сторонниками рыночной модернизации (свободной инициативы, индивидуального предпринимательства) и приверженцами традиционалистских, государственно-патерналистских начал в экономике и социальной жизни¹⁹. Кроме этого основного «разлома» К.Холодковский выделил также противостояния по линиям «авторитаризм–демократия», «элитарность–социальность», «западничество–самобытность»²⁰, находящиеся в весьма сложных отношениях с главным размежеванием и в силу этого дробящие идейно-политический спектр на несколько неодинаковых по размеру секторов.

Первый из выделенных «кливажей» в общих чертах совпадает с ценностным содержанием конфликта между налогоплательщиками и бюджетополучателями, который приобретает вид дихотомии «рыночный индивидуализм – протекционистский солидаризм». Однако в нём можно обнаружить и проявления противостояний по линиям «либерализм–консерватизм» (в экономике) и «традиционализм–прогрессизм». Что до остальных «кливажей», то «авторитаризм–демократия» совпадает с дихотомией «либерализм–консерватизм» (в политике); «западничество–самобытность» – это, по сути, «прогрессизм–традиционализм»; «элитарность–социальность» – ценностное выражение конфликта между работодателями и наёмными работниками²¹.

В целом К.Холодковский отмечает ведущую роль размежевания между сторонниками рыночной модернизации и государственной опеки, «тлеющий» характер конфликта «элитарность–социальность», а также ограниченный масштаб разломов «западничество–самобытность» и «демократия–авторитаризм». Всё это вылилось в противостояние двух неравных по величине меньшинств – во второй половине 1990-х, по оценке Холодковского, преимущество получили «более ретроградные позиции»²².

6.2. Партийное строительство 1990-х

Вступление России в новую эпоху сопровождалось распадом двух основных партийных объединений предшествующего периода – КПСС и «Демократической России». Правда, последняя, в отличие от первой, исчезла не сразу, а более-менее плавно. Так или иначе,

и КПСС, и ДР покинули политическую сцену, оставив после себя лишь обломки.

Эти обломки послужили строительным материалом для новых партий и движений, сохранивших определённую преемственность по отношению к «материнским» организациям. Их противостояние внешне напоминало доавгустовскую конфронтацию «коммунистов» и «демократов». Однако если раньше партийное размежевание отражало конфликт прежде всего по линии «консерваторы–либералы», то теперь – скорее по линии «традиционализм–прогрессизм».

На месте, освободившемся после ухода КПСС, выросла целая роща объединений, исповедующих какую-либо разновидность традиционализма (большей частью «красного»), на месте «ДемРоссии» – более скромный кустарник партий и движений прогрессистского толка (в основном либеральных).

6.2.1. Традиционалисты (коммунисты, «патриоты»)

Уже осенью 1991 г. на базе существовавших в КПСС идейных платформ возникло несколько партий и движений. Большинство из них придерживалось «красной» версии традиционализма (Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия, Союз коммунистов, Российская партия коммунистов), одно – относительно «розовой», включавшей элементы и «красной», и «белой» (Российский общенародный союз). Идеология Социалистической партии трудящихся сочетала умеренный, «розовый», традиционализм с таким же умеренным прогрессизмом. Наконец, ещё двум организациям, образовавшимся на руинах КПСС, была свойственна вполне прогрессистская ориентация (хоть и не в самом радикальном варианте) – это Демократическая партия коммунистов России, переименованная в Народную партию «Свободная Россия», и Движение демократических реформ. КПСС отторгла их ещё до августовских событий, но сами они до последнего не желали порывать с «родительским гнездом».

Ортодоксально-сталинистская **Всесоюзная коммунистическая партия большевиков** была создана сторонниками Н.Андреевой на основе общества «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» и частично Большевицкой платформы в КПСС (председатель идеологической комиссии БП Т.Хабарова отказалась признать роспуск КПСС и объявила о сохранении БП в качестве самостоятельной организации²³). Участники учредительного съезда ВКПБ (8 ноября 1991 г.) призвали коммунистов «сделать всё зависящее от них для возрождения партии ленинского типа, партии коммунистов-больше-

виков»²⁴ и определили в качестве своей цели сплочение «всех здоровых, прогрессивных, социалистических и патриотических сил нашего общества», готовых «дать решительный отпор буржуазной контрреволюции, сорвать реставрацию капитализма в стране, возродить былое величие и державность социалистического Отечества, восстановить экономическое господство и политическую власть людей труда»²⁵. В уставе ВКПБ партия была объявлена «передовым отрядом рабочего класса, выступающего в союзе с крестьянством и трудовой интеллигенцией». «Отстаивая классовые позиции пролетариата, ВКПБ твёрдо стоит на испытанных позициях марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, ведёт решительную борьбу с оппортунизмом и ревизионизмом, со всеми проявлениями буржуазного национализма, шовинизма и космополитизма»²⁶, – говорилось в документе.

Главными требованиями ВКПБ были названы восстановление «господства социалистической собственности как экономической основы конституционного строя», плановой системы хозяйства, государственной монополии внешней торговли, «социальных прав трудящихся, гарантированных Конституцией 1977 г.»²⁷. Партия обязалась добиваться «отмены президентства, наместничества, префектства, мэрства и других политических форм буржуазного авторитаризма», возрождения «Советов депутатов трудящихся как первичной ячейки Советской власти», восстановления «государственного характера деятельности средств массовой информации, научных учреждений, высшей школы и учреждений культуры, творческих союзов»²⁸ и т.п.

ВКПБ можно рассматривать как некий клуб, члены которого, будучи людьми, чья юность пришлась на конец 1940-х – начало 1950-х гг., остались верны «старой вере» и её катехизису – «Краткому курсу истории ВКПБ(б)». По их мнению, «идеологической увертюрой реставраторских процессов стала антисталинская кампания, развернувшаяся после XX съезда КПСС» и приведшая к «массовой замене партийно-советских кадров», к «размыванию основополагающих положений марксизма-ленинизма»²⁹. Эти люди выглядели анахронизмом уже в 1960–1980-е гг. и потому не сделали чиновничьей карьеры ни в партаппарате, ни тем более в государственных структурах. Типичное занятие таких людей – преподавание истории КПСС или научного коммунизма, и именно к ним как нельзя точнее подходит определение «служитель коммунистического культа». Давно потеряв способность адекватно воспринимать действительность, они превратились в своего рода секту.

Сектантской была и тактика ВКПБ – коммунистические «староверы» с порога отвергали возможность адаптации своих взглядов к новым реалиям (в частности, партия не приняла участия ни в одной избирательной кампании федерального уровня) и безжалостно изгоняли из своих рядов всех, кто оказывался недостаточно стойким в вере. С большим скрипом удавалось им и налаживание контактов с коллегами по коммунистическому лагерю, в т.ч. с «левыми» компартиями (ВКПБ не прижилась даже в Роскомсоюзе – блоке радикально-коммунистических организаций³⁰).

ВКПБ отказалась регистрироваться в органах юстиции, причём по принципиальным соображениям – настаивая на своём всесоюзном статусе. В марте 1994 г. секретарь ЦК ВКПБ А.Лапин заявил по этому поводу: «Мы партия всесоюзная; как только будет восстановлен Советский Союз, мы пойдём регистрироваться»³¹. При этом некоторые региональные организации ВКПБ всё-таки зарегистрировались, например в Ставропольском крае и Мордовии³²; кроме того, партия участвовала в выборах в органы местного самоуправления³³.

Для самой молодой части партактива бесперспективность такого сектантства стала очевидной уже к 1994 г. – тогда ВКПБ покинули сторонники секретаря ЦК А.Лапина. «Молодёжь» предлагала слегка скорректировать партийную линию, выступая, в частности, против «курса на так называемую большевизацию коммунистического движения»³⁴. Не добившись своего (точнее, нарвавшись на исключение А.Лапина из партии – за «провокачество, раскольничество и финансовые злоупотребления»³⁵), лапинцы провели 1–2 июля 1995 г. II (чрезвычайный) съезд партии, на котором объявили сторонников Н.Андреевой «отколовшейся частью партии» и приняли новое название, более приближенное к историческому оригиналу: ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)³⁶.

Не последней причиной раскола партии, как и регулярных чисток её руководства, был «личный момент»: сталинистский характер ВКПБ отразился и в её организационном устройстве, основанном на культе личности лидера. В словах А.Лапина, обвинившего Н.Андрееву в том, что возглавляемый ею ЦК «не только стоит в стороне от политики, но даже и не пытается действовать в ней, сводя всю свою деятельность к склокам и изгнанию недовольных бездействием бывшего ЦК»³⁷, много справедливого. Н.Андреева и правда избавлялась от всех конкурентов, могущих претендовать на пост генерального секретаря, и в конце концов довела дело до практически полного исчезновения партии с политической сцены.

Впрочем, ВКПБ всегда была безнадёжным маргиналом. Хотя в марте 1994 г. её руководители оценивали численность партийных рядов в 90 тыс. человек, в т.ч. «регулярно работающего актива» – в 25 тыс.³⁸, эксперты были гораздо сдержаннее. По мнению М.Холмской, при создании ВКПБ насчитывала несколько тысяч членов, а после перехода значительной части членов в КПрФ (начало 1993 г.) – несколько сотен³⁹. Произошедший в 1995 г. раскол, разумеется, не добавил численности ни той ни другой «половинкам».

Ещё одна весьма ортодоксальная в «красном» традиционализме организация – **Российская коммунистическая рабочая партия** – была создана на базе Движения коммунистической инициативы и объединяла не «староверов», как ВКПБ, а скорее «неостароверов», «неоортодоксов». Большинство активистов РКРП было моложе членов ВКПБ, сталинскую эпоху они толком не помнили, и она представлялась им в романтической дымке. Если ВКПБ видела в «Кратком курсе» истину в последней инстанции, то РКРП довольно сильно подредактировала своё кредо с учётом смены эпох. Результатом, однако, стала не демократизация и социал-демократизация партийного мировоззрения (как у большинства членов КПСС), а его «национал-патриотизация» и «антисемитизация».

Тем не менее на программном уровне РКРП не слишком отличалась от ВКПБ. Она называла себя «партией рабочего класса, а потому и всех трудящихся», «преемницей коммунистического начала в рабочем движении»⁴⁰; ставила целью «ликвидацию эксплуатации человека человеком в любой форме», «уничтожение социального и национального неравенства», «возрождение Советской власти как власти трудящихся» и «установление подлинного народовластия через формирование Советов трудовыми коллективами»⁴¹, «обеспечение собственности трудящихся на производимые продукты», отмену коммерческой тайны, национализацию частных банков, закрытие «спекулятивных посреднических контор и фирм», восстановление монополии государства на внешнюю торговлю, «возвращение народу насильственно отнятых у него в ходе приватизации средств производства», замораживание цен и последующее их снижение, восстановление прав граждан на бесплатное жильё, образование и медицинское обслуживание⁴² и т.п.

При этом одной из излюбленных тем на митингах и внутрипартийных мероприятиях РКРП была борьба с «сионизмом». Первый секретарь ЦК РКРП В.Тюлькин ставил в заслугу партии то, что она, единственная среди российских компартий, имела в программе такой

пункт⁴³. А уж заклинания о «продажном мафиозном сионистском режиме»⁴⁴, «невыносимом сионистском засилье» в органах власти и средствах массовой информации⁴⁵ носили дежурный характер.

Источником подобного «уклона», судя по всему, послужили настроения, свойственные значительной части низшего и среднего звена партаппарата 1960–1980-х гг., в которых уже тогда был весьма заметен люмпеноидный оттенок. Проявлялся он и в политической линии РКРП, это выражалось, в частности, в существовании внутри партии двух крыльев – «романтически-ортодоксального» (во главе с В.Тюлькиным) и «радикально-люмпеноидного» (во главе с В.Анпиловым). В середине 1996 г. эти группы окончательно порвали друг с другом, В.Анпилов со своими сторонниками покинул РКРП и даже попытался создать собственную партию на основе возглавляемого им движения «Трудовая Россия». Но люмпеноидность, очевидно, была имманентной характеристикой РКРП и не могла быть ликвидирована путём простой «ампутации». Конфликт между «ортодоксами» и «люмпеноидами» в РКРП воспроизводился и в дальнейшем, периодически приводя к новым расколам и отколам.

В отличие от прочих компартий, так и не переросших рамки клубов (сект), РКРП некоторое время служила прибежищем для сотрудников низшего звена аппарата КПСС. Последние затем большей частью перебрались в КППРФ, но кое-кто остался. Поэтому кроме люмпеноидных черт лицу РКРП в определённой степени были присущи и черты бюрократические. Недаром лидером партии стал В.Тюлькин, до 1991 г. руководивший парткомом научно-производственного объединения «Авангард» (Ленинград) и входивший в состав Ленинградского обкома. Кроме того, РКРП была самой крупной из «левых» компартий. В ходе консультаций с КППРФ о создании единого коммунистического блока на парламентских выборах 1995 г. представители РКРП оценивали численность партии примерно в 150 тыс. человек, а их партнёры по переговорам – приблизительно в 50 тыс.⁴⁶ Эксперты полагают, что вторая цифра ближе к истине: по их подсчётам, на пике популярности (1992–1993) РКРП насчитывала немногим более 60 тыс. членов⁴⁷.

Так или иначе, но в радикально-коммунистическом лагере только РКРП хотя бы отдалённо соответствовала образцу централизованной массовой партии. Она имела довольно разветвлённый аппарат и достаточно внушительный корпус активистов. Однако создание Компартии РФ сильно ударило по РКРП. Сначала туда ушли многие

руководители и активисты, а затем КППРФ монополизировала левую часть политического спектра, маргинализовав всех своих конкурентов.

Начиная со второй половины 1990-х РКРП вступила в полосу упадка, из которой её не вывело даже объединение с Российской партией коммунистов (октябрь 2001 г.). В думских выборах 2003 г. представители РКРП-РПК участвовали уже не в блоке с «левыми» компартиями, а в составе списка КППРФ, которой всего несколькими годами ранее отказывали в праве называться коммунистической⁴⁸. В итоге В.Тюлькин, пройдя в Думу, стал рядовым членом зюгановской фракции.

По сравнению с РКРП *Союз коммунистов* (лидеры – А.Пригарин, В.Марков, С.Степанов) и *Российская партия коммунистов* (А.Крючков) никогда не отличались массовостью и представляли собой типичные интеллигентские клубы (точнее, ассоциации клубов). И тот и другая вышли из Марксистской платформы в КПСС и на первых порах декларировали неприятие сталинизма, антисемитизма и любых проявлений ксенофобии⁴⁹, выступали за творческое осмысление марксизма «с учётом реалий сегодняшнего времени»⁵⁰, за сочетание демократии и социализма⁵¹ и в какой-то мере соглашались с существованием рынка. Так, Союз коммунистов высказывался за «глубокое сочетание государственного регулирования и рыночного саморегулирования», «децентрализацию системы управления экономикой», «развитие производственного самоуправления, расширение прав трудовых коллективов на основе преобразования отношений собственности»⁵², а РПК – и вовсе за «разгосударствление собственности в интересах трудящихся», «эффективное сочетание рынка и плановых основ регулирования экономики», «приоритет и развитие различных форм общественной собственности при допущении частной в определённых сферах»⁵³.

Другими словами, идеологию и СК, и РПК можно охарактеризовать как «неокоммунизм». Разве что Союз коммунистов был чуть по-ортодоксальнее. В частности, именно отказ сторонников А.Пригарина допустить существование частной собственности – хотя бы на переходный период и в ограниченных масштабах – явился причиной разделения приверженцев Марксистской платформы на две самостоятельные партии⁵⁴. Кроме того, Союз коммунистов всегда подчёркивал свою преемственность по отношению к КПСС и даже инициировал ряд мероприятий по восстановлению последней⁵⁵, например посредством создания Союза коммунистических партий (СКП-КПСС).

«Либерализм» СК и РПК достаточно быстро выветрился – можно сказать, вместе с численностью, которой эти партии не могли похвастаться с самого начала: Российская партия коммунистов, подавая документы в Минюст (начало 1992 г.), определила количество своих членов в 2913⁵⁶, а в Союзе коммунистов на момент регистрации (28 сентября 1992 г.) состояло 3433 человека⁵⁷. Когда была создана КПРФ, какая-то часть актива СК и РПК перешла туда, а затем вступили в действие «естественные» факторы, приведшие к усыханию обеих организаций.

К тому же Союз коммунистов после октября 1993 г. раскололся на сторонников В.Маркова–С.Степанова и сторонников А.Пригарина: первые провели 23 октября 1993 г. свой съезд, не пригласив туда вторых, дабы те не помешали поменять руководство СК, вторые в ответ обвинили первых в «антипартийной деятельности»⁵⁸ и на своём съезде (4 декабря 1993 г.) сформировали собственный состав руководящих органов. Очень скоро оба «продукта распада» фактически перестали существовать, напоминая о себе в основном лишь заявлениями вождей. При этом сторонники А.Пригарина, проведя в апреле 1995 г. «всероссийскую объединительно-восстановительную конференцию партийных организаций КПСС и Союза коммунистов, действующих на территории России», в дальнейшем выступали под именем **Российской коммунистической партии – КПСС (РКП-КПСС)** и представлялись «российской республиканской организацией КПСС»⁵⁹.

Российская партия коммунистов тоже сильно убавилась в размере, в т.ч. по причине активного искоренения А.Крючковым внутрипартийных оппонентов и просто конкурентов. От партии практически в полном составе отпала Ленинградская организация (переименовались в Региональную партию коммунистов) – её члены не согласились с решением Политсовета Центрального исполкома РПК о перерегистрации ЛгО (17 апреля 1999 г.), расценив его как «попытку расправы с крупнейшей организацией партии за то сопротивление, которое Исполком организации и ленинградская делегация на V съезде РПК оказали новому курсу руководства РПК на ревизию программных, тактических и уставных принципов Российской партии коммунистов»⁶⁰. Во многом это было связано с эволюцией партийного руководства в сторону коммунистической ортодоксии – во второй половине 1990-х в идеологическом и тактическом плане РПК почти не отличалась от прочих «левых» компартий. Во всяком случае, от её былого антисталинизма не осталось и следа, а сам А.Крючков начал оправдывать репрессии 1930-х гг.⁶¹

На VI съезде (16–17 декабря 2000 г.) РПК объединилась с Белорусским пролетарским союзом в «единую российско-белорусскую Революционную партию коммунистов»⁶², а в октябре 2001 г. пошла на слияние с РКРП, в результате чего на свет появилась новая партия – **РКРП-РКП**⁶³. Правда, в 2004 г. этот альянс едва не распался – большинство делегатов IV съезда РКРП-РПК сочло, что «процесс объединения региональных организаций РКРП и РПК завершён и потребность в квотном принципе формирования руководящих органов, а также в институте сопредседателей комитетов отпала как на уровне региональных комитетов, так и на уровне ЦК»⁶⁴ (в связи с этим В.Крючков лишился поста сопредседателя ЦК, а единоличным первым секретарём ЦК был избран лидер РКРП В.Тюлькин⁶⁵). Но из-за тяжёлой болезни А.Крючкова и его смерти в следующем году⁶⁶ представители РПК отказались от планов восстановления самостоятельной партии.

Идейная и социальная близость «левых» компартий вполне закономерно ставила на повестку дня вопросы о координации деятельности и вообще об объединении. Такие попытки предпринимались неоднократно.

Сначала в качестве базы для объединения было предложено движение **«Трудовая Россия»**, чьи региональные подразделения создавались с конца 1991 г. В этом процессе приняли участие практически все существовавшие тогда коммунистические организации: ОФТ, РКРП, Союз коммунистов, молодёжное движение «Коммунистическая инициатива», региональные советы рабочих⁶⁷, которые сформировали на паритетной основе Координационный совет движения. Первое время у КС не было даже единоличного председателя, но меньше чем через год самая сильная из организаций-участниц объединения – Российская коммунистическая рабочая партия – взяла «Трудовую Россию» под свой контроль, проведя 25 октября 1992 г. её учредительный съезд. Единоличным лидером ТР (председателем Исполкома) стал руководитель Московской организации РКРП В.Анпилов⁶⁸. После «развода» с В.Тюлькиным (1996) он сохранил за собой высший пост в «Трудовой России», ускорив тем самым её маргинализацию.

Затем «левые» коммунисты попытались перехватить инициативу «воссоздания» Компартии России, однако оказались не в состоянии соперничать с членами руководства КП РСФСР В.Купцовым, Г.Зюгановым и др. Единственное, что они смогли осилить, – это провести «альтернативный» съезд (13 февраля 1993 г.), на котором преемни-

цей КП РСФСР была объявлена РКРП, а Купцов и Зюганов с их сторонниками «исключены» из партии за «антикоммунистическую ликвидаторскую деятельность»⁶⁹. В итоге от восстановительной затеи радикальные коммунисты только проиграли, потеряв значительную часть актива, перешедшего в КПРФ.

Неудачей обернулись и их попытки возглавить воссоединение коммунистов всего бывшего СССР. В учреждённый 27 марта 1993 г. **Союз коммунистических партий (СКП-КПСС)** вошли все российские компартии, кроме ВКПБ и РКП-КПСС, но в конце концов его подмяла под себя КПРФ, в январе 2001 г. заменившая на посту председателя Совета СКП-КПСС «гэкачеписта» О.Шенина своим лидером Г.Зюгановым⁷⁰. Остальные российские участники Союза компартий поначалу поддержали О.Шенина, но прервали с ним сотрудничество после того, как он на XXXIII съезде СКП-КПСС (29 февраля 2004 г.) объявил о преобразовании организации в «единую Коммунистическую партию марксистско-ленинского типа – КПСС»⁷¹.

Наконец, летом 1994 г. был учреждён **Союз коммунистических партий России (Роскомсоюз)**, прообразом которого был Политический консультативно-координационный совет коммунистов России (Роскомсовет), созданный 8–9 августа 1992 г. с целью подготовки объединительной конференции коммунистов бывшего СССР⁷². Когда объединение обернулось «восстановлением» КПРФ, Роскомсовет прекратил свою деятельность и возобновил её лишь в августе 1993 г.⁷³ В его работе приняли участие представители ВКПБ, РКРП, РПК, обоих Союзов коммунистов (А.Пригарина и С.Степанова) и «Ленинской позиции в КПРФ» (бывш. Ленинская платформа в КПРФ). На совещании 26 декабря 1993 г. они признали фактическое существование Союза коммунистических партий России (Роскомсоюза)⁷⁴, а 16–17 июля 1994 г. провели Всероссийскую (межпартийную) конференцию коммунистов – как учредительное мероприятие РКС. В резолюции конференции создание и деятельность Роскомсоюза назывались первым шагом к слиянию в единую партию⁷⁵. Однако процесс слияния затянулся, а потом и вовсе расстроился: было очевидно, что рано или поздно рычаги управления новой партией приберёт к рукам самая крупная организация – РКРП, а это никому, кроме неё, не нравилось.

Тем не менее кое-какие плоды вся эта объединительная кампания принесла. В частности, в преддверии выборов в Госдуму второго созыва, в августе 1995 г., на базе РКС был создан избирательный блок **«Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз»**. В него

не вошла только ВКПБ Н.Андреевой, занявшая бойкотистскую позицию (на выборах 1993 г. той же позиции придерживались все «левые» компартии). Кроме того, СК В.Маркова–С.Степанова попытался создать собственное избирательное объединение, к которому на неформальной основе присоединилась ВКП(б) А.Лапина, но им не удалось зарегистрировать свой список в Центризбиркоме. КТРзСС не преодолел 5%-ного барьера (4,53%)⁷⁶, в Госдуму прошёл лишь один его представитель – член ЦК РКРП В.Григорьев.

В дальнейшем радикальные коммунисты уже не столько объединялись, сколько ссорились. РКРП в 1996 г. раскололась на сторонников В.Тюлькина и В.Анпилова, ВКПБ в марте 1998 г. покинула Роскомсоюз⁷⁷. Объединительные попытки, правда, ещё предпринимались, но только на двусторонней основе. Так, РПК и РКП-КПСС в 1998 г. зарегистрировали Общероссийское политическое общественное движение «Советская Родина», коллективными членами которого являлись также движение «В защиту детства» («дочерняя» организации РПК) и крохотная Коммунистическая партия «Левая Россия» В.Бурдюгова⁷⁸. В 2001 г. РПК объединилась с РКРП в рамках РКРП-РПК. В целом же интеграционные процессы заглохли. В парламентских выборах 1999 г. участвовали два избирательных блока радикально-коммунистической ориентации: **«Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз»** (главные соучредители – РКРП и «Советская Родина») и **«Сталинский блок: Трудовая Россия, офицеры – за СССР»** («Трудовая Россия» и прокоммунистический Союз офицеров С.Терехова). Первый набрал по партийным спискам 2,22% голосов, второй – 0,61%⁷⁹. После этого радикальных коммунистов можно было смело списывать в утиль.

Чересчур яркий красный цвет не мог привлечь сколько-нибудь широкие слои населения современной России. Во-первых, были ещё живы в памяти некоторые малоприятные стороны «реального социализма». Во-вторых, раннюю социал-демократию, а затем и коммунистическое движение питало обострение конфликта между работодателями и работниками – а в 1990-х он был отгеснён на обочину. Следовательно, чтобы завоевать сердца избирателей, советскому традиционализму нужно было облачиться в более современные одежды.

Свою модель такого «костюма» представил **Российский общенародный союз** – «державнический» осколок КПСС. РОС был создан на базе фракции «Россия» Съезда народных депутатов РСФСР (лидер – С.Бабурин), члены которой не связывали себя с Компартией идеологически, но и не видели смысла порывать с нею организацион-

но – благо в руководстве КПСС и особенно КП РСФСР было много их единомышленников.

Идеология Российского общенародного союза представляла собой попытку компромисса между «красным» и «белым» традиционализмом. Советский период рассматривался как органический этап истории «централизованной многонациональной империи, раскинувшейся на необъятных просторах Евразии», при этом всячески затушёвывалась его специфика и подчёркивались черты, сближающие его с прочими эпохами. Задачей организации было объявлено «обеспечение преемственности между прошлым и будущим России с целью максимально возможного сохранения и расцвета уникальной Русской цивилизации»⁸⁰.

Присутствовали в программе РОС и элементы умеренного прогрессизма – в виде признания необходимости «последовательно проводить принцип плюрализма», создавать «новые экономические структуры» и «социальное рыночное хозяйство», а также «развивать традиции российского предпринимательства»⁸¹. Однако в целом доминировал традиционалистский посыл («Деятельность РОС основывается на глубинных традициях общественной и политической жизни народа России»⁸²), выраженный в призывах к «восстановлению насильственно оборванных традиций российской духовности; поддержке народной и классической традиций в культуре как основы нравственного оздоровления общества», «развитию издавна присущих России традиций национального равноправия и дружбы народов», «укреплению социальных, правовых и духовных основ уникально христианского, исламского и буддистского общества России», «всемерному развитию российских традиций социальной солидарности, взаимопомощи и благотворительности, возрождению нравственных устоев общества» и т.п.⁸³

По М.Дюверже, Российский общенародный союз следовало бы признать партией внутреннего происхождения. Однако к данному случаю предложенная французским учёным классификация прилагается с большим люфтом. Будучи созданным на основе парламентской фракции, РОС не имел убедительного представительства в последующих составах общенационального представительного органа – дело, как правило, ограничивалось избранием в Госдуму его лидера С.Бабурина и нескольких представителей. Впрочем, Российский общенародный союз сумел задержаться на политической сцене в качестве своеобразного гибрида клиентелы и клуба единомышленников. Уже в новом тысячелетии при участии РОС была создана

Партия национального возрождения «Народная воля», на выборах 2003 г. ставшая одним из соучредителей блока «Родина».

Долголетием Российский общенародный союз во многом обязан тактической гибкости своего руководства, которое в зависимости от конъюнктуры достаточно легко меняло выражение идейного лица. Вступая в переговоры, скажем, с ДПР, РОС выглядел почти центристской организацией, общаясь с национал-патриотами – почти националистической, предлагая сотрудничество РКРП – чуть ли не лево-радикальной. Такая способность к мимикрии помогала руководству РОС оборачивать в свою пользу практически любую ситуацию. Например, созданный при участии Российского общенародного союза избирательный блок «Власть – народу», даже не преодолев 5%-ного барьера на парламентских выборах 1995 г., смог добиться, чтобы его лидер Н.Рыжков возглавил депутатскую группу «Народовластие», а лидер РОС С.Бабурин стал заместителем председателя Госдумы.

Ещё один вариант приспособления к новым условиям представила **Социалистическая партия трудящихся**, образцом для которой, судя по всему, послужили социалистические и социал-демократические партии Восточной Европы. В программе СПТ чётко прослеживался как советский традиционализм, так и достаточно умеренный социальный либерализм. Партия, объявив себя «правопреемницей гуманистических идей и традиций КПСС», поставила своей задачей «сбережение и развитие культурно-исторической общности народов СССР» и борьбу против «социального расслоения, основанного не на трудовом вкладе в создание национального богатства, а на спекуляции и несправедливом распределении»; в то же время она признавала ценности свободы («как неотъемлемого права каждой личности на выбор и самоопределение в любой сфере общественной жизни – экономической, политической, духовной») и демократии («как исключительного права народа быть источником и носителем власти, как права каждого гражданина прямо или через избранных им представителей участвовать в решении всех проблем общества»), допускала «равноправие (экономическое и юридическое) всех форм собственности», а также, при соблюдении ряда условий, «переход к широкому разгосударствлению и приватизации»⁸⁴. Идеалом СПТ была «общественная система, которая совместит надёжные социальные гарантии с достоинствами многоукладной экономики и соревновательностью, при действенном участии трудящихся во владении и управлении производством, в распоряжении ими результатами своего труда»⁸⁵.

Несмотря на преимущественно интеллигентский состав руководства СПТ (среди её лидеров и идеологов был, в частности, «коммунистический диссидент» Р.Медведев), в Соцпартию трудящихся вошли многие бывшие функционеры КПСС и КП РСФСР, которые и обеспечили ей внушительную по постсоветским меркам численность – около 70 тыс. человек⁸⁶. СПТ приняла активное участие в «восстановлении» КПрФ и быстро взяла под свой контроль оргкомитет её съезда; между тем именно создание Компартии РФ поставило крест на Соцпартии трудящихся – почти все её члены перешли в КПрФ. В связи с этим на II съезде СПТ (5–6 июня 1993 г.) был даже поднят вопрос, не целесообразнее ли официально оформить прекращение существования и слияние с КПрФ⁸⁷. Этого сделано не было, СПТ продолжила существование в самостоятельном качестве и постепенно вконец захирела. Но и в таком состоянии она смогла дотянуть до парламентских выборов 1999 г., на которых выступила соучредителем «Блока генерала Андрея Николаева и академика Святослава Фёдорова» (0,56% голосов⁸⁸).

Наиболее удачную (или, по крайней мере, наиболее эффективную) версию советского традиционализма предложила **Коммунистическая партия Российской Федерации**. В её программе было всё – и верность социалистическим идеалам («красный» традиционализм), и стремление вписать советский период в «тысячелетнюю историю государства Российского» («белый» традиционализм), и учёт новейших реалий, выразившийся в упоминании теории «устойчивого развития», концепции «золотого миллиарда», «глобальных экологических, демографических и этносоциальных проблем Земли», «перехода от индустриальных к постиндустриальным, информационным технологиям», «обществоцивилизационных тенденций»⁸⁹ и пр. (умеренный прогрессизм).

Эклектичность идеологии породила множественность мнений относительно места КПрФ в идеологическом спектре. Некоторые исследователи определяли Компартию РФ как «реформистскую» партию, противопоставляя её «ортодоксальным» ВКПБ, РКРП, РПК и СК⁹⁰. Другие отказывали ей, а также всем организациям данной части спектра в праве именоваться левыми, квалифицируя их как «националистические, великодержавные и авторитаристские течения, употребляющие в той или иной мере антикапиталистическую популистскую демагогию (как это делали итальянские фашисты и немецкие нацисты)»⁹¹.

Самое интересное, что обе оценки верны: КПрФ одновременно и «левая», и «правая» партия. Безусловно левых позиций она придерживается в конфликтах «налогоплательщики–бюджетополучатели» и «труд–капитал» – в последнем случае не так ригористически, как радикальные коммунисты, поскольку допускает на переходном этапе «экономическую многоукладность»⁹². На шкалах же «унитаризм–сепаратизм», «традиционализм–прогрессизм» и «консерватизм–либерализм» Компартия РФ находится скорее по правую сторону от центра. Например, ратуя за «воссоздание на добровольной основе союзного советского государства»⁹³, она имеет в виду восстановление СССР, который де-факто был унитарным государством. Называя Россию «преемником Российской империи», «носителем культурной и нравственной традиции, основополагающими ценностями которой являются общинность, коллективизм, патриотизм», и призывая строить будущее страны «на прочном фундаменте её созидательных традиций и исторической преемственности»⁹⁴ КПрФ предстаёт в традиционалистском облике. А обещания восстановить «Советы и другие формы народовластия» и «народный контроль над производством и доходами»⁹⁵ напоминают об отнюдь не либеральной системе управления страной в советские времена.

Следует, по-видимому, согласиться с бывшим председателем Социал-демократической партии РФ Б.Орловым – «тех, кто сегодня являются членами КПрФ, можно назвать коммунистами лишь условно»⁹⁶. Идеологию Компартии РФ правильнее определить как разновидность популизма – отсюда её эклектика, конъюнктурность и даже всеядность. Эти качества позволили партийному руководству оседлать моду на советский традиционализм, переживавший в середине 1990-х свой расцвет.

Главное достижение КПрФ состоит в том, что она утвердила себя в общественном сознании как законная преемница КПСС, а значит, и всего советского строя. Это привело в её ряды сотни тысяч членов и значительную часть функционеров КПСС, а также обеспечило ей успех в избирательных кампаниях 1993–1999 гг. В итоге КПрФ стала не просто самой крупной компартией, но и единственной в стране по-настоящему массовой партией. В 1993–2003 гг. она обладала разветвлённой сетью региональных и местных структур, имела «первички» едва ли не в каждом населённом пункте, а её аппарат представлял собой внушительную по размерам иерархическую структуру.

Хотя на этот счёт есть разные точки зрения. Так, американец Дж.Ишияма, сравнивая КПрФ с партиями-«преемницами» других

восточноевропейских стран, определил её как «кадровоподобную», т.е. как модификацию кадровой партии. Основанием для этого послужила низкая «организационная плотность» Компартии РФ (невысокий коэффициент соотношения между количеством членов и числом получаемых на выборах голосов), а также идеологическая непоследовательность партийного руководства и его отказ от ставки исключительно на массовое членство. Не отрицая наличия у Компартии РФ широкой сети местных организаций, способных в ответственный момент мобилизовать поддержку избирателей, Ишияма вместе с тем солидаризовался с воззрением на КПРФ как на неустойчивое соединение двух партий, выступающих под одним знаменем: одна – кадровая – стремится приспособиться к реалиям постсоветской политики, другая – массовая – мечтает о возврате к прошлому⁹⁷.

На наш взгляд, мнение о КПРФ как о соединении двух партий проистекает из слишком идеализированного представления о массовой партии как таковой. В идеале руководители и рядовые члены массовой партии составляют единый организм, причём первые безоговорочно подчиняются воле последних. Однако, как показал ещё Р.Михельс, реальность весьма от этого далека, так что в массовых партиях, особенно социалистических, и у комитетчиков, и у рядовых партийцев в общем-то своя отдельная жизнь.

Сомнительны и критерии, в соответствии с которыми Дж.Ишияма относит ту или иную партию к «массовоподобным» или «кадровоподобным», – высокая организационная плотность и идеологическая последовательность. Первому требованию может отвечать партия, за которую голосуют только её собственные члены и их родственники, – на это указывали ещё критики М.Дюверже, ориентировавшегося на аналогичные показатели. Что касается идеологической последовательности, то здесь вряд ли кто превзойдёт какую-нибудь карликовую политическую секту вроде одного из многочисленных троцкистских интернационалов. Впрочем, и сам Дж.Ишияма признаёт, что существуют промежуточные типы – партии с широким членством, но идеологически непоследовательные либо идеологически последовательные, но не могущие похвалиться численностью. Однако идеальный тип массовой партии для него непременно сочетает оба названных признака; настаивая на этом, Дж.Ишияма апеллирует непосредственно к авторитету М.Дюверже⁹⁸. Что ж, в середине XX столетия, когда знаменитый француз писал свой классический труд, массовые партии в подавляющем большинстве действительно были партиями идеологическими (программными), но с той поры уткнуло

много воды. Сегодня почти все массовые партии порастрали как численность, так и идейную твёрдость, но говорить о них как о трансформировавшихся в какой-то иной тип, наверное, всё-таки преждевременно.

Возможно, Компартия РФ неплохо соответствует предложенной Р.Коле модели «модернизированной кадровой партии» – гибрида массовой и кадровой: массовой по форме и кадровой по содержанию⁹⁹. Однако на российском безрыбье КПРФ – очень даже массовая партия. Представители её руководства стабильно оценивали численность партии в пределах от 540 тыс. человек (в апреле 1997 г.¹⁰⁰) до 570 тыс. (летом 2003 г.¹⁰¹). Оценки экспертов были скромнее – около 300 тыс.¹⁰² После неудачи на выборах 2003 г. и особенно июльского раскола 2004 г., когда из партии ушли сторонники В.Тихонова и С.Потапова, образовавшие Всероссийскую компартию будущего, ряды КПРФ поредели. На XI съезде КПРФ (29 октября 2005 г.) Г.Зюганов оценил численность партии в 188 тыс. человек¹⁰³, немного округлив цифру, – на состоявшейся тремя неделями позже пресс-конференции секретарь ЦК В.Рашкин, приводя данные, представленные в Минюст, говорил уже о 182 152 членах¹⁰⁴, из которых Росрегистрация, по словам руководителя юридической службы ЦК КПРФ В.Соловьёва, «вычеркнула» ещё 50 тыс. – «по причине якобы непредставления на них полного комплекта документов»¹⁰⁵. Как бы то ни было, оставшиеся 134 тыс., по версии ФРС, или 186 тыс., по версии В.Соловьёва¹⁰⁶, стоят больше, чем миллион с лишним у «Единой России», поскольку являются для своего руководства реальной опорой, а не декорацией.

«Цветущий возраст» КПРФ пришёлся на вторую половину 1990-х. Имея представительство в Госдумах всех четырёх созывов, в 1996–1999 гг. она безо всяких преувеличений держала под своим контролем нижнюю палату парламента. На всех президентских выборах кандидат от коммунистов был главным оппонентом «партии власти», а в 1996-м – и вовсе без пяти минут победителем. В нескольких субъектах Федерации КПРФ провела своих представителей на губернаторские посты, а также сформировала партийные фракции во многих законодательных собраниях (иногда завоевывая в них большинство) и создала тем самым подобие «красного пояса»¹⁰⁷. Кроме того, Компартия сумела объединить вокруг себя обширный круг организаций, исповедующих советский традиционализм в той или иной вариации, результатом чего стало появление на свет **Народно-патриотического союза России** (август 1996 г.).

Но при всех её превосходствах в одном отношении КПрФ ущербна. В отличие от социал-демократических и коммунистических партий начала–середины XX в., она никогда не опиралась на рабочее движение и не служила трамплином для выходцев из социальных «низов». Компартия РФ возникла и существует прежде всего в силу исторической инерции: слишком много «лишних людей» оставила после себя КПСС, слишком много оказалось в стране бюджетополучателей, не видящих ничего хорошего в будущем и тоскующих по советскому прошлому. С этим связано множество проблем КПрФ, в первую очередь проблема воспроизводства актива и руководящих кадров. Большинство членов Компартии – пожилые люди. И хотя лидеры КПрФ много рассказывают о притоке в партию молодёжи¹⁰⁸, а также «зрелых людей 25–40 лет»¹⁰⁹, ручеек этот не такой обильный, какой требуется хотя бы для поддержания организации в нынешнем состоянии.

К тому же массовость рядов – отнюдь не всегда благо для партии. Большая численность некогда обеспечивала социал-демократам и коммунистам финансовую независимость и бесплатных помощников. КПрФ на это рассчитывать не может: взносы скудны, а помощники стары и неадаптивны. В современных условиях организационная мощь является скорее недостатком, лишаящим партию тактической гибкости и манёвренности. Ещё в 1998 г. С.Пшизова писала, что Компартия, похоже, напрасно гордится своими «крепкими оргструктурами», поскольку «новые средства политической коммуникации не только обесценивают это преимущество, но и превращают его в обузу»¹¹⁰.

Впоследствии, в 2003 г., инерционность идеологии и тактики КПрФ превратилась в настоящую ахиллесову пята и привела к серьёзной электоральной неудаче. Однако в 1990-х КПрФ находилась на подъёме и извлекала из своего положения максимум выгод.

Достаточно специализированную версию советского традиционализма выдвинула *Аграрная партия Россия*, созданная в начале 1993 г. группой руководителей агропромышленного комплекса. АПР представляла собой не столько партию, сколько корпоративную организацию бывших председателей колхозов и совхозов. Она обзавелась вполне «модернизационной» программой, в которой ставились такие задачи, как «утверждение подлинной демократии, народовласти и широкого самоуправления», «преодоление в общественном сознании установившихся догм о консерватизме и политической отсталости крестьянства», «становление и углубление цивилизованного

рыночного механизма в агропромышленном секторе»¹¹¹ и пр. Однако более адекватно суть идеологии Аграрной партии отразили протест последней против «превращения земли в предмет бездумной и безоглядной купли-продажи», а также требования установить «обоснованный паритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию», сократить налог с сельских товаропроизводителей, уменьшить торговую надбавку на сельскохозяйственную продукцию; исключить «многообразную спекулятивную перепродажу сельхозпродукции»; сократить «неоправданный и убыточный для страны импорт продовольствия»; искоренить на рынках «мафиозные структуры, искусственно завышающие цены»¹¹². Умеренный традиционализм АПР выразился в призывах «спасти и укрепить отечественную духовность и культуру, нравственные нормы, исторические традиции и уклады жизни», а также в обещаниях развернуть «решительную борьбу против глумления над многовековой историей России, против насаждения межнациональных распрей и ненависти, против навязывания культа наживы, разврата, насилия»¹¹³.

На первых порах, пока КПрФ ещё не монополизировала ниву советского традиционализма, Аграрная партия довольно успешно эксплуатировала клиентелистские связи своих «нотаблей» и особенности мировосприятия сельского бюджетополучателя (как разновидности бюджетополучателя советского и постсоветского), бесхитростно сформулированные одним сельхозчиновником, а заодно и членом руководства АПР: «Россия должна кормить своих крестьян»¹¹⁴. В частности, на парламентских выборах 1993 г. АПР получила около 7,99% голосов по партийным спискам¹¹⁵, а к созданной ею в Госдуме фракции присоединились 34 одномандатника¹¹⁶. В парламенте представители АПР с переменным успехом добивались увеличения государственных субсидий сельскому хозяйству.

В дальнейшем КПрФ откусила большую часть «аграрного» электората, так что на выборах 1995 г. АПР не преодолела 5%-ного барьера (3,78%¹¹⁷) и перешла на положение сателлита Компартии. В ходе кампании 1999 г. её руководство раскололось, выбирая, к кому присоединиться – к КПрФ или к блоку «Отечество – Вся Россия». А в 2003-м, когда партия вновь решила участвовать в выборах, она фактически повторила свой результат восьмилетней давности – 3,64%¹¹⁸.

Что касается традиционализма несоветского («белого»), то подавляющее большинство организаций этой части политического спектра носило откровенно маргинальный характер. Из общего ряда вы-

ступало разве что движение *«Русское национальное единство»* А.Баркашова, сумевшее превратиться в разветвлённую структуру милиционного типа. Целью РНЕ было объявлено построение «Нового Русского государства» – для «ликвидации последствий всеохватывающего массового уничтожения (геноцида) по отношению к Русскому Народу и другим коренным народам России, осуществлявшегося под масками интернационализма, коммунизма (а ныне – демократии и так называемых общечеловеческих ценностей), а также недопущения в настоящем и будущем дискриминации и ущемления в каких бы то ни было формах прав и интересов Русского Народа и других коренных народов России»¹¹⁹.

Основу организационного устройства РНЕ составляли военизированные формирования, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что многие его активисты работали в частных охранных предприятиях. В «Краткой истории РНЕ», распространявшейся в 1997 г. пресс-службой движения, активисты «Русского национального единства» именовались «бойцами», а в числе их партийных обязанностей упоминались занятия «строевой и огневой подготовкой, рукопашным боем»¹²⁰; кроме того, сообщалось, что «на закрытых базах РНЕ в Подмоскowie ...опытные наставники, бывшие офицеры спецподразделений ВДВ, КГБ и ГРУ, оттачивали воинское мастерство Русских парней, связавших свою судьбу с Русским Национальным Единством»¹²¹. Особо отмечалась роль РНЕ в защите Дома советов в сентябре–октябре 1993 г.: «Бойцы РНЕ быстро стали образцом порядка и дисциплины среди разномастных защитников парламента, особенно в последний день обороны, когда внутри содрогавшегося от разрывов насквозь простреливаемого здания, перекрыв тёмные коридоры баррикадами из сейфов и столов, наши парни сохраняли мужество и спокойствие, готовые умереть, но не отступить. ...Именно в эти часы бойцам РНЕ пригодились навыки постоянных занятий, дисциплинирующих человека, тренирующих его тело и волю, вырабатывающих способность мгновенно реагировать на команды и возникающую опасность»¹²².

Осенью 1994 г. Центральный совет РНЕ постановил в дополнение к «военно-политической части» движения, составляющей его ядро, создать «общественно-политическую часть», на базе которой в дальнейшем сформировать «массовую дееспособную политическую партию Русского Народа»¹²³, основываясь на «чётком своевременном выполнении приказов, контроле за выполнением поручений, достоинстве, выдержке и дисциплине». При этом руководство движения под-

чёркивало, что «в отличие от парламентских партий РНЕ является политической организацией авторитарного типа»: «Это означает, что любое лицо, обладающее в Движении определённой компетенцией, обладает абсолютной властью в области принятия решений и несёт абсолютную ответственность за принимаемые им в пределах своей компетенции решения. За пределами своей компетенции это лицо руководствуется решениями Главного соратника и своего непосредственного Руководителя»¹²⁴.

Агрессивная ксенофобия, культ сильной руки, призыв к установлению «Русского Порядка» находили отклик не только у определённой части молодёжи, но и у некоторых представителей властей, как правило силовых структур (в первую очередь милиции). Как заметил исследователь национал-патриотических организаций М.Соколов, РНЕ вообще «поразительно легко находило общий язык с правоохранительными органами, даже когда выступало в роли нарушителя порядка»¹²⁵. По его словам, даже совершаемые баркашовцами преступления (рэкёт, вымогательство, избиения задержанных) «мало чем отличались от преступлений настоящих милиционеров»¹²⁶. И преступления эти отнюдь не были редкостью: «Руководители региональных отделений РНЕ постоянно испытывали искушение (и, как показывают криминальные сводки, нередко не могли перед ним устоять) превратить подконтрольную им группу вооружённых людей в средство быстрого личного обогащения. Коллективная стратегия политической организации, обещавшей большие блага для всех в отдалённом будущем, далеко не всегда выдерживала конкуренцию с соблазном получить меньший выигрыш и только для себя, но немедленно»¹²⁷.

Вместе с тем, пока РНЕ ограничивалось «военно-патриотическим воспитанием», власть смотрела на его выходы если не благосклонно, то как минимум сквозь пальцы; однако, как только руководство движения посягнуло на участие в большой политике (А.Баркашов, в частности, пытался поучаствовать в президентских выборах 1996 г.), ему тут же начали чинить препятствия: у региональных отделений РНЕ отбирали регистрацию (на общероссийском уровне оно так и не смогло зарегистрироваться), а впоследствии, с помощью ряда закулисных ходов, был спровоцирован раскол и полная маргинализация движения¹²⁸.

Остаётся констатировать, что самым жизнеспособным на российской почве оказался традиционализм советского образца, а самым

эффективным его носителем – партия, признанная законной наследницей КПСС.

6.2.2. Прогрессисты (либералы, социал-демократы)

Если ликвидация КПСС была актом моментальным и рукотворным (деятельность партии запретил своим указом президент Б.Ельцин), то политическая кончина её главного оппонента, «Демократической России», носила «естественный», а потому несколько затянувшийся характер. Уже в ноябре 1991 г. из «ДемРоссии» вышли участники блока «Народное согласие» – ДПР, РХДД и КДП-ПНС, обвинившие «руководящую верхушку» ДР в игнорировании мнения наиболее крупных коллективных членов и принятии решений, «компрометирующих демократическое движение»¹²⁹. В январе 1992 г. «ДемРоссию» покинули лидеры её т.н. радикального крыла Ю.Афанасьев, Ю.Буртин, Л.Баткин, Б.Денисенко и М.Салье, констатировавшие неспособность руководящего «большинства» в Координационном совете ДР «вырабатывать и отстаивать собственную линию в послеавгустовской ситуации»¹³⁰; в марте о непризнании полномочий КС заявили организации, объединившиеся незадолго до того в блок «Новая Россия» (СДПР, НПР, Крестьянская партия России, Социально-либеральное объединение РФ и др.)¹³¹. Самое же главное – очень быстро таяли силы «ДемРоссии»: падала численность, сворачивали деятельность местные организации, слабели позиции в представительных органах. К осени 1992 г. влияние ДР практически сошло на нет.

В этом не было ничего удивительного. «ДемРоссия» выполнила свою задачу и осталась не у дел. Она боролась с монополией КПСС, за полноценную конкуренцию на политическом пространстве, т.е. за демократию, – и победила. На повестку дня вышли другие вопросы, касающиеся внедрения принципов конкуренции в экономическую сферу – иначе говоря, осуществления рыночных реформ; и здесь «Демократическая Россия» не могла ничего. Она объединяла весьма разношерстную компанию – от социал-демократов до либерал-консерваторов – на основе отстаивания принципа политической демократии, а для других целей приспособлена не была. К руководителям «ДемРоссии» как нельзя лучше подходят слова Н.Бирюкова и В.Сергеева: «...Выяснилось, что политические навыки новой элиты ограничивались умением эксплуатировать накопившийся потенциал массового недовольства и что никакой программы институционального строительства у новых лидеров нет – ибо нет ни соответствующего операционального опыта (как не было его у их политических

оппонентов), ни каких-либо представлений относительно того, что, собственно, надо делать в новых условиях»¹³².

Проведение рыночных реформ взяло на себя правительство Е.Гайдара, и демократам, набившим руку в организации протестных акций, но мало смыслящим в экономике, оставалось либо соглашаться с действиями кабинета, либо по привычке переходить в оппозицию. Одни участники «ДемРоссии» избрали первый путь, другие – второй, но ни те ни другие не оказали особого влияния на расстановку сил, поскольку не имели для этого инструментов. На улице инициативу у них перехватила «непримиримая» («право-левая», «национал-коммунистическая», «красно-коричневая») оппозиция, в парламенте – сначала центристы, а потом всё те же «непримиримые».

Нельзя сказать, что демократы совершенно опустили руки. В 1992–1993 гг. они неоднократно пытались собрать остатки своего войска. Летом 1992 г. состоялся Форум сторонников реформ, на основе которого было создано объединение «Демократический выбор», выступавшее с позиций безусловной поддержки политики гайдаровского правительства – за «ускорение перехода “ничейной” государственной собственности в собственность граждан», «полномасштабное вхождение России в мировой рынок», «резкое снижение государственных расходов и, соответственно, налогов при одновременном вовлечении граждан в предпринимательство» и пр.¹³³ Вскорости ДВ ушёл в небытие, так и не совершив ничего запоминающегося.

В марте 1993 г., сразу после начала нового витка конфронтации между Съездом народных депутатов РФ и президентом, был образован Общественный комитет демократических организаций России. Проведя несколько митингов в поддержку Б.Ельцина и несколько заседаний, ОКДОР свёл дальнейшую деятельность к участию в работе Конституционного совещания¹³⁴.

Попытки возродить авторитет демдвижения были обречены на провал, так как ориентировались на доавгустовскую социальную базу – интеллигенцию, успешную к тому времени заметно деполитизироваться, и на доавгустовские же программные установки о борьбе с угрозой коммунистического реванша – по сути, о той же самой борьбе против КПСС. Однако эта борьба потеряла смысл, потому что коммунисты давно были не у власти, а в оппозиции.

«Кризис жанра» отпечатался на всех организациях данной части политического спектра, созданных с августа 1991-го по лето 1993 г. В условиях «демобилизации» и политической диверсификации интеллигенции партстроители пытались соорудить что-то новое из ста-

рых кирпичей, рассыпающихся в пыль. На выходе получалась пародия на партии и движения периода подъёма – копировались лишь лозунги, тогда как источник, питавший их жизненными соками, иссяк.

Большинство демократических организаций, появившихся в 1991–1993 гг., возникали в результате либо раскола доавгустовских партий (*Социально-либеральное объединение РФ, Российская социально-либеральная партия, Российский христианско-демократический союз*), либо стараний изготовить дубликат «ДемРоссии» (блок «Новая Россия», *Российское движение демократических реформ, коалиция «Демократический выбор», Общероссийский комитет демократических организаций России*). Несколько особняком стояла, пожалуй, только *Партия экономической свободы*, создание которой можно рассматривать как попытку расширить социальную базу демдвижения, вывести его за чисто интеллигентские рамки, привлечь к партстроительству новый социальный класс – предпринимателей. В инструкции, рассылавшейся в ходе подготовки учредительного собрания ПЭС, прямо говорилось, что костяк региональных отделений партии должны составить «люди, делом доказавшие способность ...управлять современными экономическими механизмами, т.е. приверженцы идеи и практики экономической свободы – предприниматели», а сами организации должны строиться «на основе привлечения различных коммерческих структур и финансовых групп, в том числе и конкурирующих, осознавших единство политических целей»¹³⁵.

Попытку эту трудно признать удачной – прежде всего в силу несвоевременности. Российское предпринимательство как класс находилось в самом начале своего формирования и не созрело не то что до политической деятельности, но и до простого корпоративного объединения – эта проблема, кстати, не утратила актуальности и поныне. Появление же ПЭС объяснялось не столько социальными потребностями предпринимательского класса, сколько личными амбициями её основателя – президента Российской товарно-сырьевой биржи К.Борового.

Все эти образования оказались крайне недолговечными: коалиции распались едва ли не в день создания, а партии существовали только на бумаге. Сколько-нибудь дееспособные организации в данной части спектра начали складываться лишь в середине 1993 г. и окончательно сформировались в ходе избирательной кампании в Госдуму первого созыва. Речь идёт о «*Выборе России*» и «*Яблоке*».

Однако правильнее было бы определить их не как демократов, а как либералов – не только потому, что основным содержанием их деятельности было продвижение либеральных реформ в экономике, но ещё и потому, что демократическими, т.е. признававшими необходимость реальной (а не чисто формальной) выборности органов власти на основе всеобщего избирательного права, являлись почти все тогдашние политические организации. Исключение составляли отдельные маргинальные образования национал-патриотического и леворадикального толка, отрицавшие принципы парламентаризма и равенства всех перед законом, однако погоды они не делали.

Здесь хотелось бы поспорить с В.Гельманом, который провёл чёткую разделительную линию между «Выбором России» и его преемниками (ДВР, СПС), с одной стороны, и «Яблоком», с другой: последователей первого он квалифицировал как либералов, второго – как демократов. Либералы, по В.Гельману, – это «сторонники свободного рынка, видящие в демократии лишь одно из средств (и не самое значимое) его достижения», а демократы – «приверженцы демократических институтов, рассматривающие рыночную экономику как важное, но не единственное условие их построения»¹³⁶. Подобное мнение действительно бытует как в российской, так и зарубежной литературе. Однако существование таких течений, как социал-демократия, популизм и пр., т.е. вполне демократических, но не совсем либеральных (а то и совсем не либеральных), заставляет взглянуть на проблему под иным углом и рассматривать демократов как сторонников либерализма в политической сфере, а именно – в конфликте «авторитаризм–демократия». Либералы при этом предстают как поборники конкуренции и в политической, и в экономической сферах. С этой точки зрения либерал, выступающий с авторитаристских позиций, не может считаться последовательным либералом (в лучшем случае – прогрессистом).

Приверженность «Выбора России» (ДВР, СПС) либерализму, а значит, и демократии можно оспаривать только в пылу межпартийной полемики. Не исключено, что тут и кроется причина нежелания В.Гельмана признавать «выбороссов» демократами: в 1990-х гг. он был членом «Яблока» и даже представлял его интересы в Центризбиркоме РФ (с правом совещательного голоса). Между двумя течениями в российском либерализме и в самом деле есть серьёзные разногласия, но лежат они в несколько иной плоскости. Но об этом чуть позже.

В 1990-х гг. и ВР, и «Яблоко» считали своей главной целью воплощение принципов конкуренции не столько в политической, сколько в экономической сфере. Первая задача в известной мере была решена, ко второй только-только подступались. Неслучайно во главе обеих организаций встали не публицисты, не гуманитарии и не увлеченные политикой физики и математики, а экономисты, причём уже успевшие попробовать себя на государственном поприще, – бывший и.о. председателя правительства РФ Е.Гайдар и бывший вице-премьер кабинета министров РСФСР Г.Явлинский.

«Выбор России» и «Яблоко» сближал не только экономической (да и политический) либерализм, но и безусловный прогрессизм. Именно они являлись главными идейными оппонентами разного рода традиционалистов – «красных», «белых» etc. И именно прогрессизмом они привлекали своих избирателей, которые мало вникали в детали экономических доктрин, но хотели «жить как в Европе», шагая со всем передовым человечеством в светлое постиндустриальное будущее и борясь за «достойное место [России] в мировой цивилизации XXI века»¹³⁷.

Вместе с тем было и то, что разделяло две главные либеральные организации страны и мешало их объединению – даже в самых «мягких» формах. В 1990–1991 гг. «Демократическая Россия» собралась в своих рядах партии, недолюбливавшие друг друга ничуть не меньше, чем «выбороссы» и «яблочники». На первый взгляд могло показаться, что препятствием к объединению ВР и «Яблока» являлось отношение к действующей исполнительной власти: «Выбор России» активно сотрудничал с последней, поставляя ей интеллектуальные кадры, «Яблоко», напротив, подчёркивало свою принципиальную оппозиционность – и президенту, и правительству, и большинству Федерального Собрания¹³⁸. Но при более внимательном рассмотрении обнаруживалось, что «яблочники» отказывались дружить только с непопулярной властью: в Москве они, например, одно время прекрасно уживались с мэром Ю.Лужковым, на фоне которого правительство РФ выглядело светочем рыночного прогрессизма, а в путинские времена делегировали своих представителей в федеральные органы исполнительной власти. Так что дело было в другом.

Либеральное движение 1990-х расколол самый мощный и одновременно наиболее «закамуфлированный» общественный конфликт современной России – между бюджетополучателями и налогоплательщиками. Если тщательно изучить программные документы «Выбора России» и «Яблока», нетрудно увидеть, что ВР наиболее акту-

альной задачей считал «перенос основной доли ответственности за формирование достойного уровня жизни на самих граждан»¹³⁹ и возвращение нового социального слоя, способного стать опорой нарождающегося рыночного экономического уклада, – налогоплательщиков в целом, в том числе предпринимателей; «яблочники» же делали акцент на перераспределении уже произведённого национального продукта и обеспечении достойного существования бюджетополучателей, полагая, в частности, систему социальной поддержки малоимущих и нетрудоспособных «важнейшей частью экономики современного типа»¹⁴⁰.

О.Малинова, сравнивая взгляды «Яблока» и «Демократического выбора России» (преемника ВР), заметила по этому поводу: «Идеологи ДВР склоняются к более “классической” модели [либерализма], предпочитающей “минимальное государство”, свободный рынок, обеспечивающий экономический рост, и социальные программы в пределах возможного. “Яблочники” предпочитают более “социально ориентированную” модель, оставляющую государству некоторые “дирижёрские” функции и подчёркивающую приоритетность социальной поддержки»¹⁴¹.

В сущности, «чистыми» экономическими либералами были представители «линии Гайдара», тогда как сторонники «линии Явлинского» – скорее социал-либералами (они и сами признавали себя таковыми¹⁴²), т.е. современными социал-демократами, не желающими, правда, говорить об этом в полный голос¹⁴³ – среди прочего по причине внутренних разногласий.

С точки зрения политической конъюнктуры «Выбор России» находился в менее выигрышном положении, чем «Яблоко». Тот социальный слой, возвращению которого «выбороссы» отдавали все силы, отнюдь не отвечал «садовнику» взаимностью. Предприниматели и менеджеры, обретая экономическую независимость, вовсе не считали себя кому-то обязанными. Они вообще мало интересовались политикой и решали свои проблемы устанавливая непосредственные контакты с отдельными представителями власти. Налогоплательщики же в своей массе защищали свои интересы самым примитивным из возможных способов – уклоняясь от налогов. Единственной страстью, на которую мог опереться «Выбор России», оставалась та часть интеллигенции, которую можно назвать «буржуазной», но не по статусу, а по мировоззрению – она просто не мыслила для страны другого пути развития, кроме рыночного¹⁴⁴.

И если поначалу позиции «Выбора России» казались более солидными, нежели у «Яблока» (на думских выборах 1993 г. первый получил 15,51% голосов против 7,86% у второго¹⁴⁵), то исключительно благодаря поддержке со стороны исполнительной власти, которая видела в ВР потенциальную правящую партию – точнее, партию парламентского большинства. Стоило преемнику блока – «Демократическому выбору России» – рассориться с властью, и он провалил следующую парламентскую кампанию, не преодолев 5%-ного барьера. «Гайдаровцев» поддержали только самые верные, самые идейные их сторонники, остальные разбрелись по всему политическому полю, причём едва ли не первыми отrekliлись от своих благодетелей те самые «новые русские», более всех выигравшие от рыночных реформ.

Однако и положение «Яблока» не было столь уж незыблемым. Хотя оно прошло в Госдуму второго созыва, но с худшим результатом, чем в 1993 г., – 6,89%¹⁴⁶. Расширить своё представительство в ГД «яблочникам» позволило лишь отсутствие идеологически близких конкурентов да мультипликативный эффект при конвертации результатов голосования в депутатские мандаты. На каждых последующих парламентских выборах «Яблоко» получало всё меньше голосов, что было несомненным признаком сужения его социальной базы.

Если разобраться, это сужение было совершенно закономерным. «Яблоко» могло рассчитывать только на наиболее образованную часть бюджетополучателей, разочаровавшуюся в реформах, но продолжавшую по инерции придерживаться либерального мировоззрения. В качестве альтернативы «несправедливым», «грабительским» реформам «яблочники» выдвигали проекты других реформ – разумеется, справедливых, т.е. таких, которые проводятся «в интересах основной массы населения России, а на горстки наиболее удачливых и предприимчивых»¹⁴⁷. По-видимому, какое-то время избиратели «Яблока» воспринимали эти проекты как нечто имеющее шансы воплотиться в жизнь. Но по мере убывания этой веры убывал и либерализм даже самого интеллигентного бюджетополучателя, который голосовал уже не за «Яблоко», а за партии, находящиеся либо на противоположном фланге политического спектра, либо вообще вне противостояния реформистов и антиреформистов.

Между тем политическая позиция «Яблока» с самого начала отражала взгляды той части интеллигенции, которая не сумела адаптироваться к новой ситуации и самостоятельно встать на ноги. Представители данной категории населения некогда связывали с реформами слишком радужные надежды, полагая, что они чуть ли не автомати-

чески устранят все трудности, а лично от них не потребуют особых усилий. Когда же выяснилось, что действительность не совпадает с ожиданиями, эти люди почувствовали себя обманутыми и быстро нашли виновников такого положения дел. Вообще, представление «мир в большом долгу передо мной» – признак если не люмпенизованности, то как минимум маргинализации сознания. Тем не менее тот факт, что «Яблоку» до сих пор удаётся удерживаться на политической сцене, свидетельствует о том, что оно сохранило ядро наиболее преданных сторонников, интеллигентский идеократизм которых помогает блюсти верность выбранным когда-то принципам даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Вероятно, известную роль в «яблочном» долгожительстве сыграла и довольно жёсткая структура партии, исключающая возможность серьёзных внутренних расколов, да и несерьёзных тоже. «Яблоко» создавалось как блок популярных политиков (первую тройку его избирательного списка помимо Г.Явлинского составили бывший начальник Контрольного управления администрации президента РФ Ю.Болдырев и посол России в США В.Лукин; по первым буквам их фамилий оно и получило название – «ЯБЛоко») и трёх политических партий – Социал-демократической партии Российской Федерации, Республиканской партии РФ и партии «Российский христианско-демократический союз – Новая демократия»¹⁴⁸ (впрочем, часть членов РПРФ и РХДС-НД пошла на выборы в составе «Выбора России»). Впоследствии Г.Явлинский отказался от «услуг» РПРФ, СДПР и РХДС и сформировал на основе думской фракции «Яблоко» одноимённое объединение, устав которого не допускал коллективного членства¹⁴⁹. В начале парламентской кампании 1995 г. организацию покинул Ю.Болдырев – человек не менее, если не более честолюбивый, чем Явлинский (что касается В.Лукина, то он никогда не претендовал на роль лидера); причиной послужило несогласие Болдырева с лоббированием «яблочниками» закона «О соглашениях о разделе продукции», а также недовольство расхождением между «реальной практикой основной парламентской деятельности “Яблока”» и «заявленной ...ранее системой целей и ценностей»¹⁵⁰.

После этого «Яблоко» превратилось в вотчину своего лидера. Замкнув на себя финансирование объединения, Г.Явлинский установил плотный контроль над ближайшим окружением, удаляя из партии всех, кто казался ему потенциально опасным. Разумеется, клиентельные отношения никогда не приобретали в «Яблоке» такой незамутнённой чистоты, как, допустим, в ЛДПР, – всё-таки это интелли-

гентская партия, и положение её лидера обеспечивалось прежде всего интеллектуальным авторитетом последнего. Черты клуба единомышленников – неотъемлемый атрибут «Яблока»; патрон-клиентские отношения охватили его не целиком, коснувшись в основном верхнего эшелона внутрипартийной иерархии. Тем не менее обусловленная их наличием жёсткость организационной конструкции сказались на дальнейшем развитии партии. Во-первых, «Яблоко» в значительной степени утратило тактическую гибкость и способность к расширению рядов, а заодно и политического влияния; во-вторых, оно уже не могло позволить себе вступать в сколько-нибудь долговременные союзы с другими организациями, тем более создавать с ними блоки – это поставило бы под угрозу всю систему личных связей, сложившуюся в партийном руководстве. Компенсацией за отказ от возможности расширить электорат явилось долговременное существование в практически неизменном виде. Вопрос же о том, что лучше – стабильность или перспектива роста, – относится к сфере ценностных и вкусовых предпочтений.

«Выбор России», как и «Яблоко», начал формироваться ещё летом 1993 г. – как блок реформистских сил, «выражающий интересы всех тех, кто на референдуме 25 апреля поддержал реформаторский курс президента Б.Ельцина»¹⁵¹, – и был официально учреждён в ходе кампании по выборам в Госдуму первого созыва. Учредителями избирательного блока «Выбор России» выступили одноимённое движение (образовано одновременно с блоком), «Демократическая Россия», Партия демократической инициативы (создана в начале сентября 1993 г.) и Крестьянская партия России¹⁵². На неформальной основе к блоку присоединились коалиция «Демократический выбор», Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельхозкооперативов России (АККОР), фракция «Выбор России» в Республиканской партии РФ, часть партии «Российский христианско-демократический союз – Новая демократия», Лига кооператоров и предпринимателей, Союз «Живое кольцо» и движение «Военные за демократию»¹⁵³. Костяк организационной структуры ВР составили, однако, региональные интеллигентские клубы – «остаточный капитал» «ДемРоссии».

Немалый вклад в становление «Выбора России» сделала и исполнительная власть. Уступив партиям и общественным объединениям организаторские функции, она буквально нашпиговала избирательный список ВР своими представителями¹⁵⁴. В итоге, как отмечал

В.Шейнис, природа «Выбора России» оказалась двойственной: «По своему происхождению, ...по заявленной программе, по массовой социальной базе в регионах и особенно в столицах, по интенциям многих лидеров это была демократическая организация. Ей были присущи достоинства и недостатки, которые являла российская демократия в предшествующие годы. Но “Выбор России” был чётко ориентирован на безусловную поддержку власти, завершавшей своё обособление от демократов... Поэтому “Выбор России” становился в перспективе прибежищем новой российской бюрократии, начинавшей осознавать себя как класс. ...Уже тогда [в 1993 г.] был запрограммирован его распад, который начался чуть ли не на второй день после выборов»¹⁵⁵.

И действительно, после декабрьских выборов, разочаровавшись в «Выборе России», бюрократия дружно двинулась прочь из его рядов, и в блоке сохранилась только интеллигентская составляющая. На её основе летом 1994 г. была образована партия «Демократический выбор России». Внешне ДВР походил на «Яблоко»: в нём тоже не было коллективного членства, зато был единоличный лидер. Однако по сути партия не являлась клиентелой, так и оставшись ассоциацией интеллигентских клубов, слегка разбавленной предпринимателями, пришедшими туда в сугубо индивидуальном качестве. «Повинен» в этом был не в последнюю очередь сам Е.Гайдар – почти исключительно интеллектуальный лидер, который крайне неохотно занимался публичной политикой и организационной работой, а тем более вопросами финансирования партийной деятельности.

Рыхлость структуры ДВР, с одной стороны, не способствовала «живучести» партии, но с другой, делала её более открытой для контактов с соседями по политическому спектру. ДВР неоднократно выступал с объединительными инициативами (адресованными в том числе «Яблоку»), и не его вина, что те не всегда находили отклик (в случае с «Яблоком» так и вовсе никогда).

Разумеется, «Демвыбором России» и «Яблоком» не исчерпывалось разнообразие либеральных объединений 1990-х. В этот период был создан целый ряд организаций, в той или иной степени придерживавшихся принципов экономического либерализма: движения **«Вперёд, Россия!»** (Б.Фёдоров) и **«Общее дело»** (И.Хакамада), **Российская партия социальной демократии** (А.Яковлев), **Федеральное демократическое движение** (О.Новиков), **партия «Демократическая альтернатива»** (В.Шостаковский, И.Яковенко), **Объединённый демократический центр** (И.Ройтман, В.Давыдкин)

и др. Ни одна из них, впрочем, не смогла представить убедительную альтернативу доктринам, отстаиваемым «Демвыбором России» (либерализм налогоплательщиков) и «Яблоком» (либерализм бюджетополучателей). Большинство вновь созданных партий и движений колебались между двумя этими вариантами, отдавая явное предпочтение «яблочному», чему благоприятствовала политическая конъюнктура.

Исключением можно считать разве что движение «Вперёд, Россия!», возглавляемое бывшим вице-премьером в правительстве В.Черномырдина Б.Фёдоровым. В устремлённости к радикальным рыночным реформам оно обгоняло даже «Демвыбор России», выступая за наведение финансовой дисциплины и ликвидацию дефицита бюджета и инфляции «с помощью жёстких мер по контролю за эффективностью расходов и сокращению неприоритетных программ»¹⁵⁶. Однако своими главными целями движение провозгласило «возрождение и укрепление национального самосознания и российской государственности»¹⁵⁷, а также проведение достаточно жёсткой политики в области национально-территориального устройства («Единство и неделимость государства – неизбежный принцип российской государственности»¹⁵⁸), в т.ч. выравнивание прав областей и национальных республик («Мы обязаны добиться: экономического и политического равенства субъектов Федерации; отмены незаконных сепаратных сделок Центра с регионами; выполнения субъектами Федерации законов России, включая уплату налогов и пресечение национализма»¹⁵⁹). В частности, основатели ВпР единственные в демократическом лагере безоговорочно поддержали ввод в Чечню федеральных войск (декабрь 1994 г.)¹⁶⁰.

Другими словами, движение выступило с позиций национал-либерализма, или либерал-консерватизма,¹⁶¹ – идеологии, достаточно широко распространённой в Восточной Европе и европейских республиках бывшего СССР, но в России проповедуемой лишь несколькими публицистами. Здесь «национализм» («патриотизм») и «либерализм» оказались разведены по противоположным полюсам политического спектра: первый служил признаком традиционализма, второй – прогрессизма. На думских выборах 1995 г. «Вперёд, Россия!» получило 1,94% голосов¹⁶², продемонстрировав тем самым неспособность либерал-консерваторов не только снять противоречия между «гайдаровской» и «яблочной» тенденциями в российском либерализме, но и составить им серьёзную конкуренцию. Сторонникам

Б.Фёдорова, как и другим либеральным организациям, оставалось уповать на возможное объединение всех либеральных сил страны.

Подобному объединению, однако, препятствовала жёсткая позиция «Яблока», которое упорно отказывалось от каких бы то ни было союзов и соглашалось лишь на один вариант – роспуск всех прочих организаций и вступление их членов в индивидуальном порядке в «яблочные» ряды. Неудивительно поэтому, что центром консолидации либеральных сил объективно становился «Демвыбор России» – при том, что, как уже говорилось, большинство новосозданных партий и движений по своим программным установкам тяготело скорее к «Яблоку». Так, например, на союз с ДВР вынуждена была ориентироваться Российская партия социальной демократии, само название которой указывало на приверженность принципам социал-либерализма.

Попытки объединения либералов вокруг ДВР в 1990-е гг. предпринимались как минимум трижды. Сначала в ходе думской кампании 1995 г. был создан **избирательный блок «Демократический выбор России – Объединённые демократы»**, в который помимо ДВР вошли РПСД, Крестьянская партия России (Ю.Черниченко) и Конгресс национальных объединений России (А.Руденко-Десняк)¹⁶³, а также, на неформальной основе, организации «Женщины за солидарность» (И.Андреева) и «Военные за демократию» (В.Смирнов)¹⁶⁴. Не преодолев 5%-ного барьера (за список блока было отдано лишь 3,86% голосов¹⁶⁵), ДВР-ОД прекратил существование сразу после выборов.

Затем, осенью 1996 г., была образована **Коалиция либеральных и правоцентристских партий и движений**, куда кроме участников ДВР-ОД вошли также партия «Демократическая Россия» (Г.Старовойтова), движение «Общее дело» (И.Хакамада) и Всероссийский союз народных домов (С.Филатов)¹⁶⁶, а в декабре того же года – Молодёжный либеральный альянс (блок Либерально-молодёжного союза и движения «Антифашистское молодёжное действие»)¹⁶⁷. Коалиции не было суждено перерасти рамки чисто верхушечной организации. На местах её отделения создавались крайне вяло – прежде всего из-за отсутствия региональных организаций у подавляющего большинства участников КЛППД. К началу 1998 г. деятельность Коалиции фактически была свёрнута в силу серьёзных разногласий по самому широкому кругу проблем.

Наконец, в декабре 1998 г., уже в совершенно новых условиях – после августовского дефолта и убийства Г.Старовойтовой, началось

формирование *коалиции «Правое дело»*, в которую вошло около 30 организаций, в т.ч. ДВР, «Вперёд, Россия!», партия и движение «Демократическая Россия», Крестьянская партия России, «Общее дело», Партия конституционных демократов, РПРФ, РПСД, ПЭС, движение «Россия молодая», организация «Свободные демократы России»¹⁶⁸. В период думской кампании 1999 г. «Правое дело» стало одним из соучредителей избирательного блока «Союз правых сил» (а по сути, главным из них). Но это уже другая история (см. следующую главу).

6.2.3. «Третья сила» (центристы, «партия власти», державные популисты)

Противостояние советских традиционалистов и либеральных прогрессистов даже в период наибольшего накала – избирательного цикла 1995–1996 гг. – вызывало интерес примерно 40% избирателей. Оставшиеся 60% были слишком лакомым куском, не могущим не породить соблазна в душах «политических предпринимателей». Было ясно, что электорату, желающему жить настоящим – здесь и сейчас, а не мечтаниями о прекрасном будущем либо ностальгией о днях ушедших, нужно было предложить нечто, не уступающее в прокрустово ложе дилеммы «вчера–завтра».

Первыми, кто попытался отыскать «третий путь» в дебрях российской политики, явились представители т.н. центризма – доктрины, стремящейся совместить плюсы конкурирующих подходов при одновременном отсечении их минусов: рыночное изобилие, но без безработицы, имущественного расслоения и постоянного напряжения сил в борьбе за место под солнцем; социальные гарантии, уверенность в завтрашнем дне, но без товарного дефицита и изоляции от внешнего мира. Центристы не оспаривали необходимости экономических реформ, но требовали минимизировать их социальные издержки, а по возможности и вовсе обойтись без последних. Лейтмотив центристской платформы звучал так: «...Рыночные реформы – это средство развития производства, роста национального богатства и благосостояния людей, а не источник бед народа»¹⁶⁹.

Пионерами центризма в посткоммунистической России стали вышедшие из КПСС *Движение демократических реформ* и *Народная партия «Свободная Россия»* (новое название Демократической партии коммунистов России). Их социальную базу составили чиновники-интеллигенты, которые всем сердцем чаяли и демократии, и реформ, но плохо представляли, что будут делать, если покинут прежнюю систему (или если система покинет их).

Обе организации были образованы ещё до августа 1991 г. Инициаторами создания ДДР выступил ряд крупных чиновников, выдавливаемых из руководства КПСС по причине чересчур «реформистской» репутации, – А.Вольский, Г.Попов, А.Рущкой, А.Собчак, Э.Шеварднадзе, А.Яковлев, И.Силаев и Н.Петраков. Их призыв к созданию движения, которое объединило бы всех демократов – как в КПСС, так и вне её¹⁷⁰, можно объяснить намерением «узаконить» некоммунистические организации в глазах КПСС и КПСС в глазах демократов, а можно – и желанием призывающих поправить своё пошатнувшееся положение в системе, использовав потенциал сил, противостоящих действующему режиму.

Большинство членов «ДемРоссии» почувствовали это сразу и не захотели сотрудничать с ДДР, рассматривая его создание как попытку части коммунистической номенклатуры остаться на плаву – в итоге эту инициативу поддержали только Республиканская партия РФ, ДПКР и Крестьянская партия России¹⁷¹. Первая всегда питала слабость ко всякого рода объединительным проектам, вторая по своей социальной природе и политической позиции являлась близким родственником ДДР, а третья никогда не упускала шанса к кому-нибудь присоединиться – в надежде на то, что вступление в новый союз поможет ей закрепиться на политической сцене.

Руководящие органы ДДР – оргкомитет и Политсовет – были образованы ещё в июле 1991 г., но официальные учредительные мероприятия состоялись уже в послеавгустовский период, так что задачи, которые ставили перед собой создатели движения, были сняты с повестки дня самим ходом событий. Тем не менее именно крах КПСС послужил катализатором развития ДДР. Значительная часть чиновничества, державшегося Компартии как реальной властной силы, увидела в ДДР потенциальную «партию власти». На протяжении осени 1991 г. численность Движения демреформ быстро увеличивалась, повсюду возникали его региональные отделения, создаваемые представителями как чиновной интеллигенции, так и госаппарата. Таким образом, ДДР сыграло роль не столько моста между КПСС и демократами, сколько спасательного круга, за который ухватилась либеральная номенклатура, чтобы не оказаться утянутой на дно вместе с КПСС.

В программном заявлении, принятом на учредительном съезде (14–15 декабря 1991 г.), ДДР было обрисовано как весьма прорыночно настроенная организация, ориентирующаяся «преимущественно на зарождающиеся рыночные секторы экономики» и претендующая

на выражение интересов предпринимателей, а также готовая поддержать действия правительства по «приватизации государственной и защите частной собственности», «согласованному проведению демонополизации, приватизации и либерализации цен», «осуществлению аграрной реформы и формированию частных крестьянских хозяйств», «развитию рыночных форм непродовольственной сферы – науки, образования, культуры, здравоохранения»¹⁷². Однако реальное начало экономических реформ быстро остудило рыночный энтузиазм ДДР, и уже в январе–феврале его представители резко критиковали правительство Е.Гайдара за «отсутствие чёткой программы реформ и механизмов их реализации» и «неэффективность принимаемых мер»¹⁷³. Впоследствии лидеры ДДР называли себя умеренными оппонентами исполнительной власти, а свои взгляды – близкими к идеологии Гражданского союза и Всероссийского союза «Обновление»¹⁷⁴.

В начале 1992 г. стало ясно, что ДДР не оправдало надежд, возлагавшихся на него его организаторами и участниками. Новое российское руководство не собиралось делиться властью не только с ним, но и с какими-либо партиями вообще. Поэтому интерес чиновничества к ДДР пропал, и движение свернуло свою деятельность, так и не успев толком её развернуть. Дальнейшие события развели лидеров движения по разные стороны не только баррикад, но и государственных границ республик СНГ.

Если в ДДР вошёл цвет чиновной интеллигенции, то большую часть актива и руководства Демократической партии коммунистов России составили функционеры низшего или, в лучшем случае, среднего звена бюрократической иерархии. Базой для ДПКР послужила депутатская группа «Коммунисты за демократию» (лидер – А.Руцкой) на Съезде народных депутатов РСФСР и Демократическое движение коммунистов, объединившее тех членов Демократической платформы, которые ещё оставались в КПСС (группа В.Липицкого). Сразу же после учредительной конференции партии (2–3 августа 1991 г.) руководство КПСС и КП РСФСР осудило действия А.Руцкого и В.Липицкого (ЦК КП РСФСР даже исключил их из своего состава и из КПСС¹⁷⁵). Совет ДПКР попытался оспорить это решение, утверждая, что «руководство КП РСФСР неправомочно выступать в роли судей по отношению к коммунистам, не входящим в возглавляемую им партию», и что Демпартия коммунистов России «сформирована в соответствии с основополагающими принципами устава

КПСС (статья 22), и потому нет формальных оснований для исключения членов ДПКР из рядов КПСС»¹⁷⁶.

События 19–21 августа 1991 г. отменили проблему взаимоотношений ДПКР с её оппонентами в КПСС; в октябре ДПКР переименовалась в Народную партию «Свободная Россия»¹⁷⁷. Своими задачами она объявила «демонтаж казарменно-плановой экономики» и переход к «социальному, гуманистически ориентированному рынку»; установление паритета в сфере распределения доходов между тремя социальными группами – «предпринимателями, специалистами-управляющими (менеджерами) и работниками физического и интеллектуального труда»; снятие «всех бюрократических ограничений на экономическую инициативу граждан» при одновременной защите «слабых» – детей, пенсионеров, инвалидов и т.п.¹⁷⁸

Расцвет НПСР пришёлся на конец 1991 – первую половину 1993 г., когда она рассматривалась как будущая «партия власти». Поскольку её лидера А.Руцкого многие считали наиболее вероятным следующим президентом, ряды партии стремительно ширились – в первую очередь за счёт людей, полагавших, что членство в НПСР послужит хорошим двигателем политической карьеры. Партия, однако, так и не превратилась в политическую опору власти – главным образом потому, что её лидера не пустили к рычагам управления страной. Не желая ни портить отношения с президентом, ни брать на себя ответственность за политику возглавляемого им правительства, НПСР предпочла и далее оставаться на центристских позициях.

В марте 1992 г., перейдя в «конструктивную оппозицию» курсу правительства Ельцина–Гайдара, НПСР заключила соглашение с дрейфующей к умеренному антиреформизму Демократической партией России¹⁷⁹. В июне 1992 г. на основе этого соглашения был создан **блок «Гражданский союз»**, в который кроме НПСР и ДПР вошли **Всероссийский союз «Обновление»** (создан в мае 1992 г.; лидеры – А.Владиславлев и С.Полозков), парламентская фракция «Смена – Новая политика» и Российский союз молодёжи (юридический правопреемник ВЛКСМ на территории России)¹⁸⁰. Учредители ГС потребовали «корректировки правительственного курса, направленной на преодоление промышленного спада», и проведения социальной политики, ориентированной на «адресную поддержку наиболее нуждающихся слоёв населения; обеспечение жизнедеятельности социально-культурного комплекса»¹⁸¹.

Гражданский союз был наиболее авторитетным центристским объединением 1992–1993 гг. Его социальную базу составили те слои российского чиновничества, которые не были удовлетворены результатами послеавгустовского передела власти, – прежде всего чиновники-хозяйственники (директора), заинтересованные в избавлении от государственного контроля за своей коммерческой деятельностью, но отнюдь не желавшие, чтобы государство сложило с себя ответственность за состояние их предприятий. Интересы директората в ГС представлял в том числе ВС «Обновление», созданный при участии Российского союза промышленников и предпринимателей.

Пик политического влияния Гражданского союза – осень 1992 г. и особенно период работы VII Съезда народных депутатов РФ (декабрь 1992 г.), когда большинство депутатского корпуса поддержало назначение В.Черномырдина председателем правительства РФ, тем самым стихийно солидаризовавшись с позицией ГС¹⁸². В дальнейшем, по мере эволюции Съезда в направлении «непримиримости», влияние ГС в российском парламенте неуклонно снижалось.

Весной 1993 г., после перехода одного из лидеров ГС – вице-президента А.Руцкого – на сторону парламента, к тому времени уже совершенно оппозиционного, в Гражданском союзе стали усиливаться разногласия между сторонниками блока с «непримиримыми» («Смена – Новая политика», руководство НПСР, часть активистов ДПР) и приверженцами «конструктивно-оппозиционной» линии (ВСО, руководство ДПР, часть активистов НПСР). После референдума 25 апреля 1993 г. эти разногласия привели к расколу, а затем и распаду Гражданского союза. В частности, Правление ДПР в начале июня отозвало своих представителей из центральных органов ГС в знак протеста против подписания А.Руцким соглашения с Социалистической партией трудящихся и Партией труда¹⁸³.

События сентября–октября 1993 г. окончательно поставили крест на ГС. Его социальная база утратила единство, вслед за нею рассыпался и он сам (впрочем, в ряде случаев единства не было и внутри организаций-членов Гражданского союза). Осколки ГС – избирательные объединения «Будущее России – новые имена» и «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса» не преодолели 5%-ного барьера на выборах в Госдуму первого созыва¹⁸⁴ и канули в Лету.

Та же судьба постигла и коллективных членов Гражданского союза. НПСР после октября 1993 г. просуществовала немногим более года: в мае 1994 г. она была переименована в Российскую социал-демо-

кратическую народную партию¹⁸⁵, а затем раскололась на сторонников В.Липицкого, приступивших к созданию Социал-демократического союза, и сторонников А.Руцкого, образовавших Социал-патриотическое движение «Держава»¹⁸⁶. ДПР преодолела 5%-ный барьер на выборах в Госдуму первого созыва¹⁸⁷, но после этого погрязла во внутренних склоках, сопровождавшихся нескончаемой сменой лидеров, и постепенно превратилась в коммерческую контору, специализирующуюся на предоставлении консалтинговых и организационных услуг. ВС «Обновление» неудачно поучаствовал в думских выборах в составе «Гражданского союза во имя стабильности, справедливости и прогресса» и практически исчез из виду, хотя весной 1995 г. его представители отметились участием в создании Российской объединённой промышленной партии, за что получили благодарность от президента РСПП А.Вольского¹⁸⁸.

Золотое время политического центризма закончилось во второй половине 1993 г., однако организации, относившие себя к данной части спектра, появлялись и позже. В частности, из участников выборов в Госдуму первого созыва, кроме упомянутых выше БРНИ, «ГС во имя стабильности, справедливости и прогресса» и ДПР, к таковым относились *Партия российского единства и согласия* (лидер – С.Шахрай) и *движение «Женщины России»* (А.Федулова, Е.Лахова). В Госдуме центристских позиций придерживалась также *депутатская группа «Новая региональная политика»*, созданная депутатами-одномандатниками, претендовавшими на роль выразителей интересов регионов.

Все эти объединения представляли те или иные группы и слои российской бюрократии, различавшиеся степенью близости к федеральной исполнительной власти. Так, ПРЕС, в которой состояли преимущественно госслужащие федеральных структур, была безусловно лояльна президенту и правительству; ДПР, собравшая в основном сторонников распущенного Верховного Совета, – безусловно оппозиционна; в «Женщинах России» и НРП объединились те представители регионального чиновничества, которые, будучи мало затронуты баталиями 1992–1993 гг., колебались между двумя полюсами.

Итак, начиная с 1994 г. в описываемой части политического спектра стало обозначаться размежевание по признаку лояльности исполнительной власти. Центристы, которые были как-то причастны к последней (или добивались этого) и поддерживали правительственный курс, в дальнейшем получили название «правоцентристов».

Центристы, социально близкие «партии власти», но не одобрявшие официальной идеологии реформ, – «левоцентристов». Центристы же, настроенные бескомпромиссно по отношению к президенту, правительству и проводимому ими курсу, в 1994–1995 гг. слились с антиреформистами и не выделялись на их фоне практически ничем.

В преддверии избирательной кампании 1995 г. разделение на правоцентристов и левоцентристов приобрело выраженный характер – не в последнюю очередь благодаря намерению исполнительной власти идти на выборы двумя «колоннами»: право- и левоцентристской. Воплощение этой идеи в жизнь вряд ли можно признать удачным. Полноценно оформился только правоцентристский блок – движение **«Наш дом – Россия»**, возглавляемое премьер-министром В.Черномырдиным. Что касается левоцентристского блока, сформировать который было поручено спикеру Госдумы И.Рыбкину¹⁸⁹, то он складывался долго и трудно и ещё на предварительном этапе пережил несколько расколов. В итоге среди участников выборов-95 на звание левоцентристов претендовало несколько объединений – кроме **«Блока Ивана Рыбкина»** это были объединения **«Моё Отечество»**, **«Женщины России»**, **«Дума-96»**, блок **«Профсоюзы и промышленники России – Союз труда»**.

Следует заметить, что и число правоцентристов на выборах в Госдуму второго созыва не ограничилось одним НДР. К этой категории можно отнести также движение **«Стабильная Россия»** (создано на базе одноимённого депутатского объединения), Партию российского единства и согласия, отчасти – организацию **«Преобразование Отечества»** (один из лидеров – губернатор Свердловской области Э.Россель). Подобное дробление сил не способствовало успеху ни право-, ни левоцентристов – преодолеть 5%-ный барьер смог только «Наш дом», остальные потерпели поражение.

Таким образом, парламентские выборы 1995 г. показали, что единственной более-менее состоятельной формой существования центризма в сложившихся условиях являлась «партия власти».

Некоторые исследователи, отмечая тесную связь разных ипостасей «партии власти» с государственным аппаратом, на этом основании помещают её в разряд «картельных»¹⁹⁰. Аналогия, однако, представляется не очень убедительной. Партии, которые Р.Кац и П.Мэйр называли картельными, могли сколько угодно срастаться с государством – тем не менее они не переставали быть реальными субъектами политики, чего не скажешь о всевозможных реинкарнациях российской «партии власти», которые представляли собой лишь «средство

влияния исполнительной власти на законодательные органы без совместной политической ответственности»¹⁹¹.

С этой точки зрения идеологическая окраска «партии власти» не имела никакого значения. Её центризм был чисто ситуационным и особых дивидендов ей не приносил. «Партия власти» придерживалась центризма не потому, что *стремилась* к власти, а потому, что *находилась* у власти. Так что применительно к этому случаю вполне правомерно использовать термин «бюрократический центризм»¹⁹². Что же касается избирателя, то он голосовал за «партию власти» в силу своей ориентации не столько на центризм, сколько на патернализм. Тем самым в политическом пространстве возрождалось противостояние между консерватизмом и либерализмом, но теперь уже явно с перевесом в пользу первого. Население разочаровалось в свободе, всё больше отдавая предпочтение порядку. Апелляция к этой ценности со стороны «партии власти» выглядела вполне естественно, а в глазах определённой части избирателей – и наиболее убедительно, к тому же слово «порядок» правящая бюрократия употребляла в самом прямом смысле, без какого бы то ни было идеологического оттенка: это не было ни «старым» порядком советских традиционалистов, ни «новым» порядком либеральных прогрессистов. Как писал по этому поводу С.Хенкин, «символом веры “партии власти” стала категория стабильности, нерушимости сложившегося порядка вещей. В этом стремлении её интересы отчасти совпали с интересами населения, уставшего от постоянных политических разборок»¹⁹³.

Специфика встраивания «партии власти» в политическую архитектуру состояла в том, что, в отличие от остальных сил и течений, её становление шло не сверху вниз, а снизу вверх. Сначала она обосновалась на местах (Москва стала «удельным княжеством» Ю.Лужкова, Татарстан – М.Шаймиева, Ингушетия – Р.Аушева, Свердловская область – Э.Росселя и т.д.) и лишь затем вышла на федеральный уровень. Однако там на первых порах её успехи были весьма скромны. Центральная власть слишком прочно ассоциировалась у населения с либеральными реформаторами, тем более что и сама какое-то время делала на них ставку. Так, на думских выборах 1993 г. фаворитом исполнительной власти был «Выбор России», олицетворявший союз либеральной интеллигенции и либеральной бюрократии. Однако уже тогда значительная часть как федерального, так и регионального начальства отмежевалась от «радикал-реформаторов» и поддержала не ВР, а Партию российского единства и согласия С.Шахрая. А после малоубедительного выступления «выбороссов» на парла-

ментских выборах союзнические отношения с либералами и вовсе сделались для чиновничества ненужными. С вводом в Чечню федеральных войск (декабрь 1994 г.) этот мезальянс окончательно исчерпал себя. Власть приступила к формированию собственной партии.

«Наш дом – Россия» был создан в мае–июне 1995 г. в виде широкого блока, в который вошли политические партии, депутатские группы, корпоративные и общественные организации. Среди наиболее известных коллективных членов движения были Партия российского единства и согласия (С.Шахрай), Союз землевладельцев России (В.Башмачников), думские депутатские группы «Стабильность» (В.Миронов, А.Александров) и «Россия» (И.Шичани)¹⁹⁴ – правда, в конце августа ПРЕС, «Стабильность» и «Россия» покинули НДР, возмущившись неучётом их интересов при формировании общенационального списка¹⁹⁵.

Фактически же «Наш дом – Россия» был машиной, чьим мотором являлась правящая бюрократия – конгломерат чиновничьих кланов, политическая мощь которых определялась степенью их влияния на центральную власть. По словам С.Хенкина, основные структурные элементы «партии власти» в НДРовском варианте (как, впрочем, и в любом другом) – «команды», группирующиеся вокруг своих лидеров и держащиеся на патронажно-клиентельных связях», – соперничали между собой «за раздел сфер влияния и за близость к президенту, который, как правило, оставался “над схваткой”, лавируя и поддерживая сложный баланс интересов»¹⁹⁶.

Чисто внешне НДР копировал иерархическую структуру государственного аппарата. С.Хенкин описал внутреннее устройство «партии власти»¹⁹⁷ следующим образом: «Она “многоэтажна” и “многокоридорна”, включает огромный бюрократический аппарат, ...перегружена всевозможными советами и комиссиями... Входящие в неё центры влияния нередко дублируют друг друга, действуют вразнобой, что замедляет процессы принятия политических и управленческих решений»¹⁹⁸.

Формально движение возглавлял председатель правительства РФ В.Черномырдин, однако на самом деле «Нашим домом» управляла администрация президента. Председателями региональных отделений НДР становились либо губернаторы и их ставленники, либо представители президента в субъектах Федерации. Причём с утратой поста в исполнительной власти чиновник лишался и партийной должности.

Как и в случае со всеми остальными «партиями власти», роль идеологии в жизни НДР нельзя назвать сколько-нибудь значимой, благо, как отметил С.Хенкин, «блок строился не по принципу идейной общности, а по сугубо корпоративному признаку отношения к исполнительной власти»¹⁹⁹. В целом платформа «Нашего дома» носила эклектичный характер, являясь, по сути, простой иллюстрацией к совокупности задач, актуальных для правящего слоя бюрократии. Среди прочего здесь присутствовала либеральная составляющая, рассчитанная отчасти на собственную интеллигенцию, но больше на Запад: «Мы за создание благоприятных условий для реализации потенциала экономически и творчески активного населения. Эти люди – золотой фонд нации. ... Мы создадим все условия для продуктивного труда и предпринимательской инициативы. ...Мы снизим налоговое бремя и упростим налоговую систему. ...Мы ...за последовательное проведение реформ на селе, за развитие частной собственности на землю»²⁰⁰. Именно наличие либерального компонента привязывало НДР к той точке политического спектра, которую принято определять как «чуть правее центра».

Весьма заметными в платформе НДР были и социал-демократические лозунги, обращённые к широким слоям электората: «Мы не допустим бедности и массовой безработицы, роста социального расслоения. Мы считаем, что каждое государственное решение должно быть основано на соблюдении принципа социальной справедливости. Мы обеспечим устойчивый рост доходов и социальную защиту пенсионеров, нетрудоспособных и малоимущих слоёв населения, антиинфляционную защиту и восстановление сбережений»²⁰¹. Не обошлось, разумеется, и без солидной консервативно-патерналистской прививки, предназначенной как для избирателей, так и для самого чиновничества: «Мы – за сильную власть. Именно государство является основным гарантом стабильного социального и экономического развития нашей страны. ...Только сильное государство может одолеть преступность, обеспечить спокойствие и мир в каждом доме и в нашем общем доме – России. Только сильное государство может сделать рыночные отношения цивилизованными. Для этого оно должно направлять и организовывать стихию рынка... Только сильное государство может обеспечить соблюдение прав человека и социальную поддержку всем, кто в ней нуждается. Самоустранение государства с арены социально-экономической жизни недопустимо»²⁰².

Смешанное в одну кучу, всё это и было названо центризмом: «Мы осознаём себя движением широкого центра, движением уверенного,

поступательного и бескризисного развития. ...Мы ...составляем оппозицию всем радикальным силам как правого, так и левого толка, стремящимся во имя реализации своих идей разрушить порядок и стабильность, которые наконец с невероятным трудом начала обрести Россия»²⁰³.

На выборах 1995 г. НДР обманул надежды своих создателей, получив всего 10,13% голосов²⁰⁴. Думская фракция «Наш дом – Россия» насчитывала при регистрации 65 человек²⁰⁵, в т.ч. 45 по общефедеральному списку, т.е. около 15% депутатского корпуса (в дальнейшем численность НДР колебалась незначительно), что сделало её вторым по величине депутатским объединением, однако она всё равно более чем вдвое уступала коммунистам. Таким образом, выполнив корпоративные задачи «партии власти» (отделение «своих» от «не своих» в региональных бюрократических элитах), НДР провалил задачи политические: так же как раньше «Выбор России» и ПРЕС, он не смог обеспечить себе в Думе достаточной базы. Достижения «Нашего дома» в нижней палате ограничились получением поста первого вице-спикера и четырёх кресел председателей комитетов (из 23)²⁰⁶.

К тому же из-за несамостоятельности думская фракция НДР оказалась не слишком эффективной – не только маловлиятельной, но и неуспешной в плане законотворчества, а также не особенно консолидированной. Голосование по важнейшим вопросам выявляло в ней самые разные точки зрения, отражающие едва ли не всю палитру думских настроений. Кроме того, на фоне общей безыдейности фракции некоторые её члены вдруг обнаруживали ярко выраженные и при том разнополярные политические пристрастия. Так, председатель комитета ГД по обороне Л.Рохлин (№ 3 в общефедеральном списке НДР) начиная с 1997 г. принялся резко критиковать курс исполнительной власти и в июле того же года создал радикально-антиреформистское движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», а в сентябре вышел как из думской фракции, так и из «Нашего дома» в целом²⁰⁷. С другой стороны, бывший председатель ДПР Н.Травкин (№ 8 в общефедеральном списке НДР) выступал за блокирование с демократическими организациями и в мае 1998 г. перешёл в «Яблоко»²⁰⁸.

Наиболее же уязвимым местом «Нашего дома» было то, что его обстоятельства всецело зависели от официального статуса его лидера. Пока В.Черномырдин являлся вторым лицом в государстве, НДР носил звание «партии власти». Стоило Б.Ельцину отодвинуть В.Черномырдина в сторону, пригласив в правительство «молодых рефор-

маторов» (март 1997 г.), и «Наш дом» это звание, по сути, утратил, попав в странное положение – думская фракция НДР продолжала считаться проправительственной, хотя идеология нового кабинета была чужда подавляющему большинству её членов. А в результате августовского дефолта 1998 г. «партия власти» временно перестала существовать как общенациональный феномен. Позиции президента резко ослабели, объединять вокруг себя региональные чиновничьи кланы он уже был не в состоянии, и те занялись самостоятельным партийным зодчеством.

Возрождение «партии власти» вновь началось снизу: сначала появилось «Отечество» Ю.Лужкова, затем блоки «Голос России» (неформальный лидер – самарский губернатор К.Титов) и «Вся Россия» (М.Шаймиев, питерский губернатор В.Яковлев); в конце концов региональные бюрократические элиты вышли на выборы 1999 г. избирательным блоком «Отечество – Вся Россия». Федеральная «партия власти» восстановилась буквально в последний момент, уже после старта избирательной кампании сформировав блок «Медведь» (Межрегиональное движение «Единство»). Противостояние федеральной и региональной «партий власти» – «Единства» и ОВР – составило основное содержание думской кампании, итоги которой кардинально изменили расстановку сил в стране. Однако это совсем другая история.

Неудачи центристов и скромные успехи федеральной «партии власти» во многом были обусловлены излишне рассудочным подходом к идеологическому творчеству. Связанные остаточным идеократизмом, постоянно оглядывающиеся на интеллигенцию и Запад, разработчики программ старались изобрести нечто на вид рациональное, внутренне непротиворечивое. Между тем извлекать из всех доктрин электорально выгодные фрагменты, оставляя за скобками неприятные коннотации, можно и гораздо более лёгким способом – так, как это делал (и делает) лидер *Либерально-демократической партии России* В.Жириновский, который совершенно не смущался тем, что, раздавая налево и направо несбыточные обещания, на каждом шагу противоречит сам себе.

В.Жириновский то называл себя сторонником «самой свободной и широкой дискуссии», а ЛДПР – «партией свободы»²⁰⁹, то призывал к отмене свободы прессы и установлению «жёсткой вертикали исполнительной власти»²¹⁰; клялся в верности традициям²¹¹ – и проявлял редкую для людей своего возраста «продвинутость», высказываясь за легализацию проституции²¹² либо лёгких наркотиков (что по-

ставил ему в заслугу такой неистовый либертарианец, как российский координатор Транснациональной радикальной партии Н.Храмов²¹³); выступал за «возрождение Российского государства в границах СССР»²¹⁴ – и одновременно за прекращение «любой помощи в любом направлении»²¹⁵; предлагал снять ограничения со всех видов экономической деятельности²¹⁶ и «крепостнические оковы с экономики», отменив большую часть налогов²¹⁷, – и требовал усилить госсектор²¹⁸; обещал «за несколько месяцев покончить с организованной преступностью; уничтожить все пять тысяч банд на территории России»²¹⁹ – и включал в избирательный список ЛДПР персон с сомнительной репутацией. Всё зависело от аудитории, внимающей В.Жириновскому. Прекрасно улавливая её настроения, он ничтоже сумняся менял позицию, как только чуял, что ветер подул в другую сторону.

Возникшая в конце 1989 г. Либерально-демократическая партия Советского Союза (такое название ей было дано на учредительном съезде 31 марта 1990 г.) ничем не отличалась от аналогичных образований. Историк нарождающейся российской многопартийности В.Прибыловский долго относил её к разряду карликовых²²⁰. Летом 1990 г. наряду с подобными себе организациями ЛДПСС участвовала в создании марионеточного Центристского блока политических партий и движений, пользовавшегося покровительством руководства КПСС, которое, по всей видимости, пыталось таким образом дискредитировать саму идею многопартийности и дезориентировать общественное сознание: введённые в политическую картину мнимые сущности размывали и как бы отменяли дихотомию «демократы–КПСС». Стоит ли говорить, что в этой ситуации претензии В.Жириновского на продолжение «традиций либерального движения России, таких партий, как кадеты, октябристы, трудовики»²²¹, были не только безграмотными, но и просто смешными.

Тем временем Жириновский не скупился на посулы, обязуясь за два-три года оздоровить экономику (в т.ч. путём снятия ограничений со всех видов экономической деятельности, полного отказа от экономической помощи «ещё оставшимся просоциалистическим режимам», возврата внешних долгов или их переуступки третьим странам) и решить национальный вопрос (отказавшись от национально-территориального деления и перейдя к чисто территориальному – на области и губернии)²²² – и постепенно эта тактика начала приносить плоды. В президентскую кампанию 1991 г. ЛДПСС не имела ресурсов даже для того, чтобы собрать подписи за выдвижение своего ли-

дера, и тот был вынужден просить санкции на участие в выборах у IV Съезда народных депутатов РСФСР. На замечания демократов, что им не удалось разглядеть структур ЛДПСС «ни в одном городе страны и республики»²²³ и что ЛДП это «блеф, мыльный пузырь»²²⁴, Жириновский ответил, во-первых, откровенным бахвальством – мол, у его партии 17 тысяч первичных организаций «от Молдавии до Камчатки»²²⁵, во-вторых, демагогией: «Так давайте дадим возможность [избирателям] узнать лидера партии»²²⁶, а в-третьих – весьма резонным возражением: «Не количеством членов определяется сила и мощь партии, а голосами избирателей»²²⁷ (и тут он оказался прав).

Несмотря на возмущение демократов (Г.Якунин, в частности, выразил сожаление в связи с тем, что «трибуна Съезда превращается в балаган, цирк»²²⁸), за утверждение кандидатуры В.Жириновского проголосовали 473 депутата (достаточно было 213)²²⁹. Сказались замыслы коммунистов, поддержавших лидера ЛДПСС²³⁰ в расчёте отобрать максимум голосов у Б.Ельцина. В итоге на выборах президента Жириновский неожиданно вышел на третье место (7,81%²³¹).

Дальше – больше: на выборах в Госдуму первого созыва ЛДПР шокировала всех своим триумфальным дебютом – 22,92% по партийным спискам (первое место)²³². Этот успех повлёк бурный рост партии, до этого существовавшей в основном на бумаге. У ЛДПР появились организации не только на региональном, но и на районном уровне, а по численности и разветвлённости структур она уверенно вышла на второе место после КПРФ. В 1994–1995 гг. сторонники В.Жириновского образовали фракции в законодательных собраниях ряда регионов. Правда, на думских выборах 1995 г. ЛДПР получила всего 11,18%²³³, потеряв половину избирателей, большая часть которых, судя по всему, ушла к КПРФ. После этого партия начала «сдуваться» – её ряды редели, а региональные и местные отделения сворачивали деятельность. По подсчётам Г.Голосова, ЛДПР участвовала в подавляющем большинстве региональных выборов, но лишь на четырёх из них смогла провести своих кандидатов, да и то совсем немногих²³⁴.

Тем не менее В.Жириновский продолжал уверять, что его партия самая крупная в стране, – в частности, осенью 1997 г. он оценивал её численность в 563 тыс. человек²³⁵, что не помешало ему, однако, уже через месяц снизить эту цифру почти вдвое – до 300 тыс.²³⁶ Как бы то ни было, ЛДПР закрепились на политической арене, преодолев 5%-ный барьер в 1999 г. (5,98%²³⁷) и вернувшись к результату 1995 г. в декабре 2003-го (11,45%²³⁸).

Несмотря на грозную риторику и обещания разобраться с «врагами России» в лице демократов и коммунистов²³⁹, В.Жириновский и его партия проявляли замечательную покладистость в отношении с исполнительной властью. Впрочем, ничего удивительного – ЛДПР занималась обычным бизнесом, протезируя едва ли не всякому, кто был готов заплатить; а власть, надо полагать, шла навстречу партии в обмен на «правильное» голосование в ходе торгов по бюджету. При этом думские жириновцы не брезговали и более мелким лоббизмом, так что партия и особенно её парламентская фракция быстро превратились в преуспевающее коммерческое предприятие.

Парадоксальность феномена ЛДПР состояла в том, что в моменты выборов партия апеллировала в основном к протестному, недовольному своим положением электорату («русским и бедным»)²⁴⁰, тогда как в повседневной жизни опиралась на достаточно успешные слои населения, в первую очередь предпринимателей. Причём с ЛДПР сотрудничали, как правило, те представители бизнес-сословия, которые не были отягощены чрезмерной образованностью и щепетильностью в вопросах деловой этики. Мировоззрение таких людей отличается крайним, можно сказать шкурным, индивидуализмом, и по своей социальной сути это скорее люмпен-предприниматели, живущие по принципу «после нас хоть потоп».

Специфике социальной базы ЛДПР соответствовала и её организационная структура – детище Жириновского всегда представляло собой гигантскую клиентулу. Однако если простые люмпены, собираясь вместе, образуют шайку, а люмпен-чиновники – армию (точнее, милицию), то люмпен-предприниматели – подобие базара. Всё зависит от того, с чем человек приходит на этот базар. Если с пустыми руками, он вынужден продавать себя и, следовательно, мириться с ролью послушного исполнителя. Если же с большими деньгами, то он волен поступать как вздумается, и даже «главарь» не вправе спрашивать, почему он голосует так, а не иначе или почему он оставил фракцию ЛДПР и перешёл в другую. Примерно таким образом, в частности, обстояло дело с крупными бизнесменами М.Гуцериевым, А.Егизаряном и будущим президентом Кабардино-Балкарии А.Каноквым.

Что касается идеологии ЛДПР, то это была, как уже говорилось, мешанина противоречащих друг другу тезисов. Нельзя не согласиться с В.Шейнисом, заметившим: «Анализировать программные, идеологические основы, с которыми ЛДПР идёт к избирателю, бессмысленно. Жириновский – законченный образец политика-хамелеона,

выбирающего ту политическую окраску, которая представляется ему наиболее подходящей в данный момент, и легко меняющего свои позиции в любом направлении»²⁴¹. С другой стороны, и для такой позиции существует определение – популизм. По отношению к Жириновскому это определение можно конкретизировать: перед нами не просто популист, а популист «державный».

В литературе сторонников ЛДПР нередко относят к националистам²⁴². Здесь не было бы большой ошибки, если понимать национализм так, как принято в западной политологии, т.е. сводя его содержание к этатизму и империализму. Однако в российских условиях национализм – отнюдь не «государственничество», а этнонационализм, зачастую скатывающийся к неприкрытому расизму. С этой точки зрения причисление Жириновского к националистам является сильной натяжкой. Он, бесспорно, любил (и любит) выставлять себя главным защитником русского народа, однако по сравнению с такими национал-патриотами, как Д.Васильев, А.Баркашов и пр., он просто невинная овечка. Да и его «сомнительная» национальная принадлежность не даёт ему особых шансов на успех в данной части политического спектра.

Что объединяет ЛДПР с националистами (а заодно и с коммунистами) – это апология государства как мощной военной державы. Причём державничество Жириновского лишено традиционалистской окраски – это скорее присущее люмпену восхищение силой как таковой. В трактовке лидера ЛДПР державничество выглядит особенно привлекательно именно потому, что оно не требует ни от кого никаких жертв – никакого «пушки вместо масла». Напротив, по Жириновскому, восстановление России в статусе военной сверхдержавы автоматически преумножит благосостояние населения, обеспечив его хорошо оплачиваемой работой, высокими пенсиями и прочими благами. Согласно заверениям, высказанным В.Жириновским в ходе предвыборной кампании 1993 г., достаточно приостановить конверсию военной промышленности, продолжить выпуск оружия и его экспорт – и 30%-ное улучшение экономического положения было бы у страны в кармане²⁴³. Короче говоря, державный популизм в чистом виде.

Успех ЛДПР на выборах 1993 г. породил массу подражателей, бросившихся вспахивать тучную ниву державного популизма. Уже названия были исчерпывающе красноречивы – *Державная партия* (С.Терехов), *движение «Возрождение державы»* (В.Кобелев), *Социал-патриотическое движение «Держава»* (А.Руцкой). Однако

никто из них не смог не то что повторить триумф ЛДПР, но и сколько-нибудь приблизиться к нему. Даже самый удачливый из них – **Конгресс русских общин**, – имея в избирательном списке такую харизматическую личность, как генерал А.Лебедь, на парламентских выборах 1995 г. не дотянул до 5%-ной планки (4,31%)²⁴⁴.

Впрочем, президентская кампания 1996 г. показала, что при содействии президентской администрации кривая державного популизма способна вывезти не только Жириновского. В первом туре голосования (16 июня 1996 г.) А.Лебедь получил 14,7% голосов²⁴⁵, выйдя на третье место. Приняв после этого предложенные Б.Ельциным посты секретаря Совета безопасности и помощника президента РФ по национальной безопасности, он на какое-то время сделался суперпопулярной фигурой – заработанного на этих должностях политического капитала хватило на создание сразу нескольких политических организаций: **блока «За правду и порядок»**, **союза «Третья сила»** и, конечно же, **Российской народно-республиканской партии** (при этом в «запасниках» у А.Лебеда было созданное ещё в октябре 1995 г. **движение «Честь и Родина»**). Большинство державнических образований исчезло так же быстро, как и возникло, однако РНРП и ЧиР задержались – вероятнее всего потому, что были вотчинами А.Лебеда, где он мог ни с кем не делиться властью.

Своими основными задачами сторонники А.Лебеда называли «укрепление российской государственности», «возрождение единой и неделимой обновлённой России», «развитие патриотического единения граждан, их духовного достоинства, правового и национального самосознания», «оказание помощи соотечественникам, находящимся за рубежом, общественным объединениям стран Ближнего Зарубежья, выступающим за интеграцию с Россией», «противодействие всеми законными средствами силам, наносящим ущерб национальной безопасности страны», «содействие формированию системы социальных гарантий для укрепления семьи, помощи наиболее нуждающимся слоям населения, получения образования и медицинского обслуживания»²⁴⁶ – словом, формулировали дежурный набор лозунгов державного популизма.

Подобно ЛДПР, возглавляемые А.Лебедем организации являлись клиентами, члены которых группировались вокруг вождя. Вместе с тем от жириновцев лебедевцы отличались весьма существенно. Прежде всего, сторонники А.Лебеда были не люмпен-предпринимателями, а отставными офицерами, т.е. вчерашними военными чиновниками. Будучи полными сил, но при этом лишёнными привычного

статуса и не сумев приспособиться к гражданской жизни, они объективно оказались в положении люмпеноидов, не способных принять мир таким, какой он есть, и потому стремящихся придать ему любезный их сердцу облик казармы. В отличие от люмпен-предпринимателей, которые держатся вместе, только пока это выгодно, отставным военным в высшей степени присуща корпоративная солидарность. Поэтому они хранят преданность вождю не только тогда, когда ему везёт, но и в не самые лучшие для него времена.

Однако круг сторонников А.Лебеда не ограничивался отставными военными. Будь это так, генеральские организации не вышли бы за рамки «узкосословных» образований. Значительную часть членов движения «Честь и Родина» и особенно РНРП составили «профессиональные партийцы», перешедшие под знамёна А.Лебеда из Демократической партии России, Конгресса русских общин и других объединений, не чуждавшихся державного популизма. Данная категория сподвижников была верна А.Лебедю лишь до тех пор, пока ему сопутствовала удача, – эти «политические предприниматели» в поисках «рыбных мест» сменили не одну организацию, сдаваясь в аренду и сделав это своей профессией.

В 1996–1998 гг. сторонникам А.Лебеда удалось добиться определённых успехов на региональных выборах. В частности, брат генерала Алексей Лебедь выиграл выборы главы правительства Хакасии (декабрь 1996 г.), а сам генерал в мае 1998 г. стал губернатором Красноярского края. Кроме того, представители РНРП и движения «Честь и Родина» иногда объединялись в избирательные блоки под названием «Третья сила» и образовывали фракции в региональных законодательных собраниях (Красноярский край, Новосибирская, Ивановская, Томская и Иркутская области и др.). Представители РНРП и ЧиР возглавили также администрации ряда крупных городов (самый яркий пример – мэр Самары Г.Лиманский).

Избрание А.Лебеда красноярским губернатором сослужило, однако, недобрую службу «Честь и Родине» и РНРП. С головой уйдя в проблемы края, он перестал заниматься партийными делами. Оставшись без присмотра, члены руководства РНРП и ЧиР затеяли междоусобную борьбу, сопровождавшуюся исключениями, чистками²⁴⁷, а заодно и оттоком из партии рядовых членов. В результате РНРП настолько ослабела, что не смогла принять участия в парламентских выборах 1999 г. Гибель А.Лебеда в апреле 2002 г. окончательно перечеркнула перспективы его созданий.

Глава 7. От флуктуационной системы к периферийной (1991–1999)

В развитии партийной системы 1990-х гг. можно выделить три основных подэтапа:

1. Осень 1991 г. – осень 1993-го. Флуктуационность в максимальной степени: стремительно меняющаяся расстановка политических сил при отсутствии единого центра власти и согласия относительно г.того, где он должен находиться.

2. Декабрь 1993 г. – декабрь 1995-го, деятельность Госдумы первого созыва. Флуктуационность ещё имеет место: политическое пространство сильно фрагментировано, стабильное парламентское большинство отсутствует, однако центр власти уже установлен (президент), и именно в отношениях с ним наиболее ярко проявляется периферийная сущность партийной системы; независимость власти от партий порождает, в свою очередь, феномен «партии власти».

3. Декабрь 1995 г. – декабрь 1999-го. Расстановка политических сил поляризуется, соответственно дефрагментируется партийный спектр, в парламенте возникает стабильное большинство, оппозиционное президенту и правительству. На партийной сцене определяются два главных игрока – КПРФ и «партия власти». Силы их примерно равны, однако все решающие сражения выигрывает последняя, даже в тех случаях, когда, казалась бы, попадает в безвыходное положение; этот факт особо убедительно указывает на периферийный характер партийной системы. Оппозиция не готова и не способна взять под свой контроль исполнительную власть, доказывая это на практике, когда осенью 1998 г. явочным порядком добивается права формировать правительство, но уже весной следующего года без сопротивления возвращает это право президенту.

Рассмотрим каждый из этих подэтапов подробнее.

7.1. Флуктуационность в чистом виде. Между президентом и Съездом (1991–1993)

Ничуть не преувеличивая, можно сказать, что крах коммунистической системы явился полной неожиданностью для всех, включая победителей. Ещё в марте 1991 г. один из лидеров демократов С.Станкевич сетовал: «Совершенно очевидно, что мы не сможем повторить то, что удалось сделать демократическим силам в восточноевропейских странах. ...Нам предстоит гораздо более длительный, мучительно трудный переходный период, в течение которого будет много промежуточных стадий и будет происходить сосуществование

трудно совместимых людей, идей и институтов»¹. По его мнению, предстояло «дать возможность укорениться рыночному сознанию, сознанию нового поколения профессионалов, убеждённых в эффективности рыночной экономики», «дать возможность этим профессионалам вырасти, сформироваться, занять соответствующие позиции», «создать как можно больше структур, ориентированных на рынок, – биржи, банки, страховые общества, фермерские хозяйства, магазины, акционерные общества и т.д.». Эти структуры и институты, по мысли С.Станкевича, и должны были стать «корневой системой для второй волны перемен»².

События же будто сорвались с цепи, начав развиваться по катастрофическому сценарию. Устранение со сцены реального центра власти – КПСС – лишило стержня не только партийную, но и политическую систему в целом – после этого СССР был обречён. Союзные республики, предоставленные сами себе, решали вопрос о власти каждая по-своему. Где-то, прежде всего в Средней Азии, установились либо полу-, либо откровенные диктатуры, где-то (Прибалтика, Молдавия) сложились парламентские республики, где-то (Азербайджан, Грузия, непризнанные образования) на некоторое время воцарились хаос и анархия, затем уступившие место автократиям и «управляемым демократиям».

Россия, как водится, пошла особым путём. Осенью 1991 г. она достигла состояния, которое правильнее всего определить как флуктуационное. Главный сюжетобразующий фактор таких состояний – крайняя неустойчивость. Истинная расстановка сил неизвестна никому, в т.ч. основным игрокам, каждый из которых пытается выжать из ситуации максимум возможных выгод. Но при этом, несмотря на кажущееся разнообразие вариантов, реальный их выбор небогат.

Упрёки некоторых исследователей, обращённые к тогдашним российским властям и «Демократической России», в непроведении сразу же после смены режима т.н. учредительных выборов, которые положили бы начало новой партийной (и вообще политической) системе³, вопреки внешней правомерности, не совсем, так сказать, историчны. Для таких выборов не существовало даже формального повода. В конце весны – начале лета 1992 г. В.Шейнис, возражая сторонникам досрочных парламентских выборов, указывал: «Не существует пока ни конституционных норм роспуска Съезда и структуры будущего парламента, ни удовлетворительного избирательного закона, ни партийно-политической инфраструктуры, обеспечивающей проведение выборов на демократической основе»⁴.

То же самое, и даже в большей степени, относится и к ситуации осени 1991 г. Народные депутаты РСФСР избирались в 1990 г. сроком на пять лет, и в их планы не входило жертвовать своим положением ради каких-то абстракций. На проведении подобных выборов не настаивала ни одна из более или менее крупных демократических партий; исключение составляли разве что маргинальные организации, вроде Свободной демократической партии России, выступавшей за созыв Учредительного собрания и принятие последним новой Конституции⁵.

Что касается «Демократической России», то один из её идеологов, В.Шейнис, осенью 1991 г. выражал опасение: «При не сложившейся ещё партийной системе в обществе выборы во многих округах могут быть сорваны неявкой избирателей или бойкотом местной бюрократии, а состав избранных депутатов может оказаться не лучше нынешнего: места партаппаратчиков перейдут к наглым и безответственным демагогам типа Жириновского. Не выиграв политически, парламент потеряет в профессионализме, накопленном за год с лишним нынешним депутатским корпусом»⁶.

Это опасение разделяла и близкая к «ДемРоссии» исследовательская группа А.Собянина. В октябре 1991 г. её представители направили в администрацию президента аналитическую записку с прогнозом относительно итогов региональных выборов, намеченных на ноябрь, но отменённых V Съездом народных депутатов⁷. По их мнению, из 68 регионов (исключая национальные республики) победа сторонников реформ была вероятна только в 12-ти, тогда как в остальных 56-ти практически неизбежно побеждали антиреформисты⁸. Неудивительно, что в таких обстоятельствах желанием устраивать выборы не горели ни «демороссы», ни президентская администрация.

Как отмечалось ранее, отличительным признаком флуктуационной системы является отсутствие ясности в вопросе, где находится (должен находиться) центр власти. Борьба вокруг этого и определяет содержание политической повестки дня. Из-за крайней раздробленности политического спектра, а также «эмбрионального», по словам В.Шейниса, состояния парламентских партий вообще⁹ и демократических в частности¹⁰ главными участниками этой борьбы снова, как и до августа 1991 г., стали члены руководства высших государственных органов – в данном случае Съезда народных депутатов и исполнительной власти. Формально верховная власть принадлежала Съезду, однако на практике всё было гораздо сложнее.

7.1.1. Второй этап V Съезда и VI Съезд.

Первые разногласия. «Троецентрие»

Высший представительный орган России был очень сильно фрагментирован в политическом плане, и в ходе второго этапа V Съезда (28 октября – 2 ноября 1991 г.) его фрагментированность только усилилась. Съёживание фракции «Коммунисты России» с 350 до 60 человек¹¹ хоть и обеспечило Р.Хасбулатову победу над С.Бабуриным во время выборов председателя Верховного Совета (559 голосов против 274¹²), но ещё более усугубило разобщённость депутатского корпуса.

Само учреждение института президентства в РСФСР явилось мерой, вызванной в том числе необходимостью компенсировать отсутствие сплочённого парламентского большинства – должен был быть кто-то, кто мог бы осуществлять оперативное управление страной. Как сказал в апреле 1991 г. один из видных деятелей демократического движения, член руководства Социал-демократической партии России А.Оболенский, «мы в Российской Федерации не имеем права не использовать шанс, предоставленный нам введением сильной президентской власти, напрямую возглавляющей правительство и отвечающей за эффективность его работы»¹³.

Послеавгустовская ситуация ещё более способствовала перекладыванию ответственности на главу государства. Депутаты, чувствуя неотвратимость непопулярных мер, одобрили предложения Б.Ельцина, касающиеся экономической реформы (первоочередным шагом была заявлена либерализация цен)¹⁴, а также уступили некоторые свои полномочия президенту, временно (до 1 декабря 1992 г.) наделив его правом «самостоятельно решать вопросы реорганизации структуры высших органов исполнительной власти»¹⁵. В частности, решение Б.Ельцина возглавить правительство поддержала даже фракция «Коммунисты России»¹⁶.

Президентская программа экономической реформы, конечно, вызвала немало возражений. Больше всего досталось, естественно, либерализации цен. Среди прочего отмечалось, что она «нанесёт самый тяжёлый удар по социально незащищённой части населения» (М.Николаев)¹⁷, что «свобода цен при государственной монополии на средства производства не даст увеличения продукции» (В.Фёдоров)¹⁸, что «свободные цены – это не предпосылка, а результат рынка» и что в условиях отсутствия конкуренции «делать цены свободными – значит окончательно отдать народ на съедение монополисту-производителю» (А.Бароненко)¹⁹. Однако в целом, как заметил В.Шейнис, «никакой альтернативной программы ни депутаты, ни ка-

кие-либо государственные и общественные организации предложить Съезду не смогли»²⁰. Возобладало мнение, высказанное представителем фракции «Рабочий союз России» Д.Васильевым: «Программа президента, предлагающая ...переход всех предприятий на рыночные отношения, – это единственное средство, которое может спасти страну от катастрофы. Если мы не поддержим её (по любым причинам), то ответственность за катастрофу ляжет на всех нас, народных депутатов РСФСР»²¹. В итоге проект постановления, рекомендующего «одобрить основные положения экономической реформы, изложенные в обращении президента РСФСР», и «рассмотреть ход экономической реформы на Съезде народных депутатов РСФСР в марте–апреле 1992 года», был принят 876 голосами – при 16 против и 17 воздержавшихся²². По предложению представителя «Коммунистов России» И.Братищева голосование проводилось в целом и без обсуждения²³.

По оценке Н.Бирюкова и В.Сергеева, проявленное Съездом «нежелание брать на себя ответственность за судьбу страны в критический момент и готовность, даже – стремление, переложить её на исполнительную власть» полностью соответствовало «традиционной политической культуре России»: «...Парламент просто вернулся к традиции, сохранив за собой только функцию легитимации действий исполнительной власти – в точности ту же функцию, которую выполняли Земские соборы XVI–XVII веков и Советы периода революции и “советской” власти»²⁴. На самом деле, как представляется, всё было гораздо прозаичнее: депутаты отнюдь не отказывались от «первородства» – Съезд просто на время отошёл в сторону²⁵, чтобы вернуться, когда самая неприятная и неблагодарная часть работы будет выполнена. (Характерно, что депутаты фактически уклонились от обсуждения почти готового проекта новой Конституции РФ, тем самым закрыв, по мнению В.Шейниса, «прямой и правовой путь к демократическому государственному устройству», что, в свою очередь, во многом предопределило «трагический разворот дальнейших событий»: «Октябрь 1993 г. был заложен в октябре 1991-го»²⁶. Какие уж тут учредительные выборы...)

Вероятнее другое – парламентарии предполагали (может быть, и неосознанно) сначала дать президенту карт-бланш, а затем выставить ему счёт за всё сделанное и не сделанное. И, как справедливо заметил В.Шейнис, «счета оказались предъявленными раньше обусловленного срока»²⁷. Уже на первом в 1992 г. заседании Верховного Совета правительственный курс был подвергнут жёсткой критике. Причём с наиболее радикальными требованиями – сменить прави-

тельственный курс, а заодно и кабинет – выступили не только представители «Коммунистов России» (Г.Саенко²⁸) и «Аграрного союза» (М.Лапшин²⁹), но и вчерашние «демороссы» И.Константинов³⁰, М.Челноков³¹, В.Аксючиц³². Именно они обрушили на исполнительную власть самые оглушительные инвективы: «Реформа, которую пытается проводить в жизнь нынешнее российское правительство, обречена на сокрушительное, обвальное поражение» (И.Константинов)³³; «Мы сделали шаг не к рынку, а десять шагов от него. ...Это невероятное ограбление народа. ...Мы не стабилизируем обстановку, а, наоборот, ведём дело к краху» (М.Челноков)³⁴; «Эта реформа ведёт к краху. В лучшем случае чего она может добиться – это превратить Россию в сырьевой придаток западной рыночной экономики» (В.Аксючиц)³⁵. Да и новый председатель ВС, в стенах парламента державшийся более-менее миролюбиво, на стороне давал волю чувствам, высказываясь в адрес правительства не просто критически, но и, вполне в своём духе, весьма пренебрежительно³⁶.

VI Съезд народных депутатов (6–21 апреля 1992 г.) подверг правительство массивной атаке. Особенно активны были представители блока «Российское единство» – фактической реинкарнации фракции «Коммунисты России» времён её могущества. В начале работы Съезда было объявлено, что в блок вошли фракции «Коммунисты России», «Россия», «Отчизна», «Аграрный союз», «Промышленный союз» и «Российский союз»³⁷. Однако позже представитель «промышленников» дезавуировал сообщение о вхождении фракции в РЕ³⁸, а «Российский союз» после вступления в силу правила «один депутат – одна фракция» не смог перерегистрироваться³⁹. Тем не менее, по сведениям В.Шейниса, почерпнутым из Секретариата Съезда, блок набрал 290 депутатов⁴⁰, а место РС заняла зарегистрированная под конец работы VI СНД фракция «Гражданское общество»⁴¹, включавшая в основном перебежчиков из демократического стана. Причём последние выступали с едва ли не самыми суровыми обвинениями в адрес президента и правительства. Так, один из пяти координаторов ГО М.Челноков, заявляя, что по-прежнему остаётся «сторонником рынка, сторонником реформ», утверждал, что правительство страны, «провозгласив переход к рынку, выбрало для этого средства и методы, ведущие в прямо противоположную сторону»⁴², и потому «войдёт в историю как Герострат, окончательно разрушивший экономику великой страны»⁴³.

Впрочем, критикуя правительственный курс, на красоты речи не скупились и прочие представители «Российского единства»: «Рос-

сийская либерализация есть акция антинаучная, антинародная и антирыночная, ...не что иное, как завершающий этап разгрома нашего хозяйства» (В.Соколов, «Россия»)⁴⁴; «Когда 90% населения поставлено на грань выживания – это антинародная программа» (А.Тулеев, «Отчизна»)⁴⁵; «Нынешняя так называемая реформа, если она будет доведена до конца, вобьёт последний гвоздь в крышку гроба Российского государства» (И.Константинов)⁴⁶.

Представители РЕ выражали недоверие правительству, требовали его отставки и освобождения Б.Ельцина от обязанностей главы правительства (Г.Дюдяев, «Аграрный союз»⁴⁷; А.Тулеев⁴⁸; М.Челноков⁴⁹; Н.Харитонов, АС⁵⁰; Ю.Сидоренко⁵¹; И.Константинов⁵²), настаивали на отмене решения V Съезда, наделившего президента чрезвычайными полномочиями, и на возвращении парламенту «прерогатив правотворчества», в т.ч. права участвовать в формировании правительства (В.Исаков⁵³, В.Соколов⁵⁴, А.Тулеев⁵⁵, М.Челноков⁵⁶, Н.Харитонов⁵⁷, Ю.Сидоренко⁵⁸, Ю.Воронин⁵⁹, В.Аксюциц⁶⁰), а также выступали за принятие закона о Совете министров РФ и утверждение парламентом «опытного» премьер-министра (В.Исаков⁶¹, Л.Иванченко⁶², А.Тулеев⁶³, М.Челноков⁶⁴, Н.Харитонов⁶⁵, Ю.Воронин⁶⁶, В.Аксюциц⁶⁷).

Что касается конкретных предложений по корректировке курса, то здесь в основном всё сводилось к фразам о необходимости «восстановить управляемость народным хозяйством, по крайней мере государственным сектором» (И.Константинов)⁶⁸, осуществлять «действенное государственное регулирование, контроль за ценами» (А.Тулеев)⁶⁹, «реорганизовать структуру правительства с целью чёткого управления государственной собственностью, обеспечения оперативного и более эффективного взаимодействия с территориями» (Ю.Воронин)⁷⁰.

«Серьёзной коррекции экономической политики правительства» и «приведения дополнительных полномочий президента в соответствие с нормами и принципами правового государства и гражданского общества» требовали также фракции «Рабочий союз России», «Смена – Новая политика» и «Промышленный союз», образовавшие на Съезде «Блок созидательных сил»⁷¹. Именно представители «Смены – НП» и ПС были авторами проекта постановления, предлагавшего «вернуть парламенту те прерогативы правотворчества, которые он должен иметь», и принять закон о Совете министров⁷². Центристы, так же как и «непримиримые», негативно оценивали политику правительства (Э.Остапенко, РС: «Вместо повышения эффективности производительных сил, мы видим их катастрофическое разруше-

ние»⁷³; С.Полозков, СНП: «Настораживает ориентация на чисто либеральные методы управления экономикой, на отказ от поощрения инвестиций, льгот малому и среднему бизнесу»⁷⁴), однако не настаивали на его отставке (Э.Остапенко: «Речь должна идти не о смене правительства, а о смене идеологии реформы»⁷⁵). При этом они призывали президента представить Съезду для утверждения кандидатуру премьер-министра и укрепить правительство «специалистами-практиками» (В.Дуев, ПС)⁷⁶. Член руководства БСС С.Полозков высказался по этому поводу весьма образно: «Мы ...должны поставить правительству “двойку”, но оставить его на второй год. И, как любого второгодника, мы должны взять на буксир. Буксиром этим должен стать новый премьер-министр. ...Премьер-министром должен стать управленец с достаточно солидным стажем. ...Люди, которые никогда не управляли коллективом большим, чем лаборатория, или никогда ничего не видели, кроме университетской кафедры, не могут управлять правительством»⁷⁷.

Самым неприятным для президента и правительства было то, что база поддержки их курса на Съезде оказалась значительно уже предполагаемой. В начале работы Съезда один из лидеров парламентских демократов, В.Лысенко, сообщил, что в образованную накануне Коалицию реформ вошли представители шести демократических фракций, многие внефракционные депутаты, а также депутаты, «занимающие в политическом, национальном вопросе совершенно другие позиции», но в части экономических преобразований поддерживающие президента⁷⁸. Позже, однако, выяснилось, что количество депутатов, считающих, что «в создавшейся ситуации той стратегической линии на реформы, которую начало сегодня российское руководство, реальной альтернативы не существует»⁷⁹, гораздо меньше, чем было объявлено. 14 апреля руководитель секретариата Съезда сообщил, что заявление о регистрации Коалиции реформ подписали только «Демократическая Россия», «Радикальные демократы», «Свободная Россия», «социал-демократы и республиканцы» и «Левый центр»⁸⁰. На самом деле фракций было не пять, а четыре – фракция социал-демократов и республиканцев из-за недостаточной численности вынуждена была объединиться с «Левым центром», который, поначалу согласившись на название «РПР/СДПР – Левый центр», затем вернул себе старое название⁸¹.

Но даже в этой довольно узкой коалиции – около 30% депутатского корпуса⁸² – не наблюдалось единства в поддержке правительства. «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы» были

«тверды в вере» (П.Филиппов, РД: «Любое правительство, если оно действительно собирается идти к рынку, будет проводить те же самые меры по оздоровлению рубля»⁸³), тогда как «Свободная Россия» и «Левый центр», поддерживая «стратегический курс реформ», вместе с тем высказывались за его корректировку (В.Витебский, СР: «Политика финансовой стабилизации должна быть дополнена осмысленной индустриальной политикой»⁸⁴). Кроме того, когда наиболее радикально настроенные члены РД, выражая недовольство тем, как ведёт себя Съезд, стали призывать к его роспуску (А.Шабад⁸⁵), представители «Левого центра» в ответ пригрозили выйти из Коалиции реформ (В.Герасимов⁸⁶). Угрозы эти не были пустыми. «Свободная Россия» вышла из коалиции в конце работы VI Съезда, а «Левый центр» – в июне⁸⁷. Тогда же обе фракции вместе с «Беспартийными депутатами» создали блок «Демократический центр», который на пару со «Сменой – Новой политикой» выполнял роль парламентского представительства «Гражданского союза»⁸⁸.

Таким образом, расстановка сил на VI Съезде сложилась отнюдь не в пользу правительства. По словам В.Шейниса, уже первые голосования показали, что она не вполне совпадает с фракционным делением и существенно отличается от той, что имела место на предыдущих Съездах⁸⁹. Дальнейшие дебаты выявили резкое ослабление парламентской поддержки президента, правительства и курса реформ. По подсчётам группы А.Собянина, число более или менее последовательных их сторонников сократилось с 479 до 240, число противников возросло с 465 до 571, колеблющихся – с 95 до 227; при этом 98 бывших сторонников превратились в активных противников⁹⁰.

В принятом после ожесточённых споров постановлении депутаты не только признали неудовлетворительным ход экономической реформы и отметили необходимость внести «существенные коррективы» в тактику и методы её осуществления⁹¹, но и предложили президенту представить Верховному Совету для согласования кандидатуру на должность председателя правительства⁹². Помимо того, 607 голосами «за» (при 207 «против» и 48 воздержавшихся) в проект постановления был внесён пункт об индексации вкладов населения с учётом коэффициента инфляции – несмотря на возражения Е.Гайдара, указавшего, что такими мерами темпы инфляции будут доведены до бесконечности⁹³. Впоследствии, правда, этот пункт был заметно смягчён: правительству, Центральному банку и Сбербанку поручалось всего лишь подготовить предложения по индексации вкладов населения⁹⁴. Однако поначалу парламентарии, проигнорировав увещания

Р.Хасбулатова, отказались вернуться к голосованию по этой поправке⁹⁵, и это послужило поводом для мини-кризиса в отношениях между парламентом и правительством: во время голосования по одному из пунктов постановления⁹⁶ члены правительства во главе с Е.Гайдаром покинули зал заседаний и объявили о своей отставке. Гайдар, в частности, расценил принятие постановления как «возврат к политике ублажения отдельных социальных групп» и «путь к развалу рубля»⁹⁷.

Руководство Съезда не было готово к такому повороту. Хотя Р.Хасбулатов и хорохорился: «Если хотят уйти в отставку, пусть, пожалуйста, ставят вопрос перед тем, кто их назначал. ...Никто нас не должен шантажировать. Мы ничего и никого не боимся»⁹⁸, это была всего лишь бравада – депутаты ещё не были готовы взять на себя формирование правительства и выработку альтернативного курса. На следующий день после скандала, 12 апреля, члены Президиума ВС встретились с заместителями председателя правительства Е.Гайдаром, Г.Бурбулисом, А.Шохиным, С.Шахраем и М.Полтораниным и в ответ на обвинение в дистанцировании от проводимой экономической реформы пообещали выразить ей поддержку в специальной декларации⁹⁹. Р.Хасбулатов, призывая депутатов «сделать хорошую декларацию», не исключил даже, что на Запад будет послана делегация, которая успокоит «международное сообщество»: «Мы сторонники и рыночной системы, и самой радикальной экономической реформы»¹⁰⁰. В итоге декларация была принята сразу и в целом (578 «за», 203 «против», 64 воздержались¹⁰¹), и кризис вроде бы уладился.

Однако «перетягивание каната» продолжилось в другой форме. При обсуждении поправок к Конституции было выдвинуто предложение наделить Верховный Совет правом давать согласие на назначение как председателя правительства, так и его заместителей, а также ключевых министров (обороны, безопасности, внутренних дел, финансов, экономики, иностранных дел, юстиции, печати и СМИ), которое получило 690 голосов (при 216 «против» и 34 воздержавшихся)¹⁰² и не было принято только потому, что для этого требовалось квалифицированное большинство. Сторонники поправки ссылались на общемировую практику (Н.Павлов¹⁰³, И.Муравьёв¹⁰⁴), а противники высказывали уверенность, что «если правительство будет формироваться через Верховный Совет, то в условиях экономического кризиса правительственная чехарда у нас будет происходить ежемесячно» (С.Шахрай)¹⁰⁵, и что «раздираемый на части» лоббистскими группами парламент сможет сформировать только «неработо-

способное правительство» (П.Филиппов)¹⁰⁶. Так что главные баталии между президентом и парламентом были ещё впереди.

В целом, как отметили Н.Бирюков и В.Сергеев, принятые VI Съездом решения «окончательно запутывали» ситуацию: «Правительство осталось на месте, хотя его работа была признана неудовлетворительной..., должен был быть принят пакет законов, устанавливающий нормальные взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью, включая контроль над деятельностью правительства со стороны парламента, ...и в то же время это должно было происходить в соответствии с постановлением от 1 ноября, фактически передававшим исполнительной власти полномочия законодательной. Такая ситуация ...создала простор для произвольных толкований и определённо содержала в себе зерно тяжёлого конфликта между парламентом, с одной стороны, и президентом и правительством, с другой»¹⁰⁷.

Вне парламента образовавшееся на VI Съезде «троецентрие» отозвалось формированием трёх основных блоков. Первый – Фронт национального спасения – составила «непримиримая» («право-левая») оппозиция, объединившая коммунистические, национал-патриотические и «государственнические» организации. В оргкомитет ФНС вошли, в частности, представители «Российского единства» М.Астафьев, С.Бабурин, С.Глотов, В.Исаков, И.Константинов, А.Лапшин, Н.Павлов, Г.Саенко, Ю.Сидоренко, М.Челноков, координатор фракции «Промышленный союз» В.Беспалов, председатель Русского общенационального союза И.Артёмов, будущий лидер КПРФ, председатель Совета народно-патриотических сил России Г.Зюганов, член ЦК РКРП Р.Косолапов, председатель Национально-республиканской партии России Н.Лысенко, председатель союза «Христианское возрождение» В.Осипов, лидер Русского национального собора А.Стерлигов, председатель Союза офицеров С.Терехов и др.¹⁰⁸ В декларации оргкомитета присутствовали такие требования, как «прекращение грабительских экспериментов Ельцина–Гайдара», создание «правительства национального спасения», «установление контроля за ценами и приведение заработной платы в соответствие с уровнем цен», «последовательное восстановление государственного единства страны», «восстановление обороноспособности государства» и пр.¹⁰⁹

Учредительный конгресс Фронта национального спасения прошёл 24 октября 1992 г.¹¹⁰, а уже 28 октября президент Б.Ельцин указом «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации», велел распустить оргкомитет ФНС – как «группировку, при-

бегающую для достижения своих экстремистских целей к неконституционным действиям, рассчитанным на провоцирование беспорядков и дестабилизацию ситуации в обществе»¹¹¹. 12 февраля 1993 г. Конституционный суд РФ, признав роспуск оргкомитета ФНС не соответствующим Основному закону, постановив, что «право граждан на объединение может быть ограничено только решением суда»¹¹². В итоге запрет сыграл на руку «непримиримой» оппозиции, сделав Фронту неплохую рекламу и закрепив за ним статус ведущей антипрезидентской силы – с осени 1992 г. по осень 1993-го ФНС был главным организатором уличных протестных акций.

Второй блок – Гражданский союз – был создан рядом центристских организаций: НПСР А.Рущкого, ДПР Н.Травкина, Всероссийским союзом «Обновление», фракцией «Смена – Новая политика» и Российским союзом молодёжи (см. гл. 6). Осенью 1992 г. в ГС вступили парламентские фракции «Левый центр», «Беспартийные депутаты» и «Суверенитет и равенство», которые вместе с фракцией «Свободная Россия» (парламентское представительство НПСР) создали на Съезде народных депутатов РФ блок «Демократический центр».

Наконец, третьим участником политической борьбы стал «Демократический выбор» – новое издание «Демократической России», представленное в парламенте Коалицией реформ¹¹³ (см. гл. 6).

Период с лета по декабрь 1992 г. был временем расцвета российского центризма. Незадолго до VII Съезда народных депутатов (1–14 декабря 1992 г.) Гражданский союз заключил с «непримиримой» оппозицией соглашение, предусматривающее координацию действий обоих блоков с целью осуществления персональных изменений в кабинете министров¹¹⁴. Можно сказать, что на VII Съезде ГС познал триумф, который, однако, можно считать и началом упадка – не только центристов, но и всей «троецентричной» системы.

7.1.2. VII Съезд. От «перетягивания каната» к открытой конфронтации

Всего на VII Съезде было зарегистрировано четырнадцать фракций: «Россия» (55 депутатов), «Отчизна» (51), «Аграрный союз» (130), «Коммунисты России» (68), «Промышленный союз» (51), «Рабочий союз – Реформы без шока» (50), «Суверенитет и равенство» (51), «Смена – Новая политика» (54), «Свободная Россия» (54), «Родина» (55), «Левый центр – Сотрудничество» (59), «Согласие ради прогресса» (53), «Демократическая Россия» (50) и «Радикальные демократы» (51)¹¹⁵. Из них первые четыре состояли в блоке «Россий-

ское единство»¹¹⁶ и находились в «непримиримой» оппозиции президенту и правительству. Последних, в свою очередь, безусловно поддерживали «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы», а в вопросах экономической реформы – ещё две фракции: «Согласие ради прогресса» (ставило целями координацию деятельности «последовательных сторонников реформ, свободных от крайностей как левого, так и правого толка», и «поиск наиболее рациональных путей проведения коренных преобразований в экономике, в обществе»¹¹⁷) и в какой-то мере «ЛЦ – Сотрудничество»¹¹⁸. «Гражданский союз» числил в своём составе фракции «Суверенитет и равенство», «Смену – НП» и «Свободную Россию», но мог рассчитывать также на поддержку «Родины» (фактическая преемница «Беспартийных депутатов»; выступала за «реальное возрождение производительных сил России, ...стимулирование производителей материальных ценностей и интеллектуальных благ и, с другой стороны, ...ограничение “дикого” спекулянта и “торговца воздухом”»¹¹⁹) и «ЛЦ – Сотрудничества», а кроме того – на балансировавших между ГС и «непримиримыми» «Промышленный союз» и «Рабочий союз – Реформы без шока».

1 декабря 1992 г. истек срок дополнительных полномочий президента в сфере законодательного регулирования экономической реформы, предоставленных ему осенью 1991-го. Б.Ельцин, выступая на VII Съезде, выразил согласие отказаться от них, но на условиях, фактически эти полномочия продлевающих¹²⁰: сохранить «на период стабилизации» порядок, при котором председатель правительства по представлению президента утверждается Съездом, а члены правительства по представлению премьер-министра – президентом¹²¹; отложить утверждение закона о правительстве до принятия новой Конституции¹²²; утвердить порядок, при котором Верховный Совет рассматривает законодательные инициативы президента по вопросам экономической реформы в том виде, в каком они были представлены¹²³. При этом президент высказал недовольство тем, что в Конституции и законах РФ «до сих пор сохраняется нормативное положение, противоречащее принципу разделения властей», в результате чего «исполнительная власть не обладает необходимыми полномочиями и самостоятельностью и поэтому не может нести полную ответственность за состояние управленческих дел»¹²⁴. В связи с этим он предложил передать правительству все исполнительно-распорядительные функции, в т.ч. по управлению федеральной собственностью¹²⁵, а также принять постановление о проведении всероссийского референдума «по окончательному принятию новой Конституции»¹²⁶.

Учитывая обстановку на Съезде, трудно представить, что парламент пошёл бы навстречу президенту. Выражения «полный крах экономической политики», «глобальное перераспределение национального дохода в пользу мафиозно-государственно-предпринимательского капитала» и т.п. звучали уже не только со стороны «непримиримых», но и в докладе председателя Верховного Совета¹²⁷. При этом Р.Хасбулатов отверг обвинения в том, что депутаты выступают против рыночных реформ как таковых. По его словам, депутаты просто борются за другую модель рыночной экономики, отличную от той, которую защищает правительство, – не «неоклассическую либеральную модель», базирующуюся «на полном отрицании государственной собственности и, соответственно, абсолютизации частной, что предполагает резкое сокращение социальной функции государства», а «социально ориентированную модель»¹²⁸.

В ответном докладе Е.Гайдар возразил, что линия, которую отстаивает Верховный Совет, – никакой не социальный рынок, а обыкновенный популизм. Напомнив, что внеплановое увеличение бюджетных расходов привело к «резкому обострению бюджетных проблем практически во всех регионах, кризису региональных бюджетов, ...резкому увеличению денежной массы ...и ускорению инфляции», он заявил: «Если это социально ориентированная рыночная экономика, ...Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу»¹²⁹. По мнению Е.Гайдара, Россия ещё далека от той стадии развития, когда альтернатива между монетаристской американской моделью и социально ориентированной европейской (скандинавской) «станет реальной и определяющей»: «Реальная дилемма ...гораздо более тяжела и драматична... Сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости, сумеет ли взять твёрдый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств?... Или всё-таки инерция спада ...поташит нас вниз, к хронически нестабильной финансовой системе, а из-за этого – к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, ...к хронической бедности и поэтому политической нестабильности, к чередующейся, столь привычной для “третьего мира” плеяде популистских политиков и авторитарных диктаторов?»¹³⁰

Время показало, что ближе к истине был Гайдар – да и он оказался изрядным оптимистом: реальный выбор между сползанием к слаборазвитости и движением к цивилизованному рынку у России появился только тогда, когда в стране сформировался хоть какой-то рынок, пусть даже и не особенно цивилизованный. В начале же 1990-х ситуация была почти катастрофической: одна часть политической элиты

всеми силами пыталась оттащить страну от края пропасти, другая упорно толкала её к этому краю, уверяя, что там и есть спасение, тогда как большинство прагматично (если не сказать, цинично) прикидывало, чью сторону выгоднее принять. Эта мизансцена затянулась на добрых шесть лет и закончилась только в августе 1998 г., когда страна и впрямь едва не свалилась в пропасть, но посчитала за лучшее поменьше жаловаться и побыстрее отползти от опасного места.

Так что Гайдар напрасно пытался переубедить участников VII Съезда; к тому же главной мишенью депутатского большинства был не он, а Б.Ельцин. Целя в и.о. премьер-министра¹³¹, на самом деле стреляли в президента. Первейшей задачей Съезда было взять в свои руки формирование правительства, поэтому следом за критикой в адрес Гайдара, как правило, шли требования внести в Конституцию соответствующие изменения, затем принять закон о правительстве и, наконец, утвердить на Съезде нового председателя Совета министров¹³². Именно такая программа была заложена в пакете поправок к Конституции, подготовленных Верховным Советом. В ходе обсуждения на Съезде Б.Ельцин назвал значительную их часть неприемлемыми: «В случае их принятия возникает серьёзный дисбаланс законодательной и исполнительной власти. ...Если поправки будут приняты, страна получит заведомо слабое правительство; кто бы в него ни входил и ни возглавлял, вы свяжете его по рукам и ногам; кроме того, если отнимете самостоятельность – отнимете ответственность»¹³³. Тем не менее депутаты приняли за основу поправки о передаче Верховному Совету функций по реорганизации, образованию и упразднению министерств, госкомитетов и ведомств (по представлению президента) и о подотчётности правительства не только президенту, но и парламенту (Съезду и ВС)¹³⁴.

Осознавая неизбежность уступок, Б.Ельцин внёс в качестве законодательной инициативы поправку к Конституции, в соответствии с которой президент должен назначать министров обороны, безопасности, иностранных и внутренних дел только с согласия ВС¹³⁵, но взамен попросил утвердить Е.Гайдара на посту председателя правительства¹³⁶. Эта поправка легко прошла утверждение¹³⁷, однако кандидатура Гайдара не набрала при тайном голосовании необходимого количества голосов (467 «за», 486 «против»)¹³⁸. Кроме того, депутаты внесли в Конституцию поправки, дающие Верховному Совету право приостанавливать действие указов и распоряжений президента и отменять их на основании заключения Конституционного суда¹³⁹, а также предусматривающие, что в случае попытки президента распус-

тить либо приостановить деятельность «любых законно избранных органов власти» его полномочия будут немедленно прекращены¹⁴⁰. Одновременно была отклонена поправка, предоставляющая президенту право инициировать референдум (336 «за», 487 «против», 80 воздержались)¹⁴¹.

В ответ 10 декабря Б.Ельцин выступил на Съезде с заявлением, в котором назвал руководство парламента «оплотом консервативных сил и реакции», обвинил его в намерениях «заблокировать реформу» и «осуществить ползучий переворот» («То, что не удалось сделать в августе 1991 года, решили повторить сейчас»), а также перераспределить в свою пользу властные полномочия¹⁴². Констатировав: «С таким Съездом работать дальше стало невозможным»¹⁴³, он потребовал назначить на январь 1993 г. референдум по вопросу «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации – нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или президенту России?» и призвал поддерживающих его депутатов покинуть заседание для обсуждения плана дальнейших действий¹⁴⁴.

Эта эскапада оказалась для Съезда неожиданностью, однако не выбила его из колеи – кворум сохранился (715 депутатов)¹⁴⁵. Причём, как выяснилось, из зала не ушли даже некоторые сторонники «Дем-России», которым представитель «Российского единства» С.Бабурин выразил благодарность за то, что они остались «верны принципу парламентаризма, не поддаваясь на провокации»¹⁴⁶. Неприятным сюрпризом для Ельцина явилось, по-видимому, и поведение вице-президента А.Руцкого, присоединившегося к большинству. Руцкой хотя и призвал выработать «приемлемый политический компромисс между президентом и Съездом народных депутатов» («Возможности для согласия ещё есть. Они кроются в опоре на центристские силы как политический базис реформ»), но подверг резкому порицанию окружение Б.Ельцина и правительственный курс¹⁴⁷.

Впрочем, нельзя сказать, что демарш президента не возымел никакого эффекта. Конечно, депутаты приняли обращение, в котором осудили действия Б.Ельцина как попытку «нарушить конституционный баланс исполнительной и законодательной властей, сорвать работу высшего органа законодательной власти»¹⁴⁸, а также раскритиковали предложение о референдуме: «Мы не против референдума, но не в той постановке, которая изначально настраивает общество на конфронтацию, по существу направленную на уничтожение одной из ветвей государственной власти. ...Если и проводить референдум, то

в соответствии с Конституцией Российской Федерации по вопросу проведения досрочных выборов и президента Российской Федерации, и парламента страны»¹⁴⁹. В голосовании по этому документу приняло участие 814 человек, из которых 740 высказались «за», 51 «против», 23 воздержались¹⁵⁰. При этом закон о референдуме был дополнен поправкой, запрещающей выносить на всенародное голосование вопросы о доверии и досрочном прекращении полномочий высших представительных, исполнительных и судебных органов РФ (521 «за», 298 «против», 80 воздержались)¹⁵¹, что вызвало возражения даже у Бабурина – он назвал это решение спорным и призвал приостановить его до консультаций с президентом («Это будет нашим шагом на пути поиска компромисса и защитит демократию»)¹⁵².

Однако парламентарии пока не проявили готовности воевать «до последней капли крови» и одобрили предложение главы Конституционного суда В.Зорькина провести консультации между президентом и председателем Верховного Совета с посредническим участием председателя КС (834 «за», 5 «против», 3 воздержались)¹⁵³. Представленный через два дня Зорькиным проект постановления «О стабилизации конституционного строя в Российской Федерации» предусматривал взаимные уступки, в т.ч. назначение на 11 апреля 1993 г. референдума – но не о доверии президенту и парламенту, а по основным положениям новой Конституции (ранее пункт о проведении такого референдума был изъят из проекта постановления «О принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году»¹⁵⁴). Оговаривалось также, что до референдума не будут считаться вступившими в силу поправки к Конституции относительно приостановления действия президентских указов Верховным Советом и незамедлительного прекращения полномочий президента. На парламентариев возлагалось обязательство не принимать поправок, нарушающих баланс властей; отменялось решение VII Съезда о внесении дополнений в закон о референдуме. Президенту вменялось в обязанность на основе консультаций с фракциями и субъектами РФ внести для рейтингового голосования несколько кандидатур на должность председателя правительства и представить на утверждение Съезда одну из трёх кандидатур, получивших наибольшее число голосов (в случае её неутверждения президент получал право назначить и.о.председателя Совета министров на период до VIII Съезда)¹⁵⁵.

По предложению участников переговоров и по настоянию Р.Хасбулатова депутаты приняли данное постановление без обсуждения – сразу в целом (541 «за», 98 «против», 67 воздержались)¹⁵⁶, чем крайне

возмутились «непримиримые». Представители «Российского единства» отметили, в частности, что Конституция не может быть изменена простым большинством голосов, и выступили против «бездумного соглашательства с предъявляемыми ультиматумами»¹⁵⁷, а М.Астафьев даже обвинил Б.Ельцина, Р.Хасбулатова и В.Зорькина в совершении «антиконституционного переворота» («К власти пришла тройка (типа хунты)..., которая теперь будет решать, что может и что не может делать Верховный Совет, какие законы принимать, а какие не принимать»)¹⁵⁸. В.Зорькин на это возразил: «Если ...вопрос ставится так, что нужна не великая Россия, а нужны великие потрясения, – Конституционный суд ...вынужден будет рассматривать ...поправки ...в комплексе всей Конституции, а не в единственном числе»¹⁵⁹. Один из разработчиков постановления – Н.Рябов – разъяснил, что поправка к Конституции о приостановлении Верховным Советом действия указов президента входит в противоречие с положением о разделении властей и была бы впоследствии отменена КС, а поправка о незамедлительном прекращении полномочий президента «не имеет чёткого механизма реализации» («Эта норма просто мёртвая»)¹⁶⁰.

Представитель «Гражданского союза» Н.Травкин объявил принятие постановления победой здоровых сил («Есть два радикальных края на Съезде, но здоровая середина, а это больше половины, победила»)¹⁶¹. Нетрудно догадаться, что под «здоровой серединой» он имел в виду прежде всего ГС. Победой «Гражданского союза» можно считать и избрание В.Черномырдина главой Совета министров. Исполняя своё обязательство, Б.Ельцин вынес на рассмотрение Съезда несколько кандидатур – Е.Гайдара, секретаря Совета безопасности Ю.Скокова, вице-премьеров В.Черномырдина и В.Шумейко, а также гендиректора «АвтоВАЗа» В.Каданникова¹⁶². По итогам рейтингового голосования в первую тройку попали Ю.Скоков (637 «за», 254 «против», 25 воздержались), В.Черномырдин (621, 280, 24) и Е.Гайдар (400, 492, 46)¹⁶³. В соответствии с условиями соглашения Ельцин имел возможность вновь предложить Е.Гайдара, а в случае неудачи назначить его и.о.премьер-министра, но, осознавая, вероятно, что это было бы паллиативом, предпочёл представить кандидатуру В.Черномырдина¹⁶⁴, за которого и проголосовало подавляющее большинство депутатов (721 «за», 172 «против», 48 воздержались)¹⁶⁵.

Однако конфликт на этом отнюдь не закончился – он лишь вступил в новую фазу. Политическая борьба из противостояния сторонников и противников либеральных экономических реформ фактически переросла в столкновение между исполнительной и законода-

тельной ветвями власти. Как отметил В.Шейнис, главный ущерб, нанесённый VII Съездом обществу, состоял в том, что все его (Съезда) основные участники – «реформаторы и консерваторы, революционеры белые, красные и коричневые» – сделали из произошедшего «одинаковый вывод: уступки противнику ничего хорошего не дают, бороться надо за победу»¹⁶⁶.

Компромисс, достигнутый на VII Съезде, оказался весьма хрупким. Как писал ответственный секретарь Конституционной комиссии СНД О.Румянцев, «послесъездовская идиллия длилась недолго» – сразу после завершения новогодних и рождественских каникул начались «бурные консультации» по вопросам референдума¹⁶⁷. Как видно из отчёта о рабочем совещании Конституционной комиссии 13 января, имели место несогласия по самым разным поводам: «Если одни депутаты считают, что граждане России должны определиться прежде всего по кардинальным вопросам (отношение форм собственности, президентский или парламентский тип республики, характер федерации), то другие убеждены, что вопросы не должны носить конфронтационного характера... Серьёзный спор возник ...между сторонниками сильной центральной власти и представителями республик, которые настаивают на включении в текст будущей Конституции Федеративного договора в полном объёме»¹⁶⁸.

Между тем руководители парламента опомнились от потрясения и решили, что на VII Съезде Б.Ельцин их просто-напросто переиграл, принудив к неоправданным жертвам. 9–10 января 1993 г. Р.Хасбулатов выступил в «Российской газете» со статьёй, в которой следующим образом охарактеризовал принятие постановления о стабилизации конституционного строя: «Соображения общественно-политической целесообразности пересилили соображения конституционной соразмерности»¹⁶⁹. Он также солидаризовался с распространёнными в депутатском корпусе опасениями, что в случае положительного исхода референдума «некоторые политические группы постараются возбудить общественное мнение, направив его на роспуск Съезда», и что «людей попытаются убедить (а скорее – обмануть!) в том, что Съезд не годится даже для принятия Конституции и что это должно сделать “Учредительное собрание”»¹⁷⁰. Именно это опасение, судя по всему, заставило Р.Хасбулатова сделать эдакий «ход конём». 29 января Президиум Верховного Совета к одиннадцати вопросам, выносимым на референдум и касающимся основных положений новой Конституции, по предложению спикера добавил двенадцатый: «Согласны ли вы с тем, чтобы весной 1994 года провести одновременно выборы

народных депутатов Российской Федерации и президента Российской Федерации?»¹⁷¹ А в середине февраля Р.Хасбулатов и вовсе предложил подготовить для референдума второй бюллетень – с вопросами о доверии президенту, Съезду, Верховному Совету и правительству РФ, включив туда также вопрос о досрочных выборах¹⁷².

Тем временем группа депутатов (В.Доркин, С.Андропов и др.) выступила с инициативой созвать в конце февраля – начале марта внеочередной Съезд и объявить на нём мораторий на проведение референдума, аргументировав это тем, что в сложившихся условиях плебисцит может спровоцировать общий кризис власти и привести к «распаду России как единого государства»¹⁷³. Против референдума высказались также представители фракций «Смена – Новая политика» и «Суверенитет и равенство»¹⁷⁴. Об угрозах, связанных с провальным исходом референдума, в унисон твердили Гражданский союз¹⁷⁵, представители «непримиримой» оппозиции¹⁷⁶ и «умеренные» демократы¹⁷⁷. К началу марта, по свидетельству В.Шейниса, обращения с предложением созвать Съезд и отменить референдум прислали в ВС 66 органов представительной власти и 60 руководителей верховных советов республик, краевых и областных советов¹⁷⁸. 2 февраля к тому же призывал президента и председатель КС В.Зорькин¹⁷⁹.

Б.Ельцин ответил на все эти призывы созданием правительственной комиссии по проведению референдума, поставив во главе неё первого вице-преьера В.Шумейко¹⁸⁰. При этом, выступая 9 февраля на заседании Конституционной комиссии, он заявил, что допускает отмену референдума – но только если будет найден «действительно эффективный и надёжный путь» выхода из сложившейся ситуации¹⁸¹. Одновременно Б.Ельцин назвал неприемлемыми вопросы, одобренные Президиумом ВС, подчеркнув, что они программируют срыв референдума; взамен он обещал внести в ближайшее время «три-четыре кратких и ясных вопроса»¹⁸². Что касается досрочных выборов, то, по словам главы исполнительной власти, он не против них, но «при соблюдении принципа равных условий», т.е. «при равном сокращении сроков полномочий»: «Тогда можно провести досрочные выборы депутатского корпуса весной 1994 года, а досрочные выборы президента – весной 1995 года»¹⁸³.

Следует отметить, что официально вносить обещанные вопросы Б.Ельцин явно не торопился, несмотря на то что ещё 5 февраля В.Шумейко изложил их общее содержание: о форме правления страны (президентская или парламентская республика), а также о том, кто будет принимать новую Конституцию и когда¹⁸⁴. Последние два

вопроса подразумевали, что это должен делать не Съезд, а специально созданное Учредительное (Конституционное) собрание; ряд организаций пропрезидентской ориентации (Российский учредительный союз, Свободная демократическая партия России, Российское движение демократических реформ, блок «Новая Россия» и др. – всего 19 объединений) создали специальный общественный комитет в поддержку данной идеи¹⁸⁵.

По всей видимости, президент тянул с внесением вопросов потому, что рассчитывал сформировать очередную согласительную комиссию – наподобие той, что была образована в ходе VII Съезда. Б.Ельцин провёл несколько встреч с Р.Хасбулатовым, результатом которых стало создание рабочей группы по выработке конституционного соглашения¹⁸⁶. Далее президент планировал созвать внеочередной Съезд, с тем чтобы вынести на него только один вопрос – ратификация соглашения. До тех пор пока соглашение не будет утверждено, заявлял он, подготовка к референдуму будет продолжаться¹⁸⁷.

19 февраля Б.Ельцин обнародовал проект соглашения, в соответствии с которым президент и ВС взяли бы на себя обязательства не вмешиваться в прерогативы друг друга и обеспечивать соблюдение принципа разделения властей. ВС отказывался от применения ч. 2 ст. 104 и п. 26 ст. 109 Конституции и от принятия законов, нарушающих баланс властей, и вносил в действующее законодательство поправки, обеспечивающие поддержание этого баланса. Управление федеральным имуществом полностью передавалось правительству, ему же переподчинялись находящиеся в ведении ВС структуры, осуществляющие исполнительные и распорядительные функции; Верховный Совет должен был согласовывать с правительством все кредитно-эмиссионные решения. Стороны обязывались не вносить изменений в действующую Конституцию, а принятие нового Основного закона возлагалось на Конституционное собрание¹⁸⁸.

По словам В.Шейниса, «это был поразительный документ, достойный того, чтобы занять место в юридических хрестоматиях»¹⁸⁹: «Трудно понять, на что рассчитывали авторы документа, представлявшего собой не что иное, как акт о капитуляции. Верховный Совет не имел права подписать такие условия, а на Съезде в их поддержку заведомо нельзя было получить не только конституционное, но и простое большинство»¹⁹⁰.

Неудивительно, что парламентарии с порога отвергли этот проект. Уже 20 февраля глава рабочей группы со стороны ВС Н.Рябов заявил,

что соглашение выходит за рамки Конституции, после чего переговоры были, по сути, свёрнуты¹⁹¹. Позже, выступая в Верховном Совете, он пояснил, что «само понятие “соглашение” между ветвями власти не предусмотрено действующей Конституцией», а предложенный президентом проект подразумевает «односторонние уступки со стороны законодательной власти»¹⁹². Особенно резко Н.Рябов отозвался о предложении Б.Ельцина передать в подчинение исполнительной власти ведомства, управляющие федеральной собственностью. По его словам, «осуществлять функции собственника от имени народа могут только представительные органы власти» и потому предложение президента «нарушает установившийся баланс законодательной и исполнительной властей»¹⁹³. Вторя «непримиримым», расценившим проект соглашения как «антиконституционный» (В.Исаков)¹⁹⁴, как «шаг на пути ликвидации представительной, законодательной власти» (И.Константинов)¹⁹⁵, Н.Рябов заявил, что, приняв предложение президента, Верховный Совет «подпишет себе смертный приговор – и не только себе, но и вообще всей системе только что народившегося представительства в России»¹⁹⁶. В итоге Верховный Совет счёл нужным довести до сведения Б.Ельцина, что в соответствии с постановлением VII Съезда о стабилизации конституционного строя он не вправе принимать документы, «направленные на изменение конституционного баланса властей»¹⁹⁷. Кроме того, ВС назначил на 10 марта внеочередной, VIII, Съезд¹⁹⁸, вынеся на его обсуждение два вопроса: о референдуме 11 апреля и о соблюдении Конституции высшими органами государственной власти и должностными лицами¹⁹⁹.

7.1.3. VIII и IX Съезды. Полное и окончательное размежевание

Лишь накануне VIII Съезда, 10 марта, были наконец опубликованы вносимые президентом вопросы для референдума²⁰⁰ – именно такие, как и ожидалось, т.е. совершенно невозможные для парламентариев: «1. Согласны ли вы, чтобы РФ была президентской республикой? 2. Согласны ли вы, чтобы высшим законодательным органом РФ был двухпалатный парламент? 3. Согласны ли вы, что новая Конституция должна быть принята Конституционным собранием? 4. Согласны ли вы с тем, что каждый гражданин России вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землёй в качестве собственника?»²⁰¹ Параллельно президентская администрация продолжала собирать подписи под проектом конституционного соглашения – на 4 марта его поддержали 48 организаций, правда исключительно из числа близких к «демороссам»: сама «Демократическая Россия», Крестьянская партия России, ПЭС, РПРФ, РДДР и др.²⁰² На встречах

же со своими сторонниками Б.Ельцин открыто заявлял, что не присягал «Конституции с поправками Шестого и Седьмого Съездов», уведомлял о наличии у него ряда «заготовок», включая проведение референдума через голову Верховного Совета, а также намекал на некий «последний вариант», суть которого расшифровывать не стал, однако ясно дал понять, что ради спасения страны, демократии и реформ готов на всё²⁰³.

Обсуждение вопроса о референдуме на VIII Съезде народных депутатов (10–13 марта 1993 г.) началось с того, что руководители исполнительных и законодательных органов власти регионов потребовали отменить намеченное на 11 апреля всенародное голосование – от Совета глав республик и Совета глав администраций краёв и областей выступил председатель ВС Северной Осетии А.Галазов²⁰⁴, от имени 73 руководителей Советов – председатель Красноярского крайсовета В.Новиков²⁰⁵.

После этого с главным докладом²⁰⁶ выступил Н.Рябов, заявивший, что шесть из семи пунктов постановления о стабилизации конституционного строя явились «односторонней уступкой со стороны представительной власти в пользу исполнительной»²⁰⁷. Данная уступка, по его словам, не пошла на благо обществу: «Практика показала, что даже малейшее отступление от Конституции не ведёт к улучшению обстановки в целом, к взаимопониманию властей, а лишь ещё более обостряет конфликт между ними, вызывает дальнейшую дестабилизацию в обществе. Поэтому первый и главный вывод состоит в пагубности заключения каких бы то ни было соглашений вне рамок действующих Конституции и законов»²⁰⁸. В связи с этим докладчик высказал убеждение, что необходимо признать постановление VII Съезда утратившим силу и, соответственно, снять ограничения на введение в действие ряда статей Конституции²⁰⁹, а заодно отменить решение о проведении референдума – как «не до конца взвешенное, а точнее, просто ошибочное»²¹⁰. Были также подвергнуты жёсткой критике «попытки использовать референдум для искусственного продления или укрепления полномочий тех или иных структур власти, а тем более фигур, их возглавляющих», а также создание президентом собственной комиссии по подготовке референдума («превышение полномочий исполнительной власти»)²¹¹. Что же касается предложенного президентом проекта конституционного соглашения, то оно, подчеркнул Н.Рябов, «не предусмотрено Конституцией»²¹², а компромисс между президентом и парламентом может быть достигнут только на основе взаимных обязательств «не предпринимать шагов,

нарушающих закреплённый действующей Конституцией баланс законодательной и исполнительной властей»²¹³. Вместе с тем Н.Рябов назвал целесообразным провести досрочные выборы народных депутатов и президента одновременно, не позднее весны 1994 г., на основе новых избирательных законов²¹⁴.

Предложение признать утратившим силу постановление о стабилизации конституционного строя и отменить референдум вызвало сопротивление только со стороны представителей Коалиции реформ (А.Сурков²¹⁵, М.Молоствов²¹⁶). Все прочие приветствовали его обеими руками: Б.Тарасов («Отчизна»)²¹⁷, В.Аксюциц (группа «Гражданское общество»)²¹⁸, В.Раков («Свободная Россия»)²¹⁹, И.Муравьёв («Смена – Новая политика»)²²⁰, В.Севастьянов («Коммунисты России»)²²¹. Центристы, правда, предпочли говорить не столько об отмене референдума, сколько о его переносе до «лучших времён» (В.Раков²²², В.Васильев, «Родина»²²³). Некоторые представители центристских и даже «непримиримых» фракций допускали проведение референдума, но со множеством оговорок, фактически превращающих эту возможность в призрачную. Так, Ю.Сидоренко (ГО) высказался за то, чтобы референдум проводить, но с понятными народу вопросами, «на которые он способен ответить»²²⁴, а О.Казаров (КР) даже предложил один такой вопрос: «Вы за капитализм или за социализм?»²²⁵ Кроме того, нередко согласие на проведение референдума обуславливалось требованием определить ответственность, которую понесут его инициаторы в случае «нехороших» последствий (Ю.Сидоренко²²⁶, А.Вешняков²²⁷). В целом же отношение большинства депутатского корпуса к декабрьскому соглашению вполне адекватно сформулировал Р.Хасбулатов: «Как говорится, бес попутал нас всех. Так надо же исправить эту ошибку!»²²⁸

Б.Ельцин указал, что на обсуждение не была вынесена ни одна президентская инициатива («Не сделано даже попытки предложить достойный выход из сложившейся ситуации»)²²⁹, и выразил готовность, с одной стороны, принять соглашение в любой форме («Не годится соглашение – пусть будет постановление Съезда. Не годится постановление – давайте примем закон о власти. Не годится закон о власти – давайте внесём поправки в Конституцию, которые сбалансировали бы ветви власти»)²³⁰, а с другой, в случае недостижения компромисса провести референдум («Конечно, время для подготовки референдума упущено, и, видимо, придётся переносить его срок»)²³¹. Однако все уговоры были пресечены непреклонным хасбулатовским: «Давайте не будем повторять ошибки: на нас оказывают

давление, мы поддаёмся, попадаем в конституционную ловушку, а потом до следующего Съезда расхлёбываем»²³².

В итоге депутаты почти конституционным большинством (656 «за», 184 «против», 41 воздержавшийся²³³) приняли постановление «О мерах по осуществлению конституционной реформы в Российской Федерации», которым, в частности, признавали постановление VII Съезда о стабилизации конституционного строя утратившим силу, полностью вводили в действие приостановленные этим постановлением статьи Конституции и предписывали «осуществлять конституционную реформу в порядке, установленном Конституцией», считая недействительными «акты, направленные на перераспределение полномочий между органами власти»²³⁴. Почти таким же большинством (643 «за», 141 «против», 34 воздержавшихся²³⁵) было принято постановление, признающее «нецелесообразным» проведение референдума²³⁶.

Идею же досрочных выборов парламента и президента, несмотря на то что её выдвигали представители как «непримиримой» (В.Аксюциц²³⁷, И.Константинов²³⁸), так и «конструктивной» оппозиции (И.Муравьёв²³⁹, А.Головин²⁴⁰), большинство депутатов встретило без энтузиазма. Этот вопрос даже не с первого раза был включён в повестку дня, да и то в форме, делающей данную перспективу весьма неопределённой, – как внесение в Конституцию поправок, допускающих такие выборы²⁴¹. Соответствующее постановление получилось ещё более невнятным: Верховному Совету поручалось рассмотреть целесообразность разработки законопроекта о внесении в Конституцию изменений и дополнений, предусматривающих возможность проведения досрочных выборов депутатов и президента²⁴². Депутаты не хотели переизбираться. Большинство из них не имело шансов попасть в новый парламент, в связи с чем не видело смысла выпускать синицу из рук. Неудивительно поэтому, что за перевыборы выступали в основном известные публичные деятели, тогда как «рядовые» парламентарии, прежде всего из съездовского «болота», всячески эту идею саботировали.

Ещё сильнее противилось досрочным выборам руководство Верховного Совета. Причины этого становятся понятны, если принять во внимание факты, приведённые в докладе министра юстиции Н.Фёдорова. В своей деятельности Верховный Совет явно вышел за пределы положенной ему компетенции: в его структуре одно за другим возникали ведомства, осуществляющие «сугубо исполнительные и распорядительные функции»; он брал на себя хозяйственные зада-

чи, «беззащитно вторгаясь в полномочия правительства»²⁴³; Президиум ВС принимал решения, касающиеся бюджетно-кредитной сферы²⁴⁴; председатель ВС по собственному усмотрению использовал средства фонда ВС по социальной поддержке населения, его заместители утверждали государственные инновационные программы²⁴⁵ и т.п. Что интересно, депутаты этого в общем-то и не отрицали. В.Исаков даже напомнил, что превышение руководством парламента своих полномочий, создание «параллельных структур» и пр. началось ещё в бытность Ельцина председателем ВС²⁴⁶.

Так или иначе, было очевидно, что ради сохранения своих мест руководство Съезда и большинство депутатов пойдут на всё и что их главный враг – тот, кто покушается на их статус, т.е. президент. На VIII Съезде они ясно дали это понять. Уступив в декабре, Съезд сполна отыгрался в начале марта.

Однако победа оказалась пирровой. Следующий шаг был за Б.Ельциным. Сделать его президенту было тем легче, что после VIII Съезда настроения депутатов резко поляризовались. Демократы подвергли принятые на нём решения уничтожающей критике, высказав твёрдую уверенность в необходимости референдума²⁴⁷, тогда как «непримиримые» приветствовали отмену «антиконституционного по своему духу соглашения VII Съезда»²⁴⁸, а также предупредили президента о недопустимости «антиконституционных действий»²⁴⁹. Что же касается центристов, то они буквально разрывались на части. Так, Правление НПСР, вынужденное констатировать «снизившуюся готовность депутатского центра к спланированным солидарным действиям», с одной стороны, положительно оценило «заострённую постановку Съездом вопроса о необходимости неукоснительного соблюдения Конституции», а с другой, назвало ошибкой отклонение как президентской инициативы о переносе референдума на 25 апреля, так и предложения о досрочных всеобщих выборах – тем самым оно фактически признало, что в данном случае интересы депутатов возобладали над «политическим расчётом»²⁵⁰. В качестве «третьего пути» руководство НПСР выбрало борьбу за досрочные всеобщие выборы и созыв очередного, IX, Съезда²⁵¹.

Как и следовало ожидать, Б.Ельцин не замедлил с ответным ходом, подготовив указ о назначении на 25 апреля референдума о доверии себе и одновременно по проекту новой Конституции и закону о выборах в новый федеральный парламент. Все решения, направленные на отмену референдума, объявлялись не имеющими юридической силы; главы исполнительной власти и правительств субъек-

тов РФ переподчинялись непосредственно президенту и правительству РФ, а кабинету предписывалось «не допускать финансирования из государственного бюджета и федеральных внебюджетных фондов не согласованных с ним мероприятий»²⁵². С публикацией этого указа, однако, вышла заковыка. Секретарь Совета безопасности Ю.Скоков и вице-президент А.Руцкой отказались визировать документ, а последний оповестил обо всём руководство Верховного Совета²⁵³.

Тогда президент выступил 20 марта с обращением, в котором обвинил парламент в «ликвидации конституционного принципа разделения властей» и «трусливом уходе от решения вопроса о досрочных выборах», а также кратко пересказал основные положения своего указа²⁵⁴. Этот поступок привёл в восторг «демократическую общественность»²⁵⁵, разъярил «непримиримую» оппозицию, которая требовала немедленной отставки Б.Ельцина и возбуждения против него «уголовного дела с привлечением к судебной ответственности»²⁵⁶, а также вызвал осуждение со стороны центристов, расценивших действия президента как «попытку решить силовыми неконституционными методами проблемы, возникшие в результате провала экономической политики»²⁵⁷.

Далее события понеслись едва ли не вскачь. Конституционный суд РФ по собственной инициативе, не дожидаясь публикации указа, начал рассматривать вопрос о конституционности действий Б.Ельцина²⁵⁸, а Президиум Верховного Совета назвал обращение президента «попыткой установления авторитарной диктатуры, посягательством на законно избранные органы власти»²⁵⁹. На экстренно созванном заседании ВС представители «Российского единства» потребовали признать полномочия президента прекращёнными – в соответствии со ст. 1216 Конституции (Г.Саенко²⁶⁰, В.Аксюциц²⁶¹, в более обтекаемой форме – В.Исаков²⁶²). Большинство же депутатов согласилось с предложением обратиться с запросом в КС и с просьбой к генпрокурору «рассмотреть вопрос об ответственности должностных лиц, принимавших участие в подготовке обращения президента»²⁶³.

23 марта Конституционный суд признал обращение не соответствующим целому ряду статей Основного закона, а также Федеративному договору²⁶⁴. После этого Верховный Совет, добившись от секретаря КС Ю.Рудкина констатации, что окончательно решить вопрос об отрешении президента от должности должен Съезд²⁶⁵, назначил на 26 марта созыв IX (внеочередного) СНД²⁶⁶, включив в его повестку вопрос «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации»²⁶⁷.

Ровно через день после принятия решения о созыве Съезда пресловутый президентский указ был наконец опубликован, но под другим названием и без положений, признанных противоречащими Конституции, – в нём, в частности, говорилось, что не подлежат исполнению только те решения государственных органов и должностных лиц, которые направлены на приостановление указов и распоряжений президента без решения КС²⁶⁸. Придаться было вроде уже и не к чему.

На IX Съезде (26–29 марта 1993 г.) инициатива полностью перешла к «Российскому единству», представители которого требовали отрешения президента от должности (Н.Солодякова²⁶⁹, Б.Тарасов²⁷⁰, Г.Саенко²⁷¹, Ю.Слободкин²⁷², М.Челноков²⁷³, А.Тулеев²⁷⁴). Референдум они допускали только в том случае, если предложение импичмента не наберёт на Съезде необходимого количества голосов, причём предлагали вынести на всенародное голосование вопросы об упразднении поста президента (Н.Солодякова)²⁷⁵ и о согласии населения с «продолжением ...экономической реформы методом шоковой терапии» (В.Тихонов²⁷⁶, Г.Саенко²⁷⁷, А.Тулеев²⁷⁸).

Позиция центристов была более осторожной: они соглашались на проведение референдума – при условии, что в бюллетень будет включён вопрос о поддержке населением социально-экономического курса, проводимого исполнительной властью (В.Шуйков)²⁷⁹, – и на устранение из Конституции положений, нарушающих принцип разделения властей (М.Вильчек)²⁸⁰, а также выступали за досрочные выборы парламента и президента (М.Вильчек²⁸¹, А.Руцкой²⁸², Н.Травкин²⁸³). К предложению об импичменте центристы отнеслись негативно, полагая, что любое решение по этому вопросу будет вредным для общества (Н.Травкин)²⁸⁴ и приведёт к «юридическим и организационным тупикам», в т.ч. таким, которые «откровенно попахивают кровью» (М.Вильчек)²⁸⁵.

Демократы, в свою очередь, призывали поддержать Б.Ельцина «в его стремлении узнать волю всего народа» (Н.Воронцов)²⁸⁶ и одобряли идею досрочных выборов президента и парламента (Д.Волгонов²⁸⁷, А.Захаров²⁸⁸, С.Ковалёв²⁸⁹). Наиболее радикальные сторонники президента требовали также приостановить деятельность председателя Конституционного суда (В.Веремчук)²⁹⁰ и вынести на референдум вопросы о принятии Основного закона Учредительным собранием (Конституционной ассамблеей) и о доверии Съезду (В.Веремчук²⁹¹, С.Ковалёв²⁹²), а также о ликвидации поста председателя ВС и его заместителей (В.Волков)²⁹³.

Надо сказать, что против досрочных выборов президента и парламента (либо вынесения вопроса об этом на референдум) не возражали даже некоторые представители «непримиримых» (В.Тихонов²⁹⁴, А.Тулеев²⁹⁵), поэтому логично предположить, что именно в этой точке мог быть найден спасительный компромисс. Однако, как выяснилось, ни «непримиримым», ни большинству депутатского корпуса такой компромисс уже не был нужен. Когда на третий день Съезда Р.Хасбулатов сообщил собравшимся, что руководство парламента договорилось с президентом об отказе от референдума и проведении досрочных одновременных выборов президента и депутатов²⁹⁶, В.Исаков от имени «Российского единства» заявил спикеру: «Мы устали от вас. Устали от вашей беспринципности, постоянных вихляний, попыток сторговать за подходящую цену конституционные принципы»²⁹⁷, и предложил провести тайное голосование об отрешении от должности президента и досрочном переизбрании председателя ВС²⁹⁸ (последнее предложение – касательно отставки Р.Хасбулатова – получило горячую поддержку демократов; В.Варов²⁹⁹). В итоге за внесённое спикером соглашение проголосовало лишь 130 депутатов (при 687 «против» и 31 воздержавшемся)³⁰⁰, тогда как за предложение В.Исакова – 675 (134 «против», 12 воздержавшихся)³⁰¹.

По оценке Н.Бирюкова и В.Сергеева, «такой внезапный поворот Съезда в очередной раз показал, что Съезд был мало управляемым политическим институтом, очень легко поддавался сиюминутным настроениям и, что важнее всего, что основным вопросом, действительно волновавшим депутатов, были не политические или конституционные разногласия, а вопрос о сохранении самого Съезда и полномочий депутатов»³⁰².

Для принятия решения об импичменте не хватило всего нескольких десятков голосов (617 «за», 268 «против»³⁰³), Р.Хасбулатова же спасло от отставки только то, что вариант, когда поста лишился он, а не президент, совершенно не устраивал «непримиримых». За это предложение проголосовало 399 депутатов – при 558 «против»³⁰⁴. Р.Хасбулатов сделал из произошедшего необходимые выводы и в дальнейшем уже не давал повода заподозрить себя в соглашательстве с исполнительной властью, а также не позволял себе ссориться с «Российским единством»³⁰⁵, чья победа была закреплена избранием двух его представителей в состав руководства Верховного Совета: Ю.Воронин («Коммунисты России») стал первым заместителем председателя ВС, а В.Агафонов («Аграрный союз») – заместителем председателя³⁰⁶.

Оставшаяся часть Съезда прошла под диктовку «непримиримых». При голосовании по проекту постановления «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации» за предложение констатировать серьёзное нарушение президентом Конституции, отметить личную ответственность Б.Ельцина «за усиление конфронтации властей и политическое противостояние в обществе» проголосовал 621 депутат (121 «против», 13 воздержавшихся)³⁰⁷; за приостановление, до вынесения заключения КС, ряда указов президента (о деятельности исполнительных органов до преодоления кризиса в стране, о представителе президента в регионе и др.) – 626 (127 и 13)³⁰⁸; за упразднение института представителей президента в регионах – 618 (141 и 17)³⁰⁹; за формирование коалиционного правительства и переподчинение ему органов, созданных при президенте, но не предусмотренных законом, за упразднение Федерального информационного центра и освобождение от должностей «лиц, скомпрометировавших себя подготовкой обращения президента 20 марта и указов, противоречащих Конституции», – 584 (153 и 20)³¹⁰; в то же время предложение подготовить поправки к Конституции об устранении из неё положений, противоречащих принципу разделения властей, а также о создании двухпалатного федерального высшего законодательного собрания – набрало всего 424 голоса (306 «против» и 52 воздержавшихся)³¹¹, т.е. меньше простого большинства, требуемого для принятия.

Далее, при голосовании по проекту постановления «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума» депутаты поддержали включение в бюллетень для голосования вопроса «Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?» (611 «за», 223 «против» и 10 воздержавшихся)³¹², однако «прокатали» вопросы о доверии Съезду (236, 444 и 33)³¹³ и о проведении в 1993 г. выборов профессионального двухпалатного парламента с одновременной ликвидацией Съезда (192, 443 и 21)³¹⁴. В итоге на референдум были вынесены четыре вопроса – о доверии президенту, об одобрении социально-экономической политики президента и правительства, о проведении досрочных выборов президента и о проведении досрочных выборов депутатов³¹⁵. Причём было оговорено, что решения по всем вопросам будут считаться принятыми, только если положительно на них ответит более половины списочного состава избирателей, – пусть даже решения по первому и второ-

му вопросам носят консультативный, т.е. с юридической точки зрения ни к чему не обязывающий, характер³¹⁶. Как писали Н.Бирюков и В.Сергеев, «Съезд завершил свою работу, так и не разрешив парализовавший политическую элиту России институциональный конфликт: ответственность была переложена на избирателей»³¹⁷.

7.1.4. Референдум 25 апреля 1993 г. Развязка

Депутаты слишком явно выказали стремление максимально подставить президента и обезопасить себя, что сослужило им плохую службу – это вскоре продемонстрировали итоги референдума. Ещё одним последствием IX Съезда стало очевидное ослабление центристов, пошедших на поводу у «Российского единства»³¹⁸, и наметившийся в их рядах раскол. В начале апреля Секретариат ДПР выступил с заявлением, в котором обвинил фракцию «Смена – Новая политика» в том, что вместо поиска компромисса она практически по всем принципиальным вопросам консолидировалась с РЕ (в частности, поддержала импичмент), полностью отойдя от «центристской позиции» Гражданского союза³¹⁹.

В ходе подготовки к референдуму сторонники президента, объединившиеся в Общественный комитет демократических организаций России (ОКДОР), призвали избирателей ответить на вопросы плебисцита по формуле «Президенту Ельцину – да; политике реформ – да; перевыборам президента – нет; перевыборам Съезда – да» («да-да-нет-да»)³²⁰. Лидеры Крестьянской партии России, Народной партии России, Российского движения демократических реформ³²¹, Российской социально-либеральной партии, Российского союза частных собственников, Российского учредительного союза, Социал-демократической партии России³²² и Социально-либерального объединения РФ предложили Б.Ельцину провести также опрос граждан по вопросам о сохранении Съезда народных депутатов как высшего органа государственной власти, о принятии новой Конституции Учредительным собранием и о частной собственности на землю³²³.

Центристы рекомендовали ответить «да» на два последних вопроса. Что касается двух первых, то, например, ДПР предоставила своим членам и сторонникам право самостоятельно определить свою позицию³²⁴, тогда как НПСР посоветовал зачеркнуть оба варианта ответов или забрать эти бюллетени с собой³²⁵.

Среди «непримиримых» не было никаких разногласий по первым трём вопросам («нет-нет-да»), однако четвёртый вызвал споры. В конце концов «Российское единство» оставило решение по нему на усмотрение своих сторонников³²⁶, КПРФ высказалась против пере-

выборов депутатов³²⁷, а лидер Русского национального собора А.Стерлигов – за³²⁸.

Голосование на референдуме принесло приятный сюрприз Б.Ельцину и неприятный – его противникам. Большинство избирателей выразило доверие не только президенту (58,66%), но и проводимому им курсу (53,04%). За досрочные выборы президента проголосовало 49,49% участников референдума (31,71% избирателей), за досрочные выборы депутатов – 67,16% (43,08%)³²⁹.

Хотя юридического значения эти результаты не имели, в политическом плане они явились несомненной победой президента. Именно так расценили их сторонники Б.Ельцина из парламентской Коалиции реформ³³⁰. Представители ОКДОР пошли ещё дальше, интерпретировав итоги референдума как признание нелегитимности Съезда народных депутатов, и призвали Б.Ельцина «не упустить, как в августе 1991 г., победу и решительней провести намеченные реформы», а также созвать для принятия новой Конституции Учредительное собрание³³¹. Координационный совет «ДемРоссии» потребовал, кроме того, соответствующих кадровых изменений, в т.ч. отставки вице-премьера Г.Хижи, председателя Центробанка В.Герасченко и секретаря Совета безопасности РФ Ю.Скокова, слывших сторонниками Съезда, а также возвращения Е.Гайдара «на один из ключевых постов» в правительстве³³².

Умеренные демократы из парламентской фракции «Согласие ради прогресса» были более сдержанны. Они признали победу Б.Ельцина, но ограничились тем, что призвали депутатов согласиться на досрочные выборы и незамедлительно принять законы о выборах и о партиях³³³. С аналогичным заявлением выступил Политсовет Республиканской партии РФ³³⁴. Примерно того же мнения придерживались и центристы. Лидер Демократической партии России Н.Травкин, констатировав победу президента, и вовсе объявил о сложении депутатских полномочий. Секретариат ДПР при этом выразил надежду, что народные депутаты последуют примеру Н.Травкина и назначат выборы в профессиональный двухпалатный парламент и что то же самое сделает Б.Ельцин³³⁵. Исполком Гражданского союза, признав укрепление позиций президента в результате референдума, вместе с тем указал на противоречивый характер итогов последнего: «Политика Президента и Правительства не получила поддержки в 40 регионах, среди которых – большая часть национальных республик. Такие результаты не только не дают повода для победных реляций, но и выявляют острый кризис власти»³³⁶. Выразив уверенность,

что «развязка политического кризиса возможна только в результате президентских и парламентских выборов», путь к которым «лежит через новую демократическую Конституцию», ГС призвал Верховный Совет и Съезд ускорить её подготовку³³⁷.

Руководство Съезда и «непримиримая» оппозиция остались непримиримы. Р.Хасбулатов высказался в том духе, что в соответствии с итогами референдума депутатам придётся работать весь оставшийся срок вместе с президентом «в рамках действующей Конституции ...и строго в соответствии с Конституцией»³³⁸. Более того, председатель ВС поставил под сомнение сам факт политической победы Б.Ельцина: «Если около 40 млн [голосов за доверие президенту] из 106 [миллионов избирателей] – это победа, то что такое тогда поражение?»³³⁹ В завершение своей статьи Хасбулатов следующим образом интерпретировал результаты референдума: «Народ повелел Съезду быть и стоять на защите закона против волюнтаризма и произвола тех сил, которые любой ценой стремились нарушить баланс законодательной и исполнительной властей»³⁴⁰.

Российский общенародный союз сравнил итоги референдума с последствиями Бородинского сражения (1812): «Французы вошли в Москву и засели в Кремле, но именно с этого началось пробуждение и освобождение России»³⁴¹. А блок «Российское единство» выразил негодование в связи с тем, что средства, первоначально выделенные на организацию всенародного голосования и перенаправленные затем Съездом на строительство жилья для военнослужащих, были всё-таки «брошены в избирательные урны»³⁴².

Как и предсказывали многие, проведение референдума не только не помогло выйти из создавшегося тупика, но и ещё больше усугубило ситуацию. Вернуться к едва не достигнутому на IX Съезде компромиссу и организовать одновременные досрочные выборы президента и парламента было уже невозможно. На это не пошли бы ни Б.Ельцин, ни руководство Верховного Совета. А значит, лобовое столкновение становилось неизбежным. «Репетиция» такого столкновения состоялась 1 мая 1993 г., когда власти Москвы намеренно ограничили традиционное праздничное шествие «непримиримых», а те устроили многочасовую драку с милицией и ОМОНОм.

Реакция президента и руководства Верховного Совета на произошедшее была весьма показательной. В то время как президент возложил ответственность за инцидент на «политических провокаторов» из числа «неокоммунистов»³⁴³, пресс-служба ВС РФ обвинила во всём правоохранительные органы, которые «вместо того, чтобы обес-

печить спокойное проведение праздничного шествия, сами спровоцировали беспорядки», резюмировав: «Эти события нужны тем, кто не остановится ни перед чем, даже пролитием людской крови, чтобы найти предлог для применения чрезвычайных мер, направленных на ограничение демократических прав и свобод граждан»³⁴⁴.

Период с конца весны по начало осени 1993 г. был относительно спокойным, однако обе противоборствующие стороны делали шаг за шагом, каждый из которых углублял пропасть между двумя ветвями власти. Как отмечали Н.Бирюков и В.Сергеев, «с мая 1993 года исполнительная власть просто перестала замечать парламент»³⁴⁵. Б.Ельцин, как бы следуя рекомендациям «демороссов», в мае отправил в отставку вице-преьера Г.Хижу и секретаря Совета безопасности Ю.Скокова³⁴⁶, пользовавшихся расположением парламентариев, но чрезвычайно раздражавших сторонников ДР; в июне созвал Конституционное совещание (для обсуждения президентского проекта Конституции)³⁴⁷; в начале сентября под благовидным предлогом отстранил от исполнения обязанностей вице-президента А.Рущкого³⁴⁸, окончательно перешедшего на сторону Съезда; а в конце второй декады того же месяца демонстративно назначил Е.Гайдара первым вице-премьером³⁴⁹.

Руководство ВС, в свою очередь, провело кадровую чистку парламентского руководства. Комитет по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного мнения, руководимый «демороссом» В.Брагиным, был реорганизован в комитет по средствам массовой информации – с представителем «России» В.Лисиным во главе³⁵⁰. Председателем вновь созданного комитета ВС по конституционному законодательству стал один из лидеров «Российского единства» В.Исаков³⁵¹. А в июле Верховный Совет принял постановление, «подтверждающее» российский федеральный статус города Севастополя³⁵², – документ абсолютно бессмысленный, но символический: лозунг «возвращения» России Крыма в целом и Севастополя в частности был давнишним требованием «непримиримой» оппозиции.

На этом фоне подписание президентом 21 сентября указа № 1400 – о прекращении деятельности Съезда и назначении выборов в новый парламент (Государственную Думу)³⁵³ – выглядело как разрубание гордиевого узла, не просто запутанного, но даже и окаменевшего – настолько далеко зашла вражда властей. Впрочем, Конституционный суд и Верховный Совет восприняли поступок Б.Ельцина совершенно иначе. КС в тот же день признал указ № 1400 не соответ-

ствующим Конституции и определил его как основание для отрешения президента от должности³⁵⁴, а Верховный Совет постановил прекратить полномочия Б.Ельцина и передать их вице-президенту А.Руцкому³⁵⁵.

Вполне естественно, что президент был безусловно поддержан лишь наиболее ревностными своими сторонниками. Так, в заявлении Исполкома блока «Выбор России» говорилось, что действия Б.Ельцина «дают обществу уникальный шанс для спокойного перехода к полноценной демократии, Конституции свободного демократического российского государства»³⁵⁶. Отклики умеренных либералов были не столь восторженными. Политсовет Республиканской партии РФ, в частности, негативно оценил деятельность Верховного Совета, «фактически превратившегося в партию Р.Хасбулатова и постоянно провоцировавшего президента на нарушение Конституции», но не счёл возможным «поддерживать незаконные шаги президента, считая их крупнейшей ошибкой», и призвал обе стороны отменить изданные начиная с 21 сентября указы и постановления³⁵⁷. Вместе с союзом «Обновление», ДПР и объединением «Предприниматели за новую Россию» РПР выступила за «проведение одновременных парламентских и президентских выборов в возможно короткие сроки»³⁵⁸. Сходную позицию занял и Исполком Гражданского союза, призвавший депутатов «принять на Съезде решения, открывающие путь к одновременным выборам Президента и парламента, и назначить их на январь 1994 года»³⁵⁹.

Однако не только давние неприятели квалифицировали действия Б.Ельцина как государственный переворот. Среди организаций, подписавших сразу после оглашения указа соответствующее заявление, помимо Фронта национального спасения, КДП-ПНС, фракции «Смена – Новая политика» были также Российский социал-демократический центр, московская организация ДПР, фракция «Объединённые социал-демократы» в СДПР и др.³⁶⁰ С ними солидаризовалось и руководство Федерации независимых профсоюзов России³⁶¹.

Вместе с тем руководство Съезда оказалось не в состоянии воспользоваться ситуацией, складывавшейся, казалось бы, в его пользу. Оно само загнало себя в угол, слишком тесно связав свою судьбу с радикальной антиреформистской оппозицией. Ему не помогло даже выражение готовности не позднее марта 1994 г. провести одновременные выборы президента и депутатов³⁶². Дело было даже не в том, что эту возможность упустил IX Съезд и теперь Б.Ельцин соглашался провести досрочные президентские выборы только через полгода

после парламентских – 12 июня 1994 г.³⁶³ При грамотно выстроенной линии поведения шансы на выработку согласованного решения ещё оставались. Но только в теории. На практике же защищавшие Дом Советов радикал-коммунисты и национал-патриоты, а также «непримиримые» из числа самих депутатов были настроены на борьбу до победного конца и ни о каких компромиссах и слышать не хотели. Сидя в «Белом доме», они не столько помогали находящемуся в глухой обороне Верховному Совету, сколько осложняли его положение. Нагнетание же уличных беспорядков неминуемо вело к прямому вооружённому столкновению, заведомо обречённому на провал, поскольку в такой ситуации все преимущества были у президентской стороны. Как отмечали Н.Бирюков и В.Сергеев, «простейший анализ соотношения сил показывал, что в открытом конфликте у сторонников Верховного Совета не было никаких шансов»³⁶⁴.

В задачи данного исследования не входит анализ событий сентября–октября 1993 г.: он достаточно подробно представлен другими авторами, в частности Н.Бирюковым и В.Сергеевым³⁶⁵. Важен результат этих событий – ликвидация двоевластия и сосредоточение власти в едином центре, т.е. в руках президента. Тем самым были созданы условия для перехода от флуктуационной партийной системы к периферийной.

7.2. От флуктуационности к периферийности. Госдума первого созыва (1994–1995)

При наличии всех необходимых предпосылок переход от флуктуационной партийной системы к периферийной отнюдь не был неизбежным и безальтернативным. Вопреки мнению не только многих политиков, но и некоторых исследователей³⁶⁶, новый «институциональный дизайн», закреплённый Конституцией 1993 г., ещё не делал исполнительную власть всесильной. Любая юридическая конструкция воплощается в жизнь лишь настолько, насколько это позволяет конкретная расстановка политических сил.

Это, в частности, убедительно доказал М.Дюверже. Сравнивая конституции Австрии и Франции, он отметил, что, хотя первая предоставляет президенту страны гораздо больше полномочий, чем вторая, в реальности дело обстоит ровно наоборот: французский президент – фигура куда более влиятельная, нежели австрийский³⁶⁷. Этот парадокс, по мнению Дюверже, объясняется очень просто. В послевоенной Австрии сложились сильные партии, могущие обеспечить себе парламентское большинство и не заинтересованные в укреп-

лении президентской власти, – их сила свела влияние президента к нулю. Во Франции периода Третьей и Четвёртой республик партии продемонстрировали неспособность к созданию устойчивого парламентского большинства, и расширение президентских полномочий в Конституции Пятой Республики было назначено стать лекарством от неэффективности, нестабильности и безвластности предыдущих кабинетов. Однако именно в ходе президентских кампаний начала формироваться стабильная партийная система, а вокруг кандидатов в президенты – дееспособные партии³⁶⁸.

То же самое можно сказать и по поводу российской ситуации конца 1993 г. Появись в Госдуме первого созыва твёрдое реформистское большинство, политическое развитие страны пошло бы в совершенно другом направлении. Сложилась бы условия для формирования сильного либерального правительства, которое возглавил бы не «крепкий хозяйственник» В.Черномырдин, а «отец рыночных реформ» Е.Гайдар. Б.Ельцин с облегчением отступил бы в сторону, переложив ответственность за непопулярные шаги на кабинет министров – пусть бы тот и расплачивался за всё своим рейтингом. Возникла бы, наконец, настоящая правящая партия, а значит – и полноценная партийная система.

Так что всё зависело от итогов голосования 12 декабря 1993 г. Эти итоги, однако, оказались прямо противоположными ожидаемым.

7.2.1. Выборы

Выборы в двухпалатный парламент РФ (Федеральное Собрание) проводились по правилам, которые были определены положениями о выборах депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, утверждёнными президентскими указами. Половина депутатов нижней палаты (Государственной Думы) избиралась по общенациональным спискам избирательных объединений (пропорциональная система), а другая половина – в одномандатных округах с голосованием в один тур (мажоритарная система относительного большинства)³⁶⁹; верхняя палата (Совет Федерации) формировалась по принципу «два представителя от каждого субъекта Федерации»³⁷⁰.

Избирательная кампания проходила в условиях, близких к чрезвычайным. От участия в выборах были отстранены партии и движения, которым инкриминировалась организация «вооружённого мятежа в г.Москве 3–4 октября 1993 г.» (ФНС, РКРП, РНЕ, Российский коммунистический союз молодёжи, Союз офицеров, Союз социально-правовой защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит»)³⁷¹. Ещё ряд партий, в основном радикаль-

но-коммунистической ориентации (РПК, ВКПБ, Союз коммунистов и др.), заявили о бойкоте выборов³⁷². В целом намерение баллотироваться в Госдуму по партийным спискам выразили 55 организаций, частью из них были сформированы избирательные блоки и коалиции. Списки в Центризбирком подали 35 объединений и блоков, 21 из которых представили к нужному сроку (6 ноября) необходимые 100 тыс. подписей избирателей³⁷³. Шести из них ЦИК отказал в регистрации, два сами отозвали свои избирательные списки. В итоге были зарегистрированы 13 участников: АПР, ДПР, КПРФ, ЛДПР, ПРЕС, РДДР, блоки «Выбор России», «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и порядка» и «Явлинский–Болдырев–Лукин», Конструктивно-экологическое движение России «Кедр», Политическое движение «Женщины России», объединения «Достоинство и милосердие» и «Будущее России – Новые имена»³⁷⁴.

Из этих объединений четыре выступали с более или менее последовательных реформистских (либеральных, демократических) позиций («Выбор России», «ЯБЛоко», РДДР, ПРЕС)³⁷⁵, три – с более или менее последовательных антиреформистских (КПРФ, ЛДПР, АПР), четыре – с центристских (ДПР, «Гражданский союз», «Будущее России – Новые имена», «Женщины России»)³⁷⁶. Движение «Кедр» шло в Госдуму под экологическими лозунгами³⁷⁷; «Достоинство и милосердие» – под лозунгами «предотвращения национальной катастрофы и защиты интересов наиболее уязвимых в социальном отношении групп населения»³⁷⁸, занимая при этом позиции, средние между центристскими и антиреформистскими.

Несмотря на то что фаворитом избирательной кампании почти единодушно считался «Выбор России»³⁷⁹, которому, кроме всего прочего, был обеспечен режим наибольшего благоприятствования в электронных СМИ, на первое место при голосовании по пропорциональной системе вышел не он, а никем не воспринимавшаяся всерьёз «тёмная лошадка» – ЛДПР (22,92% голосов). «Выбороссы» оказались только на втором месте, набрав почти в полтора раза меньше, чем жириновцы, – 15,51%. Далее шли КПРФ (12,4%), «Женщины России» (8,13%), АПР (7,99%), «Явлинский–Болдырев–Лукин» (7,86%), ПРЕС (6,73%) и ДПР (5,52%). Не преодолели 5%-ного барьера РДДР (4,08%), «Гражданский союз» (1,93%), «Будущее России – Новые имена» (1,25%), «Кедр» (0,76%) и «Достоинство и милосердие» (0,7%)³⁸⁰. В соответствии с числом полученных голосов ЛДПР досталось 59 депутатских мандатов, «Выбору России» – 40, КПРФ – 32, АПР – 21, «Женщинам России» – 21, блоку «Явлинский–Болдырев–Лукин» – 20, ПРЕС – 18, ДПР – 14³⁸¹.

Подобный исход был расценён всеми как тяжёлое поражение демократов. В.Шейнис отметил: «Демократы получили существенно меньше голосов, чем ожидали, чем обещали им почти все прогнозы, которые публиковались вплоть до конца ноября, а также меньше по сравнению с результатами ранее проводившихся выборов и референдумов». «Хорошо известна ударная сила психологического эффекта, с которой бьёт бумеранг несбывшихся ожиданий – завышены они были или нет»³⁸², – резюмировал он.

Во всём этом, в том числе и в успехе В.Жириновского, решающую роль сыграли сдвиги, произошедшие в общественном сознании после событий сентября–октября 1993 г. Первопричина флуктуационности – неразбериха в вопросе о том, кому принадлежат бразды правления, – ушла в прошлое, и предъявляемые претензии обрели адресата в лице чётко обозначившегося центра власти и связанных с ним политических сил. С другой стороны, не следует сбрасывать со счетов и влияния институционального фактора, а именно – избранной инициаторами выборов (не без содействия того же В.Шейниса, в чём он сам честно признаётся) электоральной формулы, позволившей лидеру ЛДПР компенсировать дефицит организационных и материальных ресурсов умелым использованием электронных СМИ³⁸³.

Результаты выборов по одномандатным округам несколько подкорректировали окончательную конфигурацию сил в Госдуме, но не настолько, чтобы принципиально изменить их соотношение. В новом парламенте не сложилось не только реформистского, но и вообще какого бы то ни было большинства.

7.2.2. Расстановка сил

С точки зрения расстановки политических сил Госдума оказалась такой же сильно фрагментированной, каким был Съезд народных депутатов РФ. Либеральное крыло, представленное фракциями «Выбор России» (76 человек в начале работы Госдумы³⁸⁴, 47 в конце³⁸⁵) и «Яблоко» (25 в начале³⁸⁶, 27 в конце³⁸⁷), а также депутатской группой «Либерально-демократический союз 12 декабря» (в январе 1994 г. – 23 человека³⁸⁸, на момент регистрации, 27 апреля 1994 г., – 38³⁸⁹, 7 декабря 1994 г. была лишена регистрации в связи с уменьшением численности до 22 человек, тогда как по регламенту требовалось 35³⁹⁰; остатки группы раскололись на сторонников Б.Фёдорова и И.Хакамады, разошедшихся по вопросу о вводе в Чечню федеральных войск), даже в лучшие свои времена охватывало не более трети депутатского корпуса. Кроме того, разногласия между «выбороссами» и «яблочниками» – особенно из-за отношения к правительству –

делали практически невозможным их выступление единым фронтом. Антиреформистский фланг – фракции КПРФ (45 человек на протяжении всего срока деятельности Госдумы первого созыва³⁹¹), ЛДПР (63 человека в начале работы Госдумы³⁹², 52 в конце³⁹³), АПР (55 в начале³⁹⁴, 49 в конце³⁹⁵), депутатские группы «Российский путь» (от 9 до 13 человек) и «Держава» (5 человек, покинувших ЛДПР, затем вступивших в «ЛДС 12 декабря», а затем вышедших и оттуда³⁹⁶) – располагал без малого 40% мест. Остальное принадлежало центристам – фракциям ПРЕС (30 человек в начале работы Госдумы³⁹⁷, 12 в конце³⁹⁸), ДПР (15 в начале³⁹⁹, 11 в конце⁴⁰⁰), «Женщины России» (23 в начале⁴⁰¹, 20 в конце⁴⁰²) и депутатской группе «Новая региональная политика» (65 человек в начале работы Госдумы⁴⁰³; в 1995 г. смогла сохранить минимально необходимую численность лишь соединившись с новосозданной незарегистрированной группой «Дума-96» и сменив название на «НРП – Дума-96»; в период осенней сессии 1995 г. – 36 человек⁴⁰⁴).

Как отмечал в первые дни работы ГД Н.Травкин, «ни одна фракция, даже попытавшись сблокироваться с двумя другими крупными, не смогла бы принять решение»: «Задумали сблокироваться коммунисты, аграрии, ЛДПР, но они не примут решения: у них не хватит голосов. Они обязаны будут брать в союзники ещё минимум две маленькие фракции»⁴⁰⁵. Надо отдать депутатам должное: понимая бесперспективность «войны всех против всех», они довольно быстро столковались относительно устройства внутренней жизни. При разделе руководящих постов была выработана приемлемая для всех формула – т.н. пакетное соглашение, согласно которому посты заместителей председателя ГД, председателей комитетов и их заместителей распределялись между фракциями и депутатскими группами в соответствии с их численностью⁴⁰⁶. Таким образом парламентарии проявили довольно приличный уровень договороспособности, создав нечто вроде «большой коалиции»⁴⁰⁷.

Но это касалось технической стороны дела. В политической плоскости ни о какой «большой коалиции» речи быть не могло. Напротив, именно в Госдуме первого созыва на авансцену стал выходить конфликт «традиционалисты–прогрессисты» – в форме противостояния реформистов и антиреформистов.

Конечно, этот конфликт давал о себе знать и на Съезде народных депутатов, особенно в 1992–1993 гг., но там почти никто, за исключением члена РКРП Ю.Слободкина, не отвергал идею реформ в принципе. Вспомнить хотя бы утверждение Р.Хасбулатова на VII СНД:

«Число антиреформаторов – людей, выступающих против рыночных отношений, – среди нас в буквальном смысле ничтожно мало»⁴⁰⁸, а также его знаменитое противопоставление «социально ориентированной» и «неоклассической либеральной» моделей рыночной экономики. При этом, правда, многие депутаты, не ставя под сомнение необходимость реформ как таковых, требовали ввести систему госзаказов, «незамедлительно заморозить все цены, установить предельный уровень рентабельности, ...государственное регулирование цен на хлеб, картофель, молоко, сахар, табачные, винно-водочные изделия», «ужесточить ответственность за спекуляцию» и т.п.⁴⁰⁹ Лидеры «Российского единства», обвиняя правительство реформаторов в «нерыночности» и «бюрократизме», призывали в целях «преодоления монополизма» вернуть «централизованное управление экономикой» и государственный план⁴¹⁰. Это дало Е.Гайдару повод съязвить: «Я рад, что теперь у нас, оказывается, нет противников реформ. ...Но если посмотреть, какие же реформы нам предлагают, ...то получается интересная картина. Нам предлагают в рамках развития реформ отказаться от частной собственности на землю. Нам предлагают остановить процесс приватизации. Нам предлагают заморозить цены и заработную плату. Нам предлагают восстановить Госплан, призвать к порядку много возомнившие о себе бывшие союзные республики, а потом, наверное, построить и лагеря для агентов мирового империализма»⁴¹¹.

В новом парламенте антиреформисты начали отбрасывать «ложную стыдливость». Так, один из лидеров «Российского единства» В.Исаков, избравшийся в Госдуму по списку АПР, в ходе обсуждения президентского послания на 1994 г. поставил вопрос без обиняков: «Может быть, пришла пора отказаться от иллюзии, что рынок можно построить за 500 или за 1500 дней, и начать реализовывать экстренную программу национального спасения? Основные наметки этой программы достаточно очевидны: это замораживание цен и заработной платы, жесточайший государственный контроль за внешним экспортом, драконовские налоги на сверхдоходы, но одновременно и предоставление каждому реальной государственной гарантии, социального минимума, позволяющего выжить. Откат назад? Да, это откат назад. И не надо этого скрывать. Надо прямо сказать народу, что реформу начали авантюристы и делали её авантюрными методами. И сегодня приходится возвращаться назад, оставив узкий “пяточек” рыночной экономики, который придётся постепенно, медленно наращивать, когда это позволит экономическая ситуация в стране»⁴¹². Как видим, В.Исаков открыто признал, что предлагаемые им меры –

это именно «откат назад». И если он всё ещё подыскивал своему антиреформизму «реформистское» обоснование, то лишь в силу инерции.

Искренность В.Исакова была по достоинству оценена его идейными оппонентами, в т.ч. Е.Гайдаром, который заметил: «Это понятный, последовательный и, по крайней мере, откровенный план, и я благодарен господину Исакову за то, что он здесь его так чётко и откровенно изложил»⁴¹³.

Изложенный В.Исаковым план нашёл воплощение в разработанном фракцией КПРФ законопроекте «Об экстренных мерах по выходу из социально-экономического кризиса и предотвращению национальной катастрофы»; начиная с весны 1994 г. коммунисты пытались включить его в повестку едва ли не каждого пленарного заседания Госдумы. Когда им наконец это удалось (5 апреля 1995 г.), за него кроме самой фракции КПРФ проголосовали главным образом аграрии (45 человек из 51), жириновцы (35 из 55) и половина членов «Новой региональной политики» (20 из 39)⁴¹⁴. Всего закон собрал в свою поддержку 178 голосов⁴¹⁵, и это вполне адекватно отражало расстановку сил в парламенте. Что до качества предложенных коммунистами мер, то о нём весьма точно сказал И.Братищев, представляя законопроект парламентариям: «Я специально сегодня присутствовал на пресс-конференции Владимира Вольфовича [Жириновского] и удивлялся его прозорливости. Он, я думаю, не успел прочитать этот проект закона, но всё, о чём он говорил, в законопроекте содержится»⁴¹⁶. Лидер ЛДПР в своих импровизациях, при всей их спонтанности, никогда не выходил за рамки «джентльменского набора» популиста и, собственно, никаких иных целей, кроме популистских, не преследовал. И вряд ли стремление коммунистов облечь этот набор в форму законопроекта происходило из наивности, в которой ни до, ни после они замечены не были.

Следует отметить, что в начале работы Госдумы перевес антиреформистских объединений был более ощутимым, чем в конце. Так, при избрании председателя ГД во второй тур неожиданно вышли два кандидата от антилиберальной оппозиции – представитель фракции АПР, руководитель фракции «Коммунисты России» на Съезде народных депутатов РФ И.Рыбкин (в его пользу, в частности, снял свою кандидатуру В.Ковалёв из фракции КПРФ⁴¹⁷) и представитель группы «Российский путь» Ю.Власов⁴¹⁸. И если речь И.Рыбкина, призванного к заключению «российского варианта пакта Монклоа»⁴¹⁹, была выдержана исключительно в дипломатических тонах, то Ю.Власов и не думал скрывать своего резко негативного отношения к президен-

ту и реформаторам, назвав события 3–4 октября 1993 г. «государственным переворотом в чистом виде»⁴²⁰ и обещав бороться против демократов «сколько хватит сил»⁴²¹. В конце концов большинство, хоть и не без некоторых трений, отдало предпочтение И.Рыбкину: он получил 223 «за» (включая голос Ю.Власова, мотивировавшего своё решение желанием «сохранить единство патриотических сил»⁴²²) и 111 «против», его соперник – соответственно 23 и 311⁴²³.

Свидетельством преобладания антиреформистских и антипрезидентских настроений можно считать и объявление политической амнистии участникам событий 19–21 августа 1991 г., 1 мая и 3–4 октября 1993 г. Фракция ЛДПР, по словам её представителей, выступила с таким предложением ещё до начала работы Госдумы – 4 января⁴²⁴, однако больше месяца не могла собрать нужного количества голосов даже для того, чтобы внести его в повестку дня. Наконец 16 февраля, после того как Думе был представлен президентский проект постановления ГД об амнистии в связи с принятием Конституции РФ⁴²⁵, к делу подключились коммунисты, предложившие распространить амнистию и на привлечённых к уголовной ответственности в связи с событиями августа 1991 г. и мая и октября 1993-го⁴²⁶. 17 февраля представленный жириновцами проект постановления об амнистии всем участникам событий 19–21 августа 1991 г., 1 мая 1993 г., 3–4 октября 1993 г. не набрал необходимого для принятия числа голосов (200 «за»)⁴²⁷, однако был направлен на доработку в комитеты по безопасности, по обороне, по законодательству и судебно-правовой реформе⁴²⁸, а на следующий день три центристских объединения – ПРЕС, «Женщины России» и «Новая региональная политика» – выступили с предложением подписать «Меморандум о согласии», одним из пунктов которого значилось объявление амнистии⁴²⁹.

23 февраля председатель ГД И.Рыбкин от имени Совета Думы предложил пакетом принять «Меморандум о согласии», постановление об «объединённой» амнистии, а также постановление, отменяющее решение о создании госкомиссии по расследованию причин и условий событий 21 сентября – 4 октября 1993 г.⁴³⁰ Это предложение безоговорочно поддержали ЛДПР⁴³¹, ПРЕС⁴³², «Женщины России»⁴³³ и «Новая региональная политика»⁴³⁴. Фракции АПР, ДПР и КПРФ согласились с идеей «объединённой» амнистии⁴³⁵, не настаивая вместе с тем на роспуске комиссии по расследованию⁴³⁶. Категорически против ликвидации этой комиссии выступили «яблочники»⁴³⁷, которые заявили, что они «в принципе против пакета документов, создающего впечатление некой политической игры, своего рода сделки»⁴³⁸.

Тем не менее «Яблоко» предоставило своим членам свободу рук при голосовании по данному пакету⁴³⁹. И только «Выбор России» настаивал на раздельном голосовании по каждому документу, выступая против того, чтобы «амнистировать всех “чохом”, без разбора, без отделения политической деятельности ...от политической уголовщины»⁴⁴⁰.

В итоге за «малый пакет» (меморандум и постановления о двух амнистиях – в связи с принятием Конституции и «политической», но без отмены решения о создании комиссии) проголосовали 209 депутатов⁴⁴¹, а за «большой» (с отменой решения) – 252⁴⁴². В тот же день приказом генпрокурора А.Казанника, невзирая на противодействие президентской администрации, все содержащиеся в предварительном заключении участники событий сентября–октября 1993 г. были освобождены.

В дальнейшем незначительное преимущество антиреформистов было сведено на нет переходом на сторону власти И.Рыбкина⁴⁴³, податливостью коммунистов, аграриев и особенно жириновцев в вопросах, связанных с принятием бюджета, а также появлением новых центристских депутатских групп. В результате, несмотря на заметное ослабление ряда депутатских объединений реформистского толка («Выбор России», «ЛДС 12 декабря»), правительству, которое также заметно сдвинулось к центру, раз за разом удавалось проводить через парламент бюджет и избегать вотума недоверия.

7.2.3. Бюджетные баталии

Вокруг утверждения бюджета (а это во все времена считалось главным инструментом парламентского контроля за деятельностью правительства) сложился своего рода ритуал, неизменно соблюдавшийся вплоть до 1999 г. Кабинет министров вносил проект бюджета, в котором изначально было заложено солидное превышение расходов над доходами. Фракции и депутатские группы подвергали этот проект уничтожающей критике, в частности за нереалистичность и излишний оптимизм относительно доходной базы, но тут же требовали увеличить расходы, а следовательно, и дефицит. Затем проект бюджета отклонялся, происходили скрытые от общих глаз консультации, по итогам которых правительство соглашалось несколько увеличить расходы, и лишь тогда Госдума незначительным большинством – вопреки протестам «обделённых» групп и фракций – утверждала бюджет в первом чтении. После этого начиналось кулуарное обсуждение поправок, и проект бюджета (как правило, не с первой попытки) со скрипом утверждался в последующих чтениях.

Подобная традиция способствовала выработке у депутатов не столько политических, сколько лоббистских навыков, ставя оппозиционные фракции в двусмысленное положение: как политики они не переставали клеймить «антинародный режим», в качестве лоббистов вступали с последним в закулисные сделки. И если первое должно было подчеркнуть относительную независимость партийной системы, то второе обуславливало её периферийный характер.

Показательна в этом плане коллизия вокруг утверждения бюджета-1994, проект которого был внесён в Госдуму с большим опозданием – 15 апреля 1994 г. Представляя данный документ, и.о. министра финансов С.Дубинин огласил удручающие цифры: при планируемых доходах в 120,7 трлн руб. расходная часть составляла 181,1 трлн⁴⁴⁴. Таким образом, даже в первоначальном, самом жёстком, варианте дефицит достигал 62,4 трлн руб., т.е. более половины доходной базы и более трети расходной. Причём 38 трлн из них планировалось покрыть за счёт кредитов Центробанка⁴⁴⁵, или, проще говоря, денежной эмиссии. Расходную часть предполагалось распределить следующим образом: 48,5 трлн – на оборону и правоохранительные органы, 48,1 трлн – на господдержку народного хозяйства, 24,5 трлн – на помощь регионам, 16,8 – на обслуживание государственного долга и всего лишь 12,2 трлн – на социальные мероприятия⁴⁴⁶. Признав, что с этой точки зрения бюджет-94 мало чем отличается от прошлогоднего, С.Дубинин объяснил сохранение структуры расходов сложностями во «взаимоотношениях с отраслями»: «В частности, ...работа по сокращению ...доли угольной промышленности в общем объёме затрат или попытка как-то сократить дотационность этого сектора, ...наталкивается на жёсткое противостояние профессиональных организаций»⁴⁴⁷.

Проект был сразу же беспощадно раскритикован. Председатель комитета ГД по бюджету М.Задорнов («Яблоко»), поставив под сомнение «реалистичность доходной части бюджета»⁴⁴⁸ и потребовав привести её «в соответствие с прогнозом и с реальной динамикой социально-экономического развития страны»⁴⁴⁹, одновременно высказался за увеличение дефицита до 43–45%⁴⁵⁰. Выражая согласованное мнение возглавляемого им комитета, он предложил отклонить проект бюджета в первом чтении и отправить назад в правительство для изменения основных характеристик⁴⁵¹.

За принятие бюджета в первом чтении выступили только А.Починков («Выбор России») и С.Шульгин (ПРЕС). Причём ни тот ни другой не спорили, что представленный документ имеет множество недостатков. А.Починков предложил сконцентрироваться на поиске ис-

точников увеличения доходов («Прежде всего надо научиться зарабатывать деньги»)⁴⁵², а С.Шульгин вполне в духе «партии власти» взывал: «Хорош этот бюджет или плох, но это бюджет, который представило правительство. ...Давайте предоставим правительству право исполнять тот бюджет, который оно представило, и будем уже спрашивать с него за неисполнение этого бюджета»⁴⁵³. Все остальные требовали отклонить бюджет и возратить его на доработку⁴⁵⁴, причём, как правило, выступали за значительное увеличение расходной части и, соответственно, дефицита⁴⁵⁵. В итоге мизерным большинством было решено обязать правительство в двухнедельный срок внести изменения в основные характеристики документа – «в соответствии с рекомендациями Госдумы»⁴⁵⁶.

11 мая С.Дубинин представил нижней палате «исправленный» проект: доходы увеличивались на 3776,5 млрд руб. (до 124477 млрд), расходы – на 10188,3 млрд (до 193324 млрд); дефицит таким образом вырос до 68847 млрд руб., т.е. до 35,8% расходной части⁴⁵⁷. Как пояснил М.Задорнов, 90% дополнительных доходов направлялось на «поддержку отраслей народного хозяйства», в т.ч. 6,7 трлн на сельское хозяйство и продовольствие, 2,4 трлн – на госинвестиции в АПК и лишь 1 трлн – на «социально-культурные мероприятия»⁴⁵⁸.

Уже из этого можно сделать вывод, интересы каких депутатских объединений правительство учло в первую очередь. Неудивительно, что именно их настрой существенно изменился. Так, за принятие бюджета в первом чтении высказались аграрий Г.Кулик, сославшийся на то, что «непринятие бюджета поставило в тяжелейшие условия целые отрасли народного хозяйства»⁴⁵⁹, и коммунист И.Братищев, который потребовал в качестве компенсации «морального ущерба», нанесённого КППФ, принять закон об «экстренных мерах по выводу страны из экономического кризиса»⁴⁶⁰. Представитель ЛДПР М.Сидоров, сообщив, что его фракция воздержится, достаточно прозрачно намекнул: «Руководству фракции необходимо встретится с руководством правительства, для того чтобы выдвинуть все необходимые требования по улучшению социально-экономической обстановки»⁴⁶¹.

Зато против неожиданно выступил лидер «Выбора России» Е.Гайдар, заявивший, что произведённые изменения сильно «ухудшили» бюджет⁴⁶². При этом он согласился на утверждение ряда его ключевых параметров, в т.ч. объёма дефицита: «Он мне сейчас кажется высоким и опасным. Но я, в конце концов, готов поддержать его даже в том виде, в котором он есть, чтобы не повторилось то, что мы видели сегодня: постоянное ухудшение бюджета в процессе его даль-

нейших доработок»⁴⁶³. Против высказался и лидер «Яблока» Г.Явлинский, отметивший, что, кроме увеличения расходов и дефицита, в проекте ничего не поменялось: «Думать, что таким образом можно решать бюджетные проблемы, неправильно... Наш долг – ...переломить ...тенденцию принятия неработоспособного бюджета»⁴⁶⁴.

В итоге после принятия поправки Г.Кулика, увеличившей предельный размер дефицита до 36% от расходной части, утверждение бюджета поддержали 233 депутата – при 73 «против» и 17 воздержавшихся⁴⁶⁵. Среди голосовавших «за» было 47 аграриев (из 52), 38 коммунистов (из 46), 47 жириновцев (из 60), всего 4 «выборосса» (из 72) и ни одного «яблочника», тогда как среди проголосовавших «против» оказалось 40 гайдаровцев и 19 сторонников Явлинского (из 27)⁴⁶⁶. Впоследствии это дало представителю «Выбора России» Б.Золотухину повод возразить на реплику о проправительственной сущности его фракции: «Мы не руководим правительством, и мы не поддерживали главный закон, который должен принять парламент, – о государственном бюджете. Поддержали этот законопроект коммунисты, аграрники и ЛДПР – вот они и есть правительственная фракция»⁴⁶⁷.

Подготовка бюджета ко второму и третьему чтениям проходила уже кулуарно; на пленарных заседаниях все поправки принимались пакетом – а между тем уже ко второму чтению (8 июня) стали очевидны угрожающие масштабы невыполнения плана по сбору доходов. Как отметил М.Задорнов, «за первые четыре месяца фактический дефицит бюджета превышал его доходы – ...следовательно, вызывает сомнение, что правительство сможет удержаться на той величине дефицита, которая предлагалась в проекте бюджета»⁴⁶⁸. Тем не менее с незначительными поправками (было перераспределено около 7,5 трлн руб.: сокращены расходы на внешнеэкономическую деятельность и госуправление и увеличены на оборону, помощь регионам, правоохранительную деятельность и пр.⁴⁶⁹) бюджет был утверждён во втором чтении – 227 голосами⁴⁷⁰. И опять проект поддержали 50 представителей фракции АПР, 34 – КПрФ, 40 – ЛДПР и всего 8 «выбороссов»; «яблочники» вновь не отдали ни одного голоса⁴⁷¹.

Подробности подготовки и принятия бюджета во втором чтении вызвали резкую критику И.Грачёва («Яблоко»), указавшего, что «бюджетный комитет проводил некие закрытые, не предусмотренные Регламентом заседания», а сам бюджет был принят без публичного обсуждения поправок: «Процедура свелась к тому, что несколько лиц, пять-шесть, в результате сговора с Министерством финансов распределяют триллионы»⁴⁷². С И.Грачёвым фактически солидаризо-

вался коммунист Р.Гостев, объяснивший своё неучастие в голосовании по бюджету протестом «против монополизма, который проявил комитет по бюджету, а также против действий, в известной мере, Совета Госдумы и руководителей фракций»⁴⁷³.

Что касается расстановки сил при утверждении бюджета во втором чтении, то уже не представитель «Выбора России», а лидер «Российского пути» С.Бабурин заявил, что после этого голосования депутаты «перешли тот водораздел, за которым и определяется, кто у нас сегодня является опорой правительства, кто у нас сегодня правящее большинство, а кто у нас оппозиция»: «Сколько бы мы ни объясняли мотивы, почему голосами фракций Аграрной партии России, Либерально-демократической партии России, Коммунистической партии Российской Федерации, Партии российского единства и согласия, Демократической партии России и движения “Женщины России” поддержан бюджет и поддержано правительство, это нужно воспринимать как реальность и, соответственно, исходя из этого говорить, что у нас в обществе уникальная ситуация: правительство президента поддерживается в парламенте его противниками, а сторонники президента выступают против этого правительства»⁴⁷⁴. «Западня, которая была расставлена сторонниками Бориса Николаевича Ельцина, сработала, и произошла дискредитация патриотической оппозиции»⁴⁷⁵, – констатировал С.Бабурин.

Возражая ему, представители КПрФ, АПР и ЛДПР прибегли к аргументации, более характерной, например, для ПРЕС, нежели для «непримиримой» оппозиции. Так, коммунист А.Михайлов заявил: «Победил политический реализм, который должен был победить в данной политической ситуации, а всё остальное я просил бы просто оставить за стенами парламента»⁴⁷⁶. ЛДПРовец В.Марычев сказал, что, утвердив бюджет, Госдума может спросить с правительства за его исполнение⁴⁷⁷. А лидер АПР М.Лапшин возразил С.Бабурину: «Наша фракция не может принять на вооружение политический лозунг, исходя из принципа: чем хуже, тем лучше. ...Наша фракция исповедует не разрушение, а созидание, не приход к власти ради власти, а приход к власти в результате большой организаторской, политической работы. ...А непринятие бюджета во втором чтении, когда сельское хозяйство окончательно развалилось бы из-за прекращения финансирования, вряд ли прибавило бы число наших сторонников»⁴⁷⁸.

Утверждение бюджета в третьем чтении тоже прошло без обсуждения поправок по существу – в основном под увещания М.Задорнова («По сути, никакого времени на возвращение к обсуждению от-

дельных статей ...у нас не остаётся. Поэтому выбор прост: или вот этот вариант, или принятие закона о финансировании расходов в третьем и четвёртом кварталах 1994 года»⁴⁷⁹), агрария А.Назарчука («Государственной Думе, депутатам, вместо того чтобы «перетягивать канат», надо было бы заняться контролем за ходом выполнения того бюджета, который мы с вами принимаем»⁴⁸⁰), представителей Минфина (и.о. первого замминистра финансов РФ В.Петров, в частности, пугал: «Мы не имеем права взять кредит Центрального банка, а сегодня, по фактическому исполнению, это 43,7% к объёму расходов. Следовательно, мы не профинансируем расходы на 43,7%»⁴⁸¹). 22 июня проект трижды ставился на голосование и никак не мог набрать нужного количества голосов⁴⁸². Однако можно не сомневаться: всё это время в кулуарах велись интенсивные переговоры и уговоры.

Наконец 24 июня проект бюджета на 1994 г. был утверждён в целом – сразу 273 голосами⁴⁸³. Причём на этот раз кроме 46 аграриев и 41 коммуниста за него проголосовали 45 «выбороссов» и лишь 1 представитель ЛДПР – В.Марычев⁴⁸⁴. Да и тот затем объявил, что снимает свой голос – в знак протеста против того, что «за бюджет голосовал Гайдар»⁴⁸⁵. Подобная «замена игроков» – «Выбор России» на ЛДПР – объясняется довольно просто: понаблюдав за растущими аппетитами жириновцев, сторонники Гайдара сочли меньшим злом поддержать бюджет в существующем виде; ЛДПРовцы же, почувствовав себя обойдёнными, не нашли другого способа выразить протест, кроме как проголосовать против.

Уже в ходе первых бюджетных баталий дала о себе знать двойственная природа антиреформистских партий и объединений. В парламент их привели социальные слои, на которые трудно было опираться в повседневной деятельности. В отличие от германских социал-демократов и английских лейбористов первой половины XX в., пользовавшихся финансовой поддержкой рядовых сторонников, российские антиреформисты такой возможности не имели и, чтобы «заработать на жизнь», вынуждены были вступать в «коммерческие» отношения с разнообразными «группами интересов», лоббируя их запросы в думских стенах. А это заставляло антиреформистов выполнять две роли – политическую и лоббистскую. Как политики они ратовали за свержение президента и правительства; как лоббисты – активно выстраивали контакты с исполнительной властью. На словах они были в авангарде борьбы против режима, в реальности – на периферии процесса принятия государственных решений.

Сочетать функции лоббистов и политиков-популистов на первых порах гораздо органичнее получалось у аграриев – по вполне понятным причинам. Вопреки утверждению М.Лапшина: «Мы не корпоративная партия – мы партия общенациональная»⁴⁸⁶, АПР представляла собой гибрид политической партии и корпоративной организации. Жесточайшим образом критиковать правительство и в то же самое время вести с ним закулисные торги для аграриев было в порядке вещей.

Несколько хуже такое совмещение удавалось ЛДПР. Устраивая форменные истерики чуть ли не на каждом пленарном заседании, осыпая исполнительную власть проклятиями и поношениями, жириновцы проявляли чудесную покладистость, как только доходило до «практических моментов». ЛДПР протягивала правительству руку помощи почти на всех голосованиях по бюджету – несмотря на то что выдвигаемые ею требования почти никогда не принимались во внимание и довольствоваться приходилось совершеннейшими крохами (в отличие от аграриев, готовых биться за каждый рубль). Не меньшую «конструктивность» сподвижники Жириновского демонстрировали и в других болезненных для исполнительной власти вопросах. Так, они фактически в полном одиночестве поддержали президентский проект закона о правительстве РФ, который отдавал кабинет под полный контроль главы государства и, по словам представителя самой фракции ЛДПР В.Вишнякова, оставлял за правительством «только одно право – право уйти в отставку»⁴⁸⁷.

А вот коммунисты показали себя способными учениками. В ходе баталий вокруг бюджета-1994 они были лишь младшими партнёрами аграриев, вместе с ними голосуя за бюджет и борясь за увеличение субсидий агропромышленному комплексу. В результате основные выгоды достались фракции АПР, а коммунисты подставились под упрёки в соглашательстве, можно сказать, «по дружбе». При обсуждении бюджета на 1995 г. они повели себя хитрее, не проголосовав за него ни в одном из чтений, зато энергично лоббируя разного рода поправки.

В целом же события развивались по уже знакомому сценарию. 25 ноября 1994 г. министр финансов РФ В.Пансков представил Госдуме концепцию бюджета на будущий год. Председатель бюджетного комитета М.Задорнов разнёс её в пух и прах, отметив, что это, «по сути, инерционный бюджет» («Структура расходов бюджета ...остаётся примерно той же, какой она была в 1994 году») и что нового в ней – только методы покрытия дефицита⁴⁸⁸ (в связи с тем, что принятый

в июле 1994 г. закон о Центробанке РФ запрещал использовать централизованные кредиты ЦБ, в новом году дефицит планировалось покрывать за счёт международных кредитов и государственных краткосрочных обязательств⁴⁸⁹). М.Задорнов потребовал также уточнить прогноз социально-экономического развития, пересчитать ряд базовых показателей⁴⁹⁰ (в т.ч. увеличить дефицит⁴⁹¹) и от имени своего комитета предложил создать с этой целью согласительную комиссию⁴⁹². За принятие бюджета в первом чтении высказались только жириновцы⁴⁹³, которым, по-видимому, не терпелось покончить со всякой концептуальной заумью и приступить к перекраиванию конкретных расходных статей. Остальные поддержали предложение о создании согласительной комиссии⁴⁹⁴.

21 декабря 1994 г., докладывая о результатах работы указанной комиссии, В.Пансков и М.Задорнов проинформировали, что прогноз социально-экономического развития и концепция бюджета приобрели «более реалистический характер»⁴⁹⁵ и что при этом были учтены многие предложения депутатов⁴⁹⁶. И вновь ЛДПР бросилась поперёд батьки, предложив одобрить бюджет сразу в первом и втором чтениях⁴⁹⁷. Категорически против этого высказались представители КПРФ. Они заявили, что правительство «просто навело лёгкий марфет» на представленный ранее проект (А.Михайлов)⁴⁹⁸, и вновь потребовали положить в основу бюджета проект закона об экстренных мерах по выводу экономики из кризиса (А.Гордеев)⁴⁹⁹. Главная полемика, однако, развернулась между аграриями, настаивавшими на сохранении введённого в 1994 г. 2%-ного спецналога (средства с него шли на поддержку АПК)⁵⁰⁰, и центристскими объединениями (ПРЕС, «Новая региональная политика»), поддержавшими предложение комитета по бюджету отменить этот налог⁵⁰¹. Голосование растянулось чуть ли не на три дня, и лишь 23 декабря центристам удалось максимально сконцентрировать свои силы и добиться принятия постановления, предложенного бюджетным комитетом⁵⁰².

Анализ поимённых голосований⁵⁰³ показывает, что «перетягиванием одеяла» занимались аграрии, с одной стороны, и часть депутатов от ПРЕС и НРП, с другой. Фракции «Яблоко» и КПРФ голосовали против всех проектов, а ЛДПР, «Женщинам России» и «Выбору России» по разным причинам было всё равно, который из них поддерживать (в частности, «выборосы», судя по всему, к тому времени поняли, что чем дольше обсуждается бюджет, тем больше выходит его дефицит, а потому руководствовались принципом «наименьшего зла»).

Но аграрии взяли своё на втором чтении. 25 января, после многодневного обсуждения основных показателей (доходы, расходы, размер дефицита) они отвоевали поправку о спецналоге, пусть и сниженном до 1,5%⁵⁰⁴. Только тогда бюджет был принят во втором чтении⁵⁰⁵.

Наконец, в ходе третьего чтения (22 и 24 февраля 1995 г.) в игру вступили коммунисты. Отстаивая свои поправки, они заключали самые хитроумные коалиции. Так, добиваясь увеличения на 1,7 трлн руб. финансирования фундаментальной науки, они блокировались даже с «Выбором России»⁵⁰⁶; это, между прочим, была одна из немногих поправок, которую фракции смогли провести вопреки возражениям комитета по бюджету и к тому же убедительным большинством (316 голосов)⁵⁰⁷. Однако те изменения в бюджете, которые обсуждались непосредственно на пленарных заседаниях, отнюдь не отражали масштабов лоббистской деятельности депутатских объединений, поскольку носили скорее показательный характер – чтобы продемонстрировать заботу об избирателях. Недаром фракция ЛДПР, потребовав выделить в общей сложности более 15 трлн руб. на погашение задолженности Пенсионному фонду, повышение минимальной зарплаты и пособий по нуждаемости⁵⁰⁸, не обеспечила эти требования поддержкой даже собственных депутатов – за каждое из них проголосовало всего по 4 жириновца⁵⁰⁹.

Основная работа по лоббированию велась без шума и треска, и те поправки, что не выходили из рамок «разумного компромисса», рекомендовались бюджетным комитетом к принятию. Например, 22 февраля за утверждение поправок, одобренных комитетом, проголосовали 40 (из 46) думских коммунистов⁵¹⁰, – и это недвусмысленно свидетельствует о том, что фракция КПРФ принимала самое прямое участие в лоббировании соответствующих расходных статей. Точно так же, кстати, поступала и фракция «Яблоко» – за утверждение одобренных бюджетным комитетом поправок проголосовали 22 её члена (из 28)⁵¹¹. После этого и коммунисты, и «яблочники» могли со спокойной душой изображать «принципиальность», голосуя против бюджета и в третьем (24 февраля 1995 г.), и в четвёртом чтениях (15 марта): нужные поправки были уже в кармане, тогда как ответственность за бюджет, а значит, и экономический курс правительства, переложена на других – на «Выбор России», АПР, ЛДПР, «Женщин России», ПРЕС и «Новую региональную политику»⁵¹².

По аналогичному сценарию принимался и бюджет на 1996 г. – с тем отличием, что всё делалось в страшной спешке, поскольку надо было успеть до конца работы Госдумы первого созыва.

13 октября 1995 г. парламентарии дружно изругали проект, представленный правительством, отказавшись принять его в первом чтении и высказавшись за создание согласительной комиссии. Тем не менее даже это решение было утверждено только на следующем пленарном заседании – 18 октября⁵¹³: представители оппозиционных фракций будто специально искали, к чему придраться. Так, А. Лукьянов (КПРФ) заявил, что коммунисты поддержали бы данное постановление, если бы в него были вставлены слова об отклонении правительственного проекта (аграрий Г. Кулик на это заметил, что в тексте документа и так содержится ссылка на соответствующую статью регламента Госдумы)⁵¹⁴.

15 ноября депутаты после долгих пререканий утвердили в первом чтении переработанный согласительной комиссией проект⁵¹⁵, увеличив, как обычно, доходы, расходы и дефицит⁵¹⁶, хотя и не так значительно, как настаивала оппозиция, – по словам Г. Кулика, «если отбросить все красивые слова в сторону, то в “сухом остатке” работы согласительной комиссии – увеличение расходной части всего на 10 триллионов рублей»⁵¹⁷. Коммунисты и «яблочники» по обыкновению отказались голосовать «за», а аграрии согласились только после того, как первый вице-премьер А. Чубайс в ответ на требование увеличить до 5% долю расходов на АПК (с 1,5%) сообщил, что договорился с председателем согласительной комиссии направить на финансирование агропромышленного комплекса, «оборонки» и социальной сферы дополнительные средства, которые предполагалось получить за счёт повышения собираемости налогов и отмены льгот на отчисления фонда резервирования предприятий⁵¹⁸.

Ко второму чтению (6 декабря) в бюджетный процесс включились КПРФ и «Яблоко»: 29 коммунистов (из 45) и 22 «яблочника» (из 27) проголосовали за поправки, рекомендованные к принятию комитетом по бюджету⁵¹⁹, – стало быть, какие-то из них были согласованы при заинтересованном участии названных фракций. После этого обе они активно голосовали по поправкам, отклонённым бюджетным комитетом (надо отметить, что на этот раз таковых было необычно много, что свидетельствовало об оживлённом ситуационном блокировании между различными фракциями и группами). За принятие бюджета во втором чтении не проголосовал ни один коммунист (и всего 3 «яблочника»)⁵²⁰, в третьем чтении – ни один депутат ни от КПРФ, ни от «Яблока»⁵²¹.

Из всего этого видно, что бюджетная тактика думских оппозиционеров – и «левых» (КПРФ, АПР, ЛДПР), и «либеральных» («Яблоко»), – как бы её ни оценивать, полностью соответствовала канону периферийной системы, по которому парламент является властью «второго сорта», а партии отстранены от формирования государственного курса.

7.2.4. Вотум недоверия правительству

Ещё более очевидно периферийность российской партийной системы обнаруживала себя при обсуждениях в Госдуме вопроса о доверии правительству. Депутаты хорошо понимали, что вотум недоверия – грозное оружие. Но понимали они и то, что это оружие обоюдоострое: его использование может привести не только к отставке правительства, но и к роспуску самой палаты. Оснований же сомневаться в готовности президента прибегнуть к последней мере у них не было. Поэтому с такой опасной вещью парламентарии обращались очень осторожно. Призывы внести в повестку дня вопрос о вотуме недоверия звучали не раз, однако дальше звуков дело, как правило, не шло. Между тем никакие технические сложности этому не препятствовали: по регламенту для проведения голосования о доверии правительству было достаточно заявления одной фракции. Подобное заявление появилось только 12 октября 1994 г., и исходило оно не от какого-то антиреформистского объединения, а от центристской ДПР⁵²².

Перед голосованием по этому вопросу депутаты обсудили исполнение бюджета за девять месяцев 1994 г. Большинство из них (244) поддержало проект постановления (внесён АПР, КПРФ, ЛДПР и «Новой региональной политикой»), в котором исполнение бюджета признавалось сорванным, а правительство – полностью ответственным за это⁵²³. (Показательно, что альтернативный проект, предложенный «Выбором России», «Яблоком», ПРЕС и «ЛДС 12 декабря» и возлагавший часть ответственности за неисполнение бюджета на те фракции, которые голосовали за его принятие, был поддержан всего 102 депутатами⁵²⁴.) Понятно, что постановление не было бы принято без содействия значительной части центристов.

Однако 27 октября, обсуждая перед голосованием по вотуму недоверия доклад В. Черномырдина, центристы выказали явное нежелание обострять конфликт. Обвиняя правительство во всех бедах и напастях, они отнюдь не хотели подвергать себя риску лишиться депутатских кресел. Руководительница «Женщин России» Е. Лахова предложила ограничиться «заменой отдельных министров, которые сегодня не отличаются должным профессионализмом»⁵²⁵, представи-

тель «Новой региональной политики» В.Медведев призвал «понять – мы все в одной упряжке: и президент, и правительство, и парламент»⁵²⁶, а руководитель ДПР Н.Травкин в своём выступлении ухитрился ни единым словом не затронуть вопрос о доверии кабинету⁵²⁷. И даже аграрий Н.Харитонов сказал, что голосование надо проводить после заслушивания доклада президента о положении в стране и мерах по выходу из кризиса⁵²⁸. Что касается вечно оппозиционного «Яблока», то его лидер Г.Явлинский и вовсе назвал бессмысленным «рассмотрение вопроса о правительстве в отрыве от президента»: «Потому что, когда мы говорим “правительство”, мы подразумеваем президента»⁵²⁹.

В конце концов за вотум недоверия проголосовало только 193 депутата (54 «против» и 55 воздержавшихся)⁵³⁰. При этом в более-менее полном составе это предложение поддержали фракции КПРФ (45 депутатов) и ЛДПР (56), в АПР «за» голосовало менее двух третей (34), а в ДПР, выступившей инициатором события, – минимальное большинство (8 из 15). В НРП оказалось 22 «недоверчивых» депутата (из 66), в «ЛДС 12 декабря» – 3, в ПРЕС – 2, в «Женщинах России» – 1, в «Выборе России» и «Яблоке» – ни одного⁵³¹. Зато на следующий день, 28 октября, как бы уравновешивая вчерашнюю слабохарактерность, парламентарии 235 голосами приняли постановление о социально-экономической политике правительства, в котором признали работу кабинета неудовлетворительной и возложили на него ответственность за срыв исполнения бюджета⁵³². За осуждение правительственного курса подали голоса 42 агрария, 20 представительниц «Женщин России», 10 членов фракции ДПР и 47 депутатов из «Новой региональной политики»⁵³³ (НРП, собственно, и предложила этот проект).

То, что не удалось сделать в октябре 1994 г., неожиданно получилось в июне 1995-го. Инициатором вынесения вотума недоверия вновь выступила фракция ДПР, собравшая более 100 подписей под соответствующим заявлением⁵³⁴. Претензии к кабинету были традиционными: «Безответственность, некомпетентность и ложь стали главными характеристиками политики нынешнего кабинета министров»⁵³⁵; «В результате экономической политики правительства вместо социально ориентированного рынка мы получаем колониальную экономику, в которой производится почти исключительно сырьё, вывозимое из страны в обмен на ширпотреб»⁵³⁶; «Мы фактически имеем дело с марионеточной политикой, которая формируется и контролируется международными организациями, которая проводится исходя

из интересов спекулятивного и иностранного капитала и соображений личной и корпоративной выгоды»; «Вместо экономического развития идёт обычный передел собственности и обогащение власть имущих на фоне обнищания большинства»⁵³⁷.

Предложение отправить правительство в отставку, как всегда, подхватили АПР, КПРФ и ЛДПР, причём аграрии и коммунисты выразили также готовность начать процесс импичмента президента⁵³⁸. Однако у антиреформистской оппозиции не хватило бы голосов, чтобы указать правительству на дверь, если бы ей не подставила плечо немалая часть центристов и многие «яблочники». Дело в том, что накануне обсуждения этого вопроса в Госдуме (21 июня) произошли печально известные события в Будённовске, поднявшие волну требований об отставке руководителей силовых ведомств – министра обороны П.Грачёва, министра внутренних дел В.Ерина, директора ФСК С.Степашина, а также вице-преьера Н.Егорова, курировавшего в правительстве данные структуры. Е.Лахова заявила прямо: «Поскольку сегодняшняя Конституция не позволяет нам ...отправить в отставку Егорова, Ерина, Грачёва, мы вынуждены будем голосовать за недоверие правительству, ибо все эти руководители являются членами правительства»⁵³⁹. А Г.Явлинский назвал выражение недоверия правительству единственно возможным способом вывести из кабинета «наиболее активных сторонников проведения гражданской войны на Северном Кавказе» и начать процесс мирного урегулирования в Чечне⁵⁴⁰.

За недоверие правительству проголосовал 241 депутат⁵⁴¹, в т.ч. 25 «яблочников», более половины представителей «Новой региональной политики», большинство независимых депутатов и даже по несколько человек от «Выбора России» (3) и проправительственных депутатских групп «Россия» (9) и «Стабильность» (3); от «Женщин России», следует признать, эту инициативу поддержало лишь 2 человека⁵⁴². При этом предложения рекомендовать президенту отправить в отставку Н.Егорова, П.Грачёва, В.Ерина и С.Степашина набрали менее 140 голосов каждое⁵⁴³.

Само по себе вынесение вотума недоверия не влекло за собой никаких юридических последствий, но тут уже правительство, желая показать, кто в доме хозяин, на следующий же день, 22 июня, поставило перед Думой вопрос о доверии себе. Понятно, что в таких условиях ответить положительно означало для парламентариев полностью потерять лицо, а отказ в доверии выглядел бы как открытый вызов исполнительной власти и приглашение в третий, последний, раз задать Госдуме тот же вопрос, после чего её роспуск стал бы неизбежным.

И хотя на пленарном заседании 23 июня большинство депутатов выразило решимость рассмотреть заявление кабинета в оговорённые Конституцией сроки (нервы сдали только у В.Жириновского, который заявил о юридической неправомерности «встречного обращения»⁵⁴⁴) – это была напускная бравада: готовиться к досрочным выборам, будучи выброшенными из думских кабинетов, не хотелось никому.

Как вспоминал Е.Гайдар, окружавшая его в здании на Охотном ряду атмосфера ненависти на несколько дней исчезла и он «вдруг оказался популярен среди народных избранников»: «Эмиссары от оппозиции, особенно от колеблющихся популистских групп один за другим подходят с просьбой помочь найти хоть какой-нибудь выход из сложившегося положения»⁵⁴⁵. В итоге было найдено компромиссное решение: «Дума ещё раз ставит на голосование вопрос о востуме недоверия, не набирает необходимого количества голосов. Правительство удовлетворяется этим, считает инцидент исчерпанным и не настаивает на повторном голосовании востума доверия»⁵⁴⁶. Так и вышло. 1 июля за недоверие правительству проголосовало всего 193 депутата⁵⁴⁷, причём среди них не было каждого третьего «яблочника», почти 40% аграриев и 90% представителей «Новой региональной политики»⁵⁴⁸. В.Черномырдин выполнил своё обещание, заявив, что не будет настаивать на постановке вопроса о доверии правительству⁵⁴⁹, а Гайдар, придя через несколько дней в Думу, «вновь почувствовал привычную атмосферу ненависти»⁵⁵⁰.

Таким образом, Дума наглядно продемонстрировала, что любит пугать правительство картонным мечом, но боится лобового столкновения, отступая, чуть только его возможность станет ощутимой. Именно это, а отнюдь не «суперпрезидентская» Конституция, делало парламент «второсортной» властью, а партийную систему – периферийной. В 1990–1991 гг. парламентские демократы были не более могучи, чем антиреформистская оппозиция середины 1990-х, однако они не боялись играть на обострение, напротив – первыми рвались в бой, во многом потому, что верили в себя, в свою способность вывести страну из кризиса. В середине и второй половине 1990-х гг. антиреформисты с пеной у рта доказывали, что имеют программу, альтернативную правительственной, но их поведение в парламенте наводило на подозрения, что они сами не верят в то, что говорят.

7.2.5. Исполнительная власть и изменение фракционной структуры Госдумы

При чётко определившейся периферийности российская партийная система первой Госдумы сохраняла ряд флуктуационных призна-

ков, в частности фрагментарность и неустойчивость. Однако в новых политических условиях эта остаточная флуктуационность ещё больше усугубляла периферийность. Парламент и представленные в нём партии не были способны контролировать исполнительную власть, а значит, у той появлялось пространство для манёвра, которое она использовала для укрепления своей независимости, а в конечном счёте – для достижения доминирования. Власть действовала не столько прямыми, сколько обходными методами, договариваясь как с центристами, так и с оппозицией не на политическом, а на корпоративно-лоббистском уровне. К началу 1995 г. она освоилась настолько, что могла по собственному усмотрению менять фракционный состав Госдумы.

Разочаровавшись после думских выборов 1993 г. в либералах, Кремль уже не видел смысла поддерживать «Выбор России». Электорат, отдав предпочтение ЛДПР и прочим популистским объединениям, предъявил запрос на совсем другую политику. Впрочем, «развод» исполнительной власти с либералами затянулся почти на год – что ни говори, а голоса «Выбора России» при принятии бюджета были не лишними. Окончательный разрыв произошёл в конце 1994 г. – после ввода в Чечню федеральных войск. «Выбор России» (так же, как и «Яблоко») подверг данное решение резкой критике и принял участие в антивоенных акциях⁵⁵¹. Следствием этого стал выход из фракции ВР большой группы депутатов, причём оставили её не только те, кто поддержал ввод войск (министр иностранных дел А.Козырев⁵⁵²), но и те, кто протестовал против него, а также против сохранения лояльности президенту Б.Ельцину (сопредседатели «ДемРоссии» Л.Пономарёв и Г.Якунин⁵⁵³).

Позже многие бывшие «выбороссы» приняли участие в создании депутатских групп «Стабильность» (зарегистрирована 14 марта 1995 г., 36 депутатов⁵⁵⁴; после того как аграрий Е.Бученков на следующий день опроверг сообщение о своём переходе в группу⁵⁵⁵, её численность снизилась до минимально необходимых 35 человек, в апреле увеличилась до 37-ми⁵⁵⁶, в июне – до 39-ти⁵⁵⁷, а на декабрь 1995 г. составляла 37 человек⁵⁵⁸) и «Россия» (зарегистрирована 24 марта 1995 г., численность при регистрации – 35 депутатов⁵⁵⁹, в апреле увеличилась до 37-ми⁵⁶⁰, в июне снизилась до 34-х, что поставило под угрозу само существование группы⁵⁶¹, но в период осенней сессии 1995 г. стабилизировалась на 36-ти⁵⁶²). Однако «Выбор России» был не единственным и даже не главным источником пополнения этих групп. Так, в «Стабильность» вступили только 7 «выбороссов»⁵⁶³,

а в «Россию» – лишь 4⁵⁶⁴. Для сравнения: в «Стабильность» перешли 9 бывших членов «ЛДС 12 декабря», 9 депутатов из «Новой региональной политики», 6 независимых, 2 из ДПР, по 1 из ПРЕС и «Яблока»⁵⁶⁵, в «Россию» – 12 из НРП, 8 независимых, 5 из ПРЕС, 3 из «ЛДС 12 декабря», 2 из АПР и 1 из ДПР⁵⁶⁶.

Примечательно, что по поводу столь очевидного «растаскивания» фракций и групп беспокоились не те объединения, которые больше всего потеряли в результате этого, а руководство АПР и ЛДПР, чьи «убытки» были в общем-то несущественны – 2 агрария да те депутаты, которые ещё раньше ушли из «либерал-демократов». В.Жириновский и Н.Харитонов (АПР) как минимум дважды выдвигали предложения не регистрировать до конца работы действующей Госдумы никаких новых депутатских групп⁵⁶⁷. Понять их можно: процесс носил явно управляемый характер, причём управляемый именно из Кремля. Наиболее же пострадавшие от «растаскивания» фракции и группы не выступали с нотами протеста лишь потому, что выступать, собственно, было уже некому. «Новая региональная политика» всегда представляла собой рыхлое образование, собравшее людей самых разных политических взглядов. «Либерально-демократический союз», утративший регистрацию, фактически распался. Фракция ДПР раскололась после смещения Н.Травкина с поста лидера и фракции, и партии⁵⁶⁸: сторонники С.Глазьева и С.Говорухина инициировали вотум недоверия правительству⁵⁶⁹ и голосовали против бюджета, травкинцы занимали диаметрально противоположную позицию⁵⁷⁰; неудивительно, что к апрелю 1995 г. 7 из 15 членов фракции покинули её ряды⁵⁷¹. В явно деморализованном состоянии находилась фракция ПРЕС – будучи прообразом «партии власти», она так им и осталась, не сумев превратиться во влиятельную силу, поэтому многие её члены пребывали в перманентном поиске более уютного места.

Программы «Стабильности» и «России» были похожи как две капли воды. Первая обещала добиваться «укрепления российской государственности», «улучшения жизни народа», «стабилизации экономики», «укрепления законности и правопорядка», «формирования гражданского общества», «соблюдения прав человека», «стабильности и конструктивизма – как в обществе, так и в депутатской деятельности»⁵⁷²; вторая выступала за «развитие федерализма, укрепление государственности, правопорядка и законности, борьбу с преступностью, гарантии безопасности граждан, защиту их прав и собственности, профессионализацию управления, развитие гражданских институтов и поддержку гражданских инициатив, ...экономическую

стабилизацию, эффективную социальную политику, снижение налогового бремени, ...партнёрство в политике, ответственность, честность и надёжность, за диалог и союз всех конструктивных политических сил»⁵⁷³.

Но главное, что объединяло обе группы, – это готовность во всём поддерживать исполнительную власть. В самом названии «Стабильности» присутствовало чёткое указание на нежелание «раскачивать лодку». Примерно о том же говорил и лидер «России» И.Шичанин, назвавший главным стимулом к созданию группы стремление противодействовать тем фракциям и группам, которые «ставят своей целью расшатать власть»⁵⁷⁴. Показательно, что впоследствии и та и другая группа приняли участие в кремлёвском проекте по созданию двух центристских блоков – «левой» и «правой» руки. Представители «Стабильности» помогали формировать движение «Наш дом – Россия»⁵⁷⁵, представители «России» – и НДР, и «Избирательного блока Ивана Рыбкина»⁵⁷⁶.

Таким образом, обе группы гармонично вписались в план исполнительной власти по установлению контроля над парламентом путём образования разных вариаций «партии власти». Надо сказать, что если бы замысел удался, то партийная система России из полупериферийной-полуфлуктуационной уже тогда трансформировалась бы в псевдопартийную. Однако пока этот орех был правящей бюрократии не по зубам – чтобы разгрызть его, пришлось копить ресурсы ещё восемь лет. Итоги парламентских выборов 1995 г. усилили не исполнительную власть, а её левых оппонентов. В результате переход состоялся, но не к псевдопартийной системе, а к периферийной – в её образцовом виде.

7.3. Торжество периферийной системы. Госдума второго созыва (1996–1999)

Начало последнему, третьему, подэтапу в развитии партийной системы 1990-х положили парламентские выборы 1995 г., которые носили плановый характер и не сопровождалась, в отличие от предыдущих, ломкой системы властных отношений. На этот раз избиралась только Государственная Дума – Совет Федерации по новому закону формировался из глав региональных органов исполнительной и законодательной власти⁵⁷⁷.

7.3.1. Выборы

В кампанию 1995 г. был вовлечён значительно более широкий чем когда бы то ни было круг политических организаций. Правом участ-

воват в выборах в федеральные органы представительной власти на тот момент обладали 273 общественных объединения⁵⁷⁸. Общефедеральные списки в ЦИК РФ подали 68 избирательных объединений и блоков; 43 из них собрали в свою поддержку 200 тыс. подписей и прошли регистрацию⁵⁷⁹.

Из объединений и блоков, включённых в бюллетень для голосования, восемь можно определить как *либерально-реформистские (демократические)*: «Яблоко», блок «Демократический выбор России – Объединённые демократы», «Вперёд, Россия!», блок «Памфилова–Гуров–Владимир Лысенко (Республиканская партия РФ)», «Общее дело», Партия экономической свободы, Федерально-демократическое движение, Блок «89 (89 регионов России)»;

девять – как центристские: «Наш дом – Россия», «Блок Ивана Рыбкина», «Моё Отечество», ПРЕС, «Стабильная Россия», «Дума-96», блок «Тихонов–Туполев–Тихонов», «Преображение Отечества», «Блок независимых»;

два – как «*демократические левые*» (*социалистические, социал-демократические*): Партия самоуправления трудящихся, блок «Социал-демократы»;

два – как коммунистические: КППРФ и блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз»;

семь – как «*державнические*»: ЛДПР, Социал-патриотическое движение «Держава», блок «Власть – народу», «Блок Станислава Говорухина», блок «За Родину», Российское общенародное движение;

одно – как национал-патриотическое: Национально-республиканская партия России;

одно – как экологическое: Экологическая партия России «Кедр»;

десять – как созданные по корпоративному, профессиональному, конфессиональному либо половозрастному признаку: Аграрная партия России, блок «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда», «Женщины России», блок «Поколение рубежа», блок «Ассоциация адвокатов России», партия «Народный союз», Союз работников жилищно-коммунального хозяйства России, Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур», партия «Христианско-демократический союз – Христиане России», Межнациональный союз⁵⁸⁰;

три – как экзотические и псевдопартии: Партия любителей пива, блоки «Дело Петра I» и «Джуна»⁵⁸¹.

Рядовому гражданину, руководствующемуся в своём электоральном поведении смутными и невнятными симпатиями и антипатиями, было невероятно трудно разобраться в этом мельтешении – особенно

с учётом того, что из-за беспрецедентного числа участников выборов на каждого из них пришлось очень мало эфирного времени. Исключение составил только «Наш дом», руководство которого появлялось на телеэкране весьма часто – благодаря своему официальному статусу. Остальные участники выборов были вынуждены вести основную предвыборную работу непосредственно с населением. Здесь лучше всех управлялась КППРФ, обладавшая разветвлённой сетью активистов и добровольных помощников-агитаторов.

Результаты выборов преподнесли меньше сюрпризов, чем в 1993 г. В частности, как и предполагалось, наибольшее число голосов по общефедеральному округу получила КППРФ. Прошло в Думу «Яблоко», единственное из объединений либерально-реформистской ориентации. К неожиданностям можно отнести небольшое число участников выборов, преодолевших 5%-ный барьер (всего четыре); непрохождение в Думу Конгресса русских общин, в первую тройку которого входил очень популярный генерал А.Лебедь; относительный успех ЛДПР, занявшей второе место при голосовании по общефедеральным спискам. И, конечно же, исполнительную власть неприятно поразил скромный результат НДР – 10,13% по партийным спискам, третье место.

В целом итоги выборов были следующими. Преодолели 5%-ный барьер КППРФ – 15 432 963 голосов (22,3%), ЛДПР – 7 374 310 (11,18%), НДР – 7 009 291 (10,13%) и «Яблоко» – 4 767 384 (6,89%). В совокупности они собрали чуть больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Из избирательных объединений и блоков, не прошедших в Думу, ближе всех к 5%-ному барьеру подошли «Женщины России» – 4,61%, «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» – 4,53%, КРО – 4,31%, ПСТ – 3,98%, «ДВР – Объединённые демократы» – 3,86% и АПР – 3,78%. Остальные набрали от 0,06% (у «Поколения рубежа», «89 регионов» и «Межнационального союза») до 1,94% (у «Вперёд, Россия!») и 2,57% (у «Державы») ⁵⁸².

В одномандатных округах победили 58 представителей КППРФ, 20 – АПР, 14 – «Яблока», 10 – НДР, по 9 – ДВР-ОД и «Власть – народу», 5 – КРО, по 3 – «Женщин России», движения «Вперёд, Россия!» и БИР, 2 – блока «Памфилова–Гуров–В.Лысенко (РППРФ)», по 1 – «Блока независимых», «Моего Отечества», ПСТ, «Блока Станислава Говорухина», ЛДПР, ПРЕС, «Преображения Отечества», «Общего дела», «89 регионов», ПЭС, блоков «Коммунисты – Трудо-

вая Россия – За Советский Союз» и «Профсоюзы и промышленники России – Союз труда»⁵⁸³.

Таким образом, наибольшего успеха на выборах-95 добилась КПРФ со своими союзниками. Причём избиратели поддержали не коммунистов вообще, а именно Компартию РФ, выступавшую скорее с обобщённых антиреформистских, нежели собственно коммунистических позиций. Основными лозунгами КПРФ были пересмотр результатов приватизации, ренационализация ключевых отраслей промышленности, денонсация Беловежских соглашений, восстановление прежней системы социальных гарантий и пр.⁵⁸⁴, но отнюдь не немедленная реставрация строя, существовавшего до августа 1991 г., а тем более до весны 1985 г. Уместно напомнить, что блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!», который выступал под более радикальными лозунгами – «восстановление советской власти», «диктатура трудового большинства», «всеобъемлющий рабочий и народный контроль за производством и распределением продукции» и т.п.⁵⁸⁵, – не преодолел 5%-ного барьера. Отказавшись от наиболее архаичных элементов коммунистической идеологии, КПРФ привлекла на свою сторону значительную часть протестного электората.

И напротив – организации либерально-реформистской ориентации потерпели сокрушительное поражение. Во многом этот провал был обусловлен деморализованным состоянием и растерянностью интеллигенции, а также тем, что либералы утратили репутацию «особы, приближённой к государю». Не последнюю роль сыграла и безответственность многих политиков-демократов, желавших во что бы то ни стало возглавить собственное избирательное объединение – даже когда отсутствие шансов на победу не вызывало сомнений. Дело в том, что наличие такого объединения значительно облегчало его лидеру успех в одномандатном округе, и побороть этот соблазн, как выяснилось, было практически невозможно. В результате около 8–9% голосов, поданных за демократов, «размазалось» по мелким образованиям. Однако главная причина поражения либералов заключалась всё-таки в другом: большая часть их прежнего электората разочаровалась в реформах как таковых. Если в 1992–1993 гг. с экономическими преобразованиями связывались надежды на быстрое повышение жизненного уровня, то в дальнейшем эти надежды рассеялись – вместе с доверием к реформаторам.

Итоги выборов в Госдуму второго созыва самым очевидным образом показали, что конфликт «прогрессисты–традиционалисты» («реформисты–антиреформисты») решительно выдвинулся на пер-

вый план и стал определять расстановку сил на политическом поле. При этом антиреформистский фланг сплотился и нарастил боеспособность, тогда как реформистский – наоборот. Последний был представлен в Госдуме «Яблоком», независимыми депутатами от ДВР и других либеральных объединений и отчасти «Нашим домом»; впрочем, НДР мог сойти за реформистскую силу лишь на фоне коммунистов, к тому же союз между ним и «Яблоком» был неосуществим в принципе – «яблочная» природа этого совершенно не допускала.

7.3.2. Расстановка сил

В целом Госдума второго созыва оказалась несколько менее фрагментированной, нежели предыдущая, – но прежде всего потому, что 5%-ный барьер преодолели только четыре участника выборов. Депутатских объединений, однако, было образовано почти вдвое больше: к партийным фракциям добавились также три группы – «Российские регионы», «Народовластие» и Аграрная депутатская группа. Центр тяжести весьма заметно сместился в сторону антиреформистов. КПРФ (149 депутатов в начале работы Госдумы⁵⁸⁶, 119 в конце⁵⁸⁷; численность снизилась в основном из-за делегирования депутатов в союзнические объединения), «Народовластие» (37 в начале⁵⁸⁸, 43 в конце⁵⁸⁹) и Аграрная депутатская группа (35 в начале⁵⁹⁰, 34 в конце⁵⁹¹), действуя сообща, проводили нужные им решения не прибегая к сотрудничеству с фракцией ЛДПР (51 в начале⁵⁹², 49 в конце⁵⁹³), которая во второй Думе ещё больше обособилась от остальных антиреформистов. Из последовательно реформистских объединений осталась только фракция «Яблоко» (46 в начале⁵⁹⁴, 44 в конце⁵⁹⁵) и незарегистрированная депутатская группа «Демократический выбор России» (8–9 депутатов⁵⁹⁶). Положение в центре, причём ближе к реформистскому флангу, занимали фракция НДР (65 в начале⁵⁹⁷, 67 в середине⁵⁹⁸, 52 в конце⁵⁹⁹) и «Российские регионы» (42 в начале⁶⁰⁰, 36 в конце⁶⁰¹).

Своё преимущество антиреформисты реализовали уже при формировании руководящих органов Госдумы, заполучив не только пост спикера, но и большинство из 28 думских комитетов: 9 (и мандатную комиссию) возглавили представители КПРФ, 3 – «Народовластия», 2 – АДГ, по 4 – ЛДПР, НДР и «Яблока», ещё 2 комитета были закреплены за «Российскими регионами»⁶⁰².

Вместе с тем при избрании председателя Госдумы выяснилось, что доминирование коммунистов не такое уж бесспорное. В частности, на первом пленарном заседании (16 января) кандидат от коммунистов Г.Селезнёв не смог безоговорочно подавить конкурентов –

«яблочника» В.Лукина и выдвинутого «Нашим домом» И.Рыбкина (в Госдуме прошлого созыва являвшегося выдвинутым именно от антиреформистов) – не только в первом туре тайного голосования, где он набрал 216 голосов (166 у Рыбкина и 56 у Лукина)⁶⁰³, но и во втором – 219 (51 у Рыбкина)⁶⁰⁴. Сказалось, видимо, то, что многие независимые депутаты продолжали метаться между «Народовластием» (чистой воды антиреформисты) и «Российскими регионами» (центристы с умеренно реформистским уклоном). Выбор же иной раз обуславливался отнюдь не политическими соображениями. Так, в «Народовластие» записались вчерашние демократы С.Говорухин, С.Сулакшин и С.Фёдоров, а в «Российские регионы» – А.Дзасохов, Алексей Лебедь, ушедшие впоследствии в «Народовластие», и др. Некоторые депутаты довольно долго колебались, прежде чем определились окончательно (Н.Столяров, З.Саегталиев и др.⁶⁰⁵). И лишь на другой день после того, как депутатские группы были сформированы и зарегистрированы и представители АДГ и «Народовластия» единодушно высказались в поддержку Г.Селезнёва, последний победил уже в первом туре, получив 231 голос – против 150 у И.Рыбкина и 50 у Лукина⁶⁰⁶.

Антиреформистский и антиправительственный настрой Госдумы нового созыва сообщил соответствующий дух принимаемым нижней палатой решениям. Повлияла и обстановка разворачивающейся президентской кампании – каждое объединение, выдвинувшее своего кандидата, использовало думскую трибуну в предвыборных целях. Так, «Яблоко» начало сбор подписей за вынесение правительству вотума недоверия⁶⁰⁷. Коммунисты первым делом добились создания парламентской комиссии по проверке итогов приватизации⁶⁰⁸. А жириновец С.Калашников, возглавивший комитет по труду и социальной поддержке, внёс законопроекты об индексации на 20% пенсий и минимального размера оплаты труда⁶⁰⁹. Напрасно председатель бюджетного комитета М.Задорнов («Яблоко») вразумлял, что в условиях, когда бюджетникам задерживают даже декабрьскую зарплату, на это просто нет средств, и в результате окажется, что думцы опять приняли «пустое решение, которое не будет обеспечено финансовыми ресурсами»⁶¹⁰, – Госдума с лёгкостью приняла оба законопроекта: и по МРОТ⁶¹¹, и по пенсиям⁶¹². Причём при обсуждении их во втором чтении сам С.Калашников был склонен согласиться с предложением правительства проводить индексацию поэтапно⁶¹³, однако Дума отвергла компромисс⁶¹⁴, и с подачи коммуниста О.Шенкарёва⁶¹⁵ оба закона были одобрены сразу в третьем чтении⁶¹⁶.

Наиболее же демонстративным предвыборным жестом можно считать денонсацию Беловежских соглашений. Не в последнюю очередь это было ответом команде действующего президента, готовившей – тоже с оглядкой на выборы – подписание договора об образовании Сообщества России и Белоруссии (Г.Явлинский охарактеризовал переговоры между Б.Ельциным и А.Лукашенко как «странный диалог... больше похожий на балаган, – без каких-либо экономических обоснований, без серьёзных соображений»⁶¹⁷). Чтобы опередить конкурента, коммунисты и их союзники вынесли на утверждение Госдумы проекты постановлений «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в СССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года» и «О юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума 17 марта 1991 года». Несмотря на возражения представителей «Яблока» (Г.Явлинский), НДР (С.Беляев) и «Российских регионов» (В.Медведев), указавших на «юридическую несостоятельность и бессмысленность по существу» обоих документов (В.Медведев, в частности, предупредил, что, голосуя за подобные «популистские декларации», депутаты «должны отдавать себе отчёт в том, что за этим не последует ничего кроме пропагандистской шумихи»⁶¹⁸), КПРФ, АДГ, ЛДПР и «Народовластие» приняли и то и другое постановление убедительным большинством голосов: за первое проголосовало 250 человек (при 98 «против»), за второе – 252 (33 «против» и 5 воздержавшихся)⁶¹⁹.

Даже если отвлечься от «юридической несостоятельности и бессмысленности» этого шага, нельзя не отметить, что, сделав его, левая оппозиция села в лужу. Во-первых, Б.Ельцин получил неплохие основания для возможного роспуска парламента, и то, что этот козырь не был сыгран, – заслуга не коммунистов, а их противников из ближайшего окружения президента⁶²⁰. Во-вторых, через две с небольшим недели Ельцин подписал с Лукашенко договор об образовании Сообщества России и Белоруссии⁶²¹, и Дума сначала приняла заявление в его поддержку⁶²², а затем и ратифицировала⁶²³. Таким образом, «партия власти», трубя, скакала впереди, а коммунисты глотали следом пыль.

Кроме того, как и ожидалось, принятие постановлений о денонсации Беловежских соглашений вызвало бурю протестов, в т.ч. со стороны руководства стран СНГ, и оппозиция вынуждена была оправдываться. В частности, один из главных юристов КПРФ А.Лукиянов, возглавлявший в Госдуме второго созыва комитет по законодательству и судебно-правовой реформе, прямо признал, что принятые

15 марта постановления носят «политически оценочный» характер, и тем самым дал «яблочнице» Е.Мизулиной повод для замечания: «Трудно представить себе более удачный способ дискредитации Государственной Думой её постановлений, чем такого рода заявления – о политическом, не правовом, характере наших постановлений. Потому что это суть призывы к общественности, к гражданскому обществу и к должностным лицам: не обращайте внимания на постановления Думы, не исполняйте их, не принимайте всерьёз всё то, что принимает Государственная Дума»⁶²⁴. 10 апреля в ответе на обращение Совета Федерации (от 19 марта) и в заявлении в связи с реакцией государств-членов СНГ Госдуме пришлось объяснять, что постановления от 15 марта являются сугубо политическими, не затрагивают суверенитета РФ и других стран СНГ, не ликвидируют СНГ и не влияют на статус государственных органов, образованных в соответствии с Конституцией и федеральными законами⁶²⁵.

Так же легко Б.Ельцин переиграл своих оппонентов и в других раундах. Пока те увеличивали на десятки триллионов рублей текущие бюджетные расходы, действующий глава государства щедро раздавал деньги из президентского фонда и перехватывал у оппозиции инициативу, используя собственные специфические возможности. Так, принятый в январе закон о повышении пенсий был отклонён Советом Федерации, и пока нижняя палата преодолевала вето, время ушло (закон должен был вступить в силу с 1 февраля); Дума приняла новый, но он тоже был заблокирован президентом. Между тем Б.Ельцин повысил пенсии своим указом (на 25 тыс. руб. с 1 февраля), а в апреле внёс проект закона об их увеличении ещё на 10% с 1 мая⁶²⁶. Кряхтя и ругаясь (С.Сокол: «Правительство и президент критикуют Думу за популизм, сами же делают такие шаги»; Н.Рыжков: «Неужели мы не понимаем, что нас просто ставят в дикое положение? ...Предвыборная кампания идёт. Идёт раздача обещаний»⁶²⁷), коммунисты всё же поддержали этот закон (прошёл 344 голосами⁶²⁸).

Именно на примере Госдумы второго созыва периферийный характер сложившейся в стране партийной системы стал особенно очевиден. Как ни парадоксально, но решающие действия, отодвигающие парламент и представленные в нём партии на обочину политического процесса, были предприняты доминирующей парламентской силой – коммунистами и их союзниками. Непомерно раздувая расходную часть бюджета – при том, что и утверждённый бюджет выполнялся на 70% по доходам и на 74% по расходам, – они, как справедливо отметила О.Дмитриева («Яблоко»), давали правительству «ещё

одну индульгенцию, ещё один повод не исполнять закон о бюджете и осуществлять финансирование государственных расходов не по закону, а по собственному произволу»⁶²⁹.

И причина заключалась, конечно, не в неадекватности левой оппозиции – люди там были весьма неглупые. Просто «яблочники» могли объяснить своему избирателю, что, записывая в бюджет лишних 28 трлн руб. «без указания конкретных мер и конкретных источников», Дума тем самым снимает с правительства «всякую ответственность исполнять уже принятый бюджет»⁶³⁰, а коммунисты своему – не могли. Их электорат прекрасно слышал, когда ему рассказывали о существовании простых и лёгких решений тяжелейших проблем, но моментально глох, как только ему пытались втолковать необходимость ответственной экономической политики. Однако, подлаживаясь под избирателя и заявляя: «Государственная Дума должна стоять прежде всего за интересы не Пенсионного фонда, а пенсионеров» (член фракции КПрФ Н.Савельев), «Проблема, где взять средства, – это проблема правительства» (член Аграрной депутатской группы А.Ярошенко)⁶³¹, левая оппозиция собственными руками выстраивала образ парламента как власти второго сорта, столь же громгласной, сколь и безответственной.

7.3.3. Президентские выборы 1996 г.

и губернаторские кампании 1996–1997 гг.

Сознание себя второсортной властью во многом предопределило и поражение левых в главной политической схватке 1996 г. – президентской кампании. Отсутствию у них уверенности в себе правящий слой бюрократии противопоставил грамотно выверенную стратегию и тактику. Перед лицом опасности он мобилизовал все имеющиеся ресурсы и, не ограничиваясь той частью электората, которая всегда лояльна любому начальству, привлёк на свою сторону широкие круги избирателей.

Поэтому на президентских выборах 1996 г. «народно-патриотическому» блоку с лидером КПрФ Г.Зюгановым во главе противостояло не либерально-реформистское «Яблоко», выдвинувшее кандидатом Г.Явлинского, а «партия власти», объединившая вокруг действующего президента Б.Ельцина все оттенки российского центризма и значительную часть либерального фланга. Прочим политическим субъектам оставалось только выбирать между этими основными силами.

По оценке В.Рябова и Е.Хаванова, кампания 1996 г. «с высокой степенью точности» зафиксировала «момент становления [в стране]

двухпартийной системы»⁶³². Насчёт двухпартийной системы можно, конечно, поспорить, но несомненную тенденцию к биполярности отрицать невозможно. Причём поляризация общественных настроений проявилась уже на этапе сбора подписей.

Подавляющее большинство антиреформистских объединений высказалось в поддержку Г.Зюганова. 4 марта более 20 организаций – КПРФ, СКП-КПСС, РКСМ, АПР, Аграрный союз России, движения «Народный альянс», «Духовное наследие», «День», «Власть – народу» и др. – подписали соглашение о совместных действиях в поддержку Г.Зюганова как единого кандидата на должность президента России от «народно-патриотических сил»⁶³³. Позже к соглашению присоединились «Трудовая Россия», Русская партия, СПД «Держава», Союз офицеров, Народное движение «Союз», партия «Новые левые», «Марксистская платформа», Российский общенародный союз, а также масса корпоративных структур (ветеранских, профсоюзных, женских, молодёжных и пр.) и организаций регионального уровня⁶³⁴. Всего, по утверждению организаторов Блока народно-патриотических сил (такое название было дано объединению участников соглашения), документ подписало более 200 организаций⁶³⁵; впрочем, едва ли не большинство из них были мало кому известны или существовали лишь на бумаге. Их лидеры (те, которые ранее объявили о намерении баллотироваться) сняли свои кандидатуры в пользу Г.Зюганова. В эту компанию, однако, не вошла вторая по численности и представленности в Госдуме антиреформистская организация – ЛДПР: В.Жириновский ни за что не отказался бы от такой грандиозной возможности для саморекламы, как президентские выборы.

Программа БНПС и предвыборная платформа самого Г.Зюганова были достаточно умеренными: признавая необходимость реформ⁶³⁶, они выдвигали требования самого общего характера – «гарантировать всем гражданам права на труд, отдых, жилище, бесплатное образование и медицинское обслуживание, достойную старость», «привести зарплаты, пенсии, стипендии и пособия в соответствие с реальным прожиточным минимумом», «обеспечить преимущество отечественным товаропроизводителям всех форм собственности», «стимулировать рост производства конкурентоспособной продукции путём реформирования налоговой, кредитной и таможенной политики, масштабных государственных заказов и инвестиций», «восстановить право общенародной, государственной собственности на землю и её недра, леса и водные пространства, континентальный шельф», «ввес-

ти государственную монополию внешней торговли на природные богатства и товары стратегического назначения» и пр.⁶³⁷ Вместе с тем платформа Г.Зюганова допускала и многоукладность экономики: «Речь не о том, чтобы ликвидировать собственников, а о том, чтобы на деле превратить всех граждан в реальных совладельцев общенародного достояния»⁶³⁸. При столь широком спектре участников БНПС вряд ли могло быть иначе – чрезмерный радикализм программы, как и внесение в неё элементов какой-либо специфической идеологии (коммунистической или национал-патриотической) оттолкнули бы от блока часть союзников.

С другой стороны, объединения демократической и центристской ориентации постепенно подтягивались к Б.Ельцину. Причём многие из них, в первую очередь либералы (ДВР, «Демократическая Россия» и др.), руководствовались принципом «меньшего зла». Любопытно, что лидер ДВР Е.Гайдар поначалу даже отговаривал Б.Ельцина выдвигаться на новый срок, считая, что это «значительно облегчит предвыборную борьбу коммунистов за президентское кресло»⁶³⁹. Однако поляризация политических сил делала своё дело, и в марте 1996 г. было создано Общероссийское движение общественной поддержки Б.Ельцина на президентских выборах, в учредительной конференции которого (2 марта) приняли участие представители около 240 общественных и общественно-политических организаций, самыми видными из которых были «Наш дом – Россия», «Реформы – новый курс», «Избирательный блок Ивана Рыбкина», Союз реалистов, «Женщины России», Межрегиональное общественное учреждение «Народный дом», Конструктивно-экологическое движение «Кедр» и др.⁶⁴⁰ К моменту проведения съезда ОДОПП (6 апреля 1996 г.) в движение вступили также «Выбор России», «Вперёд, Россия!», ПРЕС, Ассоциация региональных организаций ДПР «В поддержку Б.Н.Ельцина», Крестьянская партия России, Либеральный молодёжный союз, Партия большинства, Российская партия свободного труда, Российская партия социальной демократии, Российский союз промышленников и предпринимателей и др. Всего же на съезде было представлено 279 организаций различного уровня.⁶⁴¹ О своём присоединении к ОДОПП объявили также Социалистическая партия России⁶⁴², Федерально-демократическое движение, Общественно-патриотическое объединение «Отряд “Россия”»⁶⁴³ и др.

Если платформа БНПС и Г.Зюганова носила умеренно антиреформистский характер, то платформа ОДОПП и Б.Ельцина – тоже умеренный, но реформистский (главные лозунги – «свободная и де-

мократическая Россия», переход «через оживление инвестиций к экономическому росту», успешное завершение реформ «во благо человека» и пр.⁶⁴⁴).

Тем не менее полного единодушия среди демократов и центристов не было. Так, «Яблоко» выдвинуло в президенты Г.Явлинского⁶⁴⁵, который демонстративно отказался снять свою кандидатуру в пользу Б.Ельцина⁶⁴⁶. О поддержке Г.Явлинского заявили Партия экономической свободы⁶⁴⁷ и Демократический союз России⁶⁴⁸, а кроме того, отдельные члены руководства демократических объединений, поддержавших Б.Ельцина (в частности, члены Политсовета ДВР С.Ковалёв и А.Мурашёв, принявшие участие в создании Общественного комитета в поддержку Г.Явлинского⁶⁴⁹). Однако большинство демократов полагало, что у лидера «Яблока» практически нет шансов на победу.

Наконец, Демократическая партия России, Конгресс русских общин (переживший ряд внутренних конфликтов и смену руководства) и созданный в начале июня блок «Союз патриотических и национальных организаций России» высказались в поддержку заместителя председателя КРО А.Лебеда⁶⁵⁰.

Процесс поляризации охватил, разумеется, не весь политический спектр. В самых разных его отделах нашлись «неприсоединившиеся», которые и стали претендовать на роль центра. Ещё в феврале 1996 г. группа политиков выступила с инициативой выставить на президентских выборах «кандидата, способного предотвратить раскол общества на враждебные классы»⁶⁵¹. В переговорах о создании соответствующей коалиции согласились участвовать А.Лебедь, председатель Партии самоуправления трудящихся С.Фёдоров, председатель Демократической партии России С.Глазьев, член Политсовета ДПР С.Говорухин, председатель Социал-патриотического движения «Держава» А.Руцкой, сопредседатель Социал-демократического союза А.Оболенский, председатель Российского общенародного союза С.Бабурин, члены руководства движения «Народный альянс» А.Головин, О.Румянцев и К.Затулин и др.⁶⁵² Однако к середине марта эту затею не бросили фактически только А.Лебедь, С.Фёдоров и Г.Явлинский⁶⁵³ – остальные предпочли вступить в Блок народно-патриотических сил и поддержать Г.Зюганова. Сильнее всего созданию коалиции мешало то, что единым кандидатом мог быть только один человек. Поскольку автоматическое суммирование электоратов трёх политиков было невозможным – по причине идеологической несовместимости, проект «Третьей силы» был обречён на неуспех, что впоследствии и подтвердилось⁶⁵⁴.

В мае Центризбирком завершил регистрацию кандидатов в президенты, включив в бюллетень для голосования 11 из 78 первоначально заявленных претендентов⁶⁵⁵. Из них к представителям антиреформистского лагеря можно отнести Г.Зюганова, В.Жириновского, председателя Законодательного собрания Кемеровской области А.Тулеева и бывшего штангиста Ю.Власова. Кандидатом от «партии власти», при поддержке объединённого фронта демократических и центристских организаций, шёл Б.Ельцин. В качестве «третьей силы» выступали Г.Явлинский, А.Лебедь и С.Фёдоров. По своим позициям к ним были близки экс-президент СССР М.Горбачёв и вице-президент фонда «Реформа» М.Шаккум (в переговорах о создании «Третьей силы» не участвовали из-за отсутствия реального политического веса). Наконец, глава фирмы «Ферейн» В.Брынцалов не представлял никого, кроме себя самого.

Почти за каждым из зарегистрированных кандидатов стояла какая-либо партия или движение, а за Г.Зюгановым и Б.Ельциным – целые блоки. Г.Явлинского поддерживало «Яблоко», А.Лебеда – КРО, В.Жириновского – ЛДПР, С.Фёдорова – ПСТ, М.Шаккума – Социалистическая народная партия России, М.Горбачёва – движение «Гражданский форум», В.Брынцалова – Русская социалистическая партия. Исключение составляли Ю.Власов и А.Тулеев, да и то – за первого замолвил слово Координационный совет радикально-националистических партий⁶⁵⁶, а у второго в Кемеровской области имела собственная партия – блок «Народовластие», на федеральном же уровне он пользовался поддержкой КПРФ и выполнял роль «дублёра» Г.Зюганова – на случай, если власти попытаются вывести того из игры⁶⁵⁷.

В первом туре голосования (16 июня) наибольшее число голосов набрали Б.Ельцин и Г.Зюганов (соответственно 35,29% и 32,04%). Сенсацией стало третье место, полученное А.Лебедем (14,72%). Голоса, отданные за остальных кандидатов, распределились следующим образом: Г.Явлинский – 7,34%, В.Жириновский – 5,7%, С.Фёдоров – 0,92%, М.Горбачёв – 0,51%, М.Шаккум – 0,37%, Ю.Власов – 0,2%, В.Брынцалов – 0,16%⁶⁵⁸.

Таким образом, во второй тур выборов вышли представители двух отрядов чиновничества – нового, «обуржуазившегося», и старого, советско-традиционалистского. Причём определённое преимущество было на стороне первого – как более гибкого и «прогрессивного». В период «междутурья» эти гибкость и прогрессивность помогли команде Б.Ельцина завербовать в ряды своих приверженцев несколь-

ких сошедших с дистанции кандидатов вместе с поддерживавшими их политическими организациями.

Более всего позиции действующего президента усилил союз с А.Лебедем (взамен генерал получил посты секретаря Совета безопасности и помощника президента по национальной безопасности). В косвенной форме Б.Ельцина поддержали В.Жириновский и Г.Явлинский. Лидер ЛДПР призвал своего избирателя обязательно прийти на второй тур выборов и не голосовать за Г.Зюганова⁶⁵⁹. Резолюция IV съезда «Яблока» (22–23 июня 1996 г.) содержала призыв принять активное участие в голосовании 3 июля и категорический отказ в поддержке лидеру КПРФ – но также и слова о невозможности «безоговорочной поддержки» действующего президента⁶⁶⁰; кроме того, съезд направил Б.Ельцину обращение с рядом вопросов, удовлетворительный ответ на которые обеспечил бы, по мнению «яблочников», благосклонность их электората по отношению к инкубенту⁶⁶¹.

Во втором туре (3 июля) Б.Ельцин победил с убедительным отрывом: 53,82% голосов – против 40,31% у Г.Зюганова⁶⁶².

Состязание «партии власти» и коммунистов продолжилось в ходе серии губернаторских выборов 1996–1997 гг. Первую из сторон представлял Общероссийский координационный совет, созданный в июле 1996 г. на базе ОДОПП⁶⁶³; антиреформистская оппозиция опиралась на структуры Народно-патриотического союза России, основой для которого послужил предвыборный Блок народно-патриотических сил⁶⁶⁴. В августе 1997 г. руководство НПСР, подводя итоги первого года деятельности, сообщило, что кандидаты от «народно-патриотических сил» победили в 36 регионах – из 51, где проводились губернаторские выборы⁶⁶⁵.

В этом утверждении была известная доля преувеличения, поскольку Народно-патриотический союз вместо выдвижения собственного кандидата нередко объявлял о поддержке какого-нибудь из независимых – лишь бы тот соперничал с кандидатом от «партии власти». Так было, в частности, в Ленинградской области, где «народные патриоты» поддержали В.Густова, Калининградской (Л.Горбенко), Магаданской (В.Цветков) и др. Кроме того, НПСР имел обыкновение записывать себе в актив победу тех кандидатов, которых считали своими как коммунисты, так и «партия власти», – как, например, в Орловской области, где губернатором был переизбран председатель Совета Федерации Е.Строев, или в Ханты-Мансийском округе (А.Филиппенко). К числу же неподдельных успехов НПСР следует отнести избрание А.Руцкого губернатором Курской области, В.Сер-

гиенко – Кировской, И.Шабанова – Воронежской, В.Любимова – Рязанской, В.Сударенкова – Калужской, Ю.Лодкина – Брянской, П.Сумина – Челябинской, О.Богомолова – Курганской, Н.Максюты – Волгоградской, А.Белоногова – Амурской, В.Стародубцева – Тульской, А.Тулеева – Кемеровской, А.Сурикова – Алтайского края, Н.Кондратенко – Краснодарского, А.Черногорова – Ставропольского, В.Кислицына – Республики Марий Эл и пр. Другими словами, реальное соотношение успехов и поражений в противоборстве между «партией власти» и советскими традиционалистами («народными патриотами») оказалось примерно равным, т.е. борьба закончилась вничью.

7.3.4. «Негласный договор» между исполнительной властью и оппозицией

Сложившееся равновесие сил вынуждало обе стороны к соглашению. Уже летом 1996 г. два отряда чиновничества нащупали компромисс, основанный прежде всего на корпоративно-лоббистских договорённостях. Первую скрипку в этой конвенции играла «партия власти», в руках которой находились рычаги управления государством. Но при этом она должна была платить дань контролировавшей парламент «народно-патриотической» оппозиции – уступками в ходе бюджетных торгов. Этот компромисс дорого обошелся России, поскольку, во-первых, консервировал структурные диспропорции, являвшиеся главной причиной её экономического неблагополучия, а во-вторых, толкал страну в долговую яму.

Несмотря на то что коммунисты и их союзники, по сути, приняли роль «власти второго сорта», в своей епархии – Госдуме – они не отдавали «ни пяди родной земли» и не упускали случая лягнуть президента и правительство, как бы в отместку за унижение. Кроме того, любые попытки исполнительной власти отойти от негласного договора встречали ожесточённое сопротивление и всякий раз заканчивались крахом.

Фактически соглашение между «партией власти» и «народными патриотами», между президентом и Думой было заключено в августе 1996 г., когда Госдума утвердила в должности председателя правительства прежнего премьер-министра В.Черномырдина. Хотя Г.Зюганов и заявил, что у коммунистов «нет оснований» поддерживать кандидатуру, предложенную президентом⁶⁶⁶, результаты голосования – 314 «за» при 85 «против» и 3 воздержавшихся⁶⁶⁷ – говорили о том, что среди отдавших голоса за «нового старого» премьера были представители КПРФ (особенно если учесть, что против наверняка

голосовали некоторые «яблочники» и многие аграрии и уж совершенно точно – те члены «Народовластия», которые состояли в бабуринском РОСе и накануне обнародовали заявление со словами «Черномырдин должен уйти!»⁶⁶⁸).

Взамен коммунисты ожидали определённых предпочтений в ходе обсуждения бюджета на 1997 г. Каков был характер последних, можно понять из дискуссии, возникшей при первом представлении бюджета (11 октября 1996 г.). Разумеется, о его принятии в первом чтении речи не шло. Выбор был между двумя вариантами: либо, как настаивал председатель комитета ГД по экономической политике коммунист Ю.Маслюков, вернуть проект на доработку в правительство, предварительно сформулировав основные направления этой доработки, либо, как традиционно предложил глава бюджетного комитета «яблочник» М.Задорнов, отдать его в согласительную комиссию⁶⁶⁹. Разницу хорошо объяснила коллега М.Задорнова по фракции О.Дмитриева: «Согласования будут идти в любом случае, только в случае передачи в согласительную комиссию эти согласования будут проведены при открытых дверях и гласно»⁶⁷⁰.

О том, что указанная разница была существенной, свидетельствовали ожесточённые препирательства между сторонниками двух вариантов. В первый день ни один из них не набрал необходимых 226 голосов; за предложение комитета по бюджету голосовали в основном представители НДР (56 из 66), ЛДПР (43 из 51), «Яблока» (35 из 46) и «Российских регионов» (37 из 43), а за предложение комитета по экономической политике – КПРФ (143 из 145), АДГ (28 из 37) и «Народовластие» (26 из 38)⁶⁷¹. Только к следующему заседанию удалось найти компромисс: согласительная комиссия создаётся, но начинает работу только после представления правительством уточнённой концепции бюджета⁶⁷². Однако и уточнённый проект был одобрен не с первого раза; среди коммунистов и аграриев за него проголосовало явное меньшинство (соответственно 23 и 22%), а в «Народовластии» – только половина⁶⁷³.

Причины нервозности левой оппозиции стали понятны 6 декабря, когда Госдума ознакомилась с проектом бюджета, доработанным в согласительной комиссии. Впервые в истории нижней палаты его основные параметры не увеличились по сравнению с первоначальной редакцией, а наоборот – уменьшились: доходы – с 433,6 трлн руб. до 399,6 трлн, расходы – с 524,3 трлн до 495 трлн (вырос только дефицит – с 90,7 трлн до 95,4 трлн)⁶⁷⁴. При «открытых дверях и гласном обсуждении» члены согласительной комиссии вынуждены были иг-

рать в «ответственную политику», и для лоббизма оставалось куда меньше простора, чем при конфиденциальном общении с правительством.

Конечно, такой бюджет не мог быть поддержан коммунистами и их союзниками, о чём они сами (Г.Зюганов, Н.Харитонов и В.Никитин) и сказали⁶⁷⁵. Приняв во внимание традиции «Яблока», ни разу до этого не поддерживавшего ни одного бюджета, нетрудно было прийти к выводу, что проект согласительной комиссии абсолютно «непроходной». Именно на подобный случай правительство припасло козырь. Представлявший бюджет министр финансов А.Лившиц, уже заканчивая доклад, неожиданно внёс предложение увеличить доходы до 431 трлн руб., а расходы – до 526,4 трлн⁶⁷⁶. Не так важно, была ли эта заготовка заранее согласована с думским большинством – главное, что оно проявило к ней самый живой интерес. Под предлогом необходимости «посмотреть, изучить все цифры» (Г.Селезнёв)⁶⁷⁷ Дума перенесла утверждение бюджета в первом чтении на середину месяца.

15 декабря был представлен вариант, устроивший левых: «все цифры» в нём были ещё раз скорректированы в сторону увеличения доходов и расходов (до 434,4 трлн и 529,8 трлн соответственно), но кроме того – предусматривалась подготовка «бюджета развития», средства которого тратились бы исключительно на государственные инвестиции⁶⁷⁸. Правда, коммунисты оговорили свою поддержку одиннадцатью условиями – от погашения задолженности по зарплате бюджетников, стипендиям, пенсиям и всем видам пособий до отставки А.Чубайса с поста руководителя президентской администрации (Г.Зюганов)⁶⁷⁹, а представитель «Народовластия» В.Никитин заявил, что не усматривает особой разницы между первоначальным проектом бюджета и доработанным и не верит обещаниям правительства⁶⁸⁰. Тем не менее бюджет был наконец принят в первом чтении, причём за его утверждение, впервые с 1995 г., проголосовали не единичные представители коммунистов, а добрая их половина⁶⁸¹ – свалить неблагоприятную работу на кого-то другого теперь они уже не могли. Та же половина фракции КПРФ поддержала бюджет и во втором чтении (20 декабря), и в третьем (28 декабря), и в четвёртом (24 января).

Примечательно, что четвёртое чтение, когда обсуждались конкретные статьи расходов⁶⁸², проходило иначе, нежели предыдущее чтение с таким же номером. В Госдуме первого созыва парламентарии, как правило, пакетом утверждали таблицу поправок, рекомендованных к принятию бюджетным комитетом, лишь изредка рассмат-

ривая некоторые из них по отдельности; основные споры разворачивались вокруг поправок, рекомендованных комитетом к отклонению. При обсуждении бюджета-97 профильному комитету так и не удалось выработать единую позицию по целой серии поправок, и все они были вынесены на индивидуальное обсуждение. Большинство принятых в результате поправок было выдвинуто или поддержано коммунистами и их сателлитами, поэтому можно сделать вывод, что в ряде случаев КПРФ и Ко воспользовались своим численным преимуществом, пренебрегнув возражениями остальных депутатских объединений. Это заметно усиливало лоббистский потенциал фракции КПРФ, но в ущерб политическому авторитету Думы в целом, а значит, ещё явственнее оттеняло периферийную природу российской партийной системы.

Неписаное соглашение между левой оппозицией и исполнительной властью, конечно, нельзя было назвать полюбовным. Друг друга они терпеть не могли и чувств своих не скрывали. Особенно это касалось коммунистов и их союзников, которые то и дело выступали с очень эффективными, но плохо реализуемыми инициативами – вроде деносации Беловежских соглашений.

Характерным примером такого рода было, в частности, внесение В.Илюхиным (КПРФ) проекта постановления о досрочном прекращении президентских полномочий Б.Ельцина – ввиду «стойкой неспособности» осуществлять таковые «по состоянию здоровья» (22 января 1997 г.). Тут даже лидер дружественного коммунистам «Народовластия» Н.Рыжков указал на несоответствие этого документа Конституции, предложив другой путь – разработку соответствующего законодательства⁶⁸³. С ним согласились коллега по депутатской группе С.Бабурин («С формальной точки зрения проект постановления вызывает споры. А потому он пагубен, ибо поставит под сомнение идею, которая в нём заложена»⁶⁸⁴) и лидер аграриев Н.Харитонов⁶⁸⁵. Зато не пропустил okazji покрасоваться В.Жириновский, который похвалил постановление, посоветовав «лжеюристам» не морочить депутатам голову⁶⁸⁶. Проект был принят за основу (229 «за»), но когда «яблочник» М.Юрьев при поддержке вице-спикера А.Шохина (НДР) предложил проголосовать за него в целом, В.Илюхин всполошился и пошёл на попятную («В зале звучало достаточно много разумных предложений, которые надо оценить, взвесить, и к этому вопросу вернуться в феврале»⁶⁸⁷), чем ясно дал понять, что ему нужен не результат, а сам процесс. Естественно, что при таком повороте воп-

роса за постановление в целом проголосовало всего 87 депутатов, большей частью жириновцы (48)⁶⁸⁸.

Кончилось всё тем, что 14 февраля проект В.Илюхина не набрал требуемого количества голосов (208 при минимально необходимых 226); большинство парламентариев (269 человек, в т.ч. 129 коммунистов) поддержало проект О.Морозова («Российские регионы»), в котором министерству здравоохранения поручалось представить заключение о состоянии здоровья президента, а комитету ГД по здравоохранению – внести «пакет законопроектов, обеспечивающих непрерывность государственной власти»⁶⁸⁹.

В отличие от оппозиции исполнительная власть своё отношение к «контрагентам» выражала не словом, а делом, крайне избирательно претворяя в жизнь принятые Думой бюджеты. Ещё в 1994 г. С.Глазьев в ходе обсуждения доклада о ходе исполнения федерального бюджета отмечал, что на фоне резкого невыполнения планов по сбору доходов и финансирования народного хозяйства, конверсии, науки, капиталовложений, обороны, здравоохранения правительство ухитрилось превысить плановые расходы по таким статьям, как валютные операции, правоохранительные органы, пополнение резервного фонда, – иначе говоря, по содержанию своего аппарата⁶⁹⁰. В дальнейшем подобные обвинения приобрели дежурный характер. Несмотря на всю их справедливость, надо признать, что так вела бы себя любая власть. Правительство, непопулярное у населения, всё-таки может продержаться достаточно долго – за счёт «лабиринтов» между различными группами интересов; примером тому кабинет, точнее, кабинеты В.Черномырдина, которые, следуя принципу «разделяй и властвуй», тщательно дозировали выполнение своих обязательств перед разнообразными лоббистами, внося тем самым разброд в и без того нестройные ряды оппозиции. Правительство же, потерявшее поддержку чиновничества, обречено – данный тезис превосходно иллюстрируется историей о том, как Б.Ельцин пытался освободиться от негласных соглашений с парламентским большинством, а заодно и с собственной бюрократией. Пытался он дважды и оба раза впустую.

Причина неудач заключалась в том, что исполнительная власть не имела для этого ни политического, ни корпоративно-лоббистского ресурса. В политической плоскости правительство было лишено пространства для манёвра, так как Думой распоряжались его идейные противники. А корпоративно-лоббистским путём у парламентариев можно было выторговать разве что отказ от открытого антиправи-

тельственого бунта, но никак не поддержку реформ. И когда Ельцин вознамеривался компенсировать нехватку этих ресурсов прямолинейным волевым нажимом, правительство просто зависало в воздухе безо всякой опоры, даже такой ненадёжной, как лоббистские договорённости.

7.3.5. «Молодые реформаторы» и правительство С.Кириенко

Первую попытку вырваться из опостылевшего соглашения президент сделал в марте 1997 г.: реорганизовал правительство, назначив первыми вице-премьерами «молодых реформаторов» А.Чубайса и Б.Немцова и поставив перед ними задачу преодолеть бюджетный кризис и кризис неплатежей. Эта «рокировка» была встречена гулом депутатского недовольства. Уже 12 марта Госдума по инициативе КПРФ, ЛДПР, АДГ и «Народовластия» заявила протест против игнорирования своего мнения при реорганизации правительства⁶⁹¹. Ещё большее возмущение оппозиции вызвали конкретные шаги в рамках этого мероприятия: «Под видом реорганизации происходит уничтожение российской экономики и сельского хозяйства» (С.Бабурин); «Реорганизация правительства – это не только кадровая смена фигур, но это и провозглашённое открыто настроение продолжать либеральный курс» (В.Романов)⁶⁹².

И, естественно, в штывки воспринималось любое предложение «молодых реформаторов» по реструктуризации естественных монополий, упорядочению системы социальных льгот, реформированию ЖКХ, изменению бюджетной политики. 4 апреля Госдума сразу в целом, без обсуждения утвердила обращение к президенту в связи с планами реформирования естественных монополий (230 «за», 9 «против» и 2 воздержавшихся)⁶⁹³. 9 апреля она приняла постановление, в котором опротестовала планы демонополизации газовой отрасли (332 «за», 1 «против»), одновременно отклонив предложение «Яблока» поручить Счётной палате провести проверку деятельности РАО «Газпром»⁶⁹⁴. 17 июня парламентарии отвергли предложения правительства по упорядочению социальных выплат и льгот (как сообщалось в докладе вице-премьера О.Сысуева, доля предусмотренных на эти цели федеральных расходов возросла с 25,7% в 1992 г. до 45% в 1997-м, льготами пользуется более 200 категорий граждан, т.е. более 70% населения, но только 18% всех льгот доходит до тех, кто на самом деле в них нуждается⁶⁹⁵), а 25 сентября отклонили законопроект, определяющие порядок предоставления льгот работникам правоохранительной системы⁶⁹⁶. 23 июня, после того как согласительная комиссия зашла в глухой тупик, на обоих вариантах закона

о секвестре расходных статей федерального бюджета – и думском, и правительственном – был поставлен крест⁶⁹⁷.

В такой обстановке «молодые реформаторы» не рискнули внести в Госдуму законопроекты, касающиеся реформирования ЖКХ и естественных монополий, ограничившись докладами на «правительственном часе» о концепции этих реформ: Б.Немцов доложил о разработке жилищно-коммунальной реформы (20 июня)⁶⁹⁸ и программы реорганизации железнодорожного транспорта (13 февраля 1998 г.)⁶⁹⁹, О.Сысуев – реформ в области образования (14 ноября), вице-премьер В.Булгак – реформ в области науки (14 ноября)⁷⁰⁰.

Был обречён и представленный правительством проект бюджета на 1998 г. – по словам первого замминистра финансов В.Петрова, «абсолютно реалистичный», т.е. рассчитанный на 100%-ное исполнение (342 млрд доходы, 472 млрд расходы – в денонмированных рублях), а по словам председателя комитета ГД по экономической политике Ю.Маслюкова, практически копирующий секвестированный бюджет 1997 г.⁷⁰¹ Поддержать проект в первом чтении отказалась даже фракция НДР, представитель которой заявил, что «Нашему дому» не нравятся ни доходная, ни расходная части⁷⁰². Абсолютным большинством голосов (326 «за», 13 «против» и 1 воздержавшийся) проект был отклонён и направлен на доработку в трёхстороннюю рабочую группу (Госдума, Совет Федерации, правительство)⁷⁰³.

К осени 1997 г. «молодые реформаторы» успели настроить против себя не только Думу, которая и раньше их не любила, но и значительную часть госаппарата, а также некоторых представителей крупного бизнеса («олигархов»), недовольных итогами конкурса по приватизации «Связьинвеста». Объединив усилия, недоброжелатели А.Чубайса атаковали его сразу с нескольких сторон.

15 октября коммунисты и их союзники выдвинули инициативу о вотуме недоверия кабинету и отложили голосование только после того, как с предложением провести консультации к ним обратился сам президент⁷⁰⁴, 22 октября, после состоявшихся накануне переговоров, они согласились в обмен на ряд обещаний отозвать данный вопрос из повестки дня⁷⁰⁵. Удар был нацелен не в В.Черномырдина, который на обоих заседаниях выступал скорее в роли посредника, нежели обвиняемого, а именно в «молодых реформаторов». Одновременно прокуратура энергично и споро готовила «книжное дело» (по поводу выплаты А.Чубайсу и четырём его сподвижникам гонораров за написанную книгу), щедро снабжая информацией как думский комитет по безопасности, так и подконтрольные Б.Березовскому и В.Гу-

синскому федеральные телеканалы. Дело получилось что надо и стоило четырём его фигурантам правительственных должностей, а самому Чубайсу – поста министра финансов (20 ноября на его место был назначен председатель бюджетного комитета Госдумы М.Задорнов). В итоге политический вес «молодых реформаторов» упал до нуля, а плоды их полугодовой деятельности пошли прахом.

В частности, Минфин вынужден был пойти на уступки по бюджету-1998. Доработанный трёхсторонней комиссией проект предусматривал увеличение доходов до 367,5 млрд руб., а расходов – до 499,9 млрд⁷⁰⁶. Лидер «Яблока» Г.Явлинский расценил добавление в расходную часть «27 триллионов рублей необеспеченных денег» как результат сделки между правительством и левой оппозицией: «В бюджет введены статьи, ...по которым, если говорить без обиняков, в основном деньги разворовываются или исчезают. Это статьи, связанные с так называемым финансированием сельского хозяйства и с завозами в различные районы страны. ...В предыдущем варианте бюджета этих статей не было, теперь они появляются. И понятно, что Думе будет дано на распределение 27 триллионов рублей, для того чтобы Дума, иначе говоря различные фракции, за эти 27 триллионов рублей проголосовала за бюджет»⁷⁰⁷. Возразить на это по существу было нечего – оправдываясь, представитель «Народовластия» заявил, что в «пресловутые 27 с лишним миллиардов [деноминированных] рублей прибавки» никто всерьёз и не верит⁷⁰⁸. Однако «яблочникам» вернули «должок», когда один из них, А.Арбатов, внёс поправку о выделении на нужды обороны 3,5% ВВП вместо предусмотренных 2,95%. Аграрий Г.Кулик выразил возмущение: «Фракция “Яблоко” четыре года не голосует за бюджет, протаскивает все свои поправки, докладывает избирателям, как они активно работают, выполняя их поручения. Аналогичная поправка вносится комитетом по обороне», призвав не голосовать за предложение А.Арбатова, и Дума с ним солидаризовалась: за «яблочную» поправку было отдано всего 105 «голосов». Но такую же поправку, внесённую коммунистом М.Сурковым, парламентарии поддержали 328 голосами⁷⁰⁹.

Несмотря на то что за отклонение бюджета высказались коммунисты и большая часть «Народовластия», а АДГ согласилась поддержать его только в случае одобрения предложенных аграриями поправок, Дума всё-таки приняла проект в первом чтении (231 «за», 136 «против», 6 воздержавшихся)⁷¹⁰, причём среди голосовавших «за» было 29 коммунистов, 9 членов «Народовластия» и 23 агрария⁷¹¹ (почти две трети группы – хотя поправки АДГ даже не рассматрива-

лись). Как-никак Б.Ельцин пошёл на уступки и к тому же почтил личным визитом пленарное заседание Госдумы (впервые, кстати, в истории палаты), а под конец обещал подписать конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», уже несколько лет курсировавший между Думой, Советом Федерации и президентской канцелярией⁷¹².

В феврале 1998 г., когда выяснилось, что последствия азиатского финансового кризиса (осень 1997 г.) делают невыполнимым и этот бюджет, правительство попыталось забрать назад «дополнительные» 27 млрд руб., точнее оговорить их выделение получением надлежащих доходов⁷¹³, однако было уже поздно: что упало, то пропало. Дума ограничилась тем, что не стала рассматривать большинство перенесённых из третьего в четвёртое чтение поправок, касающихся конкретных расходных статей⁷¹⁴.

Ещё более грустным был итог второй попытки президента переломить ситуацию (март 1998 г.) – путём отставки В.Черномырдина и замены его «молодым технократом» С.Кириенко. Экономическое положение к тому времени существенно ухудшилось: на внутренние трудности наложились внешние, связанные с азиатским финансовым кризисом, в т.ч. резкое падение цен на энергоносители, составлявшие главную статью российского экспорта⁷¹⁵. В таких обстоятельствах требовались чрезвычайные меры, однако экстравагантное решение Б.Ельцина не только не создавало предпосылок для их осуществления, но более того – расшатывало основы политической системы. Отправив в отставку В.Черномырдина, Б.Ельцин лишил «партию власти» консолидирующего центра и окончательно разорвал негласное соглашение между двумя отрядами чиновничества в целом и левой оппозицией и правительством в частности. В результате произошла перегруппировка сил, и теперь правительству С.Кириенко противостояли практически все фракции парламента, сам кабинет опирался только на Б.Ельцина, который, в свою очередь, не мог опереться ни на кого.

На первом же заседании после отставки В.Черномырдина Госдума приняла постановление, в котором выразила неудовольствие намерением президента сформировать новое правительство «без предварительного обсуждения с депутатскими объединениями Государственной Думы, членами Совета Федерации, другими постоянными участниками согласительных процедур» и предложила Б.Ельцину провести консультации по данному вопросу⁷¹⁶. За постановление проголосовали 322 человека⁷¹⁷ – все депутатские объединения, кроме ЛДПР⁷¹⁸,

чей лидер призвал дать президенту карт-бланш, с тем чтобы максимально ослабить его и при этом не подарить повода для роспуска Думы («Пусть он отвечает за всё: его слабый премьер-министр, его слабые министры. ...И никакого роспуска Госдумы! Мы не должны эти козыри ему давать!»)⁷¹⁹.

Б.Ельцин пошёл депутатам навстречу и провёл с ними консультации, однако своего решения не изменил – 10 апреля кандидатура С.Кириенко была представлена на утверждение нижней палаты. В его поддержку высказалась только фракция НДР, да и в той, по словам её председателя А.Шохина, часть депутатов «зарезервировала свою позицию», не услышав от претендента ответов на многие вопросы⁷²⁰. В «Российских регионах» было принято решение о свободном голосовании⁷²¹. Остальные депутатские объединения выступили категорически против кандидатуры С.Кириенко. Г.Зюганов заявил, что коммунисты вообще не будут голосовать, так как не обнаружили в докладе кандидата программы выхода из кризиса, которая должна предусматривать повышение роли государства и восстановление народного хозяйства («Под эту программу можно было бы найти дееспособного премьера, сформировать команду, отработать вместе с фракциями и депутатами национальную программу вывода страны из кризиса»⁷²²). Лидера КПРФ поддержали союзники – руководитель аграриев Н.Харитонов («При наличии такой программы, мы считаем, окончательно прояснится и кадровый вопрос: кому быть во главе и в составе нового правительства. ...Не имея ничего лично против Сергея Владиленовича, мы, однако, не видим его в должности премьер-министра»⁷²³) и руководитель «Народовластия» Н.Рыжков, отметивший отсутствие у претендента навыков управления государством («Учиться этому главе правительства сейчас не самое подходящее время. ...Председателем правительства должен стать хорошо известный народу, авторитетный человек»⁷²⁴). Аналогичное замечание высказал и В.Жириновский, посоветовавший С.Кириенко начать политическую карьеру «с главы администрации, с мэра города, с губернатора, с лидера партии, с лидера крупной фракции в парламенте, с министра, вице-премьера» («Нельзя мальчика из первого класса [выдвигать] в академики, нельзя сержанта – в маршалы»)⁷²⁵. Наконец, Г.Явлинский заявил, что «Яблоко» не находит причин для поддержки правительства, поскольку убеждено, что формирование последнего «не приведёт к стабильности, ... к усилению ...Российского государства и российской власти в целом»⁷²⁶. По итогам тайного голосования кандидатуру С.Кириенко поддержало всего 143 депутата (186 «против» и 5 воздержавшихся)⁷²⁷.

После того как Б.Ельцин повторно внёс ту же кандидатуру, оппозиция встревожилась и всколыхнулась. По настоянию КПРФ, АДГ и «Яблока» в регламент Госдумы была внесена норма, разрешающая открытое голосование при утверждении председателя правительства⁷²⁸ – благодаря этому руководство фракций получало инструмент контроля над «неуверенными» коллегами. Кроме того, в Конституционный суд было направлено обращение с просьбой разъяснить, может ли президент представлять кандидатуру премьера, однажды уже отвергнутую Госдумой⁷²⁹. 17 апреля голосование по утверждению С.Кириенко проводилось открыто и принесло ещё менее утешительные для претендента результаты – 115 «за», 271 «против», 11 воздержавшихся⁷³⁰. Однако на самом деле сплочённость противников и.о.премьер-министра начала трескаться. Большинство представителей «Российских регионов» сочло допустимым «в нынешней критической ситуации» согласиться с кандидатурой С.Кириенко. Как заявил представитель РР О.Морозов, «не потому, что этот выбор для нас безусловен, а потому, что иного выбора сегодня нет»: «Проявляя псевдопринципиальность, мы добьёмся только одного – роспуска Государственной Думы и назначения главой российского правительства именно той кандидатуры, на которой настаивает президент»⁷³¹. А В.Жириновский недвусмысленно намекнул, что у его фракции «принципиальности» хватит лишь до третьего голосования⁷³².

Когда же президент дал понять, что не отступит от задуманного, и в тот же день, 17 апреля, в третий раз внёс кандидатуру С.Кириенко, парламентариям стало ясно, что надо либо проявлять стоворчивость, либо прощаться с думскими кабинетами. И если руководство КПРФ и «яблочники» подтвердили свою прежнюю позицию⁷³³, то некоторые союзники коммунистов и даже кое-кто из членов их собственной фракции дрогнули. Так, на V Консультативном совещании руководителей общероссийских партий, движений, организаций левой, левоцентристской и народно-патриотической ориентации, творческих и профессиональных союзов Н.Рыжков выступил за «сохранение» Госдумы, аргументируя это, в частности, тем, что действующая Дума ни за что не ратифицирует договор СНВ-2, тогда как следующая сделает это обязательно⁷³⁴ (как в воду глядел). С ним согласились члены фракции КПРФ Л.Швец и А.Подберёзкин⁷³⁵.

24 апреля о поддержке кандидатуры С.Кириенко заявила фракция ЛДПР (по словам В.Жириновского, «народ хочет спокойствия, [все] устали от потрясений»⁷³⁶); Н.Харитонов сообщил, что каждый аграрий будет голосовать по своему усмотрению, «сообразуясь с мне-

нием своих избирателей»⁷³⁷, а Н.Рыжков повторил сказанное ранее: «...Надо, чтобы Государственная Дума сохранилась. Мы ...понимаем, что в нас будет брошено, скажут: предатели, вы там соглашатели и так далее. Я думаю, что сегодня надо иметь больше мужества для того, чтобы защитить эту позицию, чем отдавать вот так Думу»⁷³⁸ (его точку зрения, правда, разделяли не все представители «Народовластия»; накануне, 22 апреля, С.Бабурин проинформировал, что депутаты-члены РОС решили не голосовать за Кириенко⁷³⁹). В ходе обсуждения способа голосования сопредседатель «Народовластия» С.Говорухин произнёс речь против «лагерных порядков и единомыслия в Думе», потребовав защитить рядовых оппозиционеров от «диктата вождей»⁷⁴⁰ – то есть высказался за тайное голосование. На этот раз предложение коммунистов и «яблочников» провести открытое поимённое голосование поддержало всего 188 депутатов (188 «против» и 4 воздержавшихся)⁷⁴¹; против голосовали в т.ч. 7 коммунистов и 2 «яблочника»⁷⁴². По итогам подсчёта бюллетеней выяснилось, что С.Кириенко утверждён 251 голосом⁷⁴³ и что решение пленума ЦК КПРФ о солидарном голосовании против предложенной Ельциным кандидатуры, как вычислили «яблочники», выполнило не более чем 69 членов коммунистической фракции⁷⁴⁴. Компартия отвергла эти «спекуляции»⁷⁴⁵, но представительница её думской фракции В.Савчук простодушно призналась: «После пленума ЦК мы встретились с разными фракциями и просчитали до голоса, кто как должен голосовать. И дружественные нам фракции, и даже некоторые непримиримые независимые депутаты нас поддержали, понимая, что члены КПРФ должны голосовать против, поэтому они взяли поддержку Кириенко на себя»⁷⁴⁶.

Итак, Б.Ельцин «продал» своего протеже, но эта победа была сродни поражению. Как совершенно справедливо отметил А.Шохин, «стране нужен председатель правительства, поддержанный Государственной Думой, а не председатель правительства, назначенный вопреки мнению Государственной Думы, назначенный под угрозой роспуска Государственной Думы и под угрозой досрочных выборов; ...утверждённый таким образом председатель правительства и само правительство будут обречены на ситуацию подвешенности»⁷⁴⁷. И правда: ведь целью президента было не навязать парламенту своего кандидата, а выполнить задачу, которая перед этим кандидатом ставилась, – предотвратить надвигающийся крах финансовой системы. А здесь дела обстояли из рук вон плохо. Как признавал сам С.Кириенко, к лету затраты на обслуживание госдолга достигли 36% при

запланированных в бюджете 25%, причём большая часть внутреннего долга носила краткосрочный характер: в месяц было необходимо гасить 31–32 млрд руб., т.е. на 50% больше, чем собиралось доходов⁷⁴⁸.

Работа над антикризисной программой шла через пень-колоду, вынесение её на обсуждение Госдумы раз за разом откладывалось. Правительство буквально скребло по сусекам, изыскивая новые источники доходов, однако без толку. Наконец 1 июля депутатам был представлен документ под названием «программа стабилизации экономики и финансов». Ничего экстраординарного там не было: предлагалось, в частности, ввести налог с продаж и налог на вменённый доход для малого бизнеса, установить единую ставку НДС по всем видам товаров и исчислять этот налог по отгрузке продукции, сократить количество льгот и вычетов при расчёте базы подоходного налога, отменить льготы по дивидендам и ограничить льготы для закрытых административно-территориальных образований, ввести госмонополию на лотерею, повысить земельный налог (в первую очередь на земли, используемые не по назначению) и пр.⁷⁴⁹ Трудно было ожидать от оскорблённой Думы, что она вдруг окажется снисходительной к новому премьеру. Депутаты единодушно приговорили, что никакой программы, собственно, нет, а есть набор спешных, но неравноценных предложений – «разумных и очень сомнительных», по словам Г.Явлинского⁷⁵⁰. В целом возобладала позиция, выраженная лидером «Яблока», – «будем конкретно работать над каждым законом»⁷⁵¹.

Взятые в «конкретную работу» законопроекты были меньшей частью приняты, хотя бы в первом чтении (например, о едином налоге на вменённый доход⁷⁵²), а большей – отклонены (об исчислении НДС по отгрузке⁷⁵³, о сокращении количества льгот и вычетов по подоходному налогу⁷⁵⁴, о принципиальной возможности введения налога с продаж⁷⁵⁵, о повышении ставки земельного налога⁷⁵⁶ и пр.). Как отметил С.Кириенко, подводя итоги этой деятельности, от предусмотренных 102 млрд руб. дополнительных доходов «корректировка» антикризисных законов оставила только 28,2 млрд⁷⁵⁷. Констатировал: «Мы не сможем на этом остановиться и вынуждены будем дальнейшие решения предпринимать сами», он обещал некоторые из не пропущенных депутатами мер ввести в обход парламента – указами президента либо постановлениями правительства⁷⁵⁸. Обещание он выполнил – в частности, президентскими указами были индексированы ставки земельного налога и установлен новый порядок уплаты НДС (по отгрузке), в связи с чем Дума впоследствии даже пожаловалась в Конституционный суд на нарушение механиз-

ма регулирования налоговой системы⁷⁵⁹. К сожалению, все эти шаги были как минимум запоздалыми. Деньги надо было ещё собрать, причём срочно, чтобы нормализовать ситуацию на финансовых рынках и вернуть стоимость обслуживания госдолга к приемлемому уровню.

Тем временем накалялась и политическая обстановка. Ещё в мае Г.Зюганов объявил, что КПРФ совместно с союзниками намерена инициировать импичмент Б.Ельцина⁷⁶⁰. Тогда же по всей стране прокатились акции шахтёров – последние протестовали против роста задолженности по зарплате, выступали за отставку правительства и президента и не останавливались перед блокадой железнодорожных и автомобильных магистралей. 15 и 20 мая эти акции стали предметом обсуждения в Государственной Думе⁷⁶¹. К середине лета протестные мероприятия сделали повсеместным явлением, даже возле Дома правительства обосновался бессрочный шахтёрский пикет, участники которого требовали отставки президента, проведения досрочных выборов и внесения в Конституцию РФ поправок, меняющих порядок назначения правительства⁷⁶². База поддержки правительства – и без того невеликая – сжалась до критического размера.

7.3.6. Августовский кризис 1998 г.

Создание «правительства думского большинства»

В середине августа правительство С.Кириенко, исчерпав возможности займов как на внешнем, так и на внутреннем рынке, оказалось перед выбором: либо продолжать выплаты по ГКО (около 35 млрд руб. в месяц, при доходах бюджета в 23–24 млрд), либо выполнять обязательства перед собственными гражданами⁷⁶³. 17 августа 1998 г. было принято печально знаменитое решение об отказе от выплат по ГКО и о реструктуризации государственного долга, а также о 90-дневном моратории на возврат кредитов российскими банками банкам зарубежным (во избежание обрушения банковской системы) и резком расширении валютного коридора, фактически – о введении плавающего курса рубля⁷⁶⁴. Оставив споры о целесообразности этих мер экономистам, констатируем одно: приняв данные решения, правительство С.Кириенко, по сути, признало, что не справилось с задачей, возложенной на него Б.Ельциным. Это было поражение не только кабинета, но и президента.

Исполнительная власть провалилась в глубочайшую политическую изоляцию: на внеочередном пленарном заседании Госдумы (21 августа) голос в защиту правительства С.Кириенко подала лишь небольшая группа независимых депутатов либеральной ориентации

во главе с Г.Старовойтовой⁷⁶⁵. Даже лидер фракции НДР А.Шохин, подвергнув острой критике принятые 17 августа решения, призвал С.Кириенко и председателя Центробанка С.Дубинина добровольно уйти в отставку, а президента – провести «широкие политические консультации с целью формирования высокопрофессионального правительства, пользующегося поддержкой Федерального Собрания, регионов, ...инвесторов и населения»⁷⁶⁶. Левая оппозиция требовала отставки не только кабинета, но и президента⁷⁶⁷, а призывы сформировать «правительство думского большинства» (О.Морозов)⁷⁶⁸ раздавались со всех сторон.

В этих условиях Б.Ельцин предпринял едва ли не худший из возможных шагов: отправив в отставку правительство С.Кириенко, он представил на утверждение премьер-министром старого знакомого – В.Черномырдина. Прямым экономическим следствием этого кульбита был стремительный обвал курса рубля и столь же стремительный взлёт цен, с политической же точки зрения президент расписался в полном своём бессилии. Тем самым он признал ошибочность мартовской смены кабинета, и более того – он показал, что растерян и не знает пути выхода из тупика. Ведь он потому и убрал Черномырдина из правительства, что окончательно убедился в его неспособности исправить ситуацию. «Новый старый» премьер мог предлагать какую угодно программу, дело было не в программе, а в базе поддержки. Как справедливо заметил лидер «Российских регионов» О.Морозов, в условиях кризиса позволить себе непопулярные меры может «либо диктатор, либо популярное правительство»⁷⁶⁹ – В.Черномырдин не вписывался ни в ту, ни в другую категорию.

31 августа в ходе обсуждения в Думе внесённой президентом кандидатуры даже А.Шохин рекомендовал исполнительной власти отказаться от «схемы принуждения к согласию» и через «открытые, гласные, публичные консультации» прийти к согласию с Госдумой относительно политики нового кабинета и его персонального состава⁷⁷⁰. Коммунисты (Г.Зюганов), «яблочники» (Г.Явлинский), аграрии (Н.Харитонов) и «народовластники» (Н.Рыжков) выразили В.Черномырдину категорическое недоверие, а «росрегионалы» (О.Морозов) предложили «не позориться» и, не доводя до голосования, призвать президента продолжить консультации в рамках созданной накануне «четырёхсторонней рабочей группы» (Госдума, Совет Федерации, правительство и президент), а по их итогам «совершить процедуру перенесения кандидатуры»⁷⁷¹. Короче говоря, В.Чер-

номырдин не прошёл – за него проголосовало всего 94 депутата (в т.ч. 63 от НДР и 24 от РР)⁷⁷², при 251 «против»⁷⁷³.

Президент ответил повторным внесением в Госдуму его кандидатуры. Однако на пленарном заседании 7 сентября дал слабину только В.Жириновский, попытавшийся уверить парламентариев, что они плохо понимают Конституцию и президента: «Он принял одно решение. Мы не можем повлиять на это решение, что бы вы здесь ни делали»⁷⁷⁴. КПРФ, АДГ, «Народовластие» и «Яблоко» стояли как скала. Во второй раз В.Черномырдин получил 138 голосов (в т.ч. 64 от НДР, 48 от ЛДПР и 14 от РР)⁷⁷⁵ – при 273 «против» и 1 воздержавшемся⁷⁷⁶.

Казалось бы, воспроизводится тот же сюжет, что и в апреле, когда Б.Ельцин настоял на своём. Но теперь обстоятельства совершенно переменялись: досрочные парламентские выборы были максимально нежелательны для президента и максимально выгодны для оппозиции. Уступить пришлось Б.Ельцину. Проведя консультации с представителями Госдумы и Совета Федерации, он внёс на утверждение нижней палаты кандидатуру министра иностранных дел Е.Примакова, предложенную Г.Явлинским в качестве компромиссного варианта ещё 7 сентября, – как человека, который «не принадлежит ни к одной партии», «имеет достаточный политический авторитет, чтобы к нему прислушивались силовые структуры», «известен во всём мире», «не собирается баллотироваться в президенты» и «за которого можно проголосовать в Думе с первого раза»⁷⁷⁷. На пленарном заседании этому предложению воспротивились только В.Жириновский («Это правительство красного “Яблока”. ...Единственной оппозиционной сегодня остаётся фракция ЛДПР») и К.Боровой, представлявший малочисленную группу независимых депутатов-либералов⁷⁷⁸. Остальные, включая НДР (А.Шохин назвал Е.Примакова «фигурой политического согласия»), дружно выступили «за». Кандидатура министра иностранных дел была поддержана 315 голосами – при 63 «против» (49 жириновцев, 8 независимых, 3 членов «Народовластия» и по 1 от КПРФ и «Российских регионов»)⁷⁷⁹ и 15 воздержавшихся⁷⁸⁰.

Это событие вполне можно считать эпохальным. Действительно, в кои-то веки Госдума и представленные в ней партии смогли покинуть периферию политического процесса и выйти на самую что ни на есть стремнину. В России впервые появилось правительство парламентского большинства. В нём были представлены и КПРФ (первый вице-премьер Ю.Маслюков), и АДГ (вице-премьер Г.Кулик), и ЛДПР (вице-премьер С.Калашников), и «Яблоко» (министр фи-

нансов М.Задорнов, исключённый, правда, из объединения ещё в ноябре 1997 г. – за то, что пошёл работать в правительство В.Черномырдина⁷⁸¹); несколько недель вице-премьером пробыл и лидер фракции НДР А.Шохин, вскоре взявший отставку в знак протеста против «переназначения» М.Задорнова⁷⁸², зато другой представитель «Нашего дома» – Г.Боос – возглавил Госналогслужбу.

Отход от периферийной системы был обусловлен чрезвычайной ситуацией, резко ослабившей политические позиции президента, и, как всё чрезвычайное, носил кратковременный характер. Тем не менее даже это локальное отклонение принесло благие плоды. Необходимость отвечать за деятельность правительства заставила левую оппозицию отбросить популистские лозунги и хотя бы на период острой фазы кризиса согласиться на непопулярные меры.

В декабре Дума приняла в первом чтении блок налоговых законопроектов, предусматривающих, в частности, снижение налогов на прибыль и на добавленную стоимость⁷⁸³, повышение акцизов на алкогольные напитки и налога на имущество физических лиц⁷⁸⁴, расширение сферы действия единого налога на вменённый доход⁷⁸⁵, закрытие «налоговых дыр» для предприятий, зарегистрированных в закрытых административно-территориальных образованиях⁷⁸⁶, и пр. Эти нововведения более равномерно распределяли налоговое бремя между различными секторами экономики и, соответственно, ущемляли интересы многих лоббистов, однако заклинания касательно того, что, например, отмена льгот для ЗАТО «разрушает ядерно-оружейный комплекс» (С.Сулакшин)⁷⁸⁷, потеряли свою магическую силу – законы принимались один за другим.

24 декабря на обсуждение Госдумы был внесён проект бюджета на 1999 г. – впервые с первичным профицитом (без учёта средств, выделяемых на обслуживание государственного долга), причём небольшим – около 70 млрд руб., или 1,7% ВВП⁷⁸⁸. Коммунисты и их союзники, хотя и заявили, что бюджет «плохой» (Г.Зюганов: «На нём большой налёт монетаризма и предшествующей политики»; Н.Харитонов: «Это, безусловно, самый плохой бюджет за последние 10 лет»; Н.Рыжков: «Если рассматривать его по классической схеме, мы должны его отклонить. Он не решает основных экономических и социальных проблем. ...Это не бюджет развития, ...это не бюджет стабилизации, ...это бюджет выживания»), тем не менее хором высказались за его принятие в первом чтении⁷⁸⁹. Отказалось голосовать за бюджет только «Яблоко», лидер которого, признав определённые достоинства документа – прежде всего бездефицитность и большую

прозрачность, вместе с тем по традиции упрекнул его разработчиков в том, что они заложили «совершенно нереальные цифры»: «Нельзя принимать законы, которые никогда не будут исполнены... Не надо принимать ...никаких липовых решений. Надо сделать настоящий бюджет»⁷⁹⁰. В реалистичности заложенных цифр усомнились также А.Шохин («Ни у кого из сидящих в этом зале нет абсолютно никакой уверенности, что инфляция в следующем году будет на уровне 30%, ...что обменный курс рубля будет 21,5 за доллар») и О.Морозов («Правительство фактически берёт на себя повышенные обязательства»), но они всё же обещали бюджету поддержку НДР и «Российских регионов», оговорив её, правда, рядом условий – как, впрочем, и все прочие депутатские объединения⁷⁹¹. В итоге бюджет был поддержан в первом чтении рекордными числом голосов – 303-мя⁷⁹²; из 65 депутатов, проголосовавших против, более двух третей составили «яблочники»⁷⁹³. При таком же соотношении сил бюджет был утверждён во втором (19 января), третьем (29 января) и четвёртом чтениях (5 февраля)⁷⁹⁴. Голосование по конкретным поправкам проходило достаточно согласованно: по большинству из них депутаты разделяли позицию бюджетного комитета и правительства.

7.3.7. Попытка импичмента.

Конец «правительства думского большинства»

Поддерживая ответственную экономическую политику, оппозиция чувствовала себя не очень уютно. Её представители прекрасно понимали, насколько эта политика расходится с обещаниями, которые они привыкли давать избирателям: «...Этот бюджет народ не встретит аплодисментами. ...Люди ещё раз почувствуют, что они стали жить хуже, нежели они жили даже в последнее время» (Н.Рыжков)⁷⁹⁵. Так что левой оппозиции не было особого резона дожить вырванным у президента правом формировать правительство (и отвечать за непопулярные шаги). В преддверии новых парламентских выборов она предпочла зарабатывать очки, атакуя Б.Ельцина.

На эти цели работала созданная ещё в июне 1998 г. комиссия по импичменту президента (точное название – «Специальная комиссия ГД по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента РФ»), в которую вошли 15 человек – 3 депутата от фракции КПрФ и по 2 от остальных депутатских объединений; возглавлял комиссию коммунист В.Филимонов⁷⁹⁶. В феврале 1999 г.⁷⁹⁷ комиссия передала в Совет Госдумы материалы, в соответствии с которыми Б.Ельцин был при-

знан виновным в совершении уголовных преступлений по пяти пунктам: 1) разрушение СССР и ослабление РФ путём «подготовки, заключения и реализации Беловежских соглашений» (государственная измена); 2) совершение государственного переворота в сентябре 1993 года (заговор с целью захвата власти; превышение власти или служебных полномочий, сопряжённое с насилием; умышленное убийство); 3) развязывание военных действий на территории Чечни (превышение власти, сопряжённое с насилием и применением оружия); 4) ослабление обороноспособности и безопасности РФ (злоупотребление должностными полномочиями); 5) геноцид российского народа⁷⁹⁸.

Первый, четвёртый и пятый пункт обвинений являли собой типичный образец популистской демагогии, основанной на принципе «объективного вменения», памятного нашей стране по репрессиям сталинской эпохи (и уж кому здесь стоило помолчать, так это коммунистам – особенно насчёт обвинений в геноциде). Со вторым и третьим пунктами было сложнее. Ввод в Чечню федеральных войск нельзя назвать удачным политическим решением, но с юридической точки зрения Б.Ельцин ничего не нарушил, и если те же самые коммунисты считали этот шаг неправильным, им следовало бы в декабре 1994 г. присоединиться к протестам либералов.

Наконец, то, что совершил Б.Ельцин в сентябре 1993 г., и впрямь можно признать государственным переворотом – и такое обвинение обязательно было бы ему предъявлено, но только в том случае, если бы победил не он, а его противники. Существовавшая на тот момент государственная система носила переходный характер, обусловленный, как отмечал представитель президента в Госдуме А.Котенков, «половинчатостью конституционной реформы 1990–1991 годов, когда в Конституцию были вмонтированы элементы механизма разделения властей и введена должность президента при сохранении неограниченного статуса Съезда народных депутатов как высшего органа государственной власти, имеющего право принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесённый к ведению РСФСР»⁷⁹⁹. Юридически безупречный выход из кризисной ситуации, когда каждая из противоборствующих сторон отстаивала свой путь трансформации государственного строя, если и был возможен, то лишь при обоюдной готовности к компромиссу. Но единственный реальный вариант такого выхода – одновременные президентские и парламентские выборы – был отвергнут IX Съездом (март 1993 г.), после чего спор о путях конституционной реформы окончательно перешёл в по-

литическую плоскость и в конце концов решился в лобовом столкновении. Победу одной из сторон закрепила принятая 12 декабря 1993 г. Конституция, и апеллировать к последней в расчёте на признание действий Б.Ельцина незаконными было по меньшей мере наивно.

Инициаторы обвинения наивными не были (особенно если учесть наличие в их рядах юристов, которых даже политические оппоненты признавали «очень толковыми»⁸⁰⁰) и не могли не понимать, что в последующих инстанциях «дело» развалится. Но они и не рассчитывали на доведение его до конца. В стране вовсю шла подготовка к предстоящим в декабре парламентским выборам, и обсуждение ельцинских «преступлений» должно было стать одним из предвыборных аттракционов.

Однако шоу под названием «импичмент» имело политическую цену – за удовольствие пришлось бы заплатить отставкой «правительства думского большинства». Осознавал это и Е.Примаков. Ещё в январе он предложил Думе заключить между Федеральным Собранием, президентом и правительством «пакт о ненападении», по условиям которого каждая из сторон взяла бы обязательство «временно не использовать часть своих конституционных прав»: президент – право на роспуск Госдумы и отставку правительства; правительство – право ставить перед парламентом вопрос о доверии себе; Дума – право на импичмент и пр.⁸⁰¹

Оппозиция восприняла инициативу Е.Примакова более чем прохладно. Коммунисты назвали «совершенно неприемлемыми» как предложение приостановить процедуру импичмента, так и в целом возможность «своего рода перемирия» на период избирательной кампании. Как заявил первый заместитель председателя ЦК КПРФ В.Купцов, «та предвыборная борьба, которая развернётся в ходе этой кампании, предусматривает, что соперники будут давать политическую оценку действиям и президента, и правительства»⁸⁰². «Политическим недоразумением» назвал предложение Е.Примакова и лидер «Яблока» Г.Явлинский, истолковавший его как призыв «вы нас не трогайте, и мы вас не будем трогать»⁸⁰³.

Тем не менее формально идея премьер-министра отвергнута не была. Депутаты создали рабочую группу, которая рассмотрела и вынесла на утверждение нижней палаты проект заявления президента, Совета Федерации и Госдумы «Об укреплении гражданского мира и политической стабильности в стране». Проект был существенно скорректирован: в частности, президент соглашался создать совместную группу по разработке поправок к Конституции, предусматриваю-

щих формирование правительства по итогам парламентских выборов⁸⁰⁴. Но и в таком виде документ поддержало только 138 депутатов⁸⁰⁵ – в основном от НДР (53 человека), ЛДПР (45) и «Российских регионов» (33)⁸⁰⁶. Остальные назвали его не выдерживающим никакой критики. Коммунист И.Никитчук подчеркнул: «Есть законы, есть Конституция, и они должны выполняться»; С.Бабурин («Народовластие») квалифицировал проект заявления как «парад лицемерия на тему о гражданском мире и согласии»; «яблочница» Е.Мизулина резюмировала: «Путь к согласию – не в заключении соглашений между ветвями власти, а в восстановлении доверия между российскими гражданами и властью в целом»⁸⁰⁷. В свою очередь лидер РР О.Морозов, выступавший с докладом по этому вопросу, в сердцах «поздравил» своих левых коллег: «Сегодня вы очень активно придвинули дело к скорой отставке Евгения Максимовича Примакова»⁸⁰⁸.

И отставка не задержалась. 12 мая, за день до начала обсуждения в Госдуме предъявленных президенту обвинений, Б.Ельцин освободил Е.Примакова от должности и внёс на рассмотрение нижней палаты кандидатуру первого вице-преьера С.Степашина. Парламентарии ответили заявлением «О правительственном кризисе в России» (его не подписали только представители НДР и ЛДПР), в котором осудили решение президента и предложили ему уйти в отставку самому⁸⁰⁹. Вместе с тем было видно, что это событие не явилось для них сюрпризом – наоборот, они его ждали. Весьма показательно, что депутаты не сочли нужным хоть на немного отложить рассмотрение в Думе предъявленных президенту обвинений, настолько незначительным эпизодом была для них отставка «своего» премьера; но главное – очень уж не терпелось приступить к давно предвкушаемому действию.

Шоу удалось на славу. В течение трёх дней, с 13 по 15 мая, депутаты смаковали любовно изготовленное блюдо – не выступил только ленивый. За признание Б.Ельцина виновным по всем пяти пунктам выступили, естественно, коммунисты, аграрии и «Народовластие»; НДР и ЛДПР обещали голосовать против всех обвинений⁸¹⁰. «Яблочники» поддержали «чеченский» пункт⁸¹¹, а один из них, С.Попов, также первый и второй⁸¹². Наконец, в «Российских регионах» разброшений оказался самым широким: по словам О.Морозова, более половины членов группы поставили подписи под заявлением о начале процедуры импичмента; были в РР депутаты, которые собирались голосовать за все пять пунктов обвинения, были такие, кто не поддержал ни одного, но большинство сошлось на необходимости под-

держат обвинение по Чечне⁸¹³. Именно «чеченский» пункт и получил наибольшее число голосов – 283⁸¹⁴. Впрочем, их всё равно не хватило для продолжения процедуры импичмента (требовалось не менее 300). Другие пункты набрали ещё меньше: первый пункт – 239 «за», второй – 263, четвёртый – 241, пятый – 238⁸¹⁵. Спектакль, именуемый импичментом, завершился, однако его режиссёры имели все основания чувствовать себя удовлетворёнными – в плане предвыборной рекламы своих целей они достигли.

Что касается утверждения нового премьер-министра, то оно прошло на удивление гладко. Перед началом пленарного заседания 19 мая Г.Зюганов объявил, что фракция КПРФ приняла решение о свободном голосовании⁸¹⁶. По его словам, Примаков успел выполнить роль «политического Кутузова», а кто его сменит, неважно – «пока у руля в Кремле сидит человек, который плохо отдаёт себе отчёт в том, что он делает»⁸¹⁷. В ходе заседания о свободном голосовании заявили также «Яблоко», АДГ и «Народовластие», при этом руководители двух последних сообщили, что большинство их соратников одобряют предложенную кандидатуру⁸¹⁸. Лидеры НДР, ЛДПР и «Российских регионов» обещали С.Степашину консолидированную поддержку⁸¹⁹. По итогам открытого голосования кандидатура нового премьер-министра получила 293 голоса «за»⁸²⁰, т.е. немногим меньше, чем в своё время кандидатура Е.Примакова. Причём, вопреки обещаниям, поддержка НДР, ЛДПР и РР не была консолидированной, среди аграриев за Степашина проголосовало меньше половины, а среди «яблочников» и коммунистов – больше⁸²¹.

Таким образом, всё вернулось на круги своя, и партийная система вновь обрела прежние черты безнадёжной периферийности. Лёгкость, с которой Дума пожертвовала «правительством парламентского большинства» ради шоу вокруг импичмента, проистекала не только из предвыборных соображений, но и некоторых фундаментальных особенностей позиции КПРФ. Обвинения в оппортунизме и ревизионизме, адресуемые зюгановцам со стороны радикальных компартий, не были безосновательными: КПРФ действительно следовала принципу, сформулированному Э.Бернштейном: «Движение – всё, цель – ничто». Руководство КПРФ, в отличие от лидеров РКРП, РПК, СК, ВКПБ и пр., и впрямь не особо верило в перспективы коммунистического движения, предпочитая плыть по течению и внимательно наблюдать настроения своего электората. Силу Компартии сообщала социальная инерция, оставшаяся с советских времён. Принцип «движение – всё» особенно актуален, когда цель

не впереди, в будущем, а позади, в прошлом. В этом случае и правда лучше держаться с краю политического процесса, открещиваясь от какой бы то ни было ответственности и тем самым продлевая своё пребывание в русле процесса, пусть и на периферии. Именно это стремление, по сути, и определяло поведение КПРФ.

Когда в августе 1999 г. Б.Ельцин неожиданно отправил С.Степашину в отставку и предложил на его место директора ФСБ В.Путина, парламентарии и подавно не стали делать президенту афронт. Как заметил О.Морозов, депутаты «свой шанс упустили тогда, когда не смогли отстоять правительство Примакова», сейчас же «разменивать Думу на кандидатуру премьера» не просто глупо, но и опасно⁸²². К тому же очередное решение Б.Ельцина выглядело как дежурная судорога в глазах не только его противников, но и сторонников. В частности, лидер фракции НДР В.Рыжков назвал этот шаг «абсурдным, непродуманным, разрушающим государство»⁸²³. В способность В.Путина сделать что-то путное на премьерском поприще не верил, пожалуй, никто, и уж тем более никто не видел в нём серьёзного политического конкурента. НДР и ЛДПР опять объявили о поддержке предложенной президентом кандидатуры⁸²⁴, а прочие – о свободном голосовании⁸²⁵. Откуда же было знать, что на доске появилась мощная фигура, с чьим приходом в развитии партийной системы наступает новый этап – причём совсем иного качества, нежели все (или почти все) предполагали.

Так или иначе, независимо от того, что думала оппозиция по поводу действий президента, играла она всё равно по правилам периферийной системы: государственный курс формируется исполнительной властью, а максимум, чего могут добиться представленные в парламенте силы, – это частичных уступок лоббистского характера. Именно такая картина имела место при утверждении бюджета на 2000 г.

Фактически в утрированном виде повторилась ситуация 1996–1997 г. Правительство внесло в Думу довольно жёсткий проект (доходы – 745 млрд руб., расходы – 803 млрд, дефицит – 58 млрд, первичный профицит – 159 млрд, или 3,18% от ВВП⁸²⁶), который, разумеется, был раскритикован всеми без исключения депутатскими объединениями, отметившими, что это «бюджет обслуживания внешнего долга» (А.Жуков, комитет по бюджету), «антисоциальный» бюджет (Н.Сапожников, КПРФ), «бюджет латания дыр», «бюджет существования» (А.Митрофанов, ЛДПР) и т.п.⁸²⁷ За традиционным исключением ЛДПР и НДР, согласившихся одобрить бюджет в первом чтении, большинство депутатов высказалось за направ-

ление его в согласительную комиссию⁸²⁸. В компромиссном варианте доходная и расходная части увеличились не слишком: первая – до 797,2 млрд руб., вторая – до 855,1 млрд, дефицит остался тем же⁸²⁹. Среди 244 депутатов, голосовавших за принятие бюджета в первом чтении⁸³⁰, было 60 коммунистов, 14 аграриев, 26 представителей «Народовластия» и всего 12 членов «Российских регионов» («яблочники» как обычно не дали ни одного голоса)⁸³¹. Надо полагать, коммунисты и их союзники предоставили свои голоса отнюдь не из дружеского расположения к министру финансов. Причём следует отметить, что поддерживавших бюджет коммунистов, аграриев и «народовластников» от чтения к чтению становилось всё больше. Во втором (5 ноября) их было уже 118 (78 от КПРФ, 17 от АДГ, 23 от «Народовластия»), в третьем (29 ноября) – 149 (103, 18, 28), в четвёртом (3 декабря) – 160 (99, 30, 31)⁸³². И конечно, из предложенных ко второму и третьему чтениям поправок принимались в основном те, авторами которых являлись члены этих трёх объединений.

В общем система пришла в своё привычное состояние, но лишь для того, чтобы до неузнаваемости измениться в начале нового тысячелетия.

Глава 8. От периферийной системы к псевдопартийной (конец 1999 г. – начало 2004-го)

Переход от периферийной системы к псевдопартийной начался тогда, когда у исполнительной власти появились инструменты контроля над парламентом. Во всей полноте этот контроль был установлен спустя год с небольшим после выборов 1999 г. – из-за раскола «партии власти» на две враждующие колонны, ОВР и «Единство»; чтобы примирить их, решить споры и сгладить обиды, требовалось время.

В связи с этим смена одной системы на другую происходила в два этапа:

1. С декабря 1999 г. по весну 2001-го. «Партия власти» остаётся расколотой, и исполнительная власть, взаимодействуя с парламентом, придерживается тактики двойного большинства, отдалённо напоминающей ту, которую правительства П.Столыпина и В.Кокшова практиковали по отношению к дореволюционной Госдуме. Подконтрольные Кремлю объединения – фракция «Единство» и группа «Народный депутат» – блокируются то с коммунистами и аграриями, то с либералами, нащупывая при этом почву для контактов с «недружественными» центристами из ОВР и «Регионов России».

2. С весны 2001 г. до декабря 2003-го. Кремлю наконец удалось преодолеть раскол в рядах «партии власти»: в Госдуме сформировано центристское большинство, а вне парламента «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» слились в «Единую Россию».

Думские выборы 2003 г. увенчали этот процесс. В новом составе нижней палаты «партия власти» получила конституционное большинство и взяла парламент под свой безусловный контроль. Переход к псевдопартийной системе не был бы столь триумфальным, если бы в обществе самым существенным образом не изменилось соотношение доминирующих конфликтов.

8.1. Общественные конфликты на рубеже веков

Социально-политическую атмосферу начала нового столетия продолжали определять претензии бюджетополучателей. Возобновление экономического роста позволило исполнительной власти смягчить проблемы, связанные с невыплатой пенсий и зарплат, недофи-

нансированием социальной сферы и силовых структур и т.п. Однако это не значит, что запросы бюджетополучателей были полностью удовлетворены. Напротив, они только возросли. Если раньше самой горячей мечтой бюджетника было получить с государства положенные по закону деньги, то теперь всё упиралось в сумму выплат, точнее в её мизерный размер.

Менялся и объект претензий. Исполнительная власть, сумевшая оправдать часть возлагавшихся на неё надежд, постепенно перестала играть роль главного козла отпущения. Популярность нового российского президента росла как на дрожжах – очень скоро рейтинг В.Путина превысил 70%. Социально-экономический инфантилизм, порождающий в бюджетополучателе убеждение, что «государство должно заботиться о его благополучии, образовании детей, обеспечивать всем необходимым, ремонтировать дороги и убирать улицы»¹, никуда не исчез, однако всенародная нелюбовь перефокусировалась с верховной власти – не без стараний последней – на узкую группу крупных бизнесменов, максимально выигравших от рыночных преобразований 1990-х, – т.н. олигархов. Они-то и стали для населения главными виновниками низкого уровня жизни. Судя по итогам думских выборов 2003 г., бюджетополучатели отдали предпочтение именно такой интерпретации.

Крупному бизнесу пришлось испытать неприязнь не только бюджетополучателей, но и собственных работников. Времена, когда люди были рады самому факту устройства на работу в частный сектор, остались в 1990-х. Работникам уже было мало, что их зарплата выше, чем на госпредприятиях; поскольку по стандартам жизни среднего класса, на которые они теперь ориентировались, их доходы выглядели более чем скромными. Как писал по схожему поводу В.Петухов, «когда проблема физического выживания ...в принципе решена и отходит на второй план, ...начинает формироваться “новая повестка дня”, возникают новые проблемы и запросы»².

А следовательно, начал приобретать самостоятельное значение конфликт между трудом и капиталом. Конечно, в наши дни он выражен менее ярко, нежели в первой половине XX в. Как отмечают современные исследователи, данный конфликт существует «в латентной форме или в виде сугубо индивидуальных стычек между заведомо неравными противниками, выступающими “в разных весовых категориях»»³. И поэтому выборы стали чуть ли не единственной сферой, в которой работники могли выплеснуть своё недовольство. Этот протест, как указывают исследователи, нередко увеличивал долю го-

лосующих против всех либо поддерживающих экстремистские партии и движения⁴.

Первые признаки активизации конфликта между работодателями и работниками обозначились в октябре 2003 г., когда на выборах мэра г.Норильска – вотчины компании «Норильский никель», подмявшей под себя сначала город, затем Таймырский автономный округ, а потом и весь Красноярский край, – неожиданно победил местный профсоюзный лидер В.Мельников. Да и результаты выборов в Госдуму четвёртого созыва – в частности, сокрушительное поражение либералов – также давали основания подозревать, что антирыночные настроения избирателей во многом обусловлены растущей напряжённостью в отношениях между работодателями и работниками – уж слишком охотно последние отозвались на «антиолигархические» лозунги. В конце концов, распространению и укоренению мнения, что «предпринимательский успех сегодня связан не с трудовыми усилиями и личными достижениями, а с изворотливостью, наличием влиятельных покровителей или с деятельностью, выходящей за рамки закона»⁵, немало поспособствовали сами работодатели, чересчур увлечшиеся экономией на оплате наёмного труда.

Вместе с тем конфликт между трудом и капиталом интенсифицировался не настолько сильно, чтобы привести к возникновению мощной социал-демократической партии или хотя бы к росту влияния т.н. свободных профсоюзов. По словам О.Лейбовича и Н.Шушковой, «отданные на откуп новым хозяевам промышленные рабочие ...не обнаружили способность к классовой самоорганизации в рыночных условиях. Их социальное поведение ...не включает в себя ни техники ориентирования в новых общественных условиях, ни политического, ни даже тред-юнионистского сознания. Они пока не представляют собой общественной силы, с которой должен был бы считаться капитал»⁶.

Была, правда, создана, при участии ряда «свободных» профсоюзов, Российская партия труда, но особых успехов она не добилась. В парламентских выборах РПТ (вернее, одна из её частей) участвовала в составе избирательного блока «Родина», который адресовал свою агитацию не столько наёмным работникам, сколько широким кругам бюджетополучателей.

А вот конфликт «традиционализм–прогрессизм» (между реформистами и антиреформистами) утратил прежнюю остроту. Как отметили исследователи, «лево-правый» раскол («реформа vs. реставрация») отошёл на второй план уже на думских выборах 1999 г.,

а в 2003-м его присутствие в «региональных электоральных полях» сократилось ещё существеннее⁷.

Население испытывало утомление как от реформ, так и от призывов вернуться к дореформенному состоянию – сказала, видимо, психологическая усталость от противопоставления светлого (тёмного) вчера мрачному (туманному) завтра. Избирателю надоело грустить о советском прошлом, равно как и грезить о напоминающем сегодняшний Запад будущем. Он хотел жить здесь и сейчас, причём жить хорошо. Это ему и предложили триумфаторы думских выборов-2003 – «партия власти» и популисты в лице ЛДПР и «Родины».

Надо отдать должное Кремлю – он сумел нащупать конъюнктурную золотую середину между ностальгией по временам застоя и устремлением в реформированное, благополучное грядущее. Компромисс получился достаточно эклектичным – одним из наиболее показательных его воплощений явилось принятие «новой старой» гос-символики: гимн на советскую музыку с переписанными в третий раз словами, дореволюционный государственный флаг и красное знамя вооружённых сил. Однако вполне одобрительная реакция граждан свидетельствовала, что такая эклектика востребована обществом. Социологи в связи с этим заговорили о «неоконсервативной волне», ставшей социокультурной основой для нынешней власти: «Эта волна несёт в себе синтез черт, характерных как для традиционного в России понимания соотношения общества и власти, так и для новых общественных отношений, сформировавшихся за последние десять лет»⁸.

Отысканию компромисса между «традиционалистами» и «прогрессистами» («модернистами») помог тот факт, что первые в общем-то не являются противниками рыночной экономики (хоть и в «малоконкурентном для современных условий варианте») и «при более благоприятном развитии личных обстоятельств» могли бы быть её поборниками⁹, тогда как вторые, как правило и подобно большинству россиян, положительно относятся к «доминированию государственной собственности или, по крайней мере, государственного управления с соответствующей системой государственных гарантий»¹⁰. Этот компромисс нашёл выражение, в частности, в признании подавляющей частью населения принципа смешанной экономики, когда «государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под жёстким контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом»¹¹.

Кроме того, в начале нового века значительно ослабело противостояние между городом и деревней. Если в 1990-х сельский избиратель поддерживал в основном коммунистов, то уже в 1999 г. его симпатии практически поровну поделались между КПРФ и «партией власти», и спустя несколько лет последняя совершенно перетянула к себе данную категорию электората. По мнению Г.Полосова, вытеснение КПРФ из сельской местности объяснялось прежде всего поведением региональных властей: «Сельские начальники просто перестали участвовать в выборах под флагом КПРФ, а с потерей сильных кандидатов представительство партии резко сократилось»¹². Замечание верное, но были и фундаментальные причины. Самая жизнеспособная часть сельского населения худо-бедно приспособилась к изменившимся условиям – по мере того, как адаптировалась к ним определённая часть предприятий АПК. Те же, кто этого не смог, свои надежды связывали всё больше с новым президентом и всё меньше – с возвращением доперестроечных порядков. В итоге, по мнению социологов, главной опорой «партии власти» стала «российская провинция, представляющая малые города, посёлки и сёла, где ранее были сильны протестные настроения»¹³.

Что касается конфликта по линии «консерватизм–либерализм» («монополия–конкуренция», «порядок–свобода»), то и здесь сложился компромисс. Консервативные тенденции преобладали в политике («укрепление вертикали власти»), либеральным досталась экономика (снижение налогового бремени, принятие Земельного, Трудового кодексов и пр.). В целом, однако, был очевиден некоторый перевес в сторону консерватизма, обусловленный наличием в обществе «запроса на сильную, доминирующую в политическом пространстве власть как субъект общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие “растущими” между отдельными экономическими и политическими группировками»¹⁴. Откликом на данный запрос стала консолидация бюрократии, повлёкшая за собой не только «укрепление властной вертикали», но и возрастание административного произвола, усиление коррупционного давления на бизнес и прямое участие начальников разного ранга в коммерческих спорах. Кульминацией этого процесса можно считать «дело “ЮКОСа”», когда правящий чиновничий класс и подконтрольные ему силовые структуры всей своей корпоративной мощью обрушились на непокорного «олигарха». Названные явления подрывали эффект от умеренной либерализации экономического климата.

Наконец, исчезло равновесие в отношениях между центром и периферией. Былой вольнице региональных лидеров пришёл конец; Совет Федерации – их главное оружие в борьбе с центральной властью – был реорганизован, а по сути – стерилизован. Изменение порядка формирования СФ (теперь в нём заседали не главы исполнительной и законодательной власти субъектов Федерации, а постоянные представители региональных администраций и собраний) лишило верхнюю палату роли эдакого вече, в критические моменты выражавшего концентрированную волю региональных элит.

Построение «вертикали власти» подразумевало централизацию государственного управления, урезание прав и полномочий регионов в пользу федерального центра, соответствующее перераспределение финансовых потоков, углубление вмешательства администрации президента в ход региональных и местных выборов и т.п. Следует отметить, что население всё это скорее приветствовало, нежели отвергало, о чём недвусмысленно свидетельствовали итоги избирательного цикла 2003–2004 гг.: избиратели выразили доверие «властной вертикали» в лице В.Путина и находящейся в его тени «Единой России». Лишь в исключительных случаях, когда центр вёл себя слишком уж бесцеремонно, электорат проявлял норы и отвечал на «перегибы» низкой явкой либо высоким уровнем протестного голосования. В более развитые формы протест не выливался, и где меньше всего давал о себе знать – это в сфере партстроительства.

8.2. Партстроительство в начале XXI в.

В 2001 г. вступил в действие закон о политических партиях¹⁵, ужесточивший требования к участникам избирательного процесса. Все общероссийские общественно-политические объединения, желающие принять участие в выборах в Госдуму по пропорциональной системе, должны были пройти перерегистрацию.

Одной из своих главных задач разработчики закона объявили уменьшение числа объединений, претендующих на представительство в федеральном парламенте, – за счёт «маловлиятельных» организаций¹⁶. Действительно, если по закону об общественных объединениях от 1998 г. в думских выборах могло участвовать около 200 организаций, то в выборах 2003 г. – только 44¹⁷. Однако, если сравнивать не эти цифры, а количество участников самих выборов (26 в 1999 г., 23 в 2003-м), придётся констатировать, что уменьшение оказалось незначительным, особенно если принять во внимание «естественную» тенденцию к сокращению претендентов (в 1995 г. их было 43).

Все более-менее заметные партии, прошедшие регистрацию (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Единая Россия», Союз правых сил), были созданы ещё в 1990-х либо являлись преемниками образованных в те годы объединений. Старожилами российской политики можно назвать ещё ряд организаций: Демократическая партия России, Консервативная партия России, Российская партия самоуправления трудящихся, Российская экологическая партия «Зелёные», Республиканская партия России, Народно-республиканская партия России, Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов, Аграрная партия России, Российская объединённая промышленная партия. Участниками выборов-1999 (в прямой либо опосредованной форме, т.е. в составе других избирательных объединений) были также Российская политическая партия мира и единства, партия «Развитие предпринимательства», Российская партия пенсионеров.

Остальные партии относились к следующим основным категориям:

клиентелы – партия «Национально-патриотические силы Российской Федерации» (лидер – Ш.Дзоблаев), Российская партия мира (певец И.Кобзон и бывший президент Ингушетии Р.Аушев), партия «Свобода и народовластие» (бывший мэр Владивостока В.Черепков), Российская партия жизни (председатель Совета Федерации С.Миронов), Партия возрождения России (стикер Госдумы второго и третьего созывов Г.Селезнёв);

клубы единомышленников (в т.ч. сектантского типа) – Концептуальная партия «Единение», Всероссийская политическая партия «За Русь Святую»;

осколки более крупных объединений – партия «Союз людей за образование и науку» (сегмент «Яблока», ушедший из партии вместе с В.Игнатовым), партия «Либеральная Россия» (отколовшаяся от Союза правых сил часть актива «Демвыбора России»); обе – типичные интеллигентские клубы;

искусственные (политтехнологические) проекты – Народная партия Российской Федерации, Общенациональная российская политическая партия «Союз», Объединённая российская партия «Русь», Российская политическая партия «Созидание», Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса, партия «Интернациональная Россия», Партия социальной справедливости, партия «Истинные патриоты России», Гражданская партия России,

Российская конституционно-демократическая партия, Партия российских регионов.

Некоторые из вновь образованных партий являлись гибридами перечисленных типов. Так, *Партия национального возрождения «Народная воля»* представляла собой искусственный проект, сооружённый клубом единомышленников вице-спикера Госдумы второго созыва С.Бабурина;

Народно-патриотическая партия России – искусственный проект и одновременно клуб единомышленников бывшего лидера Русской партии В.Милосердова (с приглашённым в качестве возможного вождя экс-министром обороны И.Родионовым);

«Евразийская партия – Союз патриотов России» – искусственный проект-клиентела (с госсекретарём Союза России и Белоруссии П.Бородиным в роли «патрона»);

Социал-демократическая партия России – клуб единомышленников с явным клиентелистским уклоном (с двумя «патронами» – экс-президентом СССР М.Горбачёвым и самарским губернатором К.Титовым);

Социалистическая единая партия России («Духовное наследие») – гибрид клуба единомышленников и союза клиентел президента «РАУ-корпорации» А.Подберёзкина и спикера Госдумы первого созыва И.Рыбкина (последний вскоре был исключён из числа соучредителей концессии¹⁸, а осенью 2003 г. партия поменяла и второго вождя – на более популярного С.Глазьева¹⁹);

партия «Евразия» – искусственный проект, созданный последователями философа-«геополитика» А.Дугина.

Наконец, как совершенно особый случай можно рассматривать ***Российскую партию труда*** – непрямую партию, созданную в январе 2002 г. рядом профсоюзных объединений (СОЦПРОФ, «Защита труда», «Солидарность»)²⁰, своего рода аналог Лейбористской партии Великобритании. РПТ объявила себя «политическим представителем людей труда, прежде всего работников, объединённых в профсоюзы», и назвала своей главной целью «защиту социальных прав граждан на основе прогрессивного трудового законодательства России, максимальное развитие прав работников средствами этого законодательства»²¹.

Будь помощнее создавшие РПТ профобъединения, влиятельнее была бы и партия. А так она вышла под стать своим создателям – хилой и маргинальной. В ходе думской кампании-2003 партия раскололась на две части, одна из которых (во главе с лидером «Защиты

труда» О.Шейным) присоединилась к избирательному блоку «Родина»²², а другая (во главе с лидером СОЦПРОФа С.Храмовым) – к блоку «Великая Россия – Евразийский союз»²³. Весной 2004 г. сторонники О.Шейна взяли себе новое название – Партия трудовой солидарности²⁴. ПСТ ничем себя не проявила, а в июне 2005 г. О.Шейн вступил в партию «Родина»²⁵. На базе РПТ С.Храмова в апреле 2005 г. была создана партия «Патриоты России», которую возглавил рассорившийся с руководством КПРФ депутат Госдумы Г.Семигин²⁶.

Из дебютантов партийной политики описываемого этапа более пристального внимания заслуживают «Единая Россия» и Союз правых сил. Правда, новичками их можно признать лишь с большой натяжкой: «Единая Россия» явилась очередной реинкарнацией «партии власти», СПС представлял «линию Гайдара» в либеральном движении.

Партия ***«Единая Россия»*** возникла в результате слияния объединений «Отечество», «Вся Россия» и «Единство»; это слияние отозвалось в её первоначальном названии: «Единство и Отечество» – «Единая Россия»²⁷.

Предшественники ЕР, в свою очередь, появлением на свет были обязаны августовскому финансовому кризису 1998 г., прервавшему бытование единой «партии власти». Тогдашняя организационная форма последней, движение «Наш дом – Россия», вроде бы продолжала существовать, но именно как форма: реальное содержание в ней отсутствовало. Политическое влияние куратора НДР – президентской администрации – весьма поубавилось, и «Наш дом» все уже сбросили со счетов. Восстановление «партии власти» началось снизу – силами глав регионов. Осенью 1998 г. московский мэр Ю.Лужков приступил к созданию движения «Отечество» (учредительный съезд – 19 декабря 1998 г.²⁸), в которое едва ли не в массовом порядке стали переходить губернаторы, ранее состоявшие в НДР. Зимой – весной 1999 г. выкристаллизовались и другие центры консолидации регионального начальства – «Голос России» во главе с самарским губернатором К.Титовым (учредительная конференция – 20 апреля 1999 г.²⁹) и «Вся Россия», созданная по инициативе нескольких республиканских президентов – М.Шаймиева (Татарстан), М.Рахимова (Башкортостан), Р.Аушева (Ингушетия) и др. (учредительный съезд – 22 мая 1999 г.³⁰). 28 августа 1999 г. «Отечество» и «Вся Россия» образовали избирательный блок, список которого возглавил экс-премьер Е.Примаков³¹ («Голос России» совершил причудливый манёвр, примкнув к Союзу правых сил³²).

Однако федеральная власть, которую почти никто не считал серьёзным игроком, в самый последний момент неожиданно воспряла и за две недели буквально из ничего сформировала собственную «партию власти» – блок «Межрегиональное движение “Единство”» («Медведь»), учредительный съезд которого прошёл в два этапа – 3 и 7 октября 1999 г.³³ Формальными учредителями блока выступили семь малоизвестных организаций: Народно-патриотическая партия, Российская христианско-демократическая партия, Всероссийский союз поддержки и содействия малому и среднему бизнесу, движения «Моя семья», «Поколение свободы», «В поддержку избирателей» и «Рефах»³⁴. В действительности «Медведь» опирался на поддержку президентской администрации, центральных телеканалов, находящихся под контролем Кремля либо близких к нему «олигархов», и губернаторов ряда дотационных регионов, обделённых «достойным» местом в ОВР, а также на растущую популярность нового премьер-министра В.Путина. Кураторы «Медведя» очень грамотно распорядились этими ресурсами (прежде всего информационными), выжав из них максимум возможного. Конкурентам центральной власти из «Отечества – Всей России» пришлось несладко – в электронных СМИ им была объявлена настоящая война. В итоге при голосовании по партийным спискам «Единство» оставило ОВР далеко позади, получив 23,32% – против 13,33%³⁵.

В Госдуме «медведи» и созданная при активном участии Кремля группа «Народный депутат» заключили альянс с коммунистами, поделив с ними львиную долю постов и лишив ОВР мало-мальски значимых рычагов влияния. Новую «партию власти» поначалу было решено строить на базе «Единства», которое преобразовали сначала в общественно-политическое движение (27 февраля 2000 г.)³⁶, а затем и в партию (27 мая 2000 г.)³⁷. В «Единство» вступили представители не только одноимённой думской фракции и «Народного депутата» (в Политсовет новой партии вошли, в частности, члены НД А.Белюсов, В.Брынцалов, В.Булавинов, В.Пивненко, А.Пузановский, Ю.Тен, В.Шпорт³⁸; в Центральный исполком – Н.Пискун³⁹), но и группы «Регионы России» (Ю.Медведев стал заместителем председателя партии; в Политсовет вошли также В.Мальшев, М.Бугера, А.Пискунов⁴⁰), которая выражала интересы региональных руководителей из «Всей России».

Однако в конце концов возобладал прагматический расчёт: Кремлю было выгоднее иметь в союзниках Ю.Лужкова с его «Отечеством» – чтобы не подвергаться риску потерять на выборах столич-

цу. На смену конфронтации пришли переговоры, завершившиеся формированием в Думе центристского большинства (его руководящим органом стал Координационный совет центристских сил, созданный в апреле 2001 г.⁴¹), а вне парламента – общероссийской общественной организации «Союз “Единства” и “Отечества”» (12 июля 2001 г.)⁴², позже, 1 декабря 2001 г., преобразованной во Всероссийскую политическую партию «“Единство” и “Отечество” – “Единая Россия”» (сокращённо – партия «Единая Россия»)⁴³.

На первых порах партстроительством занимались сами функционеры, но между ними сразу же вспыхнули разногласия, вызванные личными и корпоративными амбициями. Поэтому президентская администрация взяла процесс под свой контроль, на корню пресекая попытки возродить в «партии власти» былую вольницу, характерную, в частности, для «губернаторских» блоков. Поначалу «Единую Россию» возглавляли три сопредседателя, представлявшие главных соучредителей партии, – С.Шойгу («Единство»), Ю.Лужков («Отечество») и М.Шаймиев («Вся Россия»)⁴⁴, осенью 2002 г. к ним добавился четвёртый – министр внутренних дел Б.Грызлов, наделённый заодно постом председателя Высшего совета ЕР⁴⁵. Оперативное руководство партийными делами было отдано назначенцам из Кремля В.Богомолу и Ю.Волкову, избранным весной 2003 г. секретарём Генсовета и председателем Центрального исполкома соответственно⁴⁶.

Чисто внешне «Единая Россия» напоминала централизованную массовую партию, превосходя по численности даже КПРФ (600 тыс. членов на сентябрь 2003 г.⁴⁷). Однако отношения, связывающие лидеров и рядовых партийцев, делали её похожей скорее на гибрид элитарной и массовой партии, каким был, например, Союз русского народа (начало XX в.). Основную членскую массу составляли безгласные статисты, реальная же власть принадлежала узкому кругу крупных чиновников, обладавших собственным политическим весом и нередко даже не являвшихся членами партии (это, в частности, относилось к большинству членов Высшего совета ЕР). Нельзя в связи с этим не согласиться с Г.Голосовым, назвавшим «Единую Россию» «партийным “ярлыком”, наспех приклеенным к коллекции федеральных и региональных элит», а также отметившим, что в организационном плане ЕР в общем-то «не является политической партией»⁴⁸. И в самом деле: главное оружие «Единой России» – не организация, а административный ресурс и монопольный контроль над ос-

новными СМИ (в первую очередь электронными – телевидением и радио).

Резкое разрастание структур «Единой России», а также беспрецедентная степень их слияния с органами исполнительной власти дало некоторым исследователям основания определить её не как «партию власти», а как «административную партию»⁴⁹. На наш взгляд, разведение «партии власти» и «административной партии» по разным категориям избыточно: это две стадии развития одного и того же феномена. «Партия власти» – это «административная партия» в условиях низкой популярности федеральной исполнительной власти, и наоборот – «административная партия» есть «партия власти» в тот период, когда эта популярность высока. Различаются обе партии не сутью, а контекстом, в котором они существуют.

Именно административный ресурс, а также высокий рейтинг президента и глав регионов были главными козырями ЕР в ходе думской кампании 2003 г. В.Путин открыто выразил поддержку «Единой России», региональные отделы её общефедерального списка возглавили 29 наиболее популярных губернаторов⁵⁰, государственные телеканалы освещали каждый шаг представителей «партии власти», а силовые органы бдительно фильтровали контрагитацию оппонентов. Благодаря всему этому «Единая Россия» не только вырвалась далеко вперёд по числу полученных голосов (37,57% по партийным спискам⁵¹, 103 места по одномандатным округам⁵²), но и первая из воплощений «партии власти» обеспечила себе не простое, а конституционное большинство в парламенте, чем и завершился переход от периферийной системы к псевдопартийной.

Создание **Союза правых сил** можно считать своего рода реабилитацией сторонников «линии Гайдара» после поражения на выборах 1995 г. Попытки объединить вокруг себя либеральные силы «Демократический выбор России» предпринимал на протяжении всей второй половины 1990-х. Главным препятствием на этом пути была неуступчивость «Яблока», однако и остальные обитатели данной части политического спектра не слишком охотно шли на контакт с ДВР. Ситуация изменилась в конце 1998 г., когда дела либералов казались плохи как никогда. Побудительной причиной для объединения послужило убийство в ночь с 20 на 21 ноября 1998 г. председателя партии «ДемРоссия» Г.Старовойтовой. Потрясённые этим событием, представители целого ряда организаций, в т.ч. ДВР, РПРФ, движения и партии «Демократическая Россия», Партии конституционных демократов, Крестьянской партии России, Российской партии соци-

альной демократии, движения «Вперёд, Россия!», Партии экономической свободы, организации «Свободные демократы России», учредили в декабре того же года оргкомитет Коалиции правоцентристских сил⁵³, несколько позже получившей неофициальное название «Правое дело»⁵⁴. На конец мая 1999 г. в ПД состояло 30 организаций (из них 12 общероссийских)⁵⁵. В августе «Правое дело» вместе с «Голосом России» К.Титова и «Новой силой» С.Кириенко выступило соучредителем избирательного блока «Союз правых сил»⁵⁶ (формальные учредители СПС: «Новая сила», от «Правого дела» – ДВР и движение «Россия молодая», от «Голоса России» – организация «Юристы за права и достойную жизнь человека»⁵⁷), который получил на выборах в Госдуму третьего созыва 8,52% голосов – почти в полтора раза больше, чем «Яблоко» (5,93%)⁵⁸.

Успех Союза правых сил был обусловлен – помимо того, что СПС сплотил вокруг себя большинство организаций либерального толка, – наверное, ещё и тем, что он сумел привлечь нового избирателя – выигравшего от реформ и встревоженного перспективой экспроприации либо передела собственности в случае победы на выборах антиреформистских сил. Можно сказать, Союз правых сил явился в каком-то смысле коалицией буржуазной интеллигенции и интеллигентной буржуазии, заявкой на переход от либерализма идей к либерализму интересов, от либерализма интеллигенции к либерализму предпринимателей и налогоплательщиков.

Удачный старт на выборах-1999 придал СПС неплохой импульс: он преобразовался сначала в движение, а затем в партию, обзавёлся отделениями на местах и фракциями в региональных законодательных собраниях; рейтинг объединения рос, в его ряды вступали известные люди. Однако очень скоро этот импульс, не получив дополнительной подпитки, сошёл на нет. «Буржуазный» электорат «правых» успокоился и потерял интерес к политике, что не замедлило отразиться на состоянии самой партии. Приток новых членов прекратился; многие лидеры и активисты переключились на иные сферы деятельности, а то и вовсе покинули партию в знак протеста против неучёта их интересов при распределении постов; во многих регионах отделения СПС превратились в «команды поддержки» богатых бизнесменов, не пользующиеся общественным авторитетом. Деятельность «правых» ограничилась периодическими пиар-кампаниями, а официальным лицом партии стали Б.Немцов и И.Хакамада, к которым прочно прилипла репутация светских персон.

Совокупность этих факторов привела к тому, что СПС был вынужден отказаться от наращивания партийных рядов – выяснилось, что рост численности обеспечивает не укрепление позиций на местах, а интенсификацию внутренних склок. «Накачивание» отделений «мёртвыми душами» сделалось обычным методом в противостоянии между различными группировками. В связи с этим руководство СПС предпочло пересмотреть содержание партстроительства и переключиться на приглашение в партию людей, располагающих независимым социальным и политическим капиталом, – как правило, депутатов региональных и местных представительных органов; другими словами, СПС обнаружил склонность к развитию в партию кокусного типа. Вместе с тем структура Союза правых сил сохраняла немало особенностей, унаследованных от предшественников – интеллигентских клубных образований. Кроме того, в регионах, где позиции «правых» не отличались устойчивостью, партийные организации зачастую перерождались в банальные клиентелы.

В иной социальной и политической обстановке всё это, возможно, и не помешало бы «правым» бороться за власть, но в конкретных российских условиях обескураженное партийное руководство вместо того, чтобы упрочивать и расширять социальную базу, пустило дело на самотёк. Политическую линию СПС стали определять наёмные менеджеры и профессиональные политтехнологи, а имидж партии – не столько практические дела (каковых почти не было), сколько телевизионная реклама, сильно смахивающая на коммерческую. В области законотворчества «правые» рекламировали направления, которые, на взгляд имиджмейкеров, должны были прийтись по вкусу в первую очередь молодёжи, – например, борьбу за альтернативную гражданскую службу или переход к контрактной армии.

В результате за несколько лет бездействия (и не очень удачных действий) СПС растерял практически весь «буржуазный» электорат. С 2001 г. рейтинг партии начал неуклонно катиться вниз, опустившись с 11% в начале года до 4% в начале следующего – с резкими колебаниями в течение всего 2002 г.: 6% в марте, 7% в мае, 8% в июне, 6% в июле и августе, 5% в сентябре, 11% в октябре, 10% в ноябре (октябрьско-ноябрьский взлёт был, судя по всему, связан с событиями в театральном центре на Дубровке, во время которых Б.Немцов и И.Хакамада часто появлялись на экранах телевизоров), снова 5% в декабре⁵⁹. Там, где выборы в региональные и местные представительные органы проводились по пропорциональной системе, «правые» ни разу не приблизились к заветному 5%-ному барьеру. А если

кандидаты от СПС побеждали в одномандатных округах, то во многом потому, что не афишировали (а то и вовсе скрывали) свою партийную принадлежность. Наиболее крупные региональные отделения партии – прежде всего Московское и Санкт-Петербургское – сотрясали скандалы, нередко перетекающие в затяжные кризисы. Популярность СПС в обеих столицах, слывших некогда оплотами российского либерализма, падала катастрофическими темпами.

Накануне избирательной кампании 2003 г. спасти положение позволили «тяжеловеса» А.Чубайса, включённого третьим номером в федеральный избирательный список – после Б.Немцова и И.Хакамады⁶⁰. При этом было упущено из виду то обстоятельство, что у «правых» сменился главный оппонент. Опасность коммунистического реванша давно утратила актуальность, и основная угроза демократии исходила скорее со стороны консолидированной бюрократии, представленной на выборах «Единой Россией». Но председатель правления РАО «ЕЭС России», чей статус всецело зависел от благоволения президента, не мог позволить себе конфликтовать с «партией власти». Как следствие – вместо чёткой, выдержанной позиции «правые» продемонстрировали избирателю путаные манёвры, свидетельствующие об элементарной боязни вступить в открытую схватку с сильным противником – отсюда и желание выбрать в этом качестве кого-нибудь послабее (например, «национал-социалистов» из «Родины»; но, сделав их главной мишенью, лидеры СПС только добавили им популярности). Кампания, призванная компенсировать годы топтания на месте, оставила впечатление общей сутолоки и невнятицы и вышла такой же провальной, как и предшествовавшее ей партстроительство. Союз правых сил не смог убедить потенциальных избирателей в своей способности эффективно отстаивать их интересы и, получив 7 декабря 2003 г. 3,97%⁶¹, фактически вернулся к показателям «Демвыбора России» 1995 года (3,86%).

В принципе, СПС оказался вполне достоин своего электората, предпочитающего платить взятки, а не налоги и фактически игнорирующего «политику». В декабре 2003 г. и тот и другой расплатились за собственную вялость и легкомыслие. А ведь изначально перспективы Союза правых сил выглядели весьма обнадеживающе: социальные характеристики электората и актива СПС – высокая самостоятельность, отсутствие непреодолимой дистанции, отделяющей избирателей и рядовых партийцев от лидеров, – должны были способствовать эволюции партии в сторону многоуровневого клуба. Но для этого Союзу правых сил необходимо было вдохнуть новую жизнь

в клубные структуры, сделать их действительно многоуровневыми, т.е. работающими одновременно на нескольких уровнях – от местного до общенационального. «Правым» это не удалось, что поставило под вопрос политическое будущее СПС. Останется ли партия на политической сцене, зависит от того, сумеет ли она выполнить задачи, проваленные в предшествующий период.

Что касается всех прочих партий, то говорить о них имеет смысл только для того, чтобы пояснить, почему тот или иной проект не имел шансов на успех.

Так, фиаско **Народной партии РФ** было обусловлено ролью, предназначенной ей при создании, – пешки в чужой игре. Как и большинство фигур этого ранга, она была обречена стать жертвой размена.

В соответствии со схемой, предложенной М.Дюверже, НПРФ следовало бы отнести к партиям внутреннего происхождения, т.е. созданным на базе парламентской фракции. Основой для неё послужила группа «Народный депутат» в Госдуме третьего созыва, которая, в свою очередь, была сформирована по инициативе президентской администрации – с целью вывести независимых депутатов из-под влияния коммунистов. Многие члены НД приняли участие в преобразовании «Единства» в движение и в партию и даже вошли в его руководящие органы⁶². Однако Кремль, судя по всему, рассматривал «нардепов» в качестве левоцентристской квазиальтернативы «партии власти». Как бы там ни было, в начале 2001 г. НД приступил к самостоятельному партийному строительству. 26 января на базе группы было создано одноимённое общественно-политическое движение⁶³, и 29 сентября оно стало партией⁶⁴. НПРФ первой из всех зарегистрировалась в соответствии с новым законом о политических партиях – ей было вручено свидетельство № 1⁶⁵.

В плане организационного устройства НПРФ напоминала традиционную партию нотаблей. Все члены группы «Народный депутат» были избраны в одномандатных округах и почти все они впоследствии возглавили региональные организации НПРФ. Поэтому на местах отделения Народной партии представляли собой клиентелы, а на общенациональном уровне, т.е. в Госдуме, она являлась гражданским союзом, объединением равных. Хотя был здесь один нюанс: объединяющий центр НПРФ находился вне партии – в администрации президента. Так что, хотя Народная партия РФ и настаивала на своём массовом характере (по заявлениям руководства НПРФ, в ней состояло 150 тыс. человек⁶⁶), её представительские функции по отноше-

нию к рядовым членам и избирателям практически полностью сводились к покровительству. Единая цель, которая сплачивала бы разрозненных нотаблей, отсутствовала – каждый старался сам для себя.

С идеологической точки зрения НПРФ мало чем отличалась от «Единой России». В программе партии говорилось о необходимости «органично соединить идеалы социальной справедливости и свободную творческую инициативу граждан во всех сферах», «решительно отказаться от надуманных и опирающихся на идеологические догмы схем развития общества, взять всё лучшее и работоспособное из всего прошлого опыта, всесторонне учесть современные реалии и практически выработать эффективные пути решения тех проблем, которые действительно стоят сегодня перед Россией и её народом», и т.п.⁶⁷ Чтобы добиться узнавания, а также выполнить «партийное задание» – создать на левом фланге противовес коммунистам – руководство НПРФ выступило с рядом экзотических инициатив вроде отмены моратория на смертную казнь⁶⁸ и восстановления уголовного наказания за мужской гомосексуализм⁶⁹. Однако перешагнуть на этом поле популистов из ЛДПР «народники» не сумели.

Убедившись в неудаче проекта, Кремль к нему охладел и переключился на другие (прежде всего «Родину»), однако препятствовать участию НПРФ в выборах не стал. Итоги этого участия оказались, однако, неутешительными – 1,18% по пропорциональной системе⁷⁰. Правда, НПРФ удалось провести 17 депутатов по одномандатным округам⁷¹, но в качестве наказания за неоправданные надежды им не позволили создать собственную группу – все они были отправлены в «Единую Россию».

Сразу же после этого финансирование НПРФ прекратилось, и партия фактически в одно мгновение исчезла с политического горизонта. Впрочем, через некоторое время её деятельность возобновилась. 17 апреля 2004 г. состоялся III съезд НПРФ, который поменял председателя партии – место бывшего мэра Тюмени Г.Райкова занял бывший офицер КГБ Г.Гудков⁷². Новым руководством двигали, скорее всего, не надежды на электоральные перспективы, а элементарное нежелание упускать госфинансирование, положенное НПРФ как партии, получившей не менее 12 мест в одномандатных округах. Сколько-нибудь заметных деяний «народники» не совершили, если не считать отдельных успехов на региональных выборах – в Думу Таймырского автономного округа (23 января 2005 г.; 13,6% по партийным спискам⁷³) и Рязанскую облдуму (20 марта 2005 г.; 10,1% по партийным спискам⁷⁴).

Не исключено также, что НПРФ просто оставили про запас, на всякий случай – вдруг ещё понадобится. В любом случае её сходство с традиционными партиями внутреннего происхождения было чисто внешним.

Партия возрождения России (учредительный съезд – 7 сентября 2002 г.⁷⁵) и **Российская партия жизни** (учредительный съезд – 29 июня 2002 г.⁷⁶) появились на политической сцене в качестве клиентел своих создателей – спикера Госдумы Г.Селезнёва (ПВР) и председателя Совета Федерации С.Миронова (РПЖ) – и не смогли своими силами превратиться в нечто большее. Потенциальному избирателю они не предложили ничего такого, чего не предлагалось до них. Поэтому в идеях, лежащих в основе их платформ, было много надуманного. Так, ПВР ставила своей приоритетной целью «реализацию положений Конституции Российской Федерации о построении социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»⁷⁷. Но сама по себе эта идея не касалась какого-либо общественного конфликта – никто не собирался противостоять здесь партии Г.Селезнёва. А нет противостояния, нет и борьбы; нет борьбы, нет и политики.

РПЖ начертала на своих знаменах лозунг защиты жизни человека «как самостоятельной, независимой ценности»⁷⁸. И эта идея также была лишена политического значения, поскольку не имела оппонентов. В самом деле, кому придёт в голову спорить с тем, что «жизнь каждого человека должна стать высшей ценностью Российского государства», что «жизнь – это великий дар, она уникальна и неповторима» и что «для нашей страны нет более важной задачи, чем сохранение и обеспечение достойной жизни нашего народа»⁷⁹.

На выборах-2003 блок «ПВР-РПЖ» получил 1,88% голосов⁸⁰ – даже много, если учесть искусственность обоих проектов. В дальнейшем Партия возрождения России напоминала о себе лишь периодическими заявлениями своего лидера. Что до Российской партии жизни, то в ряде региональных избирательных кампаний 2005–2006 гг. ей сопутствовал определённый успех: на выборах в Амурский облсовет (27 марта 2005 г.) блок «Мы – за развитие Амурской области» (учредители – РПЖ и «Яблоко») занял первое место (17,66% голосов⁸¹); в марте 2006 г. РПЖ преодолела 5%-ный барьер (8,83%) на выборах в Госсобрание Республики Алтай и 7%-ный (7,27%) – на выборах в Курскую облдуму⁸², а в октябре того же года – в Великий хурал Тувы (32,9%), Законодательное собрание Карелии

(16,3%), Липецкий облсовет (11,73%) и Областную думу Законодательного собрания Свердловской области (11,52%)⁸³. Фракции РПЖ были созданы в Московской городской думе третьего созыва (26 января 2005 г.)⁸⁴, законодательных собраниях Санкт-Петербурга (4 июня 2003 г.)⁸⁵ и Карелии (17 ноября 2005 г.)⁸⁶, Народном собрании Ингушетии (22 ноября 2005 г.)⁸⁷ и Госсобрании (Эл-Курултае) Республики Алтай (май 2006 г.)⁸⁸. Однако эти успехи объяснялись не столько популярностью РПЖ среди избирателей, сколько созданным для партии режимом благоприятствования. Самый же большой подарок «жизненцы» получили летом 2006 г., когда в объятия РПЖ были буквально загнаны «укрощённые» Российская партия пенсионеров и партия «Родина». Но это уже совсем другая история и другой период в истории российской партийной системы.

Аполитичными были и цели, которые поставила перед собой партия **«Союз людей за образование и науку» (СЛОН)**. Она заявила о намерении бороться за «переход России к новому типу развития, основанному на экономике знаний, с использованием всего интеллектуального потенциала и научно-технического комплекса страны»⁸⁹. По сути, платформа СЛОНа – это квинтэссенция интеллигентского либерализма в его «яблочной» версии, т.е. с чётким социал-демократическим уклоном. Что и неудивительно, поскольку партия являлась осколком «Яблока».

После неудач последнего в избирательном цикле 1999–2000 гг. В.Игрунов, на протяжении долгого времени бывший в «Яблоке» вторым человеком и отвечавший за кадровую и организационную работу, фактически сделавшись козлом отпущения и осенью 2001 г. покинул партию, уведя за собой часть сторонников⁹⁰. Они-то и основали партию «СЛОН» (учредительный съезд – 16 ноября 2002 г.⁹¹) – проект, предполагавший достижение неполитических целей политическими методами. 7 декабря 2003 г. СЛОН заручился поддержкой 0,18%⁹² избирателей, заняв в списке участников выборов второе место с конца. Не слишком благоденствовала партия и впоследствии: в ноябре 2005 г. В.Игрунов обратился к однопартийцам с письмом, в котором признал невозможным выполнить требования новой редакции закона о политических партиях, в т.ч. увеличить численность СЛОНа до 50 тыс. человек⁹³.

И это был ещё не худший исход. Несравнимо более драматичная судьба выпала другому «осколку» – **«Либеральной России»**. Её лидеры, большей частью функционеры ДВР, учредили организацию ещё весной 2000 г. (учредительный съезд – 23 апреля⁹⁴), в самый раз

гар преобразования Союза правых сил из избирательного блока в движение. Объявив главной целью ЛР «защиту интересов малого и среднего бизнеса» и «политическую самоорганизацию среднего класса»⁹⁵, они, судя по всему, рассчитывали укрепить свои позиции при разделе постов в руководстве СПС. Расчёты эти не оправдались. К осени 2001 г. отношения лидеров ЛР с товарищами по Союзу правых сил вконец разладились, и в январе 2002 г. «либероссы» вышли из думской фракции СПС, обвинив последнюю в превышении «всех разумных пределов» в компромиссах с властью⁹⁶. Несмотря на обещания выражать интересы малого и среднего бизнеса, либерализм ЛР носил сугубо инерционный, интеллигентский характер и не содержал адекватных ответов на вызовы времени.

В принципе, «Либеральную Россию» ждала быстрая, но безболезненная политическая смерть, если бы её создателей не угораздило связаться в поисках источников финансирования с Б.Березовским (к тому времени он прочно обосновался в Лондоне). На II съезде «Либеральной России» (22 декабря 2001 г.) экс-«олигарх» стал одним из пяти сопредседателей организации⁹⁷. «Либероссы» получили деньги – не догадываясь, что в качестве процента за этот заём придётся отдать всё имущество: рано или поздно Б.Березовский попытался бы завладеть движением целиком. Так и произошло. Когда лидеры «Либеральной России» решились порвать со своим спонсором, настаивавшим на сотрудничестве с коммунистами в борьбе против «путинского режима»⁹⁸, выяснилось, что вместе с финансами партия теряет значительную часть функционеров и региональных структур – сторонники «олигарха» провели 7 декабря 2002 г. собственный съезд, на котором объявили о ликвидации института сопредседателей и избрании Б.Березовского единоличным лидером партии⁹⁹.

В результате возникло две «Либеральных России» – ЛР Березовского и ЛР Юшенкова–Похмелкина. Обе они были ничтожно малы политическими величинами, и делить им было нечего, кроме партийной печати и свидетельства о регистрации. Однако заурядный, казалось бы, конфликт закончился убийством С.Юшенкова (17 апреля 2003 г.¹⁰⁰); по обвинению в организации этого преступления был осуждён М.Коданёв¹⁰¹, российский руководитель ЛР(Б).

Неудачи некоторых партобразований носили настолько запрограммированный характер, что их впору включать в хрестоматию. Так, **Социал-демократическая партия России** не имела перспектив по тем же причинам, по каким сегодня в России обречён любой социал-демократический проект. Социал-демократия – это социа-

лизм наёмных работников, отстаивающих своё право на участие в разделе производимого ими продукта; она питается энергией конфликта между трудом и капиталом и опирается на живое и сильное рабочее движение. Иными словами, социал-демократия – это «здоровый» социализм, социализм периода расцвета. В современной РФ доминирует другая разновидность социализма – социализм бюджетополучателей, во многом упаднический, иждивенческий и ориентированный на защиту не столько прав, сколько привилегий, пусть даже довольно убогих, вроде бесплатного проезда в транспорте. Этому социализму внутренне присущ известный ксенофобский душок: в «чужих» иждивенцы склонны видеть лишних претендентов на кусок пирога. Именно поэтому, видимо, коммунистическое движение в нашей стране трансформировалось не в социал-демократию, а в национал-патриотизм и «державничество». В подобных условиях отстаивать социал-демократические ценности в их классическом виде либо в той модификации, в какой они бытуют на Западе, – дело безнадежное. За него могла взяться разве что горстка интеллигентов – в основном из идеократических побуждений.

Такую горстку и представляла собой СДПР. К созданию партии в октябре 2001 г. приступили несколько малоизвестных организаций социалистического, социал-демократического и социал-патриотического толка – Российская объединённая социал-демократическая партия М.Горбачёва (создана в марте 2000 г.), Социалистическая партия России И.Рыбкина (апрель 1996 г.), движения «Духовное наследие» А.Подберёзкина и «Социал-демократы» Г.Попова, Союз реалистов Н.Жуковой и Российская партия социальной демократии К.Титова и А.Яковлева¹⁰². Правда, к моменту учредительного съезда СДПР (24 ноября 2001 г.¹⁰³) от участия в проекте отошли СПР и ДН, в марте 2002 г. создавшие собственную организацию – **Социалистическую единую партию России («Духовное наследие»)**¹⁰⁴. В «объединённой» же СДПР руководство досталось М.Горбачёву и К.Титову: первый был избран лидером партии, второй – её председателем¹⁰⁵. Выбор этот трудно признать удачным – он свидетельствовал лишь о крайней скудости вариантов. Первый и единственный президент СССР по большому счёту не обладал талантами публичного политика; К.Титов являлся значимой фигурой в пределах возглавляемой им Самарской области, но никак не в общероссийском масштабе.

Безусловным показателем немощи СДПР стал её отказ от участия в парламентских выборах 2003 г. по партийным спискам – состоявшийся 19 сентября 2003 г. II съезд СДПР выдвинул кандидатов толь-

ко по одномандатным округам¹⁰⁶, и ни один в Думу не прошёл (единственный победивший на выборах член СДПР – бывший глава Республики Коми Ю.Спиридонов – баллотировался как самовыдвиженец). На III съезде СДПР (4 сентября 2004 г.) М.Горбачёв и К.Титов «сдали» партию бывшему председателю Партии социальной справедливости В.Кишенину¹⁰⁷. Сами они были избраны в Политсовет СДПР, но в его работе не участвовали. Новый лидер успехов партии тоже не принёс, потому что никакими преимуществами по сравнению с предшественниками не обладал.

Впрочем, разбор причин, по которым провалилось то или иное начинание, – занятие малополезное, поскольку производится постфактум. Всегда найдётся масса убедительных объяснений, почему некая партия не имела шансов на успех. Как правило, мертворожденность чего-либо очевидна сразу, и все доказательства нежизнеспособности могут быть приведены (и приводятся) заранее. Тем не менее иногда случается, что непримечательная «тёмная лошадка» выигрывает скачки. Так было с ЛДПР, то же самое произошло в 2003 г. с блоком «Родина», неожиданно ставшим одним из триумфаторов думской кампании (о нём – в следующем параграфе). А ведь учредителями «Родины» выступили партии, о которых, в сущности, нечего и сказать – настолько тусклыми они были: **Партия российских регионов** (учреждена и зарегистрирована в 1998 г. Ю.Скоковым – председателем Федерации товаропроизводителей России, возглавлявшим список Конгресса русских общин на думских выборах 1995 г.), **Партия национального возрождения «Народная воля»** (учреждена 22 декабря 2001 г. членами Российского общенародного союза, а также движений «Союз реалистов», «Спас» и «Русское возрождение»; лидер – председатель РОС С.Бабури¹⁰⁸), Социалистическая единая партия России («Духовное наследие»). Но этот тот редчайший случай, когда сумма оказалась больше своих слагаемых.

8.3. Трансформация партийной системы (2000–2004)

Выборы 1999 г. были первыми, по итогам которых «партия власти» получила в Госдуме большинство мест. Как заметил по этому поводу К.Холодковский, «впервые административный ресурс оказался сильнее политического»¹⁰⁹. Ещё суровее высказались В.Рябов и Е.Хаванов, расценившие исход выборов как «самый настоящий нокаут» политическим партиям: «Преподан урок всему населению: политические партии у нас – ничто, а объединённые губернаторы, поддерживаемые главой государства, – всё»¹¹⁰.

8.3.1. Парламентские выборы-99

Из 139 зарегистрированных Минюстом объединений, имеющих право участвовать в выборах, этим правом воспользовались 89 – около половины самостоятельно, остальные вошли в состав 11 блоков¹¹¹. Необходимые для регистрации документы своевременно представили 31 избирательное объединение и блок¹¹², федеральные списки 28 из них были зарегистрированы¹¹³.

Включённые в бюллетень для голосования избирательные объединения и блоки можно рассортировать по следующим группам: либералы – «Яблоко», *Союз правых сил*, «За гражданское достоинство»;

центристы («партия власти») – *Межрегиональное движение «Единство» («Медведь»)*, «Отечество – Вся Россия», «Наш дом – Россия»;

коммунисты – *КПРФ*, блок «*Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз*», «*Сталинский блок – за СССР*»;

социалисты и социал-демократы – *Социалистическая партия России*, *Русская социалистическая партия*, *Партия мира и единства*, «*Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Фёдорова*», блок «*Мир. Труд. Май*», движение «*Социал-демократы*»;

«державники» – *Российский общенародный союз*, движения «*Духовное наследие*» и «*В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки*», «*Конгресс русских общин и движение Юрия Болдырева*», «*Блок Жириновского*»;

национал-патриоты – движение «*Спас*», движение *патриотических сил «Русское дело»*;

экологи – *Экологическая партия России «Кедр»*;

созданные по корпоративному, профессиональному, конфессиональному либо половозрастному признаку – *Российская партия защиты женщин*, *Партия пенсионеров*, движение «*Женщины России*»;

псевдопартии – *Консервативное движение России*, *Всероссийская политическая партия народа*.

В ходе избирательной кампании с дистанции были сняты движение «Спас» (в связи с судебным решением о лишении регистрации¹¹⁴) и ЭПР «Кедр» (в связи с выходом из федерального списка кандидатов, занимающих второе и третье места¹¹⁵).

В начале избирательной кампании наиболее весомыми выглядели шансы блока «Отечество – Вся Россия» и КПРФ, остальные шли с большим отставанием и фактически балансировали на грани преодоления 5%-ного барьера. Однако по мере приближения даты голо-

сования быстро рос рейтинг «Медведя»; укреплялись и позиции Союза правых сил¹¹⁶. Пятипроцентный барьер преодолели КПРФ (24,29% голосов), «Единство» (23,32%), ОВР (13,33%), СПС (8,52%), «Блок Жириновского» (5,98%) и «Яблоко» (5,93%)¹¹⁷; КПРФ получила 67 мандатов, «Медведь» – 64, ОВР – 37, СПС – 24, «Блок Жириновского» – 17, «Яблоко» – 16¹¹⁸. Кроме того, по одномандатным округам коммунисты провели 46 депутатов, ОВР – 31, «Единство» – 9, СПС – 5, «Яблоко» – 4, «Наш дом – Россия», набравший по общефедеральному округу всего 1,19%, – 7¹¹⁹.

8.3.2. Расстановка сил в начале работы Госдумы третьего созыва

Одним из главных итогов избирательной кампании явилось заметное ослабление КПРФ. Хотя она и вышла на первое место по совокупности полученных мандатов, её привлекательность для независимых депутатов резко снизилась. Партия ещё могла выделить 11 «списочных» депутатов для Агрпромышленной депутатской группы¹²⁰, но создать аналог «Народовластия» коммунисты не решились – это стоило бы им символически важного статуса самой крупной фракции.

Независимые парламентарии устремились в группу «Народный депутат», формируемую при участии президентской администрации. Прототип НД – группа с тем же названием – появился на излёте деятельности предыдущей Госдумы; 22 октября 1999 г. руководитель Российского земского движения Е.Панина сообщила, что в НД вошло 43 депутата, в т.ч. 3 независимых (к ним она, по всей видимости, отнесла себя, С.Сулакшина и В.Машинского; все – бывшие члены «Народовластия»), а также 10 перешедших из НДР, 12 из «Российских регионов», 7 из ЛДПР, 6 из КПРФ, 3 из АДГ и 2 из «Яблока»¹²¹. Координатором группы стала Е.Панина, сопредседателями – С.Сулакшин и Г.Райков («Российские регионы»)¹²².

Регистрация «Народного депутата» повлекла бы утрату регистрации двумя депутатскими группами – АДГ и «Российскими регионами», – а следовательно, передел думских портфелей и дезорганизацию работы нижней палаты (на это, видимо, и рассчитывали в Кремле). Так что большинство депутатов встретило данную инициативу в штыки. С бранью на новое образование набросились не только В.Жириновский («Там собрались предатели, которые выскочили из всех партийных фракций. Их нужно осудить..., потому что эти люди предали волю избирателей») и лидер РР О.Морозов, назвавший создание НД «непонятным фарсом», но и руководитель фракции НДР В.Рыжков, который без обиняков заявил: «Я знаю, кто им платил

деньги, кто им звонил, откуда им звонили»¹²³. Под формальными предложениями комитет по организации работы Госдумы и регламенту целый месяц отказывался регистрировать группу (5 из 8 его членов при голосовании постоянно воздерживались, в результате для принятия решения не хватало голосов¹²⁴), а в декабре представители НД уже сами не поднимали этот вопрос – сессия подходила к концу.

Они взяли реванш в Госдуме третьего созыва. В группу вступило 58 депутатов¹²⁵, и это вывело её на третье место по численности, после фракций КПРФ (95)¹²⁶ и «Единство» (81)¹²⁷. За ними шли фракция ОВР (43)¹²⁸, группа «Регионы России (Союз независимых депутатов)» (40)¹²⁹, Агрпромышленная группа (36)¹³⁰, СПС (33), «Яблоко» (21)¹³¹ и ЛДПР (17)¹³². В дальнейшем эти цифры постоянно колебались, но не слишком. Серьёзного «переформатирования» фракционной структуры, которое пережила Госдума первого созыва и едва избежала Госдума второго созыва, с третьей Думой не случилось.

Таким образом, в «центристских» (контролируемых различными отрядами бюрократии) депутатских объединениях – «Единстве», ОВР, НД и РР(СНД)¹³³ – состояла почти половина депутатского корпуса; левый фланг – КПРФ и АПДГ – охватывал немногим более четверти, а либеральный «пяточок» – СПС и «Яблоко» – чуть больше одной десятой. В этих условиях центристам было бы логично объединиться и сообща контролировать нижнюю палату. Однако жёсткость противостояния, раскалывавшего региональную и федеральную бюрократии во время избирательной кампании, на первых порах делала такой вариант невозможным – регионалы из ОВР были в самом сердце ранены грубостью средств, использованных против них в «информационной войне» осени 1999-го, и воспоминания ещё не остыли.

В ходе предварительного распределения думских постов возникли также затруднения со «справедливым», т.е. пропорциональным, разделом, – чересчур велики были амбиции и запросы, предъявляемые сторонами. Перед началом работы Думы лидеры групп и фракций провели восемь раундов переговоров – безрезультатно¹³⁴. В конце концов президентская администрация решила отринуть условности и договориться прежде всего с коммунистами и аграриями. На первое пленарное заседание Госдумы (18 января) «Единство», «Народный депутат», КПРФ, АПДГ и примкнувшая к ним ЛДПР пришли с согласованным планом распределения постов: отдать коммунистам должность спикера и 9 комитетов, «медведям» – 7 комитетов, «нардепам» – 5, АПДГ, «Регионам России», ЛДПР, ОВР и СПС –

по 1, а «Яблоко» вообще оставить без комитета, предложив ему в качестве утешения комиссию по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти¹³⁵.

Претворение этого плана в жизнь началось с того, что коммунисты выдвинули на пост председателя Госдумы Г.Селезнёва, а «Единство», ЛДПР, АПДГ, «Народный депутат» и РР(СНД) отказались от права выдвижения¹³⁶. В ответ Е.Примаков (ОВР), В.Похмелькин (СПС) и С.Степашин («Яблоко») тоже сняли свои кандидатуры – в знак протеста против «безальтернативного» голосования; соответствующие фракции и частично РР(СНД) покинули зал¹³⁷. Представители «большинства» предвидели нечто подобное и хладнокровно проголосовали за избрание Г.Селезнёва спикером (282 «за», 2 «против» и 7 воздержавшихся)¹³⁸, а на следующий день утвердили список глав комитетов, закрепив за бойкотирующими заседание объединениями (кроме «Яблока») по одному председательскому креслу, а также по посту вице-спикера¹³⁹.

В такой ситуации продолжать бойкот было бессмысленно. Первой сдалась группа «Регионы России»; 26 января Дума утвердила её представителей на должностях заместителя ГД (А.Чилингаров) и председателя комитета по бюджету и налогам (А.Жуков)¹⁴⁰. ОВР, СПС и «Яблоко» ещё некоторое время поупрямились, но уже 9 февраля Б.Пастухов (ОВР) был утверждён председателем комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, а П.Крашенинников (СПС) – комитета по законодательству¹⁴¹. Наконец, днём позже «меньшинство» согласилось представить своих кандидатов на посты зампредов ГД. Причём если члена ОВР Г.Бооса Дума утвердила вице-спикером сразу, то «правого» Б.Немцова и «яблочника» В.Лукина сперва «прокатили»¹⁴² – «Единство», «Регионы России» и «Народный депутат» проголосовали вяловато (в НД не более четверти состава), а КПРФ и АПДГ и вовсе против (сторонники В.Жириновского большей частью от голосования самоустранилась)¹⁴³. Лишь 16 февраля «Единство» и НД собрались с силами и обеспечили кандидатов от СПС и «Яблока» необходимым числом голосов¹⁴⁴. Ещё через месяц палата сделала одолжение ОВР и назначила члена фракции В.Куликова председателем новосозданного комитета по делам ветеранов¹⁴⁵ – «Отечество – Вся Россия» приобрело таким образом два комитета, и самолюбие его депутатов слегка подлечилось.

Проведённую Кремлём интригу следует признать весьма эффективной с «технической» точки зрения. Коммунисты, получив в руководстве палаты столько же мест, сколько и в предыдущей ГД, вместе

с этой наживкой проглотили острый крючок. Теперь им стало затруднительнее изображать непримиримую оппозицию: за чрезмерную фронду пришлось бы заплатить «сверхнормативными» парламентскими комитетами.

Особенно очевидной несоразмерность «нажитого имущества» коммунистов и их политического веса стала после президентских выборов 2000 г. (26 марта 2000 г.).

8.3.3. Президентская кампания 2000 г.

Выборы должны были состояться летом, но преждевременный уход Б.Ельцина в отставку (31 декабря 1999 г.) сдвинул их на более ранний срок и стал хорошим новогодним подарком В.Путину, который вступил в должность и.о. президента. Победа федерального центра над регионами в думской кампании не оставляла сомнений относительно того, кто будет кандидатом от «партии власти» на пост главы государства. В начале января 2000 г. о поддержке кандидатуры В.Путина объявила «Вся Россия»¹⁴⁶, через месяц об отказе баллотироваться сообщил лидер ОВР Е.Примаков¹⁴⁷, а в середине марта с призывом поддержать и.о. президента обратилось к своим коллегам Московское отделение «Отечества»¹⁴⁸.

Круг симпатизантов В.Путин отнюдь не исчерпывался одними «центристами» – он охватил почти весь политический спектр, от Российского общенародного союза¹⁴⁹ и Аграрной партии России¹⁵⁰ до Союза правых сил. СПС, впрочем, не был един по этому вопросу; водораздел пролёг между «буржуазно-бюрократической» и «интеллигентской» частями блока: А.Чубайс и С.Кириенко с самого начала не скрывали намерения поддержать В.Путин, и никого другого¹⁵¹, тогда как «Демократический выбор России» склонился на его сторону после долгих колебаний и к тому же буквально в последний момент (22 марта), причём 12 голосами «за» при 2 «против» и 5 воздержавшихся¹⁵²; маргинальные интеллигентские объединения – «ДемРоссия», «Свободные демократы России», Крестьянская партия России и Российская партия социальной демократии – выступили категорически против кандидатуры и.о. президента, отдав предпочтение сопредседателю СПС самарскому губернатору К.Титову¹⁵³ (РПСД даже избрала его своим лидером¹⁵⁴). На заседании Координационного совета СПС 14 марта 2003 г. мнения по поводу позиции блока на президентских выборах разделились: в поддержку В.Путин проголосовали 2 члена КС (А.Чубайс и С.Кириенко), 1 высказался против (К.Титов) и 3 воздержались (Е.Гайдар, Б.Немцов и И.Хакамада)¹⁵⁵. Тем не менее в совместном заявлении Координационного совета Со-

юза правых сил и думской фракции СПС содержался призыв ко всем сторонникам обязательно прийти на избирательные участки и проголосовать за В.Путина¹⁵⁶. На это заявление многие коллективные члены СПС откликнулись протестом, подчеркнув, что подобные решения может принимать только Политсовет; что ж, Политсовет СПС собрался (20 марта 2000 г.) – но лишь для того, чтобы объявить о самороспуске. На том же заседании Координационному совету были приданы функции оргкомитета по созданию на базе Союза правых сил нового общественно-политического движения¹⁵⁷.

О выдвижении своих лидеров кандидатами в президенты заявили КПРФ¹⁵⁸, ЛДПР¹⁵⁹, «Яблоко»¹⁶⁰. Ещё ряд кандидатов также возглавляли общественно-политические движения: У.Джабраилов – «Силу разума», Э.Памфилова – «За гражданское достоинство», А.Подберёзкин – «Духовное наследие»; однако все они, так же как и кемеровский губернатор А.Тулеев, кинорежиссер С.Говорухин и бывший генпрокурор Ю.Скуратов, представляли на президентских выборах исключительно самих себя¹⁶¹.

В.Путин победил в первом же туре, получив 52,94% голосов, почти вдвое больше, чем ближайший конкурент – Г.Зюганов (29,21%)¹⁶². Остальные шли далеко позади: Г.Явлинский – 5,8%, А.Тулеев – 2,95%, В.Жириновский – 2,7%, К.Титов – 1,47%, Э.Памфилова – 1,01%, С.Говорухин – 0,44%, Ю.Скуратов – 0,43%, А.Подберёзкин – 0,13%, У.Джабраилов – 0,1%¹⁶³.

Неудивительно, что после такой убедительной победы кандидата от «партии власти» коммунисты и аграрии отдали часть голосов за кандидатуру М.Касьянова, предложенную главой государства на пост председателя правительства (КПРФ около трети, а АПДГ почти половину¹⁶⁴). Г.Зюганов в своей речи даже пожелал М.Касьянову успехов, «ради приличия» оговорившись: «Мы о вашем правительстве будем судить по делам. У вас есть возможность в ближайшие три-четыре месяца показать, какой вы выберете курс. В зависимости от этого курса будет и наше отношение к вам»¹⁶⁵. Вообще, добрые напутственные слова для кандидата в премьер-министры в день утверждения, 17 мая 2000 г., произнёс едва ли не каждый выступающий. Самую сердитую позицию заняло «Яблоко», чей представитель, С.Иваненко, заявил, что фракция «не видит достаточных оснований» для поддержки М.Касьянова: «Мы не считаем успешной, мягко говоря, ту экономическую политику, которая проводилась в последние годы и в которой Михаил Михайлович Касьянов принимал самое активное участие»¹⁶⁶. Но и это означало лишь то, что «многие депутаты

фракции “Яблоко” считают этот выбор президента не вполне удачным и не будут голосовать “за”»¹⁶⁷. За утверждение нового председателя правительства было подано рекордное количество голосов – 325¹⁶⁸, т.е. на 10 больше, чем некогда за Е.Примакова; среди голосовавших «за» были представители всех депутатских объединений: меньше всего от «Яблока» (4), больше всего, естественно, от «Единства» (82)¹⁶⁹.

8.3.4. Расстановка фракционных сил с весны 2000 г. по весну 2001-го

Таким образом, в нижней палате российского парламента воспроизвелась система, отдалённо напоминая ту, что имела место в III дореволюционной Госдуме. Центральная фракция (до революции это были октябристы) – «Единство», вместе с союзническим «Народным депутатом», в зависимости от содержания обсуждаемых законопроектов – «прогрессивного» либо, наоборот, «консервативного» – вступала в тактические союзы то с либералами, то с коммунистами и аграриями. Периферийная суть сложившейся партийной системы обнажилась совершенно: если в Госдуме второго созыва ведущую роль играла одна из партий (КПРФ), то теперь главным парламентским игроком стала исполнительная власть.

Правда, сходство с дореволюционной системой «двойного большинства» было чисто поверхностным. Действительно, либералы с готовностью блокировались с прокремлёвскими фракциями, когда принимались реформистские, либерально-прогрессистские законопроекты. Так, в апреле 2000 г. СПС и «Яблоко» вместе со всеми, за исключением коммунистов и аграриев, проголосовали за ратификацию договоров о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2)¹⁷⁰ и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний¹⁷¹. В июне того же года они поддержали предложение правительства о плоской шкале подоходного налога (13%)¹⁷² и введении единого социального налога¹⁷³ (хотя среди «яблочников» уровень поддержки этих новаций был ниже, нежели среди «правых», – несколько сторонников Г.Явлинского проголосовали против¹⁷⁴).

В ходе обсуждения проекта бюджета на 2001 г., впервые полностью бездефицитного (в т.ч. с учётом выплат по государственному долгу)¹⁷⁵, «яблочники» – тоже впервые в истории Думы – не только одобрительно отзывались о бюджете, но и поддержали его концепцию. По словам Г.Явлинского, этот бюджет «очень существенно» отличался от прежних, поскольку при его формировании были реализованы предложения, за которые «Яблоко» билось много лет: плос-

кий подоходный налог, социальный налог с регрессивной шкалой, «вычеты из налогооблагаемой базы расходов на медицинское обслуживание», «концепция сокращения налоговых льгот», «остановка роста государственного долга»¹⁷⁶.

Союзу правых сил в таких условиях и подавно не с чего было упираться: лидер фракции СПС Б.Немцов, заметив, что бюджет не может быть хорошим, если его общие доходы составляют всего около 40 млрд долларов, тем не менее обнаружил в нём немало «очевидных плюсов», а кроме того, подчеркнул политический характер поддержки, оказываемой бюджету «правыми»¹⁷⁷. Слова либералов не разошлись с делом: в своём подавляющем большинстве они проголосовали за представленный правительством проект¹⁷⁸, который – опять впервые – был сразу принят в первом чтении, а не отправлен на доработку в согласительную комиссию, как того требовали коммунисты, аграрии, ОВР и большая часть «Регионов России»¹⁷⁹.

Активно поддержали либералы и проекты Земельного и Трудового кодексов, принятые летом–осенью 2001 г. При обсуждении первого из них СПС выступил с собственным проектом, в котором, в отличие от правительственного, право купли-продажи распространялось в том числе на земли сельскохозяйственного назначения¹⁸⁰. Понимая вместе с тем, что он имеет не много шансов на прохождение, «правые» не отвергли и правительственный вариант, обусловив свою поддержку требованием представить ко второму чтению концепцию закона об обороте земель сельхозназначения¹⁸¹. В свою очередь Г.Явлинский, указав на наличие в правительственном проекте значительных недостатков («даёт огромную почву для административного вмешательства» и предусматривает «много различных бюрократических процедур, которые ...закладывают основу для возможной коррупции»), подчеркнул, что «Яблоко» поддержит его из политических соображений: «Мы видим, как сопротивляются принятию этого закона силы, которые хотят остановить всякие позитивные изменения в стране»¹⁸². В ходе рейтингового голосования по концепции ЗК (15 июня 2001 г.) «правые» и «яблочники» отдали равное количество голосов (36 – первые, 18 – вторые) и за проект СПС, и за проект правительства¹⁸³.

При обсуждении в первом чтении Трудового кодекса (5 июля 2001 г.) «правый» А.Селиванов снял собственный проект ТК в пользу варианта думско-правительственной рабочей группы¹⁸⁴. Подавляющим большинством голосов депутаты от СПС (35 из 38) и «Яблока» (16 из 18) поддержали т.н. согласованный проект¹⁸⁵.

Однако либералов в Думе явно не хватало, чтобы на них можно было опереться в отсутствие поддержки со стороны других фракций (даже при том, что ЛДПР всегда голосовала так, как было нужно Кремлю). А вот коммунисты и аграрии, располагавшие достаточно крупным пакетом голосов, могли в коалиции с «Единством» и «Народным депутатом», обеспечить принятие любого закона (кроме, конечно, конституционного, требующего не простого, а абсолютного большинства). Но проблема заключалась в том, что с КПРФ и АДПГ было тяжело находить общий язык, особенно если дело касалось вещей, наиболее важных для власти.

Пожалуй, единственным случаем, когда коммунисты и аграрии действительно помогли Кремлю, было утверждение государственной символики России, требовавшее конституционного большинства (300 голосов). 23 января 1998 г. Госдума второго созыва отклонила в первом чтении президентский проект закона «О Государственном флаге Российской Федерации, Государственном гербе Российской Федерации и Государственном гимне Российской Федерации» (107 «за», 243 «против» и 7 воздержавшихся; левую оппозицию не устроил гимн на музыку М.Глинки, трёхцветный флаг и двуглавый орёл в качестве герба)¹⁸⁶, а 10 марта 1999 г. утвердила законопроект «О Государственном гимне Российской Федерации» (на музыку А.Александрова), предложенный группой депутатов от КПРФ, АДПГ и «Народовластия» (307 «за», 35 «против» и 5 воздержавшихся)¹⁸⁷. Но до принятия его во втором чтении руки дошли только в декабре 2000 г., и то лишь с подачи президентской администрации, которая решила пойти на компромисс с коммунистами, «обменяв» гимн с советской музыкой на «царские» флаг и герб и в довесок утвердив в качестве знамени вооружённых сил «красное полотнище – соотношение длины к ширине 2:3»¹⁸⁸. Коммунисты объяснили своё согласие на это «тяжёлое моральное решение» стремлением «преодолеть пропасть, разделившую надвое ...страну». Как заявил представитель фракции КПРФ Н.Губенко, «пусть жизнь новой России начнётся с принятия этих символов, которые соединят две несоединяемые сегодня части, ...и пусть утверждение государственных символов станет поворотом к согласию народа, парламента и президента, который дал нам этот шанс»¹⁸⁹. Закон о гимне был принят 379 голосами при отчаянном сопротивлении СПС и «Яблока», зато при поддержке КПРФ и АДПГ, которые отдали соответственно 61 и 27 голосов за флаг и 62 и 30 – за герб¹⁹⁰.

Во всех прочих случаях поддержка коммунистами и аграриями нужных Кремлю законов была либо вялой (если была вообще), либо не столь уж необходимой. Так, при обсуждении законопроектов, направленных на укрепление «вертикали власти», – о новом порядке формирования Совета Федерации, о праве президента отправлять в отставку губернаторов и глав местного самоуправления, а также распускать законодательные и муниципальные собрания (31 мая 2000 г.) – коммунисты заняли насторожённую, если не сказать враждебную, позицию. Член фракции КПРФ Л.Иванченко прямо заявил: «Ничем не ограниченное усиление президентских полномочий и управленческой вертикали может быть использовано как для радикального изменения экономического и социально-политического курса страны, так и для нагнетания авторитаризма и закрепления губительных результатов проводимых реформ»¹⁹¹. Тем не менее КПРФ и АПДГ объявили свободное голосование по всем предложенным законопроектам¹⁹²; в КПРФ их поддержало от одной пятой до одной трети состава фракции (в АПДГ существенно больше – от двух третей до трёх четвертей)¹⁹³. Однако, поскольку законы не были конституционными, исполнительная власть запросто обошлась бы и без левых.

Во втором и третьем чтениях (23 июня 2000 г.) подавляющее большинство коммунистов и около половины аграриев голосовало против законопроекта о новом порядке формирования СФ¹⁹⁴ (накануне фракция КПРФ приняла решение о солидарном голосовании «против» – под тем предлогом, что данный законопроект «нужен для укрепления власти в создающемся полицейском государстве»¹⁹⁵), но это не помешало Думе принять его конституционным большинством голосов (302 во втором, 307 в третьем чтении¹⁹⁶). Не помешало сопротивление коммунистов и принятию во втором чтении законопроекта, наделяющего президента правом отправлять в отставку глав местного самоуправления и распускать муниципальные собрания (30 июня 2000 г.)¹⁹⁷.

Большинство членов фракции КПРФ (76 из 88) высказалось также против президентского законопроекта о политических партиях, несмотря на то что от комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций его представлял коммунист В.Зоркальцев. При этом, отдав за президентский законопроект всего 3 голоса, коммунисты поддержали 9 голосами проект О.Шейна и 28-ю – проект В.Рыжкова¹⁹⁸.

Кроме того, в новых условиях КПРФ и АПДГ могли позволить себе декларативно отказываться от поддержки правительственного проекта бюджета. При обсуждении в первом чтении основного финансового документа на 2001 г. коммунист В.Тихонов назвал его «бюджетом умирания, ...дальнейшей деградации населения, ...приближения к экономической катастрофе»¹⁹⁹, а лидер АПДГ Н.Харитонов заявил: «Мы не собираемся превращаться в жертвенных овец, которые безропотно идут на заклание»²⁰⁰. И тот и другой выступили за отклонение проекта и доработку его в согласительной комиссии²⁰¹. Сказано – сделано: 85 членов фракции КПРФ (из 87) и все 42 агрария проголосовали против бюджета в первом чтении²⁰². Во втором (20 октября) и особенно в третьем чтении (1 декабря) коммунисты вернулись к образу действий, которого они придерживались в Госдуме первого созыва (а «яблочники» – и в ГД второго созыва): активно лоббировали отдельные расходные статьи, заключая разнообразные ситуационные союзы, но когда доходило до принятия документа в целом, неизменно голосовали против²⁰³.

В довершение всего коммунисты и аграрии вынесли на пленарное заседание 14 марта 2001 г. вопрос о недоверии правительству. Представляя проект соответствующего постановления, Г.Зюганов заявил, что оно «призвано привлечь внимание граждан к убийственному ельцинскому экономическому курсу, проводимому правительством Михаила Касьянова»: «Произошла не смена курса, а смена кланов. Поэтому сохраняется экономика абсурда. Правительство продолжает курс, который привёл к краху в 1998 году. Призывать это правительство к здравомыслию бессмысленно. ...Курс правительства – это ельцинизм в действии. Россия будущего – это страна вырождающегося народа и безграмотных люмпенов»²⁰⁴. Понятно, что при тогдашней расстановке сил ни на чьи голоса, кроме собственных, КПРФ и АПДГ рассчитывать не могли. Отношение остальных депутатских объединений к данной инициативе наиболее точно сформулировал представитель «Яблока» С.Иваненко: «Инициаторы, которые выдвигают совершенно нелепые и никому не понятные основания для выражения недоверия правительству, на самом деле просто хотят решить свои внутрипартийные задачи и отвечают на давление партийных масс, недовольных действиями обуржуазившейся, с их точки зрения, верхушки партии»²⁰⁵. В целом за проект постановления «О недоверии правительству Российской Федерации» проголосовало только 125 депутатов – 81 коммунист, 38 аграриев, 1 «яблочник» и 5 представителей РР(СНД)²⁰⁶. Так что коммунисты в очередной раз

устроили фейерверк: много искр, дыма, треска и никакого осязаемого результата. Однако и подобные развлечения имели свою цену: КППРФ и АПДГ испытывали терпение Кремля, который в любой момент мог решить, что у тех же коммунистов слишком много комитетов.

Но самое яростное сопротивление коммунисты и аграрии оказали правительственному варианту Земельного кодекса, предусматривающему полноценный оборот земли, в т.ч. её куплю-продажу. Чтобы оттянуть его принятие, они использовали любую зацепку. Мотивы такого упорства разные стороны объясняли по-разному. Сами левые говорили о неучёте разработчиками ЗК воли избирателей и региональных законодательных собраний (В.Илюхин), апеллировали к «высшим ценностям» – «могилам предков, сединам стариков и надочажной цепи» (Г.Зюганов)²⁰⁷. Идеиные оппоненты коммунистов и аграриев выдвигали другую версию: в результате введения гражданского оборота земель КППРФ и АПР потеряли бы «не только контроль над материальными ресурсами, ...не только деньги, которые поступают в фонды коммунистической и аграрной партий», но и «политический контроль – власть над бесправными пайщиками, над бесправными крестьянами, над бесправными застройщиками, ...контроль за их голосами» (Г.Явлинский)²⁰⁸. Так или иначе, было ясно, что для левой оппозиции Земельный кодекс – это Сталинград, за который надо стоять насмерть. 15 июня 2001 г., не добившись исключения из повестки дня рассмотрения проекта ЗК в первом чтении, коммунисты и аграрии, пытаясь сорвать выступления докладчиков, битый час скандировали: «Позор! Позор! Позор!», а затем демонстративно покинули зал²⁰⁹. (Если бы в предыдущей Госдуме они так же истово и непреклонно добивались отставки правительства, у того не было бы ни единого шанса удержаться.)

Разумеется, Земельный, а затем и Трудовой кодекс, легко прошли через Думу и без голосов КППРФ и АПДГ, но после каждого чтения коммунисты вновь и вновь, пусть и безуспешно, настаивали на возвращении к предшествующему этапу и в конечном итоге – на отклонении законопроектов.

Напряжение между левой оппозицией и исполнительной властью нарастало на фоне постепенного сглаживания разногласий между последней и её вчерашними неприятелями из ОВР и РР(СНД). Эти депутатские объединения поддержали практически все значимые президентские инициативы: и ратификацию СНВ-2, и выстраивание «вертикали власти», и утверждение государственной символики,

и закон о политических партиях, и др. Поначалу, конечно, кое-какие шероховатости имели место. Так, ОВР и РР(СНД), наряду с КППРФ и АПДГ, воспротивились введению плоской шкалы подоходного налога, однако после того, как все предложения о дифференциации налоговой ставки были отклонены, большинство центристов поддержало принятие во втором чтении соответствующей главы Налогового кодекса²¹⁰.

В ходе первого чтения бюджета на 2001 г. ОВР, вместе с КППРФ и АПДГ, требовало отправить документ в согласительную комиссию, а лидер фракции Е.Примаков заявил, что проект основан «на теории младолибералов, монетаристов, которые отрицают ...важность государственного регулирования и важность государственных инвестиций» («Это порочная теория, которая уже завела нас в тупик и уже породила дефолт»)²¹¹. Недовольство Примакова было вызвано «недофинансированием» многих расходных статей, «излишним» вниманием, уделяемым «стерилизации денежной массы», перераспределением доходов в пользу центра, отсутствием механизмов парламентского контроля за распределением дополнительных доходов и пр.²¹² Аналогичные претензии высказал и лидер «Регионов России» О.Морозов, отметивший вместе с тем что, несмотря на «солидарное и критическое отношение» к проекту бюджета, группа предоставила своим членам право «свободно определиться при голосовании» («Мы считаем, что никакой трагедии не произойдёт, если бюджет будет сегодня отклонён и передан на доработку в согласительную комиссию»)²¹³. В итоге ОВР почти целиком выступило против бюджета (44 при 1 «за»), тогда как большинство членов РР(СНД) его поддержало (25 «за», 7 «против»)²¹⁴.

Однако ко второму чтению (20 октября 2000 г.) позиция ОВРовцев в корне изменилась. Фракция, в частности, не поддержала предложение С.Глазьева (КППРФ) вернуть бюджет к первому чтению²¹⁵, а в заключение большинством голосов проголосовала за его принятие (41 «за», 2 «против») – как и «Регионы России» (40 «за», 2 «против»)²¹⁶. Перемену своего настроения она объяснила результатами «сложного договорного процесса, происходившего между представителями правительства и депутатами»: «Кабинет пошёл на определённый компромисс и принял ряд решений, на которых настаивала фракция. В частности, существенно увеличены ассигнования на национальную оборону, образование, сельское хозяйство и здравоохранение. Кроме того, правительство согласилось с инициативой ОВР по передаче доходов от подоходного налога в региональные бюджеты»²¹⁷.

Наконец, в марте 2001 г. ОВР и РР(СНД) не разделили намерения коммунистов и аграриев выразить недоверие правительству. В.Володин (ОВР), хотя и согласился, что кабинет «недорабатывает» по ряду ключевых направлений («работа монополий», «налоговая политика», «реформы в области военного строительства», «управление государственной собственностью»), заявил, что «вопрос о вотуме недоверия правительству, как он рассматривается сейчас здесь, ...не может помочь нам решить эти проблемы»: «Когда этот вопрос готовился, когда его предварительно начали обсуждать, слишком много здесь было политической игры, слишком много здесь было интриг». В общем, резюмировал В.Володин, «фракция приняла решение солидарно в этом спектакле не участвовать»²¹⁸. Потом, правда, он поправился, сообщив, что часть депутатов от ОВР проголосует против этого предложения, а часть не будет голосовать²¹⁹. Что касается «Регионов России», то их лидер О.Морозов, сообщив, что в группе есть депутаты, подписавшие соответствующее заявление, отметил, что большинство членов РР(СНД) не поддерживает данную инициативу и не будет голосовать ни за, ни против²²⁰. И действительно: в ОВР за отставку правительства не проголосовал ни один депутат (при 5 «против» и 1 воздержавшемся), а в «Регионах России» – лишь 5 «подписантов» (в основном бывшие члены «Народовластия»)²²¹.

8.3.5. Создание центристского большинства в Думе и передел комитетов

Предпосылки для преодоления раскола между двумя группами центристов были налицо. Ведь, в конце концов, борьба в ходе парламентской кампании 1999 г. шла вокруг того, чей кандидат – «регионалов» или «федералов» – будет выступать от имени правящего слоя российского чиновничества на президентских выборах 2000 г. 19 декабря 1999 г. в этом споре была поставлена точка – кандидат стал известен. После этого «регионалы» отступили в сторону, признав приоритет оппонентов. В дальнейшем они боролись уже не за лидерство, а за остатки автономии.

К весне 2001 г. раскол был ликвидирован. 17 апреля руководители «Единства», ОВР, «Народного депутата» и «Регионов России» приняли решение образовать в Госдуме Координационный совет центристских сил – орган, назначенный способствовать формированию в нижней палате «межфракционной коалиции, создающей устойчивое парламентское большинство»²²². Целью КСЦС было объявлено «согласование позиций и солидарное голосование по принципиальным вопросам государственного строительства, стратегии экономи-

ческого развития страны, конструктивное взаимодействие законодателей с президентом Российской Федерации и органами исполнительной власти в разработке и принятии первоочередных законов, обеспечивающих осуществление социально ориентированных рыночных реформ в интересах большинства граждан России», а также «противодействие попыткам использовать Государственную Думу в интересах отдельных политических и финансово-промышленных группировок»²²³.

Каждое из четырёх депутатских объединений делегировало в КС по три человека: руководителя фракции (группы), его заместителя и кого-нибудь из депутатов. Руководители получили места сопредседателей КС, каждый из них должен был на ротационной основе – по алфавитному принципу, на два месяца – исполнять полномочия председателя: первым лидер РР О.Морозов, за ним В.Пехтин («Единство»), Е.Примаков (ОВР) и Г.Райков (НД)²²⁴.

В общем некое подобие системы «двойного большинства» сминилось устойчивым центристским большинством. Был сделан очередной шаг на пути трансформации периферийной системы в псевдопартийную. Тем не менее путь этот ещё далеко не закончился. Контроль Кремля над парламентским большинством ещё не стал безусловным. Управлять по телефону президентская администрация могла разве что «Единством». Уже с «нардепами» надо было договариваться, используя не столько кнут, сколько пряник, причём голосовали представители НД, как правило, вразнобой. С «Отечеством – Всея Россией» и «Регионами России» приходилось торговаться всерьёз: здесь лоббировали по-крупному – в масштабах целых регионов, нередко получая у Кремля существенные политические уступки.

Так, осенью 2000 г. исполнительная власть вынуждена была пойти навстречу региональной бюрократии в вопросе о «третьем губернаторском сроке», согласившись с принятием поправки, которая хотя и запрещала главам субъектов Федерации избираться более двух сроков подряд, но устанавливала дату исчисления первого срока с октября 1999 г. За эту поправку, внесённую М.Бугерой («Регионы России») и поддержанную представителем президента в Госдуме А.Котенковым²²⁵, проголосовали 81 представитель «Единства» (из 84) и 54 – «Народного депутата» (из 61)²²⁶.

Далее, в ходе обсуждения в первом чтении Трудового кодекса (5 июля 2001 г.) правительство сняло свой вариант в пользу согласованного, в основу которого лёг проект, разработанный группой членов ОВР во главе с заместителем Федерации независимых профсоюз-

зов России А.Исаевым²²⁷. Конечно, коммунисты обвинили авторов согласованного варианта в расширении прав работодателей и «сдаче» прав трудовых коллективов и профсоюзов²²⁸, но ФНПР к таким упрекам привыкла, а представлявший новую редакцию ТК А.Исаев всячески подчёркивал компромиссный характер документа²²⁹.

Наконец, перед первым чтением бюджета-2002 правительство провело дополнительные консультации с четырьмя центристскими фракциями – в первую очередь с ОВР, чьи представители сообщили, что это было своего рода «нулевое чтение», – и вынесло на пленарное заседание Госдумы уже согласованный вариант²³⁰. По итогам встреч с министром финансов А.Кудриным пресс-служба «Отечества – Всей России» торжественно объявила, что фракция, добившись увеличения доходной и расходной частей бюджета на 123 млрд руб., готова солидарно поддержать его в первом чтении²³¹.

Обсуждение бюджета-2002 в первом чтении и правда прошло как никогда гладко. На пленарном заседании 28 сентября его концепцию одобрили все депутатские объединения, кроме КПРФ и АПДГ, а по предложению лидеров ОВР и «Единства» В.Володина и В.Пехтина (и вопреки возражениям С.Соколова и Н.Губенко, КПРФ) прения были ограничены выступлениями руководителей фракций и групп, тогда как выступления председателей думских комитетов перенесены на второе и третье чтения²³². Для принятия проекта хватило утреннего и дневного заседаний; за него почти в полном составе проголосовали «Единство» (78 из 83), ОВР (43 из 44), НД (57 из 60) и РР (39 из 45), а также более половины «правых» (21 из 38) и более 70% «яблочников» (13 из 18)²³³. Последующие чтения (19 октября – второе, 30 ноября – третье, 14 декабря – четвёртое) тоже прошли как по маслу, укладываясь в рамки одного пленарного заседания.

Таким образом, скоординированность действий была достигнута, и остаётся только удивляться, почему после этого центристы столько промешкали с переделом думских постов. Можно предположить, что Кремлю было немного неловко нарушать договорённости с КПРФ (январь 2000 г.), тем более что коммунисты, судя по всему, и не обещали вести себя лояльно. Недаром переделу предшествовала небольшая прелюдия. 20 марта 2002 г. центристы внесли поправку к регламенту ГД, в соответствии с которой председатель Госдумы лишался решающего голоса в Совете нижней палаты. Расставшийся к этому времени с СПС С.Юшенков искренне недоумевал, о чём вообще идёт речь, – ведь решения Совета ГД носят исключительно рекомендательный характер²³⁴. Представитель «Яблока» С.Иваненко подтвер-

дил, что 90% вопросов («если не больше»), выносимых на Совет Думы, решаются консенсусом²³⁵. Однако лидер ЛДПР В.Жириновский пояснил, что речь идёт о том, чтобы у КПРФ «и в Совете Думы, и во всех структурах был только один голос»: «Ненормально, когда председатель палаты – от оппозиционной партии, а большинство, “союз четырёх”, ...нигде не представлено. То же самое – комитеты. Комитеты должны быть у парламентского большинства»²³⁶. Политическое значение данной поправки не отрицал и официальный представитель фракции СПС Б.Надеждин – в отличие от З.Багишаева (ОВР), который настаивал, что «дело здесь не в политике, а в сути: все фракции должны быть равны»²³⁷.

Разумеется, никакой проблемы решающий голос Г.Селезнёва на Совете Госдумы ни для кого не создавал. Из десяти мест в Совете четыре принадлежали КСЦС и ещё одно – лояльной Кремлю ЛДПР; вероятность того, что против центристов объединятся такие идейные антагонисты, как КПРФ и АПДГ, с одной стороны, и СПС и «Яблоко», с другой, на тот момент была чисто гипотетической и могла осуществиться только на одной основе – чтобы не дать «партии власти» монополизировать контроль над парламентом. Это, в частности, понял С.Иваненко, расценивший действия центристов как попытку выкинуть как либералов, так и левых из «процесса принятия политических решений»²³⁸. В конце концов пресловутую поправку поддержали, помимо центристов и ЛДПР, 18 «правых»²³⁹; это свидетельствовало о том, что многим представителям СПС было трудно отказать себе в удовольствии уязвить оппонентов, – но больше о том, что руководство фракции принимало заинтересованное участие в переговорах на предмет перераспределения думских портфелей.

Однако, когда 3 апреля 2002 г. центристы перешли к главному из задуманного – переделу комитетов, не устояли и «яблочники». Теперь С.Иваненко не только не вступился за коммунистов, у которых было решено отнять семь комитетов и мандатную комиссию, но и заметил им с укором: «Когда в стране не выплачивалась зарплата два с лишним года, когда никаких вопросов мы не решали в экономике, вы все сидели на своих хороших постах председателей, и всё было спокойно, а сейчас, когда лишают мигалок, машин и дач, у вас тут какие-то большие проблемы»²⁴⁰. Напрасно лидер КПРФ Г.Зюганов ссылался на высокую квалификацию членов своей фракции, возглавляющих думские комитеты. Упреждая эти возражения, председатель комитета по регламенту и организации работы Госдумы О.Ковалёв напомнил, что именно высококвалифицированные специалисты из

КПРФ и АПДГ саботировали работу над Трудовым и Земельным кодексами²⁴¹. В итоге против передела комитетов голосовали в основном коммунисты и аграрии, а также немногие сочувствующие из «Регионов России», тогда как «правые» и «яблочники» (первые более активно, вторые – менее) поддержали это решение²⁴². Ещё бы – «Яблоко» в результате получало комитет по образованию и науке, а СПС – целых два комитета: по труду и социальной политике и по экономической политике и предпринимательству (ещё один – по промышленности, строительству и наукоёмким технологиям – передавался «Регионам России» и три – по государственному строительству, по аграрным вопросам и по делам Федерации и региональной политике – ОВР; Агропромышленной группе вместо комитета по аграрным вопросам передавались мандатная комиссия и комитет по делам женщин, семьи и молодёжи)²⁴³.

В ответ о сложении полномочий заявили те представители КПРФ, которых Дума оставила председателями комитетов, – Н.Губенко (по культуре) и В.Зоркальцев (по делам общественных объединений и религиозных организаций), а также член АПДГ В.Никитин (по делам национальностей)²⁴⁴. Лидер АПДГ Н.Харитонов подчеркнул, что аграрии «не держатся за кресла» и «не считают возможным занимать руководящие должности в комитетах и комиссиях»²⁴⁵.

Коммунисты, кроме того, решили отказаться и от поста спикера – дабы не делить с президентом, правительством и «правым думским большинством» «ответственность за проводимый в стране социально-экономический курс». Это решение, подтверждённое 7-м пленумом ЦК КПРФ (10 апреля)²⁴⁶, совсем не понравилось Г.Селезнёву – на следующий день после пленума он сообщил, что не собирается в отставку, поскольку считает, что его уход «нанесёт урон авторитету Госдумы как центру парламентаризма России» («Мой принцип – сначала всё-таки нужно думать об интересах общества в целом, о стране, а потом уже, как говорится, учитывать интересы той партии, в которой ты состоишь»)²⁴⁷. Дело о «непартийном поведении» Г.Селезнёва затянулось на полтора месяца. В мае ряды отступников пополнили Н.Губенко и С.Горячева – первый на пленарном заседании Госдумы заявил о готовности «подчиниться парламентской дисциплине»²⁴⁸, а вторая не выразила протеста, когда Госдума, в связи с отказом АПДГ выдвинуть своих кандидатов на должности председателей комитета по делам женщин, семьи и молодёжи и мандатной комиссии, постановила сохранить эти посты за прежними руководителя-

ми²⁴⁹. 25 мая пленум ЦК КПРФ исключил Г.Селезнёва, С.Горячеву и Н.Губенко из партии за «невыполнение устава КПРФ ...и нанесение ущерба КПРФ»²⁵⁰ (к В.Зоркальцеву и В.Никитину, продолжавшим возглавлять комитеты по причине того, что Дума не удовлетворила их заявления об отставке²⁵¹, претензий не возникло). В итоге к потерянным семи комитетам коммунистам пришлось приплюсовать ещё один – по культуре, а вкуче с ним и место спикера.

Таким образом, весной 2002 г. контроль центристов, а по сути Кремля, над парламентом стал если не всеобъемлющим, то как минимум бесспорным. Исполнительная власть получила возможность проводить тот курс, какой считала нужным, не оглядываясь ни направо, ни налево. Этот курс и в самом деле оказался «центристским»: несколько либерально-реформистских законов были уравновешены консервативными мерами, ужесточающими государственную регламентацию общественной жизни. Причём либеральные шаги затрагивали исключительно экономическую сферу, тогда как консервативные – прежде всего политическую. Однако и там, и там Кремль и думское большинство руководствовались принципом «никаких крайностей».

К наиболее заметным инициативам либерально-реформистского свойства можно отнести принятие законов об обороте земель сельскохозяйственного назначения и о реформировании системы оплаты услуг ЖКХ, а также пакета законов по реформе электроэнергетики.

При обсуждении закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения (первое чтение – 16 мая 2002 г.) было представлено семь проектов, отражающих все политические оттенки: от радикально-реформистского, внесённого фракцией СПС и предусматривающего снятие практически всех препятствий обороту земли²⁵², до консервативного, отстаиваемого аграриями и коммунистами и предлагающего ограничить этот рынок отношениями аренды и субаренды²⁵³. По итогам рейтингового голосования победил правительственный вариант, разрешающий куплю-продажу сельскохозяйственной земли, но вводящий ограничения на её приобретение иностранцами и лицами без гражданства²⁵⁴. За него проголосовали как «центристская четвёрка», так и либералы²⁵⁵, тем более что «правые» не строили иллюзий относительно шансов своего законопроекта²⁵⁶.

Пакет законов о реформе электроэнергетики (первое чтение – 9 октября 2002 г.) встретил дежурное сопротивление коммунистов и аграриев, но также и «Яблока». Г.Явлинский назвал его «абсолютно неприемлемым ни с социальной, ни с экономической, ни с политиче-

ской точки зрения»: «Он неприемлем с социальной точки зрения потому, что он гарантирует бесконечный рост тарифов... С экономической точки зрения этот проект, ...во-первых, ...означает приватизацию и распродажу ...по типу залоговых аукционов и чековой приватизации. ...Во-вторых, будут созданы так называемые электрические олигархи в каждом регионе, которые будут контролировать всю предпринимательскую, промышленную и производственную деятельность... ..Политическая суть этих предложений – в создании экономической основы политического корпоративного авторитаризма в стране»²⁵⁷. Надо сказать, что неприятие «яблочниками» предложенной правительством реформы объяснялось не только концептуальными изъянами последней, но и напряжёнными отношениями между «Яблоком» и СПС, а кроме того, горячей антипатией сподвижников Явлинского к руководителю РАО «ЕЭС» А.Чубайсу. Впрочем, для принятия данного пакета законов в первом чтении с лихвой хватило голосов центристов, СПС и ЛДПР²⁵⁸. В остальных чтениях (второе – 14 февраля 2003 г., третье – 21 февраля) законы были приняты тем же составом парламентариев²⁵⁹.

Аналогичная расстановка сил наблюдалась и в ходе принятия закона о реформировании системы оплаты жилищно-коммунальных услуг (первое чтение – 27 ноября 2002 г.). Центристы, «правые» и жириновцы поддержали правительственный проект, предусматривающий постепенное доведение оплаты услуг ЖКХ потребителями до 100%; коммунисты, аграрии и «яблочники» выступили против. Представитель «Яблока» С.Митрохин выразил общее мнение оппозиции: «Фактический смысл законопроекта действительно заключается в том, чтобы окончательно оправдать и легитимизировать вот эту порочную практику перекладывания всей ответственности за состояние ЖКХ с государства и муниципалитетов на население»²⁶⁰. Большинство депутатов от «Яблока» (11 человек) – вместе с 27 коммунистами, 8 «правыми», 11 аграриями, 5 «нардепами», 24 представителями «Регионов России» и 4 «Единства» – предпочло поддержать альтернативный проект (разработчик – О.Шеин, «Регионы России»), делавший акцент на обеспечении прозрачности ЖКХ и снижении размера оплаты его услуг²⁶¹. Перевес, однако, был не на их стороне: при рейтинговом голосовании правительственный законопроект набрал 220 голосов, шеинский – всего 96²⁶². Правда, необходимое число голосов для принятия правительственного варианта удалось изыскать только на следующем пленарном заседании²⁶³, главным образом благодаря «работе» с «Народным депутатом», в результате ко-

торой среди его представителей очень выросло число приверженцев «прогрессивных начинаний» – с 27-ми (27 ноября) до 45-ти (29 ноября)²⁶⁴.

На этом реформистский запал исполнительной власти и парламентского большинства, пожалуй, иссяк. Куда большим расположением пользовались инициативы консервативного свойства, способствующие повышению «управляемости» различных сторон общественной жизни. В период деятельности Госдумы третьего созыва этот консерватизм ещё удерживался в умеренных пределах, не нарушая «демократических приличий», тем не менее соответствующая тенденция прослеживалась без труда.

Так, весьма консервативным, можно даже сказать запретительным, получился многострадальный закон об альтернативной гражданской службе. Правительственный вариант этого закона (первое чтение – 17 апреля 2002 г.) предусматривал 4-летний срок АГС (во втором чтении – 42 месяца), а также обязывал призывника доказать, что военная служба несовместима с его религиозными либо моральными убеждениями. Это вызвало резкую критику либералов, требовавших упростить допуск к АГС, уменьшить её продолжительность (А.Баранников, СПС), привести исчерпывающий перечень причин, по которым призывнику может быть отказано в её прохождении (А.Шишлов, «Яблоко»)²⁶⁵. Что касается коммунистов и аграриев, то они высказались против самой возможности АГС: «Вместо того чтобы наводить порядок в армии, чтобы детям там не грозила дедовщина, чтобы детей наших сразу же не брали в горячие точки, чтобы оттуда не убегали, ...вместо этого мы предлагаем ещё один закон, позволяющий вообще не служить в армии» (Т.Плетнёва, КПРФ); «Данный закон будет способствовать дальнейшему вымыванию грамотных людей из армии. И таким образом мы законодательно будем создавать армию уклонистов» (В.Ивер, АПДГ)²⁶⁶. В рейтинговом голосовании правительственный законопроект поддержали 245 депутатов, два альтернативных проекта (Ю.Рыбакова и В.Семёнова), предусматривающие свободный выбор гражданской службы и уравнивание её в сроках с военной, – соответственно 74 и 69²⁶⁷. За правительственный проект отдали голоса центристы и жириновцы, за альтернативные – «правые» и «яблочники»; коммунисты и аграрии голосовали против всех трёх²⁶⁸.

Либералы из всех сил пытались помешать принятию законопроекта и во втором (19 июня 2002 г.), и в третьем чтении (28 июня) – когда обсуждать, собственно, было уже нечего. А.Баранников (СПС),

представлявший законопроект в третьем чтении, вместо того чтобы доложить о произведённой технической и лингвистической правке, стал перечислять «ухудшения», которые были внесены в документ во втором чтении: «граждане будут проходить альтернативную гражданскую службу вдали от дома, то есть по экстерриториальному принципу»; «граждане будут проходить АГС в организациях вооружённых сил, а не в социальной сфере»; «направлять гражданина на альтернативную гражданскую службу будет военный комиссар»; «граждане, прошедшие альтернативную гражданскую службу, будут зачисляться в запас вооружённых сил» и пр.²⁶⁹ С ним полностью солидаризовались «яблочник» А.Арбатов («Стремясь сделать закон максимально тяжёлым, мы сделали его максимально затратным. ...Ребята будут посылать служить экстерриториально, на это уйдут большие деньги... Также закон станет более коррупционным, ...потому что те, кто стремится уклониться от военной службы, будут идти не на альтернативную службу..., а будут ...вступать на путь нарушения законов»), внефракционный либерал В.Похмелькин («Фактически он [закон] тормозит военную реформу в нашей стране. ...Он создаёт условия для усиления коррупции в призывных комиссиях и связанных с ними органах»), представитель «Регионов России» В.Лысенко (также подчеркнул коррупционность и затратность закона)²⁷⁰. А «правый» Б.Надеждин расценил принятие закона об АГС как победу «силового блока» правительства над «социальным»²⁷¹. Конечно, немногочисленные либералы не могли противостоять объединённым центристам – закон был принят в окончательном чтении 237 голосами²⁷².

Отчётливо консервативный характер носили и поправки к закону о референдуме, запрещающие плебисциты в период федеральных избирательных кампаний, а также в последний год полномочий президента и Госдумы, в военное время или в случае объявления чрезвычайного положения. Поводом для их принятия явился демарш коммунистов, начавших сбор подписей за проведение референдума по четырём вопросам: 1) о запрете купли-продажи земли, кроме «земель личных подсобных хозяйств, приусадебных, садово-огородных, дачных и гаражных участков»; 2) об исключительно государственной собственности на «недра, леса, водоёмы и другие природные ресурсы, а также железные дороги, предприятия топливно-энергетического комплекса, оборонной промышленности, чёрной и цветной металлургии, обеспечивающие национальную безопасность России»; 3) о том, что «зарплаты и пенсии не могут быть ниже установленного

особым законом прожиточного минимума»; 4) о том, что оплата жилья, электроэнергии и иных коммунальных услуг в сумме не должна превышать 10% от совокупного дохода семьи²⁷³.

От этой затеи за версту веяло предвыборным популизмом, но, как справедливо отметил внефракционный либерал С.Юшенков при обсуждении законопроекта в первом чтении (18 сентября 2002 г.), центристы, вместо того чтобы уточнить перечень тем, по которым нельзя проводить референдум, фактически предложили «ограничить право народа на непосредственное волеизъявление», а «правые» и «яблочники» не придали этому особого значения, так как увлеклись критикой коммунистических вопросов и использования референдума «в целях предвыборной агитации»²⁷⁴. Между тем без либералов принять эти поправки было не так просто, поскольку для изменения закона о референдума – как конституционного – требовалось не менее 300 голосов. Хотя и не с первой попытки, но поправки всё-таки были приняты – сначала в первом чтении²⁷⁵, а через два дня, 20 сентября, во втором²⁷⁶ и в третьем²⁷⁷.

«Зачистке» политического поля от «лишних» партий должно было послужить повышение – до 7% – барьера для партий, участвующих в думских выборах (правда, не в ближайших, а в следующих за ними). Против этой новации выступило, в частности, «Яблоко», представитель которого, С.Митрохин, заявил: «Каждое поднятие процента на выборах и отсеечение каких-либо политических сил, за которыми могут стоять миллионы избирателей, – это для очень большой части населения просто повод не ходить на выборы. ...Это предложение направлено на создание в России олигархической партийной системы»²⁷⁸. «Правые», однако, не поддержали коллег по либеральному флангу – видимо, в надежде на то, что повышение барьера смягчит позицию «яблочников» на переговорах об объединении. Закон «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» был изменён 344 голосами²⁷⁹.

Поправки к закону о СМИ, принятые 15 ноября 2002 г. в первом чтении, ужесточали порядок лицензирования теле- и радиовещания. Даже представитель «Единства» Б.Резник согласился с «правым» А.Вульфом и «яблочником» С.Поповым в том, что эти поправки продолжают «насаждение чиновного диктата в СМИ»²⁸⁰.

Не только либералы, но и коммунисты с аграриями воспротивились поправкам, вводящим новые санкции за нарушения в ходе избирательных кампаний, в частности разрешающим приостанавливать деятельность проштрафившихся СМИ (первое чтение – 21 марта

2003 г.). Коммунист В.Илюхин, «правые» Б.Надеждин и А.Мяки, «яблочник» С.Митрохин указали, что представленный Центризбиркомом законопроект, проявляя снисходительность к такому нарушению, как злоупотребление административным ресурсом (самое грозное наказание – штраф в 5 тыс. руб.), вместе с тем максимально строг к независимым СМИ и независимым кандидатам²⁸¹. Но объединённых сил левой и правой оппозиции было недостаточно, чтобы заблокировать принятие закона.

Острую критику либералов вызвал и окончательный вариант закона «О системе государственной службы РФ» (третье чтение – 25 апреля 2003 г.). Представитель СПС Б.Надеждин заявил, что в ходе доработки законопроекта во втором чтении из него исчезли такие концептуальные положения, как открытость и конкурсность госслужбы, её подконтрольность гражданскому обществу: «К сожалению, мы с вами во втором чтении исключили поправки, которые говорили о конкурсе, ...о гражданском контроле, ...наконец, о внепартийности госслужбы и об отделении её от церкви. Мы эти поправки исключили, зато одобрили поправки, согласно которым единственными основаниями занять должность в государстве будут классный чин и выслуга лет. ...А второй нашей поправкой ...мы приравнивали выслугу лет в военной и правоохранительной службе к выслуге в гражданской службе. Таким образом, ...и хорошие военные, и хорошие прокуроры, и хорошие сотрудники ФСБ ...почему-то получают преимущество при занятии должностей в министерстве экономики, в министерстве науки, в министерстве финансов»²⁸².

Председатель комитета ГД по делам Федерации и региональной политике В.Гришин (ОВР) и представитель президента в Госдуме А.Котенков, разумеется, сказали, что Б.Надеждин не прав и что всё, о чём он говорил – открытость и конкурсность госслужбы, равный доступ к ней, – в законе осталось²⁸³. А вот жириновец А.Митрофанов был намного откровеннее: «Вам [либералам] нужно, чтобы из компаний “ЮКОС” и “Сибнефть” приходили кадры, менеджеры оттуда становились замминистрами, решали определённые вопросы полгода и потом уходили. ...Так не должно быть. Правильно – классные чины, выслуга, годы и движение кадров из Москвы в регионы и из регионов в Москву»²⁸⁴. Добавить нечего – главное противоречие между либералами и «партией власти» в этом вопросе представитель ЛДПР изложил хоть и утрированно, но точно.

Довольно критически либералы оценили и закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Фе-

дерации» (первое чтение – 21 февраля 2003 г., второе – 11 июня, третье – 16 сентября). Как заявил лидер фракции СПС Б.Немцов, этот закон «никаких финансовых гарантий городам не даёт, зато создаёт новую армию муниципального чиновничества» («Миллион новых муниципальных чиновников у нас в стране появится»)²⁸⁵. Надо отметить, что во втором и третьем чтениях против принятия закона голосовали не только «правые», но и коммунисты с аграриями, хорошо понимавшие, чьи позиции на местах укрепит данный законодательный акт, а во втором чтении – и подавляющее большинство «яблочников»²⁸⁶.

Не приветствовали либералы, прежде всего «яблочники», и имеющую место «тенденцию к сверхцентрализации финансовой системы, к перераспределению доходов местного самоуправления и субъектов Федерации в пользу федерального центра» (С.Митрохин)²⁸⁷.

В общем, чем ближе были парламентские выборы, тем хуже становились отношения либералов с «партией власти» и стоящим за нею Кремлём. Кончилось тем, что 18 июня 2003 г. «яблочники» присоединились к очередному требованию КПРФ и АПДГ об отставке правительства. Г.Явлинский обвинил кабинет М.Касьянова в «сто-процентном провале» всех заявленных реформ – налоговой, административной, военной, естественных монополий, ЖКХ, финансового сектора, образования, а также в превращении страны в «свалку ядерных отходов»²⁸⁸. Излишне говорить, что эта инициатива оказалась очередным холостым выстрелом.

Наконец, осенью 2003 г. «яблочники» и «правые» впервые за весь период работы Госдумы третьего созыва отказались поддержать проект бюджета на 2004 г. Лидер СПС Б.Немцов, в частности, укорил правительство за невыполнение обещания рассекретить 90% военного бюджета, а М.Задорнов заявил, что «Яблоко» «не готово голосовать за бюджет застоя», «за слабый экономический рост и за консервацию социальных расходов»²⁸⁹. Отряд не заметил потери бойца. Бюджет-2004 без сучка и задоринки проскочил все четыре чтения: первое – 19 сентября, второе – 15 октября, третье – 21 ноября, четвёртое – 28 ноября. Причём если раньше оппозиция, блокируясь с частью центристов, ухитрялась протащить кое-какие поправки во втором и третьем чтениях, то на этот раз все поползновения подобного рода безжалостно пресекались.

«Партия власти» тем временем крепила свои ряды. Накануне парламентских выборов-2003 она сделала символический жест: фракции ОВР и «Единство» были переименованы соответственно в «Отечест-

во – Единая Россия» (15 августа)²⁹⁰ и «Единство – Единая Россия» (5 сентября)²⁹¹. К началу избирательной кампании в партии «Единая Россия» не осталось и следа «конфедеративности», присущей её предшественникам – «губернаторским блокам»; в ней воцарилось безусловное единоначалие, а каждый шаг её руководства направлялся и контролировался президентской администрацией. То, что «Единая Россия» представляла собой не более чем декорацию, значения не имело. Она была инструментом в руках Кремля, с помощью которого последний рассчитывал подчинить не только Думу, но и региональные элиты. Федеральная власть вознамерилась покончить с ситуацией, когда главы субъектов РФ вели самостоятельную игру, превращая отделения «партии власти» в свои клиентелы. В «Единой России» им предназначалась роль не удельных князей с собственными дружинами, а всего лишь офицеров императорского войска, пусть и высших.

8.3.6. Думская кампания 2003 г.

Кремлю не удалось осуществить поставленные задачи в полном объёме – для сильных глав субъектов РФ «Единая Россия» не стала серьёзным соперником; однако он смог консолидировать бюрократию и построить её на думских выборах в одну шеренгу. В арсенале «партии власти» были административный ресурс, подчинённые государственные телеканалы, подконтрольные избиркомы, суды и правоохранительные органы (для зажима конкурентов), а также интенсивно эксплуатируемый рейтинг В.Путина и наиболее популярных губернаторов, возглавивших региональные разделы общенационального списка.

Кроме того, исполнительная власть располагала другими мощными средствами. В условиях, когда среди бюджетополучателей росло недовольство распределением национального дохода, остальные участники избирательной кампании могли лишь обещать, что, придя к власти, призовут «олигархов» к ответу. Кремль имел возможность приступить к практической части сразу. Именно так, по всей видимости, следует рассматривать начавшийся летом 2003 г. «поход» против НК «ЮКОС», завершившийся в конце октября арестом главы компании М.Ходорковского. И если в 1999 г. главной сюжетной линией выборов было противостояние двух отрядов чиновничества – федерального и регионального, то кампания 2003 г. протекала на фоне наступления консолидированной бюрократии на разобщённую и деморализованную буржуазию.

От перевода политической борьбы в это русло выиграла прежде всего «Единая Россия», а также объединения, горячо одобрявшие действия Генпрокуратуры в отношении «олигарха»; проиграла же СПС, «Яблоко» и – как это ни странно на первый взгляд – КПРФ: во-первых, у неё перехватили лозунг «экспроприации экспроприаторов», а во-вторых, нанесли удар по её спонсорам (в центральной части партийного списка Компартии значились, в частности, акционеры и сотрудники «ЮКОСа» А.Кондауров и С.Муравленко²⁹²).

Наконец, на этих выборах исполнительная власть проявила недюжинную изобретательность в деле размножения политических субъектов – главным образом для того, чтобы устроить толчею на левом фланге и отобрать у КПРФ как можно больше избирателей. Например, судя по всему, не без рекомендации Кремля в избирательной кампании приняла участие Аграрная партия России (в 1999 г. её «поделили» между собой КПРФ и ОВР), откромсавшая у коммунистов солидный ломоть электорального пирога – 3,64% голосов²⁹³. Клоком, вырванным из шкуры КПРФ, были и 3,09%, которые достались избирательному блоку «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости»²⁹⁴, созданному в разгар кампании и пользовавшемуся благоволением государственных СМИ.

Но наиболее удачным ходом президентской администрации надо признать введение в игру блока «Родина». Вообще-то «объединение народно-патриотических сил» зародилось само по себе, без содействия Кремля. Ещё в мае 2003 г. участники научно-практической конференции «От противостояния – к социальной ответственности», представлявшие широкий круг «левопатриотических» организаций, поручили сопредседателю НПСР и Партии российских регионов С.Глазьеву «организовать работу постоянно действующего объединительного совещания народно-патриотических сил»²⁹⁵. На совещании 10 июня был одобрен проект соглашения, предусматривающий, в частности, «формирование избирательной коалиции на выборах в Государственную Думу»²⁹⁶. Однако КПРФ, к которой в первую очередь был обращён призыв о создании предвыборного блока, 27 июня недвусмысленно дала понять, что единственно возможным вариантом сотрудничества считает включение «кандидатов от организаций-союзников» в свой федеральный список²⁹⁷.

В результате 24 августа «Соглашение о совместной деятельности народно-патриотических сил» подписали 16 организаций, в т.ч. ПРР (С.Глазьев), Российская партия труда (О.Шейн), партии «СЛОН» (В.Игрунов), «Евразия» (А.Дугин) и «За Русь Святую» (А.Куимов,

С.Попов)²⁹⁸, Российская традиционалистская партия (А.Чуев), Социально-либеральное объединение РФ (Л.Гуревич), Народно-патриотический союз молодёжи (И.Маляров), СОЦПРОФ (С.Храмов), Российская ассоциация профсоюзов студентов (О.Денисов)²⁹⁹. К 14 сентября, дню проведения учредительной конференции избирательного блока, получившего название «Родина (народно-патриотический союз)», в числе его коллективных членов насчитывалось уже 28 партий и движений.

Соглашение о создании РНПС подписали 3 блокообразующие партии – ПРР, ПНВ «Народная воля» и СЕПР(ДН); при этом было объявлено, что ещё 13 партий получат места для своих кандидатов в федеральном списке, а в списке одномандатников будут представлены все участники блока. Большое количество коллективных членов обусловило также необычную обширность федерального списка – 370 человек³⁰⁰. В центральную его часть кроме известных деятелей «левопатриотического» фланга – С.Глазьева, В.Варенникова, С.Бабурина и др. – вошёл председатель думского комитета по международным делам Д.Рогозин (№ 2)³⁰¹, совсем ещё недавно подвизавшийся в Народной партии РФ (на посту заместителя председателя), а в феврале 2003 г. объявивший о переходе в «Единую Россию»³⁰². Он же возглавил избирательный штаб блока³⁰³. В новом обществе Д.Рогозин выглядел несколько чужеродно, что навевало подозрения насчёт того, не является ли он эмиссаром Кремля. В дальнейшем многие его поступки, а также высказывания о «Родине» как «спецназе президента»³⁰⁴, сделали эти подозрения уверенностью.

В ходе избирательной кампании «Родина» активно использовала антиолигархические лозунги, а главным объектом своей критики выбрала Союз правых сил. СПС охотно подобрал брошенную перчатку, однако этим, как выяснилось позже, только подыграл своему оппоненту.

В целом право участвовать в выборах 2003 г. имели 44 политические партии и 20 общероссийских общественных объединений³⁰⁵. В бюллетень для голосования были включены 23 избирательных объединения и блока³⁰⁶, которые можно разбить на следующие группы:

- «партия власти» – *«Единая Россия»*;
- коммунисты – *КПРФ*;
- социал-патриоты – *ЛДПР*, блоки *«Родина (народно-патриотический союз)»*, *«Великая Россия – Евразийский союз»* и *«Партия возрождения России – Российская партия жизни»*, *Партия мира и единства*;

либералы и социал-либералы – *«Яблоко»*, *Союз правых сил*, блок *«Новый курс – Автомобильная Россия»*, партии *«СЛОИ»* и *«Развитие предпринимательства»*;

центристы – *Народная партия РФ*, *Народно-республиканская партия России*, *Демократическая партия России*, *Российская конституционно-демократическая партия*;

социалисты и социал-демократы – блок *«Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости»*;

национал-патриоты – *партия «За Русь Святую»*;

экологи – *Российская экологическая партия «Зелёные»*;

созданные по корпоративному либо конфессиональному признаку – *Аграрная партия России*, *партия «Истинные патриоты России» (бывш. Исламская партия России)*;

образования сектантского типа – *Концептуальная партия «Единение»*;

псевдопартии с невнятной политической ориентацией – *Объединённая российская партия «Русь»*.³⁰⁷

Выборы-2003 принесли «партии власти» ещё больший триумф, чем выпавший ей четырьмя годами ранее. «Единая Россия» получила 37,57% голосов по партийным спискам³⁰⁸ и 103 места по одномандатным округам³⁰⁹. Её главные конкуренты – коммунисты – потерпели первое в истории парламентских выборов в постсоветской России поражение: по пропорциональной системе они получили 12,61% голосов³¹⁰ (почти вдвое меньше, чем в 1999 г.), а по одномандатным округам всего 12 мест³¹¹ (в 1999 г. – 43). Зато хорошо поправила свои дела непотопляемая ЛДПР (11,45%; вдвое больше, чем в 1999 г.). Очень успешно выступил дебютант большой политики – избирательный блок «Родина» (С.Глазьев–Д.Рогозин), набравший 9,02%³¹². А вот либералов постигло самое тяжкое в их жизни фиаско – они не преодолели 5%-ного барьера (4,3% у «Яблока» и 3,97% у СПС³¹³) и не попали в Думу.

8.3.7. Переход парламента под контроль «Единой России»

В самом парламенте места дополнительно перераспределились в пользу «партии власти». Во фракцию «Единая Россия» вступила подавляющая часть независимых депутатов, а также представители многих не прошедших в Госдуму партий, в т.ч. все члены Народной партии РФ (17) и СПС (3). В результате уже к первому пленарному заседанию «партия власти» имела конституционное большинство – 300 мандатов³¹⁴ (из 450). Во фракцию КПРФ вошли 52 депутата, во фракции «Родина» и ЛДПР – по 36³¹⁵. Естественно, что в таких усло-

виях председателем Госдумы мог стать только «единоросс»: 352 головами на эту должность был избран Б.Грызлов³¹⁶, совместивший её с постом руководителя фракции «Единая Россия»; кроме ЕР за его кандидатуру практически в полном составе проголосовали жириновцы³¹⁷ (они и в дальнейшем едва ли не во всём поддерживали «старших товарищей»).

На этом «партия власти», разумеется, не успокоилась. «Единороссы» учредили посты двух первых заместителей председателя ГД, без обсуждения проведя на них своих представителей – А.Жукова и Л.Слиску, а затем, тоже без обсуждения, утвердили решение об избрании восьми «простых» вице-спикеров: пятеро представляли ЕР, трое – остальные фракции³¹⁸. Затем в регламент Госдумы были внесены изменения, согласно которым членами Совета палаты с правом решающего голоса становились председатель ГД и его заместители, в т.ч. первые, а с правом совещательного голоса к работе Совета допускались председатели парламентских комитетов³¹⁹ (раньше право решающего голоса в Совете принадлежало лидерам фракций). Кроме того, минимальная численность депутатской группы увеличивалась с 35 до 55 человек³²⁰, что фактически делало невозможным появление в Думе новых объединений.

Наконец, на втором пленарном заседании Госдумы четвёртого созыва (16 января 2004 г.) председателями всех 29 парламентских комитетов были избраны представители «Единой России»³²¹ – невзирая на возражения оппозиции, заявлявшей, что «столь жёсткий монополизм» позволителен только при формировании правительства, а при организации думских структур «должны учитываться и голоса тех многих миллионов граждан Российской Федерации, которые голосовали за другие фракции»³²². «Партия власти» сделала всё, чтобы от мнения меньшинства перестало зависеть что бы то ни было. Рычаги управления парламентом полностью сосредоточились в руках «Единой России», а точнее, контролирующей последнюю президентской администрации.

Тем и завершился переход от периферийной системы к псевдопартийной. Окончательную точку в этом процессе поставили президентские выборы (14 марта 2004 г.). Все реальные и потенциальные противники Кремля подошли к ним в состоянии совершеннейшего раздора.

8.3.8. Президентская кампания 2004 г.

Поражение КПРФ на думских выборах изрядно взбудрило внутрипартийную оппозицию во главе с секретарём ЦК С.Потаповым.

Подвергнув Г.Зюганова резкой критике, «бунтовщики» потребовали, чтобы кандидатом в президенты от Компартии стал председатель Исполкома НПСР Г.Семигин. Поскольку Г.Зюганов не желал ни баллотироваться сам (слабое выступление ещё больше подорвало бы его реноме), ни, конечно же, отдавать инициативу «группе Потапова–Семигина», партийное руководство не придумало ничего лучшего, кроме как выдвинуть кандидатом от КПРФ лидера Агропромышленной депутатской группы в Госдуме третьего созыва Н.Харитонов, который даже не являлся членом партии. На втором этапе X съезда КПРФ (28 декабря) эта кандидатура была поддержана лишь незначительным большинством – 123 голоса против 105 у Г.Семигина³²³.

Либералы вообще «взяли самоотвод». «Яблоко» уже через две недели после думских выборов, на своём XII съезде (21 декабря), приняло решение не выставлять собственного кандидата и не поддерживать В.Путина – так как, по мнению «яблочников», парламентская кампания «продемонстрировала отсутствие в России свободных демократических выборов», а значит, и предстоящие президентские выборы «не могут быть ни свободными, ни честными, ни справедливыми, ни равноправными»³²⁴.

В конце концов, удивив многих, сопредседатель СПС И.Хакамада объявила о самовыдвижении, пояснив, что стремится составить демократическую альтернативу В.Путину³²⁵. Союз правых сил долго колебался и на своём съезде (24–25 января 2004 г.) отказался поддерживать её кандидатуру (71 голосов «против», 61 «за»), предоставив членам партии свободу действий³²⁶.

ЛДПР назначила кандидатом никому не известного депутата Госдумы О.Малышкина – бывшего охранника лидера партии³²⁷. Видимо, в Кремле испугались, что после относительного успеха на парламентских выборах главный «либерал-демократ» наберёт слишком много голосов, а Жириновский, как верный патриот любого начальства, исправно взял под козырёк.

«Родина» выдвинула бывшего председателя Центробанка В.Герашенко³²⁸ – надо полагать, исключительно для того, чтобы не оказывать поддержку С.Глазеву, которого, судя по всему, Кремль не хотел видеть в роли претендента. Глазеву было рекомендовано выступить в порядке самовыдвижения – но только если В.Герашенко не будет зарегистрирован³²⁹. Центризбирком таки не зарегистрировал В.Герашенко (на том основании, что он выдвинут не всеми тремя соучредителями «Родины», а лишь одним – Партией российских регионов³³⁰),

и Глазьев самовыдвинулся, однако руководство блока всё равно отказало ему в поддержке, а Д.Рогозин заявил, что проголосует за В.Путина³³¹. Закончилась эта история смещением С.Глазьева с поста лидера думской фракции «Родина» накануне голосования³³², а также фактическим расколом одноимённого блока.

Кроме того, в кампании принял участие лидер РПЖ С.Миронов, не скрывавший, что поддерживает В.Путина и идёт на выборы лишь для того, чтобы прорекламировать возглавляемую им Российскую партию жизни³³³.

Характерно, что действующий президент В.Путин баллотировался не от партии «Единая Россия», а в самостоятельном качестве³³⁴. Это ещё раз доказало, что в России нет правящей партии, а есть доминирование беспартийной бюрократии, напрямую апеллирующей к электорату и не нуждающейся ни в какой организованной поддержке, кроме той, которую она имеет в силу служебного положения³³⁵.

Ожидаемый триумф В.Путина (71,31%³³⁶) превзошёл не только его собственное достижение четырёхлетней давности (52,77%), но и результат, полученный Б.Ельциным на выборах 1991 г. (57,3%). Ближайший конкурент Путина, Н.Харитонов, набрал всего 13,69%, остальные и того меньше: С.Глазьев – 4,1%, И.Хакамада – 3,84%, О.Малышкин – 2,02%, С.Миронов – 0,75%³³⁷. С победой В.Путина псевдопартийная система вступила в фазу своего расцвета.

Вместо послесловия

Итак, избирательный цикл 2003–2004 гг. увенчался торжеством псевдопартийной системы, которое ознаменовалось, в частности, принятием законов, усиливающих централизацию власти и государственный контроль над общественной и политической жизнью. Главными шагами в этом направлении можно считать отмену прямых губернаторских выборов, введение исключительно пропорциональной системы на выборах в Государственную Думу, запрет на создание избирательных блоков (сначала формальных, а затем и фактических – под вывеской какой-нибудь одной партии) и на переход депутатов из одной партии в другую, ликвидацию графы «против всех» в бюллетене для голосования и минимального порога явки. Цель этих шагов очевидна: сконцентрировать власть в руках нынешней правящей элиты и отсечь возможность внезапного появления сильных конкурентов.

Система стала и более жёсткой, и менее адаптивной, плохо приспособленной к неожиданным поворотам. Насколько она долговечна? Вероятно, настолько, насколько хватит её резервов; другими словами, пока исполнительной власти будет по силам контролировать парламент и общество в целом.

До самого последнего времени находящиеся в распоряжении Кремля ресурсы – административный и информационный – оправдывали возлагаемые на них ожидания. Но так не может продолжаться всегда. На закате однопартийного режима КПСС обладала ещё более мощными инструментами воздействия на всё вокруг, однако с какого-то момента эти инструменты начали работать против владельца. Рано или поздно то же самое произойдёт снова. И точкой перелома послужит, надо полагать, очередное изменение в соотношениях между фундаментальными общественными конфликтами.

Сегодняшнее господство бюрократии зиждется на абсолютном преобладании бюджетополучателей в структуре российского электората. Как отмечают исследователи, в 2003 г. из 119 млн людей старше 16 лет 29,3 млн являлись пенсионерами по возрасту, а около 24 млн были заняты на предприятиях и в учреждениях государственной и муниципальной собственности¹; если к этому добавить инвалидов непенсионного возраста, многодетные и неполные семьи и т.д., то

остаётся лишь констатировать: «Бюджетники, пенсионеры и различные социально слабые категории населения составляют ...в России большинство взрослого населения страны»². Следует также учитывать «наличие весьма значительной по своей численности доли населения, фактически неконкурентоспособной на современном рынке труда» («Эти люди для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства»)³, а кроме того, традиционную для нашей страны политическую апатию налогоплательщиков.

Так что безусловная гегемония бюджетополучателя на российском электоральном поле налицо. Бюджетополучатель же кормится от щедрот государства и надеется в основном на мудрую волю начальства. Когда наступит разочарование (а оно непременно наступит, потому что полностью удовлетворить запросы бюджетополучателя невозможно в принципе), он отвернётся от прежнего кумира, и псевдопартийная система рухнет, подобно карточному домику, – как ранее это случилось с системой однопартийной.

Что будет потом, зависит от того, насколько успеет созреть – социально и политически – российский налогоплательщик. Сегодня он обретается вне политики, целиком отданной на откуп бюджетополучателю. Свои проблемы отечественный налогоплательщик предпочитает решать более примитивными, зачастую сугубо асоциальными способами – либо уклоняясь от налогов, либо раздавая взятки. Однако отчётливо прослеживаемое в последние годы нарастание одновременно и налогового, и коррупционного прессы в конце концов заставит его повернуться к политике лицом. И тогда конфликт между бюджетополучателями и налогоплательщиками наконец явит себя в «натуральном», ничем не закамуфлированном виде.

Озлобление разочарованного бюджетополучателя и остервенение замордованного налогоплательщика положат конец доминированию чиновничества в российской политике, и политика вновь сделается не кабинетным, а общественным занятием. Облик же, который примут главные игроки, во многом будет определяться тем, как именно наложатся друг на друга различные общественные конфликты.

По всей видимости, в обозримом будущем налогоплательщики едва ли начнут преобладать в российском электорате – максимум, повысится их удельный вес. Волей или неволей, но им придётся идти на контакт с бюджетополучателями. И вот здесь налогоплательщикам поможет обострение конфликтов «консерваторы–либералы» и «центр–периферия». Органичными союзниками налогоплатель-

щиков в этом случае станут сторонники большей свободы и конкуренции в общественно-политической жизни (либералы), а также большей самостоятельности территорий (децентрализаторы).

Конфликт по линии «традиции–прогресс», вероятно, так и останется на втором плане. Понятие «реформы» ещё долго не сможет играть роль воодушевляющего символа – как позитивного, так и негативного: избиратель устал как от них самих, так и от противостояния им. Впрочем, это не значит, что реформ не будет. Просто они утратят политический смысл, перейдя в прагматически-техническую плоскость. Их возвращение на авансцену возможно, только если создателям псевдопартийной системы удастся законсервировать status quo на достаточно продолжительный период. В этом случае издержки, сопровождающие любую стагнацию, могут опять возбудить в обществе жажду перемен.

Не стоит, по-видимому, ожидать и обострения противостояния между городом и деревней. Сельское население сегодня отнюдь не самый активный потребитель государственных субсидий и вряд ли будет наиболее уязвимым слоем бюджетополучателей. Кроме того, деревня постепенно обустраивается в новых реалиях; часть сельских производств выходит на уровень рентабельности, а подсобное хозяйство всё же не даёт крестьянину обнищать совершенно.

А вот интенсификация конфликта между трудом и капиталом способна серьёзно воспрепятствовать размежеванию политического пространства по линии «налогоплательщики (либералы, децентрализаторы) – бюджетополучатели (консерваторы, централизаторы)». Наёмные работники занимают промежуточное положение на оси «бюджетополучатели–налогоплательщики». С одной стороны, они, как и все экономически самостоятельные граждане, платят в казну налоги (правда, обычно это чисто бухгалтерская операция, а не целенаправленное деяние). С другой стороны, наёмные работники являются одними из главных «клиентов» социального государства: многие из них заняты в госсекторе, стало быть, находятся на содержании бюджета; на них распространяется значительная часть льгот, социальных программ и подавляющее большинство социальных гарантий. Их политическая позиция, следовательно, прямо обусловлена тем, с кем они чувствуют себя заодно – с государством или собственными работодателями. В первом случае наёмные работники поведут себя как бюджетополучатели, во втором – как налогоплательщики *par excellence*. В конечном счёте всё зависит от степени удовлетворённости работников своим благосостоянием: при хорошем жалова-

нии они будут единомыслить скорее работодателям, нежели претендующим на часть их доходов бюджетополучателям.

Жизненный уровень подавляющего большинства наёмных работников в нашей стране пока, увы, таков, что в работодателе они видят не столько партнёра, сколько классового оппонента и поэтому с одобрением реагируют на репрессии в отношении бизнеса. Поэтому обострения конфликта между трудом и капиталом, судя по всему, не избежать; особенно если учесть, что в борьбе за симпатии своих работников работодателям, в отличие от чиновников, одной демагогией не обойтись – нужны реальные уступки. Не факт, что у современной российской буржуазии достанет для этого прозорливости и способности к самоограничению. До сих пор она не справлялась даже с корпоративной консолидацией, налаживание же партнёрства с собственными работниками – задача гораздо более трудная.

Что касается организаций, которые были бы готовы возглавить грядущие перемены, то таких пока не видно. Об имеющихся партиях можно сказать только одно – вписались они в псевдопартийную систему («Единая Россия», ЛДПР, возможно «Справедливая Россия») или не вписались (КПРФ, «Яблоко» и СПС).

«Единая Россия» в принципе не подлежит реформированию, поскольку не является самостоятельным субъектом российской политики – это марионетка, которой управляют кукловоды. Бессмысленно пытаться вычленив в ней жизнеспособные элементы вроде «правого» или «левого» крыльев. Со временем она наверняка сгинет в нетях подобно своим предшественницам. Если после демонтажа однопартийной системы от КПСС остались хотя бы осколки, в т.ч. такие крупные, как КПРФ, то от «партии власти», скорее всего, не останется и мокрого места: членская масса рассосётся без следа, а актив перебежит в более перспективные организации.

ЛДПР может приспособиться к чему угодно, но она никогда не возглавит переход от одной системы к другой, если, конечно, не считать за таковой процесс упадка и разложения. Как и «Единая Россия», она лишь имитирует партийную форму, будучи полностью лишённой качественного содержания. Своим выходом на большую политическую сцену ЛДПР обязана пропорциональной системе выборов, а с социальной точки зрения – затушёванности, непроявленности конфликта между бюджетополучателями и налогоплательщиками. Как только этот конфликт выплеснётся наружу, «либерал-демократам» (и не только им) будет куда труднее соединять в своих

обещаниях несоединимое: снижение налогов и увеличение социальных выплат.

Некоторое время одним из самых ярких агентов и одновременно порождений псевдопартийной системы была «Родина». Успешно дебютировав на думских выборах, она принялась быстро расти, чему в немалой степени способствовала новая система выборов в региональные парламенты – наполовину по спискам, наполовину по одномандатным округам. Несмотря на раскол между основателями блока в ходе президентской кампании 2004 г., одна из соучредительниц «Родины» – Партия российских регионов, присвоившая себе это название, – одерживала на региональных выборах победу за победой, формируя фракции в законодательных собраниях и привлекая в свои ряды новых членов. Однако эти победы достигались не в последнюю очередь за счёт резкой критики правительства и «партии власти», особенно обострившейся после неудачного начала монетизации льгот (январь 2005 г.). В итоге власть, уподобясь Тарасу Бульбе, самолично прикончила непокорное детище. Сугубо административными методами у «Родины» отняли возможность участвовать в выборах, а затем сменили в ней руководство (в марте 2006 г. на место строптивного Д.Рогозина был поставлен послушный А.Бабаков), лишив её политической самостоятельности.

Аналогичная судьба постигла и Российскую партию пенсионеров. Под водительством депутата Госдумы В.Гартунга (избран председателем в марте 2004 г.) РПП удачно выступила в серии региональных выборов – и тоже на волне критики правительства и «Единой России». Против РПП были применены те же методы, что и против «Родины»: сначала её сняли с нескольких выборов, затем вынудили сменить председателя – в декабре 2005 г. руководителем партии стал бывший вице-губернатор Тульской области И.Зотов.

Летом 2006 г. «Родину» и РПП заставили объединиться с Российской партией жизни. Успех нового образования (если он воспоследует) ознаменует собой переход от псевдодоминантной системы к псевдогегемонистской: это будет означать, что кроме псевдоправлящей партии Кремль соорудил и псевдооппозицию. Но и в этом случае из дефиниции партийной системы не исчезнет приставка «псевдо-»: власть по-прежнему останется в руках беспартийной бюрократии, и псевдодоминирование одной партии параллельно с псевдооппонируванием другой будут сообща играть роль декорации, заслоняющей действительный политический процесс.

Что же до аутсайдеров выборов-2003, то они выглядят весьма уныло. Золотая пора как коммунистов, так и либералов первой волны (либералов-интеллигентов), миновала, похоже, безвозвратно.

Гордость КПРФ – её организационная мощь, некогда казавшаяся преимуществом, обернулась против партии, лишив её гибкости и манёвренности. Прикованная к своему «ядерному» электорату, КПРФ сильно отделилась от остального общества. Не пошёл ей на пользу и откол части актива во главе с В.Тихоновым, С.Потаповым и Т.Астраханкиной, создавшими в сентябре 1994 г. Всероссийскую коммунистическую партию будущего. КПРФ потеряла многих руководящих работников (а у неё давние проблемы с воспроизводством кадров) и ещё глубже замкнулась в собственном идеологическом гетто. Причём ключ от своей тюрьмы коммунисты сами и выкинули – это стало очевидным в ходе внутрипартийной дискуссии, когда обе конкурирующие группы синхронно изобличали друг друга в связях с крупным бизнесом и клялись в верности идеалам марксизма-ленинизма. Тем самым обе продемонстрировали, что их идейный багаж давно превратился в балласт, не помогающий, а мешающий ориентироваться в политическом пространстве.

Можно было бы предположить, что вероятное обострение конфликта по линии «работодатели – наёмные работники» даст коммунистам шанс на адаптацию. Однако ни КПРФ, ни прочие нынешние компартии никогда не были по-настоящему связаны с рабочим движением – они апеллировали скорее к бюджетополучателям, чем к работникам, больше к пенсионерам, нежели к продавцам рабочей силы. В сущности, коммунисты просто не умеют разговаривать с современным рабочим – их архаичный политический язык лишь затрудняет общение, тем более когда они по инерции затягивают старую песню, которой и тридцать лет назад мало кто верил.

Так или иначе, какая бы партия ни доминировала на условном левом фланге политического спектра, она, как и прежде, будет обращать свои взоры на бюджетополучателей, а не на наёмных работников и рядиться не в социал-демократические, а в национал-популистские одежды.

«Яблоко» – продукт эпохи 1990-х, когда рыночный либерализм ещё мог каким-то образом сочетаться с ориентацией на запросы бюджетополучателей. Сегодня такое сочетание – уже оксюморон, доказательством чему нынешнее прозябание партии, в частности более чем скромные достижения на региональных выборах 2004–2006 гг. Как отмечают исследователи, многие избиратели, в 1990-х голосо-

вавшие за «Яблоко», в декабре 2003 г. предпочли «Родину» – им пришлось по вкусу её «социалистический оттенок», выдвигаемые ею антиолигархические лозунги и даже её враждебное отношение к Западу⁴.

Другая проблема «Яблока» заключается в стремлении во что бы то ни стало сохранить неизменной свою внутреннюю структуру, особенно личностную иерархию в руководстве. А это тупик. Ведь основательная перетряска руководящих кадров – необходимое условие внутренних реформ, которые, в свою очередь, – неременное обстоятельство полноценной партийной жизни.

Союз правых сил теоретически сохраняет потенцию стать лидером на том участке политического пространства, где могут зазвучать в унисон интересы налогоплательщиков, либеральные устремления и борьба за права регионов. Но лишь теоретически. Для этого ему придётся измениться настолько, что речь пойдёт о создании новой организации. Опыт последнего десятилетия показывает: ни одной потерпевшей поражение партии не удалось реабилитироваться без кардинальной перестройки. Поэтому если СПС и останется на политической сцене, то, скорее всего, в составе коалиции – как в своё время сохранил себя «Демвыбор России», трансформировавшись в Союз правых сил.

Как бы то ни было, либералы могут возродиться только а) опираясь на налогоплательщиков; б) найдя способ привлечь на свою сторону достаточно широкие слои бюджетополучателей; в) вступив в союз с силами, защищающими права регионов; г) начав восстановление своих структур не сверху, а снизу, то есть воссоздавая утраченные за 1990-е гг. связи с гражданским обществом. С организационной точки зрения новая либеральная партия (во всяком случае, на начальном этапе) должна быть многоуровневым клубом, максимально открытым для людей и отзывчивым к общественным инициативам. Маловероятно, однако, что либералы реализуют эту возможность уже в ближайшие годы. Слишком уж неблагоприятные для того настроения господствуют сегодня в российском обществе.

В заключение обратимся к прогнозу развития собственно партийной системы. Вне всякого сомнения, перемены грянут незамедлительно по утрате «партией власти» большинства в парламенте. Заметим также, что чем дольше она будет удерживать это большинство, тем более катастрофический характер возымеют данные перемены: псевдопартийная система попросту рухнет, и ситуация вернётся к «нулевому варианту», т.е. к флуктуационному взрыву.

Если изменения дадут знать о себе раньше и будут более-менее равномерными, тогда главное, что повлияет на их исход, – это успеют ли «повзрослеть» политические силы, представляющие интересы налогоплательщиков. Если парламентское большинство от «партии власти» перейдёт к партиям, ориентирующимся на бюджетополучателей и практикующим популизм, то наиболее вероятно своеобразное движение вспять: к периферийной системе, а затем и флуктуационной – ослабление исполнительной власти наверняка будет прогрессировать и повлечёт за собой не восстановление бытовавших в 1990-х взаимоотношений между парламентом и правительством, а крушение всей системы, после чего всё опять начнётся с начала и куда направится, неизвестно.

Если же новая политическая сила, отстаивающая интересы налогоплательщиков и регионов, всё-таки объявится, результатом этого, видимо, будет постепенная поляризация политического пространства, сопровождаемая таянием «партии власти» и растеканием её составляющих по разным полюсам. Как представляется, для российской партийной системы это единственная возможность избавиться от унижительной приставки «псевдо-».

Существуют, разумеется, и иные событийные вариации, но они в настоящий момент плохо просчитываются. Следует, правда, признать: в отечественной истории обычно воплощался самый непредусмотренный сценарий. Этот порядок, кажется, изменился в последние годы, когда верховная власть сумела взять под контроль излишне сумбурные политические процессы. Может быть, российская действительность и впрямь стала более предсказуемой, причём не только для тех, кто прокладывает курс и стоит у руля?

И, дабы отвести упреки в чрезмерном социологизме, подчеркнём: в любом случае дальнейший ход событий будет определяться тем, насколько элита и общество в целом усвоили уроки последних десятилетий, насколько они научились брать на себя ответственность за состояние собственных дел и способны ли они к самоограничению ради общего блага. От этого зависит и то, насколько эффективно будут функционировать общественные институты, в том числе политические партии.

Примечания

К предисловию

- ¹ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000. С. 15.
- ² Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey. – New York: The Free Press, 1980. P. X.
- ³ Дюверже М. Политические партии... С. 15–16.
- ⁴ Sartori G. Parties and Party System: A Framework for Analysis. Vol. 1. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1976.
- ⁵ Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction/Party Systems and Voter Alignments. – New York: Free Press, 1967.
- ⁶ Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems/Political Parties and Political Development. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966; Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- ⁷ Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party. – Party Politics, 1995, # 1. Сокращённый русский перевод – Кац Р., Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий/Политические партии и партийные системы в современном мире (Серия «Политическая наука», № 1). – М.: РАН, ИНИОН, 2006.
- ⁸ Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey... P. 15.
- ⁹ Из этого перечня выпадает Макс Вебер, которого также принято причислять к сонму отцов-основателей партологии. Однако лично для автора этих строк большая загадка, как он вообще оказался в этом списке. В обширном наследии немецкого учёного теории партий уделено от силы несколько страниц – в знаменитой лекции «Политика как призвание и профессия» (Вебер М. *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1991).

К части I

К введению и главе 1

- ¹ Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey... P. 5.
- ² Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – М.: Изд-во Европейского института в Санкт-Петербурге, 2006. С. 11.
- ³ Sartori G. Parties and Party System. A Framework for Analysis... P. 63.
- ⁴ LaPalombara J., Weiner M. Origin and Development of Political Parties/Political Parties and Political Development. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. P. 3.
- ⁵ Sartori G. Parties and Party System. A Framework for Analysis... P. 77.
- ⁶ Burke E. Thoughts of the Cause of the Present Discontents (1770)/The Works of the Right Honorable Edmund Burke. Vol. II. – London, 1808. P. 335.
- ⁷ Chambers W. Parties and Nation-Building in America/Political Parties and Political Development. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. P. 88–89.
- ⁸ Aldrich J.H. Why Parties? The Origin and Transformation of Political Parties in America. – Chicago–London: The University of Chicago Press, 1995. P. 95.

- ⁹ Michels R. *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy.* – Glencoe, 1949. P. 10–11.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Дюверже М. Политические партии... С. 119.
- ¹² Там же. С. 60.
- ¹³ Там же. С. 65.
- ¹⁴ Epstein L. *Political Parties in Western Democratic Systems/Political Parties: Contemporary Trends and Ideas.* N.Y, 1967. P. 124.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 146–147.
- ¹⁷ Ibid. P. 148.
- ¹⁸ Kirchheimer O. *The Transformation of the Western European Party Systems...* P. 190.
- ¹⁹ Neumann S. *The Party of Democratic Integration/The West European Party Systems.* – Oxford: Oxford University Press, 1990.
- ²⁰ Panebianco A. *Political Parties: Organization and Power...* P. 232.
- ²¹ Ibid. P. 264.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid. P. 233.
- ²⁴ Ibid. P. 229.
- ²⁵ Ibid. P. 232.
- ²⁶ Ibid. P. 233.
- ²⁷ Mair P. *Party System Change: Approaches and Interpretations.* – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 140–141.
- ²⁸ Katz R, Mair P. *The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth Century Democracies/Political Parties: Old Concepts and New Challenges (Comparative Politics).* – Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 113.
- ²⁹ Mair P. *Party System Change: Approaches and Interpretations...* P. 111.
- ³⁰ Ibid. P. 151.
- ³¹ Katz R., Mair P. *Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party...*; Mair P. *Party System Change: Approaches and Interpretations...* P. 107–120.
- ³² Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике. – Полис, 1999, № 4. С. 153; Koole R. *Cadre, Catch-all or Cartel? A Comment on the Notion of the Cartel Party.* – *Party Politics*, 1996. Vol. 2.
- ³³ Neumann S. *The Party of Democratic Integration...*; Kirchheimer O. *The Transformation of the Western European Party Systems...*
- ³⁴ Blondel J. *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?* – London: Wildwood House Ltd, 1978.
- ³⁵ Koole R. *The Vulnerability of the Modern Cadre Party in the Netherlands/How Parties Organize: Change and Adaptation in Party Organizations in Western Democracies.* – London, 1994. P. 299.
- ³⁶ Aldrich J.H. *Why Parties?...* P. 244, 260.
- ³⁷ Ibid. P. 124, 254.

- ³⁸ Кац Р, Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий... С. 40–41.
- ³⁹ Таман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России/Власть и элиты в современной России. Сборник научных статей. – СПб: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2003. С. 124.
- ⁴⁰ Blondel J. *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?...* P. 32–33.
- ⁴¹ Kitschelt H. *Formation of Party Systems in East Central Europe.* – *Politics and Society*, 1994. Vol. 20. P. 449.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике... С. 154.
- ⁴⁴ Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 47–48.
- ⁴⁵ В данном случае взята за основу классификация, используемая А.Уэром и подразделяющая стимулы к объединению на: а) материальные, б) основанные на солидарности и в) целевые (идейные) (*Ware A. Political Parties and Party Systems.* – *Oxford: Oxford University Press*, 1996. P. 68). Уэр, в свою очередь, заимствовал её, скорее всего, у П.Кларка и Дж.Уилсона (*Clark P., Wilson J.Q. Incentive Systems: A Theory for Organizations.* – *Administrative Science Quarterly*, 1961, # 6). Эта классификация, конечно, достаточно схематична, тем не менее она богаче той, на которую опирался А.Панебянко, – последний ограничился разделением стимулов к объединению на селективные (материальные) и коллективные (идейные) (*Panebianco A. Political Parties: Organization and Power...* P. 9).
- ⁴⁶ Лидерские можно подразделить на *клиентелистские* и *харизматические*. В первых безусловно доминирует клиентельное начало, во вторых это начало разбавлено идейными стимулами. Лидер харизматического типа – не просто патрон, это ещё и идейный символ.
- ⁴⁷ Mair P. *Party System Change: Approaches and Interpretations...* P. 111; Кац Р, Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий... С. 40–41.
- ⁴⁸ Согрин В.В. *Политическая история США. XVII–XX вв.* – М.: Весь мир, 2001. С. 99.
- ⁴⁹ Chambers W. *Parties and Nation-Building in America...* P. 89.
- ⁵⁰ Ibid. P. 97.
- ⁵¹ Aldrich J.H. *Why Parties?...* P. 97–98.
- ⁵² Согрин В.В. *Политическая история США...* С. 172.
- ⁵³ Там же. С. 111; Aldrich J.H. *Why Parties?...* P. 104.
- ⁵⁴ Согрин В.В. *Политическая история США...* С. 170.
- ⁵⁵ Там же. С. 172.
- ⁵⁶ Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии.* – М.: РОСПЭН, 1997. С. 473–479.
- ⁵⁷ Гантер Р, Даймонд Л. *Виды политических партий: новая типология/Политические партии и партийные системы в современном мире (Серия «Политическая наука», № 1).* – М.: РАН, ИНИОН, 2006. С. 56.

- ⁵⁸ Дюверже М. Политические партии... С. 67.
- ⁵⁹ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power... P. 97–98.
- ⁶⁰ Ibid. P. 96.
- ⁶¹ Ibid. P. 98.
- ⁶² Ibid. P. 76.
- ⁶³ Кац Р., Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий... С. 31.
- ⁶⁴ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power... P. 130–139.
- ⁶⁵ Marwick D. Political Linkage Functions of Rival Party Activists in the United States: Los Angeles, 1969–1974/Political Parties and Linkage: a Comparative Perspective. – New Haven and London: Yale University Press, 1980. P. 115.
- ⁶⁶ Ibid. P. 112.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Aldrich J.H. Why Parties?... P. 124, 254.
- ⁶⁹ Ibid. P. 292.
- ⁷⁰ Американский исследователь Дж.Сизер, отметивший данную тенденцию для США рубежа 1970–1980-х гг., определил «любителя» (amateur) как человека, который «участвует в политике главным образом с целью реализации каких-либо политических планов, а не из материальных соображений или удовлетворения чувства солидарности» (*Caesar J. Political Change and Party Reform/Political Parties in the Eighties.* – Washington–Gambier, Ohio: American Enterprise Institute/Kenyon College, 1980. P. 111). Применительно к 1990-м гг. возрастание в американских партиях числа «любителей», или «пуристов», ставящих целью проведение в жизнь той или иной политики, отметил Дж.Олдрич (*Aldrich J.H. Why Parties?... P. 193*). Он же в качестве одной из тенденций, характеризующих новейшую фазу развития американских партий, указал на расширение участия населения в процессе отбора кандидатов на выборные должности (*Aldrich J.H. Why Parties?... P. 255–256*).
- ⁷¹ Дюверже М. Политические партии... С. 29.
- ⁷² Подробнее об этом см. Корзунков Ю.Г. *Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства.* – Полис, 2001, № 1, 2.
- ⁷³ Это не значит, что данная модель проявила себя только в России или что Россия явилась в этой области пионером. Возможно, опыт стран Восточной и Центральной Европы, переживших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. переход от авторитаризма («социализма») к демократии, дал не менее яркие образцы партий – многоуровневых клубов. Во всяком случае, предложенный Г.Китшельтом тип программной партии (*Kitschelt H. Formation of Party Systems in East Central Europe... P. 449*) очевидно указывает на объединения клубного характера.

К главе 2

¹ Сами С.Липсет и С.Роккан обозначили данное размежевание как конфликт между городом и деревней. Однако в их же собственной статье приводятся разные типы про-

тивостояния по линии «город–село». Так, в данном конкретном контексте говорится о конфликте между лендлордами и промышленниками (в марксистской традиции ему соответствовал конфликт между феодалами и буржуазией). Но в другом месте они упоминают о противостоянии города и деревни в контексте конфликта между церковью и государством: как о размежевании между «ортодоксально верующими крестьянами и жителями малых городов, с одной стороны, и секуляризованным населением больших городов и метрополий, с другой» (*Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments: An Introduction... P. 12*). Так что, говоря о размежевании между городом и деревней, каждый раз следует оговаривать, вокруг какого именно вопроса это противостояние возникает. В разных исторических условиях оно может быть обусловлено совершенно разными причинами.

² Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction... P. 14

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ См. Джанда К. *Сравнение политических партий: исследование и теория/Современная сравнительная политология.* – М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 104.

⁶ Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория... С. 104; Mair P. Party System Change: Approaches and Interpretations... P. 3; Bartolini S., Mair P. Identity Competition, and Electoral Availability: The Stabilization of European Electorates 1885–1985. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Mair P. The freezing hypothesis: an evaluation/Party Systems and Voter Alignments Revisited. Routledge, 2000.

⁷ Mair P. Party System Change: Approaches and Interpretations... P. 21.

⁸ Анисимов А.А. Возможность моделирования партийной системы (на примере теории С.Роккана)/Власть и элиты в современной России. Сборник научных статей. СПб: Социологическое общество им.М.М.Ковалевского, 2003. С. 394.

⁹ Dalton R.J. Citizens Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany, and France. – Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc, 1988. P. 133–134, 174.

¹⁰ Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. P. 3.

¹¹ Ibid. P. 183–184.

¹² Dalton R.J. Citizens Politics in Western Democracies... P. 134.

¹³ Американскими исследователями ещё в начале 1970-х гг. было отмечено, что наиболее жёстко и остро две основные партии США дискутируют именно по поводу государственного социального обеспечения (*Miller W., Stokes D. Constituency Influence in Congress/Political Parties and Political Behavior.* – Boston: Allyn and Bacon, Inc, 1971. P. 565–566). Российский историк В.Согрин, рассмотрев содержание этих дебатов, следующим образом определил суть двух главных подходов к решению данной проблемы: республиканцы считают оправданными только программы социального страхования, формируемые за счёт всех американцев, в т.ч. потенциальных получателей пенсий и пособий, – как обеспечивающие благоприятные условия функционирования и воспроизводства рабочей силы, тогда как в программах социального вспомоществования видят «непроизводительные расходы, которые распространяются на паразитирующие

социальные слои»; демократы же «защищают как социальное страхование, так и социальное вспомоществование, апеллируя при этом к гуманистическим мотивам» (Согрин В.В. *Политическая история США...* С. 235–236). Что касается развитых стран Запада вообще, то в начале 1980-х гг. А.Лейпхарт свёл разногласия между левыми и правыми партиями, касающиеся социально-экономической сферы, к четырём пунктам: 1) соотношение между государственной и частной собственностью на средства производства; 2) роль государства в экономическом планировании; 3) масштаб перераспределения валового национального продукта между богатыми и бедными; 4) масштаб государственных социальных программ (Lipphart A. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984. P. 129). Левые выступают за максимизацию госсобственности и вмешательства государства в экономику, за более активное перераспределение ВВП и более развёрнутые социальные программы; правые, естественно, занимают диаметрально противоположную позицию. Как видим, не один из этих пунктов не имеет прямого отношения к конфликту между работодателями и наёмными работниками, зато все они непосредственно соприкасаются с конфликтом между налогоплательщиками и бюджетополучателями.

¹⁴ Dalton R.J. *Citizens Politics in Western Democracies...* P. 158.

¹⁵ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. С. 635.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Далтон Р. Структура политических связей/Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем (Серия «Политическая наука», № 4). – М.: РАН, ИНИОН, 2004. С. 240.

¹⁸ Согрин В.В. Политическая история США... С. 309.

¹⁹ Lepsius R.M. *Soziale Ungleichheit und Klassenstrukturen in der Bundesrepublik Deutschland/Klassen in der europäischen Socialgeschichte*. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979; Wildenman R. *The Problematic of Party Governments/Visions and Realities of Party Government*. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1986. P. 26.

²⁰ Thomas J.C. *Ideological Trends in Western Parties/Western European Party Systems: Trends and Prospects*. – New York: Free Press, 1980. P. 357.

²¹ Ibid.

²² Р.Инглхарт добавляет сюда также бюрократизацию и «основанную на бюрократизации культуру» (Инглхарт Р. *Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества*. – Полис, 1997, № 6. С. 11). Однако этот признак не носит, на наш взгляд, столь же фундаментального характера, как три предыдущих. Его появление в перечне объясняется скорее тем мощным влиянием, которое оказал на политическую науку Запада М.Вебер. Да и сам Р.Инглхарт признаёт, что к 80-м гг. XX в. тенденция к бюрократизации и связанным с нею централизации, росту государственной собственности и государственного контроля над общественной жизнью «обратилась вспять» (там же. С. 12).

²³ Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса. – *Общественные науки и современность*, 2006, № 5. С. 11.

²⁴ Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments...* P. 14.

²⁵ В соответствии с концепцией модернизации данную тенденцию следовало бы называть *модернизмом*, но в русском языке это понятие имеет совершенно чёткие коннотации, поэтому, чтобы не брать данное слово в кавычки, целесообразно заменить его подходящим синонимом.

²⁶ Тем более что иногда противостояние церкви и государства может было обусловлено и другими причинами. Так, иницируя политику «Культуркампа», О.Бисмарк боролся не столько с клерикализмом, сколько с сепаратизмом западных и юго-западных земель Германской империи. Следовательно, в данном случае имеет место скорее противостояние по линии «центр–периферия».

²⁷ Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания/Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем (Серия «Политическая наука», № 4). – М.: РАН, ИНИОН, 2004. С. 213.

²⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997; Lipphart A. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries...*, 1984; Lipphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. – New Haven–London: Yale University Press, 1999.

²⁹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах... С. 179–213.

³⁰ Lipphart A. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries...* P. 183–185.

³¹ Ibid. P. 185.

³² См. Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation...*

³³ Ibid. С. 64.

³⁴ Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибуты постсоциалистической трансформации. – *Социологические исследования*, 2005, № 8. С. 77.

³⁵ Там же.

³⁶ Sani G., Sartori G. *Polarization, Fragmentation and Competition in Western Democracies*. – *Western European Party Systems: Trends and Prospects*. – New York: Free Press, 1983. P. 331.

³⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 112.

³⁸ Может принимать значения от 90° (пересечение точно под прямым углом) до 0° (полное совпадение линий раздела). «Например, линии религиозных и классовых различий пересекаются под прямым углом, если отношение числа протестантов из средних классов к числу протестантов из низших классов равно отношению между принадлежащими к средним и низшим классам католиками. Угол равен 0°, если все протес-

танты принадлежат к высшим классам, а католики к низшим» (*Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 112–113*).

³⁹ Rae D.W., Taylor M. *The Analysis of Political Cleavages*. – New Haven: Yale University Press, 1970; Rae D.W. *The Political Consequences of Electoral Laws*. – New Haven: Yale University Press, 1967. «Индекс пересечения Рея–Тэйлора» позволяет вычислить удельный вес всех пар граждан, в которых оба участника вместе принадлежат к группе, образованной по одному признаку, и в то же время каждый сам по себе – к двум разным группам, образованным по другим признакам. По мнению А.Лейпхарта, преимущество данного коэффициента перед «углом пересечения» состоит в том, что он не требует сведения различий к дихотомии (*Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 117*).

⁴⁰ Sani G., Sartori G. Polarization, Fragmentation and Competition in Western Democracies... P. 331.

⁴¹ Ibid.

⁴² Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибуты постсоциалистической трансформации... С. 77.

⁴³ Веуме К. von. *Political Parties in Western Democracies*. – New York: St Martin's Press, 1985. P. 3.

⁴⁴ Inglehart R. *The Silent Revolution*... P. 183–184.

⁴⁵ Холодковский К.Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий. – Полис, 2001, № 5. С. 76.

⁴⁶ Там же. С. 77.

К главе 3

¹ «Партии поглощаются государством, и они больше не являются посредниками между гражданским обществом и государством» (*Кац Р., Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий... С. 35*).

² Как писал по этому поводу А.Лейпхарт, «политические партии являются основным институциональным средством перенесения существующих в обществе противоречий в область политики» (*Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 120*).

³ Подробнее о со-общественной модели демократии см. *Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование...*, о консенсусной – *Lihphart A. Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*... 1999.

⁴ Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М.: Инфра-М, Весь мир, 2000. С. 21.

⁵ Там же. С. 21, 69.

⁶ Blondel J. *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?*... P. 86.

⁷ Дюверже М. Политические партии... С. 263.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 268.

¹⁰ Там же. С. 320.

¹¹ Там же. С. 319.

¹² Там же. С. 295, 298.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Laakso M., Taagepera R. *Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe*. – *Comparative Political Studies*, 1979. Vol.12.

¹⁵ Sartori G. *Parties and party system: A framework for analysis*... P. 126.

¹⁶ Ibid. P. 125.

¹⁷ Blondel J. *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?*... P. 83–84.

¹⁸ Статья Ж.Блонделя была опубликована в 1968 г., когда на политической сцене Франции доминировали голлисты, а до формирования первого левого правительства оставалось ещё тринадцать лет.

¹⁹ Blondel J. *Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies*. – *Canadian Journal of Political Science*, 1968. Vol. 1/2. P. 184–187; Blondel J. *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?*... P. 89–99.

²⁰ Blondel J. *Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies*... P. 187.

²¹ Sartori G. *European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism | Political Parties and Political Development*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. P. 139.

²² Ibid. P. 138

²³ Sartori G. *Parties and Party System. A Framework for Analysis*... P. 138.

²⁴ Blondel J. *Types of Party System/The West European Party Systems*. – Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 310.

²⁵ Sartori G. *Parties and Party System. A Framework for Analysis*... P. 285. При этом Сартори настаивал на недопустимости отождествления классификации и типологии, класса и типа партийных систем. Классы носят достаточно абстрактный характер и могут объединять весьма разные типы: например, однопартийность тоталитарную и однопартийность прагматическую, системы как с идеологизированной, так и с прагматической партией-«гегемоном» и т.д. (*ibid.*).

²⁶ Ibid. P. 285–286.

²⁷ Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 28, 60*; Lihphart A. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*... P. 23–24; Lihphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*... P. 3.

²⁸ Smith G. *What is a Party System?* – *Parliamentary Affairs*, 1966, 19:3. P. 362.

²⁹ Можно назвать лишь единичные исключения из правила, в частности – *Sitter N. When is a Party Systems?/Karasimeonov G. Party Systems in Post-Communist Europe*. – *Bonn: Zentrum für Europäische Integrationsforschung*, 2004.

³⁰ Katz R. *Party Government and Its Alternatives/Party Governments: European and American Experiences*. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1987. P. 19–20.

- ³¹ Katz R. The Problematic of Party Government/Visions and Realities of Party Government. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1986. P. 43.
- ³² Ibid. P. 42.
- ³³ Ibid. P. 43.
- ³⁴ Katz R. Party Government and Its Alternatives... P. 19–20.
- ³⁵ Ibid. P. 20–21.
- ³⁶ Ibid. P. 21.
- ³⁷ Классификацию партийных систем с точки зрения «партийности» правительства в самых общих чертах попытался набросать Р.Кац, выделив три вида партийных систем: 1) биполярные; 2) коалиционные; 3) с доминирующей партией (*Katz R. Party Government and Its Alternatives... P. 12–13*). Если взять, к примеру, вторую категорию, то обнаружится, что в ней объединены весьма далёкие друг от друга типы: «большие коалиции» стран со-общественной (консенсусной) демократии, неустойчивые коалиции времён Третьей и Четвёртой республик Франции, коалиционные правительства послевоенной Италии (вплоть до начала 1990-х), главным участником которых всегда становилась Христианско-демократическая партия, и т.п. Кац не учёл также случаи, когда правительства формируются партией, не имеющей парламентского большинства, – в некоторых странах такие ситуации складываются довольно регулярно, т.е. носят вполне системный характер.
- ³⁸ Blondel J. Political Parties. A Genuine Case for Discontent?... P. 77–78.
- ³⁹ Ibid. P. 83–84.
- ⁴⁰ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – М.: Изд-во Европейского института в Санкт-Петербурге, 2006. С. 13.
- ⁴¹ Дюверже М. Политические партии... С. 263–264.
- ⁴² Что касается однопартийного режима, то М.Дюверже видел в нём «приспособление для нужд диктатуры всей той технологии власти, которая сложилась в рамках демократии» (*Дюверже М. Политические партии... С. 318*). В тех случаях, когда однопартийной системе предшествовала «автократия с архаической структурой» (СССР, Турция, Португалия), он считал допустимым рассматривать первую как «некоторый этап на пути к демократии»; в случае же с фашистской Италией и нацистской Германией, где однопартийность приходила на смену плюрализму, можно говорить об известной деградации партийной системы (*там же. С. 344–345*). Иными словами, однопартийность, с точки зрения французского исследователя, представляет собой «недоделанную» партийную систему, некий суррогат.
- ⁴³ Там же. С. 276.
- ⁴⁴ Там же. С. 277.
- ⁴⁵ Там же. С. 290.
- ⁴⁶ Там же. С. 290–291.
- ⁴⁷ Там же. С. 292–294.
- ⁴⁸ Там же. С. 292.
- ⁴⁹ Там же. С. 295–296.
- ⁵⁰ Там же. С. 296.

- ⁵¹ Там же. С. 297.
- ⁵² Там же. С. 299.
- ⁵³ Там же. С. 299.
- ⁵⁴ Там же. С. 300.
- ⁵⁵ Там же. С. 265.
- ⁵⁶ Там же. С. 286.
- ⁵⁷ Там же. С. 301.
- ⁵⁸ Там же. С. 310–311.
- ⁵⁹ Epstein L. Political Parties in Western Democratic Systems/Political Parties: Contemporary Trends and Ideas. – N.Y, 1967. P. 124; Daalder H. The Comparative Study of European Parties and Party Systems/Western European Party Systems: Continuity and Change. – London: Sage, 1983. P. 8.
- ⁶⁰ Дюверже М. Политические партии... С. 264–265.
- ⁶¹ Там же. С. 265.
- ⁶² Голосов Г.В., Яргомская Н.Б. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах/Первый электоральный цикл в России (1993–1996). – М.: Весь мир, 2000. С. 173.
- ⁶³ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 45, 62, 126–127.
- ⁶⁴ Попытки представить в качестве «третьего пути» – третьего по отношению к социологическому и институциональному подходам – отслеживание последовательности предпринятых субъектами политической деятельности «шагов и процедур» (Г.Голосов) либо в целом «взаимосвязанной цепочки причин и следствий» (*Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы). – Общественные науки и современность, 2006, № 1*) при более тщательном рассмотрении не представляются убедительными. В принципе это не что иное, как попытка извлечь суть событий из порядка их следования, что оборачивается подменой объяснения описанием, а в конечном счёте – тавтологией, т.е. вместо ответа на вопрос «почему?» даётся ответ на вопрос «как?». Настаивать на том, что движущей причиной эволюции партийной системы в России явилась уникальная «констелляция факторов» (*там же. С. 54*), значит рисковать окончательно увязнуть в порочном кругу этой тавтологии. Утверждение «всё сложилось так, потому что всё так сложилось» – это, в сущности, отказ от поиска причин указанной эволюции. На наш взгляд, слабые места в построениях Г.Голосова и В.Гельмана обусловлены именно декларированным ими стремлением – при анализе политических процессов оставаться в рамках «собственно политического измерения» (*Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы...С.128*). Но это и означает замкнуться в тавтологическом круге. Нежелание выходить за рамки «политического измерения» вполне оправданно на уровне исследования микропроцессов (действий отдельных субъектов), но теряет смысл, как только речь заходит о макропроцессах. Формирование же партийной системы – это, несомненно, макропроцесс.
- ⁶⁵ Katz R. The Problematic of Party Government... P. 55–62.

⁶⁶ Katz R. Party Government and Its Alternatives... P. 22.

⁶⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование... С. 136.

⁶⁸ Меткие названия этим двум силам дал А.Салмин: «партия новой власти» и «партия бывшей власти» (*Салмин А.М. Легальность, легитимность и правопреемство как проблемы сегодняшней российской государственности. – Политика, 1998, № 1 (7). С. 62*).

⁶⁹ Подробнее о влиянии различных моделей избирательной системы на формирование партий в условиях современной России см. *Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 226–247*.

⁷⁰ Katz R. A Theory of Parties and Electoral Systems. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

⁷¹ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика... С. 13.

⁷² Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен?/Политические партии и партийные системы в современном мире (Серия «Политическая наука», № 1). – М.: ИНИОН, РАН, 2006. С. 147.

⁷³ Там же. С. 156.

К части II К главе 4

¹ Рябов В.В., Хаванов Е.И. Общественно-политические движения в новое и новейшее время. – М.: Жизнь и мысль, 2001. С. 22.

² Данные «ИНДЕМ-систем» заслуживают безусловного доверия, поскольку поступали напрямую из секретариатов Съездов народных депутатов, а также думских комитетов по регламенту и организации работы Госдумы.

³ Модели общественного переустройства России. XX век. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 129.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Данилов В.П. Крестьянская революция в России/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С.34.

⁸ По подсчётам исследователей, доля дворян среди классовых чиновников составляла около 55%, а сами представители высшего сословия были сосредоточены преимущественно в высшем и среднем звене бюрократического аппарата (*Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. – М.: Наука, 2004. С. 22*).

⁹ Модели общественного переустройства России... С. 66–67.

¹⁰ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории... С. 638.

¹¹ Модели общественного переустройства России... С. 133.

¹² Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. ... С. 22

¹³ Модели общественного переустройства России... С. 134.

¹⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 103.

¹⁵ В.Шелохаев объединил тех и других в один сектор – консервативный, признав при этом, что «среди консервативных [политиков] были такие, которые придерживались не только охранительных, но и прямо реставраторских позиций» (*Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе». – Полис, 1993, № 6. С. 166*). Однако правильнее было бы, наверное, различать откровенных «революционеров справа» (*Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 84*) – вроде Союза русских народов, участников которого некоторые исследователи так и называют: «консерваторы-традиционалисты» (*Богоявленский Д.Д. Союз русского народа: лидеры и партия/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 445*), – и консерваторов, не отрицавших «необходимости некоторого обновления авторитарного режима» (*Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе»... С. 167*). К числу последних можно отнести думские фракции умеренно правых и националистов, а также значительную часть октябристов.

¹⁶ Дюверже М. Политические партии... С. 29.

¹⁷ Пушкарёва И.М. Рабочие и партии России в канун революции 1905–1907 годов/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 161.

¹⁸ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксизм и русская революция. – М.: РОССПЭН, 1996. С. 42.

¹⁹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 38.

²⁰ Там же. С. 36.

²¹ Там же. С. 46.

²² Там же. С. 37–38.

²³ Там же. С. 58.

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 405.

²⁶ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 84.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). – М.: Росвузнаука, 1992. С. 112.

²⁹ Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе»... С. 166. В более поздних работах В.Шелохаева этот тезис принял ещё более категоричную форму: «Российские партии “прорастали” не “снизу”, а насаждались интеллигенцией “сверху»» (*Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 99*). Такая оценка представляется всё-таки несколько утрированной: «насаждение сверху» предполагает ис-

пользование административных рычагов, каковых интеллигенция не имела по определению.

³⁰ Там же. С. 166.

³¹ Сорокин А.К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода. – Полис, 1993, № 3. С. 170.

³² Тютюкин С.В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 79.

³³ Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе»... С. 171.

³⁴ Там же.

³⁵ Сорокин А.К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода. – Полис, 1993, № 1. С. 144.

³⁶ Шелохаев В.В. Кадеты/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 152.

³⁷ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 53. По оценке Г.Аноприевой и Н.Ерофеева – 50–60 тыс. (*Аноприева Г.А., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью. – Полис, 1993, № 6. С. 160*).

³⁸ Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 110.

³⁹ Розенталь И.С. РСДРП: «использование парламентаризма». – Полис, 1993, № 6. С. 151; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 192. Без учёта национальных организаций эти цифры уменьшаются: так, на IV (объединительном) съезде РСДРП (апрель 1906 г.) было представлено всего 13 тыс. большевиков и 18 тыс. меньшевиков (*Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксизм и русская революция... С. 88*). Даже если согласиться с С.Тютюкиным, что на самом деле большевиков и меньшевиков было гораздо больше, а неполнота представительства ряда местных организаций объяснялась не в последнюю очередь недостатком средств на поездку в Стокгольм (*там же*), всё равно трудно возразить что-либо М.Леонову, отметившему, что если при определении численности эсеров приплюсовать родственные национальные партии – Дашнакцутюн, СЕРП и др., – то их преимущество по сравнению с социал-демократами станет несомненным (*Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 398*). Нельзя, впрочем, не согласиться с М.Леоновым и в том, что все значительные партии дореволюционной России «характеризовались основными количественными параметрами одного порядка» (*там же*).

⁴⁰ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 88. А.Аврех со ссылкой на сводные таблицы Департамента полиции приводит следующие цифры, касающиеся численности крайне правых организаций на осень 1907 г.: 356 758 человек в Союзе русского народа и 44 794 в других монархических объединениях (*Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. – М.: Наука, 1981. С. 226*). Те же цифры со ссылкой на тот же источник приводит и С.Степанов (*Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 105*). Правда, Аврех считал эти показатели явно завышенными, полагая, что их преувеличивали не только руководители отделов СРН, но и губернаторы и градоначальники, предоставлявшие эти сведения, – главы администраций, полагает историк, просто стремились «угодить начальству» (*Аврех А.Я. Царизм и IV Дума... С. 226*). С.Степанов, при-

знавая: «Погоня за численностью, стремление отрапортовать о поголовном присоединении к союзу целых селений, улиц или кварталов приводили к тому, что большинство членов состояло в черносотенных организациях чисто номинально» (*Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 109*), вместе с тем расценивал как «достаточно правдоподобные» сведения о 410 тыс. членов черносотенных организаций на конец 1907 г. (*там же. С. 108*).

⁴¹ Тютюкин С.В. Меньшевики/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 228–229.

⁴² Там же. С. 229.

⁴³ Там же. С. 539.

⁴⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 39.

⁴⁶ Там же. С. 58.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 177.

⁴⁹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 250.

⁵⁰ Там же. С. 260.

⁵¹ М.Леонов по этому поводу заметил: «Нам неизвестно ни одного случая раскола какой-либо эсеровской организации энесами или даже перехода к ним сколько-нибудь значительного числа членов» (*Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 341*).

⁵² Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 343.

⁵³ Степанов С.А. Чёрная сотня в России... С. 111.

⁵⁴ По словам С.Степанова, в подавляющем большинстве это были недавние выходцы из «низов», «сколотившие свои состояния грубыми методами первоначального накопления капитала, включая преступные способы», и отличавшиеся крайне невысоким образовательным уровнем (*Степанов С.А. Чёрная сотня в России... С. 113–114*).

⁵⁵ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. ... С. 64.

⁵⁶ Богоявленский Д.Д. Союз русского народа: лидеры и партия... С. 444.

⁵⁷ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 93.

⁵⁸ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 54–55; Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 85–86.

⁵⁹ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 82.

⁶⁰ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 86–87.

⁶¹ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 97.

⁶² Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку». – Полис, 1993, № 1. С. 154.

⁶³ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.)... С. 110.

⁶⁴ Там же. С. 165.

⁶⁵ Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября... С. 111.

- ⁶⁶ Там же. С. 109.
- ⁶⁷ Там же. С. 111.
- ⁶⁸ Там же. С. 112.
- ⁶⁹ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. – М.: Наука, 1985. С. 162.
- ⁷⁰ Шелохаев В.В. Кадеты... С. 151.
- ⁷¹ Там же. С. 153.
- ⁷² Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 191.
- ⁷³ Шелохаев В.В. Кадеты... С. 153.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)... С. 191.
- ⁷⁶ Тютюкин С.В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков... С. 79.
- ⁷⁷ Тютюкин С.В. Рождение российской многопартийности/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 129.
- ⁷⁸ Данилов В.П. Крестьянская революция в России... С. 37.
- ⁷⁹ Корелин А.П. Объединённое дворянство как политическая организация (1906–1917)/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 48, 50.
- ⁸⁰ По сути, все принятые в данной области меры оказались сведены к принятию (1912) закона о социальном страховании рабочих по болезни, который распространялся далеко не на всех и к тому же перекладывал значительную часть расходов на самих работников (*Модели общественного переустройства России... С. 140*).
- ⁸¹ Коллизия вокруг введения местного самоуправления в западных губерниях и ограничения автономии Финляндии описана, в частности, А.Аврехом (*Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. – М.: Наука, 1968. С. 21–150*).
- ⁸² Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе»... С. 170.
- ⁸³ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 95.
- ⁸⁴ Богоявленский Д.Д. Союз русского народа: лидеры и партия... С. 446–447.
- ⁸⁵ Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку»... С. 160–161.
- ⁸⁶ Степанов С.А. Чёрная сотня в России... С. 109.
- ⁸⁷ Там же. С. 260.
- ⁸⁸ Там же. С. 174.
- ⁸⁹ Там же. С. 211.
- ⁹⁰ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума... С. 239.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Богоявленский Д.Д. Союз русского народа: лидеры и партия... С. 448.
- ⁹⁴ Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации... С. 96.
- ⁹⁵ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума... С. 29.
- ⁹⁶ Там же. С. 228.
- ⁹⁷ Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума... С. 410.
- ⁹⁸ Там же. С. 149.

- ⁹⁹ Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября... С. 119–120.
- ¹⁰⁰ Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы, «партия пропавшей грамоты». – Полис, 1993, № 2. С. 147.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября... С. 119–120.
- ¹⁰³ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. – М.: Наука, 1991. С. 15.
- ¹⁰⁴ Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы, «партия пропавшей грамоты»... С. 149.
- ¹⁰⁵ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 166.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 177.
- ¹⁰⁷ Шелохаев В.В. Прогрессисты/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 144.
- ¹⁰⁸ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 174–175.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 175.
- ¹¹⁰ Там же. С. 190.
- ¹¹¹ Там же. С. 170.
- ¹¹² Там же. С. 171, 176–177.
- ¹¹³ Шелохаев В.В. Кадеты... С. 153.
- ¹¹⁴ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии... С. 10.
- ¹¹⁵ Шелохаев В.В. Кадеты... С. 153.
- ¹¹⁶ Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума... С. 432.
- ¹¹⁷ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии... С. 16; Шелохаев В.В. Кадеты... С. 153.
- ¹¹⁸ Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии... С. 16.
- ¹¹⁹ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума... С. 155.
- ¹²⁰ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 194.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии... С. 11.
- ¹²³ Там же. С. 112.
- ¹²⁴ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 233.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума... С. 155.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 179.
- ¹³¹ Розенталь И.С. РСДРП: «использование парламентаризма»... С. 152.
- ¹³² Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории... С. 218.
- ¹³³ Розенталь И.С. РСДРП: «использование парламентаризма»... С. 152.

- ¹³⁴ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)... С. 196.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Тютюкин С.В. Меншеви́зм: страницы истории... С. 539.
- ¹³⁷ Тютюкин С.В., Шелухаев В.В. Марксизм и русская революция... С. 166.
- ¹³⁸ Аноприева Г.А., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью... С. 162.
- ¹³⁹ Тютюкин С.В. Меншеви́зм: страницы истории... С. 310.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же. С. 305.
- ¹⁴² Аноприева Г.А., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью... С. 162.
- ¹⁴³ Павлов Д.Б., Шелухаев В.В. Союз 17 октября... С. 120.
- ¹⁴⁴ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 42.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 55.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 106.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 44.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 63.
- ¹⁴⁹ По словам А.Авреха, «за пределами ...всеобщего оппозиционного настроения оказались только крайне правые и черносотенцы. Даже “Объединённое дворянство” ...заразилось оппозиционным духом» (*Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы... С. 36*).
- ¹⁵⁰ Данилов В.П. Крестьянская революция в России... С. 39.
- ¹⁵¹ Как выразился В.Данилов, «голод стал реальным и наиболее сильным фактором развития событий» (*Данилов В.П. Крестьянская революция в России... С. 38*).
- ¹⁵² Кабытова Н.Н. Партии в избирательных кампаниях 1917 года/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 281.
- ¹⁵³ Тютюкин С.В. Меншеви́зм: страницы истории... С. 70.
- ¹⁵⁴ Шелухаев В.В. Кадеты... С. 167.
- ¹⁵⁵ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)... С. 203.
- ¹⁵⁶ Лельчук В.С., Тютюкин С.В. Большевики/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 258; Тютюкин С.В. Меншеви́зм: страницы истории... С. 383. К октябрю 1917 г. численность большевиков выросла примерно до 300 с лишним тысяч, тогда как у меньшевиков она осталась прежней (*Модели общественного переустройства России... С. 144*).
- ¹⁵⁷ Шелухаев В.В. Кадеты... С. 153.
- ¹⁵⁸ Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)... С. 203–204.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 209.
- ¹⁶⁰ Волобуев О.В. Меншевики в условиях кризиса правительственной коалиции осенью 1917 года/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 306.
- ¹⁶¹ Там же. С. 307.
- ¹⁶² Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года)... С. 207.

- ¹⁶³ Волобуев О.В. Меншевики в условиях кризиса правительственной коалиции осенью 1917 года... С. 311.
- ¹⁶⁴ Кабытова Н.Н. Партии в избирательных кампаниях 1917 года... С. 286.
- ¹⁶⁵ Розенталь И.С. РСДРП: «использование парламентаризма»... С. 156.
- ¹⁶⁶ Шелухаев В.В. Кадеты... С. 167.
- ¹⁶⁷ Шелухаев В.В. Кадеты и революция в России/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 421.
- ¹⁶⁸ Волобуев О.В. Меншевики в условиях кризиса правительственной коалиции осенью 1917 года... С. 312.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 313.
- ¹⁷⁰ Кабытова Н.Н. Партии в избирательных кампаниях 1917 года... С. 286.
- ¹⁷¹ Данилов В.П. Крестьянская революция в России... С. 41.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Казанчиев А.Д. Политические партии и организации: от Комитета членов Учредительного собрания до Колчака/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 378–379.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 380.
- ¹⁷⁶ Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 гг./Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 499.
- ¹⁷⁷ Казанчиев А.Д. Политические партии и организации... С. 378.
- ¹⁷⁸ Канищева Н.И. Кадетская партия после большевистского переворота/Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 308.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 314.
- ¹⁸⁰ Казанчиев А.Д. Политические партии и организации: от Комитета членов Учредительного собрания до Колчака... С. 381–382.
- ¹⁸¹ Там же. С. 382.
- ¹⁸² Там же. С. 386.
- ¹⁸³ Здесь надо брать в расчёт то обстоятельство, что в 1917–1922 гг. единой эсеровской партии уже не существовало, вместо неё «действовали Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов) – революционное крыло; ПСР – центр, собственно эсеровская партия; правое крыло (точнее, фракция в ПСР) и множество промежуточных групп с различными оттенками во взглядах и тактике» (*Морозов К.Н. Политическое руководство партии социалистов-революционеров в 1901–1921 гг./Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 485*).
- ¹⁸⁴ По оценке С.Тютюкина, к маю 1918 г. единой общероссийской организации меньшевиков также практически не существовало: ряд районов оказался отрезанным от центра, а правые меньшевики во главе с А.Потресовым, выступавшие за бескомпромиссную борьбу с большевиками, фактически не подчинялись ЦК (*Тютюкин С.В. Меншеви́зм: страницы истории... С. 482*).

¹⁸⁵ Журавлёв В.В. Послеоктябрьский большевизм: от «авторитета идей» к «авторитету власти»/Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005. С. 346.

К главе 5

- ¹ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории... С. 330.
- ² Там же. С. 639–640.
- ³ Там же. С. 349–350.
- ⁴ Там же. С. 329.
- ⁵ Текст непроизнесённого выступления Т.Заславской на I Съезде народных депутатов СССР/Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчёт. Т. IV. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 451.
- ⁶ Там же. С. 452.
- ⁷ Можно, пожалуй, согласиться с мнением видных исследователей современного российского парламентаризма Н.Бирюкова и В.Сергеева, что ко второй половине 1980-х гг. на диссидентские позиции «в каком-то смысле ...перешла почти вся интеллигенция, не связанная напрямую с властными структурами» (*Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Издательский сервис, 2004. С. 74*).
- ⁸ Ступарь С.К. От «Демократической платформы» к Республиканской партии/Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 7. – М.: Центр ИНДЕМ, 1996. С. 46.
- ⁹ Демократическая платформа в КПСС. – Московская правда, № 46 (21264), 23 февраля 1990 г.
- ¹⁰ Ступарь С.К. От «Демократической платформы» к Республиканской партии... С. 49.
- ¹¹ Соловейчик В. Об одном юбилее. 25 апреля 2000 г. – Сайт Региональной партии коммунистов (<http://www.rpk.len.ru/docs/2000/apr25001.html>).
- ¹² Марксистская платформа в КПСС. Проект. – Московская правда, № 77 (21295), 31 марта 1990 г. С. 2.
- ¹³ Рекомендации расширенного пленума Политисполкома ВО «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» по ведению работы на местах. 27 января 1991 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0060/vo_ed_12.html).
- ¹⁴ Декларация об образовании Большевистской платформы в КПСС. 14 июля 1991 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0065/bp_1.html).
- ¹⁵ Декларация Съезда Советов социалистических движений трудящихся об образовании Объединённого фронта трудящихся СССР/Первый (учредительный) съезд Объединённого фронта трудящихся СССР. Документы и материалы. – Ленинград, 1989. С. 4.
- ¹⁶ Травкин Н. Сначала надо было размежеваться. – Московские новости, № 46 (488), 12 ноября 1989 г. С. 11.
- ¹⁷ Малютин М. За кем пойдут массы? Общественно-политический спектр Москвы. – Народный депутат. Общественно-политический, проблемно-информационный журнал Верховного Совета СССР, 1990, № 5 (532). С. 47.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Организационный отдел ЦК РКРП-РПК. «Разрыва не было. Из истории образования партии. К 10-й годовщине создания РКРП и РПК» (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=history&func=one&id=13>).

²⁰ Выступление В.Анпилова на первом этапе XXVIII конференции МГО КПСС. 15 июня 1990 г. – Московская правда, № 138–139 (21356–21357), 17 июня 1990 г.

²¹ Программа КПСС. Вариант, подготовленный членом ЦК КП РСФСР А.Золотовым и доработанный с участием членов программной рабочей группы ДКИ. – Молния. Газета Движения коммунистической инициативы, № 13, март 1991 г.

²² Обращение Всесоюзной конференции сторонников Большевистской платформы в КПСС ко всем коммунистам и беспартийным большевикам. 14 июля 1991 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0065/bp_4.html).

²³ Таман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России... С. 126.

²⁴ Шубин А.В. Неформалы как фактор общественной жизни. – Политика, 1997, № 2 (4). С. 17.

²⁵ На интеллигентский по содержанию и клубный характер этих протопартийных образований указывали многие исследователи, в частности А.Салмин (*Салмин А.М. Finis «intelligentsiae»? Интеллектуальная элита и политическая власть. – Политика, 1997, № 1 (3). С. 48*).

²⁶ Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы. – Общественные науки и современность, 2004, № 5. С. 8.

²⁷ Подробнее о политизированных неформальных объединениях второй половины 1980-х см. *Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). – М.: Европа, 2006*.

²⁸ Шубин А.В. Неформалы как фактор общественной жизни... С. 20.

²⁹ Там же. С. 20–21.

³⁰ Прибыловский В.В. Поучительная история Московского народного фронта. – Панорама, 1991, № 1 (28) (<http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p28mnf.html>).

³¹ Там же.

³² Шубин А.В. Преданная демократия... С. 219.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 220.

³⁵ Там же. С. 285.

³⁶ Декларация Демократического союза. Принята I съездом ДС (7–9 мая 1988 г.) со стилистическими поправками II съезда (27–29 января 1989 г.) (<http://ds.ru/conv2.htm>).

³⁷ Папп А. Как мы играем в политику. – Панорама, № 9, сентябрь 1989 г. (<http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p09papp.html>).

³⁸ Малютин М. За кем пойдут массы?... С. 41.

³⁹ Там же.

- ⁴⁰ Шубин А.В. Преданная демократия... С. 181.
- ⁴¹ «Выступая за идеи радикального демократического преобразования общества, мы определяем содержание своей деятельности как политическую оппозицию тоталитарному государственному строю СССР» (*Декларация ДС*).
- ⁴² Шубин А.В. Преданная демократия... С. 181.
- ⁴³ Папп А. Как мы играем в политику...
- ⁴⁴ Малютин М. За кем пойдут массы?... С. 42.
- ⁴⁵ Там же. С. 41.
- ⁴⁶ Прибыловский В.В. Словарь новых политических организаций России. – М.: ИИЦ «Панорама», 1992, 4-е издание. С. 25.
- ⁴⁷ «Очищение». Обращение Д.Васильева и членов ЦС НПФ «Память». 27 октября 1988 г./«Память». Документы и тексты. – М.: Панорама, 1991. С. 12–13.
- ⁴⁸ «Что такое Национально-Патриотический Фронт “Память”?» (<http://www.pamyat.ru/what.html>).
- ⁴⁹ Лидер «Памяти» Д.Васильев, подчёркивая губительность для России развития по пути демократии, ссылался, в частности, на изречение «автора Свято-Печорского издательства» Антона Тускарёва: «Демократия в своей глубинной сущности есть именно отрицание и разрушение Богоустановленной иерархии и порядка в мире – она и является в мире в адском пламени революций и поэтому есть начало безусловно злое, демоническое» (*Доклад Д.Васильева на I всероссийском съезде НПФ «Память». 14 декабря 1994 г. – БД «ПартАрхив»*).
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Весьма характерный пример апологии вождизма: «Не надо пугать нас культом личности, отрицая Вождя. Ибо культ вождя – это культ Пастыря, Заступника, Благотелья. ...Всякий здоровый народ, являясь кладезем непрерываемой Мудрости, Духовности и Справедливости, знает о необходимости Вождя, знает, что без Пастыря любое стадо разбредётся и будет сожрано волками» (*«Авторитет вождя». Заявление Центрального совета НПФ «Память». 3 ноября 1988 г. – Согласие, № 4, 14 марта 1989 г. С. 7*).
- ⁵² Более подробно о ранних этапах истории «Памяти», а также национал-патриотического движения в целом см. *Верховский А.М., Прибыловский В.В., Михайловская Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. – М.: Панорама, 1998; «Память». Документы и тексты...*
- ⁵³ «Поэтому у нас антикварно-ретроспективные партии типа эсеровской и кадетской выглядят так же естественно, как свободные демократы, которые напоминают о германском аналоге только скопированным у него названием» (*Митрохин С.С. Движение «Демократическая Россия» как партийная машина. – Панорама, 1991, № 1 (28) (<http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p28mitr.html>)*).
- ⁵⁴ Орлов Б.С. Перспективы развития социальной демократии в России (две партии – две политические культуры). – *Полития*, 1997, № 1 (3). С. 97.
- ⁵⁵ Румянцев О. Наш путь к социальной демократии (размышления после первого и второго съездов СДПР). – *Народный депутат*, 1991, № 2 (547). С. 86.

- ⁵⁶ Бызов Л. Социал-демократы Российской Федерации: кто они? (Опыт социологического портрета делегатов съезда СДПР). – *Народный депутат*, 1991, № 6 (551). С. 90.
- ⁵⁷ Митрохин С.С. Движение «Демократическая Россия» как партийная машина...
- ⁵⁸ Выступление Ю.Афанасьева на II Съезде народных депутатов СССР. 21 декабря 1989 г./Второй съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчёт. Т. III. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 398–399.
- ⁵⁹ Доклад Ю.Афанасьева на собрании Межрегиональной депутатской группы. 23 сентября 1989 г. – *Страна и мир*, 1989, № 6 (<http://www.yuri-afanasev.ru/afanasev/tom1/try1.htm>).
- ⁶⁰ Травкин Н. Сначала надо было размежеваться... С. 11.
- ⁶¹ Попов Г. Депутатский плюрализм. Межрегиональная группа в пути. – *Московские новости*, № 1 (495), 7 января 1990 г. С. 6.
- ⁶² Выступление П.Осипова на круглом столе в редакции журнала «Народный депутат»/На пути к парламентским фракциям. Депутатские группы Верховного Совета СССР: сегодня и завтра – *Народный депутат*, 1991, № 1 (546). С. 18.
- ⁶³ Предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия» (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0043/dr_14.html).
- ⁶⁴ *Московские новости*, № 1 (495), 7 января 1990 г. С. 6–7.
- ⁶⁵ Резолюция учредительного съезда Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней «Союз» о единстве СССР. 2 декабря 1990 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/07.htm).
- ⁶⁶ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 г. Т. III. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1991, С. 422.
- ⁶⁷ Доклад Н.Травкина на I съезде ДПР. 1 декабря 1990 г. – *Демократическая газета*, № 3, 22 декабря 1990 г. С. 2.
- ⁶⁸ Доклад Н.Травкина на I съезде ДПР... С. 2–3.
- ⁶⁹ Заключительное слово Н.Травкина на II съезде ДПР. 28 апреля 1991 г. – *Демократическая газета*, 1991, № 6 (9). С. 7.
- ⁷⁰ Доклад Н.Травкина на I съезде ДПР... С. 2.
- ⁷¹ Доклад Н.Травкина на II съезде ДПР. 28 апреля 1991 г. – *Демократическая газета*, 1991, № 6 (9). С. 6.
- ⁷² «Ради одного народа нельзя корёжить страну...». Н.Травкин, народный депутат СССР и РСФСР, председатель Демократической партии России в беседе с А.Карауловым. – *Независимая газета*, № 93, 8 августа 1991 г. С. 6.
- ⁷³ Доклад Н.Травкина на III съезде ДПР. 7 декабря 1991 г. – *Демократическая газета*, № 25 (28), декабрь 1991 г. С. 6.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ «Ради одного народа нельзя корёжить страну...»... С. 6.
- ⁷⁶ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 43–44.
- ⁷⁷ Там же. С. 44.

- ⁷⁸ Доклад Н.Травкина на II съезде ДПР... С. 5.
- ⁷⁹ Декларация конструктивно-демократического блока «Народное согласие». 19 апреля 1991 г. – Демократическая газета, 1991, № 6 (9). С. 13.
- ⁸⁰ Декларация Республиканской партии Российской Федерации (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0028/02.htm).
- ⁸¹ Малютин М. Политический спектр России. 1990 год серьёзно изменил межпартийный расклад в крупнейшей республике Союза. – Независимая газета, № 3, 3 января 1991 г. С. 2.
- ⁸² Резолюция учредительного съезда РПРФ «Принципы взаимодействия политических партий, общественных деятелей и организаций» (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0028/06.htm).
- ⁸³ Резолюция II съезда РПРФ «Задачи партии». 30 июня 1991 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0028/15.htm).
- ⁸⁴ Малютин М. Политический спектр России... С. 2.
- ⁸⁵ Справка «История Республиканской партии России» (<http://www.rprf.ru/about/history>).
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ С.Сулакшин. Республиканская партия России, взгляд из сегодня. – Господин народ. Газета РПР, 1991, № 3. С. 9. При этом, по словам С.Сулакшина, на момент учредительного съезда численность РПР составляла 20 тыс. человек (*там же*). Следует отметить, что В.Лысенко на учредительном съезде РПРФ с сожалением признавал, что «после выхода из КПСС число сторонников “Демократической платформы” уменьшилось примерно на порядок» и что созданную в результате партию нельзя считать массовой (*Содоклад В.Лысенко на учредительном съезде РПР. – http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0028/07.htm*).
- ⁸⁸ «О положении в партии». Заявление оргкомитета движения «Коммунисты за демократию». – Российская газета, № 87 (133), 24 апреля 1991 г. С. 3.
- ⁸⁹ Выступление И.Виноградовой на V Съезде народных депутатов РСФСР. 13 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. – М.: Республика, 1992. С. 285.
- ⁹⁰ Резолюция учредительной конференции Демократической партии коммунистов России. – Российская газета, № 165 (211), 7 августа 1991 г. С. 1.
- ⁹¹ Постановление пленума ЦК Компартии РСФСР «Об учредительной конференции Демократической партии коммунистов России». 6 августа 1991 г. – Советская Россия, № 154 (10605), 8 августа 1991 г. С. 1.
- ⁹² Декларация Демократического движения коммунистов. Принята на учредительной конференции 17–18 ноября 1990 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0040/ddk_1.html).
- ⁹³ Российская газета, № 149 (195), 18 июля 1991 г. С. 1–2.
- ⁹⁴ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 462.
- ⁹⁵ Там же.

- ⁹⁶ Митрохин С.С. Движение «Демократическая Россия» как партийная машина...
- ⁹⁷ Предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия» (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0043/dr_14.html).
- ⁹⁸ Выступление А.Манохина на I Съезде народных депутатов РСФСР. 22 июня 1990 г./Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая – 22 июня 1990 г. Стенографический отчет. Т. V. – М.: Республика, 1992. С. 337.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Устав движения «Демократическая Россия». Принят на учредительном съезде 21 октября 1991 г. – Движение «Демократическая Россия». Информационный бюллетень, № 4, февраль 1991 г. С. 2.
- ¹⁰² Справка «Движение “Демократическая Россия”». – Движение «Демократическая Россия». Информационный бюллетень, № 4, февраль 1991 г. С. 3.
- ¹⁰³ I съезд ДПР (1–2 декабря 1990 г.) проголосовал за создание коалиции только с РПРФ и СДПР, с «ДемРоссией» же согласился лишь «развивать сотрудничество» (*Информационное сообщение о I съезде ДПР. – Демократическая газета, № 3, 22 декабря 1990 г. С. 1*). Однако уже через месяц с небольшим лидер ДПР Н.Травкин и заместитель руководителя аппарата партии В.Хомяков были кооптированы в состав Координационного совета ДР (*Пресс-релиз заключительного этапа первого пленума Совета представителей «ДемРоссии». 12–13 января 1991 г. – Движение «Демократическая Россия». Информационный бюллетень, № 2, январь 1991 г. С. 1*).
- ¹⁰⁴ Именно в заявлении «К событиям в Литве» ДПР впервые назвала себя участником движения (*Демократическая газета, № 1 (4), февраль 1991 г. С. 1*).
- ¹⁰⁵ Авторы справки о «ДемРоссии» в бюллетене движения исходили из того, что общая численность входящих в ДР партий колеблется от 70 тыс. до 100 тыс. человек: «Учитывая, что, по данным региональных организаций “Демократической России”, число беспартийных в них в три с лишним раза превышает число членов политических партий, общее число активных участников движения можно оценить в 300–400 тыс. чел.» (*там же*).
- ¹⁰⁶ Справка «Движение “Демократическая Россия”»...
- ¹⁰⁷ «“ДемРоссия” легализовалась и призывает к стачке». – Независимая газета, № 50, 25 апреля 1991 г. С. 1; Юридическое лицо «ДемРоссии». – Российская газета, № 88 (134), 25 апреля 1991 г. С. 1.
- ¹⁰⁸ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 286.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 293.
- ¹¹⁰ Афанасьев Ю. Выбираем свободу? – Российская газета, № 35 (81), 21 февраля 1991 г. С. 3.
- ¹¹¹ Савельев А.Н. Виртуальный мир российской многопартийности. – Полития, 1997, № 2 (4). С. 45.

- ¹¹² Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 459.
- ¹¹³ Митрохин С.С. Движение «Демократическая Россия» как партийная машина...
- ¹¹⁴ «Создать порядок из хаоса». О месте и роли демократических сил беседуют Ю.Афанасьев и Л.Карпинский. – Московские новости, № 38 (532), 23 сентября 1990 г. С. 6.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Митрохин С.С. Движение «Демократическая Россия» как партийная машина...
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Подробнее об этом см. *Верховский А.М., Прибыловский В.В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции.* – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; *Верховский А.М., Прибыловский В.В., Михайловская Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе...*
- ¹²⁰ Подробнее об этом см. *Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавишкова Т.В. Левые в России: от экстремистов до умеренных.* – М.: Институт экспериментальной социологии, 1997; *Коргунок Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие.* – М.: Центр прикладных политических исследований «ИНДЕМ», 1996; *Коргунок Ю.Г. Современная российская многопартийность.* – М.: Фонд «ИНДЕМ», 1999.
- ¹²¹ Подробнее об этом см. *Коргунок Ю. Современная российская многопартийность...*
- ¹²² Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 100.
- ¹²³ Там же. С. 92.
- ¹²⁴ Там же. С. 284.
- ¹²⁵ Закон СССР об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР/Внеочередная, двенадцатая, сессия Верховного Совета СССР (одинадцатый созыв). 29 ноября – 1 декабря 1988 г. Стенографический отчет. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1988. С. 191; Закон СССР о выборах народных депутатов СССР/Внеочередная, двенадцатая, сессия Верховного Совета СССР. С. 215–216.
- ¹²⁶ Исаков В. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. С. 55.
- ¹²⁷ Там же. С. 57.
- ¹²⁸ Малютин М. За кем пойдут массы? Общественно-политический спектр Москвы... С. 44.
- ¹²⁹ Шубин А.В. Преданная демократия... С. 285.
- ¹³⁰ Закон СССР о выборах народных депутатов СССР/Внеочередная, двенадцатая, сессия Верховного Совета СССР. С. 216.
- ¹³¹ О перипетиях этой борьбы см. *Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1.* – М.: Московский Центр Карнеги, Фонд «ИНДЕМ», 2005. С. 213–223.
- ¹³² Исаков В. Председатель Совета Республики... С. 59.

- ¹³³ Там же. С. 64–65.
- ¹³⁴ Там же. С. 60.
- ¹³⁵ Московские новости, № 4 (446), 22 января 1989 г. С. 13.
- ¹³⁶ Московские новости, № 6 (448), 5 февраля 1989 г. С. 9.
- ¹³⁷ Обращение Общественного предвыборного совета МН к читателям. – Московские новости, № 13 (455), 26 марта 1989 г. С. 9.
- ¹³⁸ Исаков В. Председатель Совета Республики... С. 62.
- ¹³⁹ Там же. С. 76.
- ¹⁴⁰ Шубин А.В. Преданная демократия... С. 271.
- ¹⁴¹ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 101.
- ¹⁴² О разнице между парламентской и соборной моделями представительных институтов см. *там же.* С. 132–133.
- ¹⁴³ Там же. С. 135.
- ¹⁴⁴ Текст непроизнесённого выступления Ю.Афанасьева на I Съезде народных депутатов СССР/Первый Съезд народных депутатов СССР. Т. IV. С. 113.
- ¹⁴⁵ Московские новости, № 40 (482), 1 октября 1989 г. С. 2.
- ¹⁴⁶ Регламент Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, № 29, 27 декабря 1989 г. С. 765.
- ¹⁴⁷ Доклад И.Лаптева об обновлении (ротации) состава Верховного Совета СССР. 26 декабря 1990 г./Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 58.
- ¹⁴⁸ Регламент Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. С. 768.
- ¹⁴⁹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 199.
- ¹⁵⁰ Последняя цифра получена путём сложения числа депутатов, изъявлявших желание стать членами МДГ ещё до первого собрания группы (119 человек) и подтвердивших своё участие в её деятельности к моменту самого мероприятия («У радикальной перестройки нет альтернативы» (отчёт с собрания Межрегиональной депутатской группы). – *Информационный бюллетень Межрегиональной депутатской группы. 15 сентября 1989 г. С. 1; Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 226).*
- ¹⁵¹ О ней см. *Информационный бюллетень Межрегиональной депутатской группы. 15 сентября 1989 г.; А.Василевский. Демократы в парламенте.* – *Панорама, № 8, сентябрь 1989 г.; Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 226–230.*
- ¹⁵² Выступление Ю.Афанасьева на II Съезде народных депутатов СССР. 21 декабря 1989 г. – Второй съезд народных депутатов СССР. С. 398–399.
- ¹⁵³ Выступление Г.Крючкова на II Съезде народных депутатов СССР. 23 декабря 1989 г./Второй съезд народных депутатов СССР. С. 251.
- ¹⁵⁴ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.
- ¹⁵⁵ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 226.
- ¹⁵⁶ Выступление А.Сахарова на собрании МДГ. 14 декабря 1989 г. – Московские новости. Специальный выпуск ко дню смерти А.Сахарова, 17 декабря 1989 г. С. 4.

- ¹⁵⁷ Выступление Ю.Афанасьева на II Съезде народных депутатов СССР. 21 декабря 1989 г. ... С. 398–399.
- ¹⁵⁸ Логунов В. Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции. – Народный депутат, 1990, № 12 (539). С. 22–23.
- ¹⁵⁹ Выступление Ю.Афанасьева на I Съезде народных депутатов СССР. 27 мая 1989 г./Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 224.
- ¹⁶⁰ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.
- ¹⁶¹ Выступление Ю.Блохина на III Съезде народных депутатов СССР. 13 марта 1990 г./Внеочередной Третий Съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 г. Стенографический отчёт. Т. I. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 133.
- ¹⁶² Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Выступление Г.Старовойтовой на II Съезде народных депутатов РСФСР. – Российская газета, № 26–27, 11 декабря 1990 г. С. 4.
- ¹⁶⁵ Выступление Ю.Блохина на IV Съезде народных депутатов СССР. 17 декабря 1990 г./Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 111.
- ¹⁶⁶ Выступление Ю.Блохина на круглом столе в редакции журнала «Народный депутат»/На пути к парламентским фракциям. Депутатские группы Верховного Совета СССР: сегодня и завтра. – Народный депутат, 1991, № 1 (546). С. 18.
- ¹⁶⁷ Комаров Г. Платформа «Союза». – Народный депутат, 1990, № 16 (543). С. 20–24.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 113–114.
- ¹⁶⁹ Выступление Ю.Блохина на IV Съезде народных депутатов СССР. 24 декабря 1990 г./Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 165.
- ¹⁷⁰ Заявление общественно-политических организаций и движений социалистического выбора. – Народный депутат, 1991, № 3 (548). С. 30–31.
- ¹⁷¹ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.
- ¹⁷² Там же. С. 446.
- ¹⁷³ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 65.
- ¹⁷⁴ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.
- ¹⁷⁵ Выступление А.Крайко на IV Съезде народных депутатов СССР. 19 декабря 1990 г./Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 270–271.
- ¹⁷⁶ Выступление В.Самарина на IV Съезде народных депутатов СССР. 21 декабря 1990 г./Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 542–544.
- ¹⁷⁷ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 37.
- ¹⁷⁸ Предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия» (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0043/dr_14.html).
- ¹⁷⁹ «Чем недоволен В.Скрипко?» Интервью председателя ассоциации «Объединённый совет России» Виталия Петровича Скрипко. – Народный депутат, 1990, № 7 (534). С. 54.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 271.
- ¹⁸² Там же. С. 272.
- ¹⁸³ Шубин А.В. Преданная демократия... С. 299–300.

¹⁸⁴ «Чем недоволен В.Скрипко?»... С. 56.

¹⁸⁵ К народам Советской России. Обращение Российского бюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. – Правда, № 26 (26109), 26 января 1990 г. С. 1.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ По оценке В.Шейниса, «в ходе избирательной кампании серьёзной координации действий на высших уровнях не было: всё свелось к запоздалым импровизациям. За проведение избирательной кампании 1990 г. политическим стратегам из ЦК КПСС, многих обкомов и горкомов по справедливости полагалась бы двойка с минусом» (Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 268).

¹⁸⁸ «Чем недоволен В.Скрипко?»... С. 55.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ «За политику народного согласия». Предвыборная платформа блока общественно-патриотических движений России. – Литературная Россия, № 6 (1410), 9 февраля 1990 г. С. 12–13.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ «Чем недоволен В.Скрипко?»... С. 55.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Бюллетень № 25. – М.: Издание Верховного Совета РСФСР. С. 28.

¹⁹⁸ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая – 22 июня 1990 г. Стенографический отчёт. Т. III. – М.: Республика, 1992. С. 173, 301.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая – 22 июня 1990 г. Стенографический отчёт. Т. III. С. 301–302.

²⁰³ Там же. С. 262.

²⁰⁴ Первый Съезд народных депутатов РСФСР.. Т. IV. С. 95.

²⁰⁵ Временный регламент Съезда народных депутатов РСФСР/Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 552.

²⁰⁶ Поправки Г.Точкина к справке пресс-центра ВС РСФСР о партийной принадлежности народных депутатов РСФСР. – Панорама, № 3 (30), декабрь 1991 г.

(<http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p30popr.html>).

²⁰⁷ Бекин Г. У политической карты Съезда. – Советская Россия, № 100 (10551), 22 мая 1991 г. С. 3.

- ²⁰⁸ Сергеев В.М., Беляев А.В., Бирюков Н.И., Гусев Л.Ю. Становление парламентских партий в России. Государственная Дума в 1994–1997 годах. – Полис, 1999, № 1. С. 54.
- ²⁰⁹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 37.
- ²¹⁰ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 451.
- ²¹¹ Выступление Н.Травкина на I Съезде народных депутатов РСФСР. 9 июня 1990 г./Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 69.
- ²¹² Постановление Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений во Временный регламент Съезда народных депутатов РСФСР». 25 октября 1991 г. (http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39469.html).
- ²¹³ Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 126–127.
- ²¹⁴ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 28 марта – 5 апреля 1991 г. Стенографический отчёт. Т. III. – М.: Республика, 1992. С. 90.
- ²¹⁵ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.
- ²¹⁶ Прибыловский В.В. Политические фракции и депутатские группы российского парламента. 2-й вариант, исправленный и дополненный. – М.: Панорама, 1993. С. 25.
- ²¹⁷ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.
- ²¹⁸ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. 21–25 мая 1991 г. Стенографический отчёт. Т. III. – М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1991. С. 127–128.
- ²¹⁹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.
- ²²⁰ Несмотря на относительно «безобидное» название, «Беспартийные депутаты» придерживались весьма радикальных антикоммунистических взглядов: они требовали «департизации армии, КГБ, МВД, прокуратуры, суда, арбитража, государственных предприятий народного хозяйства, культуры и образования» и солидаризовались с предложением провести референдум «о политическом суде над руководством ВКП(б)–КПСС, виновном в совершении преступлений против собственного народа, и о национализации имущества КПСС, незаконно присвоенного ею в годы Советской власти» («Позиция беспартийных». Программное заявление группы беспартийных народных депутатов РСФСР. *Российская газета*, № 67–68 (113–114), 4 апреля 1991 г. С. 1). Н.Бирюков и В.Сергеев определили БД как «объединение внеэлитной интеллигенции, преимущественно – провинциальной» (Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 459).
- ²²¹ Стенограмма Второго Съезда народных депутатов РСФСР. Тридцатое заседание. 15 декабря. – *Российская газета*, № 39, 21 декабря 1990 г. С. 2.
- ²²² Прибыловский В.В. Политические фракции и депутатские группы российского парламента... С. 30.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Стенограмма Второго Съезда народных депутатов РСФСР. Десятое заседание. 3 декабря. – *Российская газета*, № 18–19, 6 декабря 1990 г. С. 4.

- ²²⁵ Прибыловский В.В. Политические фракции и депутатские группы российского парламента... С. 10.
- ²²⁶ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.
- ²²⁷ Выступление Г.Саенко на IV Съезде народных депутатов РСФСР. 22 мая 1991 г./Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 201.
- ²²⁸ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 293–294.
- ²²⁹ Выступление А.Васяновича на V Съезде народных депутатов РСФСР. 17 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 482.
- ²³⁰ Юрьев Д., Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры». Депутатский корпус в зеркале поимённых голосований. – *Независимая газета*, № 32, 14 марта 1991 г. С. 5.
- ²³¹ Шейнис В. Когда шансы примерно равны... – *Московские новости*, № 13 (558), 31 марта 1991 г. С. 10.
- ²³² Брагин В. Что ждёт нас на Съезде? – *Российская газета*, № 58 (104), 27 марта 1991 г. С. 3.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Демократы, в частности, отмечали эту «смычку» в ходе формирования руководящих органов Верховного Совета. См. выступление Н.Неласова на I Съезде. 5 июня 1990 г./Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 108.
- ²³⁵ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 305.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Юрьев Д., Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...
- ²³⁸ Декрет о власти. Принят за основу 20 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. V. С. 433.
- ²³⁹ Выступление А.Манохина на I Съезде народных депутатов РСФСР. 22 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчёт. Т. V. С. 337.
- ²⁴⁰ Выступление С.Юшенкова на I Съезде народных депутатов РСФСР. 17 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 377.
- ²⁴¹ Юшенков С. Консолидация или противостояние? – *Народный депутат*, 1990, № 16 (543). С. 71–73.
- ²⁴² Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 305.
- ²⁴³ Там же. С. 306–307.
- ²⁴⁴ Там же. С. 308.
- ²⁴⁵ В.Шейнис, признавая, что после избрания Б.Ельцина председателем ВС РСФСР «власть начала переходить в руки второго эшелона бюрократии», вместе с тем отмечал, что, «при всей противоречивости личности первого российского президента, его взглядов и привычек, он всё же усвоил и сохранил приверженность некоторым демократическим ценностям» (Шейнис В.Л. *Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 310*).
- ²⁴⁶ Выступление Ю.Нестерова на I Съезде народных депутатов РСФСР. 9 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 65; Выступление С.Филатова на I Съезде народных депутатов РСФСР. 16 июня 1990 г. – Первый Съезд на-

родных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 261–262; Выступление С.Юшенкова на I Съезде народных депутатов РСФСР. 17 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 377.

²⁴⁷ По признанию В.Шейниса, в ходе избрания ВС «демократы оказались не на высоте. ...Некоторые из них по личным соображениям включились в начатое их противниками выдвижение альтернативных кандидатов, раздробили голоса и под конец уступили давлению» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 313*).

²⁴⁸ Выступление Н.Травкина на I Съезде народных депутатов РСФСР. 9 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 69.

²⁴⁹ Юшенков С. Консолидация или противостояние?... С. 73.

²⁵⁰ Там же. Н.Бирюков и В.Сергеев определили членов РД как «самых упорных приверженцев рыночных реформ, соединивших, впрочем, – достаточно парадоксальным образом – либерально-рыночную идеологию с откровенно популистской риторикой и популистским стилем политического поведения». Исследователи также отметили, что, согласно результатам математической обработки данных поимённых голосований, именно эта фракция, а не «Демократическая Россия», занимала наиболее удалённый от «Коммунистов России» фланг политического поля (*Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 461*).

²⁵¹ Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 214.

²⁵² Исаков В. Председатель Совета Республики... С. 213–214.

²⁵³ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 74.

²⁵⁴ Там же. С. 79–80.

²⁵⁵ Там же. С. 72–73.

²⁵⁶ Там же. С. 72–73.

²⁵⁷ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 461.

²⁵⁸ Юрьев Д., Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...

²⁵⁹ Выступление Д.Волгогонова на II Съезде народных депутатов РСФСР. 8 декабря 1990 г. – Российская газета, № 28–29, 12 декабря 1990 г. С. 3.

²⁶⁰ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 460.

²⁶¹ Выступление Д.Волгогонова на II Съезде народных депутатов РСФСР. 13 декабря 1990 г. – Российская газета, № 33–34, 15 декабря 1990 г. С. 4.

²⁶² Выступление К.Морозова на II Съезде народных депутатов РСФСР. 3 декабря 1990 г. – Российская газета, № 18–19, 6 декабря 1990 г. С. 4.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Выступление В.Калашникова на II Съезде народных депутатов РСФСР. 15 декабря 1990 г./Второй съезд народных депутатов РСФСР. Т. VI. С. 137.

²⁶⁵ Юрьев Д., Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 473.

²⁶⁸ «Союзники Россию не ревнуют». Интервью Р.Хасбулатова, первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР, обозревателю «НГ» С.Пархоменко. – Независимая газета, № 16, 5 февраля 1991 г. С. 1.

²⁶⁹ Советская Россия, № 37 (10488), 21 февраля 1991 г. С. 1.

²⁷⁰ Политическое заявление С.Горячевой, Б.Исаева, Р.Абдулатипова, В.Исакова, А.Вешнякова и В.Сыроватко. – Правда, № 46 (26494), 22 февраля 1991 г. С. 1.

²⁷¹ Советская Россия, № 44 (10495), 2 марта 1991 г. С. 2.

²⁷² Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 69.

²⁷³ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 98.

²⁷⁴ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 69.

²⁷⁵ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 90.

²⁷⁶ «Оппозиция с благословения». – Советская Россия, № 73 (10524), 12 апреля 1991 г. С. 3.

²⁷⁷ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

²⁷⁸ «Оппозиция с благословения»...

²⁷⁹ «Конструктивность и честность». Интервью первого секретаря ЦК КП РСФСР И.К.Полозкова. – Советская Россия, № 78 (10529), 19 апреля 1991 г. С. 2.

²⁸⁰ «Оппозиция с благословения»...

²⁸¹ Некоторым диссонансом здесь выглядела точка зрения союзника «Коммунистов России» В.Исакова, расценившего создание группы как шаг «эффективный, но бесперспективный»: «Раскол произошёл как бы “поперёк” линии напряжения – скорее на личной, нежели на идейной основе. Выделилась группа коммунистов, недовольных Полозковым, но идейно ничем не объединённых» (*Исаков В. Председатель Совета Республики... С. 287*). Позже, правда, В.Исаков изменил мнение, признав, что созданием новой группы А.Руцкой помог Б.Ельцину – «расколосил позиции левых сил» (*Исаков В. Госпереворот. Парламентские дневники. 1992–1993. – М.: Палея, 1995. С. 457*).

²⁸² «Оппозиция с благословения»...

²⁸³ Выступление В.Шуйкова на III Съезде народных депутатов РСФСР. 4 апреля 1991 г./Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 136–137.

²⁸⁴ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 473.

²⁸⁵ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер и выполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР»/Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. V. С. 155.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 88–89.

²⁸⁸ В.Исаков: «Президент получит тяжелейшее наследство...». – Советская Россия, № 103 (10554), 25 мая 1991 г. С. 1.

²⁸⁹ Выступление Б.Тарасова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 88–89.

- ²⁹⁰ Постановление IV Съезда народных депутатов РСФСР «Об утверждении Закона РСФСР “О Президенте РСФСР”»/Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 223.
- ²⁹¹ Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»/Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 132–142.
- ²⁹² Выступление председателя Центризбиркома РСФСР В.Казакова на IV Съезде народных депутатов РСФСР. 22 мая 1991 г./Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 173; Постановление IV Съезда народных депутатов РСФСР «О кандидатах в Президенты РСФСР» /Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 224.
- ²⁹³ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 45.
- ²⁹⁴ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 183–191.
- ²⁹⁵ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 110.
- ²⁹⁶ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 4.
- ²⁹⁷ Там же.
- ²⁹⁸ Постановление II съезда ДПР «О выдвижении кандидата в президенты РСФСР от Демократической партии России». – Демократическая газета, № 6 (9), 1991 г. С. 14.
- ²⁹⁹ Обращение политических партий и общественных движений к гражданам России «Перед выбором». – Российская газета, № 110 (156), 25 мая 1991 г. С. 1.
- ³⁰⁰ Постановление ЦК и ЦКК Коммунистической партии РСФСР от 13 мая 1991 г. «Об участии в выборах президента РСФСР». – Советская Россия, № 98 (10549), 18 мая 1991 г. С. 1.
- ³⁰¹ Из резолюции сторонников Марксистской платформы в КПСС об участии сторонников Марксистской платформы в кампании по избранию президента РСФСР. – Советская Россия, № 113 (10564), 8 июня 1991 г. С. 1.
- ³⁰² Позиция депутатской группы «Союз». – Советская Россия, № 95 (10546), 15 мая 1991 г. С. 1.
- ³⁰³ Обращение народных депутатов РСФСР – участников встречи с кандидатом в президенты России Н.И.Рыжковым. – Советская Россия, № 103 (10554), 25 мая 1991 г. С. 3.
- ³⁰⁴ Бабурин С. Президент. Советы. Съезд. Интервью перед закрытием Съезда. – Советская Россия, № 104 (10555), 28 мая 1991 г. С. 2.
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам президента РСФСР. – Российская газета, № 128 (174), 20 июня 1991 г. С. 1.
- ³⁰⁷ «По разговорам с депутатами такое впечатление: чиновничество наконец-то поверило, что Ельцин – это их власть. Начался разворот служилого люда в его сторону: “Пора делать выбор. Я – с Борисом Николаевичем до конца!”» (Исаков В. *Председатель Совета Республики...* С. 310).
- ³⁰⁸ Выступление Б.Кибирева на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 152–153.

- ³⁰⁹ Выступление С.Шеболдаева на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 140.
- ³¹⁰ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 160.
- ³¹¹ Выступление И.Рыбкина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 302.
- ³¹² Там же.
- ³¹³ Выступление В.Козыря на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 150–151.
- ³¹⁴ Выступление И.Рыбкина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 302.
- ³¹⁵ Выступление В.Ребрикова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 13 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 259–260; Выступление А.Манохина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 13 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 264–265; Выступление Ю.Афанасьева на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 311.
- ³¹⁶ Выступление С.Юшенкова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 351–352.
- ³¹⁷ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 577. В числе главных претензий парламентских демократов к Хасбулатову В.Шейнис упомянул также «грубость, нередко прорывающуюся нетерпимостью к чужому мнению, не совпадавшему с его собственным..., злоупотребление микрофоном [в качестве] председательствующего, неуважение к человеческому достоинству депутатов (чем дальше, тем чаще он стал находить в оскорблении неугодных ему людей какое-то садистское удовлетворение), целенаправленную линию на создание клиентелы из зависимых от него депутатов, сотрудников аппарата, людей в регионах» (*там же*). При этом В.Шейнис признаёт за будущим председателем ВС и ряд достоинств: «Хасбулатов заметно выделялся своей фантастической работоспособностью, смелостью, несомненным интеллектом, быстротой реакции, находчивостью и юмором. Когда Хасбулатов считал нужным, он умел завоёвывать сердца обаянием и доброжелательностью» (*там же*).
- ³¹⁸ Выступление С.Юшенкова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 351–352.
- ³¹⁹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 146–147.
- ³²⁰ Выступление В.Шуйкова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 16 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 451–452.
- ³²¹ В.Лисин, координатор депутатской группы «Россия»: «Боролись за будущее России». – Советская Россия, № 142 (10593), 23 июля 1991 г. С. 2.
- ³²² Лысенко В. Демократическое движение или перегруппировка сил? Важно, чтобы самоопределение партий не привело к разрушению существующих структур. – Независимая газета, № 88, 27 июля 1991 г. С. 2.
- ³²³ Выступление В.Лисина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 308; Выступление С.Бабурина на V

Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 325.

³²⁴ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 324.

³²⁵ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 133.

³²⁶ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 403.

³²⁷ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 408.

³²⁸ Выступление А.Блохина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 16 июля 1991 г./Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 421.

³²⁹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 413.

³³⁰ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 505.

³³¹ Как писал по этому поводу В.Шейнис, «по иронии судьбы именно заговорщики, попытавшиеся на свой лад защитить Союз, нанесли ему смертельный удар» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 530*).

К главе 6

¹ Выступление В.Мананникова на VIII Съезде народных депутатов РФ/Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. 10–13 марта 1993 г. Стенографический отчёт. – М.: Республика, 1993. С. 218.

² Звоновский В.Б., Пышкова Н.В. Уклонение от уплаты налогов: отношение населения. – Социологические исследования, 2003, № 4. С. 57.

³ Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей. – Социологические исследования, 2002, № 4. С. 10.

⁴ Холодковский К.Г. Идеино-политическая дифференциация российского общества: история и современность. – Политика, 1998, № 2. С. 31.

⁵ Там же.

⁶ Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации. – Общественные науки и современность, 2006, № 1. С. 38.

⁷ Программа Коммунистической партии Российской Федерации (<http://www.cprf.ru/party/program>).

⁸ Там же.

⁹ Обращение к советскому народу. – Советская Россия, № 162 (10613), 20 августа 1991 г. С. 1

¹⁰ Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах (факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 гг.). – Полис, 2005, № 2. С. 29.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Страхов А.П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход. – Полис, 2000, № 3. С. 92–93.

¹³ Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации... С. 37.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Показательно в этом плане положение из предвыборной программы Сахалинского регионального отделения КПРФ: «Государство обязано взять под свой контроль все природные и сырьевые ресурсы, крупную промышленность, железные дороги, авиацию и космос, тепло-, электроэнергетику и металлургию, жилищно-коммунальное хозяйство и жилищное строительство. Вместе с тем государство должно быть освобождено от забот розничной торговли и сферы услуг, бремени мелкого предпринимательства, средней промышленности и переработки – это дело частной собственности» (<http://www.kprf.ru/articles/11323.shtml>).

¹⁸ К.Холодковский радикально и довольно остроумно решил проблему перевода понятия «cleavage» – не стал его переводить, а просто транскрибировал, попутно «офранцузив».

¹⁹ Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества. – Полис, 1998, № 3. С. 16, 26. Похожая ситуация характерна и для Восточной и Центральной Европы, где в качестве одного из основных размежеваний исследователи выделяют противостояние социальных протекционистов и либеральных рыночников (*Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. Post-Communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-Party Cooperation... P. 64.*).

²⁰ Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества... С. 16.

²¹ В интерпретации К.Холодковского это конфликт в первую очередь между богатыми и бедными, между экономической целесообразностью и социальной справедливостью (*Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества... С. 25–26*). В такой общей форме данная дихотомия может быть представлена и как конфликт между бюджетополучателями и налогоплательщиками. Однако исследователь выделяет среди представителей «массовых слоёв» не только adeptов уравнительности, тяготеющих к противникам рынка, но и сторонников равенства возможностей, склонных к поддержке реформ (*там же*). В последнем случае речь идёт скорее о наёмных работниках, желающих встроиться в рыночную экономику, нежели о бюджетополучателях, рассчитывающих только на государство.

²² Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества... С. 26.

²³ Заявление Московского центра Большевиcтской платформы в КПСС. 20 ноября 1991 г. – Информбюллетень МЦ Большевиcтской платформы в КПСС, № 1, март 1992 г. (<http://cccp-kpss.narod.ru/svetoch/inf.1/Z201191.HTM>).

²⁴ Заявление учредительного съезда ВКПБ «О нарушении прав и свобод советских граждан». 8 ноября 1991 г. – База данных «ПартАрхив».

²⁵ Программа ВКПБ. Принята на учредительном съезде 8 ноября 1991 г. – БД «ПартАрхив».

²⁶ Устав ВКПБ (<http://www.vkpb.ru/about/ust.shtml>).

- ²⁷ Программа ВКПБ...
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ «Пленум ЦК ВКПБ принял решение о выходе партии из Роскомсоюза». – Бюллетень Левого информцентра, № 11 (322) март 1998 г.
- ³¹ Пресс-конференция А.Лапина. 11 марта 1994 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 11, март 1994 г.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Пресс-конференция А.Лапина. 7 февраля 1995 г. – Партиформ, № 7 (110), 15 февраля 1995 г.
- ³⁵ Заявление Информбюро ЦК ВКПБ «Осторожно – провокация!». – Бюллетень Левого информцентра, № 39, сентябрь 1995 г.
- ³⁶ II (чрезвычайный) съезд ВКПБ. – Партиформ, № 28 (131), 12 июля 1995 г.
- ³⁷ Заявление А.Лапина по поводу листовки «Осторожно, провокация!». – Бюллетень Левого информцентра, № 42, октябрь 1995 г.
- ³⁸ Пресс-конференция А.Лапина. 11 марта 1994 г. ...
- ³⁹ Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции (информационно-аналитический обзор). – М., 1998. С. 17.
- ⁴⁰ Устав Российской коммунистической рабочей партии. Принят на учредительном съезде 24 ноября 1991 г., зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР 9 января 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Программа Российской коммунистической рабочей партии. Принята на втором этапе учредительного съезда 5 декабря 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁴³ Встреча В.Тюлькина с коммунистами Москвы. 13 апреля 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 16, апрель 1996 г.
- ⁴⁴ Митинг «Трудовой России» 22 июня 1995 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 26, июнь 1995 г.
- ⁴⁵ Митинг РКРП у Казанского собора 14 декабря 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 51, декабрь 1996 г.
- ⁴⁶ Митинги РПК и РКРП возле Казанского собора в Санкт-Петербурге 15 июля 1995 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 30, июль 1995 г.
- ⁴⁷ Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции... С. 20.
- ⁴⁸ Обращение В.Тюлькина к Г.Зюганову. 11 августа 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 33, август 1996 г.; Обращение ЦК РКРП «К коммунистам России» (по вопросу объединения коммунистов в одну партию). Октябрь 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁴⁹ Программное заявление Российской партии коммунистов. Принято на учредительной конференции РПК (14–15 декабря 1991 г.) – БД «ПартАрхив»; Автопортрет лидера: А.Пригарин. – Партиформ, № 10, 10–16 декабря 1992 г.

- ⁵⁰ Программное заявление РПК...
- ⁵¹ «С кем Союз коммунистов». Интервью с лидером Союза коммунистов А.Пригариным. – Правда, 15 января 1992 г. С. 2.
- ⁵² Экономическая программа Союза коммунистов. – Позиция. Газета Союза коммунистов. Апрель 1992 г. С. 6.
- ⁵³ Программное заявление РПК...
- ⁵⁴ Пояснительная записка членов оргкомитета по созданию Партии коммунистов по информационному письму оргкомитета по созданию партии «Союз коммунистов». 2 октября 1991 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁵ А.Пригарин. Навстречу первому съезду «Союза коммунистов». – Гласность, № 16, 16–22 апреля 1992 г. С. 2.
- ⁵⁶ Материалы 1-го пленума Центрального исполнительного комитета РПК. 11 января 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁷ Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции... С. 18.
- ⁵⁸ Постановление объединённого пленума ЦК и ЦКК Союза коммунистов «Об антипартийной деятельности тт. С.Степанова и В.Маркова». 30 октября 1993 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 45, ноябрь 1993 г.
- ⁵⁹ Декларация «О восстановлении деятельности Российской организации Коммунистической партии Советского Союза». 22 апреля 1994 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁰ Заявление для печати Исполкома Ленинградской организации РПК «О положении в Ленинградской организации РПК». – Бюллетень Левого информцентра, № 24 (387), июнь 1999 г.
- ⁶¹ Встреча А.Крючкова с левым активом Челябинска. – Бюллетень Левого информцентра, № 12 (166), март 1995 г.
- ⁶² VI съезд РПК. – Мысль. Газета РПК, № 1, январь 2001 г. С. 1.
- ⁶³ Постановление № 1 объединительного съезда РКРП и РПК. 27 октября 2001 г. (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=history&func=one&id=10>).
- ⁶⁴ Резолюция IV съезда РКРП-РПК «О завершении переходного периода объединения РКРП и РПК». 22 февраля 2004 г. (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=official&func=one&id=31>).
- ⁶⁵ IV съезд РКРП-РПК и VIII съезд РПК. – Партиформ, № 9 (579), 3 марта 2004 г.
- ⁶⁶ «Ушёл из жизни Анатолий Викторович Крючков». 9 мая 2005 г. – Сайт РКРП-РПК (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=official&func=one&id=44>).
- ⁶⁷ Страдымов В. Не надо новых фальсификаций (к истории движения «Трудовая Россия»). – Что делать?, № 10 (33), август–сентябрь 1996 г.
- ⁶⁸ Учредительный съезд «Трудовой России». – Партиформ, № 13, 23–28 октября 1992 г.; Информбюллетень Московского центра Большевицской платформы в КПСС, № 15, декабрь 1992 г. – январь 1993 г.; Страдымов В. Не надо новых фальсификаций...
- ⁶⁹ Альтернативный съезд коммунистов. – Бюллетень Левого Информцентра, № 6 (59), февраль 1993 г.

- ⁷⁰ Информационное сообщение о заседании Исполкома и пленуме Совета СКП-КПСС. – Правда, № 8, 23–24 января 2001 г.
- ⁷¹ Постановление XXXIII съезда СКП-КПСС «О преобразовании Союза коммунистических партий – КПСС в единую Коммунистическую партию марксистско-ленинского типа – КПСС». – БД «ПартАрхив».
- ⁷² Информбюллетень Московского центра Большевиcтской платформы в КПСС, № 11, август 1992 г.
- ⁷³ «Возобновлена деятельность Роскомсовета». – Бюллетень Левого информцентра, № 32, август 1993 г.
- ⁷⁴ Бюллетень Левого информцентра, № 51, декабрь 1993 г.
- ⁷⁵ Резолюция Всероссийской (межпартийной) конференции коммунистов «О единстве рядов коммунистов». – Бюллетень Левого информцентра, № 30, июль 1994 г.
- ⁷⁶ Данные протокола Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о распределении депутатских мандатов по федеральному избирательному округу между избирательными объединениями, избирательными блоками (составлены на основании протокола Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. и постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 января 1996 г. № 65/557-П). – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ⁷⁷ Бюллетень Левого информцентра, № 11 (322), март 1998 г.; Партиформ, № 11 (269), 18 марта 1998 г.
- ⁷⁸ Подробнее см. *Коргунок Ю.Г. Современная российская многопартийность... 263–264.*
- ⁷⁹ Общие итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по федеральному избирательному округу. – Российская газета, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.
- ⁸⁰ «К великому будущему России». Программа партии «Российский общенародный союз». Принята на IV съезде РОС 26 марта 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁸¹ «К возрождению России». Программное заявление общественного движения «Российский общенародный союз». Принято на учредительной конференции РОС 26 октября 1991 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁸² «К великому будущему России»....
- ⁸³ «К возрождению России»...
- ⁸⁴ Программные тезисы Социалистической партии трудящихся. Приняты на I съезде СПТ 21–22 декабря 1991 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ По оценке руководства СПТ (*Мальцев А. Не разрушать, а созидать. – Нижегородская правда, № 80–81, 17 июня 1992 г.*).
- ⁸⁷ II съезд СПТ. – Партиформ, № 23 (44), 3–9 июня 1993 г.
- ⁸⁸ Общие итоги выборов... – Российская газета, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.
- ⁸⁹ Программа КППРФ...
- ⁹⁰ Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции... С. 40.

- ⁹¹ Дилигенский Г.Г. О политическом рынке и рациональном выборе в российских условиях. – Полис, 2000, № 2. С. 106.
- ⁹² Программа КППРФ...
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Орлов Б.С. Перспективы развития социальной демократии в России (две партии – две политические культуры)... С. 96.
- ⁹⁷ Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике...
- ⁹⁸ Там же. С. 152.
- ⁹⁹ Koole R. The Vulnerability of the Modern Cadre Party in the Netherlands...
- ¹⁰⁰ Доклад председателя мандатной комиссии IV съезда КППРФ, секретаря ЦК КППРФ С.Потапова. 19 апреля 1997 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁰¹ Интервью первого секретаря Челябинского регионального отделения КППРФ П.Свечникова агентству «Урал-пресс-информ». 4 августа 2003 г. 15:40. – ИА «Урал-пресс-информ» (http://www.uralpress.ru/politica/show_article.php?id=34).
- ¹⁰² Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции... С. 27.
- ¹⁰³ Доклад Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации XI (внеочередному) съезду партии (http://www.kprf.ru/news/party_news/36992.html).
- ¹⁰⁴ Пресс-конференция на тему «Итоги народного референдума. Протестные акции продолжаются. Накануне афинской встречи лидеров коммунистических партий». 15 ноября 2005 г. (http://www.kprf.ru/news/party_news/37435.html).
- ¹⁰⁵ Соловьёв В.Г. Тотальная зачистка. Регистраторы в роли ликвидаторов. – Советская Россия, № 126 (12899), 28 октября 2006 г. (http://www.sovross.ru/2006/126/126_1_3.htm).
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ По подсчётам Г.Голосова, во второй половине 1990-х гг. КППРФ совместно с союзниками участвовала примерно в 80% выборов и добилась успеха (получила мандаты) более чем в половине из них (*Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 80*).
- ¹⁰⁸ Г.Зюганов в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 2 апреля 2004 г. (<http://echo.msk.ru/interview/25253>); Г.Зюганов в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 30 апреля 2004 г. (<http://echo.msk.ru/interview/25539>).
- ¹⁰⁹ «Подготовка к съезду укрепит наши ряды». Интервью секретаря ЦК КППРФ В.Рашкина. – Правда, № 70, 1–4 июля 2005 г.
- ¹¹⁰ Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? – Полис, 1998, № 4. С. 110.
- ¹¹¹ Программа Аграрной партии России. Принята на учредительном съезде АПР 23 февраля 1993 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹¹² «Земля и созидание. Справедливость и законность». Предвыборная платформа АПР на выборах 1993 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Выступление министра сельского хозяйства А.Заверюхи на заседании правительства РФ. 3 февраля 1994 г. – Программа «Вести» (РТВ).

¹¹⁵ Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному избирательному округу. – Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ, 1994, № 1 (12). С. 67.

¹¹⁶ Фракция АПР в Государственной Думе. Состояние на 15 января 1994 г. – Партиформ, № 5 (78), 2 февраля 1994 г.

¹¹⁷ Данные протокола ЦИК РФ... – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.

¹¹⁸ Общие данные о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвёртого созыва по федеральному избирательному округу. – Российская газета, № 256 (3370), 20 декабря 2003 г. С. 1.

¹¹⁹ Основные положения программы движения «Русское национальное единство». Утверждены на учредительном съезде РНЕ 15 февраля 1997 г. – БД «ПартАрхив».

¹²⁰ Краткая история РНЕ. – БД «ПартАрхив».

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Принципы партийного строительства РНЕ. Сентябрь 1994 г. – Партиформ, № 1 (104), 4 января 1995 г.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ «Так, во время проводившихся в Петербурге еженедельных встреч неоднократно можно было наблюдать, как милиционеры, пришедшие, чтобы разогнать несанкционированное собрание, мирно беседовали со старшим по пикету и затем удалялись, унося с собой партийные листовки» (Соколов М.М. *Русское национальное единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации*. – Полис, 2006, № 1. С. 70).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 75–76.

¹²⁸ Подробнее о РНЕ и прочих национал-патриотических организациях страны см. Сайт ИИЦ «Панорама», раздел «Национализм. Экстремизм. Ксенофобия» (<http://www.panorama.ru/works/patr/index.html#spis>).

¹²⁹ Заявление блока «Народное согласие» «Об отношении к движению “Демократическая Россия”». 12 ноября 1991 г. – БД «ПартАрхив».

¹³⁰ «Нам нечего делать в этой компании». Заявление Ю.Афанасьева, Л.Баткина, Ю.Бургина, Б.Денисенко и М.Салье. – Демократический Новочеркасск, № 1, февраль 1992 г. С. 2.

¹³¹ «О положении в “Демократической России”». Заявление блока партий «Новая Россия». 2 марта 1992 г. – БД «ПартАрхив».

¹³² Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 286.

¹³³ «Наша позиция». Экономический документ Форума сторонников реформ. 5 июля 1992 г. – БД «ПартАрхив».

¹³⁴ О деятельности ОКДОР см. Корзунюк Ю.Г., Заславский С.Е. *Российская многопартийность...; Корзунюк Ю.Г. Современная российская многопартийность...*

¹³⁵ «О создании региональных отделений Партии экономической свободы». Инструкция Московского отделения ПЭС (администратор – К.Боровой, секретарь – И.Хакамада). Май 1992 г. – БД «ПартАрхив».

¹³⁶ Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? – Полис, 2004, № 4. С. 58–59.

¹³⁷ Программа избирательного объединения «Выбор России». Принята 17 октября 1993 г. на учредительном съезде общественно-политического блока «Выбор России». – БД «ПартАрхив».

¹³⁸ Декларация общественного объединения «Яблоко». Принята на II съезде ОО «Яблоко» 3 сентября 1995 г. – БД «ПартАрхив».

¹³⁹ Программа партии «Демократический выбор России». Принята на учредительном съезде ДВР 13 июня 1994 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁴⁰ Декларация общественного объединения «Яблоко»...

¹⁴¹ Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России (на примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 178–179.

¹⁴² См., например, Митрохин С. *Демократы, но разные. Об идеологических различиях «Яблока» и СПС*. – *Независимая газета*, № 112 (2422), 23 июня 2001 г.

¹⁴³ На двойственность позиции «Яблока» указывала и О.Малинова: «Если ДВР претендует на роль “наиболее серьёзной” либеральной партии в России, то “Яблоко” настаивает на двойной, социальной и либеральной, ориентации, усматривая либеральную составляющую своей программы в требованиях, связанных с развитием рыночной экономики. Социал-демократическая или социал-либеральная направленность его программы чётко не заявлены» (Малинова О.Ю. *Либерализм в политическом спектре России...* С. 179).

¹⁴⁴ Как заметила О.Малинова, «главными носителями [современного российского либерализма] являются либеральная интеллигенция и просвещённая бюрократия; его программа осуществляется либерально настроенными чиновниками, и это не может не накладывать отпечаток на его политические результаты» (там же. С. 176).

¹⁴⁵ Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному избирательному округу. – Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ, 1994, № 1 (12). С. 67.

¹⁴⁶ Данные протокола ЦИК РФ... – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.

¹⁴⁷ Политическая платформа общественного объединения «Яблоко». Принята за основу на II съезде ОО «Яблоко» 3 сентября 1995 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁴⁸ Постановление Центральной избирательной комиссии по выборам в Совет Федерации и по выборам в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации «О регистрации общефедерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, выдвинутого избирательным объединением “Явлинский–Болдырев–Лукин”». – Российская газета, № 212 (828), 12 ноября 1993 г. С. 11.

- ¹⁴⁹ Устав Общероссийской общественной организации «Объединение “Яблоко”». Принят на учредительном съезде объединения 5 января 1995 г. с изменениями и дополнениями, внесенными II съездом 3 сентября 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁵⁰ Заявление Ю.Болдырева съезду и членам общественного объединения «Яблоко». 3 сентября 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁵¹ Заявление о формировании предвыборного объединения избирателей – блока реформистских сил. – Партиформ, № 24 (45), 10–16 июня 1993 г.
- ¹⁵² Постановление ЦИК по выборам в Совет Федерации и по выборам в Государственную Думу Федерального Собрания РФ «О регистрации общефедерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, выдвинутого избирательным объединением “Выбор России”». – Российская газета, № 212 (828), 12 ноября 1993 г. С. 10.
- ¹⁵³ Учредительный съезд блока «Выбор России». – Партиформ, № 42 (63), 12–18 октября 1993 г.
- ¹⁵⁴ Общефедеральный список кандидатов в депутаты Госдумы, выдвинутый избирательным объединением «Выбор России». – Российская газета, № 212 (828), 12 ноября 1993 г. С. 10.
- ¹⁵⁵ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. – М.: Московский центр Карнеги, Фонд «ИНДЕМ», 2005. С. 646–647.
- ¹⁵⁶ «Что и как мы будем делать». Либеральный план для России. Программа движения «Вперёд, Россия!». – БД «ПартАрхив».
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Фёдоров Б.Г. Патриотизм и демократия. – М., 1995. С. 20.
- ¹⁵⁹ Там же. «Я требую, чтобы республики и области России имели равные права», – заявлял Б.Фёдоров (*там же*. С. 29).
- ¹⁶⁰ Заявление членов депутатской группы «Либерально-демократический союз 12 декабря» Б.Фёдорова, В.Бойко и В.Ковалёва по поводу ситуации в Чечне. – Партиформ, № 29 (102) 21 декабря 1994 г.
- ¹⁶¹ Свою позицию лидер движения определял следующим образом: «Я считаю себя и патриотом, и демократом, державником и либералом, и не стану играть в игры Шах-рая, расшатывать Федерацию под крики о её укреплении» (*Фёдоров Б.Г. Патриотизм и демократия... С. 29*).
- ¹⁶² Данные протокола ЦИК РФ... – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ¹⁶³ Декларация избирательного блока «Демократический Выбор России – Объединённые демократы». 26 августа 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁶⁴ Учредительная конференция избирательного объединения «Демократический выбор России – Объединённые демократы». – Партиформ, № 35 (138), 30 августа 1995 г.
- ¹⁶⁵ Данные протокола ЦИК РФ... – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ¹⁶⁶ Пресс-релиз «Подписано соглашение о создании Либеральной правоцентристской коалиции демократических партий и движений России». 30 сентября 1996 г. – БД «ПартАрхив».

- ¹⁶⁷ Пресс-конференция лидеров Коалиции либеральных и правоцентристских партий и движений. 4 декабря 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 50, декабрь 1996 г.
- ¹⁶⁸ Партии, движения и союзы, входящие в коалицию «Правое дело». – Правоцентристская коалиция демократических сил «Правое дело». Информационный бюллетень, № 8, июнь 1999 г.
- ¹⁶⁹ Обращение Всероссийского избирательного объединения «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса» к избирателям. Ноябрь 1993 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁷⁰ Обращение «За объединение сил демократии и реформ». – Известия, № 156 (23422), 2 июля 1991 г. С. 1.
- ¹⁷¹ Обращение оргкомитета ДДР. 27 июля 1991 г. (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0113/ddr_2.html).
- ¹⁷² Программное заявление Движения демократических реформ. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁷³ Проект заявления Правления Движения демократических реформ о политической обстановке. Январь–февраль 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁷⁴ Автопортрет лидера: И.Смирнов, председатель исполкома ДДР. – Партиформ, № 18, 26 ноября – 2 декабря 1992 г.
- ¹⁷⁵ Постановление пленума ЦК Компартии РСФСР «Об учредительной конференции Демократической партии коммунистов России». 6 августа 1991 г. – Советская Россия, № 154 (10605), 8 августа 1991 г. С. 1.
- ¹⁷⁶ В Совете Демократической партии коммунистов России. – Российская газета, № 168 (214), 10 августа 1991 г. С. 2.
- ¹⁷⁷ Общеполитическая резолюция первого съезда Народной партии «Свободная Россия». – Материалы I съезда ДПКР. 26–27 октября 1991 г. С. 71.
- ¹⁷⁸ Ориентиры Народной партии «Свободная Россия». – Материалы I съезда ДПКР. 26–27 октября 1991 г. С. 4.
- ¹⁷⁹ Пресс-релиз Конференции общественных сил России. 15 марта 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁸⁰ Соглашение об образовании Гражданского союза. 21 июня 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁸¹ Политическая декларация Гражданского союза. 21 июня 1992 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁸² Поздравления Гражданского союза и НПСР в адрес В.Черномырдина. – Партиформ, № 20, 10–16 декабря 1992 г.
- ¹⁸³ Заседание Правления ДПР. 5 июня 1993 г. – Партиформ, № 23 (44), 3–9 июня 1993 г.
- ¹⁸⁴ Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному избирательному округу. – Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ, 1994, № 1 (12). С. 67.
- ¹⁸⁵ II съезд НПСР (РСДНП). 21 мая 1994 г. – Партиформ, № 21 (94), 25 мая 1994 г.
- ¹⁸⁶ Резолюция III съезда РСДНП (Липицкого) «О ситуации в партии». 24 марта 1995 г. – БД «ПартАрхив»; Резолюция III съезда РСДНП (Руцкого) «О месте партии в социал-демократическом движении». 3 апреля 1995 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 14, апрель 1995 г.; Заявление пресс-службы РСДНП (Липицкого) по поводу съезда СПД «Держава». Апрель 1995 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁸⁷ Результаты выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ 12 декабря 1993 г. по общефедеральному округу...

¹⁸⁸ IV конференция Всероссийского союза «Обновление». 16 мая 1994 г. – Партиформ, № 20 (93) 18 мая 1994 г.

¹⁸⁹ И.Рыбкин об инициативе создания двух «центристских блоков». – Интерфакс, 25 апреля 1995 г.

¹⁹⁰ Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селектор в процессах парламентского представительства современной России... С. 126–127; Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватает всех». – Полис, 2004, № 1. С. 24.

¹⁹¹ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 38.

¹⁹² Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти. – Социологические исследования, 2005, № 5. С. 68.

¹⁹³ Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету. – Полития, 1997, № 1 (3). С. 31.

¹⁹⁴ Учредительный съезд движения «Наш дом – Россия». 12 мая 1995 г. – Партиформ, № 20 (123), 17 мая 1995 г.

¹⁹⁵ Пресс-конференция С.Шахрая. 30 августа 1995 г. – Партиформ, № 36 (139), 6 сентября 1995 г.

¹⁹⁶ Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету... С. 30.

¹⁹⁷ С.Хенкин (как и автор этих строк) не склонен отождествлять «партию власти» с конкретным формальным образованием – в данном случае с НДР. Под нею он понимает весь «конгломерат сил, составляющих вертикаль исполнительной власти», – президента и его окружение, премьер-министра и правительство, многих губернаторов и группирующиеся вокруг них «местные правящие элиты»; далее, часть представителей законодательной власти, а также «экономические элитные группировки, нередко срастающиеся с политическими и образующие единый правящий слой»; и наконец, «широкую сеть примыкающих ...организаций и фондов, осуществляющих организационные, консультативные, научно-исследовательские и другие важные функции» (*там же*... С. 28). По мнению С.Хенкина, «в отличие от правящих партий в большинстве стран мира, отечественная “партия власти” политически и организационно не оформлена» (*там же*). Так что НДР может быть отнесён к третьему эшелону «партии власти» – «примыкающим» организациям. Однако в своём организационном устройстве «Наш дом» во многом копировал «партию власти» в целом, поэтому процитированная характеристика вполне применима и к НДР.

¹⁹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹⁹ Там же. С. 32.

²⁰⁰ Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия». Принята на первом этапе II съезда НДР 12 августа 1995 г. – БД «ПартАрхив».

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Данные протокола ЦИК РФ... – Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.

²⁰⁵ Фракция «Наш дом – Россия»/Федеральное Собрание: Совет Федерации. Государственная Дума. Справочник. Автор-составитель Г.В.Белонучкин. – М.: Панорама, 1996.

²⁰⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). – М.: Известия, 1997. С. 210, 228.

²⁰⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 26 сентября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s26-09_u.htm).

²⁰⁸ «Депутат Госдумы Травкин перешёл из фракции НДР во фракцию “Яблоко”». Пресс-релиз «Яблока». 19 мая 1998 г. (<http://www.yabloko.ru/alt/Press/980519.html>).

²⁰⁹ Доклад В.Жириновского на пленуме ЦК ЛДПР 23 октября 1997 г. Стенограмма. – БД «ПартАрхив».

²¹⁰ Пресс-конференция В.Жириновского. 22 октября 1997 г. – Партиформ, № 43 (250) 29 октября 1997 г.

²¹¹ «Мы должны развиваться так, как нам позволяет наша почва, наша экономика, наша традиция» (из доклада В.Жириновского на пленуме ЦК ЛДПР 23 ноября 1997 г.). – БД «ПартАрхив».

²¹² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 8 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s08-10_d.htm).

²¹³ Заявление Н.Храмова. 12 марта 1998 г. – БД «ПартАрхив»; Обращение Н.Храмова к В.Жириновскому. 6 мая 1998 г. – БД «ПартАрхив».

²¹⁴ Обращение В.Жириновского к членам ЛДПР и сочувствующим. Ноябрь 1993 г. – БД «ПартАрхив».

²¹⁵ Предвыборная платформа ЛДПР в изложении В.Жириновского. – Партиформ, № 48 (69), 22–28 ноября 1993 г.

²¹⁶ Принципы, провозглашаемые В.Жириновским. – Либерал, 1992, № 10. С. 1.

²¹⁷ Заявление В.Жириновского «Необходимо снять крепостнические оковы с экономики». 20 ноября 2005 г. (http://www.ldpr.ru/press/deputat/deputat_37.html).

²¹⁸ Предвыборная платформа ЛДПР в изложении В.Жириновского...

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Прибыловский В.В. Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России. – Состояние страны. Аналитические вестники информационного агентства Postfactum, № 4/5, апрель 1991 г. С. 17.

²²¹ «Через год в Кремлёвском дворце съездов. Именно там планирует провести свой съезд недавно созданная Либерально-демократическая партия Советского Союза». Интервью В.Жириновского. – Московские новости, № 17 (511), 29 апреля 1990 г. С. 7.

²²² В.Жириновский: «Я не один из шести, я единственный». – Российская газета, № 122 (168), 11 июня 1991 г. С. 3.

- ²²³ Выступление О.Румянцева на IV Съезде народных депутатов РСФСР. 22 мая 1991 г./Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 122–123.
- ²²⁴ Выступление Г.Якунина на IV Съезде народных депутатов РСФСР. 22 мая 1991 г./Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 183.
- ²²⁵ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 183.
- ²²⁶ Там же. С. 129.
- ²²⁷ Там же. С. 183.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 45.
- ²³⁰ Выступление Ю.Слободкина на IV Съезде народных депутатов РСФСР. 22 мая 1991 г./Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 110.
- ²³¹ Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам президента РСФСР. – Российская газета, № 128 (174), 20 июня 1991 г. С. 1.
- ²³² Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ, 1994, № 1 (12). С. 67.
- ²³³ Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ²³⁴ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 80.
- ²³⁵ Пресс-конференция В.Жириновского. 29 октября 1997 г. – Партиформ, № 44 (251) 5 ноября 1997 г.
- ²³⁶ Доклад В.Жириновского на пленуме ЦК ЛДПР. 23 октября 1997 г. ...
- ²³⁷ Российская газета, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.
- ²³⁸ Российская газета, № 256 (3370), 20 декабря 2003 г. С. 1.
- ²³⁹ Доклад В.Жириновского на пленуме ЦК ЛДПР. 23 октября 1997 г. ...
- ²⁴⁰ Впрочем, К.Холодковский выделил ЛДПР, наряду с Союзом правых сил, в разряд тех партий, в мировоззрении электората которых «сколько-нибудь существенное» место занимают такие «буржуазные» ценности, как «богатство» и «процветание» (*Холодковский К.Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий... С. 85*). Но эти ценности носят не столько «буржуазный», сколько «материалистический» характер, свойственный как буржуа, так и их антагонистам, «пролетариям».
- ²⁴¹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 658.
- ²⁴² См., например, *Янг М., Лаунер М., Лихачёва И., Уильямс Д., Ишияма Дж. Политическая аргументация партий на выборах в Государственную Думу: уроки усвоенные и неусвоенные. – Политика, 1997, № 2 (4). С. 38–39; Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 117–118; Голосов Г.В. Политические партии и электоральная политика в 1993–1995 гг. – Первый электоральный цикл в России (1993–1996). – М.: Весь мир, 2000. С. 112.*
- ²⁴³ Обращение В.Жириновского к членам ЛДПР и сочувствующим...
- ²⁴⁴ Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ²⁴⁵ Результаты выборов президента Российской Федерации. – Российская газета, № 117 (1477), 22 июня 1996 г. С. 1.

- ²⁴⁶ Устав Общероссийской общественной организации «Российская народно-республиканская партия». Утверждён 27 декабря 1996 г. на учредительном общем собрании РНРП. – БД «ПартАрхив».
- ²⁴⁷ Пресс-конференция председателя ЦКРК РНРП К.Калинина и председателя КРК движения «Честь и Родина» А.Кондрашова. – Партиформ, № 6 (316) 10 февраля 1999 г.; Доклад А.Лебеда на IV съезде РНРП и VI конференции движения «Честь и Родина». 19 марта 1999 г. – БД «ПартАрхив».

К главе 7

- ¹ С.Станкевич: «Первая волна перемен иссякла». – Российская газета, № 48 (94), 13 марта 1991 г. С. 3.
- ² Там же.
- ³ См., в частности, *Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы... С. 45, 62, 126–127; Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 343–344.*
- ⁴ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 84.
- ⁵ Обращение Республиканского совета Свободной демократической партии России «О созыве Всероссийского Учредительного Собрания». 29 сентября 1991 г./Учредительное собрание. Вчера и завтра. – Санкт-Петербург, 1991. С. 53.
- ⁶ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 546.
- ⁷ Постановление V Съезда народных депутатов РСФСР «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». 1 ноября 1991 г. – Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 265.
- ⁸ Собынин А., Юрьев Д., Скоринов Ю. Выдержит ли Россия ещё одни выборы в 1991 году? – Архив В.Шейниса (цит. по *Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 551*).
- ⁹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 540. В 1992 г., характеризуя состояние и взаимоотношения политических партий и парламентских фракций, В.Шейнис отмечал: «За большинством существующих у нас фракций..., как правило, непосредственно не стоят какие-то определённые партии или общественные объединения. ...С другой стороны, партии или осколки, которые именуют себя партиями, как правило, не имеют сколько-нибудь заметного представительства в парламенте. Поэтому наши фракции – образования с весьма размытыми краями, текучим составом и политическими позициями, которые далеко не во всём разделяются всеми их членами. ...Активисты всех фракций, даже вместе взятые, составляют меньшинство парламента. Фракции сформировались внутри парламента более или менее произвольно, не имея проекции на партийно-политическую структуру в стране, и поэтому их состав во многом определялся не политическими, а профессиональными, личными и иными связями. И хотя, в общем, большинство фракций имеет своё политическое лицо, границы между некоторыми из них достаточно условны, позиции по конкретным вопросам изменчивы, дисциплины голосования нет» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 93–94*).

- ¹⁰ По мнению В.Шейниса, демократы вообще «были слишком слабы и не способны не только перехватить власть, но и стать нормальной, влиятельной оппозицией» и по этой причине «не были готовы и не могли прийти к власти ни тогда, ни, как выяснилось, и годы спустя» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 531*).
- ¹¹ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 243.
- ¹² Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 115. Впрочем, по мнению В.Исакова, одним из источников лёгкой победы Р.Хасбулатова было как раз изменение отношения к нему со стороны фракции КП, которая на этот раз оказала ему свою поддержку (*Исаков В. Председатель Совета Республики... С. 403*).
- ¹³ А.Оболенский: «России нужен президент». – Российская газета, № 83 (129), 18 апреля 1991 г. С. 2.
- ¹⁴ Постановление V Съезда народных депутатов РСФСР «О социально-экономическом положении в РСФСР»/Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 264.
- ¹⁵ Постановление V Съезда народных депутатов РСФСР «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». 1 ноября 1991 г. – Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 265.
- ¹⁶ Выступление Г.Саенко на V Съезде народных депутатов РСФСР. 31 октября 1991 г./Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 398.
- ¹⁷ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 295.
- ¹⁸ Там же. С. 301.
- ¹⁹ Там же. С. 394.
- ²⁰ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 574.
- ²¹ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 312.
- ²² Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 41.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 347.
- ²⁵ Как писал по этому поводу В.Шейнис, « всю ответственность за проведение реформ [Съезд] ...своими решениями переложил на президента – в соответствии с его собственными настояниями» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 576*).
- ²⁶ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 1. С. 572.
- ²⁷ Там же. С. 576.
- ²⁸ Четвёртая сессия Верховного Совета РФ. Бюллетень № 28 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей. 16 января 1992 г. С. 20.
- ²⁹ Там же. С. 25.
- ³⁰ Там же. С. 18.
- ³¹ Там же. С. 26.
- ³² Там же. С. 28.
- ³³ Там же. С. 18.
- ³⁴ Там же. С. 26.
- ³⁵ Там же. С. 28.

- ³⁶ В интервью журналу «Новое время» Р.Хасбулатов, в частности, заявил: «Не могу я, не имею права сидеть на мешке с шерстью, как спикер британской палаты общин, и помалкивать в ожидании социального взрыва. Тем более что четверть века занимаюсь рыночной экономикой, знал её ещё тогда, когда Гайдар писал прокоммунистические статьи». По мнению Хасбулатова, «всякие попытки чисто финансовыми манипуляциями обеспечить сбалансированный бюджет обречены на провал. ...Нельзя отрывать, как сейчас делает правительство, ценообразовательную политику от общей политики приватизации, от либерализации внешней торговли. ...Пусть они [в правительстве] не думают, что они вечны и незаменимы. Мы требуем внесения каких-то корректив, это неизбежно. И не нужно упрямиться» (*Новое время, 1992, № 7. С. 6.*).
- ³⁷ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. 6–21 апреля 1992 года. Стенографический отчёт. – М.: Республика, 1992. Т. I. С. 10.
- ³⁸ Там же. С. 13.
- ³⁹ Там же. С. 94.
- ⁴⁰ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 15
- ⁴¹ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. V. С. 264.
- ⁴² Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 309.
- ⁴³ Там же. С. 313.
- ⁴⁴ Там же. С. 262–263.
- ⁴⁵ Там же. С. 273.
- ⁴⁶ Там же. С. 407.
- ⁴⁷ Там же. С. 260.
- ⁴⁸ Там же. С. 273.
- ⁴⁹ Там же. С. 313.
- ⁵⁰ Там же. С. 353.
- ⁵¹ Там же. С. 362.
- ⁵² Там же. С. 409.
- ⁵³ Там же. С. 207.
- ⁵⁴ Там же. С. 264.
- ⁵⁵ Там же. С. 273.
- ⁵⁶ Там же. С. 313.
- ⁵⁷ Там же. С. 353.
- ⁵⁸ Там же. С. 362.
- ⁵⁹ Там же. С. 365.
- ⁶⁰ Там же. С. 397–398.
- ⁶¹ Там же. С. 207.
- ⁶² Там же. С. 240.
- ⁶³ Там же. С. 273.
- ⁶⁴ Там же. С. 313.
- ⁶⁵ Там же. С. 353.
- ⁶⁶ Там же. С. 365.
- ⁶⁷ Там же. С. 398.

- ⁶⁸ Там же. С. 409.
- ⁶⁹ Там же. С. 274.
- ⁷⁰ Там же. С. 365.
- ⁷¹ Там же. С. 438. По сведениям В.Шейниса, БСС располагал 170 депутатами (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 15*).
- ⁷² Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 207.
- ⁷³ Там же. С. 246.
- ⁷⁴ Там же. С. 254.
- ⁷⁵ Там же. С. 247.
- ⁷⁶ Там же. С. 251–252.
- ⁷⁷ Там же. С. 255.
- ⁷⁸ Там же. С. 100.
- ⁷⁹ Там же. С. 99.
- ⁸⁰ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 151.
- ⁸¹ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 73.
- ⁸² По сведениям В.Шейниса, в Коалицию реформ вошло 294 депутата, в т.ч. представители «Беспартийных депутатов», не любившие афишировать свою принадлежность к этому объединению (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 15*).
- ⁸³ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 280.
- ⁸⁴ Там же. С. 266.
- ⁸⁵ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 247.
- ⁸⁶ Там же. С. 251.
- ⁸⁷ Прибыловский В.В. Политические фракции и депутатские группы российского парламента... С. 4.
- ⁸⁸ Там же. С. 9.
- ⁸⁹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 17.
- ⁹⁰ Шестой Съезд народных депутатов России: политические итоги и перспективы. Аналитический отчёт о результатах поимённых голосований на VI Съезде народных депутатов РФ (6–21 апреля 1992 г.). Т. 1. – М.: Архангельское, 1992. С. 14–15.
- ⁹¹ Постановление «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». – Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 291–292.
- ⁹² Там же. С. 293.
- ⁹³ Там же. С. 183.
- ⁹⁴ Там же. С. 244.
- ⁹⁵ Там же. С. 184.
- ⁹⁶ По свидетельству В.Шейниса, обсуждался пункт, в котором президенту предлагалось в месячный срок внести в Верховный Совет проект закона о правительстве и представить кандидатуру не только премьера, но и министров (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 22–23*).
- ⁹⁷ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 107.
- ⁹⁸ Там же. С. 110–111.
- ⁹⁹ Там же. С. 110.

- ¹⁰⁰ Там же. С. 111.
- ¹⁰¹ Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 106.
- ¹⁰² Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 217.
- ¹⁰³ Там же. С. 213.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 215.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 205.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁰⁷ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 380.
- ¹⁰⁸ День, № 39, 1 октября 1992 г. С. 1.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Партинформ, № 13, 23–28 октября 1992 г.
- ¹¹¹ Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, 1992, № 18. Ст. 1458.
- ¹¹² Официальный сервер Конституционного суда РФ (http://ks.rfnet.ru/postan/p3_93.htm). Правда, Б.Ельцин ещё в январе 1993 г. объявил недействительным тот пункт своего указа от 28 октября, в котором говорилось об упразднении оргкомитета ФНС, – в связи с прекращением деятельности ОК (*Указ президента РФ от 13 января 1993 г. № 45 «О мерах по усилению контроля за созданием и деятельностью общественных объединений»*. – *Российская газета*, № 9 (625), 15 января 1993 г. С. 2).
- ¹¹³ По свидетельству В.Шейниса, «после VI Съезда стало ясно, что “Коалиция реформ” не состоялась. При списочной численности около 250 человек в межсъездовский период на её собрания приходили 20–30 депутатов» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 112*). Созданная же в Верховном Совете внефракционная парламентская группа «Реформа: фракция здравого смысла», целью которой была объявлена «консолидация конструктивной и ответственной части общества ...в деле создания мощной общественно-политической силы в поддержку реформ и российской государственности» (*«Объединимся и поддержим демократию и реформы»*. *Заявление о намерениях*. – *Российская газета*, № 121 (457), 28 мая 1992 г. С. 2), по признанию В.Шейниса, явилась «не более чем иной формой бытия демократической коалиции, терявшей былые позиции» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 114*).
- ¹¹⁴ Встреча представителей Фронта национального спасения, блока «Российское единство» и Гражданского союза. 21 ноября 1992 г. – Партинформ, № 17, 19–25 ноября 1992 г.
- ¹¹⁵ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. 1–14 декабря 1992 года. Стенографический отчёт. – М.: Республика, 1993. Т. IV. С. 286.
- ¹¹⁶ К ним примыкало также «Гражданское общество», которое не сумело набрать необходимой численности и перерегистрировалось в качестве депутатской группы (*Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 286–287*), но, как отметил В.Шейнис, на протяжении всего VII Съезда «пользовалось всеми правами фракции (внеочередные выступления, место в Совете фракций и т.п.), что было весьма немаловажно, поскольку лидеры этой группы – Виктор Аксютин, Михаил Астафьев, Михаил Челноков и другие – не отходили от микрофонов и во многом определяли атмосферу, в которой проходил Съезд» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 147*).

- ¹¹⁷ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 111. Группа поддерживала общий курс правительства России, но считала, что «его осуществление нуждается в существенной корректировке». В состав СРП входили Л.Гуревич, С.Ковалёв, Е.Кожокин, В.Комчатов, С.Красавченко, В.Лукин, О.Попцов, В.Шейнис, Ю.Нестеров и др. (*Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 111*). По оценке В.Шейниса, программа «Согласия ради прогресса» «в существенных чертах...была позднее воспроизведена «Яблоком», предтечей которого (и одним из источников кадров) эта фракция была» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 148*).
- ¹¹⁸ Возникла в результате слияния «Левого центра» и новообразованной фракции «Сотрудничество» (лидер – Е.Басин). Претендовала на объединение депутатов, «не разделяющих как крайне “левые”, так и крайне “правые” взгляды», и ради «согласия, стабилизации положения в обществе» соглашалась поддержать кандидатуру Е.Гайдара на пост премьер-министра (*Выступление Е.Басина. 12 декабря 1992 г. – Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 164–165*).
- ¹¹⁹ Выступление В.Васильева на VIII Съезде народных депутатов РФ/Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 89.
- ¹²⁰ По оценке В.Шейниса, «это, конечно, был никакой не компромисс, а условия, которые мог бы продиктовать победитель» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 151*).
- ¹²¹ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 63.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 62.
- ¹²⁴ Там же. С. 61.
- ¹²⁵ Там же. С. 62.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. 77–78.
- ¹²⁸ Там же. С. 79.
- ¹²⁹ Там же. С. 124.
- ¹³⁰ Там же. С. 124–125.
- ¹³¹ В принятом Съездом постановлении «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» деятельность правительства была признана неудовлетворительной, а формы и методы реализации экономической реформы – «не соответствующими интересам большинства граждан» (*Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 537*).
- ¹³² См., например, выступление В.Грачёва («Свободная Россия») на заседании 2 декабря (*Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 190*).
- ¹³³ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 345–346.
- ¹³⁴ Там же. С. 509.
- ¹³⁵ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 105–106. Накануне поправка, обязывающая согласовывать с ВС кандидатуры не только председателя правительства и его заместителей, но и семи ключевых министров и председателей двух госкомитетов, не добрала всего нескольких голосов для принятия за основу (*Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 509*).
- ¹³⁶ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 124.

- ¹³⁷ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 44.
- ¹³⁸ Там же. С. 124.
- ¹³⁹ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 178.
- ¹⁴⁰ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 65.
- ¹⁴¹ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. II. С. 185.
- ¹⁴² Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 126–127.
- ¹⁴³ Там же. С. 128.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 130.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 131.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 132.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 165–166.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 193–194.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 194.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 195.
- ¹⁵¹ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 84.
- ¹⁵² Там же. С. 124.
- ¹⁵³ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. III. С. 241.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 90.
- ¹⁵⁵ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 193.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 194.
- ¹⁵⁷ Выступление В.Аксючица. 12 декабря 1993 г./Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 196; Выступление С.Горячевой с заявлением «Российского единства». 14 декабря 1993 г./Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 229
- ¹⁵⁸ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. IV. С. 215
- ¹⁵⁹ Там же. С. 196–197.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 200.
- ¹⁶¹ Там же. С. 198.
- ¹⁶² Там же. С. 252.
- ¹⁶³ Там же. С. 260.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 262.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁶⁶ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 184.
- ¹⁶⁷ Румянцев О. Утрачена объединительная идея. Возродит ли её референдум? – Российская газета, № 12 (628), 20 января 1993 г. С. 1.
- ¹⁶⁸ «В Конституционной комиссии согласия нет». – Российские вести, № 8 (177), 14 января 1993 г. С. 1.
- ¹⁶⁹ Хасбулатов Р. Съезд народных депутатов и конституционная реформа. – Российская газета, № 4 (620), 9 января 1993 г. С. 1.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 2.
- ¹⁷¹ Заседание Президиума Верховного Совета. Сообщение пресс-центра ВС РФ. – Российская газета, № 20 (636), 30 января 1993 г. С. 1.
- ¹⁷² Заседание Президиума Верховного Совета. Сообщение пресс-центра ВС РФ. – Российская газета, № 31 (647), 16 февраля 1993 г. С. 2.

¹⁷³ «Референдум: мало того что опасно, но и не по карману». – Российская газета, № 22 (638), 3 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁷⁴ Линьков А. Центристы против референдума. Оппозиция считает: пусть его проводит президент. – Российская газета, № 24 (640), 5 февраля 1993 г. С. 2.

¹⁷⁵ Тезисы Гражданского союза по поводу политической ситуации в стране. – Партиформ, № 6 (27), 4–10 февраля 1993 г.

¹⁷⁶ Обращение Правления Российского общенародного союза. 11 февраля 1993 г. – Партиформ, 7 (28), 11–17 февраля 1993 г.

¹⁷⁷ «222 подписи народных депутатов собрано под обращением с требованием немедленно созвать Съезд народных депутатов для отмены апрельского референдума». – Партиформ, № 8 (29), 18–24 февраля 1993 г.; Заявление В.Лысенко на пресс-конференции представителей коалиции «Предпринимательская политическая инициатива» и РПРФ. 25 февраля 1993 г. – Партиформ, № 9 (30), 25 февраля – 3 марта 1993 г.

¹⁷⁸ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 218.

¹⁷⁹ Российская газета, № 23 (639), 4 февраля 1993 г. С. 1. 9 февраля на заседании Совета глав республик РФ от имени КС В.Зорькин официально призвал президента и руководство ВС отложить проведение референдума (*В.Зорькин: «Референдум лучше отложить»*). – *Российская газета*, № 27 (643), 10 февраля 1993 г. С. 2).

¹⁸⁰ Российская газета, № 23 (639), 4 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸¹ Б.Ельцин: «Во что бы то ни стало нужно сохранить стабильность в стране». – Российские вести, № 28 (197), 11 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸² Анохин П. Президент на днях сформулирует вопросы, которые он хочет задать народу. – Российская газета, № 27 (643), 10 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸³ Б.Ельцин: «Во что бы то ни стало нужно сохранить стабильность в стране»...

¹⁸⁴ В.Шумейко: «Мы стоим на грани гиперинфляции». – Российские вести, № 25 (194), 6 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸⁵ Подписание соглашения об образовании оргкомитета Всероссийского комитета в поддержку Учредительного собрания. 12 февраля 1993 г. – Партиформ, № 7 (28), 11–17 февраля 1993 г.

¹⁸⁶ Встреча Б.Ельцина и Р.Хасбулатова. – Российская газета, № 32 (648), 17 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Президентский проект соглашения федеральных органов законодательной и исполнительной властей Российской Федерации по стабилизации конституционного строя на период до принятия новой Конституции Российской Федерации. – Российские вести, № 34 (203), 19 февраля 1993 г. С. 1.

¹⁸⁹ Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 222.

¹⁹⁰ Там же. С. 224. По сведениям В.Шейниса, «изобретателем этого экзотического документа, который был изготовлен за ночь», являлся В.Шумейко, который в то время был тесно связан с руководителем охраны президента А.Коржаковым и с помощью последнего получил санкцию президента «на эскападу, заострённую против парламента» (*там же*. С. 233).

¹⁹¹ Выступление Н.Рябова в Верховном Совете РФ/Шестая сессия Верховного Совета РФ. Бюллетень № 14 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей 5 марта 1993 года. Ч. 1. С. 7.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 9.

¹⁹⁴ Там же. С. 16.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 11.

¹⁹⁷ Постановление Верховного Совета РФ «О проекте “Соглашения федеральных органов законодательной и исполнительной властей Российской Федерации по стабилизации конституционного строя на период до принятия новой Конституции Российской Федерации”, предложенном президентом Российской Федерации». – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 11, 18 марта 1993 г. Ст. 397.

¹⁹⁸ Постановление ВС РФ «О созыве Восьмого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации». – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 11, 18 марта 1993 г. Ст. 394.

¹⁹⁹ Постановление ВС РФ «О повестке дня Восьмого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации». – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 11, 18 марта 1993 г. Ст. 395.

²⁰⁰ По свидетельству В.Шейниса, в Верховный Совет они были направлены 7 марта (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 227, 233*).

²⁰¹ Б.Ельцин: «Мы хорошо подготовились к Съезду». – Российские вести, № 46 (215), 10 марта 1993 г. С. 1. Четвёртый вопрос был внесён явно в угоду союзникам из Коалиции реформ, которые собрали в его поддержку необходимые 2 млн подписей, но не могли добиться от Верховного Совета назначения референдума.

²⁰² «Б.Ельцин продолжает консультации». – Российские вести, № 45 (214), 6 марта 1993 г. С. 1.

²⁰³ Ельцин Б. Три фазы кризиса. Из выступления президента РФ на встрече с участниками движения «Демократический выбор». – Российские вести, № 43 (212), 4 марта 1993 г. С. 1.

²⁰⁴ Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 45–49.

²⁰⁵ Там же. С. 49–51. Оба обращения были приняты накануне Съезда: обращение руководителей представительных органов – 6 марта, заявление Совета глав республик – 9 марта (*Исаков В. Госпереворот. Парламентские дневники. 1992–1993. – М.: Палей, 1995. С. 268–269, 272–274*).

²⁰⁶ Позже Н.Рябов признал, что доклад не обсуждался и не утверждался не только Верховным Советом, но и Президиумом ВС (*Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 73*) и, следовательно, излагал позицию узкой группы руководителей ВС во главе с Р.Хасбулатовым.

²⁰⁷ Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 52–53.

²⁰⁸ Там же. С. 53.

- ²⁰⁹ Там же. С. 66.
- ²¹⁰ Там же. С. 58.
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Там же. С. 60.
- ²¹³ Там же. С. 66.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же. С. 91.
- ²¹⁶ Там же. С. 107.
- ²¹⁷ Там же. С. 84–85.
- ²¹⁸ Там же. С. 94.
- ²¹⁹ Там же. С. 98.
- ²²⁰ Там же. С. 103.
- ²²¹ Там же. С. 124.
- ²²² Там же. С. 98.
- ²²³ Там же. С. 88.
- ²²⁴ Там же. С. 99.
- ²²⁵ Там же. С. 92.
- ²²⁶ Там же. С. 100.
- ²²⁷ Там же. С. 105.
- ²²⁸ Там же. С. 163.
- ²²⁹ Там же. С. 140–141.
- ²³⁰ Там же. С. 143.
- ²³¹ Там же. С. 144.
- ²³² Там же. С. 163.
- ²³³ Там же. С. 306.
- ²³⁴ Постановление VIII Съезда народных депутатов РФ «О мерах по осуществлению конституционной реформы в Российской Федерации (о постановлении Седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации “О стабилизации конституционного строя Российской Федерации”)»/Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 415–417.
- ²³⁵ Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 393.
- ²³⁶ Постановление VIII Съезда народных депутатов РФ «О всероссийском референдуме»/Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 419.
- ²³⁷ Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 95.
- ²³⁸ Там же. С. 314.
- ²³⁹ Там же. С. 104.
- ²⁴⁰ Там же. С. 318.
- ²⁴¹ Там же. С. 318, 322.
- ²⁴² Постановление VIII Съезда народных депутатов РФ «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации по вопросу, связанному с возможностью досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации и президента

- Российской Федерации»/Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 418.
- ²⁴³ Там же. С. 196.
- ²⁴⁴ Там же. С. 197.
- ²⁴⁵ Там же. С. 198.
- ²⁴⁶ Там же. С. 202.
- ²⁴⁷ Заседание Консультативного совещания представителей демократических организаций. 15 марта 1993 г. – Партинформ, № 11 (32), 11–17 марта 1993 г.
- ²⁴⁸ Г.Зюганов об итогах VIII Съезда народных депутатов РФ. – Партинформ, № 11 (32), 11–17 марта 1993 г.
- ²⁴⁹ Заявление Политсовета Фронта национального спасения по итогам VIII Съезда народных депутатов РФ. – Партинформ, № 11 (32), 11–17 марта 1993 г.
- ²⁵⁰ Позиция партии «Свободная Россия». – Российская газета, № 52 (668), 18 марта 1993 г. С. 15.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Проект указа президента РФ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти». – Российская газета, № 55 (671), 23 марта 1993 г. С. 4.
- ²⁵³ Выступления А.Руцкого и Ю.Скокова на внеочередном заседании Верховного Совета РФ. – Российская газета, № 55 (671), 23 марта 1993 г. С. 3.
- ²⁵⁴ Российские вести, № 55 (224), 23 марта 1993 г. С. 1–2.
- ²⁵⁵ Собрание демократической общественности Москвы. 22 марта 1993 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 11 (64), март 1993 г.
- ²⁵⁶ Заявление Фонта национального спасения, «Трудовой России» и др. 21 марта 1993 г. – Партинформ, № 12 (33), 18–24 марта 1993 г.
- ²⁵⁷ Заявление Политического консультативного совета Гражданского союза по поводу указа президента от 20 марта 1993 г. – Партинформ, № 12 (33), 18–24 марта 1993 г.
- ²⁵⁸ Выступление В.Зорькина на внеочередном заседании Верховного Совета РФ. – Российская газета, № 55 (671), 23 марта 1993 г. С. 3.
- ²⁵⁹ Обращение Президиума ВС РФ к гражданам России. 20 марта 1993 г. – Российская газета, № 55 (671), 23 марта 1993 г. С. 3.
- ²⁶⁰ Шестая сессия Верховного Совета РФ. Бюллетень № 17 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей 21 марта 1993 г. С. 20.
- ²⁶¹ Там же. С. 25.
- ²⁶² Там же. С. 26.
- ²⁶³ Постановление Верховного Совета РФ «Об обращении президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 г.». 21 марта 1993 г. – Российская газета, № 55 (671), 23 марта 1993 г. С. 4.
- ²⁶⁴ Заключение Конституционного суда РФ «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 года». – Российская газета, № 56 (672), 24 марта 1993 г. С. 3.
- ²⁶⁵ Шестая сессия Верховного Совета РФ. Бюллетень № 19 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей 24 марта 1993 года. С. 6.

²⁶⁶ Постановление Верховного Совета РФ «О созыве Девятого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации». – Российская газета, № 57 (673), 25 марта 1993 г. С. 1.

²⁶⁷ Постановление Верховного Совета РФ «О повестке дня Девятого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации». – Российская газета, № 57 (673), 25 марта 1993 г. С. 1.

²⁶⁸ Указ президента Российской Федерации от 20 марта 1993 г. № 379 «О деятельности исполнительных органов до преодоления кризиса власти». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 13, 29 марта 1993 г. Ст. 1102.

²⁶⁹ Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РФ. 26–29 марта 1993 г. Стенографический отчет. – М.: Республика. 1994. С. 52.

²⁷⁰ Там же. С. 58–59.

²⁷¹ Там же. С. 92.

²⁷² Там же. С. 127.

²⁷³ Там же. С. 136.

²⁷⁴ Там же. С. 161–162.

²⁷⁵ Там же. С. 52.

²⁷⁶ Там же. С. 82.

²⁷⁷ Там же. С. 91.

²⁷⁸ Там же. С. 162.

²⁷⁹ Там же. С. 55.

²⁸⁰ Там же. С. 96.

²⁸¹ Там же. С. 97–98.

²⁸² Там же. С. 108.

²⁸³ Там же. С. 155.

²⁸⁴ Там же. С. 157.

²⁸⁵ Там же. С. 96–97.

²⁸⁶ Там же. С. 140.

²⁸⁷ Там же. С. 76.

²⁸⁸ Там же. С. 86.

²⁸⁹ Там же. С. 113.

²⁹⁰ Там же. С. 59–60.

²⁹¹ Там же. С. 60.

²⁹² Там же. С. 113.

²⁹³ Там же. С. 183.

²⁹⁴ Там же. С. 82.

²⁹⁵ Там же. С. 162.

²⁹⁶ Там же. С. 208.

²⁹⁷ Там же. С. 213.

²⁹⁸ Там же. С. 212.

²⁹⁹ Там же. С. 231.

³⁰⁰ Там же. С. 247.

³⁰¹ Там же. С. 255. По мнению В.Шейниса, главной причиной отторжения данного документа явилось не сама идея досрочных выборов, а ряд положений, которые не только были юридически некорректно сформулированы, но и выглядели как откровенный подкуп депутатов (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 271–272*). Это подтвердил и В.Исаков: «Проект явно антиконституционный, предусматривающий передачу полномочий Съезда Верховному Совету, проведение новых выборов в неизвестно кем и когда учреждённый “двухпалатный парламент”, а в качестве “утешительного приза” сохранение за депутатами их привилегий на весь оставшийся срок полномочий» (*Исаков В. Госпереворот... С. 298*). Однако, учитывая явственное нежелание парламентариев переизбираться, следует предположить, что на досрочные выборы они не согласились бы никогда. Недаром в ходе последующей работы Съезда попытки вернуться к этому вопросу неизменно заканчивались ничем.

³⁰² Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 411.

³⁰³ Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 311.

³⁰⁴ Там же. С. 312.

³⁰⁵ По мнению В.Шейниса, «урок, преподанный спикеру на IX СНД, – ключ к пониманию его резко ужесточившейся позиции в последние месяцы существования этого парламента» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 275*): «Истинные кукловоды – лидеры агрессивной оппозиции – дали ему понять: отныне его роль – попутчик, и только по прагматическим соображениям он оставлен на высоком посту» (*там же. С. 282*). Сходной точки зрения придерживался и О.Попцов: «Самостоятельность Хасбулатова перестала быть таковой. Спикеру “погрозили пальцем”, спикера предупредили. То, что замысел удался, показали все следующие месяцы. И теперь, по законам логики, сам Хасбулатов обостряет ситуацию в отношениях между парламентом и президентом, дабы скрыть свою несамостоятельность» (*Попцов О. Хроника времён «царя Бориса».* – М., 1995. С. 326).

³⁰⁶ Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 436–437.

³⁰⁷ Там же. С. 326.

³⁰⁸ Там же. С. 327.

³⁰⁹ Там же. С. 330.

³¹⁰ Там же. С. 331.

³¹¹ Там же. С. 333.

³¹² Там же. С. 351–352.

³¹³ Там же. С. 389.

³¹⁴ Там же. С. 391. Позже Р.Хасбулатов назвал самой большой ошибкой Съезда отказ от проведения одновременных досрочных выборов президента и депутатов: «Депутатам надо было принять постановление о досрочных выборах обеих ветвей власти даже при сопротивлении Ельцина: он попал бы в ловушку, а он этого смертельно боялся. Ему было бы практически невозможно не подчиниться такому решению – весь мир увидел бы, что это всего лишь человек, цепляющийся за власть. Здесь бы общественное мнe-

ние было на стороне законодателя. А я так рассчитывал, что удастся убедить депутатов в этом. Не убедил» (*Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. – М.: ТОО СИМС, 1994. Т. 1. С. 117*). Причина «ошибки» была в том, что большинство депутатов боялось этих выборов куда смертельнее, чем Ельцин. Это признавал, в частности, В.Исаков: «Критическая ситуация на 9 Съезде показала неоднородность и слабость сил оппозиции. “Не надо выносить на референдум вопрос о досрочных перевыборах депутатов, ни в коем случае! – зажали меня в угол трое соратников. – Это погибель!” Пытаюсь убедить: ну как же мы объясним людям, что, включив три вопроса о президенте, мы не поставили вопроса о себе? Не слышат, не понимают. В глазах плещется страх...» (*Исаков В. Госпереворот... С. 298*).

³¹⁵ Постановление «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума»/Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 463.

³¹⁶ Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. С. 429. 21 апреля Конституционный суд признал такой порядок справедливым только для 3-го и 4-го вопросов (*Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 2 п. 2 постановления Съезда народных депутатов РФ от 29 марта 1993 г. «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума» от 21 апреля 1993 г. – Собрание законодательства РФ, 1993, № 18. Ст. 653*).

³¹⁷ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 412.

³¹⁸ По оценке В.Шейниса, ядро «непримиримой» оппозиции в парламенте выросло до 450–475 человек (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 281*).

³¹⁹ Заявление Секретариата ДПР по итогам IX СНД. Апрель 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³²⁰ Партиформ, № 14 (35), 1–7 апреля 1993 г.

³²¹ РДДР, в отличие от большинства членов ОКДОР, рекомендовала ответить «да» на все четыре вопроса (*Заявление РДДР по поводу референдума. – Партиформ, № 14 (35), 1–7 апреля 1993 г.*).

³²² В СДПР, впрочем, не было единства. Примерно две трети отделений – в основном малочисленные и в отдалённых регионах – поддержали президента, в то время как оставшаяся треть – в основном крупные и многочисленные – выступили с позиций «неприсоединения», поддержав заявление Политсовета СДПР от 16 марта «Между чумой и холерой не выбирают» (*Новая социал-демократия. Вестник Московской организации СДПР. Апрель 1993 г., №№ 1, 2*).

³²³ Партиформ, № 14 (35), 1–7 апреля 1993 г.

³²⁴ Позиция Правления ДПР по поводу референдума 25 апреля. 8 апреля 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³²⁵ Листовка Народной партии «Свободная Россия». Апрель 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³²⁶ Пресс-конференция руководителей «Российского единства». – Партиформ, № 16 (37), 15–21 апреля 1993 г.

³²⁷ Обращение ЦИК КПРФ по поводу референдума 25 апреля. – БД «ПартАрхив».

³²⁸ Заявление А.Стерлигова по поводу референдума 25 апреля. – БД «ПартАрхив».

³²⁹ Российская газета, № 94 (710), 19 мая 1993 г. С. 1.

³³⁰ Пресс-конференция представителей Коалиции реформ. 26 апреля 1993 г. – Партиформ, № 17 (38), 22–28 апреля 1993 г.

³³¹ Заседание Общественного комитета демократических организаций России. 26 апреля 1993 г. – Партиформ, № 17 (38), 22–28 апреля 1993 г.

³³² Заявление КС «ДемРоссии» по итогам референдума. 29 апреля 1993 г. – Партиформ, № 18 (39), 29 апреля – 4 мая 1993 г.

³³³ Пресс-конференция фракции «Согласие ради прогресса». 30 апреля 1993 г. – Партиформ, № 18 (39), 29 апреля – 4 мая 1993 г.

³³⁴ Заявление Политсовета РПРФ. 29 апреля 1993 г. – Партиформ, № 18 (39), 29 апреля – 4 мая 1993 г.

³³⁵ Заявление Секретариата ДПР. 29 апреля 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³³⁶ «Развязка кризиса – досрочные выборы президента и парламента». Заявление Исполкома ГС по итогам референдума. – Российская газета, № 85 (701), 5 мая 1993 г. С. 2.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Хасбулатов Р. Референдум: ложные интерпретации и действительность. – Российская газета, № 83 (699), 30 апреля 1993 г. С. 4.

³³⁹ Там же. С. 3.

³⁴⁰ Там же. С. 4.

³⁴¹ Заявление РОС по результатам референдума. 26 апреля 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³⁴² Открытое заседание Координационного совета «Российского единства». – Партиформ, № 18 (39), 29 апреля – 4 мая 1993 г.

³⁴³ Заявление пресс-секретаря президента РФ В.Костилова. – Российская газета, № 84 (700), 4 мая 1993 г. С. 3.

³⁴⁴ Заявление пресс-службы Верховного совета РФ. – Российская газета, № 84 (700), 4 мая 1993 г. С. 3.

³⁴⁵ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 413.

³⁴⁶ Указ президента Российской Федерации от 10 мая 1993 г. № 645 «О Ю.В.Скокове». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 20, 17 мая 1993 г. Ст. 1766; Указ президента Российской Федерации от 11 мая 1993 г. № 647 «О Г.С.Хиже». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 20, 17 мая 1993 г. Ст. 1767.

³⁴⁷ Указ президента Российской Федерации от 20 мая 1993 г. № 718 «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 21, 24 мая 1993 г. Ст. 1903. В.Шейнис в те дни отмечал, что для президента была «важна не новая Конституция как таковая, а предоставляемая ею возможность распрощаться с нынешним депутатским корпусом» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 349*). О работе Конституционного совещания см. там же. С. 322–503. Р.Хасбулатов и вовсе называл КС «живым примером подготовки к перевороту»: «Ведь

его детище – новая Конституция. Как могла она быть принята при “живом Парламенте”?» (*Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия... Т. 1. С. 170*).

³⁴⁸ Указ президента Российской Федерации от 1 сентября 1993 г. № 1328 «О временном отстранении от исполнения обязанностей А.В.Руцкого и В.Ф.Шумейко». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 36, 6 сентября 1993 г. Ст. 3400.

³⁴⁹ Указ президента Российской Федерации от 18 сентября 1993 г. № 1395 «О первом заместителе председателя Совета министров – правительства Российской Федерации». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 39, 27 сентября 1993 г. Ст. 3636. Первый заместитель председателя Верховного Совета Ю.Воронин расценил как «неприкрытую угрозу» и само это назначение, и тот факт, что о своём решении Б.Ельцин объявил не когда-нибудь, а в ходе посещения Отдельной дивизии внутренних войск им.Дзержинского: «Стало ясно: курс на гайдаризацию экономики ...будет продолжен. Стало также очевидным, что Ельцин прекратил поиск каких-либо компромиссов в самой важной области конфликта президента и Верховного Совета – экономике» (*Воронин Ю. Свинцом по России. – М.: Палея, 1995. С. 37*). Станным здесь является только то, что Ю.Воронин говорит об отказе от «поиска компромиссов» применительно к сентябрю 1993 г., тогда как этот отказ, причём не односторонний, а вполне взаимный, произошёл намного раньше – на IX Съезде.

³⁵⁰ Постановление Верховного совета Российской Федерации о реорганизации ряда комитетов ВС РФ. 29 апреля 1993 г. – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 25, 24 июня 1993 г. Ст. 921.

³⁵¹ Постановление Верховного совета Российской Федерации о председателе комитета ВС РФ по конституционному законодательству. 30 июня 1993 г. – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 28, 15 июля 1993 г. Ст. 1070.

³⁵² Постановление Верховного совета Российской Федерации о статусе города Севастополя. 9 июля 1993 г. – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, № 29, 22 июля 1993 г. Ст. 1132.

³⁵³ Указ президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 39, 27 сентября 1993 г. Ст. 3597.

³⁵⁴ Заключение Конституционного суда РФ «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, связанных с его указом от 21 сентября 1993 года “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” и обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» (<http://www.panorama.ru/ks/d93z02.shtml>).

³⁵⁵ Постановление Верховного Совета РФ «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Ельцина Б.Н.». – Советская Россия, № 113 (10976), 23 сентября 1993 г. С. 1; Постановление Верховного Совета РФ «Об исполнении полномочий президента Российской Федерации вице-президентом Российской Федерации Руцким А.В.». – Советская Россия, № 113 (10976), 23 сентября 1993 г. С. 1.

³⁵⁶ Заявление Исполкома блока «Выбор России». 22 сентября 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³⁵⁷ Заявление Политсовета РПРФ. 22 сентября 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³⁵⁸ Заявление лидеров ВСО, ДПР, РПРФ и ПНР. 23 сентября 1993 г. – Партиформ, № 39 (60), 22–28 сентября 1993 г.

³⁵⁹ Заявление Исполкома Гражданского союза. 22 сентября 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³⁶⁰ Партиформ, № 39 (60), 22–28 сентября 1993 г.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Постановление X Съезда народных депутатов РФ «О досрочных выборах народных депутатов Российской Федерации и президента Российской Федерации». 24 сентября 1993 г. – Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия... Т. 1. С. 231–232.

³⁶³ Указ президента Российской Федерации от 23 сентября 1993 г. № 1434 «О досрочных выборах президента Российской Федерации». – Собрание актов президента и правительства Российской Федерации, № 39, 27 сентября 1993 г. Ст. 3601.

³⁶⁴ Бирюков Н.И., Сергеев В.И. Становление институтов представительной власти в современной России... С. 432.

³⁶⁵ Там же. С. 415–436.

³⁶⁶ См. *Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы...; Первый электоральный цикл в России (1993–1996)*...

³⁶⁷ Duverger M. Presidential Elections and the Party System in Europe/Political Parties and the Modern State. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1984. P. 106.

³⁶⁸ Ibid. P. 107.

³⁶⁹ Положение о выборах депутатов Государственной Думы. – Российские вести, № 197 (366), 21 октября 1993 г. Документы. С. I–III.

³⁷⁰ Положение о выборах членов Совета Федерации. – Российская газета, № 195 (811), 19 октября 1993 г. С. 4–5.

³⁷¹ Указ президента Российской Федерации от 19 октября 1993 г. № 1661 «О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 года». – Российские вести, № 204 (373), 21 октября 1993 г. С. 2.

³⁷² Постановление № 2 пленума ЦИК и ЦКК РПК (10 октября 1993 г.) «Об отношении РПК к выборам в Госдуму». – Информационный бюллетень ЦИК РПК, 1993, № 2; Заявление Секретариата ЦК ВКПБ. 24 октября 1993 г. – БД «ПартАрхив»; Заявление ВКПБ, РКРП, Ленинской платформы в КПРФ, РПК, Союза коммунистов, движений «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва», Московского комитета по бойкоту выборов и референдума «По итогам референдума и выборов 12 декабря 1993 г.». 21 декабря 1993 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 51, декабрь 1993 г.

³⁷³ Выступление председателя ЦИК РФ А.Иванченко на первом пленарном заседании Госдумы. 11 января 1994 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. 11–21 января 1994 года. – М.: Республика, 1994. С. 10; Партиформ, № 45 (66), 2–8 ноября 1993 г.

³⁷⁴ Постановления Центризбиркома РФ о регистрации общефедеральных списков кандидатов в депутаты Госдумы избирательных блоков и объединений. – Российская газета, № 212 (828), 12 ноября 1993 г. С. 3–12.

³⁷⁵ Три из них – ВР, ПРЕС и РДДР – с разной степенью условности можно также отнести к категории «партии власти», поскольку в их списках значительное число мест отводилось представителям исполнительной власти. Однако это было бы некоторой модернизацией событий – на тот момент исполнительная власть ещё не планировала создавать собственную партию, а делала ставку на победу «нормальных» партий.

³⁷⁶ В.Шейнис предпочитает квалифицировать эти силы как «квазицентр», не без оснований полагая, что в российском обществе начала 1990-х «не могло быть ...центра в точном смысле этого политического требования» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 650*).

³⁷⁷ Лидер движения А.Панфилов говорил по поводу ориентации «Кедра»: «Не надо пытаться отнести нас к “правым”, “левым” или “центристам”. Наши задачи, вся наша деятельность просто лежат в другой плоскости и не вписываются в эти понятия» (*Московские новости, № 48 (693), 28 ноября 1993 г. С. 4*).

³⁷⁸ Предвыборная платформа движения «Достоинство и милосердие». Ноябрь 1993 г. – БД «ПартАрхив».

³⁷⁹ Прогнозы политологов относительно итогов выборов см., в частности, *Партиформ, № 49 (70), 29 ноября – 5 декабря 1993 г.*

³⁸⁰ Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ, 1994, № 1 (12). С. 67.

³⁸¹ Выступление А.Иванченко на первом пленарном заседании Госдумы... С. 13–14; Список депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, избранных по общероссийскому избирательному округу. – Российская газета, № 238 (854), 28 декабря 1993 г. С. 2–3.

³⁸² Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 696.

³⁸³ «Обострённым чутьём демагога высокого класса он уловил жанр эксцентрики, клоунады, в котором его бредовые “идеи” оказались востребованными внушительной массой избирателей, воспринимающих политику как бесплатный цирк. Лучшего канала для воздействия на эту часть электората, чем электронные СМИ, и особенно телевидение, нет в природе. Контакт был установлен, и даже, казалось бы, разоблачительная передача, прошедшая в эфире накануне дня голосования, пошла фавориту на пользу» (*Шейнис В.Л. Взлёт и падение парламента... Т. 2. С. 701*).

³⁸⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 107.

³⁸⁵ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁸⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 107.

³⁸⁷ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁸⁸ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 110.

³⁸⁹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 4. С. 946.

³⁹⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 11. С. 170.

Вообще-то необходимой численности группа лишилась уже 25 мая 1994 г., когда о своём выходе из неё объявили 7 человек, в т.ч. 5 бывших членов ЛДПР во главе с В.Кобелевым, позже создавших группу «Держава» (*«Из “ЛДС 12 декабря” вышли 7 депутатов»*. – *Партиформ, № 22 (95), 1 июня 1994 г.*). Однако, когда 14 июня 1994 г. комитет по организации работы Госдумы отменил своё решение о регистрации «ЛДС 12 декабря», выяснилось, что в регламенте Думы отсутствует пункт о ликвидации уже зарегистрированных депутатских групп, на что не преминули указать члены «Либерально-де-

мократического союза» (*Заявление депутатской группы «Либерально-демократический союз 12 декабря» по поводу отмены её регистрации. 14 июня 1994 г.* – БД «ПартАрхив»).

Поскольку предложения дополнить регламент соответствующим пунктом не набирали нужного количества голосов (см., например, *Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 7. Ч. 2. С. 88*), в конце концов регистрация «ЛДС 12 декабря» была отменена простым голосованием Госдумы, причём опять же с нарушением всех норм регламента – при обсуждении повестки дня пленарного заседания.

³⁹¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 108; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁹² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 108.

³⁹³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁹⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 108.

³⁹⁵ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁹⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 8. С. 3.

³⁹⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 107.

³⁹⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³⁹⁹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 107.

⁴⁰⁰ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴⁰¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 107.

⁴⁰² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴⁰³ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 108.

⁴⁰⁴ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴⁰⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 226.

⁴⁰⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 277–278, 327.

⁴⁰⁷ Недаром в ходе утверждения согласованного списка заместителей председателя ГД, председателей комитетов и их заместителей И.Рыбкин назвал его именно «коалиционным» (*Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 327*).

⁴⁰⁸ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 84.

⁴⁰⁹ Выступление Н.Кашина на VII Съезде народных депутатов РФ. 3 декабря 1992 г./ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 263.

⁴¹⁰ Выступление Г.Саенко на VII Съезде народных депутатов РФ. 3 декабря 1992 г./ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 293.

⁴¹¹ Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. I. С. 304–305.

⁴¹² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 3. С. 218.

⁴¹³ Там же. С. 288.

⁴¹⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 16. С. 106; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴¹⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 16. С. 106.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 194.

⁴¹⁸ Там же. С. 200.

⁴¹⁹ Там же. С. 173.

⁴²⁰ Там же. С. 192.

⁴²¹ Там же. С. 194.

⁴²² Там же. С. 207.

⁴²³ Там же. С. 260. Один из бюллетеней в пользу И.Рыбкина носил «сомнительный» характер, причём из 22 членов счётной комиссии 11 проголосовали за признание его действительным, 8 против, 3 воздержалось (*Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 1. С. 260*). Однако в итоге за утверждение протокола счётной комиссии о признании бюллетеня действительным проголосовал 241 депутат, а за утверждение протокола об избрании И.Рыбкина председателем Госдумы – 254 (*там же. С. 266*).

⁴²⁴ Выступление В.Вишнякова на пленарном заседании Госдумы. 17 февраля 1994 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 491.

⁴²⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 372.

⁴²⁶ Выступления В.Ковалёва и Ю.Иванова на пленарном заседании Госдумы. 16 февраля 1994 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 398, 414–415.

⁴²⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 507.

⁴²⁸ Там же. С. 510.

⁴²⁹ Выступление А.Пискунова на пленарном заседании Госдумы. 18 февраля 1994 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 664–665.

⁴³⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 3. С. 16. Решение о создании комиссии было принято 9 февраля по предложению С.Бабурина (*Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 2. С. 130*).

⁴³¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 3. С. 31.

⁴³² Там же. С. 35.

⁴³³ Там же. С. 38.

⁴³⁴ Там же. С. 40.

⁴³⁵ Там же. С. 18, 21, 29.

⁴³⁶ Как заявил аграрий Н.Харитонов, «пусть комиссия исследует, делает выводы» (*Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 3. С. 18*).

⁴³⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 3. С. 22.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же. С. 23.

⁴⁴⁰ Там же. С. 25–26.

⁴⁴¹ Там же. С. 42.

⁴⁴² Там же. С. 43.

⁴⁴³ Уже летом 1994 г. В.Исаков вынужден был подыскивать объяснение и оправдание чрезмерной «гибкости» своего товарища по партии: «Очевидно стремление Рыбкина

быть лояльным президентской власти, способность идти на компромиссы, даже под угрозой потери собственного лица и лица Думы. Но, с другой стороны, кто другой сумел бы объединить и обеспечить согласованную работу несовместимых по взглядам людей, вносить умиротворение в их самые ожесточённые споры? Смогла бы вообще работать Дума, если бы в председательском кресле сидел другой, более жёсткий и конфронтационный “Рыбкин”? Смогла бы она вообще выжить в предложенных ей условиях?» (*Исаков В. Амнистия. Парламентские дневники. 1994–1995. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. С. 185*).

⁴⁴⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 4. С. 341.

⁴⁴⁵ Там же. С. 347.

⁴⁴⁶ Там же. С. 345.

⁴⁴⁷ Там же. С. 345–346.

⁴⁴⁸ Там же. С. 374.

⁴⁴⁹ Там же. С. 376.

⁴⁵⁰ Там же. С. 377.

⁴⁵¹ Там же. С. 378–379.

⁴⁵² Там же. С. 393.

⁴⁵³ Там же. С. 429–430.

⁴⁵⁴ Один только В.Жириновский от имени фракции ЛДПР обещал поддержать проект бюджета – при условии, что президент отправит в отставку главу МИДа А.Козырева, председателя Госкомимущества А.Чубайса и руководителя МВД В.Ерина (*там же. С. 453*).

⁴⁵⁵ Исключение составил разве что С.Глазьев (ДПР), который поддержал увеличение расходов, но вместе с тем выступил против наращивания бюджетного дефицита, призывая искать пути роста доходов (*там же. С. 400*).

⁴⁵⁶ Там же. С. 454.

⁴⁵⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 5. С. 22.

⁴⁵⁸ Там же. С. 44–45.

⁴⁵⁹ Там же. С. 59.

⁴⁶⁰ Там же. С. 60–61.

⁴⁶¹ Там же. С. 54.

⁴⁶² Там же. С. 56.

⁴⁶³ Там же. С. 57.

⁴⁶⁴ Там же. С. 66.

⁴⁶⁵ Там же. С. 128.

⁴⁶⁶ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴⁶⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 5. С. 361.

⁴⁶⁸ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 6. С. 31.

⁴⁶⁹ Там же. С. 32–36.

⁴⁷⁰ Там же. С. 50.

⁴⁷¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁴⁷² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 6. С. 152.

⁴⁷³ Там же. С. 188.
⁴⁷⁴ Там же. С. 178–179.
⁴⁷⁵ Там же. С. 179–180.
⁴⁷⁶ Там же. С. 180.
⁴⁷⁷ Там же. С. 183.
⁴⁷⁸ Там же. С. 187.
⁴⁷⁹ Там же. С. 502.
⁴⁸⁰ Там же. С. 509.
⁴⁸¹ Там же. С. 512.
⁴⁸² Там же. С. 501, 513, 540.
⁴⁸³ Там же. С. 632.
⁴⁸⁴ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁴⁸⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1994 г. Т. 6. С. 639.
⁴⁸⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 19. С. 70.
⁴⁸⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 13. С. 466, 472; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁴⁸⁸ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 11. С. 93.
⁴⁸⁹ Там же. С. 56–57.
⁴⁹⁰ Там же. С. 100.
⁴⁹¹ Там же. С. 96.
⁴⁹² Там же. С. 100.
⁴⁹³ А.Сидоров, словно подтверждая тезис о фактической лояльности ЛДПР исполнительной власти, так и заявил: «Если уж мы оказали доверие нашему правительству, так будьте любезны – пусть это правительство с внесённым бюджетом поработает хотя бы квартал» (*там же. С. 136*).
⁴⁹⁴ Там же. С. 142.
⁴⁹⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 12. С. 208, 228.
⁴⁹⁶ Там же. С. 209–210, 228.
⁴⁹⁷ Там же. С. 236.
⁴⁹⁸ Там же. С. 254.
⁴⁹⁹ Там же. С. 250.
⁵⁰⁰ Там же. С. 250.
⁵⁰¹ Там же. С. 227, 259–260.
⁵⁰² Там же. С. 472.
⁵⁰³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵⁰⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 13. С. 572.
⁵⁰⁵ Там же. С. 575.
⁵⁰⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 14. С. 505.

⁵⁰⁷ Там же. С. 507.
⁵⁰⁸ Там же. С. 441–443.
⁵⁰⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵¹⁰ Там же.
⁵¹¹ Там же.
⁵¹² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 14. С. 508; Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 15. С. 172; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵¹³ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1995 г. Т. 21. С. 562.
⁵¹⁴ Там же. С. 560.
⁵¹⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1995 г. Т. 22. С. 497.
⁵¹⁶ Там же. С. 422.
⁵¹⁷ Там же. С. 449.
⁵¹⁸ Там же. С. 496.
⁵¹⁹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1995 г. Т. 23. С. 385; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵²⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1995 г. Т. 23. С. 407; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵²¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1995 г. Т. 23. С. 408; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵²² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 8. С. 271–272.
⁵²³ Там же. С. 260.
⁵²⁴ Там же. С. 149.
⁵²⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 9. С. 394.
⁵²⁶ Там же. С. 399.
⁵²⁷ Там же. С. 404–407.
⁵²⁸ Там же. С. 419–420.
⁵²⁹ Там же. С. 428–429.
⁵³⁰ Там же. С. 433.
⁵³¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵³² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 9. С. 519.
⁵³³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁵³⁴ Выступление С.Глазьева с докладом о проекте постановления Госдумы о недоверии правительству РФ. 21 июня 1995 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 18. С. 534.
⁵³⁵ Там же. С. 525.
⁵³⁶ Там же. С. 527.
⁵³⁷ Там же. С. 532.
⁵³⁸ Там же. С. 539, 551.
⁵³⁹ Там же. С. 558.

- ⁵⁴⁰ Там же. С. 536.
- ⁵⁴¹ Там же. С. 582.
- ⁵⁴² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁴³ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 18. С. 583.
- ⁵⁴⁴ Там же. С. 633.
- ⁵⁴⁵ Гайдар Е. Дни поражений и побед. – М.: Вагриус, 1996. С. 349.
- ⁵⁴⁶ Там же.
- ⁵⁴⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 19. С. 21.
- ⁵⁴⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁴⁹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 19. С. 21–22.
- ⁵⁵⁰ Гайдар Е. Дни поражений и побед... С. 349.
- ⁵⁵¹ Подробнее об этом см. *Корзунюк Ю.Г. Политические организации России и чеченский кризис. – Российский монитор. Архив современной политики, 1995, № 6.*
- ⁵⁵² Партиформ, № 28 (101), 14 декабря 1994 г.
- ⁵⁵³ Партиформ, № 30 (103), 28 декабря 1994 г.
- ⁵⁵⁴ Проспект депутатской группы «Стабильность». – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁵⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 15. С. 134.
- ⁵⁵⁶ Партиформ, № 16 (119), 19 апреля 1995 г.
- ⁵⁵⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 18. С. 288.
- ⁵⁵⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁵⁹ Партиформ, № 15 (118), 12 апреля 1995 г.
- ⁵⁶⁰ Партиформ, № 16 (119), 19 апреля 1995 г.
- ⁵⁶¹ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 18. С. 288.
- ⁵⁶² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁶³ Проспект депутатской группы «Стабильность». – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁶⁴ Партиформ, № 15 (118), 12 апреля 1995 г.
- ⁵⁶⁵ Проспект депутатской группы «Стабильность». – БД «ПартАрхив»; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁶⁶ Партиформ, № 15 (118), 12 апреля 1995 г.
- ⁵⁶⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 15. С. 136, 142; Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 16. С. 5.
- ⁵⁶⁸ «Н.Травкин сложил с себя полномочия председателя ДПП и лидера фракции ДПП в Госдуме». – Партиформ, № 28 (101), 14 декабря 1994 г.
- ⁵⁶⁹ Заявление фракции ДПП по вопросу «О недоверии Правительству». 12 апреля 1995 г. – БД «ПартАрхив».

- ⁵⁷⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1995 г. Т. 13. С. 558; Обращение членов фракции ДПП к председателю ГД в связи с заявлением «О проекте Постановления Государственной Думы о федеральном бюджете, внесенном фракцией ДПП». – Партиформ, № 5 (108), 1 февраля 1995 г.
- ⁵⁷¹ Обращение Н.И.Травкина к председателю ГД И.Рыбкину по поводу вынесения фракцией ДПП предложения о вотуме недоверия правительству РФ. 12 апреля 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁷² Заявление группы «Стабильность». – Партиформ, № 12 (115), 22 марта 1995 г.
- ⁵⁷³ Заявление группы «Россия». – Партиформ, № 15 (118), 12 апреля 1995 г.
- ⁵⁷⁴ Интервью И.Шичанина корреспонденту «Партиформа». – Партиформ, № 14 (117), 5 апреля 1995 г.
- ⁵⁷⁵ Пресс-конференция представителей «Стабильности». 26 мая 1995 г. – Партиформ, № 22 (125), 31 мая 1995 г.
- ⁵⁷⁶ Пресс-конференция представителей «Россия». 19 мая 1995 г. – Партиформ, № 21 (124), 24 мая 1995 г.; Заявление пресс-службы избирательного блока левоцентристской организации. 21 июля 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁷⁷ Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». – Собрание законодательства РФ, № 50, 11.12.1995. Ст. 4869.
- ⁵⁷⁸ Перечень общероссийских общественных объединений, уставы которых предусматривают участие в выборах в органы государственной власти и зарегистрированы Министерством юстиции РФ; Перечень общероссийских профсоюзных организаций, уставы которых предусматривают участие в выборах в органы государственной власти и учтены Министерством юстиции РФ в соответствии с постановлением Верховного Совета РФ от 18.12.91 № 2057-1. – Российская газета, № 165 (1276), 25 августа 1995 г. С. 5.
- ⁵⁷⁹ Заявление Центральной избирательной комиссии РФ от 10 ноября 1995 г.; Постановление Центральной избирательной комиссии РФ «О порядке размещения в избирательном бюллетене для выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ второго созыва по федеральному избирательному округу наименований избирательных объединений, избирательных блоков, выдвинувших федеральные списки кандидатов в депутаты, которые зарегистрированы Центральной избирательной комиссией РФ, определенном жеребьевкой». 10 ноября 1995 г. – Российская газета, № 225 (1336), 21 ноября 1995 г. С. 6.
- ⁵⁸⁰ Политическая ориентация некоторых из этих объединений была достаточно выраженной: АПР являлась союзницей коммунистов, ППР-СТ и «Женщины России» придерживались центристских взглядов, а ХДС-ХР – в целом «державнических».
- ⁵⁸¹ Подробнее характеристику этих избирательных объединений и блоков см. *Корзунюк Ю.Г. Современная российская многопартийность... С. 330–335.*
- ⁵⁸² Российская газета, № 3 (1362), 6 января 1996 г. С. 6.
- ⁵⁸³ Доклад председателя Центризбиркома Н.Рябова на пленарном заседании Госдумы. 16 января 1996 г./Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. – М.: Известия, 1997. Т. 1 (24). С. 12.

- ⁵⁸⁴ Предвыборная платформа КПРФ «За нашу Советскую Родину!». Осень 1995 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁸⁵ Предвыборная позиция избирательного блока «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз». – БД «ПартАрхив».
- ⁵⁸⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁸⁷ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁸⁸ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁸⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁹⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁹¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁹² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁹³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁹⁴ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁹⁵ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁹⁶ Федеральное Собрание: Совет Федерации. Государственная Дума. Справочник...
- ⁵⁹⁷ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁵⁹⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁵⁹⁹ Там же.
- ⁶⁰⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 97.
- ⁶⁰¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁶⁰² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 227–229.
- ⁶⁰³ Там же. С. 87.
- ⁶⁰⁴ Там же. С. 109.
- ⁶⁰⁵ См. *Депутатская группа «Российские регионы». – Федеральное Собрание: Совет Федерации. Государственная Дума. Справочник...*
- ⁶⁰⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия 1996 г. Т. 1 (24). С. 186.
- ⁶⁰⁷ Там же. С. 337.
- ⁶⁰⁸ Там же. С. 274, 432.
- ⁶⁰⁹ Там же. С. 331.
- ⁶¹⁰ Там же. С. 335.
- ⁶¹¹ Там же. С. 339, 647, 649.
- ⁶¹² Там же. С. 340, 654, 655.
- ⁶¹³ Там же. С. 645.

- ⁶¹⁴ Там же. С. 646.
- ⁶¹⁵ Там же. С. 648, 655.
- ⁶¹⁶ Там же. С. 649, 655.
- ⁶¹⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 марта 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/352777?QueryID=221563&HighlightQuery=221563>).
- ⁶¹⁸ Там же.
- ⁶¹⁹ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁶²⁰ Подробнее об этом см. *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. – М.: Вагриус, 2001. С. 558–563.*
- ⁶²¹ Договор об образовании сообщества России и Беларуси. 2 апреля 1996 г. (<http://www.belrus.ru/obshie/osnovy/article.shtml?dogovor2.shtml>).
- ⁶²² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 апреля 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/354772?QueryID=221570&HighlightQuery=221570>).
- ⁶²³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 апреля 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/351930?QueryID=221580&HighlightQuery=221580>).
- ⁶²⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 апреля 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/354772?QueryID=221570&HighlightQuery=221570>).
- ⁶²⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/351707?QueryID=221586&HighlightQuery=221586>).
- ⁶²⁶ Выступление С.Калашникова на пленарном заседании Госдумы. 17 апреля 1996 г. – Стенограмма заседания ГД (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/351853?QueryID=221592&HighlightQuery=221592>).
- ⁶²⁷ Там же.
- ⁶²⁸ Там же.
- ⁶²⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 июня 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/352007?QueryID=221596&HighlightQuery=221596>).
- ⁶³⁰ Выступление О.Дмитриевой на пленарном заседании Госдумы. 14 июня 1996 г. – Там же.
- ⁶³¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 июля 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/363688?QueryID=221608&HighlightQuery=221608>).
- ⁶³² Рябов В.В., Хаванов Е.И. Общественно-политические движения в новое и новейшее время... С. 19.
- ⁶³³ Советская Россия, № 27 (11312), 5 марта 1996 г. С. 1.
- ⁶³⁴ Советская Россия, № 32 (11317), 19 марта 1996 г. С. 1; Советская Россия, № 39 (11324), 4 апреля 1996 г. С. 3; Советская Россия, № 40 (11325), 6 апреля 1996 г. С. 1.
- ⁶³⁵ II конгресс народно-патриотических сил. 8 июня 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 24, июнь 1996 г.
- ⁶³⁶ «Настоящие, жизненно необходимые стране реформы так и не начинались», – говорилось в платформе Г.Зюганова («Россия, Родина, народ!»). *Предвыборная платформа кандидата на должность Президента Российской Федерации Зюганова Геннадия Андреевича. – Советская Россия, № 32 (11317), 19 марта 1996 г. С. 2.*
- ⁶³⁷ «Россия, Родина, народ!»...

- ⁶³⁸ Там же.
- ⁶³⁹ Заявление Е.Гайдара по поводу решения Б.Ельцина баллотироваться на второй срок. 15 февраля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁴⁰ Партиформ, № 10 (165), 6 марта 1996 г.
- ⁶⁴¹ Партиформ, № 15 (170), 10 апреля 1996 г.
- ⁶⁴² Резолюция учредительного съезда СПР. 4 апреля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁴³ Заседание Совета Координационного комитета ОДОПП. 6 мая 1996 г. – Партиформ, № 20 (175), 15 мая 1996 г.
- ⁶⁴⁴ «Россия: человек, семья, общество, государство». Предвыборная платформа Б.Ельцина на президентских выборах. Фрагменты. – Дом и Отечество. Еженедельная газета движения «Наш дом – Россия». 1–7 июня 1996 г. Приложение к Российской газете, № 103 (1463), 1 июня 1996 г. С. II.
- ⁶⁴⁵ III съезд общественного объединения «Яблоко». 27–28 января 1996 г. – Партиформ, № 5 (160), 31 января 1996 г.
- ⁶⁴⁶ Выступление Г.Явлинского на заседании клуба «Московская трибуна». Сообщение пресс-службы Г.Явлинского. 21 апреля 1996 г. – БД «ПартАрхив»; «Явлинский не намерен входить в команду нынешнего Президента». Сообщение пресс-службы Г.Явлинского. 18 мая 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁴⁷ Заявление Партии экономической свободы. 28 февраля 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 10, март 1996 г.
- ⁶⁴⁸ Заявление ЦКС ДСР «Григорий Явлинский – кандидат от демократов». 29 февраля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁴⁹ Заявление Общественного комитета в поддержку Г.Явлинского. 1 апреля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁵⁰ Обращение съезда избирательного объединения «Конгресс русских общин» ко всем партиям и движениям Российской Федерации. 11 января 1996 г. – БД «ПартАрхив»; Постановление IX съезда ДПР «Об участии ДПР в выборах Президента Российской Федерации». 30 марта 1996 г. – БД «ПартАрхив»; Резолюция учредительной конференции СПНОР в поддержку кандидата в Президенты РФ. 4 июля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁵¹ Проект заявления о создании предвыборного союза «Третья сила» для участия в выборах президента России. 26 февраля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁵² Принципы создания коалиции левоцентристских сил. Проект. 26 февраля 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁵³ Заявление А.Лебеда, С.Фёдорова и Г.Явлинского. 27 марта 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁵⁴ Пресс-конференция Г.Явлинского. 6 июня 1996 г. – Партиформ, № 24 (179), 12 июня 1996 г.
- ⁶⁵⁵ Избирательный бюллетень для выборов президента Российской Федерации 16 июня 1996 г. Приложение к постановлению ЦИК РФ «О форме и тексте избирательного бюллетеня для выборов президента Российской Федерации». 16 мая 1996 г. – Российская газета, № 94 (1454), 21 мая 1996 г. С. 5.
- ⁶⁵⁶ Информационное сообщение КСРНИП (http://nbp-info.ru/new/lib/lim_anatmy/12.htm).

- ⁶⁵⁷ Незадолго до дня голосования А.Тулеев снял свою кандидатуру (*Постановление ЦИК РФ «О заявлении кандидата на должность президента Российской Федерации Тулеева Аман-Гельды Молдаазиевича»*. 13 июня 1996 г. – *Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации*, № 13 (33), 1996. С. 60–61).
- ⁶⁵⁸ Результаты выборов президента Российской Федерации 16 июня 1996 года. Приложение к постановлению ЦИК РФ «О результатах выборов президента Российской Федерации 16 июня 1996 года и назначении повторного голосования» (20 июня 1996 г.). – *Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации*, 1996, № 15 (35). С. 40–41.
- ⁶⁵⁹ Пресс-конференция В.Жириновского. 28 июня 1996 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 27, июль 1996 г.
- ⁶⁶⁰ Резолюция IV съезда объединения «Яблоко». 23 июня 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁶¹ Обращение IV съезда объединения «Яблоко» к президенту Б.Н.Ельцину. 23 июня 1996 г. – БД «ПартАрхив».
- ⁶⁶² Постановление ЦИК РФ «О результатах выборов президента Российской Федерации». 9 июля 1996 г. – *Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации*, № 17 (37), 1996. С. 8–9.
- ⁶⁶³ Политическое заявление о создании ОКС. 16 июля 1996 г. – Народный дом. Информационно-аналитический и методический бюллетень, № 8, август 1996 г.
- ⁶⁶⁴ Материалы учредительного съезда НПСР (7 августа 1996 г.) см. *Духовное наследие. Приложение к журналу «Обозреватель-Observer»*, № 5, август 1996 г.
- ⁶⁶⁵ Пресс-конференция руководства НПСР. 8 августа 1997 г. – Партиформ, № 32 (239), 13 августа 1997 г.
- ⁶⁶⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 августа 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/357363?QueryID=221621&HighlightQuery=221621>).
- ⁶⁶⁷ Там же.
- ⁶⁶⁸ Непроизнесённое выступление С.Бабурина на заседании Госдумы. 10 августа 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/357363?QueryID=221621&HighlightQuery=221621>).
- ⁶⁶⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 11 октября 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/364754?QueryID=221633&HighlightQuery=221633>).
- ⁶⁷⁰ Там же.
- ⁶⁷¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁶⁷² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 октября 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/358317?QueryID=221649&HighlightQuery=221649>).
- ⁶⁷³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ⁶⁷⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 декабря 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/364837?QueryID=221667&HighlightQuery=221667>).
- ⁶⁷⁵ Там же.
- ⁶⁷⁶ Там же.
- ⁶⁷⁷ Там же.
- ⁶⁷⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 декабря 1996 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/369724?QueryID=221685&HighlightQuery=221685>).

⁶⁷⁹ Там же.
⁶⁸⁰ Там же.
⁶⁸¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁶⁸² До принятия Бюджетного кодекса РФ (1998) порядок обсуждения бюджета на очередной год утверждался отдельным законом, каждый раз с некоторыми изменениями. Обычно бюджет принимался в четырёх чтениях, но в 1994 и 1996 гг. – в трёх. Чаще всего к четвёртому чтению разрешалось вносить в проект только стилистические коррективы, но в случае с бюджетом-97 речь шла именно о содержательных поправках.
⁶⁸³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 22 января 1997 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/369121?QueryID=221697&HighlightQuery=221697>).
⁶⁸⁴ Там же.
⁶⁸⁵ Там же.
⁶⁸⁶ Там же.
⁶⁸⁷ Там же.
⁶⁸⁸ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁶⁸⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0»; Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 февраля 1997 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/357646?QueryID=221701&HighlightQuery=221701>).
⁶⁹⁰ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия 1994 г. Т. 9. С. 108.
⁶⁹¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 12 марта 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s12-03_d.htm).
⁶⁹² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 марта 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s19-03_u.htm).
⁶⁹³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 4 апреля 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s04-04_v.htm).
⁶⁹⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 апреля 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s09-04_d.htm).
⁶⁹⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 июня 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s17-06_u.htm).
⁶⁹⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 25 сентября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s25-09_d.htm).
⁶⁹⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 июня 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s23-06_v.htm).
⁶⁹⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 июня 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s20-06_v.htm).
⁶⁹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 13 февраля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s13-02_v.htm).
⁷⁰⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 ноября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s14-11_v.htm).
⁷⁰¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s09-10_u.htm).
⁷⁰² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s09-10_d.htm).

⁷⁰³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s09-10_v.htm).
⁷⁰⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s15-10_v.htm).
⁷⁰⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 22 октября 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s22-10_u.htm).
⁷⁰⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 декабря 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s05-12_u.htm).
⁷⁰⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 декабря 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s05-12_d.htm).
⁷⁰⁸ Там же.
⁷⁰⁹ Там же.
⁷¹⁰ Там же.
⁷¹¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁷¹² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 декабря 1997 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1997/s05-12_d.htm).
⁷¹³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 февраля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s20-02_d.htm).
⁷¹⁴ Там же.
⁷¹⁵ 10 апреля 1998 г., выступая перед депутатами Госдумы, С.Кириенко сообщил, что азиатский финансовый кризис обусловил рост процентных ставок по государственным займам, а ухудшение конъюнктуры на мировых рынках привело к падению на 20–40% цен на основные экспортные товары России – нефть, нефтепродукты, газ, цветные металлы (*Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1998 г.* – http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s10-04_u.htm).
⁷¹⁶ Выступление О.Морозова на пленарном заседании Госдумы. 1 апреля 1998 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-04_u.htm).
⁷¹⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-04_d.htm).
⁷¹⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁷¹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-04_u.htm).
⁷²⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s10-04_u.htm).
⁷²¹ Выступление О.Морозова на пленарном заседании Госдумы. 10 апреля 1998 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s10-04_u.htm).
⁷²² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s10-04_u.htm).
⁷²³ Там же.
⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ Там же.
⁷²⁶ Там же.
⁷²⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 10 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s10-04_v.htm).
⁷²⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-04_u.htm).
⁷²⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-04_d.htm).
⁷³⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s17-04_d.htm).
⁷³¹ Там же.
⁷³² Там же.
⁷³³ Информационное сообщение о 6-м пленуме ЦК КПРФ 23 июля 1998 г. – БД «Парт-Архив»; Пресс-релиз «Фракция “Яблоко” подтвердила решение о солидарном голосовании против кандидатуры Сергея Кириенко». 21 апреля 1998 г. – БД «ПартАрхив».
⁷³⁴ V Консультативное совещание руководителей общероссийских партий, движений, организаций левой, левоцентристской и народно-патриотической ориентации, творческих и профессиональных союзов. – Бюллетень Левого информцентра, № 17 (328), апрель 1998 г.
⁷³⁵ Там же.
⁷³⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-04_u.htm).
⁷³⁷ Там же.
⁷³⁸ Там же.
⁷³⁹ Пресс-конференция С.Бабурина. 22 апреля 1998 г. – Партиформ, № 17 (275), 29 апреля 1998 г.
⁷⁴⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-04_u.htm).
⁷⁴¹ Там же.
⁷⁴² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁷⁴³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-04_v.htm).
⁷⁴⁴ Пресс-релиз фракции «Яблоко» «Часть фракции КПРФ в нарушение решения пленума своего ЦК голосовала за Кириенко». 24 апреля 1998 г. – БД «ПартАрхив».
⁷⁴⁵ Заявление Президиума ЦК КПРФ. 27 апреля 1998 г. – Партиформ, № 18 (276), 6 мая 1998 г.
⁷⁴⁶ Савчук В. Мы получили качественно иную Думу. – Кворум. Парламентский еженедельник, № 3, 29 апреля 1998 г.
⁷⁴⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 апреля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s17-04_d.htm).
⁷⁴⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-07_u.htm).

⁷⁴⁹ Там же.
⁷⁵⁰ Там же.
⁷⁵¹ Там же.
⁷⁵² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-07_v.htm).
⁷⁵³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 1 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s01-07_d.htm).
⁷⁵⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 2 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s02-07_d.htm).
⁷⁵⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 3 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s03-07_v.htm).
⁷⁵⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s16-07_d.htm).
⁷⁵⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 июля 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s17-07_d.htm).
⁷⁵⁸ Там же.
⁷⁵⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 21 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s21-08_d.htm).
⁷⁶⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 мая 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s20-05_u.htm).
⁷⁶¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 мая 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-05_u.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-05_d.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-05_v.htm); Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 мая 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s20-05_u.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s20-05_d.htm).
⁷⁶² Обращение Координационного совета солидарности с требованиями шахтёров. – Бюллетень Левого информцентра, № 31 (342), август 1998 г.
⁷⁶³ Выступление С.Кириенко на пленарном заседании Госдумы 21 августа 1998 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 21 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s21-08_d.htm).
⁷⁶⁴ Там же.
⁷⁶⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 21 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s21-08_d.htm).
⁷⁶⁶ Там же.
⁷⁶⁷ Там же.
⁷⁶⁸ Там же.
⁷⁶⁹ Там же.
⁷⁷⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 31 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s31-08_d.htm).
⁷⁷¹ Там же.
⁷⁷² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
⁷⁷³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 31 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s31-08_v.htm).

⁷⁷⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 сентября 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s07-09_v.htm).

⁷⁷⁵ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁷⁷⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 31 августа 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s07-09_v.htm).

⁷⁷⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 сентября 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s07-09_v.htm).

⁷⁷⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 11 сентября 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s11-09_v.htm).

⁷⁷⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁷⁸⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 11 сентября 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s11-09_v.htm).

⁷⁸¹ Заявление фракции «Яблоко». 20 ноября 1997 г. – Партиформ, № 47 (254), 26 ноября 1997 г.

⁷⁸² А.Шохин в программе «Лицом к лицу» радиостанции «Свобода». 27 сентября 1998 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁸³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s18-12_d.htm).

⁷⁸⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s18-12_v.htm).

⁷⁸⁵ Там же.

⁷⁸⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s23-12_v.htm).

⁷⁸⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s23-12_v.htm).

⁷⁸⁸ Выступление М.Задорнова на пленарном заседании Госдумы. 24 декабря 1998 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-12_u.htm).

⁷⁸⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-12_v.htm).

⁷⁹⁰ Там же.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁷⁹⁴ Там же.

⁷⁹⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 24 декабря 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s24-12_v.htm).

⁷⁹⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 июня 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s19-06_u.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s19-06_d.htm).

⁷⁹⁷ «В.Филимонов передал в Совет Государственной Думы материалы, связанные с выводами думской комиссии по импичменту». 18 февраля 1999 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁹⁸ Доклад В.Филимонова на пленарном заседании Госдумы. 13 мая 1999 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 13 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s13-05_u.htm).

⁷⁹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 13 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s13-05_d.htm).

⁸⁰⁰ Выступление С.Попова на пленарном заседании Госдумы. 13 мая 1999 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 13 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s13-05_v.htm).

⁸⁰¹ Письмо Е.Примакова Г.Селезнёву. 22 января 1999 г. (<http://www.yabloko.ru/Themes/primak-1.html>); Проект заявления президента, Федерального Собрания и правительства Российской Федерации об обеспечении политической стабильности в Российской Федерации. 22 января 1999 г. (<http://www.yabloko.ru/Themes/primak-2.html>).

⁸⁰² В.Купцов о письме Е.Примакова. 29 января 1998 г. – БД «ПартАрхив».

⁸⁰³ Пресс-релиз «Явлинский негативно оценивает письмо Примакова Госдуме РФ». 26 января 1999 г. (<http://www.yabloko.ru/Press/9901263.html>).

⁸⁰⁴ Выступление О.Морозова на пленарном заседании Госдумы. 7 апреля 1999 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 апреля 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s09-04_v.htm).

⁸⁰⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 апреля 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s09-04_v.htm).

⁸⁰⁶ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁸⁰⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 апреля 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s09-04_v.htm).

⁸⁰⁸ Там же.

⁸⁰⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 12 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s12-05_v.htm).

⁸¹⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s15-05_u.htm).

⁸¹¹ Там же.

⁸¹² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 13 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s13-05_v.htm).

⁸¹³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s15-05_u.htm).

⁸¹⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s15-05_v.htm).

⁸¹⁵ Там же.

⁸¹⁶ Пресс-конференция Г.Зюганова. 19 мая 1999 г. – БД «ПартАрхив».

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_d.htm).

⁸¹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 мая 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_d.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_v.htm).

⁸²⁰ Там же.

⁸²¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁸²² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 августа 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_v.htm).

⁸²³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 августа 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_d.htm).

⁸²⁴ Там же.

⁸²⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 августа 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_d.htm; http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s19-05_v.htm).

⁸²⁶ Выступление министра финансов М.Касьянова на пленарном заседании Госдумы. 28 сентября 1999 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 28 сентября 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s28-09_u.htm).

⁸²⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 28 сентября 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s28-09_d.htm).

⁸²⁸ Там же.

⁸²⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 26 октября 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s26-10_u.htm).

⁸³⁰ Там же.

⁸³¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

⁸³² Там же.

К главе 8

¹ Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти. – Социологические исследования, 2005, № 5. С. 66–67.

² Петухов В.В. Новые поля социальной напряжённости. – Социологические исследования, 2004, № 3. С. 31.

³ Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Промышленные рабочие на уральском заводе. – Социологические исследования, 2005, № 6. С. 76.

⁴ Черныш М.Ф. Противоречия становления социального партнёрства. – Социологические исследования, 2004, № 6. С. 17.

⁵ Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда. – Социологические исследования, 2005, № 9. С. 39.

⁶ Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Промышленные рабочие на уральском заводе... С. 76.

⁷ Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах (факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 гг.). – Полис, 2005, № 2. С. 30–31.

⁸ Десять лет российских реформ глазами россиян. – Социологические исследования, 2002, № 10. С. 32.

⁹ Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации... С. 39–40.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же.

¹² Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 11.

¹³ Десять лет российских реформ глазами россиян... С. 32.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» (<http://www.akdi.ru/gd/proekt/085578GD.SHTM>).

¹⁶ Доклад А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы 7 февраля 2001 г. – Стенограмма пленарного заседания ГД 7 февраля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/02/s07-02_d.htm).

¹⁷ Список политических партий, обладающих правом принимать участие в выборах депутатов Госдумы четвёртого созыва (http://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/pone/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/41766493.html).

¹⁸ Пресс-релиз «О приостановке полномочий председателя партии И.П.Рыбкина». 20 июня 2002 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁹ III съезд Социалистической единой партии России («Духовное наследие»). – Партиформ, № 37 (555), 17 сентября 2003 г.

²⁰ Учредительный съезд Российской партии труда. 12 января 2002 г. – Партиформ, № 3 (469), 16 января 2002 г.

²¹ Программа Российской политической партии «Российская партия труда». – БД «ПартАрхив».

²² Протокол заседания II съезда Российской партии труда. 7 сентября 2003 г.; Резолюция II съезда Российской партии труда «О текущем моменте». – БД «ПартАрхив».

²³ Протокол заседания II съезда Российской партии труда. 12 сентября 2003 г. – БД «ПартАрхив».

²⁴ Пресс-релиз «Создана Партия трудовой солидарности». 25 апреля 2004 г. – БД «ПартАрхив».

²⁵ Пресс-релиз «Олег Шеин вступил в партию “Родина”». 8 июня 2005 г. (<http://www.rodina-duma.ru/news/more/?id=1876>).

²⁶ IV съезд Российской партии труда (I съезд партии «Патриоты России»). – Партиформ, № 17 (639), 27 апреля 2005 г.; I съезд партии «Патриоты России». – Родная газета, № 15 (101), 22 апреля 2005 г.

²⁷ Устав Всероссийской партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия». Принят на учредительном съезде ВПЕО (III съезде Союза «Единства и «Отечества»). 1 декабря 2001 г. – БД «ПартАрхив».

²⁸ Учредительный съезд Общероссийской политической общественной организации «Отечество». – Партиформ, № 51 (309), 23 декабря 1998 г.

²⁹ Учредительная конференция общественно-политического блока «Голос России». – Партиформ, № 17 (327), 28 апреля 1999 г.

³⁰ Учредительный съезд общественно-политического блока «Вся Россия». – Партиформ, № 21 (331), 26 мая 1999 г.

³¹ Учредительный съезд избирательного блока «Отечество – Вся Россия». – Партиформ, № 35 (345), 1 сентября 1999 г.

³² Заявление Координационного совета блока «Голос России». 22 августа 1999 года. – БД «ПартАрхив»

³³ Создан избирательный блок «Межрегиональное движение “Единство”». – Партиформ, № 40 (350), 6 октября 1999 г.; История блока «Медведь». Пресс-релиз Межрегионального движения «Единство». – БД «ПартАрхив».

³⁴ Постановление ЦИК РФ от 15 октября 1999 г. № 24/287-3 «О регистрации избирательного блока по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации третьего созыва “Межрегиональное движение «Единство»” (<http://www.fci.ru/way/6B63C8DE-C64A-4C76-A5A5-54128CBA777F/obj/5A7EBF56-D0B7-B76A-84B0-C7B1AAFFCCB17.html>).

³⁵ Общие итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по федеральному избирательному округу. – Российская газета, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.

³⁶ Учредительный съезд движения «Единство». – Партиформ, № 9 (371), 1 марта 2000 г.

³⁷ II съезд «Единства» – преобразование в партию. – Партиформ, № 22 (384), 31 мая 2000 г.

³⁸ Список членов Политсовета «Единства», избранных на II съезде 27 мая 2000 г. – БД «ПартАрхив».

³⁹ Список членов Центрального исполкома «Единства», избранных на II съезде 27 мая 2000 г. – БД «ПартАрхив».

⁴⁰ Список членов ПС «Единства». – БД «ПартАрхив».

⁴¹ Заявление о создании Координационного совета центристских сил в Госдуме. 17 апреля 2001 г. – БД «ПартАрхив».

⁴² Заявление учредительного съезда Общероссийского союза «Единства» и «Отечества». – БД «ПартАрхив».

⁴³ III съезд Союза «Единства» и «Отечества». – Партиформ, № 49 (463), 5 декабря 2001 г.; Устав Всероссийской партии «Единство и Отечество» – “Единая Россия”. Принят на III съезде Союза «Единства» и «Отечества». – БД «ПартАрхив».

⁴⁴ III съезд Союза «Единства» и «Отечества». – Партиформ, № 49 (463), 5 декабря 2001 г.

⁴⁵ Решение Высшего совета Всероссийской партии «Единство и Отечество» – “Единая Россия”. 20 ноября 2002 г. (<http://www.er.ru/news.html?id=659>).

⁴⁶ II съезд «Единой России». 29 марта 2003 г. – Партиформ, № 13 (531), 2 апреля 2003 г.; Заседание Генерального совета «Единой России». 1 апреля 2003 г. – Партиформ, № 13 (531), 2 апреля 2003 г.

⁴⁷ Пресс-релиз «В “Единую Россию” вступило более 600 тысяч россиян». 24 сентября 2003 г. (<http://www.er.ru/news.html?id=5544>)

⁴⁸ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003... С. 276.

⁴⁹ Соловьёв А.И. Традиции и инновации российского партогенеза: современные практики/Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М.–Ростов-на-Дону: СКАГС, 2004. С. 152–154.

⁵⁰ Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва, выдвинутый политической партией «Единая Россия». Приложение к протоколу III съезда партии «Единая Россия» от 20 сентября 2003 г. (<http://gd2003.cikrf.ru/266sp>).

⁵¹ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу и о распределении депутатских мандатов между политическими партиями, избирательными блоками (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

⁵² Выступление председателя ЦИК РФ А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы. 29 декабря 2003 г. – Стенограмма пленарного заседания ГД 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_u.htm).

⁵³ Пресс-релиз о заседании оргкомитета Коалиции правоцентристских сил. 10 декабря 1998 г. – БД «ПартАрхив».

⁵⁴ Впервые это название прозвучало 20 января 1999 г. на пресс-конференции лидеров ДВР и «России молодой» Е.Гайдара и Б.Немцова (*Партиформ, № 4 (314) 27 января 1999 г.*).

⁵⁵ Стенограмма выступления Б.Немцова на I съезде коалиции «Правое дело». 29 мая 1999 г. – БД «ПартАрхив».

⁵⁶ Объединительная конференция Союза правых сил. 29 августа 1999 г. – Партиформ, № 35 (345), 1 сентября 1999 г.

⁵⁷ Постановление ЦИК РФ от 4 сентября 1999 г. № 12/82-3 «О регистрации избирательного блока по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва “Союз правых сил”» (<http://www.fci.ru/way/6B63C8DE-C64A-4C76-A5A5-54128CBA777F/obj/5A7DDB40-D0B7-B76A-8421-E6AF5AFF238F.html>).

⁵⁸ Общие итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по федеральному избирательному округу. – Российская газета, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.

⁵⁹ ВЦИОМ на Полит.ру. Декабрьские рейтинги 2002 г. (<http://old.polit.ru/documents/521814.html>).

⁶⁰ Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва, выдвинутый политической партией «Союз правых сил». Приложение к протоколу съезда СПС от 8 сентября 2003 г. (<http://gd2003.cikrf.ru/170sp>).

⁶¹ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Госдумы по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

⁶² См. выше – в разделе, посвящённом «Единой России».

⁶³ «Учреждено ОПОД “Народный депутат”». – Партиформ, № 5 (419), 31 января 2001 г.; Политическое заявление Общероссийского политического общественного движения «Народный депутат». Принято на учредительной конференции. 26 января 2001 г. – БД «ПартАрхив».

⁶⁴ «Движение “Народный депутат” преобразовано в Народную партию РФ». – Партиформ, № 40 (454), 3 октября 2001 г.

⁶⁵ «Министр юстиции Юрий Чайка выписал Народной партии РФ удостоверение за номером 1» (<http://www.regions.ru/news/653246>); Список политических партий, обладающих правом принимать участие в выборах депутатов Госдумы ФС РФ четвёртого созыва (http://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/none/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/41766493.html).

⁶⁶ Пресс-релиз НПРФ по итогам II (внеочередного) съезда НПРФ 14 сентября 2003 г. – БД «ПартАрхив»

⁶⁷ Программа Народной партии Российской Федерации. Утверждена на II конференции (съезде) НППРФ 29 сентября 2001 г. (<http://www.napart.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=7&page=1>).

⁶⁸ Выступление А.Баскаева на пленарном заседании Госдумы. 15 февраля 2002 г. – Стенограмма пленарного заседания ГД 15 февраля 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/02/s15-02_d.htm).

⁶⁹ В.Булавинов: «Нужно запретить пропаганду гомосексуализма». 15 мая 2002 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁰ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

⁷¹ Выступление председателя ЦИК РФ А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы. 29 декабря 2003 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_u.htm).

⁷² III (внеочередной) съезд Народной партии РФ. – Партиформ, № 16 (586), 21 апреля 2004 г.; Список руководящих органов НППРФ, избранных на III съезде. – БД «ПартАрхив».

⁷³ Пресс-релиз НППРФ «НППРФ набрала 13,6% на выборах в Думу Таймырского автономного округа». 24 января 2005 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁴ Пресс-релиз НППРФ «На выборах в Рязанскую областную Думу Народная партия в блоке “За Рязанский край” набрала 10,1%». 22 марта 2005 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁵ Учредительный съезд Партии возрождения России. – Партиформ, № 37 (503), 11 сентября 2002 г.

⁷⁶ Учредительный съезд Российской партии жизни. – Партиформ, № 27 (493), 3 июля 2002 г.; Учредительный съезд Российской партии жизни. Пресс-релиз РПЖ (<http://rpvita.ru/activity/news/44.html>).

⁷⁷ Программа Партии возрождения России. Принята на учредительном съезде ПВР 7 сентября 2002 г. – БД «ПартАрхив».

⁷⁸ Политическое заявление учредительного съезда Российской партии жизни. 29 июня 2002 г. (<http://rpvita.ru/aboutus/offdocs/polstatement>).

⁷⁹ Политическая программа Российской партии жизни (<http://rpvita.ru/aboutus/offdocs/prodocs>).

⁸⁰ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

⁸¹ Пресс-релиз «Победа на Амуре» (<http://rpvita.ru/bigcountry/odvostok/ramur/3736.html>).

⁸² Пресс-релиз «Президиум Общенационального совета партии». 15 марта 2006 г. (<http://rpvita.ru/activity/news/4556.html>).

⁸³ Пресс-релиз «Предварительные итоги выборов». 9 октября 2006 г. (<http://www.rpvita.ru/activity/news/5233.html>).

⁸⁴ Пресс-релиз «Партийная фракция в Мосгордуме». 2 марта 2003 г. (http://rpvita.ru/for_print.phtml?id=3662).

⁸⁵ «В петербургском парламенте создана фракция “Партия жизни”» (<http://www.gosbalt.ru/2003/6/4/101641.html>).

⁸⁶ Пресс-релиз «Создана наша фракция в Карелии». 21 ноября 2005 г. (http://rpvita.ru/for_print.phtml?id=4338).

⁸⁷ Пресс-релиз «Наша фракция в Эл-Курултае». 26 мая 2006 г. (<http://rpvita.ru/raltai/3878.html>).

⁸⁸ Пресс-релиз «Ингушская фракция партии». 23 ноября 2005 г. (<http://rpvita.ru/ringush/4344.html>).

⁸⁹ Программа партии «СЛОН». Принята на учредительном съезде 16 ноября 2002 г. (http://www.slou-party.ru/ideology/pogr_doc/progr_full.html).

⁹⁰ Заседание Центрального совета «Яблока». 28–20 января 2001 г. – Партиформ, № 40 (454), 3 октября 2001 г.; Пресс-релиз «Общее собрание московских “яблочников”». 14 октября 2001 г. – БД «ПартАрхив».

⁹¹ Учредительный съезд партии «СЛОН». – Партиформ, № 47 (513), 20 ноября 2002 г.

⁹² Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

⁹³ Обращение В.Игрунова к членам Центрального совета партии «СЛОН», руководителям региональных организаций, активистам партии. 9 ноября 2005 г. (http://www.slou-party.ru/chronicles/news/last_news/1132064763.html).

⁹⁴ Пресс-релиз «Об учреждении общероссийского политического движения “Либеральная Россия”». – БД «ПартАрхив».

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Пресс-релиз «Либеральной России» «Фракция СПС лишилась четырёх депутатов». – Демократический выбор. Газета объединённых демократов. № 2 (286), 17–23 января 2002 г.

⁹⁷ Стенограмма II съезда «Либеральной России». – БД «ПартАрхив».

⁹⁸ Заявление сопредседателей партии «Либеральная Россия» Б.Золотухина, В.Похмелкина и С.Юшенкова в связи с высказываниями Б.Березовского. 7 октября 2002 г.; Обращение сопредседателей «Либеральной России» к членам партии в связи с исключением Б.Березовского из партии. 16 октября 2002 г. – БД «ПартАрхив».

⁹⁹ Съезд сторонников Б.Березовского – внеочередной съезд партии «Либеральная Россия». – Партиформ, № 50 (516), 11 декабря 2002 г.

¹⁰⁰ «В Москве убит депутат Юшенков» (<http://www.vesti.ru/news.html?id=30747&tid=14728>).

¹⁰¹ «Мосгорсуд огласил сроки заключения убийцам Юшенкова» (<http://www.ntv.ru/text/news/index.jsp?nid=42225>).

¹⁰² «Создан оргкомитет Объединённой социал-демократической партии России». – Партиформ, № 42 (456), 17 октября 2001 г.

¹⁰³ Учредительный съезд Социал-демократической партии России. – Партиформ, № 48 (462), 28 ноября 2001 г.

¹⁰⁴ Учредительный съезд СЕПР (ДН). – Партиформ, № 10 (476), 6 марта 2002 г.

- ¹⁰⁵ Учредительный съезд Социал-демократической партии России. – Партиформ, № 48 (462), 28 ноября 2001 г.
- ¹⁰⁶ Пресс-релиз «Итоги II съезда Социал-демократической партии России». 19 сентября 2003 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁰⁷ Пресс-релиз по итогам III съезда СДПР. 4 сентября 2004 г. – БД «ПартАрхив».
- ¹⁰⁸ Учредительный съезд Партии национального возрождения «Народная воля». – Бюллетень Левого информцентра, № 52 (519), декабрь 2001 г.
- ¹⁰⁹ Холодковский К.Г. Парламентские выборы 1999 г. и партийное структурирование российского общества. – Полис, 2000, № 2. С. 46.
- ¹¹⁰ Рябов В.В., Хаванов Е.И. Общественно-политические движения в новое и новейшее время... С. 245.
- ¹¹¹ Выступление председателя ЦИК РФ А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы. 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_u.htm).
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Постановление ЦИК РФ от 5 ноября 1999 г. № 38/465-3 «О результатах проведения жеребьёвки для размещения наименований избирательных объединений, избирательных блоков и данных о кандидатах, состоящих в федеральных списках кандидатов, в избирательном бюллетене по федеральному избирательному округу для голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва» (<http://www.fci.ru/way/6B63C8DE-C64A-4C76-A5A5-54128CBA777F/obj/5A7F70F2-D0B7-B76A-84EF-1A45937AB021.html>).
- ¹¹⁴ Постановление ЦИК РФ от 25 ноября 1999 г. № 51/637-3 «О федеральном списке кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутом избирательным объединением «Движение «Спас»» (http://www.rg.ru/oficial/doc/vybor_99/51_537_3.htm).
- ¹¹⁵ Постановление ЦИК РФ от 10 декабря 1999 г. № 59/718-3 «Об отмене регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутого избирательным объединением «Экологическая партия России «Кедр» (зелёные)» (<http://www.fci.ru/way/6B63C8DE-C64A-4C76-A5A5-54128CBA777F/obj/5A80E050-D0B7-B76A-84D0-D833819D5CF0.html>).
- ¹¹⁶ Подробнее о расстановке сил на выборах-99 и динамике избирательной кампании см. Корзунок Ю. *Избирательная кампания 1999 г. и перспективы развития российской многопартийности*. – *Полития*, № 4 (14), зима 1999/2000.
- ¹¹⁷ Общие итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по федеральному избирательному округу. – *Российская газета*, № 255 (2364), 31 декабря 1999 г. С. 18.
- ¹¹⁸ Выступление председателя ЦИК РФ А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы. 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_u.htm).
- ¹¹⁹ Там же.

- ¹²⁰ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы. 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).
- ¹²¹ Пресс-конференция Е.Паниной. – Партиформ, № 43 (353), 27 октября 1999 г.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 26 ноября 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s26-11_u.htm).
- ¹²⁴ Реплика С.Иваненко на пленарном заседании Госдумы. 26 ноября 1999 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 26 ноября 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s26-11_u.htm).
- ¹²⁵ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_d.htm).
- ¹²⁶ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).
- ¹²⁷ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_d.htm).
- ¹²⁸ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).
- ¹²⁹ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_d.htm).
- ¹³⁰ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).
- ¹³¹ Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_d.htm).
- ¹³² Сообщение В.Пашуто на пленарном заседании Госдумы 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).
- ¹³³ «Регионы России (СНД)» можно считать «наследницей» группы «Российские регионы» в Госдуме предыдущего созыва, с поправкой на большую идеологическую разношерстность. В РР(СНД), в частности, вошли некоторые бывшие члены «Народовластия» (А.Грешневиков, Г.Тихонов, Н.Безбородов), для которых переход в «Народный депутат» был неприемлем по причине подконтрольности НД президентской администрации. С другой стороны, в РР(СНД) состояли вполне либерально настроенные депутаты – В.Лысенко, А.Жуков, В.Буткеев (*Список членов депутатской группы «Регионы России (Союз независимых депутатов)»*). – БД «ПартАрхив».
- ¹³⁴ Выступление Г.Зюганова на пленарном заседании Госдумы. 18 января 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).

¹³⁵ Проект постановления «О председателях комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и председателе Мандатной комиссии Государственной Думы» (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s19-01_v.htm).

¹³⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s18-01_v.htm).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s19-01_v.htm).

¹⁴⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 26 января 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s26-01_u.htm).

¹⁴¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 февраля 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s09-02_u.htm).

¹⁴² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 11 февраля 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s11-02_u.htm).

¹⁴³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁴⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 февраля 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s16-02_u.htm).

¹⁴⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 марта 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s17-03_d.htm).

¹⁴⁶ Пресс-релиз «“Вся Россия” на президентских выборах поддержит Путина» (<http://www.lenta.ru/vybory/2000/01/05/primakov/allrussia.htm>).

¹⁴⁷ Е.Примаков в программе «Зеркало» (РТР). 6 февраля 2000 г. (<http://www.yabloko.ru/Publ/2000/TV/vybory-rtr-2.html>).

¹⁴⁸ Постановление III конференции Московского городского регионального отделения ОПОО «Отечество». 15 марта 2000 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁴⁹ Постановление X съезда Российского общенародного союза о досрочных выборах президента РФ и задачах РОС. 5 февраля 2000 г. – Бюллетень Левого информцентра, № 6 (421), февраль 2000 г.

¹⁵⁰ Пленум Центрального совета Аграрной партии России. 14 марта 2000 г. – Партиформ, № 11 (373), 15 марта 2000 г.

¹⁵¹ С.Кириенко в программе «Герой дня» (НТВ). 25 января 2000 г. – БД «ПартАрхив»; А.Чубайс в программе «Герой дня» (НТВ). 10 февраля 2000 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁵² Заседание Политсовета партии «Демократический выбор России». – Партиформ, № 13 (375), 29 марта 2000 г.

¹⁵³ Постановление VII (внеочередного) съезда «Свободных демократов России» «О поддержке кандидатуры в президенты Российской Федерации на выборах 26 марта 2000 г.». 6 февраля 2000 г. – БД «ПартАрхив»; Резолюция VIII съезда Общероссийского движения «Демократическая Россия» «О действиях в период президентской предвыборной кампании». 13 февраля 2000 г. – БД «ПартАрхив»; Постановление VII съезда КПП «О поддержке кандидата в президенты Российской Федерации Титова Константина Алексеевича на выборах 26 марта 2000 года». 20 февраля 2000 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁵⁴ IV (внеочередной) съезд Российской партии социальной демократии. – Партиформ, № 13 (375), 29 марта 2000 г.

¹⁵⁵ Заседание Координационного совета Союза правых сил. – Партиформ, № 11 (373), 15 марта 2000 г.

¹⁵⁶ Заявление КС Союза правых сил и фракции СПС в Государственной Думе. 14 марта 2000 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁵⁷ Заседание Политсовета Союза правых сил. – Партиформ, № 12 (374), 22 марта 2000 г.

¹⁵⁸ Постановление VI (внеочередного) съезда КППФ «О политических итогах выборов в Государственную Думу третьего созыва и задачах партийных организаций в избирательной кампании по выборам Президента России». 15 января 2000 г. – Правда России. Газета КППФ. № 3 (234), 26 января – 1 февраля 2000 г.

¹⁵⁹ XI (внеочередной) съезд ЛДПР. 6 января 2000 г. – Партиформ, № 2 (364), 12 января 2000 г.

¹⁶⁰ Резолюция Центрального совета объединения «Яблоко» «О политической ситуации в России и участии объединения “Яблоко” в президентских выборах». 16 января 2000 г. – Яблоко России, № 4 (96), 29 января 2000 г.

¹⁶¹ Подробнее о расстановке сил на президентских выборах 2000 г., участии в них партий и политических итогах голосования см. *Коргунок Ю.Г. Политические партии и движения России (вторая половина января – март 2000 г.). – Полития, 2000, № 1 (15).*

¹⁶² Выборы президента РФ 26 марта 2000 года. Итоги голосования (<http://www.fci.ru/way/326418/obj/202300.html>).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁶⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 мая 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s17-05_u.htm).

¹⁶⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 мая 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s17-05_d.htm).

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 апреля 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s14-04_d.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 21 апреля 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s21-04_d.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s07-06_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s09-06_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷⁴ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷⁵ Доклад А.Кудрина на пленарном заседании Госдумы. 6 октября 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 октября 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s06-10_u.htm).

¹⁷⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 октября 2000 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/932738?QueryID=3034651&HighlightQuery=3034651>).

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁷⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 октября 2000 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/932738?QueryID=3034651&HighlightQuery=3034651>).

¹⁸⁰ Выступление В.Похмелкина на пленарном заседании Госдумы. 15 июня 2001 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 июня 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-06_d.htm).

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 июня 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-06_d.htm).

¹⁸³ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁸⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 июля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s05-07_u.htm).

¹⁸⁵ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁸⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 января 1998 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s23-01_d.htm).

¹⁸⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 марта 1999 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1999/s09-03_v.htm).

¹⁸⁸ Выступление А.Котенкова на пленарном заседании Госдумы. 8 декабря 2000 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 8 декабря 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s08-12_d.htm).

¹⁸⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 8 декабря 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s08-12_u.htm).

¹⁹⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 8 декабря 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s08-12_d.htm).

¹⁹¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 31 мая 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s31-05_v.htm).

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Заседание фракции КПРФ. 22 июня 2002 г. – БД «ПартАрхив».

¹⁹⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s23-06_v.htm).

¹⁹⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 30 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s30-06_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁹⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 февраля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/02/s07-02_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

¹⁹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s23-06_v.htm).

²⁰⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 июня 2000 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/932738?QueryID=3034651&HighlightQuery=3034651>).

²⁰¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 23 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s23-06_v.htm); <http://www.cir.ru/docs/duma/302/932738?QueryID=3034651&HighlightQuery=3034651>).

²⁰² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 марта 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/03/s14-03_u.htm).

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 марта 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/03/s14-03_d.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

²⁰⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 июня 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/1998/s15-06_d.htm).

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 7 июня 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s07-06_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

²¹¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 октября 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s06-10_v.htm).

²¹² Там же.

²¹³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 6 октября 2000 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/932738?QueryID=3034651&HighlightQuery=3034651>).

²¹⁴ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

²¹⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 октября 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s20-10_d.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Отчётный документ «Итоги работы фракции “Отечество – Вся Россия” в Государственной Думе в 2000 году». 25 декабря 2000 г. – БД «ПартАрхив».

²¹⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 марта 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/03/s14-03_u.htm).

²¹⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 14 марта 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/03/s14-03_d.htm).

²²⁰ Там же.

- ²²¹ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²²² Заявление о создании Координационного совета центристских сил. 17 апреля 2001 г. – БД «ПартАрхив».
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Пресс-релиз фракции ОВР «В Госдуме создан Координационный совет четырёх центристских депутатских объединений». 17 апреля 2001 г. – БД «ПартАрхив».
- ²²⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 ноября 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s29-11_u.htm).
- ²²⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 ноября 2000 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2000/s29-11_v.htm); Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²²⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 июля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/07/s05-07_u.htm).
- ²²⁸ Выступление В.Сайкина на пленарном заседании Госдумы. 5 июля 2001 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 июля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/07/s05-07_v.htm).
- ²²⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 5 июля 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/07/s05-07_u.htm).
- ²³⁰ Пресс-релиз фракции ОВР «15 сентября пройдёт встреча вице-преьера, министра финансов Алексея Кудрина с членами фракции «Отечество – Вся Россия». 14 сентября 2001 г. – БД «ПартАрхив».
- ²³¹ Пресс-релиз фракции ОВР «Фракция «Отечество – Вся Россия» солидарно проголосует за принятие в первом чтении проекта бюджета на 2002 год». 22 сентября 2001 г. – БД «ПартАрхив».
- ²³² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 28 сентября 2001 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/09/s28-09_d.htm).
- ²³³ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²³⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 марта 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/03/s20-03_d.htm).
- ²³⁵ Там же.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Там же.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁴⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 2 апреля 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/04/s03-04_d.htm).
- ²⁴¹ Там же.
- ²⁴² Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁴³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 3 апреля 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/04/s03-04_d.htm).
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Там же.

- ²⁴⁶ Постановление 7-го пленума ЦК КПРФ «О ситуации, сложившейся в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации». П-7/1 от 10 апреля 2002 г. – БД «ПартАрхив».
- ²⁴⁷ «Селезнёв заявляет, что на посту председателя Госдумы не может представлять интересы какой-либо одной партии». – ИА «Интерфакс». 11.04.2002 14:01:00.
- ²⁴⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 22 мая 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/05/s22-05_d.htm).
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Информационное сообщение «О работе 8-го (внеочередного) пленума ЦК КПРФ». 25 апреля 2002 г. – БД «ПартАрхив».
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Выступление А.Фомина на пленарном заседании Госдумы. 16 мая 2002 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 мая 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/05/s16-05_d.htm).
- ²⁵³ Выступление Н.Харитонов на пленарном заседании Госдумы. 16 мая 2002 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 мая 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/05/s16-05_d.htm).
- ²⁵⁴ Выступления А.Михалёва и Д.Аратского на пленарном заседании Госдумы. 16 мая 2002 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 мая 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/05/s16-05_d.htm).
- ²⁵⁵ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁵⁶ Выступление А.Фомина на пленарном заседании Госдумы. 16 мая 2002 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 мая 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/05/s16-05_d.htm).
- ²⁵⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 9 октября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/10/s09-10_v.htm).
- ²⁵⁸ Там же; Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁵⁹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁶⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 27 ноября 2002 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/1736405?QueryID=3082268&HighlightQuery=3082268>).
- ²⁶¹ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁶² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 27 ноября 2002 г. (<http://www.cir.ru/docs/duma/302/1736405?QueryID=3082268&HighlightQuery=3082268>).
- ²⁶³ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 27 ноября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/11/s29-11_d.htm).
- ²⁶⁴ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁶⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 17 апреля 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/04/s17-04_v.htm).
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».
- ²⁶⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 28 июня 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/06/s28-06_u.htm).

- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Там же.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ Обращение инициативной группы КППФ по проведению референдума. 14 сентября 2002 г. – БД «ПартАрхив».
- ²⁷⁴ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 сентября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/09/s18-06_d.htm).
- ²⁷⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 сентября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/09/s18-06_v.htm).
- ²⁷⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 сентября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/09/s20-06_d.htm).
- ²⁷⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 20 сентября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/09/s20-06_v.htm).
- ²⁷⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 25 октября 2002 г. (http://www.akdi.u/gd/PLEN_Z/2002/10/s25-10_d.htm).
- ²⁷⁹ Там же.
- ²⁸⁰ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 15 ноября 2002 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2002/11/s15-11_v.htm).
- ²⁸¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 21 марта 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/03/s21-03_v.htm).
- ²⁸² Стенограмма пленарного заседания Госдумы 25 апреля 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/04/s25-04_u.htm).
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 сентября 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/09/s19-09_v.htm).
- ²⁸⁶ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0». Подробнее о расстановке сил по проекту закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» см. *Коргунок Ю.Г. Политические партии России и проблемы местного самоуправления. – Политика, 2003–2004, № 4 (31).*
- ²⁸⁷ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 ноября 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/11/s18-11_v.htm).
- ²⁸⁸ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 18 июня 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/06/s18-06_v.htm).
- ²⁸⁹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 19 сентября 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/09/s19-09_v.htm).
- ²⁹⁰ «Фракция “Отечество – Вся Россия” переименована» (<http://www.vesti.ru/news.html?id=38631&sid=5>).
- ²⁹¹ Депутатская фракция «Единство – Единая Россия»: «Мы сохранили родовой бренд» (<http://www.er.ru/news.html?id=5140>).
- ²⁹² Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы ФС РФ четвертого созыва, выдвинутый КППФ. Приложение к протоколу съезда КППФ от 6 сентября 2003 г. (<http://gd2003.cikrf.ru/188sp>).

- ²⁹³ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов ГД ФС РФ четвертого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Постановление научно-практической конференции народно-патриотических сил России «От противостояния – к социальной ответственности». 20 мая 2003 г. (<http://www.atvr.ru/last/s110>).
- ²⁹⁶ Проект Соглашения о совместной деятельности народно-патриотических сил. – БД «ПартАрхив».
- ²⁹⁷ Постановление 12-го пленума ЦК КППФ «Об активизации организаторской и политической работы партии по защите интересов трудового народа в избирательных кампаниях 2003–2004 гг.». 27 июня 2003 г. – Советская Россия, № 70 (12413), 1 июля 2003 г.
- ²⁹⁸ Позже эти четыре партии покинули блок и приняли участие в выборах либо самостоятельно, либо в составе других блоков.
- ²⁹⁹ Пресс-релиз Конгресса русских общин «Соглашение о совместной деятельности народно-патриотических сил подписали 16 партий, движений и объединений». 24 августа 2003 г. – БД «ПартАрхив».
- ³⁰⁰ «Создан избирательный блок “Родина – НПС”». – Партинформ, № 37 (555), 17 сентября 2003 г.
- ³⁰¹ Там же.
- ³⁰² Д.Рогозин: «“Единая Россия” обладает огромным внутренним потенциалом». 27 февраля 2003 г. (<http://www.er.ru/news.html?id=2356>).
- ³⁰³ «Создан избирательный блок “Родина – НПС”»...
- ³⁰⁴ Д.Рогозин: «Спецназ президента распушен». 21 февраля 2005 г. (<http://www.rodina-duma.ru/news/more/?id=1002>).
- ³⁰⁵ Список политических партий, обладающих правом принимать участие в выборах депутатов Госдумы четвертого созыва (http://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/none/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/41766493.html); Список общероссийских общественных объединений, обладающих правом принимать участие в выборах депутатов Госдумы четвертого созыва (http://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/none/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/41765493.html).
- ³⁰⁶ Политические партии и избирательные блоки, зарегистрировавшие федеральные списки кандидатов в депутаты (http://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/none/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/76795635.html).
- ³⁰⁷ Об участии партий в думской кампании 2003 г. см. *Коргунок Ю.Г. Политические партии на федеральных выборах 2003–2004 годов/Интернет-мониторинг выборов-2003–2004 в России. Гражданская инициатива проекта «Информатика для демократии – 2000+». Итоговые материалы. Т.2. Проблемы российских выборов. – М.: Фонд «ИНДЕМ», 2004.*
- ³⁰⁸ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов ГД ФС РФ по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

³⁰⁹ Выступление председателя ЦИК РФ А.Вешнякова на пленарном заседании Госдумы. 29 декабря 2003 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_u.htm).

³¹⁰ Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов ГД ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

³¹¹ Выступление А.Вешнякова на заседании ГД. 29 декабря 2003 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_u.htm).

³¹² Протокол ЦИК РФ о результатах выборов депутатов ГД ФС РФ четвёртого созыва по федеральному избирательному округу... (<http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124>).

³¹³ Там же.

³¹⁴ Сообщение О.Ковалёва на пленарном заседании Госдумы. 29 декабря 2003 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_v.htm).

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 29 декабря 2003 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2003/12/s29-12_v.htm).

³¹⁷ Информационно-аналитическая система «Индем-Статистика 2.0».

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

³²¹ Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 января 2004 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2004/01/s16-01_v.htm).

³²² Выступление С.Бабурина на пленарном заседании Госдумы. 16 января 2004 г. – Стенограмма пленарного заседания Госдумы 16 января 2004 г. (http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2004/01/s16-01_v.htm).

³²³ Итоги голосования по выборам кандидата в президенты на втором этапе IX съезда КПРФ. – Правда столицы. Орган МГО КПРФ, № 1 (30), январь 2004 г.

³²⁴ Постановление XII съезда РДП «Яблоко». 21 декабря 2003 г. (<http://www.yabloko.ru/Press/Docs/2003/1221-prez.html>).

³²⁵ Письмо И.Хакамады соратникам и доброжелательным критикам. 23 января 2004 г. (<http://www.hakamada.ru/Statement/2004/NewsItem.2004.01.22.2139?year:int=2006&C=&month:int=3>).

³²⁶ V съезд СПС. – Партинформ, № 4 (574), 28 января 2004 г.

³²⁷ XV съезд ЛДПР. 26 декабря 2003 г. – Партинформ, № 1 (571), 8 января 2004 г.

³²⁸ Протокол заседания Высшего совета блока «Родина». 30 декабря 2003 г. – БД «ПартАрхив».

³²⁹ Пресс-релиз «В интернете распространяется подложный протокол заседания Высшего совета блока “Родина” от 30.12.03». 13 февраля 2004 г. (<http://www.rodina-duma.ru/news/more/?id=206>).

³³⁰ Постановление ЦИК РФ от 22 января 2004 г. № 80/679-4 г. «Об отказе в регистрации кандидата на должность президента Российской Федерации В.В.Герашенко, выдвинутого политической партией “Партия российских регионов”». – Российская газета, № 3389, 27 января 2004 г. (<http://www.rg.ru/2004/01/27/registratsia-doc.html>).

³³¹ Д.Рогозин в эфире радиостанции «Эхо Москвы». 2 февраля 2004 г. (<http://www.echo.msk.ru/interview/24656>).

³³² Пресс-релиз «Сергей Глазьев смещён с поста руководителя фракции». 4 марта 2004 г. (<http://www.rodina-duma.ru/news/more/?id=82>).

³³³ С.Мионов в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 11 марта 2004 г. (<http://www.echo.msk.ru/interview/25019>).

³³⁴ Постановление ЦИК РФ от 2 февраля 2004 года № 82/697-4 о регистрации В.В.Путина кандидатом на должность президента РФ. – Парламентская газета, № 21 (1393), 5 февраля 2004 г. (<http://www.pnp.ru/archive/13930117.html>).

³³⁵ О расстановке политических сил и позициях партий на президентских выборах 2004 г. см. *Коргунок Ю.Г. Политические партии на федеральных выборах 2003–2004 годов...*

³³⁶ Протокол Центральной избирательной комиссии РФ о результатах выборов президента РФ 14 марта 2004 г. (<http://pr2004.cikrf.ru/way/76808864>).

³³⁷ Там же.

К послесловию

¹ Тихонова Н.Е. Куда ведёт коридор? (О социальной политике с позиции общественного мнения). – *Общественные науки и современность*, 2006, № 5. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Седов Л.А. О чём вещают голоса избирателей? – *Общественные науки и современность*, 2004, № 5. С. 67.

Научное издание

Коргунюк Юрий Григорьевич

**СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Литературный редактор и корректор М.М.Дунаева

Подписано в печать 25.05.07.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,8.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Галлея-Принт»
111024, г.Москва, ул. 5-я Кабельная, 2Б,
тел. (495) 673-57-85